

ҰЛЫ ДАЛАНЫҢ САЛТ АТТЫЛАРЫ:
дәстүрлер мен үндестіктер



Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының
Астана қаласындағы филиалы

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана

**Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институтының
Астана қаласындағы филиалының
ЕҢБЕКТЕРІ**

**ҰЛЫ ДАЛАНЫҢ САЛТ АТТЫЛАРЫ:
дәстүрлер мен үндестіктер**

**ВСАДНИКИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ:
традиции и новации**

**ТРУДЫ
филиала Института археологии
им. А.Х. Маргулана в г. Астана**

ТОМ IV



Астана 2014

ӘОЖ 902/904
КБК 63.4
746

Редколлегия:

А. Онгар (научный редактор), Б.М. Хасенова (ответственный секретарь),
А.Б. Айдарбекова

746 Ұлы даланың салт аттылары: дәстүрлер мен үндестіктер. – Всадники
Великой степи: традиции и новации.
Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана.
Всадники Великой степи: традиции и новации. – Астана: Издательская
группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. – 352 с. – қазақша, орысша.

ISBN 978-601-7106-19-5

Жинақ Қазақстан мен оған көршілес өлкелердегі далалық зерттеулер нәтижелерін ғылыми айналымға енгізетін мақалалардан тұрады, сонымен қатар ерте темір дәуіріндегі Евразия даласын мекен еткен тұрғындардың заттай және рухани мәдениеттерін зерттеудің нәтижелері де жарияланып отыр. Мақалалар жинағының жеке тарауы археология саласындағы пәнаралық зерттеулерге арналған.

Сборник содержит статьи, вводящие в научный оборот материалы полевых исследований на территории Казахстана и соседних регионов, а также посвященные результатам исследования материальной и духовной культуры населения Евразийских степей эпохи раннего железного века. Отдельный раздел сборника посвящен возможностям междисциплинарных исследований в области археологии.

ӘОЖ 902/904
КБК 63.4

ISBN 978-601-7106-19-5

© Филиал Института археологии
им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014



ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
------------------	---

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Демиденко С.В. Новые исследования памятников ранних кочевников в низовьях Торгуна и Еруслана.....	8
Онгар А., Айткали А.К., Ахметов М.Г. Предварительные результаты исследования памятников тасмолинской культуры у села Тортуй	21
Онгар А., Киясбек Г., Хасенова Б., Бесетаев Б., Кожаметов Б. Новые результаты исследования погребально-поминального комплекса Каркара (по материалам раскопок 2012–2014 гг.)	29
Төлеубаев Ә.Т., Үмітқалиев Ұ.Ұ. Шығыс Қазақстан жеріндегі сақ дәуірінің Қарашоқы I қонысы	58
Чотбаев А., Онгар А. Некрополь Катартобе – памятник кочевой элиты Восточного Жетысу	63
Яблонский Л.Т. Курган-святилище могильника Филипповка 2 (предварительное сообщение)	88

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ВСАДНИКОВ ЕВРАЗИИ

Айткали А.К. О связях населения Восточного Казахстана с Жетысу в конце I тыс. до н.э.	94
Бедельбаева М.В. Генезис кочевничества и сложение хозяйственных основ номадизма (вопросы историографии)	98
Гуо Ву Еуразия даласының шығысындағы археологиялық олжалар және ерте скиф тарихы мен мәдениетінің мәселелері	109
Дарменов Р.Т. К истолкованию погребального обряда на могильниках чирикратской культуры	124
Дуйсенгали М.Н. Погребальный обряд ранних кочевников Западного Казахстана	135
Жунисханов А. Погребальный обряд населения Восточного Казахстана раннесакского времени.....	139
Иванов С.С., Бообек уулу Б. Новый клад раннесакского времени из Кочкорской долины (Центральный Тянь-Шань)	143
Лукпанова Я.А. Комплекты конского снаряжения кургана № 6 комплекса Таксай 1 (предварительный обзор)	149
Мамедов А.М. Подбойные могилы ранних кочевников Южного Приуралья конца VI–V вв. до н.э.	160

Махортых С.В. Конское снаряжение всадников Предкавказья и Украинской лесостепи в VII–VI вв. до н.э.....	174
Миняев С.С. Сюннуский археологический комплекс: проблемы хронологии	188
Мурзин В.Ю., Шлайфер В.Г. Луки из собрания Запорожского музея истории оружия.....	198
Омаров Ғ. Шығыс Қазақстанның ерте сақ заманының «аң стилі»	202
Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Конь и светильник (к интерпретации «конского погребения» из Бабаджан-тепе III)	209
Сеитов А.М. О деталях конской упряжи (по материалам клада Каинды из Торгая).....	219
Сейткалиев М.К. Кинжал из разрушенного погребения в Северо-Восточном Прикаспии	226
Тажекеев А.А., Курманкулов Ж. Типы погребальных сооружений и вопросы их генезиса (чирикратская культура).....	236
Шульга П.И. Конское снаряжение VIII–V вв. до н.э. в восточной части Евразии.....	248
Ягодин В.Н. Арало-Каспийское междуморье в первые века нашей эры.....	264
Ярыгин С.А. Функциональное назначение бронзового ножа из погребения кургана 1 могильника Шагала IV и одна этнографическая черта тасмолинских племен.....	279

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аникеева О.В. Наборы бус из ранне сарматских погребений могильника Филипповка 2.....	290
Гайдученко Л.Л. Семь тысячелетий истории казахской лошади.....	300
Дергачева М.И., Варфоломеев В.В. Почвенно-археологическое исследование могильника Тегисжол.....	310
Калиева Ж.С. Техно-технологический анализ керамических коллекций из памятников раннего железного века Восточного Казахстана	316
Косинцев П.А., Бачура О.П. Фауна млекопитающих из святилища Акпан на Устюрте.....	320
Краева Л.А. Технология керамики как источник информации по истории сарматов.....	329
Мыльников В.П. Реконструкция деревянных седельных украшений сбруи коня из кургана 3 могильника скифского времени Пазырык.....	342
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	348
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	350





Тенденцией и хорошей традицией последнего времени в отечественной науке стала публикация результатов работы по грантам в виде сборников статей, где могут развернуто представить свои размышления специалисты по конкретной тематике, в связи с чем можно будет надеяться, что таким образом будут сделаны определенные выводы в изучении прошлого и в то же время сформулированы новые вопросы, чья очередь теперь ждать своего часа.

«Степная земля бесконечна как время», так емко выразил мироощущение кочевников воин-поэт XVI в. Казтуган-жырау. И, преодолевая расстояния и время, теперь уже исследователями древности очерчиваются контуры истории Великой степи.

В сборник вошли статьи, вводящие в научный оборот новые результаты археологических исследований последних лет, а также посвященные различным аспектам реконструкции материальной и духовной культуры населения степной Евразии эпохи раннего железного века. Основным направлением для авторов стал анализ погребального обряда, также целый блок статей, что вполне естественно, учитывая ярко выраженную милитаризованную направленность степного общества эпохи раннего железного века, посвящен вооружению и конскому снаряжению (здесь мы оставили за авторами право обозначать окончания удила в виде стремени, упоминаемые во многих статьях, по-своему, и на страницах сборника вы увидите такие их обозначения, как «стремячкovidные», «стремечкovidные» или «стремявидные»). Отдельным разделом представлены междисциплинарные исследования, ставшие настоящим трендом в науке в последнее время.

Представленный вашему вниманию сборник статей является одним из результатов деятельности филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в рамках гранта «Всадники Великой степи: традиции и новации». В 2012–2014 гг. коллективом филиала была выполнена работа по следующим направлениям: 1) Полевые археологические исследования. Были исследованы нижеследующие объекты в разных регионах Казахстана: юго-западная, юго-восточная и северо-восточная часть околокурганного пространства (объекты №№ 1–34) погребально-поминального комплекса Каркара; курган № 2 группы 1 и курган № 1 группы 4 некрополя Катартобе; околокурганное пространство (объекты №№ 4–8) и частично насыпь большого кургана № 1 могильника Тортоба; курган Тортуй 8; курганы № 1 и № 2 могильника Тортуй 3. 2) Теоретическая реконструкция некоторых сторон материальной культуры населения Казахстана эпохи раннего железного века. Были проанализированы военное дело, конское снаряжение, погребальный обряд древних всадников Приаралья, Устюрта, Южного Приуралья, Торгая, Казахского Алтая и Жетысу. 3) Антропологическое изучение населения Казахстана эпохи раннего железного века. Собраны, систематизированы и проанализированы краниологические, остеометрические, палеопатологические и одонтологические данные с территории Казахстана и сопредельных территорий. 4) Техно-технологический анализ керамических комплексов раннего железного века Жетысу, Восточного и Западного Казахстана. 5) Археозоологическое исследование костных останков животных из памятников скифо-сакской эпохи (святилище Акпан, курганы Тортоба, Берел и др.). Исполнителями темы проекта подготовлены и изданы книга-альбом А. Чотбаева «Вооружение и военное дело древних кочевников Казахстана», монография Е.П. Китова, А.М. Мамедова «Кочевое население раннего железного века Западного Казахстана», также сборник статей «Труды Филиала института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Том. 2».

Мы благодарны нашим коллегам, поддержавшим инициативу создать этот сборник, публикации, вошедшие в него, позволяют всем нам вновь ощутить дыхание степного ветра Великой степи.

С уважением,
редакционная группа сборника





ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Демиденко С.В.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ В НИЗОВЬЯХ ТОРГУНА И ЕРУСЛАНА

В 2009–2011 гг. совместная экспедиция Института археологии РАН и ГБУК «Областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры Волгоградской области» проводила исследование нижнего течения рек Торгун и Солянка при их впадении в рукав Волгоградского водохранилища (нижнее течение р. Еруслан). Данный микрорегион, расположенный на стыке Старополтавского, Палласовского и Николаевского районов Волгоградской области, из-за своей удаленности от основных мест жизнедеятельности человека представляет собой своеобразное белое пятно на археологической карте степного Заволжья. Реки Торгун и Солянка, впадая в р. Еруслан, ограничивают с юго-запада и северо-востока небольшой плоский водораздел, несколько возвышающийся над окружающей местностью. Здесь в результате разведочных работ в 2009 г. были обнаружены три крупных курганных могильника: Торгунский I (11 курганов), Торгунский II (21 курган) и Торгунский III (18 курганов) (Демиденко, 2009).

Археологические раскопки начали производить на могильнике Торгунский I, расположенном на территории Старополтавского района Волгоградской области в 4,5 км к ЮЮЗ от пос. Меловой и в 5,4 км к ССЗ от пос. Торгунский Николаевского района Волгоградской области. Были раскопаны курганы 1–4.

Все насыпи имели округлую в плане форму, были хорошо задернованы, без признаков намеренного повреждения. Ровики вокруг них не прослеживались.

Структура всех насыпей была примерно одинаковой. Под слоем современного дерна, состоящего из плотной серой супеси, лежал слой насыпи из плотной коричневой супеси. Как правило, в центральной части кургана, под которой и располагались погребения, слой насыпи был перемешан с включениями кусков красно-коричневой суглинистой погребенной почвы и плотного серо-коричневого материкового суглинка, составлявшими засыпь могильной ямы. По краям слой насыпи подстилался тонкой прослойкой светло-серой супеси погребенного дерна, лежавшего непосредственно на красно-коричневом плотном суглинистом слое погребенной почвы. Ниже располагался материк – плотный светло-коричневый суглинок с белыми вкраплениями солей.

Курган 1. Диаметр 12 м, высота 0,3 м.

Погребение 1. Обнаружено в центре кургана на глубине -0,75 м от 0. Могильная яма подквадратной формы была ориентирована длинными осями по линии СЗ–ЮВ а углами – по сторонам света с небольшим отклонением. Размер по верхнему краю 2,1×2 м, размер по дну 2×1,95 м, глубина -1,4 м от 0. На дне ямы по диагонали, вытянуто на спине, головой на ЮЮВ лежал скелет женщины 45–55 лет очень плохой сохранности. Череп лежал на правой стороне. Лучевые и локтевые кости не сохранились. Остатки плечевых костей слегка разведены в стороны от корпуса. Кости ног вытянуты. Скелет покоился на плотной черной органической «подстилке» (?) и частично был перекрыт ею. Границы подстилки прослежены по дну – 1,25×1,9 м (рис. 1).

Инвентарь

1. Кружка глиняная станковой работы стояла за головой погребенной. Имеет грушевидное тулово, высокую горловину, плавно переходящую в воронковидный венчик. Максимальный диаметр располагается в нижней трети тулова. Дно плоское. Сосуд имел петлевидную ручку (обломана в древности). На тулове сосуда сохранились следы вертикального лощения. На горловине – следы горизонтального лощения в виде узких параллельных полосок. Тесто в изломе светло-серое с мелкими включениями песка и слюды (?). Диаметр венчика 10 см, диаметр дна 7 см, диаметр тулова максимальный – 13,8 см, высота 13,2 см (рис. 2, 1).

2. Пряслице глиняное округлой формы обнаружено в 5 см от остатков правой плечевой кости. Диаметр 3 см, диаметр отверстия 0,5 см (рис. 2, 2).

3. Набор бус (23 шт.) находился между черепом и левой ключицей погребенной (рис. 3):

– фаянсовые подвески в виде сдвоенных цилиндров с петелькой для подвешивания на одном конце, восьмерковидные в сечении, 2,1×1 см (7 шт.). Из них бирюзового цвета пять штук, светло-зеленого – две штуки (рис. 3, 1);

– бусы округло-цилиндрические стеклянные с внутренней позолотой, 0,7–0,6×0,6 см (6 шт.) (рис. 3, 2);

– округлые небольшие бусины из египетского фаянса светло-голубого цвета, патинизированы, 0,8×0,5 см (6 шт.) (рис. 3, 3);

– крупная сферическая бусина из египетского фаянса, диаметр 0,5 см (1 шт.) (рис. 3, 4);

– стеклянная цилиндрическая бусина синего цвета с тремя рядами шаровидных выпуклостей, 0,9×0,5 см (1 шт.) (рис. 3, 5);

– цилиндрическая бусина, сильно патинизирована, один конец отколот, 1,2×0,6 см (1 шт.) (рис. 3, 6);

– скарабей из египетского фаянса светло-зеленого цвета, 1,4×1 см (1 шт.). Изображение скарабея помещено на овальной плакетке, на обратной стороне которой по краю проходит бороздка, а в центре помещен знак в виде стилизованного изображения птицы (?). Канал отверстия имеет продольное направление (рис. 3, 7).

4. Фибула бронзовая лучковая подвязная с верхней тетивой найдена на левой лопатке погребенной. Спинка слабо изогнута, круглая в сечении. Приемник сильно изогнут. Длина 4,1 см (рис. 2, 4).

5. Фрагмент окаменелого дерева найден в районе левого локтя рядом с пятном вещества желтого цвета (сера?). Длина 4,3 см, ширина в верхней части 1,4 см, ширина в нижней части 0,5 см (рис. 2, 6).

6. Пряслице цилиндрическое обнаружено у левого бедра погребенной. Изготовлено из ископаемой кости (?). Размер 3,8×3 см, размер отверстия 0,7×0,6 см (рис. 2, 3).

У правого колена погребенной было обнаружено скопление предметов, находившихся на берестяном блюде (рис. 1).

7. Меловой предмет, форма округлая. Одна сторона плоская, размер 2,3×2 см, в ней имеется недосверленное отверстие, его диаметр 0,4 см, глубина 0,8 см (рис. 2, 7).

8. Костяной предмет неясного назначения, в сечении плоский, размер 2,7×2,4 см (рис. 4, 6).

9. Кусочек смоловидного вещества неправильно овальной формы, размер 2,8×2,5 см (рис. 4, 7).

10. Оселок каменный плоский с отверстием для подвешивания. Длина 12,4 см, ширина 2,4 см. Отверстие сверлилось с двух сторон. Диаметр отверстия с внешних сторон 0,5 см (рис. 4, 4).

11. Зеркало бронзовое плоское дисковидное было обнаружено в двух крупных фрагментах. Край диска слегка утолщен, в центре прослеживается небольшое утолщение, которое, вероятно, является результатом коррозии. Реконструируемый диаметр 10 см (рис. 4, 2).

12. Кусочек смоловидного вещества дисковидной формы, диаметр 1,5 см (рис. 4, 5).

13. Берестяное «блюдо». Изготовлено из двух слоев узких берестяных полосок, сложенных крест-накрест друг на друга и прошитых по краю. Реконструируемый диаметр 22,5 см (рис. 4, 1).



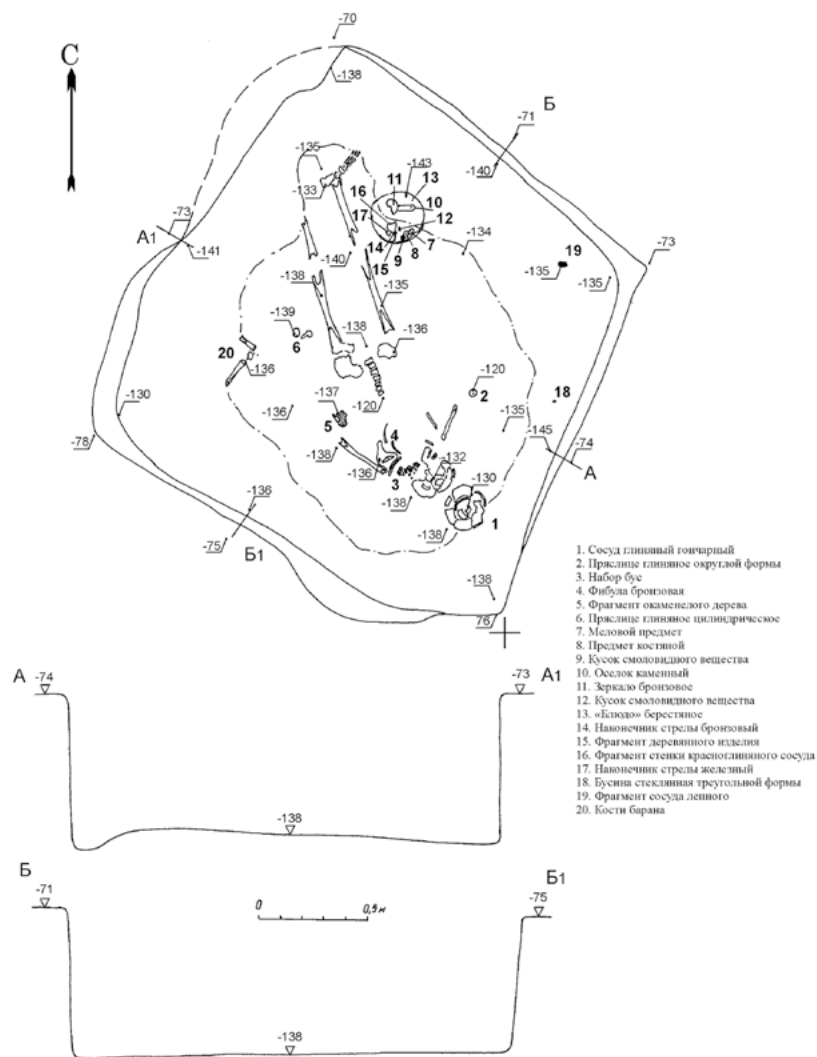


Рис. 1. Торгу́нский I, к. 1, п. 1. План и разрезы

14. Наконечник стрелы бронзовый трехлопастной, втулка обломана. Концы лопастей обломаны. Грани лопастей хорошо отполированы. Размер 2,3×0,8 см; диаметр сохранившегося отверстия втулки 0,3 см (рис. 4, 8).

15. Фрагмент деревянного изделия, треугольный в сечении. Концы заострены. Длина 4,5 см (рис. 4, 5).

16. Фрагмент стенки красноглиняного сосуда. Форма неправильная, подтрапециевидная. Внешняя поверхность отслоилась. На внутренней поверхности – следы горизонтального заглаживания. Тесто хорошо отмучено, примесь – очень мелкий песок и слюда. Размер 3,5×3 см (рис. 4, 10).

17. Трехлопастной черешковый железный наконечник стрелы. Черешок обломан в древности, прикипел к одной из лопастей стрелы. На одной стороне сохранились волокна окислившейся ткани. Длина головки 3,8 см, длина черешка 3,4 см (рис. 4, 9).

18. Стеклянная многоцветная подвеска треугольной формы обнаружена в засыпи у юго-восточной стенки могилы. Корпус подвески разделен тремя белыми линиями на четыре части. Верхняя и нижняя части изготовлены из стекла желтого цвета,

средняя часть – из темно-синего или темно-зеленого стекла. В верхней части – отверстие для подвешивания. Размер 2×1,5 см (рис. 3, 8).

19. Фрагмент придонной части сосуда коричневого цвета найден в засыпи в восточном углу могильной ямы. Тесто в изломе черное с примесью очень мелкого песка. Размер 4×2 см (рис. 4, 3).

20. Кости мелкого рогатого скота лежали на дне ямы в 35 см к западу от левой бедренной кости погребенной.

Курган 2. Находится в 33 м к юго-востоку от кургана 1. Диаметр 12 м, высота 0,41 м.

Погребение 1. Обнаружено непосредственно в центре кургана на глубине от -0,47 до -0,5 м от 0. Могильная яма неровной подпрямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ. Размер 2,37×1,5 м (рис. 5, 1).

По периметру ямы были оставлены заплечики шириной 0,25–0,35 м на глубине в западной части -0,8 м, в восточной части -0,84 м, в северной части -0,7 м и в южной части -0,79 м. Сама же яма приобрела четкие прямоугольные очертания со слабо закругленными углами и была ориентирована по диагонали «входной» ямы длинной осью по линии север-юг. Дно располагалось на глубине -1,46 м.

В засыпи могилы встречались мелкие разрозненные кости человеческого скелета очень плохой сохранности, однако сам костяк не был обнаружен, так как оказался разрушен лисьей норой, остатки которой находились в юго-западном углу могильной ямы, углубленной в материк до -1,58 м.

Инвентарь

1. Фрагмент бронзового зеркала с валиком по краю диска найден в засыпи южной части могильной ямы. Размер сохранившейся части 10,7×3,2 см, ширина валика 1,7 см. Реконструируемый диаметр 11,5 см (рис. 5, 2).

2. Фрагмент лезвия железного ножа подтреугольного в сечении найден в засыпи центральной части могильной ямы. Длина 6 см, ширина 1,2 см (рис. 5, 3).

3. Чернолощеный кувшин станковой работы с биконическим туловом, отогнутым наружу венчиком и петлевидной ручкой обнаружен в 0,65 м к югу от северной стенки и в 0,2 м от восточной стенки могильной ямы. Тесто хорошо отмученное, в изломе светлое, серо-коричневое с примесью мелких блесток кварцевого песка и мелких белых включений извести (?). Горловина отделена от тулова узким горизонтальным желобком. По всей поверхности тулова проходят следы горизонтального лощения; в верхней части тулова, диаметрально противоположно ручке, они перекрываются следами вертикального лощения. Ручка имеет на внешней стороне небольшой желобок шириной 1,2 см. Дно слегка вогнутое. Диаметр венчика 9,3 см, диаметр дна 6,5 см, диаметр тулова максимальный – 13,3 см, высота сосуда 12,3 см, высота ручки 5 см (рис. 5, 4).

Курган 3. Находился в 68 м к ЮЮВ от кургана 2. Размер насыпи 20×22 м, высота 0,6 м.

Погребение 1. Могильная яма обнаружена непосредственно в центре кургана на глубине -0,55 м от 0. Широкая подквадратная яма с сильно закругленными углами была ориентирована длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. Размер по верхнему контуру 2,45×2,28 м, размер по нижнему контуру 2,1×1,99 м. Глубина -1,37 м от 0.

На дне могилы вытянуто на спине, головой на юго-запад по диагонали располагался скелет взрослого человека очень плохой сохранности. Кости правой руки, кисти обеих рук, стопы обеих ног не сохранились. Кости левой руки были вытянуты вдоль туловища, череп покоился на затылочных костях, кости ног располагались параллельно друг другу. Под костяком прослежен черный органический тлен, покрытый меловой посыпкой (рис. 6, 1).

Инвентарь

1. Короткий железный меч с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием лежал вдоль правой бедренной кости погребенного. На лезвии меча сохранились остатки деревянных ножен. Лезвие в сечении линзовидное, длина 50 см, ширина у перекрестья 5 см; перекрестье в сечении ромбовидное, длина 7,6 см; рукоять в сечении прямоугольная, длина 9 см, ширина 2,4 см; размер кольцевого навершия 6×5,2 см; общая длина меча 64,2 см (рис. 6, 2).

2. Дисквидная бусина из прозрачного ярко-синего стекла была обнаружена у острия лезвия меча. Диаметр 0,8 см, диаметр отверстия 0,3 см (рис. 6, 3).



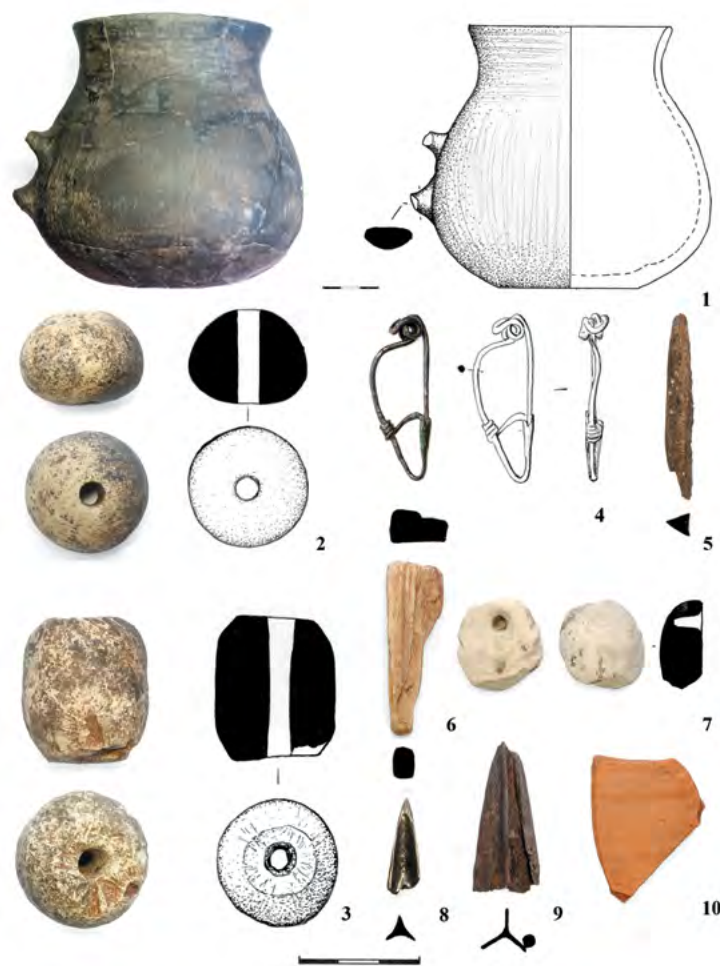


Рис. 2. Торжунский I, к. 1, п. 1. 1 – серолощенная глиняная кружка; 2 – глиняное пряслице; 3 – цилиндрическое пряслице; 4 – бронзовая фибула; 5 – фрагмент деревянного изделия; 6 – фрагмент окаменелого дерева; 7 – меловой предмет с недо-сверленным отверстием; 8 – бронзовый трехлопастной втульчатый наконечник стрелы; 9 – трехлопастной черешковый железный наконечник стрелы; 10 – фрагмент красноглиняной керамики

Курган 4. Диаметр 23 м, высота 0,8 м. Находился в 47 м к юго-востоку от кургана 3.

Погребение 1. Могильная яма обнаружена непосредственно в центре кургана под Центральным Репером (ЦР) на глубине -1,05 м от 0. Широкая подквадратная яма с закругленными углами была ориентирована длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. Размер по верхнему контуру 1,8×2,18 м, размер по нижнему контуру 1,73×2,1 м. Глубина -1,65 м от 0.

На дне могилы, судя по сохранившимся остаткам, вытянуто на спине, головой на ССВ, по диагонали располагался скелет взрослого человека очень плохой сохранности. Кости черепа, грудные кости скелета, кости таза, правой руки, кости стоп полностью отсутствовали, возможно, уничтожены грызунами. Сохранились бедренные и большие берцовые кости ног, лежавшие параллельно. Лучевая кость левой руки, которая была обнаружена под железным мечом, свидетельствует о том, что руки, вероятно, были вытянуты и несколько отставлены от туловища в стороны (рис. 7, 1).

Инвентарь

1. Длинный железный меч лежал вдоль левой руки погребенного под углом к туловищу, острием в сторону ног. Перекрестье отсутствует. Штырь рукояти, подквадратный в сечении, сохранился на длину 3 см. Навершие отсутствовало. Лезвие в сечении линзовидное. Общая длина меча 75 см, ширина лезвия у перехода в рукоять 3,3 см (рис. 7, 5).

2. Бронзовая прямоугольная накладка обнаружена у верхнего конца правой бедренной кости погребенного. Один узкий край накладки прямой, второй обрезан в виде овала. С внешней стороны в центральной части накладки располагается орнамент в виде узкой углубленной линии длиной 1,1 см, с обеих сторон которой размещены по шесть треугольников, обращенных вершинами к краям накладки. С обратной стороны по краям накладки находятся две петли для крепления, их длина 3 см, ширина 1,4 см, диаметр 0,5 см (рис. 7, 2).

3. Каменный оселок обнаружен в 0,65 м к ЮЮВ от северной стенки погребения и в 0,65 м к ССВ от западной стенки. Нижняя часть оселка обломана. Верхняя часть имеет утолщение длиной 3 см, толщиной 1,8 см, плавно переходящее непосредственно в стержень оселка толщиной 0,7 см. В утолщении просверлено отверстие для подвешивания; внешний размер отверстия 1,3×1,2 см, внутренний диаметр 0,3 см. Стержень оселка хорошо зашлифован, однако внутренняя поверхность его с правой стороны покрыта следами, нанесенными концом острого предмета. Одна из боковых сторон оселка также имеет следы в виде глубоких параллельных врезных линий, образовавшихся, вероятно, от апробирования лезвия острого предмета. Длина оселка 8,8 см (рис. 7, 4).

4. Фрагмент окаменелого дерева прямоугольной формы, в сечении также прямоугольный, обнаружен в 0,52 см к ЮЮВ от северной стенки погребения. Размер 4,5×1,6 см (рис. 7, 3).

5. Кусок вещества светло-желтого цвета (сера?) диаметром до 5 см лежал рядом с фрагментом окаменелого дерева к северо-западу от него.

Исследованные захоронения, судя по обряду и составу инвентаря, относятся к кругу так называемых диагональных погребений, широко распространившихся на территории Нижнего Поволжья и Подонья в среднесарматское время (I – первая половина II в. н.э.). Все они были совершены под индивидуальными насыпями. В курганах 1, 3 и 4 погребенные находились в широких подквадратных ямах, костяки располагались по диагонали, в курганах 1 и 3 были ориентированы головой в направлении южного сектора, в кургане 4 – северного. Несколько особняком на этом фоне выглядит погребение в кургане 2, совершенное в прямоугольной яме с заплечиками. Однако и здесь наблюдается стремление к расположению покойника по диагонали: если «входная» яма была ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ, то на уровне заплечиков «основная» яма уже приобретает ориентировку север-юг, вытягиваясь длинной осью по диагонали «входной» ямы.

По подсчетам И.В. Сергацкова, в данный период квадратные ямы в Заволжье занимают первое место по встречаемости и составляют 25,64% от общего количества раскопанных погребений, а диагональное положение погребенных зафиксировано в 28,21% из них (Сергацков, 2002, с. 94).

В погребениях были обнаружены различные категории инвентаря.

Керамические сосуды найдены в курганах 1 и 2.

Сероглиняная лощеная кружка из кургана 1 (рис. 2, 1) относится к изделиям, попадавшим в заволжские степи из районов Центрального Предкавказья. Близкий экземпляр происходит из погребения 53 Чегемского кургана (Абрамова, 1993, рис. 52, 24). Практически идентичный сосуд обнаружен в погребении 18/1957 Кобяковского могильника (Косыненко, 1989, рис. 8, 13; 2008, рис. 28, 11). По классификации М.П. Абрамовой данные кружки относятся к типу 2 варианта В и характеризуются высоким горлом, составляющим 1/3–1/4 часть высоты сосуда, и расширяющимся книзу туловом. Их дата укладывается в рамки I – начала II в. н.э. (Абрамова, 1993, с. 138).

Чернолощенный сероглиняный кувшин из кургана 2 (рис. 5, 4) находит аналогии в археологических памятниках Заволжья и Подонья. Близкие по форме кувшины происходят из погребения 7 кургана 2 могильника Бережновка (южная группа) (Синицын, 1959, рис. 36, 7), из погребения 5 кургана 6 и погребения 1 кургана 52 Калиновского курганного могильника (Шилов, 1958, рис. 54, 10, 11), из погребения 1 кургана

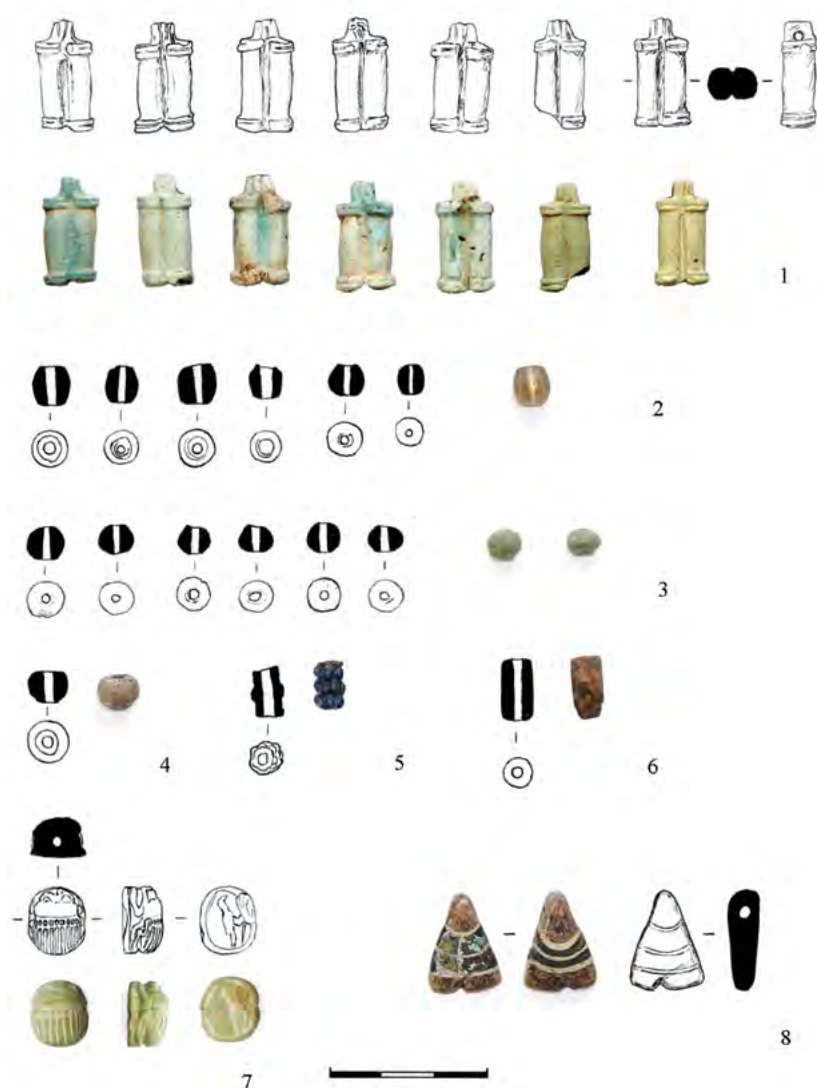


Рис. 3. Торгу́нский I, к.1, п. 1. 1 – подвески из египетского фаянса в виде сдвоенных цилиндров; 2 – бусины с внутренней позолотой; 3 – округлые бусины из египетского фаянса; 4 – крупная сферическая бусина из египетского фаянса; 5 – стеклянная цилиндрическая бусина с тремя рядами выпуклостей; 6 – цилиндрическая бусина; 7 – скарабей из египетского фаянса; 8 – треугольная подвеска из многоцветного стекла

23 и погребения 1 кургана 54 курганного могильника Первомайский VII (Мамонтов, 2000, рис. 29, 17; 35, 2). Исследователи предполагают их прикубанское происхождение и относят к рубежу эр – началу нашей эры (Шилов, 1959, с. 477).

Предметы украшения и туалета были обнаружены в курганах 1, 2 и 3.

Бронзовая лучковая подвязная одночленная фибула из кургана 1 (рис. 2, 4) относится к серии I варианта 1 по классификации А.К. Амброза (Амброз, 1966, табл. 9, 1–5) или к типу I варианта 1 по классификации А.С. Скрипкина (Скрипкин, 1977, с. 101–102). Характерной особенностью данного варианта является слабая прокованность ножки, которая по ширине не превышает спинку. В нашем же случае ножка фибулы вообще не была прокована. Большинство исследователей датируют дан-

ный вариант фибул I в. н.э., преимущественно его первой половиной (Амброз, 1966, с. 48; Скрипкин, 1977, с. 105–106; Сергацков, 2007, с. 413).

Информативен в плане датировки и набор бус из кургана 1. Остановимся прежде всего на треугольной стеклянной подвеске с поперечно-полосатым орнаментом в бело-желто-синей цветовой гамме (рис. 3, 8). Подобные изделия, по сведениям Е.М. Алексеевой, встречаются в погребениях I в. до н.э. – II в. н.э., однако наиболее характерны для рубежа эр (Алексеева, 1978, с. 43). Аналогичная стеклянная подвеска была обнаружена в погребении женщины из кургана 21 Усть-Каменского могильника в Нижнем Поднепровье (Костенко, 1993, с. 15, рис. 4, 7, 8) в комплексе с бронзовой лучковой подвязной одночленной фибулой с расширенной ножкой (Костенко, 1993, с. 15, рис. 4, 5), которая, согласно классификации А.С. Скрипкина, может относиться к типу I варианта 2, датируемому второй половиной I – началом II в. н.э. (Скрипкин, 1977, с. 101–102). Заметим, что автор раскопок по совокупности инвентаря отнес данное погребение в целом к периоду I – начала II в. н.э. (Костенко, 1993, с. 117). Практически идентичная подвеска была найдена в хорошо известном женском погребении из кургана Соколова Могила на правом берегу Южного Буга в Северном Причерноморье, которое датируется первой половиной I в. н.э. (Ковпаненко, 1986, с. 39, рис. 38).

Подвески из египетского фаянса в виде сдвоенных цилиндров с петелькой для подвешивания бирюзового и светло-зеленого цветов (рис. 3, 1) относятся к типам 85 и 86 и, согласно классификации Е.М. Алексеевой, датируются соответственно I в. н.э. и концом I в. до н.э. – III в. н.э. с преобладанием в комплексах I–II вв. н.э. (Алексеева, 1975, с. 47). Аналогичные подвески обнаружены в диагональных погребениях курганов 69 и 71 Усть-Каменского могильника в Нижнем Поднепровье, которые датируются I в. н.э. (Костенко, 1993, с. 113, рис. 24, 6, 7; 26, 12).

Пронизь в виде скарабея из египетского фаянса (рис. 3, 7), согласно классификации Е.М. Алексеевой, вероятно, может относиться к типу 48 варианта «б», который датируется в пределах I в. до н.э. – II в. н.э. с преобладанием в I в. н.э. (Алексеева, 1975, с. 41). Подобные пронизы хорошо известны в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья, Подонья, Прикубанья и Северного Причерноморья (Костенко, 1993; Скрипкин, 1990).

Округлые бусины из египетского фаянса светло-голубого (рис. 3, 3) и фиолетового (рис. 3, 4) цветов, возможно, можно отнести к типу 3 варианта «г» по классификации Е.М. Алексеевой. Их широкое распространение относится также к I–II вв. н.э. (Алексеева, 1975, с. 31).

Стеклянные бусы с внутренней позолотой (рис. 3, 2) имеют довольно широкую датировку в пределах III в. до н.э. – IV в. н.э. с пиком популярности во II–I вв. до н.э. (Алексеева, 1978, с. 29). Однако аналогичные бусы уже встречались в упоминавшемся сарматском погребении из кургана Соколова Могила, которое по комплексу инвентаря датируется первой половиной I в. н.э. (Ковпаненко, 1986, с. 109, рис. 116).

Стеклянная цилиндрическая бусина синего цвета с тремя рядами выпуклостей (рис. 3, 5) также находит себе аналогии в материалах I в. н.э., в частности – в диагональном погребении кургана 70 Усть-Каменского могильника в Нижнем Поднепровье (Костенко, 1993, рис. 26, 8, 9).

Найденная в кургане 3 дисковидная бусина из прозрачного ярко-синего стекла (рис. 6, 3), вероятно, служила украшением ножен меча. По классификации Е.М. Алексеевой бусина может относиться к типам 29 или 31 и датироваться I–II вв. н.э. (Алексеева, 1978, с. 65–66, табл. 33, 4).

Фрагменты бронзовых зеркал обнаружены в курганах 1 и 2.

Зеркало из кургана 1 (рис. 4, 2) было обнаружено в двух крупных фрагментах. По классификации А.С. Скрипкина его можно отнести к I отделу зеркал с плоским диском, типу 1.0 – без ручки, варианту 2 (диаметр диска 100–240 мм) (Скрипкин, 1990, с. 93, рис. 33). Зеркала типа 1.0 встречаются довольно длительное время – I в. до н.э. – I в. н.э. (Скрипкин, 1990, рис. 44, 49).

Фрагмент зеркала из кургана 2 (рис. 5, 2) мог принадлежать, согласно классификации А.С. Скрипкина, к одному из типов отдела 4 или отдела 6, характеризующихся валиком по краю диска. Они были в употреблении как в раннесарматское, так и в среднесарматское время. Небольшой реконструируемый диаметр диска (115 мм) позволяет предположить хронологические рамки – II в. до н.э. – I в. н.э.



Рис. 4. Торжунский I, к.1, п. 1. 1 – фрагменты берестяного блюда; 2 – фрагмент бронзового зеркала; 3 – фрагмент сероглиняной керамики; 4 – каменный оселок; 5 – кусочек смоловидного вещества дисковидной формы; 6 – костяной предмет неясного назначения; 7 – кусочек смоловидного овальной вещества формы

Интересен набор предметов, обнаруженных в кургане 1 на берестяном «блуде» у правого колена погребенной женщины.

Уже само берестяное «блюд» является своеобразным исключением (рис. 4, 1). В сарматских погребениях деревянные изделия встречаются достаточно редко. Представлены они в основном остатками чаш, блюд, кубков (Мошкова, 1989, табл. 78, 53–55), изредка ковшей (Демиденко, Ситников, 2001, с. 213–230), форму которых проследить очень трудно из-за плохой сохранности. Часто по венчику данные изделия украшены металлическими накладками из бронзы, иногда с позолотой (Гуренко, 2007; 2011). Правда, они относятся к уже более позднему периоду – второй половине II – III в. н.э. Однако нам еще не приходилось встречать изделия из бересты.

Из предметов, лежавших на берестяном «блуде», особого внимания заслуживают бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с обломанной втулкой (рис. 2, 8) и железный трехлопастный наконечник стрелы со сломанным черенком (рис. 2, 9).

Единичные бронзовые наконечники стрел, характерные для савроматской эпохи, иногда встречаются в погребениях ранне- и среднесарматских культур как в комплексе с железными наконечниками стрел, так и без них. Так, они известны в

погребении 17 кургана 35 I Бережновского могильника, в погребении 11 кургана 1 могильника Бережновка (юго-западная группа) в Заволжье (Синицын, 1959, с. 198), в погребении 1 кургана 1 могильника Октябрьский V в Волго-Донском междуречье (Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, с. 149–167, рис. 6, 15), в богатом сарматском погребении из кургана Соколова Могила в Северном Причерноморье (Ковпаненко, 1986, с. 39, рис. 100, 6; 101, 7). Исследователи считают, что такие наконечники использовались в качестве амулетов (Синицын, 1959, с. 198; Мошкова, 1989, с. 190; Шинкарь, 2007, с. 112–113). Обнаружены они не только в мужских, но и в женских погребениях.

Железный трехлопастный наконечник стрелы, обнаруженный на берестяном «блуде», также весьма своеобразен. Он отличается от обычных наконечников среднесарматской культуры своими размерами. Общая его длина вместе с черенком равна 7,2 см, тогда как основную массу находок составляют наконечники стрел длиной 4–5,5 см (Мошкова, 1989, с. 185).

Обнаруженные на «блуде» фрагмент красноглиняной керамики (рис. 2, 10), кусочки смоловидного вещества (рис. 4, 5, 7), предмет из мела с недосверленным отверстием (рис. 2, 7), фрагмент дерева (рис. 2, 5) в комплексе с уже упоминавшимся дисковидным бронзовым зеркалом (рис. 4, 2) также могли использоваться в качестве ритуально-магических или, может быть, косметических предметов.



Рис. 5. Торжунский I, к. 2, п. 1. 1 – план и разрезы; 2 – фрагмент бронзового зеркала; 3 – фрагмент железного ножа; 4 – серолощенный глиняный кувшин

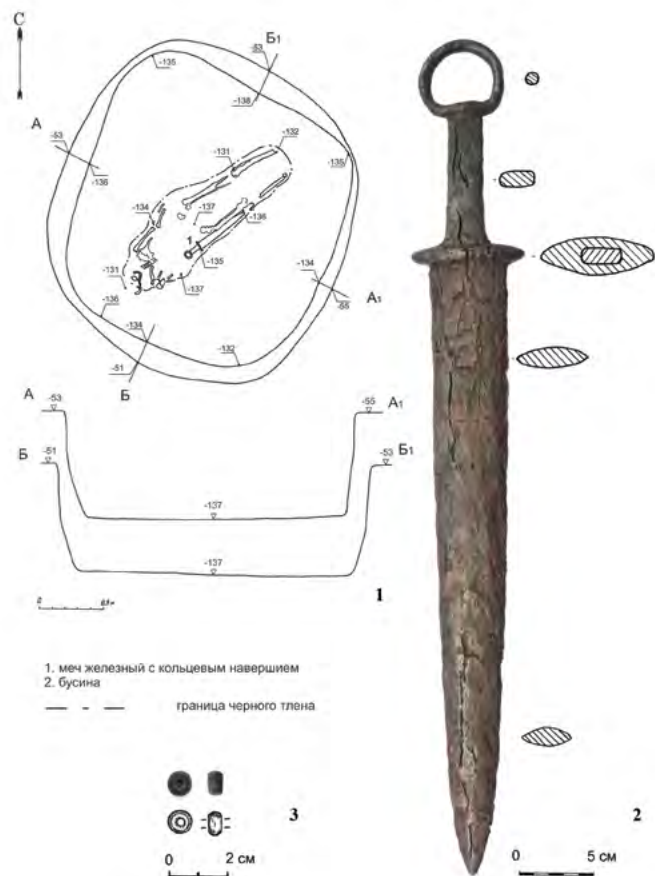


Рис. 6. Торгунский I, к. 3, п. 1. 1 – план и разрезы; 2 – железный меч; 3 – стеклянная бусина

Вероятно, к предметам ритуального назначения следует отнести находки фрагментов окаменелых деревьев из курганов 1 (рис. 2, 6) и 4 (рис. 7, 3), найденных вместе с остатками вещества желтого цвета, предположительно серы.

К **предметам бытового назначения** относятся пряслица из кургана 1 (рис. 2, 2, 3), оселки из курганов 1 (рис. 4, 4) и 4 (рис. 7, 4), фрагмент железного ножа из кургана 2 (рис. 5, 3). Все они принадлежат к типам, достаточно распространенным в среднесарматское время.

Предметы вооружения представлены двумя железными мечами. Железный меч с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием из кургана 3 (рис. 6, 2) относится к типу мечей, широко распространенных на территории Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Подонья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья в конце раннесарматского периода и особенно в среднесарматское время (Абрамова, 1993; Симоненко, 2010; Скрипкин, 1990).

Железный меч с клинком, переходящим в черенок-рукоять под тупым углом, без навершия и перекрестья из кургана 4 (рис. 7, 5), согласно классификации А.М. Хазанова, относится к типу 2 и более характерен для позднесарматской культуры (вторая половина II – III в. н.э.) (Хазанов, 1971).

К **предметам ременной гарнитуры**, вероятно, может быть отнесена бронзовая накладка из кургана 4 (рис. 7, 2), аналогии которой на сегодняшний день нами не обнаружены.

Таким образом, предметы, исследованные в курганах могильника Торгунский I, дают нам определенное представление о культуре населения, занимавшего терри-

торию в низовьях рек Торгун и Еруслан в среднесарматское время. Все изученные погребения относятся к одному кругу. Однако и среди них, несмотря на небольшое количество, можно выделить как более ранние, так и более поздние.

Наиболее ранним является погребение в кургане 2. Такие черты обряда, как прямоугольная яма с заплечиками, наличие в погребении обломка зеркала с валиком по краю диска, более характерные для предшествующего этапа сарматской культуры, плюс чернолощенный кувшин позволяют предположить дату – конец I в. до н.э. – рубеж эр. Дата комплекса из кургана 1 – рубеж эр – первая половина I в. н.э. Возможно, они даже и синхронны, но захоронение в кургане 2 было совершено также с использованием некоторых элементов обряда предшествующего времени. Погребение в кургане 3 с мечом с кольцевым навершием в целом может датироваться I – первой половиной II в. н.э. Погребение в кургане 4 является, на взгляд автора, самым поздним и, вероятно, относится к первой половине II в. н.э. Об этом говорят как ориентировка погребенного в направлении северного сектора, так и железный меч без перекрестья и навершия, более характерные для позднесарматской культуры.

Дальнейшие исследования данного региона достаточно перспективны.

Литература

- Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). – М., 1993. – 240 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – М., 1975. – Вып. Г1–12. – 96 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – М., 1978. – Вып. Г1–12. – 105 с.
- Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. – М., 1966. – Вып. Д1–30. – 142 с.
- Гуренко Л.В. Отчет об охранных археологических раскопках курганной группы «Рыбинка» в Ольховском районе, одиночного кургана «Весёлый» и курганного могильника «Весёлый-VI» в Котельниковском районе Волгоградской области в 2003 г. // Архив ВОКМ. – Волгоград, 2007.
- Гуренко Л.В. Отчет о проведении спасательных археологических раскопок курганной группы «Гремячая» и одиночного кургана «Гремячий-I» в Котельниковском муниципальном районе Волгоградской области в 2008 г. // Архив ВОКМ. – Волгоград, 2011.
- Демиденко С.В., Ситников А.В. Археологические исследования в бассейне р. Арчеда // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2001. – Вып. 4. – С. 213–230.
- Демиденко С.В. Отчет об археологических разведках на территории Старополтавского и Палласовского районов Волгоградской области в 2009 г. // Архив ВОКМ. – М., 2010.
- Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. – Киев: Наукова думка, 1986. – 151 с.
- Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье. – Днепропетровск: Изд-во Днепрпетровского государственного университета, 1993. – 152 с.
- Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000. – 194 с.
- Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.: Наука, 1989. – С. 177–190.
- Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.: Наука, 1989. С. 191–202.
- Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 1999. – Вып. 4. – С. 149–167.
- Сергацков И.В. Анализ сарматских погребальных памятников I–II вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Среднесарматская культура. – М.: Восточная литература, 2002. – Вып. 3. – 143 с.
- Сергацков И.В. Курганы у хутора Авилов в низовьях реки Иловли // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград, 2000. – Вып. 2. – С. 4–54.

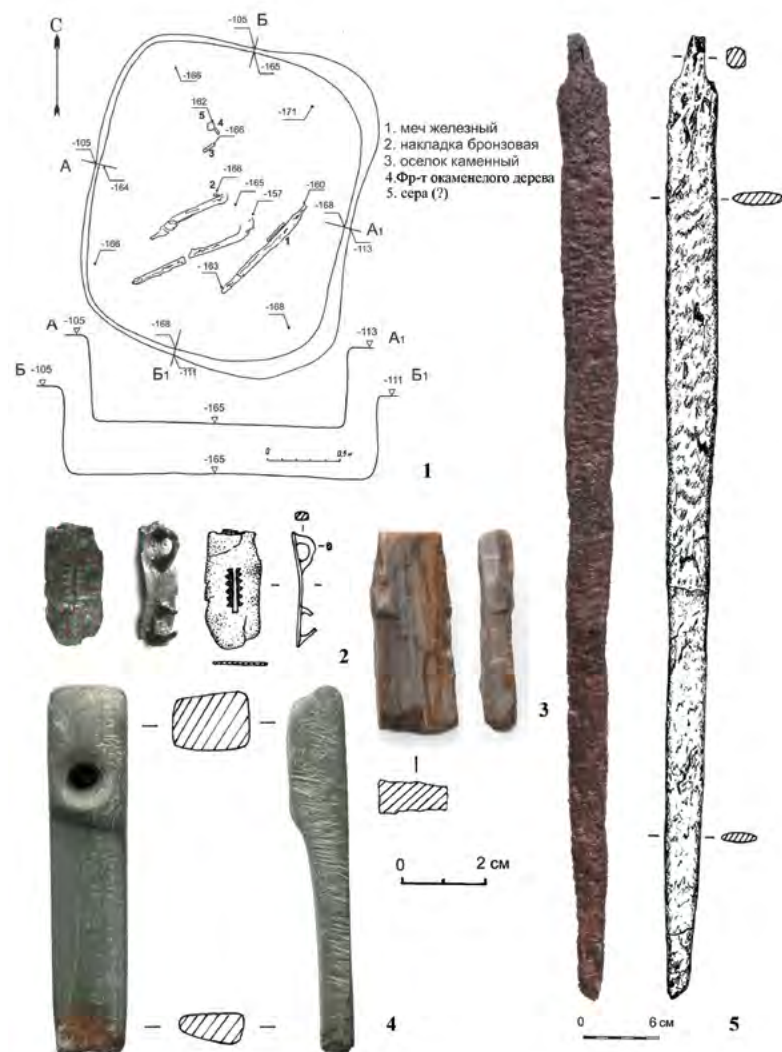


Рис. 7. Торғунский I. К. 4, п. 1. 1 – план и разрезы; 2 – бронзовая накладка; 3 – кусочек окаменелого дерева; 4 – каменный оселок; 5 – железный меч

Сергацков И.В. Фибулы из погребений Азиатской Сарматии I – первой половины II в. н.э. // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. – М.: Таус, 2007. – С. 408–431.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. – 328 с.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // МИА. – М., 1959. – № 60. – С. 37–205.

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. – 1977. – № 2. – С. 100–120.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. – 299 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М.: Восточная литература, 1971. – 171 с.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. – М., 1959. – № 60. – С. 323–523.

Шинкарь О.В. Типология и хронология раннесарматских наконечников стрел по материалам Нижнего Поволжья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2007. – № 1. – С. 103–119.

Демиденко С.В.

Торғын және Еруслан өзендері сағаларындағы ертедегі көшпелілердің ескерткіштеріне жүргізілген жаңа зерттеулер

2009–2011 жылдары РПА Археология институты мен Волгоград облысының тарих және мәдениет ескерткіштерін қорғау жөніндегі облыстық ғылыми-өндірістік орталығының бірлескен экспедициясы Волгоград су қоймасының саласына құятын тұсындағы Торғын және Солянка өзендерінің төменгі ағысындағы (Еруслан өзенінің төменгі ағысы) аумақты зерттеді.

Торғын I обалы қорымында орта сармат археологиялық мәдениетінің төрт обасы қазылып, олардан дәуірлер тоғысы – б.д. II ғ. бірінші жартысына жататын материалдар алынды. Ең ежелгісі – 2-ші обадағы ерте сармат мәдениетінің бірқатар салт-жоралары сақталған қабір; ең кейінгісі – 4-ші обадағы әдет-ғұрып жоралғылары мен бұйымдары кейінгі сармат археологиялық мәдениетіне сәйкес келетін қабір. №1 және 3-ші обалар барынша орта сармат археологиялық мәдениетіне тән.

№1-ші обадағы тоздан істелген «табақ» қалдықтары бірден-бір олжа болды.

Demidenko S.V.

New Research of Early Nomads Sites in the Lower Reaches of the Torgun und Eruslan Rivers

In 2009–2011 the joint expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Science and the Regional Research and Production Centre for the Conservation of Historical and Cultural Sites of the Volgograd region explored the territory along the lower reaches of the Torgun and Soljanka rivers, at their confluence with an arm of the Volgograd reservoir (lower course of the Eruslan river).

In the Torgunsky I burial ground, four funerary barrows of the middle Sarmatian culture have been excavated. The material from these kurgans can be dated approximately between the end of the 1st century BC and the first half of the 2nd century AD. The earliest burial has been recognised in the barrow 2: this grave preserved a series of ritual traditions of the early Sarmatian culture. The most recent burial was found in the barrow 4, which already documents a funerary ritual and an equipment of the late Sarmatian culture. The funerary barrows 1 and 3 show typical features of the middle Sarmatian culture.

A unique discovery from this graveyard, specifically from barrow 1, is represented by some fragments of a birch bark vessel.

Онгар А., Айткали А.К., Ахметов М.Г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ТАСМОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СЕЛА ТОРТУЙ¹

За полевой сезон 2013 г. у села Тортуй Экибастузского района Павлодарской области исследовано несколько объектов, относящихся к сакской эпохе, а точнее к тасмолинской культуре Центрального Казахстана.

Исследуемые объекты расположены в 2 км к востоку от правого берега р. Шидерты, которая протекает примерно в 500 м вдоль западной окраины с. Тортуй. К северо-востоку от изучаемых объектов, приблизительно в 50–55 км находится районный центр – г. Экибастуз.

Выбранные объекты располагаются в разных отдаленных друг от друга точках. Курган Тортуй 8, самый ближайший к с. Тортуй, локализуется в 500 м к югу от него, на второй надпойменной террасе р. Шидерты. Остальные два объекта, которые составляют могильник Тортуй 3, располагаются в 2 км юго-западнее от кургана Тортуй 8. На расстоянии 1,87 км к юго-западу от могильника Тортуй 3 находится раскопанный в 1961 г. могильник Тасмола VI, который также состоит из двух курганов.





Курган Тортуй 8 относится ко второму этапу тасмолинской культуры, которая датируется условно в пределах V–III вв. до н.э.

Памятник по своим особенностям погребального обряда и сопроводительного инвентаря находит прежде всего наибольшее сходство с погребениями могильника Карамурын I. Объект локализуется в 20 км к юго-востоку от районного центра Экибастуз Павлодарской области и в 500 м от правого берега р. Шидерты. В составе могильника раскопан курган 5а, который на основе найденных в нем бронзовых наконечников датируется поздним этапом (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 355–358). По мнению авторов раскопок, такие наконечники бытовали у приуральских лучников IV–III вв. до н.э., но на основе архаических признаков тасмолинских наконечников их нижняя хронологическая граница была удревнена до V в. до н.э.

Поэтому этим же интервалом времени датируется и курган Тортуй 8, в яме которого обнаружен аналогичный бронзовый наконечник стрелы. Кроме того, из числа близлежащих курганов с идентичными аналогиями в погребальной обрядности наиболее подходящий исследованный в 2000 г. курган № 3, который находится в 1,5 км к северу от г. Экибастуза и в 350 м от юго-восточного берега озера Ашысу (Пересветов, 2001, с. 282–285). На дне ямы кургана между левой тазовой костью и левой рукой погребенного были обнаружены каменный оселок и железный нож на нем. Кроме того, в заполнении могильной ямы на разных уровнях обнаружены остатки каменного жертвенника овальной формы на четырех ножках. Памятник датирован

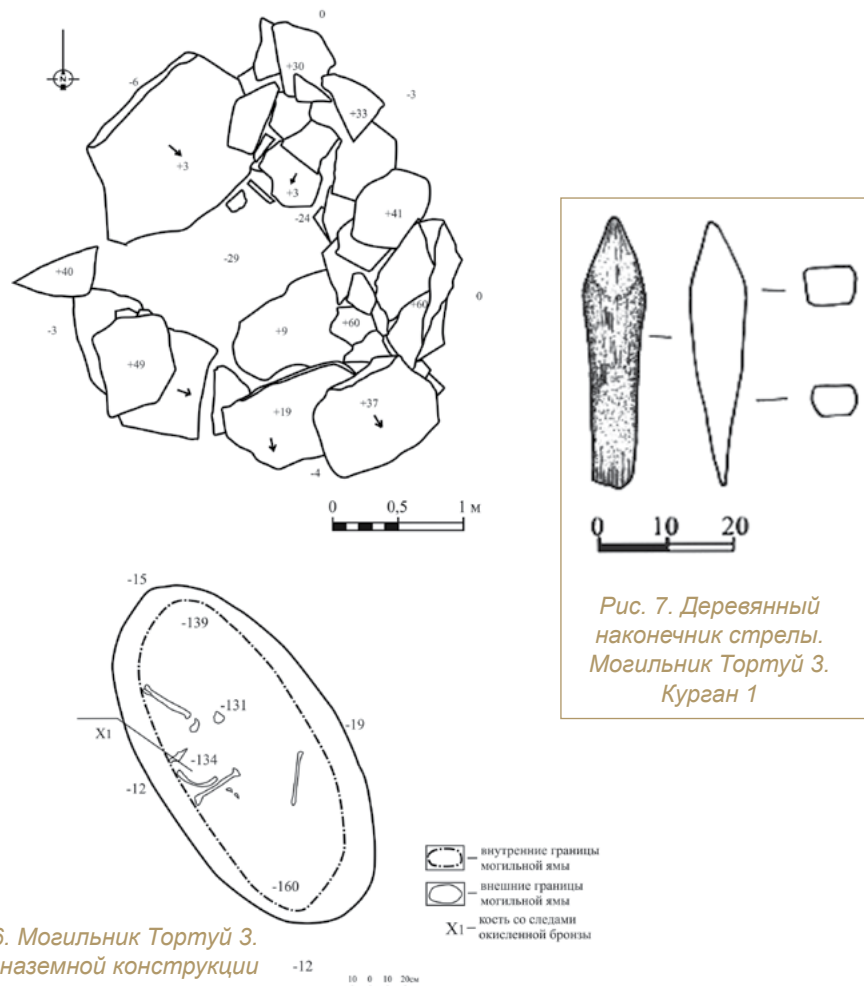


Рис. 7. Деревянный наконечник стрелы. Могильник Тортуй 3. Курган 1

Рис. 6. Могильник Тортуй 3. План наземной конструкции и могильной ямы кургана 1

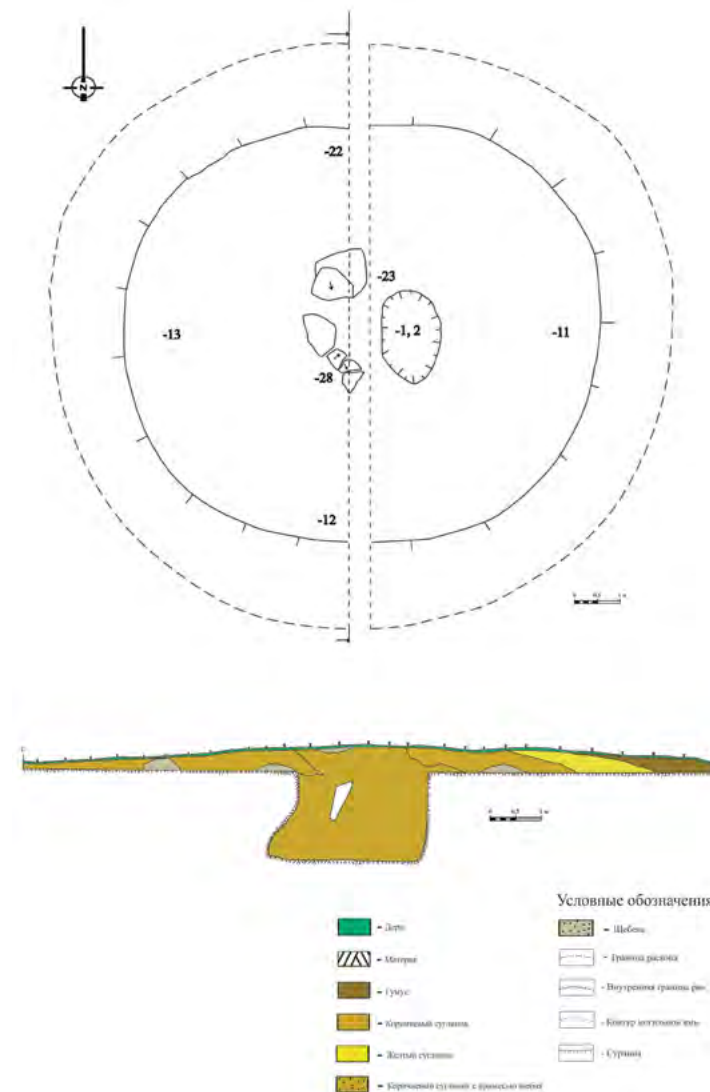


Рис. 8. Могильник Тортуй 3. План и разрез кургана 2

тем же интервалом времени, что и изученный нами курган № 8, – в пределах V–III вв. до н.э.

Датировать курганы могильника Тортуй 3 ранним или поздним периодом времени тасмолинской культуры не представляется возможным в связи со скудостью и фрагментарностью сохранившихся материалов.

¹ Работа выполнена по грантовому проекту «Всадники Великой степи: традиции и новации».



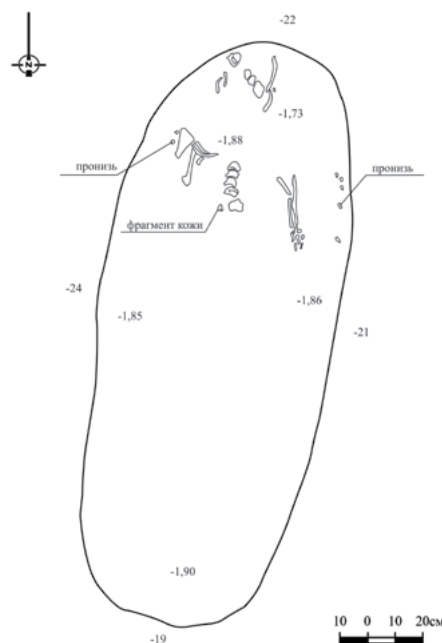


Рис. 9. Могильник Төртүй 3. План могильной ямы кургана 2

Литература

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алматы, 1966. – 435 с.

Пересветов Г.Ю. Некоторые вопросы происхождения тасмолинской культуры (по итогам новых исследований в Павлодарской области) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Материалы XLI региональной археолого-этнографической конференции. – Барнаул, 2001. – С. 282–285.

Оңғар А., Айтқали А.К., Ахметов М.Ғ.

Төртүй ауылы маңындағы тасмола мәдениеті ескерткіштерін зерттеудің алдын-ала нәтижелері

Мақала 2013 жылғы далалық маусымда Павлодар облысы Екібастұз ауданы Төртүй ауылы маңындағы ескерткіштерді зерттеулер нәтижелеріне арналған. Нәтижесінде сақ дәуіріне, нақтырақ айтқанда, Орталық Қазақстанның тасмола

мәдениетіне жататын бірнеше нысан зерттелді.

Мақалада обалардың үйінділерінің құрылымы мен осы ескерткіштерді тұрғызған ертедегі халықтың жерлеу ғұрпының толық сипаттамасы беріледі. Ескерткіштер Шідерті өзенінің оң жағалауынан шығысқа қарай 2 шақырым және Төртүй ауылының батыс шетінен 500 метр жерде орналасқан. Жерлеу ғұрпы мен бірге қойылған заттарының ерекшеліктері бойынша Төртүй 8 обасының Қарамұрын I қорымының қабірлеріне сәйкес келетіні анықталды. Оба тасмола мәдениетінің шартты түрде б.д.д. V–III ғ. шегі деп белгіленген екінші кезеңіне жатқызылған. Сақталған материалдардың жұтандығына және қалдықтарының ғана болуына байланысты Төртүй 3 қорымының обаларының уақыты дәл белгіленбеген. Олардың тұрғызылған уақыты жалпы тасмола заманы деп анықталады.

Onggar A., Aytkali A.K., Akhmetov M.G. Preliminary results of the study of the Tasmola culture monuments in the Tortuy village

The article presents the results of the study of the graves excavated in the 2013 field season near the Tortuy village, Ekibastuz province, Pavlodar region. Here have been studied some kurgans dated back to the Saka period, to be more precise, to the Tasmola culture of Central Kazakhstan.

In this paper are highlighted the detailed characteristics of the funerary barrow structure and the burial ceremony performed by the ancient community which constructed these kurgans. The sites are located 2 km east of the right bank of the Shiderty river and 500 m from the western edge of the Tortuy village. The peculiarities of the funeral tradition and inventory of the Tortuy 8 barrow share some similarities with the burials of Karamuryun 1 graveyard. This barrow is dated back to the 2nd phase of the Tasmola culture which is dated back generally between the 5th and the 3rd century BC. The chronology of the kurgans in the Tortuy 3 burial ground is very difficult to establish because of the scarcity and fragmentariness of the material recovered. Broadly speaking, they too belong to the Tasmola-culture period.

Оңғар А., Киясбек Г., Хасенова Б.,
Бесетаев Б., Кожаметов Б.

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА КАРКАРА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2012–2014 ГГ.)

С 2012 г. Каркаринским отрядом филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК в г. Астана проводится изучение погребально-поминального комплекса Каркара (Оңғар и др., 2012, с. 49–56), расположенного на административной территории сельского округа Каркара Райымбекского района Алматинской области.

Памятник расположен на третьей надпойменной террасе, в предгорной долине между реками Жель Каркара и Ак Каркара, в северной части горной системы Тянь-Шаня (Тәңіртау). Высота над уровнем моря 2200 м. GPS UTM координаты: 364164, 4739689 (рис. 1).

В долине протекают горные речки Жел Каркара, Ак Каркара, Кур Каркара, впадающие в р. Каркара. Долина полностью покрыта густой растительностью, имеются чабрец, типчак, тысячелистник. В настоящее время активно используется как пастбище.

В предгорной долине р. Каркара сосредоточены четыре-пять групп курганов, вытянутых цепочкой с ЮВ на СЗ. В каждой цепочке сохранилось от трех до восьми больших курганов. С середины 80-х гг. прошлого столетия местность использовали для сельскохозяйственных нужд, тем самым были разрушены внешние признаки многих памятников.

Восточная цепочка состоит из восьми больших по размеру курганов. Курган № 1 (далее – погребально-поминальный комплекс Каркара) стоит отдельно на юго-восточной окраине группы (рис. 2).

Погребально-поминальный комплекс Каркара (ППКК) состоит из наземного сооружения, околокурганного пространства (здесь зафиксированы курганы-оградки и каменное кольцо, делящее пространство между насыпью основного кургана и рвом надвое), рва и курганов, значительно меньших размеров, расположенных на небольшом расстоянии за пределами рва. Общий размер комплекса 125×74 м (по линии В-3) и 127×51 м (по линии С-Ю) (рис. 3, 4).



Рис. 1. Месторасположение погребально-поминального комплекса Каркара на карте Жетысу



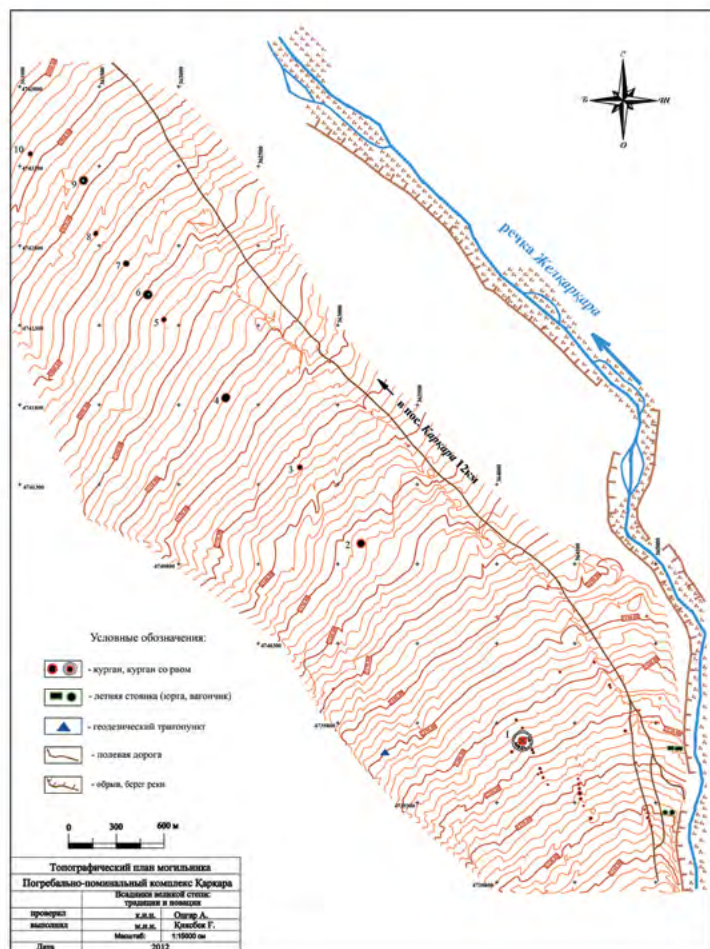


Рис. 2. Макротопографический план ППКК

Раскопочные работы были начаты в 2012 г. За три полевых сезона произведено послышное и поэтапное изучение насыпи основного кургана и околочурганых сооружений юго-западного, юго-восточного и северо-восточного секторов комплекса (Онгар и др., 2012; 2013; 2014). Изученные курганы-огарды частично были законсервированы для последующей музеефикации.

Наземное сооружение представляет собой конструкцию трапецевидную в разрезе. Размеры насыпи 52×11 м (восток-запад) и 53×13 м (север-юг), высота от нулевой точки равна 4,8 м (рис. 5).

Насыпь сильно задернована. Толщина дернового слоя 25–30 см, имеются значительные участки, свободные от грунта. Южная и юго-западная части склона насыпи крутые, а северо-восточная, восточная части сильно растянуты. Вершина кургана уплощена вследствие разрушения грабительским раскопом. Размер грабительской воронки 12×14 м, глубина 1,8–2 м. В юго-восточном секторе насыпь сохранилась хуже. На вершине есть участок, свободный от камней, здесь фиксируется слой щебнистого грунта серого цвета (видимо, второй слой насыпи после верхнего слоя камней). Также с восточной стороны имеется аналогичный участок.

Верхний слой насыпи (каменный панцирь) кургана (рис. 6) сложен из окатанных камней разных размеров: мелких (20×18×8 см, 18×12×7 см, 15×18×7 см), средних (23×20×10 см, 26×26×14 см, 32×14×13 см) и крупных (40×30×24 см, 28×30×25 см, 41×30×28 см). Какого-либо порядка в залегании и расположении камней не наблюдается. Ближе к полю кургана в насыпи фиксируется полоса из мелкого камня и галь-

ки. Эта полоса перекрывает камни насыпи. Ее ширина 4–5 м. Данная широкая полоса, видимо, предназначена для дополнительного закрепления насыпи. На фоне этих сплошь лежащих мелких камней отчетливо видны контуры крепиды, выполненной из крупных валунов.

В процессе снятия верхнего дернового слоя насыпи основного кургана в юго-восточном секторе обнаружены следующие предметы:

- бронзовая бляшка (рис. 7, 1). Округлая, диаметр 4 см, толщина 1 мм. Имеются четыре округлых отверстия, расположенных на небольшом расстоянии от края. Диаметр отверстий 2–3 мм. На одной стороне виден рисунок в виде трех нечетких дуг;

- каменное пряслице (рис. 7, 2). Из мягкого камня (песчаник?) белого цвета, поверхность имеет светло-коричневую окраску. Овальное, размер 38×33 мм. В центре отверстие диаметром 7 мм. Поверхность обработана. Края закругленные.

На расстоянии 2,5 м от края насыпи обнаружен спрессованный кусок железа (шлак?) с неровной поверхностью, размер 71×55 мм.

С южной стороны объекта № 25 на расстоянии 0,3 м от нее в процессе снятия верхнего дернового слоя обнаружен бронзовый нож с прямой рукоятью (рис. 8, 1). Длина 225 мм, ширина рукояти 19 мм, ширина лезвия до 18 мм, толщина 0,65 мм. Лезвие неровное, имеет следы сработанности. Треугольный в разрезе. Спинка прямая, в месте перехода рукояти к лезвию небольшой треугольный сглаженный выступ. Навершие рукояти выделено, с закругленными углами.

С юго-восточной стороны на расстоянии 0,2 м от насыпи этого же объекта при аналогичных обстоятельствах найдена каменная проколка (?) удлиненной формы (рис. 8, 2). Длина 75 мм, толщина 8 мм, ширина 12 мм. С заостренным окончанием. В верхней половине – округлое отверстие диаметром 5 мм. Прямоугольной в разрезе формы, в области острия – округлой. Верхушка со сглаженными очертаниями. Поверхность залощена, в области острия – до блеска.

До начала раскопочных работ в околочурганном пространстве ППКК по внешним признакам нами были выявлены всего лишь двенадцать объектов с небольшими западинами в центре. В результате проведенных двухлетних археологических работ в юго-западном и юго-восточном секторах околочурганного пространства были расчищены тридцать семь объектов, из них изучены тридцать три (кроме объектов № 32, 33, 34, 36) (табл. 1; рис. 9–12).

Таблица 1

Исследованные объекты околочурганного пространства ППКК

№ объекта	Размер и ориентировка объекта	Размер могильной ямы	Поза и ориентировка погребенного	Инвентарь
№ 1	4×3,2 м, высота 0,2 м, СЗ–ЮВ	2,4×1×0,4 м	Вытянуто на спине, головой на ССЗ	Нет
№ 2	6×4,8 м, высота 0,2 м, С–Ю	1,9×1×0,35 м	Вытянуто на спине, головой на С. Правая рука, возможно, согнута в локте, а левая вытянута вдоль тела	Железные наконечники стрел (2 экз.)
№ 3	6,25×4,5 м, высота 0,2 м, ССВ–ЮЮЗ	2,6×1,05×0,21 м	Вытянуто на спине, головой на ССВ. Кости выше тазовых костей не сохранились	Нет
№ 4	6×4,5 м, высота 0,3 м, СВ–ЮЗ	2,04×1,08×0,3 м	Вытянуто на спине, головой на С. Кости выше берцовых костей отсутствуют	Нет





№ 5	4×3,4 м, высота 0,37 м, С-Ю	1,47×0,7×0,2 м	Костей нет	Нет
№ 6	4×4,5 м, высота 0,35 м, С-Ю	1,8×0,6×0,36 м	Вытянуто на спине, головой на запад. Правая рука согнута в локте, а левая вытянута вдоль тела	Пастовые бусины (33 экз.), жертвенник из гранита, фрагмент подвески из зуба животного, фрагмент золотой фольги
№ 7	5,5×5 м, высота 0,65 м, С-Ю	2,1×0,86×0,42 м	Сохранились отдельные кости	Нет
№ 8	4×3 м, высота 0,28 м, СЗ-ЮВ	1,75×0,9×0,28 м	Сохранились отдельные кости	Нет
№ 9	4,8×3,4 м, высота 0,3 м, СЗ-ЮВ	1,8×1×0,38 м	Вытянуто на спине, головой на СЗ. Кости выше тазовых костей не сохранились	Нет
№ 10	3,5×4 м, высота 0,25 м, ССЗ-ЮЮВ	1,75×0,88×0,3 м	Сохранились отдельные кости	Нет
№ 11	5,2×4,5 м, высота 0,35 м, СЗ-ЮВ	1,7×0,8×0,1 м	Сохранились отдельные кости	Нет
№ 12	4×3,5 м, высота 0,3 м, С-Ю	1,85×0,85×0,25 м	Сохранились отдельные кости	Железные кольца (2 экз.)
№ 13	5×4 м, высота 0,4 м, СЗ-ЮВ	1,95×0,73×0,3 м	Вытянуто на спине, головой на СЗ	Каменное изделие, золотые бляшки
№ 14	4×3,5 м, высота 0,25 м, С-Ю	2,1×0,7×0,21 м	Вытянуто на спине, головой на С	Нет
№ 15	4,5×3,5 м, высота 0,2 м, СЗ-ЮВ	2,1×0,87×0,2 м	Вытянуто на спине, головой на СЗ	Золотые бляшки, бусины, глиняное пряслице
№ 16	5×5,4 м, высота 0,3 м, СЗ-ЮВ	1,6×0,6×0,4 м	Сохранились отдельные кости, головой на ССЗ (ориентировочно)	Нет
№ 17	5,5×5,7 м, высота 0,3 м, С-Ю	1,8×0,9×0,35 м	Вытянуто на спине, головой на ССЗ	Нет
№ 18	3,5×4,8 м, высота 0,18 м, ССЗ-ЮЮВ	2×1,1×0,34 м	Вытянуто на спине, головой на ССЗ	Нет

№ 19	3,5×3 м, высота 0,2 м, С-Ю	2×0,67×0,4 м	Вытянуто на спине, головой на С	Нет
№ 20	4,8×4 м, высота 0,18 м, С-Ю	2×1,1×0,9 м	Вытянуто на спине, головой на С	Мелкие фрагменты золотой фольги (2 экз.)
№ 21	3,5×3,8 м, высота 0,15 м, ССЗ-ЮЮВ	1,88×0,87×0,2 м	Вытянуто на спине, головой на ССЗ	Золотые бляшки (5 экз.), пастовая бусина
№ 22	4,6×4 м, высота 0,18 м, ССЗ-ЮЮВ	2,26×0,7×0,4 м	Вытянуто на спине, головой на ССЗ	Мелкий фрагмент золотой фольги
№ 23	7,1×6 м, высота 0,35 м, СЗ-ЮВ	2,26×1,4×0,68 м	Сохранились отдельные кости, головой на СЗ	Нет
№ 24	3×4 м, высота 0,16 м, СЗ-ЮВ	2,05×1×0,4 м	Вытянуто на спине, головой на СЗ	Нет
№ 25	5,5×4,5 м, высота 0,3 м, ССЗ-ЮЮВ	2,25×1,1×0,7 м	Мелкие фрагменты костей	Нет
№ 26	7,5×5 м, высота 0,25 м, СЗ-ЮВ	2,2×0,85×0,6 м	Сохранились отдельные кости, головой на СЗ	Нет
№ 27	7,5×6 м, высота 0,6 м, С-Ю	1,75×0,75×0,22 м	Вытянуто на спине, головой на С	Фрагменты железного кольца
№ 28	3×2,5 м, высота 0,3 м, СВ-ЮЗ	1,7×0,74×0,25 м	Нет костей	Нет
№ 29	5,8×5,8 м, высота 0,28 м, С-Ю	2,2×1×0,48 м	Вытянуто на спине, головой на север	Железный предмет (нож?)
№ 30	4,2×3,6 м, высота 0,2 м, СЗ-ЮВ	1,8×0,9×0,25 м	Вытянуто на спине, головой на СЗ	Нет
№ 31	11×11 м, высота 0,6 м, ССЗ-ЮЮВ	2,15×0,7×0,5 м	Сохранились отдельные кости, головой на ССЗ	Нет
№ 35	8,2×6,7 м, высота 0,6 м, СЗ-ЮВ	1,8×0,85×0,2 м	Сохранились отдельные кости, головой на ССЗ	Нет
№ 37	7×7,5 м, высота 0,6 м, СЗ-ЮЮВ	2×0,9×0,35 м	Вытянуто на спине, головой на СЗ. Кости выше тазовых костей отсутствуют	Фрагменты железных пряжек, фрагменты железного изделия (изделий?)

Все объекты двух секторов, за исключением объекта № 32, сложены из окатанных камней округлой, овальной, прямоугольной и квадратной формы. Камни практически полностью целые, разбитые встречаются редко. Порода – плитняк, песчаник. Объект № 32 отличается по структуре от всех остальных объектов юго-западного





Рис. 3. ППКК. Вид с севера

сектора. Основная масса камней аналогична использованным при возведении кольца, окружающего насыпь основного кургана. Окатанные плитки квадратной, треугольной, прямоугольной формы, серого, темно-коричневого, темно-серого цветов. Встречаются камни вишневого, бежевого и черного цветов. Практически все камни целые. Размеры мелких камней: 18×12×5 см, 14×22×5 см, 17×17×7 см; средних: 33×21×6 см, 28×13×7 см, 28×21×9 см; крупных: 38×32×10 см, 39×24×11 см, 35×23×8 см. Стенки пологие, плавно спускаются вниз. В южной части стенки сквозь камни развала видна кладка из четырех слоев уложенных друг на друга плиток. В северной части стенки фиксируется кладка из трех слоев камня. Кладка образует округлое или овальное в плане сооружение. В центре имеется пространство, свободное от камней, покрытое щебнистым грунтом с включением отдельных мелких и средних камней.

В юго-восточном секторе находилось всего пять объектов (объекты № 33–37).

В юго-западном секторе расчищены тридцать два объекта. На внутренней площадке, образуемой кольцом, окружающим основной курган, расположены тринадцать объектов, из них три (объекты № 1, 7, 12) сооружены соприкасающимися к краю насыпи основного кургана (рис. 13). Края некоторых объектов размещались вплотную друг к другу, фиксировались ряды от двух до четырех объектов, выстроенные в меридиональном направлении. Сохранившиеся насыпи объектов представляют собой ограды, сложенные из одного или нескольких слоев камней диаметром 3–11 м, высотой 0,16–0,65 м. В центре прослеживается одна неглубокая (глубина от уровня древней поверхности 0,1–0,9 м) могильная яма длиной 1–2,6 м и шириной 0,6–1,4 м. Прямоугольные ямы с закругленными углами ориентированы в основном длинной осью по линии СЗ–ЮВ, С–Ю. Погребенные люди уложены на спину с вытянутыми или слегка согнутыми в локтях руками, головой на СЗ, ССЗ. Только в одном случае погребенный был ориентирован головой на запад (объект № 6). Останки людей обнаружены на тридцать одном объекте. В двух объектах исследованы кенотарфы (объекты № 5, 28). Основная часть изученных объектов была ограблена еще в древности. Из них можно выделить девять полностью ограбленных (объекты № 7, 8, 10, 11, 12, 16, 25, 31, 35) и одиннадцать ограбленных только выше пояса (объекты № 1, 3, 4, 9, 17, 23, 26, 27, 29, 30, 37). Одиннадцать погребений сохранились непогребенными (объекты № 2, 6, 13–15, 18–22, 24). Необходимо обратить внимание на то, что среди них встречаются погребения без сопроводительных вещей (объекты № 14, 18, 19, 24).

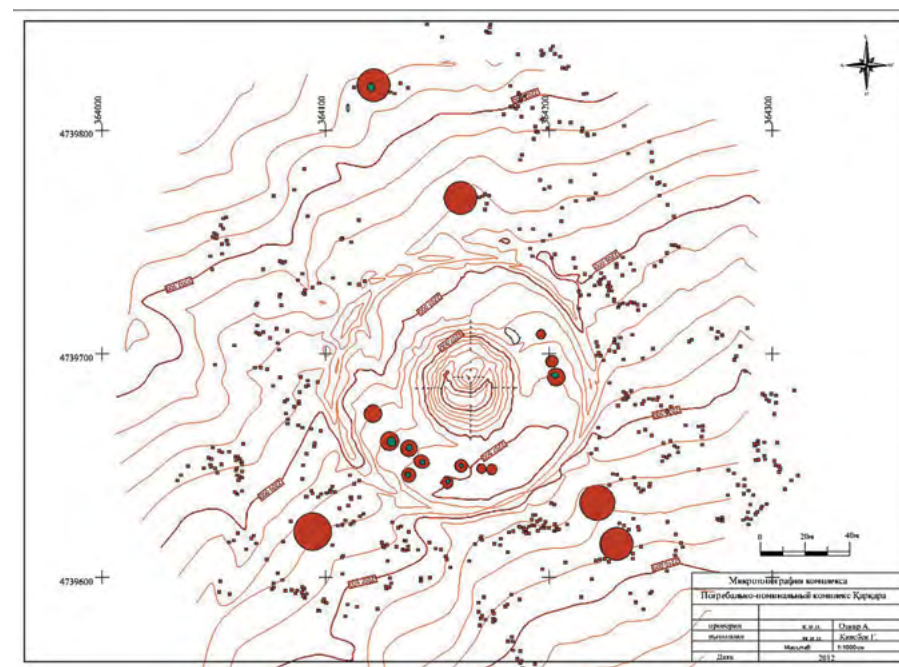


Рис. 4. Микротопографический план ППКК



Рис. 5. ППКК. Наземное сооружение. Вид с юго-востока





Рис. 6. ППКК. Наземное сооружение. Юго-западный сектор

Ниже дается подробное описание объектов, где были обнаружены артефакты. Объект № 2 (рис. 14). В 3-4 м от южного края насыпи большого кургана сооружены три объекта, вплотную примыкающие друг к другу. Объект № 2 расположен с восточной стороны. Оградка овальной формы, вытянута по линии ЮВ-СЗ, размер 6×4,8 м, высота от нулевой точки 0,55 м. Западная стенка соприкасается со стенкой объекта № 3. С южной стороны по центру снаружи имеется участок, где камни стенки смешаны с камнями кольца, окружающего насыпь основного кургана.

Под каменной конструкцией в центре оградки выступали камни. Размер могильной ямы 1,9×1 м, глубина от древней поверхности 0,4 м. Ориентирована по линии С-Ю. Заполнение – темно-коричневый суглинок, плотный, комковатый с включением мелкого камня. Кости скелета плохой сохранности, многие отсутствуют, череп раздавлен. Правая рука, возможно, согнута в локте, а левая вытянута вдоль тела. Между руками в области живота были обнаружены два железных черешковых трехлопастных наконечника стрел (рис. 15). Общая длина одного наконечника 5,6 см, длина пера 3 см, ширина 1,8 см, длина черешка 3,1 см, округлый в сечении. Сохранившаяся длина второго – 3,3 см, длина пера – 2,8 см, ширина – 2,1 см, черешок округлый в сечении.



Рис. 7. ППКК. Наземное сооружение. 1 – бронзовая бляшка; 2 – каменная пряслице

Изучение состава этих двух изделий проводилось по методу рентгеноспектрального микроанализа на приборе электронно-зондового микроанализатора (марки Superprobe 733, фирмы JEOL, Япония) в Институте геологических наук им. К.И. Сатпаева КН МОН РК (табл. 2-3).

Таблица 2

Железный наконечник стрелы (рис. 15, 1)

Все результаты в весовых %								
Спектр	O	Na	Al	Si	P	Ca	Fe	Итог
Спектр 1	29,28	1,04	0,02	1,24	0,97	0,85	66,61	100,00
Спектр 2	28,43	1,08	0,08	1,43	1,06	0,41	67,50	100,00
Спектр 3	26,48	0,73	0,43	1,06	0,62	0,75	69,94	100,00
Среднее	28,06	0,95	0,17	1,24	0,89	0,67	68,02	100,00
Станд. отклонение	1,43	0,19	0,22	0,19	0,23	0,23	1,72	
Макс.	29,28	1,08	0,43	1,43	1,06	0,85	69,94	
Мин.	26,48	0,73	0,02	1,06	0,62	0,41	66,61	

Таблица 3

Железный наконечник стрелы (рис. 15, 2)

Все результаты в весовых %				
Спектр	Si	P	Fe	Итог
Спектр 1	0,04	0,29	99,68	100,00
Спектр 2	0,08	0,30	99,62	100,00
Спектр 3	0,00	0,27	99,73	100,00
Среднее	0,04	0,28	99,68	100,00
Станд. отклонение	0,04	0,01	0,06	
Макс.	0,08	0,30	99,73	
Мин.	0,00	0,27	99,62	

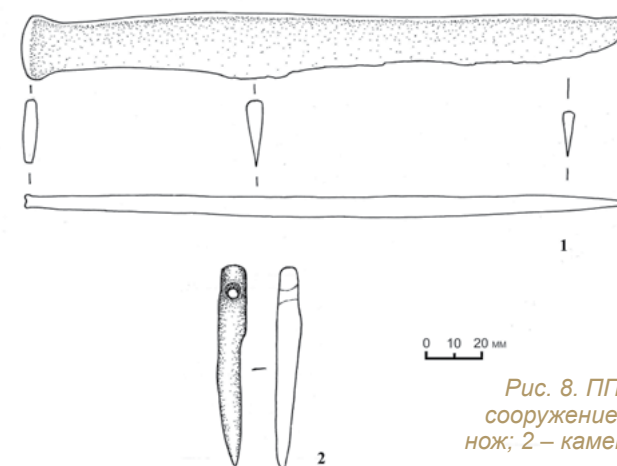


Рис. 8. ППКК. Наземное сооружение. 1 – бронзовый нож; 2 – каменная проколка (?)





Объект № 6 представляет собой ограду овальной формы размером 4×4,5 м, вытянутую по линии С-Ю, высотой 0,35 м (рис. 16). Камни уложены в один слой. Размеры мелких камней: 21×18×7 см, 21×14×9 см, 20×12×10 см; средних: 37×12×7 см, 34×14×13 см, 32×20×6 см; крупных: 43×18×18 см, 42×21×5 см. Кольцо фиксируется только на северо-западном и северо-восточном участках. На северо-восточном участке состоит из крупных и средних камней, соприкасающихся боковыми сторонами; на северо-западном – из средних камней, все они соприкасаются боковыми сторонами друг с другом. Внутри кольца в основном мелкие камни, есть несколько крупных и средних. За его пределами камни практически отсутствуют. Между камнями – щебень и галька. С внешней стороны северного участка стенки фиксируются мелкая галька и развал насыпи основного кургана. Юго-восточный участок перекрыт объектом № 4. Отчетливо видна разница в структуре конструкций обоих объектов: «кольцо» объекта № 4 составлено из более плотно уложенных камней. В центре насыпи на глубине 0,2 м был обнаружен жертвенник из гранита светло-вишневого цвета (рис. 17), практически округлой формы, размер 19,4×18,5 см, высота 4 см. В виде уплощенного диска с закругленными краями, с одной стороны края сглаженные. Сверху края оформлены в виде невысоких бортиков шириной 2 см, плавно соединяющихся с центральной частью. Бортик скошен наружу под небольшим углом. В центре имеется незначительное возвышение.

В центральной части объекта на древней поверхности были выявлены контуры могильной ямы, ориентированной по линии В-3. Размер ямы 1,8×0,6 м, глубина 0,36 м. Заполнение – темно-коричневый суглинок, плотный, комковатый с включением мелкого камня. На дне ямы лежал человек вытянуто на спине, головой на запад.

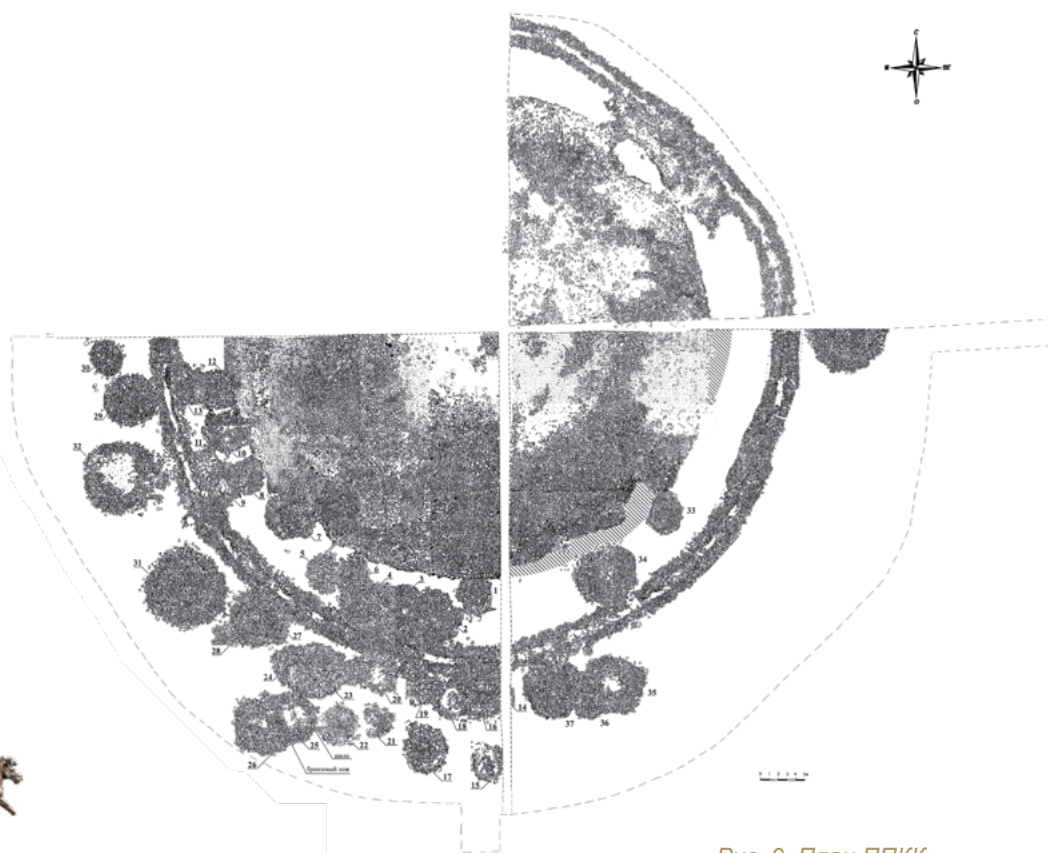


Рис. 9. План ППКК



Рис. 10. ППКК. Юго-западный сектор. Вид с юга

Правая рука согнута в локте, а левая вытянута вдоль тела. Кости плохой сохранности, череп раздавлен. В области шейных позвонков найдены пастовые бусины голубого и светло-серого цветов, полупрозрачные и непрозрачные (33 экз.) (рис. 18, 19). По форме различаются ребристые (двух-, трех- и четырехчастные), округлые, биконические. Диаметр от 4,5 до 6 мм. Диаметр отверстия от 1,5 до 3 мм. Рядом с человеком находился фрагмент подвески из зуба животного уплощенной каплевидной формы. Длина 22 мм, сохранившаяся ширина 8 мм, толщина 2 мм. В верхней зауженной части имеется округлое отверстие диаметром 1,5 мм. Лицевая сторона выпуклая, на поверхности сохранился слой эмали. С внутренней стороны поверхность предмета неровная. Цвет неоднородный, основа светло-коричневая с пятнами темно-коричневого цвета. Также обнаружен фрагмент золотой фольги удлиненной формы и небольшого размера (9,5×3,5 мм).

Объект № 12 овальной формы, состоит из мелких камней, размер 3×4,5 м, вытянут по линии С-Ю, высота 0,3 м (рис. 20). Находится на неровной поверхности: имеется небольшое понижение с северной стороны. Восточная сторона стенки соприкасается с насыпью кургана № 1. Камни объекта № 12 на этом участке немногочисленны и лежат разрозненно на наклонной поверхности насыпи основного кургана. Северная и южная участки стенки при этом упираются в нее. Их уровень немного ниже, чем у поверхности насыпи основного кургана.



Рис. 11. ППКК. Юго-восточный сектор. Вид с юга





Рис. 12. ППКК. Северо-восточный сектор. Вид с севера

В центре имеется небольшое углубление, камни на его дне и по стенкам лежат с небольшой разницей в высоте, плашмя или под наклоном. Южная сторона стенки в разрезе полусферической формы; северная из-за наклона имеет покатый, более протяженный склон с внешней стороны. С западной стороны стенка соприкасается со стенкой объекта № 13. Камни объектов №№ 12, 13 использованы одинаковые и лежат аналогично.

Могильная яма размером 1,85×0,85 м и глубиной 0,25 м располагалась в центре ограды, ориентирована по линии С-Ю. Заполнение – темно-коричневый суглинок, плотный, комковатый с включением мелкого камня. Погребение человека, вероятно, ограблено в древности. Сохранились лишь отдельные кости. В нижней части ямы найдены железные кольца из округлого (?) в сечении прута (2 экз.). Ориентировочный диаметр (точно не определен из-за деформированной поверхности в связи с коррозией) 15 и 19 мм.

Объект № 13 овальной формы, размер 5×4 м, ориентирован по линии СЗ–ЮВ (рис. 21). Находится также на наклонной поверхности: восточная часть немного ниже. Камни лежат в один слой, плашмя или под наклоном. Отчетливо фиксируется внешняя граница выкладки, за исключением участка, где она соприкасается со стеной объекта № 12. Камни лежат плашмя, вплотную друг к другу и соприкасаются длинными сторонами. За пределами образованной ими фигуры овальной формы камни практически отсутствуют. Только на внешнем участке с восточной стороны, где имеется наклонная поверхность, фиксируется небольшой развал, но и здесь очертания кольца сохранились. При сооружении кольца использованы камни средних размеров, за исключением участка с северо-западной стороны: здесь расчищены крупные камни, и этот участок состоит только из них. Внутри конструкции камни в основном мелкие. Размеры мелких камней: 14×13×6 см, 24×15×6 см, 10×12×8 см; средних: 30×22×14 см, 25×20×14 см, 28×12×13 см; крупных: 36×24×22 см, 33×26×22 см, 36×25×13 см.

С западной стороны объекта фиксируются камни развала кольца, окружающего насыпь основного кургана, расстояние между ними составляет примерно 0,6 м. Здесь четко просматриваются край выкладки и сохранившаяся на три слоя кладки стенка ограды.

Могильная яма размером 1,95×0,73 м, глубиной 0,3 м расположена в центре объекта и фиксировалась по скоплению камней. Заполнение – темно-коричневый

суглинок, плотный, комковатый с включением мелкого камня. На дне ямы лежал человек вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 22). Погребальный инвентарь представлен каменным изделием из очень рыхлого камня молочного цвета в виде плоского диска овальной формы (рис. 23, 2). Оно находилось возле локтя левой руки с внутренней стороны. Размер 37×34 мм, толщина 5 мм. В центре с небольшим смещением в сторону имеется округлое отверстие диаметром 10 мм.

В лобной части черепа находились золотые бляшки. В расчищенном виде насчитывается пять экземпляров, из них три бляшки во фрагментированном состоянии, две – целые (у одной бляшки отсутствует только участок в виде ромба в центральной части) (рис. 23, 1). Выпуклые, в виде широкой галочки с прямоугольными лопастями, расположенными под углом 90° по отношению к центральной части. Орнаментальная композиция центральной части образована двумя равнобедренными треугольниками, соприкасающимися вершинами, и ромбом, соприкасающимся с треугольниками своими боковыми сторонами. На поверхности лопастей – две вертикальные неглубокие линии. В пространстве между внешней линией и краем изделия имеются короткие поперечные линии, делящие это пространство на три равные части. На лопастях по краям имеется по одному отверстию (итого две на поверхности каждой лопасти, располагаются друг напротив друга). Края загнуты внутрь. С внутренней стороны сохранились фрагменты кожи. Размеры бляшек (судя по одной неповрежденной и второй почти целой): длина 14–15 мм, ширина в области лопастей 6–7 мм, в центре – 7 мм, толщина 1 мм.

В целях получения наиболее полной информации об этой категории предметов череп умершего человека был извлечен целиком с оставшимися на его поверхности бляшками, сохранившими свое первоначальное положение (рис. 24). На данный момент на поверхности черепа находится еще пять бляшек. Все они аналогичны вышеописанным и образуют ряд из вертикально уложенных плотно друг к другу предметов. При этом треугольная выемка с одной стороны бляшки соприкасается с треугольным выступом с другой стороны следующей за ней бляшки, соответственно, треугольный выступ с другой стороны бляшки соприкасается с треугольной выемкой следующей бляшки. С внутренней стороны сохранились фрагменты кожи.

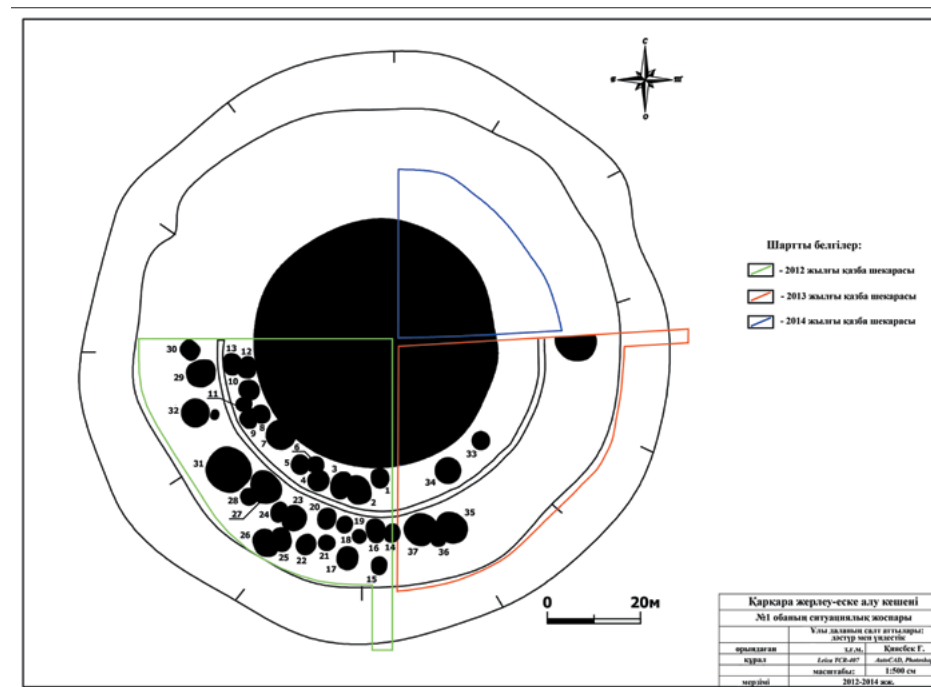


Рис. 13. План ППКК с обозначением раскопов по годам

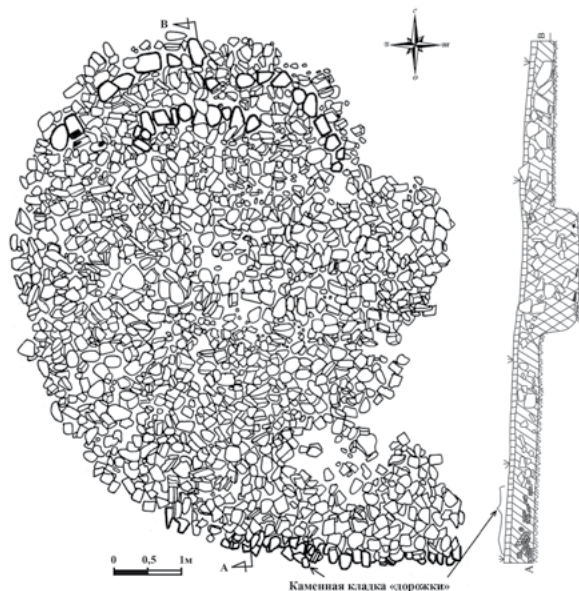


Рис. 14. ППКК. Околокурганное пространство. Объект № 2. Планы и разрез

нялись друг с другом углами, образуя сплошную полосу на поверхности головного убора или ленты. Около нижней челюсти были найдены мелкие круглые бусины черного цвета (55 экз. целых, 4 обломка). Диаметр от 3 до 4 мм, диаметр отверстия 1 мм, толщина от 1 до 3 мм (рис. 27, 2). Немного выше таза с правой стороны найдено глиняное пряслице (рис. 27, 3). Диаметр 39 мм, диаметр отверстия 6 мм, толщина 9 мм с одной стороны, 12 мм с другой. Коричневого цвета. Поверхность заглажена.

Объект № 20. Представляет собой ограду округлой формы размером 4,8×4,4 м, ориентирована по линии С-Ю (рис. 28). В центре имеется пространство, свободное от камней, размер 2,7×1,8 м. Немногочисленные мелкие камни внутри утоплены в грунт. Кольцо сложено из камней мелких, средних и крупных размеров. Участок с северной стороны при этом практически полностью сложен из крупных валунов различной формы. Размеры мелких камней: 17×17×5 см, 20×18×6 см, 15×12×8 см; средних: 27×18×10 см, 23×22×13 см, 30×30×8 см; крупных: 50×32×15 см, 40×32×13

Объект № 15. Представляет собой ограду овальной формы размером 4,5×3,5 м, ориентирована по линии С-Ю (рис. 25). Во время снятия дерна зафиксировано каменное кольцо. Состоит из двух-трех рядов радиально уложенных валунов разных размеров. В центре кольца обнаружена каменная выкладка. После зачистки выкладки на глубине 0,18 м от древней поверхности выявлено погребение человека. Могильная яма вытянута по линии ЮВ-СЗ. Размер могильной ямы 2,1×0,87 м, глубина от древней поверхности 0,2 м. Человек лежал головой на северо-запад. Верхняя часть скелета сохранилась очень плохо, кости сохранились частично. В области затылка обнаружены золотые нашивные бляшки на бронзовой основе (рис. 26; 27, 1). Одинадцать из них целые (две из них практически целые), имеется также пять фрагментов. Выпуклые. В виде полосок зигзага, с закругленными окончаниями, эти окончания выделены размещенными под наклоном желобками. Видимо нашивались на тканевую поверхность и поверх этих желобков проходила нитка. Отверстия отсутствуют. С внутренней стороны фрагменты очень тонкой пластины из бронзы. Длина 24 мм, ширина полоски 4 мм. В момент расчистки находились в потревоженном состоянии, но судя по расположению некоторых из них можно предположить, что первоначально они находились вплотную друг к другу и соединялись друг с другом углами, образуя сплошную полосу на поверхности головного убора или ленты.

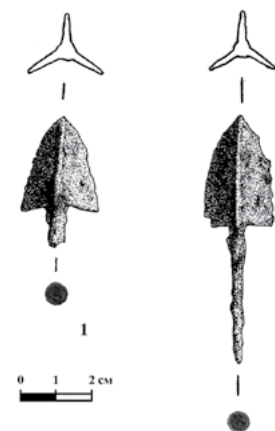


Рис. 15. Объект № 2. Наконечники стрел

см, 35×38×14 см. Камни лежат плашмя в один слой.

С западной стороны имеется перемилька, соединяющая объект с объектом № 24. Она выложена в основном из мелкого камня, размещенного плашмя, под наклоном на ребре. Только на южной половине использованы камни средних размеров, лежащие плашмя. Камни в стенке кольца лежат в три-четыре ряда, составляют одинаковую ширину, за исключением участка с западной стороны – расширяется до 1,3 м. Здесь видна внешняя линия кольца – сложена в основном из мелких камней, встречаются крупные и средние. Соприкасаются друг с другом сторонами. В основном использованы камни треугольной и прямоугольной формы. Диаметр внутреннего пространства кольца составляет 2,9 м.

После снятия камней внутри кольца выявлено пятно овальной формы, ориентированное по линии СЗ-ЮВ, при этом в северо-западной ча-

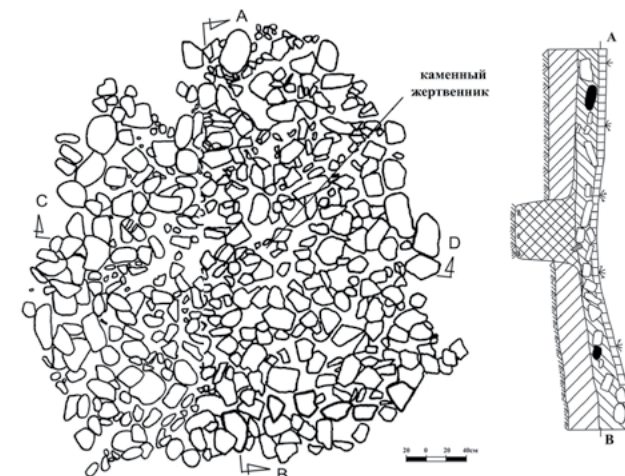
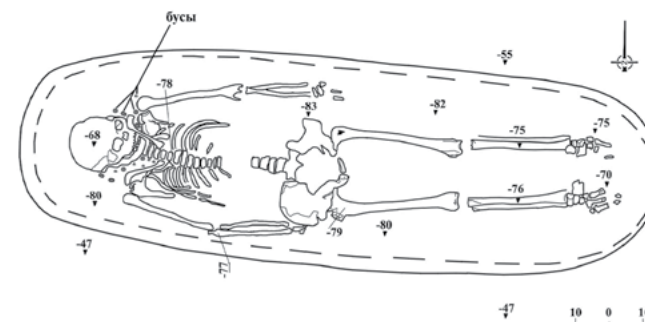


Рис. 16. ППКК. Околокурганное пространство. Объект № 6. Планы и разрез



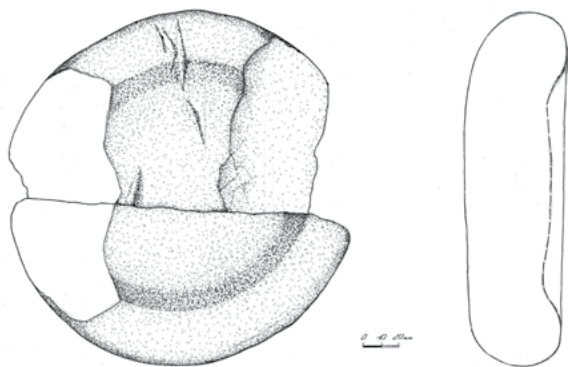


Рис. 17. Объект № 6. Каменный жертвенник

сти имеется щебнистый грунт, в юго-восточной – скопление мелких камней. Дальнейшее вскрытие проводилось по очертаниям этого пятна. Заполнение – темно-коричневый суглинок, плотный, комковатый с включением мелкого камня. На дне расчищен костяк человека. Умерший лежал вытянуто на спине, немного на правом боку (левая рука, левое крыло таза немного выше). Ориентирован на ССЗ. Череп на правом боку. Кости плохой сохранности. Отсутствуют частично ребра, фаланги пальцев, кости стоп.

Юго-западная, северо-западная, юго-восточная стенки отвесные, северо-восточная имеет в придонной части ступеньку шириной 40 см, высотой до 7 см. Вследствие этого придонная часть становится узкой; получается, что стенки ямы вплотную соприкасались с телом умершего. Также в юго-восточной части ямы сверху сделана ступенька, скошенная по диагонали. Дно неровное, оно зафиксировано на глубине 0,9 м от уровня древней почвы. На уровне фиксации ямы ее длина составила 2 м, в южной части ширина 1,1 м, в северной 0,9 м. В придонной части размер 1,66×0,45 м.

В области правой глазницы и на лбу лежали два мелких фрагмента золотой фольги. Одна из них сложена несколько раз (лежащая в области правой глазницы).

Объект № 21. Представляет собой ограду овальной формы, ориентированную по линии ЮВ–СЗ, размер 3,5×3,8 м (рис. 29). Конструкция сохранилась не полностью (с западной стороны камни по внешнему краю и частично внутри отсутствуют). Камни выложены преимущественно в один слой, только изредка перекрывая друг друга. Они мелких и средних размеров, изредка встречаются крупные. Размеры мелких камней: 17×20×8 см, 18×17×10 см, 17×12×14 см; средних: 28×19×15 см, 33×20×18 см, 31×20×8 см; крупных: 35×27×22 см, 37×26×10 см, 38×23×17 см. Между ними эпизодически встречается мелкая галька. Кольцо в основе конструкции выполнено из камней средних размеров, соприкасающихся длинными или боковыми сторонами. Имеется участок стенки с юго-восточной стороны, где лежат камни только удлиненной формы вплотную друг к другу, соприкасаясь длинными сторонами (насчитывается шесть камней).

За пределами кольца камни практически отсутствуют. С северо-востока к кольцу примыкает скопление камней подпрямоугольной формы, камни в его пределах лежат вплотную друг к другу. Размер 1×0,5 м. Внутри кольца пространство заполнено частично. В северо-западной части стенка более широкая, достигает в ширину 0,9 м. При снятии грунта на 5 см расчищена надмогильная овальная выкладка, состоящая из мелких камней, лежащих неплотно, плашмя или под наклоном. После разбора камней зафиксирован скелет человека очень плохой сохранности. Границы ямы определены по очертаниям надмогильной выкладки. Яма была выкопана в древней почве на 0,2 м, материковый грунт не затронут. Размер ямы после снятия камней 1,88×0,87 м, на дне 1,77×0,78 м. Умерший человек был ориентирован головой на ССЗ. Лицевой свод отсутствует. Сохранились кости рук (частично), ног (ниже колен нет костей), таза (частично), правая ключица. Правая рука вытянута вдоль тела,

левая согнута в локте и размещена поверх тела под углом. Возможно, она была смещена в результате деятельности грызунов.

Вплотную к затылку с левой стороны лежали пять золотых нашивных бляшек прямоугольной формы (рис. 30–31). Четыре из них лежали вплотную друг к другу, соприкасаясь короткими сторонами и образуя линию длиной 7 см (бляшки № 2–5). Одна бляшка вывернута, лежит на небольшом расстоянии от остальных, перпендикулярно черепу. В общей сложности бляшки занимают промежуток длиной 11 см. Выполнены из золота. Прямоугольной формы с закругленными углами, размером 17×10 мм. По углам имеются небольшие отверстия диаметром 1 мм. На поверхности – два ряда горизонтальных зигзагов. С внутренней стороны сохранились мелкие фрагменты тонкой кожи темно-коричневого цвета.

В процессе снятия костей зафиксировано, что золотые нашивки окислились и образовали на поверхности черепа в области затылка полосу зеленого цвета и толщиной 2 см. Полоса дуговидной формы с боковыми сторонами по 5 см. В пределах полосы на поверхности черепа также имелись фрагменты шелковой (?) ткани темно-коричневого цвета: 1) редкого плетения, отчетливо видны толстые нити; 2) плотного плетения, тонкая.

В области нижней челюсти справа лежала округлая пастовая бусина золотистого цвета, непрозрачная. Внешняя поверхность матовая. Диаметр 9 мм, диаметр отверстия 2 мм.

В области правого плеча справа находилось очень тонкое каменное кольцо белого цвета, диаметром 25 мм. Состоит из трех фрагментов, очень сильно крошится. Диаметр отверстия 11 мм. Край изделия неровный. Ширина кольца неравномерная. Толщина 2 мм.

С западной стороны ямы находится выкладка из мелких разрозненных камней, лежащих под наклоном и плашмя. По контурам образуемой ими овальной фигуры размером 0,75×1,24 м выбран грунт на 20 см. Контур зафиксирован на глубине 0,25 м от древней поверхности. В центре углубления расчищено пятно сажистого грунта размером 45×38 см на глубине 0,3 от древней поверхности. Толщина слоя 7 см. Южная часть немного глубже. Назначение этого сооружения непонятно.

Объект № 22 округлой формы, состоит из камней средних и крупных размеров (рис. 32). Размер 4,6×4 м, высота 0,18 м, ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ. Мелкие камни сгруппированы в центральной части. Камни лежат плашмя, под наклоном на ребре, в один слой, только изредка перекрывая друг друга. Размеры мелких камней: 19×12×5 см, 23×8×5 см, 19×16×6 см; средних: 30×20×18 см, 30×16×12 см, 29×22×9 см; крупных: 44×20×11 см, 40×10×30 см, 36×32×15 см.

В основе конструкции два ряда камней, за исключением участка в северо-восточной части, здесь мощность стенки пять-шесть рядов, что составляет ширину 1,4 м. В сооружении внешней линии использованы камни средних и крупных размеров, камни лежат вплотную друг к другу в один слой, соприкасаясь длинными или торцевыми сторонами. Вторая линия камней – также средних и крупных размеров подква-



Рис. 18. Объект № 6. Бусы

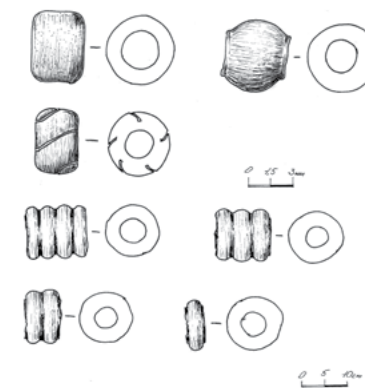


Рис. 19. Объект № 6. Бусы

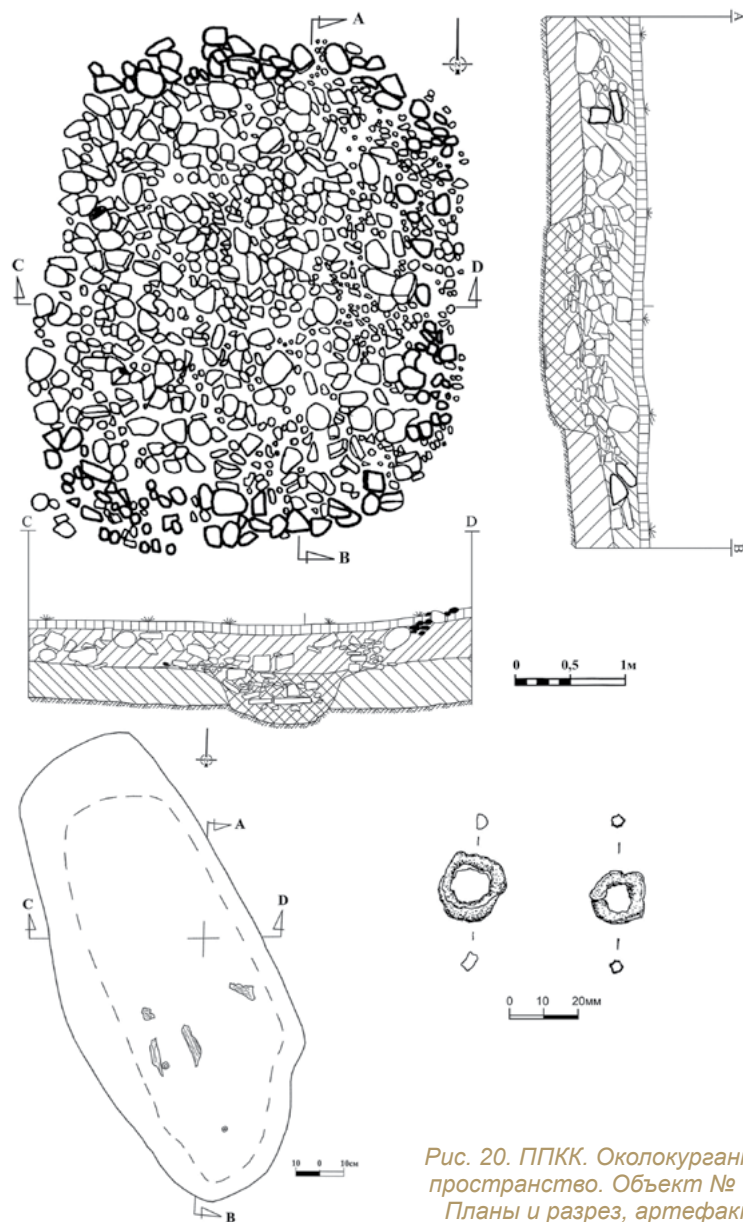


Рис. 20. ППКК. Околокурганное пространство. Объект № 12. Планы и разрез, артефакт

дратной формы, соприкасались боковыми сторонами; имелись камни удлиненной формы, соприкасающиеся боковыми сторонами. После снятия камней в центральной части зафиксировано овальное пятно щебнистого грунта, ориентированное по линии ССЗ-ЮЮВ, в пределах которого лежали мелкие камни, уходящие в грунт плашмя, под наклоном на ребре. Камни лежали на небольшом расстоянии друг от друга. Вскрытие грунта велось по контурам надмогильной выкладки. Заполнение – темно-коричневый суглинок, очень плотный, комковатый, с включением мелких камней и гальки.

Стенки ямы ровные, закругляются в придонной части. Размер ямы на уровне фиксации 2,26×0,7 м, в придонной части 2×0,6 м. Дно зафиксировано на уровне 0,4 м от древней поверхности. Умерший ориентирован головой на ССЗ, лежал в вытянутом положении на спине. Череп на левом боку. Руки вытянуты вдоль тела. Фаланги отсутствуют, сохранились только кости рук, ног, частично – кости позвоноч-

ника, ключицы и лопатка. В области левой глазницы лежал один мелкий фрагмент золотой фольги.

Объект № 27 представляет собой ограду размером 7,5×6 м, высотой 0,6 м (рис. 33). Сложен из мелких и средних камней, изредка встречаются крупные. Размеры мелких камней: 15×15×7 см, 18×13×6 см, 21×20×10 см; средних: 32×9×11 см, 28×17×9 см, 26×14×9 см; крупных: 41×25×16 см, 44×26×15 см, 36×29×15 см. Северо-восточный участок стенки массивнее и выше, при этом использованы камни средних размеров. В целом камни лежат плашмя, под наклоном на ребре. Внешний край конструкции неровный. Камни стенки с северной стороны перекрывают камни развала кольца, окружающего насыпь основного кургана. На этом участке характерных плиток, использованных при возведении данного сооружения, нет, хотя по обе стороны от камней насыпи объекта № 27 они имеются. С западной стороны соприкасается с объектом № 28.

Могильная яма, расположенная в центре, имела размер 1,75×0,75 м, глубину 0,22 м. Заполнение – темно-коричневый суглинок, очень плотный, комковатый, с

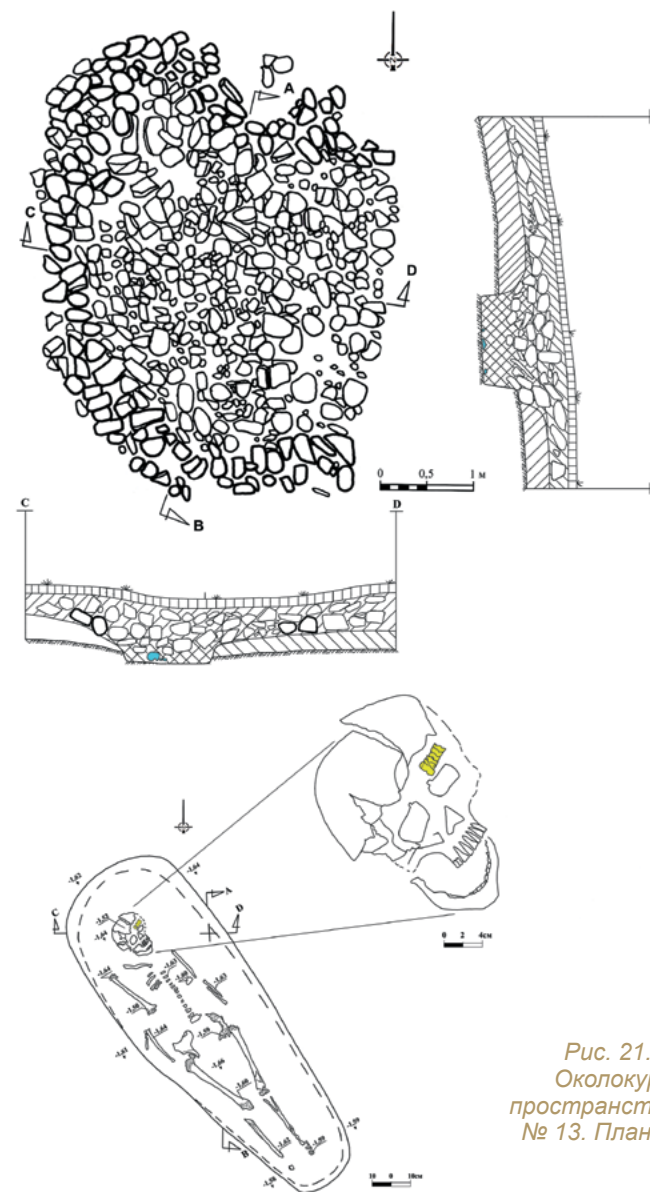


Рис. 21. ППКК. Околокурганное пространство. Объект № 13. Планы и разрез





Рис. 22. Объект № 13. Погребение человека

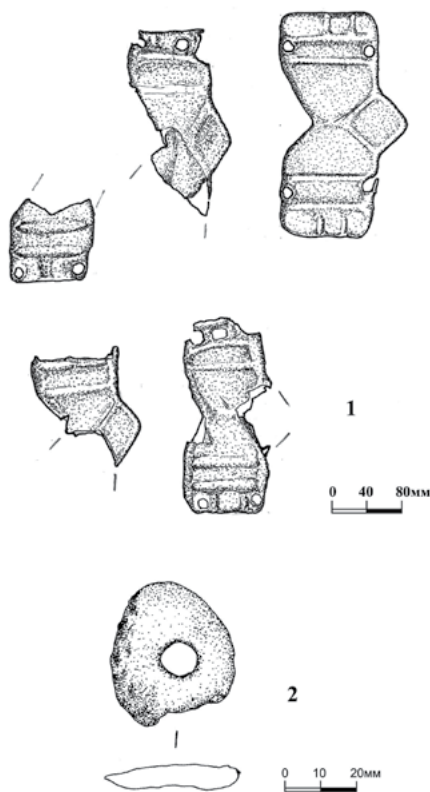


Рис. 23. Объект № 13. 1 – нашивные бляшки; 2 – каменное изделие

включением мелких камней и гальки. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на С. Возле правой берцовой кости найдены фрагменты железного кольца из округлого (?) в сечении прута. Сохранившиеся размеры наиболее крупного фрагмента 11×19 мм.

Объект № 37. До проведения работ объект представлял собой скопление камней, расположенных на разном расстоянии друг от друга. Камни покрыты лишайником светло-зеленого цвета. После снятия верхнего дернового слоя выявлена насыпь округлой формы размером 7×7,5 м, высотой 0,6 м (рис. 34). Сложена из мелких камней, реже встречаются средние и крупные. Камни лежат плашмя, под наклоном, вертикально. В центре имеется углубление размером 1,5×1 м. Ориентирована по линии СЗ–ЮВ. На дне – мелкие камни, лежащие на небольшом расстоянии друг от друга. Стенки полусферической в разрезе формы. Размеры мелких камней: 20×9×10 см, 22×19×9 см, 14×22×3 см; средних: 32×20×7 см, 32×15×7 см, 22×30×5 см; крупных: 16×37×19 см, 30×27×20 см, 34×25×14 см. Расстояние между северным краем насыпи объекта и стенкой ограды – 0,75 м.

Могильная яма размером 2×0,9 м и глубиной 0,35 м ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. На дне ямы лежал человек вытянуто на спине, головой на СЗ. Кости человека выше тазовых костей не сохранились. Между таранными костями погребенного обнаружены нижеследующие артефакты:

- фрагмент железной пряжки. Пряжка бесщитковая, прямоугольной формы, из округлого (?) в сечении прута. Сохранился фрагмент язычка, прикрепленный внахлест к рамке. Длина изделия 42 мм, ширина 21 мм. К поверхности одной боковой и одной длинной стороны прикреплены узкие полоски из золота шириной 25 мм. Края длинных сторон полосок выделены неглубокой бороздкой;

- фрагмент железной пряжки (?) в виде прямоугольной рамки, расширяющейся с одной стороны и образующей закругленные очертания. Сохранившийся размер изделия 31×24 мм. Пряжка выполнена из треугольного (?) в сечении прута;

- фрагмент железного изделия (изделий?). Сохранилось несколько небольших удлиненных фрагментов. Можно отметить только, что изделие (изде-

лия) выполнены из треугольного в сечении прута. К поверхности, видимо, были прикреплены узкие полоски из золота. Имеется три таких фрагмента: 1) пластина удлиненной формы из золота, с одной стороны обломана, с другой заостряется. Сохранившиеся параметры: длина 31 мм, ширина 3 мм. Края длинных сторон выделены неглубокой бороздкой. С обеих сторон – участки с прикипевшим коррозированным желе-



Рис. 24. Объект № 13. Череп человека с нашивными бляшками

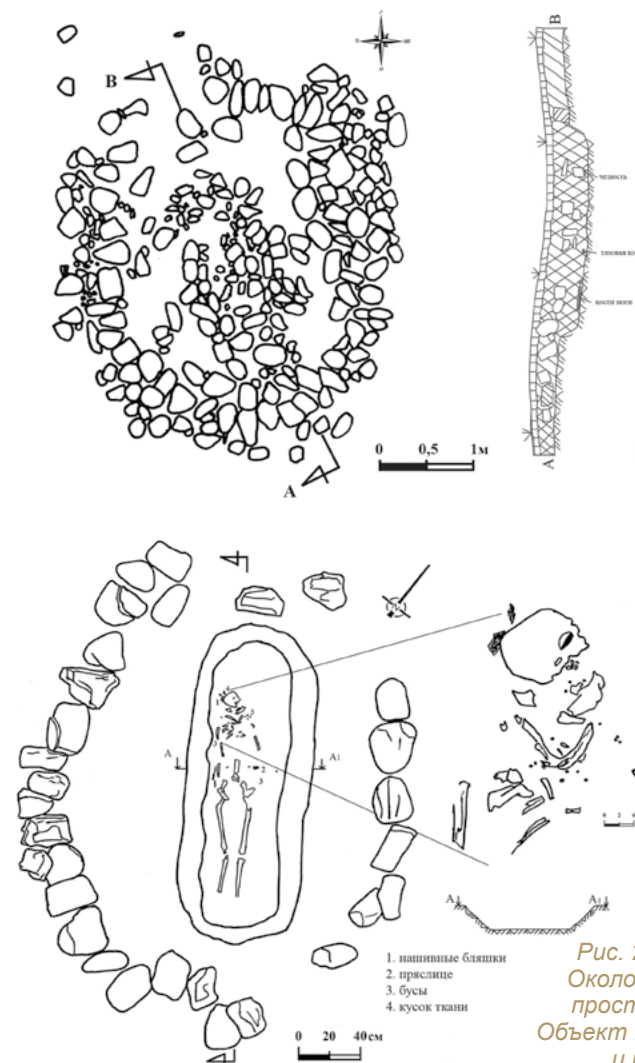


Рис. 25. ППКК. Околокурганное пространство. Объект № 15. Планы и разрез





Рис. 26. Объект № 15. Навивные бляшки под черепом человека

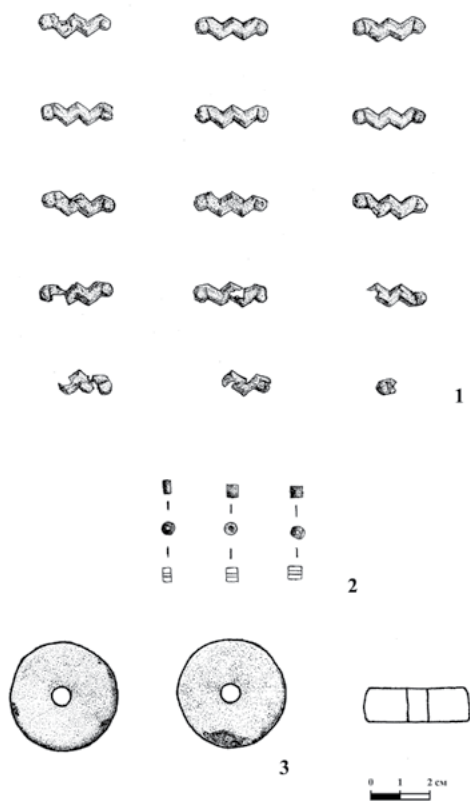


Рис. 27. Объект № 15. 1 – навивные бляшки; 2 – бусы; 3 – пряслице

зом; 2) пластина удлиненной формы из золота. С обеих сторон обломана. Сохранившиеся длина 19 мм, ширина 3 мм. Края длинных сторон выделены неглубокой бороздкой; 3) пластина в виде завитка, поверхность немного сужается к окончанию и при этом заостряется. Сохранившиеся размеры: длина 19 мм, ширина 3 мм. Края длинных сторон выделены неглубокой бороздкой. Края покрыты окислами железа.

Во всех изученных нами объектах околочурганного пространства в юго-западной и юго-восточной частях ППКК было захоронено по одному индивидууму. Погребенные ориентированы головой в северном направлении (с небольшими отклонениями на запад или восток), находились в неглубоких ямах (0,2–0,7 м) в положении вытянуто на спине, с незначительным сопроводительным инвентарем (железные предметы, глиняное пряслище, бусы, подвеска из зуба животного, изделия из камня). Тем не менее, в нескольких погребениях (объекты № 13, 15, 21) найдены золотые навивные бляшки от головного убора или ленты. К сожалению, факт ограбления многих погребений не позволяет более определенно высказаться по поводу этой несогласованности (скудный погребальный инвентарь в целом и в то же время – золотые навивные бляшки в ряде погребений). Обращает внимание обнаружение мелких фрагментов золотой фольги, являющихся в двух случаях единственной деталью погребального инвентаря (объекты № 20, 22). Они находились в области глазниц, лба. Датирующий материал обнаружен в одном случае – два железных трехлопастных наконечника стрел из объекта № 2, предварительно датированные нами II–I вв. до н.э. – II в. н.э. В данный хронологический период укладываются и бляшки из золота. Распространение в декоре геометрического орнамента характеризует заключительный этап раннего железного века. Эта датировка позволяет высказать предположение, что ограда, расположенная между насыпью основного кургана и рвом, были сооружены намного позже. Бронзовый нож, обнаруженный рядом с объектом № 25, относится к

нижней дате функционирования памятника. Точные аналогии ножу пока не обнаружены, но существуют похожие по форме. Каркаринский нож имеет грибовидную шляпку на рукояти. Образцы, относящиеся к тагарской культуре, имеют в основном навершия, оформленные в зверином стиле; есть и кольцевидные по форме. Тасмолинские ножи кольцевидные. Очень близок по форме рукояти и лезвия (небольшой изгиб рукояти, переход рукояти к лезвию небольшим выступом, небольшая изогнутость кончика лезвия) нож, случайно найденный возле кургана Аржан. Нож



Рис. 28. ППКК. Околочурганное пространство. Объект № 20. Могильная яма

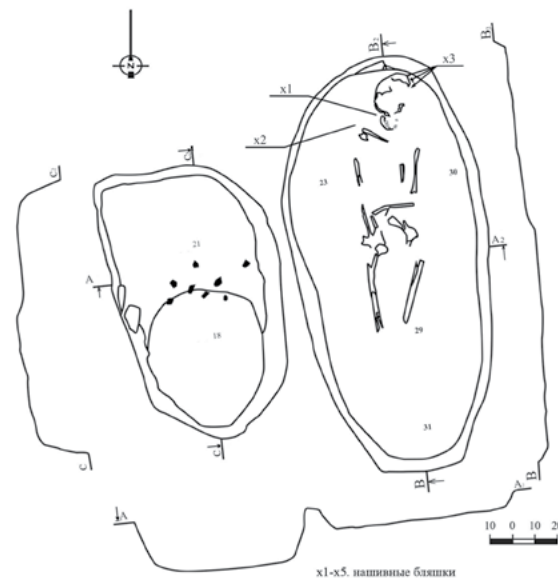


Рис. 29. ППКК. Околочурганное пространство. Объект № 21. Планы и разрез



из Аржана отличается кольцевидным навершием. Датируется VII–VI вв. до н.э. (Членова, 1997, с. 47, рис. 1, 16).

Несмотря на то что насыпи объектов были сложены из неплотно лежащих камней, на протяжении последующего времени они были деформированы несущественно, фиксируется незначительный развал.

В околочурганном пространстве зафиксирован интересный архитектурный элемент – **каменное кольцо** (рис. 35–38). Оно окружает насыпь кургана и делит расстояние между ней и рвом на две части, образуя две разные по размерам площадки. Стенки сложены из специально подобранных окатанных плиток, уложенных плашмя друг на друга. На данный момент стенка на некоторых участках сохранилась на высоту 4–8 слоев камней. Использован камень прямоугольной, квадратной, треугольной формы. Цвета – серый, светло-серый, бежевый, темно-коричневый, вишневый. Камни в основном мелкие и средние. Также встречаются и камни покрупнее, но они ненамного превосходят по размерам средние. Размеры мелких камней:



Рис. 30. Объект № 21. Нашивные бляшки



Рис. 31. Объект № 21. Нашивные бляшки

18×16×4 см, 21×12×7 см, 15×12×6 см; средних: 29×17×8 см, 26×23×4 см, 30×15×6 см; крупных: 34×17×8 см, 28×26×5 см, 34×32×6 см. Использован в основном сланец, реже – песчаник (бежевого, вишневого цветов). Встречается также коричневый пористый камень с вкраплениями камешков другого цвета.

Стенки завалились внутрь и наружу. Ширина развала 3–3,5 м. Ширина ограды по внутреннему контуру составляет разные цифры из-за разницы в размерах камней – 77 см, 80 см, 85 см, 95 см. Внешняя сторона стенки ровная. Ширина по внешнему контуру – от 1,25 до 1,3 м. Ширина стенок 20–27 см (в зависимости от длины камня).

Камни уложены соприкасающимися длинными сторонами, то есть поперек линии кладки. Между камнями – щебнистый грунт.

Фрагмент упавшей стенки зафиксирован возле объекта № 19. Здесь участок внешней стенки (по отношению к насыпи кургана) упал вовнутрь, составляет одиннадцать слоев камня и достигает высоты 90 см. На этом участке использованы только мелкие камни. Второй зафиксированный фрагмент находится возле объекта № 13. Высота примерно 85 см, насчитывается двенадцать слоев камня. Подобно предыдущему, данный участок тоже состоит из мелких камней. Возможно, поэтому эти участки целиком и упали.

Внизу, судя по сохранившимся на месте остаткам кладки и фрагментам упавшей стенки, укладывались камни покрупнее.

Насыпь основного кургана была окружена рвом, имевшим неровные очертания. Ров выкопан на расстоянии 23,83 м (север), 25,46 м (юг), 26,56 м (восток) и 25,40 м (запад) от края насыпи. Ширина верхней части рва составляет 10,42 м (восток), 11,24 м (запад), 12,5 м (север) и 12,6 м (юг). Глубина рва от дневной поверхности 2,3 м. В южной и восточной частях рва заложены траншеи шириной 4 м. Южная часть рва до материка на глубину 0,75 м была заполнена однородным грунтом с щебенкой. Дно рва закругленное. Ширина нижней части дна 3 м. Ров постепенно сужается ко дну. По всей ширине траншеи каких-либо следов тризны в виде остатков костей животных и обломков керамики не зафиксировано. Нет сомнения, что ров копали одновременно со строительством наземного сооружения.

Изучение ППКК продолжается. По планиграфии и внешним признакам комплекс, состоящий из основного кургана, каменного кольца, рва, предположительно датируется VI–V вв. до н.э. Обращает на себя внимание интересный архитектурный

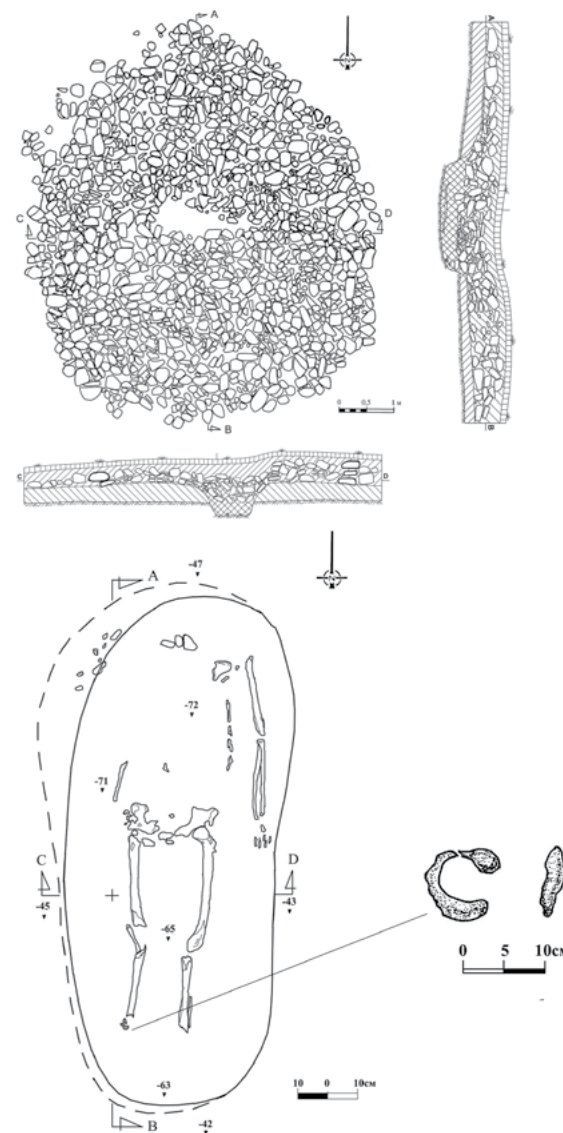


Рис. 33. ППКК. Околокурганное пространство. Объект № 27. Планы и разрез

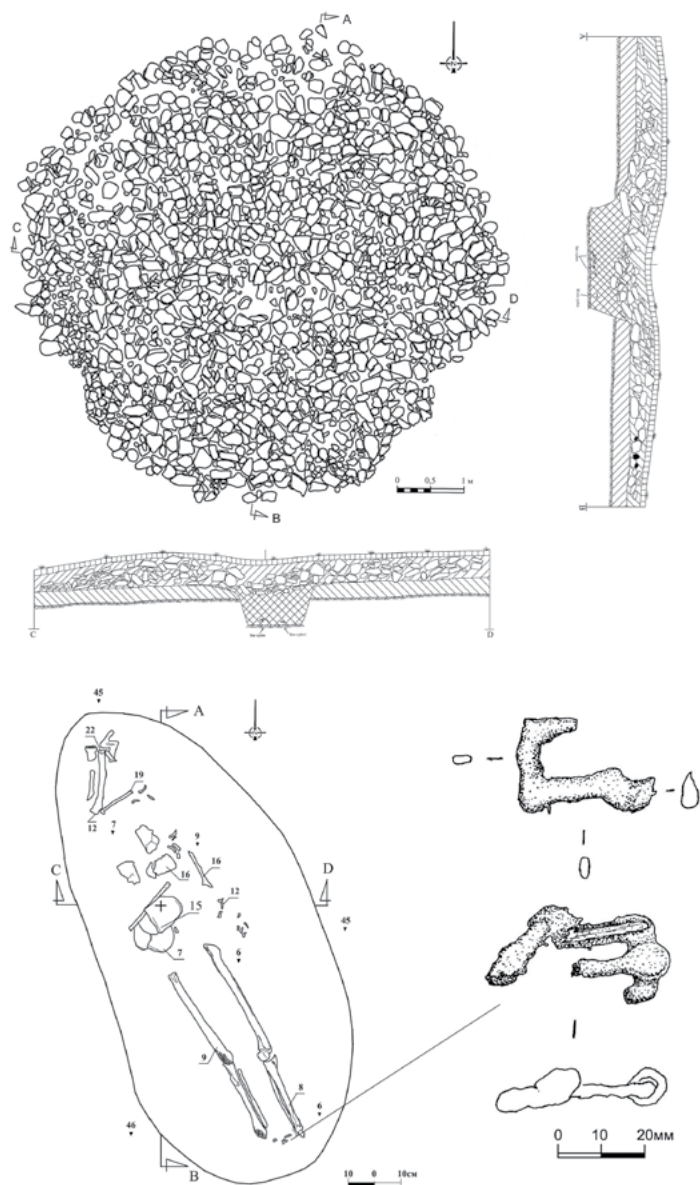


Рис. 34. ППКК. Околокурганное пространство. Объект № 37. Планы и разрез, артефакты

элемент, зафиксированный на памятнике в виде кольца, делящего пространство между насыпью кургана и рвом надвое. Аналогичные каменные кольца встречаются в исследованных больших курганах Жетысу, таких как Большой Бесшатырский курган (Акишев, Кушаев, 1963, с. 27–31), курган № 1 могильника Жуантобе (Самашев, Наглер, Парцингер, Наврот, 2012, с. 350–352), большой курган Ассы Сага (неопубликованные материалы), курган № 2 некрополя Катартобе¹. На данном уровне исследования пока нет объяснений возведению такого рода сооружений, необходимо продолжить исследования в области изучения древней архитектуры.



Рис. 35. ППКК. Каменное кольцо. Юго-восточный сектор. Вид с юго-запада

Исследованные нами в 2012–2014 гг. объекты, занимающие околокурганное пространство ППКК, по ряду аналогичных признаков (форма, размер наземных конструкций, форма ямы, ориентировка и положение человека, сопроводительный инвентарь) позволяют высказать предположение, что умершие были погребены единовременно.



Рис. 36. ППКК. Каменное кольцо. Юго-западный сектор. Вид с юго-востока



¹ См. статью в данном сборнике (Чотбаев А., Онгар А. «Некрополь Катартобе – памятник кочевой элиты Восточного Жетысу»).

Литература

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963. – 214 с.

Онгар А., Кыясбек Г., Чотбаев А., Кожамбетов Б., Рахманкулов Е., Бесетаев Б.Б., Толегенов Е., Айткали А. Предварительные итоги исследования погребально-поминального комплекса Каркара // Труды ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. – Т. I. – Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2012. – С. 49–56.

Онгар А., Чотбаев А. и др. Отчет о научно-исследовательской работе по проекту «Всадники Великой степи: традиции и новации» за 2012 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана. – Алматы, 2012.

Онгар А., Чотбаев А. и др. Отчет о научно-исследовательской работе по проекту «Всадники Великой степи: традиции и новации» за 2013 г. // Архив ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. – Астана, 2013.

Онгар А., Чотбаев А. и др. Отчет о научно-исследовательской работе по проекту «Всадники Великой степи: традиции и новации» за 2014 г. // Архив ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. – Астана, 2014.

Самашев З., Наглер А., Парцингер Г., Наврот М. Совместные Германско-Казахские исследования больших сакских курганов Семиречья // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар, 2012. – С. 350–352.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. 1. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. – М., 1997. – 98 с.

Онгар А., Кыясбек Г., Хасенова Б., Бесетаев Б., Кожамбетов Б. Каркара жерлеу-ғұрыптық кешенін зерттеудің жаңа нәтижелері (2012-2014 жж. қазба материалдары бойынша)

Жетісудағы сактардың ірі обаларының кешенді түрде зерттелінімі сирек. Осы олқылықтың орнын толтыру мақсатында Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Астана қаласындағы филиалының Каркара отряды Тәңіртаудың



Рис. 37. ППКК. Каменное кольцо. Внешний фасад

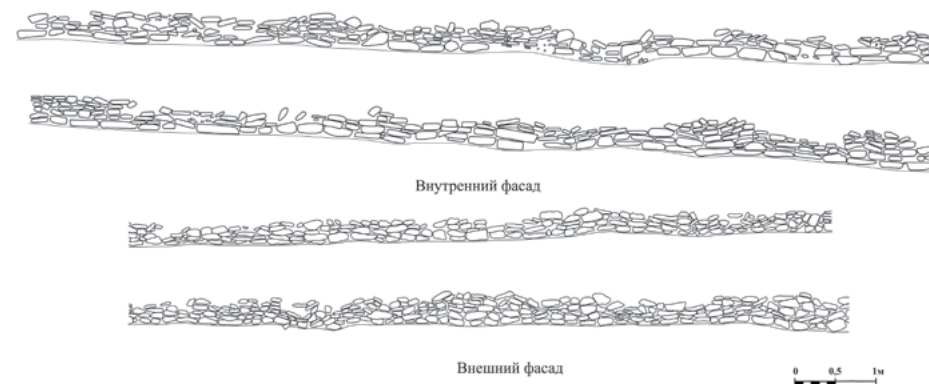


Рис. 38. ППКК. Юго-западный сектор. Внешний и внутренний фасады стен кольца

солтүстік баурайында орналасқан ерте темір дәуірінің Каркара жерлеу-ғұрыптық кешенінде 2012 жылдан бері далалық зерттеу жұмыстарын жүргізіп келеді.

Мақалада Каркара жерлеу-ғұрыптық кешеніндегі үш жылдық далалық зерттеулердің кейбір нәтижелері ғылыми көпшілік назарына ұсынылды. Қазба жұмыстары барысында негізгі оба маңындағы оңтүстік-батыс, оңтүстік-шығыс және солтүстік-шығыс секторлардан барлығы 37 объекті аршылып, оның отыз төрті зерттелінді. Сонымен қатар жер беті құрылымы (үйінді) мен ордың арасындағы тас қабырғалы қоршаудың оңтүстік-батыс, оңтүстік-шығыс және солтүстік-шығыс секторлардағы бөліктері ашылып, қалануы зерттелді. Аталған үш секторлардағы оба үйіндісі беткі шым қабатынан тазартылды.

Зерттеудің алғашқы нәтижелері оба маңындағы орташа көлемді, бір, не бірнеше тас қабатты қоршаулардың астындағы терең емес қабір шұңқырларында бастары аздап ауытқымалдықпен солтүстікке қаратылып, шалқасынан жатқызылған адамдардың жерленгендігін көрсетеді. Адам жанына қойылған заттар жұпыны (көбіне моншақтар, қыш ұршық, темір пышақ, ал кейбірінің басында алтын тігілмелі әшекейлі тоқыма баскиім). Тек қазылған отыз төрт объектінің екеуінде ғана адам сүйегі табылмады. Біздің ойымызша, бұл жерлеулер негізгі жер беті құрылымы, ор мен тас қабырғалы қоршау салынған соң бірнеше жүздеген жылдан кейін қойылған. Ал негізгі оба сыртқы құрылымына қарай б.з.д. VI–V ғғ. мерзімделуі мүмкін.

Onggar A., Kyasbek G., Hasenova B., Besetayev B., Khozhakmetov B. The new results of research work of around mound's space of burial and funeral complex of Karkara (by materials of excavation 2012-2014)

The big funeral monuments of Zhetysay is not enough studied yet. By this purpose the Karkara detachment of the branch Archaeology Institute after named A.H. Margulan in Astana did the field research work of the burial mound Karkara from 2012. The Karkara is situated in the north side of the Tian-shan that belonged to early Iron Age.

In the article we gave the first results of field research works that we did in three years. The field works did on the south-east, south-west and north-east sector, and we opened 37 objects that studied 34. As well as the first side of the funeral-monument and between the pit stone wall of the fence from the south-east, south-west and north-east sector was opened and studied. Above three sectors are just a cleaned the first side of the land.

The first results from the not a big funeral's around that one the below of the one or several stone slides fence's pit situated the humans that the head of person was lied on the north side and they buried throw back. With the person buried bead, burnt clay buckle, iron knife, headdress. Only on the two funerals we didn't find the human. We think that these funerals are basis of the land that buried after hundred years late. And the main funeral and we think this funeral from VI–V BC.

ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ЖЕРІНДЕГІ САҚ ДӘУІРІНІҢ ҚАРАШОҚЫ І ҚОНЫСЫ

Тәуелсіз Қазақстанның тарихын зерттеу және ондағы қандай да болмасын мәселелерді ашудың еліміз үшін маңызы зор. Тарихты зерттеп білу арқылы халық өзінің жерінің құндылықтарын, қасиеттерін білуге мүмкіндік алады. Яғни ұлттың өзі-өзі тануы өз тарихын тану арқылы жүреді.

Қазақ мәдениетінің ерте темір дәуірі кезіндегі төркінін ашып, қазақы дүниетаным мен этнографиялық сарқыншақтар арқылы барымызды қайта жаңғырту негізінен үйінді ретінде жеткен жерлеу орындары – обалар арқылы жүзеге асырылатыны анық.

Обалар – ертедегі көшпелілердің жеке әлемі, адамның о дүниеге аттанар соңғы тұрағы, уақытша мекені және өлген адамдардың тірілермен қауышатын және жиналатын қасиетті орыны. Сол үшін де әлеуметтік ұжым мен Жоғарғы Билеуші (Көк Тәңірі) арасын байланыстырар құрбандық шалу, т.б. күрделі де көптеген ғұрыптық рәсімдер атқарылатын киелі орын. Сонымен қатар, обаларды салуды жоспарлауда негізгі рөлді ірі обалар алады, яғни, осы үлкен обаларды айнала немесе сол ірі обалардан оңтүстікке қарай (Шілікті, Берел, Үйгентас, Есік, т.б.) басқа да обаларды салу аталмыш дәуірге тән болды. Ақсүйек обаларын тұрғызатын жерлер алдын-ала өздерінің дүниетанымдық түсініктеріне сай және жергілікті аумақ жағдайын ескере отырып, Көкке төбесін тіреген асқар таулар, не тіршілік көзі – өзен-көлдер, не жайылымды кең далада абыздар көмегімен арнайы таңдалып алынды.

Ірі обалардың сақ қоғамында шынымен «көсем шонжарларға» салынғандығын анықтауда ішкі құндылығына ғана қарап жорамал жасау аздық етеді. Олардың ірі көсемдерге арналуында өзіндік құрылысы мен архитектурасы бар екенін ескере отырып жай үйінді топырақ ретінде қарамау керек. Осы жерлеу ескерткіштері арқылы сақ тайпаларының көне архитектурасымен бірге өткен өміріне, тұрмыс-салтына, наным-танымына, өндіріс күштеріне құрылыс материалдарына көз жүгіртіп бабалар мұрасын танып білеміз.

Осы ірі обалармен қатар әлеуметтік дәрежесі төмен топтың жерленген ескерткіштері, ғұрыптық орындар шоғырланған. Яғни бұдан байқайтынымыз сақ қоғамында бірнеше ғасырлар бойы осы өңірлерді мекендеген тайпа көсемдерінің жерлеу орындары мен оларға сиыну, тағзым ету шаралары өткізілгенін көреміз.

Қазақстан далаларында орналасқан сақ көсемдері обаларының теңдессіз архитектуралық құрылысы мен құрылымына қарай отырып сол уақыттағы сақтардың қандай тұрғын үйлерде тұрған деген сұрақ туары заңды нәрсе. Қазақстан жерінде қоныстар көпке дейін белгісіз болып келді және оның зерттелмеуінің себебі де бар. Қоныстардың зерттелмеуі ерте темір дәуіріндегі далалы аймақтардың көшпелі өмір тұрмысына негізделген және біржақты оба қазбаларын жүргізуге байланысты болды. Қазақстанда қоныс зерттеу жаңа қалыптасып келе жатқан бағыт.

Бүгінде Орталық Қазақстан өңірінде сақ дәуіріне жатқызылған 30-дан астам қоныс орны табылды. Бұған тұрақты және барлығына ортақ белгілермен сипатталатын ескерткіштердің сыртқы ерекшеліктері (топография, планография, құрылыс техникасы), қазбалардан алынған стратиграфия мәліметтері, үй-жай ерекшеліктері заттық материал негіз болады (Бейсенов, Алдамжуманов, 2004, 205–211 б.).

Осы зерттеулерді негізге ала отырып Шығыс Қазақстан жерінде де Шілікті өңірінен сақ дәуірінің қоныстары іздестірілді. Барлау жұмыстары барысында бірнеше қоныс орындары табылды.

2011–2012 жылдарда Шығыс Қазақстан облысы, Зайсан ауданы, Шілікті ауылдық әкімшілігіне қарасты Тасбастау ауылының солтүстік-шығысына қарай 3 шақырым жерде, Маңырақ тауының оңтүстік беткейінде орналасқан Қарашоқы І сақ дәуірі қонысына жүргізілді. Қоныс Маңырақ тау жотасының күнгей беткейіндегі Қарашоқы биігінің етегіндегі ұзын сайдың түбінде орын тепкен. Қоныстың орналасқан жерінің тағы бір ерекшелігі қардың тез еритін әрі тез құрғайтын биік жерде жайғасуы. Қарашоқы І қонысында сайдың төр жағына орналасқан үш үй орны анықталды (1-сурет). Біздің қазба жұмыстарымыз сайдың ең жоғары шетіне қарай орналасқан үй орнына жүргізілді. Ал, қалған екі үй орны 50 метр төмен орналасқан. Қазба жұмыстарына дейін көне құрылыстың ірі тастары айнала қоршау түрінде сай таба-

нында көрініп жатты. Қарашоқы І қонысының жалпы алып жатқан жер көлемі үш үй орнын қосып есептегенде 5 000 шаршы метрге дейін аумақты алып жатыр. Қоныстың қоршау тастарының көлемі өте ірі 80×100×150 см-ге дейін жетеді (2-сурет).

Тастардың барлығын қалың қызыл түсті қына жапқан. Қоныстың орналасқан тастарына қарағанда формасы сопақша болып келген. Қоныстың сыртқы қоршау тастарымен бірге ортаңғы бөлікте және қоныстың солтүстік-шығыс шетіне қарай бөлмелерді көрсететін тас қатарлары байқалады. Қоныстың сопақша пішінді диаметрі 30 метрді құрайды. Қоршау тастарының көлемдері 35–70 см, ені 20–50 см болып келеді.

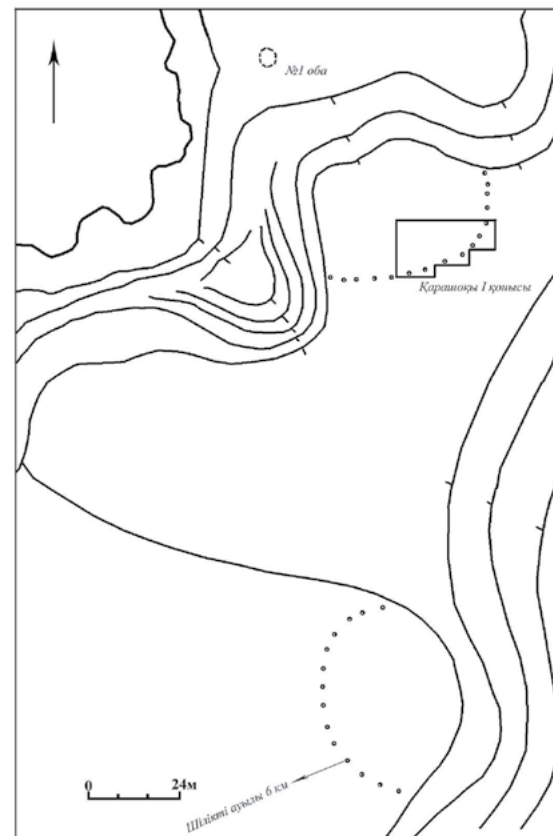
Қоныстың орналасу жағдайы солтүстік-батыс, солтүстік-шығыс және оңтүстік-шығыс бөліктері сайдың биіктеу жеріне орналасқан. Қоныстың солтүстік-батыс жағы жартасты тау болса, шығысын биік қырат алып жатыр.

Қарашоқы І қонысында жүргізілген зерттеулерімізде анықталған мәліметтерге сүйенер болсақ бұл қоныс кемінде үш мәдени қабаттан тұратындығы анық. Алғашқы 80 см тереңдікке дейінгі қазақ қорасының орны.

Қоныстың ортаңғы бөлігінде батыстан шығысқа қарай бөлменің қабырғалары сақталған (3-сурет). Қазбаның солтүстік-шығыс бөлігіне қарай да қазақ қорасының бұрышы жақсы сақталған. Қоныстың тас қаландыдан тұратын толық формасы сопақша болып келген. Қоныстың әсіресе сыртқы қабырғалары үлкен тастардан қаланған. Қазба барысында белгілі болғаны қоныс бірнеше стратегиялық қабаттардан тұрады. Бірінші мәдени қабаттағы қазақ қорасының едені тегіс, тек есік жаққа қарай ойысталып жатыр. Қоныстың сыртқы тастарының орналасуы мен ішкі бөлме бөліктеріне қарай есік оңтүстік шығысқа қараған деп жорамалдауға болады. Алайда қоныстың оңтүстік шығыс шетінде тастары жоқ есік орны өте тар болып келген. Есік тәрізді ашық жердің ені 70–80 см ғана. Қоныстың есігі өте тар болуы біздің ойымызша жер жағдайының өте желді болуы мен бірге суықтан қорғану мақсатында солай жасаған.

Қазба жұмыстары қоныстың А бөлігі бойынша тереңдету барысында 1 м 30 см тереңдіктен А2 қазба бөлігінен батыстан шығысқа қарай тізбектеле орналасқан тас қабырға байқалды. Тас қабырғаның тастарының көлемі 30×40×50 см аралығында. Осы тастардың іргелерінен ірі қара мен ұсақ малдың сүйектері мен қыш ыдыс сынықтары және қалың қара түсті күл қабаты кездесті.

Күл ағаштың күлі екендігі анық байқалады, күл арасында күйген сүйек қалдықтары да бар. Осы тас қабырғадан оңтүстік-шығысқа қарай 1 м 56 см жерде диаметрі 1 м, тереңдігі 15 см болатын үлкендеу ошақ тәрізді орын анықталды. Осы деңгейде А3, А4 қазба бөліктерінен әртүрлі көлемде кішірек шұңқыр орындары анықталды. Шұңқыр орындары бір түзудің бойында орналаспаған, әр жерде қазылған. Соған қарағанда және күл қабатының көп болуына орай осы жерлер ас үйдің



1-сур. Қарашоқы қонысының орналасқан жоспары





орыны болуы мүмкін дейміз. Табылған қыш ыдыс сынықтарының сыртында да оттың күйген іздері байқалады.

Қарашоқы I қонысына қазба жұмыстарын жүргізу барысында 700-ден астам мал сүйектері, жекелеген түз аңдарының сүйектері мен тістері табылды. Олардың 400-ден астамы өте ұсақталған сынық күйінде кездесті. Соған қарағанда Қарашоқы I қонысының көне тұрғындары сүйек майын алып жегенді жақсы көрген сияқты. Әсіресе жілік сүйектері мен ірі қара малдың бақай сүйектерін шаққан. Мал сүйектерін шағып майын алумен қатар сүйек өңдеу ісінде де сүйектер сындырылуы мүмкін. Мұндай сүйек өңдеу жұмыстарына жылқының жақ сүйектері мен кішірек тайынша, торпақтардың және қойдың жілік, бақай және асық сүйектерін қолданған.

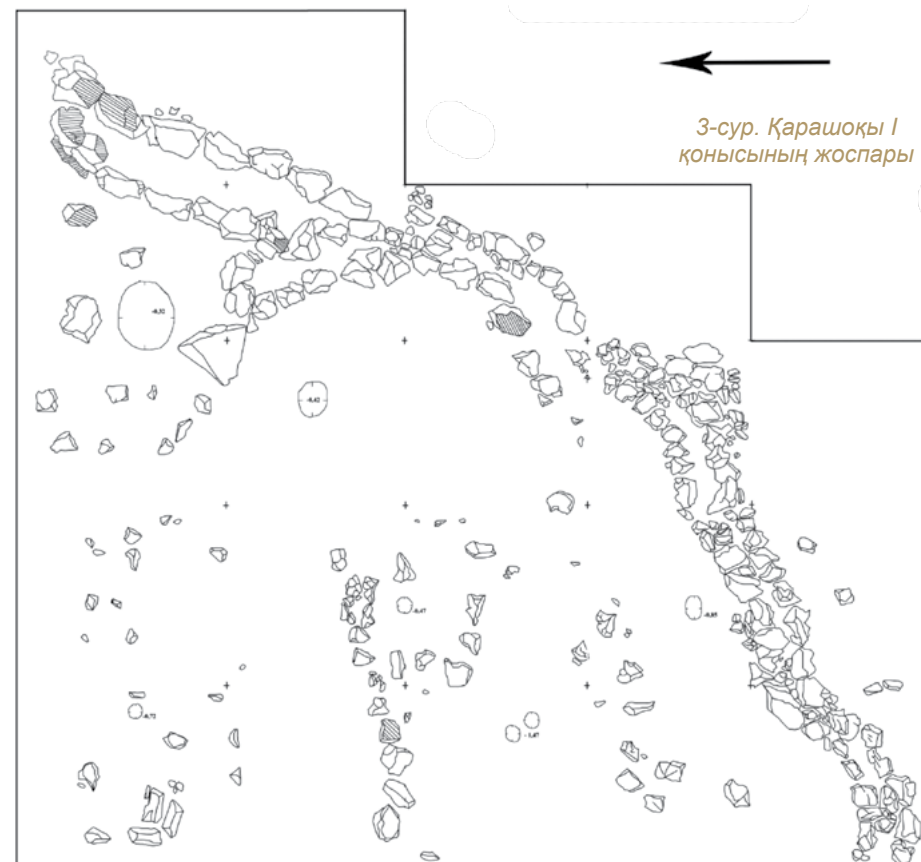
Барлық табылған сүйектер ішінде әсіресе асып жеген еттен қалған сүйектер, қой сүйектері *Ovis aries* Z – 44 тіс сүйектер мен 150-дей басқа сүйектер. Екінші орында жылқы сүйектері *Eguus caballus* Z – 20 тіс сүйектері мен 28 басқа да сүйек қалдықтары. Үшінші орында кішігірім тайынша торпақтың сүйектері *Bos Taurus* Z – 13 және 15 басқа да сүйек қалдықтары. Төртінші орында үй итінің сүйегі *Canis forma domesticus*. Бұл сүйектер небәрі жекелеген 7-8 сүйектер тізімін құрайды (Төлеубаев, Үмітқалиев, Жуматаев, 2012, 2–11 б.).

Келесі ретте Шілікті өңірінің көне фаунасына тән жабайы аңдардың арқардың, құланның, бұғының, таутекенің және қабанның сүйектері. Осындай жабайы аң сүйектерінің кездесуіне қарай Шілікті өңірінде мекендеген Қарашоқы I қонысында мекендеуші сақ дәуірі тұрғындары мал шаруашылығы мен қатар аңшылықты да кәсіп қылғандарын көруге болады. Сонымен бірге Қарашоқы I қонысының орналасқан жерінің өзі аңшылыққа қолайлы ұрымтал, әрі қалтарыс жерде орын тепкен. Ұрымтал деуімізге себеп қоныс тұрған жер Сауыр жотасы мен Маңырақ тауының түйіскен жері. Әрі үлкен су көзі Үйдене өзеніне құлайтын кең қолаттың аузы. Қоныстан табылған аң сүйектері көбінесе қазба жұмыстары кезінде сындырылмаған бүтін күйінде кездеседі. Бұл да қазіргі күні қазақ халқының түсінігінде қалыптасқан түз аңының сүйек майы болмайды немесе сындыруға болмайды дейтін түсініктермен астасып жатқандай көрінеді.

Бүгінгі күні археологиялық мерзімдеме жасауда басты негізге қыш ыдыс сынықтарын немесе бүтін ыдыстардың формасы мен өрнектеріне қарай берілуде. Біздің қазбаларға дейін Қазақстанның Орталығында, Жетісу жерінде және Ресейдің



2-сур. Қарашоқы I қонысының жалпы көрінісі



3-сур. Қарашоқы I қонысының жоспары

таулы Алтай аймақтарындағы ерте темір дәуірінің қоныстары мен қатар салыстыра қарастырдық. Негізінен ерте темір дәуірінің қоныстарында ең көп кездесетін қыш ыдыс сынықтары болсы, олардың өзіндік ерекшелігі мен өзгешеліктері айтарлықтай көп емес. Оларға тән негізгі форма мен жасалу әдісі және сыртқы өрнектері, ернеуі, түбі біртекті болып келеді. Біздің зерттеулерімізде Қарашоқы I қонысынан ернеуі, бүйірі және түбінің сынықтарын қосқанда барлығы дан астам қыш ыдыс сынықтары табылды. Ыдыстардың табылған сынықтары ішінде көбінесе кездескен бүйірінің сынықтары болғандықтан ыдыстың толық формасын айқындауға мүмкіндік болмады. Алайда ернеуінің сынықтары мен қалыңдығына қарай және Орталық Қазақстандағы (Бақыбұлақ, Сарыбұйрат) ерте темір дәуірі қоныстарындағыдай көпшілігі кең ернеулі көзе тәрізді ыдыстар. Мөлшермен кейбір үлкен ыдыстардың биіктігі 30×35 см, диаметрі 30 см. Кішірек ыдыстардың биіктігі 15×20 см, диаметрі 20 см. Ыдыстардың жасалу құрамы, шыны аралас құм мен саздан жасалуы, сыртқы формасы, өрнектерінің тек жоғарғы жағына жақын бедерленуі Орталық қазақстан жеріндегі Қызылсүйір-I, Сарыбұйрат, Едрей-1 қоныстарының қыш ыдыстарымен сәйкестіктерді байқауға болады.

Бейсеновтың А.З. ерте темір дәуіріне жататын қоныс деректері бойынша қыш ыдыс сыртындағы өрнектердің негізгі категорияларына, ыдыс ернеуіндегі көлденең сызықтар, қиғаш сызықтар, ыдыстың ішінен және сыртынан саусақпен батырылған маржандар, саңырауқұлақ тәрізді іздері мен белдеулер жатқызылады (Бейсенов, Ломан, 2009, 264 б.).

Солардың ішінде біздің қазба жұмыстарымыз кезінде Қарашоқы I қонысынан ернеуінен төмен бірнеше көлденең сызығы бар, қиғаш сызығы бар, ернеуі сәл сыртқа шығыңқы ыдыстардан жақындықтарды байқауға болады.



Біздің қарастырып отырған қыш ыдыс белгілерін көрсететін мәдени жақын ескерткіштер тобын М.К. Хабдулиның зерттеулерінен де кезіктіруге болады (Хабдулина, 2003, 189–214 б.).

Қарашоқы I қонысының қазбаларынан табылған қыш ыдысқа ұқсас үлгілер Таулы Алтайдың жеріндегі П.И. Шульга қазбалары бойынша табылған б.д.д VI–II ғғ. мерзімделетін Партизанская Катушка және Асқат-II қоныстарында кездеседі (Шульга, 1998, 146–164 б.).

Дәл осындай сызықтары мен маржандары яғни басылған саусақ іздері бар қыш ыдыстар А.З. Бейсенов қазбаларында Орталық Қазақстан жеріндегі Қызылсүйір-2 қонысында кездескен. Жоғарыдағы зерттеушілер осындай ұқсас үлгілеріне қарай б.д.д. VII–VI ғғ. мерзімдеген болатын (Бейсенов, Ломан, 2009, 205–211 б.). Орталық Қазақстандық ерте темір дәуірінің қоныстарынан табылған қыш ыдыс сынықтарымен бірге тас кетпендер, дәнүккіштер, темір балқытып құюға арналған тас қалыптар қоныстың сыртқы ерекшеліктері Қарашоқы I қонысында айқын көрініс тапқан. Бұған қоса жерлеу дәстүрлеріндегі және оба ішіндегі жерлеу жоралғысы кезіндегі әшекей заттар Шілікті ескерткіші мен Талды II мәліметтері арасындағы ұқсастықтар бұл пікірлерімізді нақтылай түседі. Сондықтан қорытындылай келе Шілікті өңіріндегі зерттелген ерте темір дәуірінің алғашқы қонысы Қарашоқы I ескерткішін мөлшермен VII–VI ғғ. мерзімдейміз.

Шілікті жеріндегі археологиялық зерттеу жұмыстары жүргізілген қоныстық деректер ерте темір дәуірі жайлы бұрыннан қалыптасқан пікірлерге біршама толықтырулар енгізе алады. Біздің 2011 жылғы археологиялық зерттеу маусымында аз ғана барлау қорытындысы бойынша ерте темір дәуірінің төрт қоныс орны анықталды. Қоныстар Маңырақ тауының күнгей беткейінде таулар мен биік шоқылардың желден ықтасын, әрі қар жатпайтын биіктеу етектерінде орналасқан. Көлемдері онша үлкен емес негізгі құрылыс материалы ретінде тасты қолдана отырып, бір-біріне тіркестіре салған. Қоныстардың айналасында өзен немесе бұлақ сияқты су көздерінің болмауына қарағанда қар суын ерітіп тек қыс айларында қоныстанғанға ұқсайды. Біздің барлау жұмыстарымыздың нәтижесінде табылған төрт қоныс орнында да үйдің артқы жағы төбе басына, алдыңғы беті оңтүстік-шығыс жаққа бағытталған. Бұл көрініс қоныс тұрғындарының Шілікті жазығында үнемі болатын батыс, шығыс желдерінен сақтануға мәжбүр болғандығын көрсетеді.

Қарашоқы I қонысы қора-қопсысы 2–3 кішігірім дөңгелек, сопақша үйлі қоныстар болып келеді. Қабырғалардың тас іргесі екі қатар болып қойылған ірі тастардың арасы күл немесе топырақпен толтырылған. Көбінесе қоныс қабырғалары үйдің шығыс және батыс жақтарындағы тік жартастан құлаған ірі тастармен қаланған. Қоныс іргетасының қазіргі сақталған 0,5–1 метр болып келетін биік те жалпақ тастармен құрылған. Қоныс орны бертіндегі құрылыстар сияқты әсер қалдырады, мәселен, олар кейінгі қазақ қыстауларының қирандыларына да ұқсайды.

Орналасуына қарай қоныс XIX–XX ғғ. басындағы қазақ қыстауларының дәстүрлі орындарына жақын келеді. Қазба жұмыстары кезінде белгілі болғаны сақ дәуірінің қонысы қазақ қыстауының астында қалған. Қазба жұмысы жүргізілген Қарашоқы I қонысының зерттеу мәліметтері тұрғын-жайлардың аса терең жер қазылмай жер үстінде және сайдың ойығын пайдаланып салынғанын көрсетеді.

Әдебиет

Бейсенов А.З., Алдамжуманов Қ. Шығыс Сарыарқа. Қарқаралы өңірінің өткені мен бүгіні. – Алматы: Эверо, 2004. – 703 бет + 88 бет түрлі түсті суреттер.

Төлеубаев Ә.Т., Умітқалиев Ұ.Ұ., Жұматаев Р.С. Шілікті жазығындағы Қарашоқы I қонысында жүргізілген зерттеулердің есебі // Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының мұрағаты. – Алматы, 2012.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы: Инжу-Маржан, 2009. – 264 с.

Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1: Древние эпохи. Астана, 2003. – С. 189–214.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катуні // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. – С. 146–164.

Төлеубаев А.Т., Умитқалиев У.У.

Сакское поселение Карашоки I в Восточном Казахстане

В статье речь идет о поселении сакского времени Карашоки I, находящегося в Восточно-Казахстанской области Зайсанского района близ села Шиликты. Карашоки I – первый и единственный из открытых памятников раннего железного века, обнаруженный в данном регионе. Исследование поселений раннего железного века на территории Восточного Казахстана находится на стадии разработки и становления. Поселение имеет три уровня культурного слоя: верхний культурный слой содержит останки казахской зимовки, ниже культурный слой средневековой эпохи, самый нижний слой принадлежит эпохе ранних кочевников. Аналогичные памятники с таким содержанием культурных слоев редко встречаются в степной полосе Казахстана. Поэтому в данной статье проводятся результаты углубленного изучения указанного поселения.

Toleubayev A.T., Umitkaliyev U.U.

The Saka Settlement of Karashoky I in the East Kazakhstan

In this article is described the Saka-period settlement of Karashoky I, located in the East Kazakhstan region, in the Zaisan district near the village of Shilikty. The Karashoky I site is the first and unique site of the Early Iron Age found so far in this region. The study of the settlements of Early Iron Age in the territory of East Kazakhstan is in progress and in the last years some successes are mentionable. The settlement contains three archaeological levels: the upper layer is characterised by remains of a Kazakh winter camp, the middle by medieval finds and the lowest by findings belonging to the early nomads culture. Similar sites with these artefacts in stratigraphical contexts are rarely found in the steppe zone of Kazakhstan. Therefore, this paper highlights the results of an important study of this important settlement.

Чотбаев А., Онгар А.

НЕКРОПОЛЬ КАТАРТОБЕ – ПАМЯТНИК КОЧЕВОЙ ЭЛИТЫ ВОСТОЧНОГО ЖЕТИСУ¹

Территория современной Евразии на сегодняшний день в историческом аспекте является одним из регионов, где в эпоху раннего железного века бурно протекали культурно-исторические процессы. Ученые не раз доказывали это предположение, основываясь на изученных памятниках рассматриваемой эпохи. Данное рассуждение не предполагает того, что в другие времена этот край был периферией исторических процессов; напротив, культурное освоение региона начинается еще с эпохи камня и продолжается вплоть до современности, доказательством чего являются памятники широкого хронологического времени.

Историографию региона, пожалуй, можно начать с античного времени. Но здесь нужно отметить, что античные историки оставляли данные в повествовательном ключе, а научное осмысление начинается лишь в XIX в. Особый интерес для античных авторов представляло население эпохи раннего железного века рассматриваемой территории, жизненный уклад которого был в диковинку для цивилизованного в то время мира. Возможно, основной причиной пристального внимания античных историков к степным племенам является их динамичное влияние на исторические процессы, происходившие на евразийском пространстве, посредством мощной военной машины.

Население горных и степных просторов древнего Казахстана в последующие времена развивалось, становясь могущественной политической и экономической силой. Историко-культурные процессы происходили под непосредственным диктатом этого населения, тем самым вызывая особый интерес средневековых авторов, которые тщательно собирали и изучали материалы, полученные различными способами, касающиеся истории и культуры всего населения пояса Великой степи.

Изучение рассматриваемого региона происходило постоянно, но необходимо отметить, что исследования носили информативный характер, и с точки зрения современной науки данные работы составили солидную источниковедческую базу.



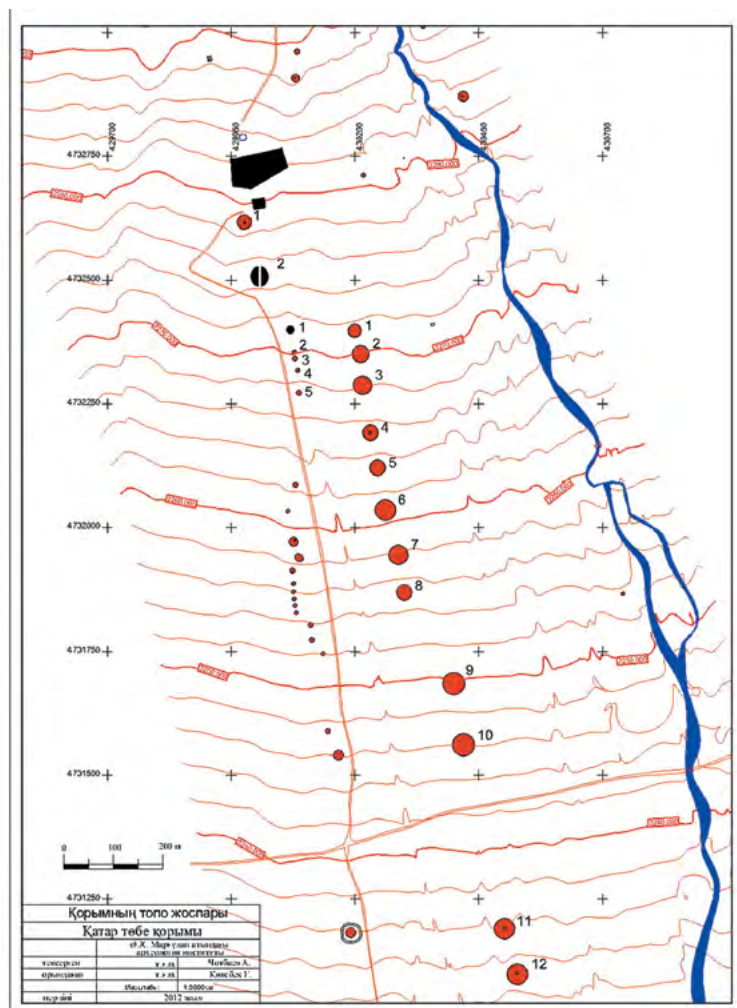


Рис. 1. Топографический план некрополя Каттартобе

На сегодняшний день имеется солидная источниковедческая база, множество монографических работ, посвященных различным проблемам истории Великой степи, но все еще остаются неизученными определенные стороны жизнедеятельности населения, локализованные в хронологических и пространственных рамках, которые требуют решения в ближайшее время.

Нерешенные задачи в отечественной истории множество, особенно острые относятся к периоду раннего железного века Жетысу. Здесь до сих пор непонятны некоторые аспекты, связанные с эпохой бронзы, в частности становление и развитие археологических культур этого времени в широком понимании, и, как следствие, не до конца ясны основные моменты становления культур раннего периода раннего железного века.

Ввиду различных причин огромный регион, охватывающий несколько географических зон, изучен неравномерно. Так, территория современного Жетысу является одной из тех областей, в которых исследовательская работа носила непостоянный характер.

В данной работе автор не ставил своей целью изучение истории археологического исследования памятников рассматриваемого региона, поэтому здесь указаны лишь основополагающие работы специалистов, долгое время занимавшихся ис-

следованием памятников раннего железного века непосредственно на территории Жетысу.

История археологического изучения региона и сакской проблематики в целом до 1960 г. в полной мере разработана К.А. Акишевым (Акишев, Кушаев, 1963; Акишев, 1978).

Многие годы изучением погребально-поминальных памятников занималась Е.И. Агеева. Огромная работа по изучению памятников усуньского времени проделана и опубликована Г.А. Кушаевым. Многочисленные памятники были исследованы ново-строечным отрядом Семиреченской археологической экспедиции под руководством Б. Нурмуханбетова.

После обнаружения в Исыкском могильнике «Царского захоронения» (Акишев, 1978) изучение территории Жетысу проводилось не так активно, как в предыдущие годы, полевые раскопки продолжались, а анализ полученного материала все еще находился на стадии описания, предоставления фотографий и оформления графической документации.

После обретения Казахстаном государственной независимости изучение Жетысу возобновилось, исследовательские работы начали проводить с использованием качественно новых методов, принятых в мировой практике. Одна из таких экспедиций была организована казахстанскими и германскими учеными во главе с З. Самашевым. Работы продолжались два полевых сезона, было исследовано несколько погребально-поминальных памятников раннего железного века, расположенных восточнее г. Алматы, на административной территории Енбекшиказахского и Райымбекского районов Алматинской области. Полученные данные дополнили имеющиеся источники и дали возможность рассматривать некоторые вопросы сакской археологии по-новому, это в первую очередь коснулось проблем древней архитектуры погребальных памятников (Самашев и др., 2012).

В последнее время огромное количество археологических раскопок производят аварийно-спасательным методом, к сожалению, материалы данных работ пока не введены в научный оборот.

С недавнего времени изучением археологических памятников Жетысу занимаются ученые ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Основной целью исследовательских работ является изучение архитектуры, погребального обряда и околоспокойных сооружений (Онгар и др., 2012; Чотбаев и др., 2012).



Рис. 2. Основная гряда курганов некрополя Каттартобе





Рис. 3. Каменное кольцо, окаймляющее наземную конструкцию кургана 2, первой группы некрополя Катартобе

В рамках грантового проекта «Всадники Великой степи: традиции и новации» специалистами ФИА им. А.Х. Маргулана исследования проводятся на двух уникальных памятниках раннего железного века: это погребально-поминальный комплекс Каркара, расположенный на одноименном высокогорном плато Райымбекского района, и некрополь Катартобе, находящийся на широко известном высокогорном жайлау Шалкоде.

Теперь остановимся на предварительных результатах изучения некрополя Катартобе. Археологические раскопки здесь по некоторым причинам проводились лишь один полевой сезон, а полученные результаты работ показали необходимость продолжения исследования памятников данного некрополя.

Данная местность называется Катартобе; основанием названия, вероятно, стали курганы, расположенные чередой.

Некрополь Катартобе – одно из крупных скоплений погребальных памятников, которых в долине протяженностью 60 км и шириной до 5 км имеется несколько десятков. Катартобе находится на предгорной ровной площадке долины правого берега р. Шалкоде, состоит из более чем пятидесяти разновременных погребально-поминальных сооружений, протянувшихся цепочкой с севера на юг.

Долина расположена в горно-ландшафтном массиве, южная часть граничит с Тянь-Шаньской горной системой, северная – с хребтом Тузу. Средняя высота над уровнем моря в южной части составляет 2200 м, высота северной части 2361 м над уровнем моря.

Некрополь состоит из четырех скоплений памятников, условно разделенных на четыре группы. Его основную массу составляют курганы высотой от 1 до 4 м, диаметром от 10 до 60 м (рис. 1). Визуально наземные сооружения памятников по их форме можно разбить на две большие группы: а) прямоугольные или квадратные; б) округлые. В дальнейшем, после накопления достаточного количества материала, погребальные памятники по особенностям внутримогильных конструкций будут систематизированы по типам.

Наземные сооружения больших курганов возведены из местного грунта, покрытого сверху слоем окатанных камней («каменная рубашка»), на что указывают просматривающиеся в норах камни. На некоторых объектах фиксируются рвы и каменные кольца.

Основу некрополя Катартобе составляет центральная цепь, состоящая из более двадцати наземных сооружений (рис. 2). Возле некоторых из них прослеживаются остатки следы мест проведения тризн, а также околочурганых сооружений в виде рвов и каменных колец (рис. 3).

Небольшие наземные конструкции в основном характерны для двух групп некрополя, которые располагаются параллельно основной цепи. Таких курганов визуально зафиксировано около тридцати.

Ближе к подножию горы, среди курганов находятся каменные ограды; они прямоугольной в плане формы, системы в их расположении не наблюдается.

В 2012 г. исследованы два погребальных памятника раннего железного века, а один был подготовлен для дальнейшего изучения. Эти погребальные сооружения расположены в группах 1, 4, 5.

Один из исследованных объектов находится в составе группы 1 под номером 2. Данная группа состоит из двух отдельно стоящих курганов.

Предварительные результаты в виде описания основных особенностей кургана были уже опубликованы, однако для полноценного восприятия и представления памятника автор повторно приводит некоторые данные, но уже дополненные и уточненные.

Курган № 2 (группа 1) расположен на северной стороне долины, ближе к подножию хребта Тузу, отрогу горной системы (рис. 4, 5). С запада на расстоянии 2 м от края насыпи проходит полевая дорога, на поверхности которой фиксируются два ряда окатанных камней, размещенных параллельно.

Наземная конструкция в свое время была потревожена, на насыпи кургана вырыта траншея, стенки которой выложены железобетонными плитами. В ходе раскопок были удалены современные антропогенные остатки и впоследствии зачищены обе стены насыпи, на которых четко фиксируются профили слоев, которые обозначили буквами «А» и «В» (рис. 5, 4).

Высота наземной конструкции, судя по разрезу, 2,3 м. Стратиграфия показала, что наземная часть памятника возведена из гумусированной почвы (чернозем) без примеси глины. Насыпь имеет три слоя, которые отчетливо различаются между собой по цвету и по линии границ. Первый пласт поднят непосредственно над центральной могильной ямой, высота его 1 м; потревожен многочисленными норами. Второй слой представлен валом, который хорошо прослеживается в стратиграфии.



Рис. 4. Курган 2, группа один. Вид с запада



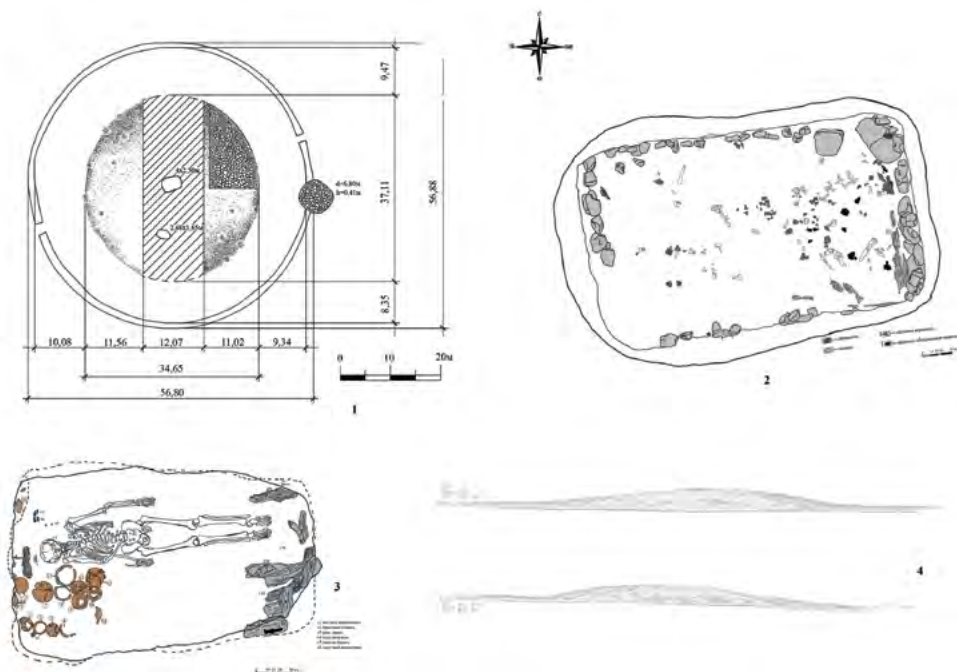


Рис. 5. Некрополь Катартобе, курган 2: 1 – план наземной конструкции, 2 – погребение 1, 3 – погребение 2, 4 – разрез наземной конструкции

Вал сооружен из суглинка и ограничивает насыпь первого пласта. Третий слой каменный, покрывает второй, состоит из мелких и средних окатанных камней, выложенных в один пласт. Выявлены следующие конструктивные особенности: наземная часть сооружена из грунта, покрытого одним слоем «каменной рубашки». Каменный панцирь состоит из мелких и средних окатанных камней. Наносной слой на поверхности небольшой, но по полу насыпи доходит до 1 м. Форма наземной конструкции в плане округлая, высота 2,3 м, диаметр 40 м.



Рис. 6. Некрополь Катартобе, курган 2. Каменная рубашка наземной конструкции. Перемычка-вход в каменном кольце



Рис. 7. Некрополь Катартобе, курган 2. Каменная жернова



Рис. 8. Некрополь Катартобе, курган 2, погребение 1. Сохранившаяся каменная облицовка стенки могильной ямы

С целью определения характера «каменной рубашки» и дальнейшей фиксации расчистили сектор А (рис. 5, 1), который сохранился немного лучше остальных. Верхний панцирный слой состоит из мелкого плитняка вперемешку с речной галькой разных размеров, в основном они мелкие. Камни уложены аккуратно, в один слой, образуя одну целую плоскую поверхность. Основание данного слоя по периметру полу насыпи укреплено одним рядом относительно крупных камней, уложенных плотным рядом. В ходе расчистки дернового наноса в восточной части сектора, вблизи каменного кольца, на уровне древней погребенной почвы зафиксированы мелкие фрагменты керамического сосуда.

На расстоянии 3–5 м от края насыпи расчистили камни, в основном окатанные, уложенные в два ряда, образующих каменное кольцо вокруг наземной конструкции памятника (рис. 6). Камни расположены плотно в параллельную линию. Ширина 1 м, внутреннее пространство не заполнено. В северо-восточной части имеется перемычка-проход.

Похожие на кургане № 2 околочурганские каменные кольца некоторыми исследователями интерпретированы в качестве каменной дорожки для проведения ритуальных действий. Аналогичная конструкция исследована казахстанскими и германскими учеными на некрополе Жуантобе, расположенном в 100 км восточнее от г. Алматы (Самашев, Наглер, Парцингер, Наврот, 2009). Большой курган в этом могильнике был также окружен кольцом. Катартобинское в целом похоже на жуантобинское, но есть и конкретные отличия, например, конструкция этого сооружения кургана № 2 представлена в виде двух линий каменных выкладок, а у такого сооружения кургана № 1 некрополя Жуантобе внутреннее пространство было заполнено и затрамбовано мелкими камнями вперемешку с глиной. Такие особенности околочурганских





сооружений в будущем можно будет систематизировать и провести типологический анализ. Результат такой работы сделает возможным более детально рассматривать погребально-поминальную традицию населения региона. Но для этого необходимо провести археологические исследования, так как на уже имеющихся материалах такие особенности не документированы.

Архитектура наземной конструкции кургана в целом типична для памятников Жетысу, но здесь следует отметить, что археологические исследования в рассматриваемом микрорайоне проводятся впервые, а полученные результаты в целом дополняют знания о древней архитектуре сакской культуры.

В северо-восточной стороне сектора, за каменным кольцом, в 0,37 м от него расчищен ручной жернов (рис. 7). Он округлой формы, состоит из двух частей, размер 28×30 см. В центральной части имеется округлое отверстие, окаймленное небольшим валиком, диаметр отверстия 3,5 см, диаметр каймы 11 см, толщина 1,5 см. Толщина верхней части зерномолки 2,5 см, нижней части – 1,5–2 см. В верхней половине зернотерки, по ее краям фиксируются две выемки глубиной до 1,5 см, расположенные напротив друг друга. Данные углубления и отверстие в центре конусовидной в сечении формы. Расположение жернова ставит под сомнение его принадлежность к данному погребальному комплексу; он, скорее всего, попал туда позднее.

Под насыпью в центре находится могильная яма, вторая – в 8 м южнее, ближе к поле насыпи.

Могильная яма 1 (основная) расположена в центре сооружения (рис. 5, 1, 2). Могильная яма в плане прямоугольной формы, с закругленными углами, отличается темноватым цветом. В северо-восточном углу на глубине 0,14 м отмечен фрагмент дерева. В центральной части, среди камней забутовки, на глубине 0,01 м обнаружена нижняя челюсть КРС. Здесь же, на глубине 0,4 м, расчищена верхняя часть лопатки КРС. На глубине 0,9 м в центре ямы зафиксировали нижнюю челюсть лошади, она находилась среди камней завала от грабительского лаза.

На глубине 1 м по контуру стенок могильной ямы расчищены окатанные камни (рис. 8), положенные в один ряд и в два яруса, по расположению камней в нетронутых участках можно реконструировать целостную картину, в которой стенки ямы до высоты 0,2–0,5 м были облицованы окатанными камнями. На этой же глубине внутри каменной кладки фиксируются плиты прямоугольной формы, они расположены



Рис. 9. Некрополь Катартобе, курган 2, погребение 1. Устройство погребальной ямы

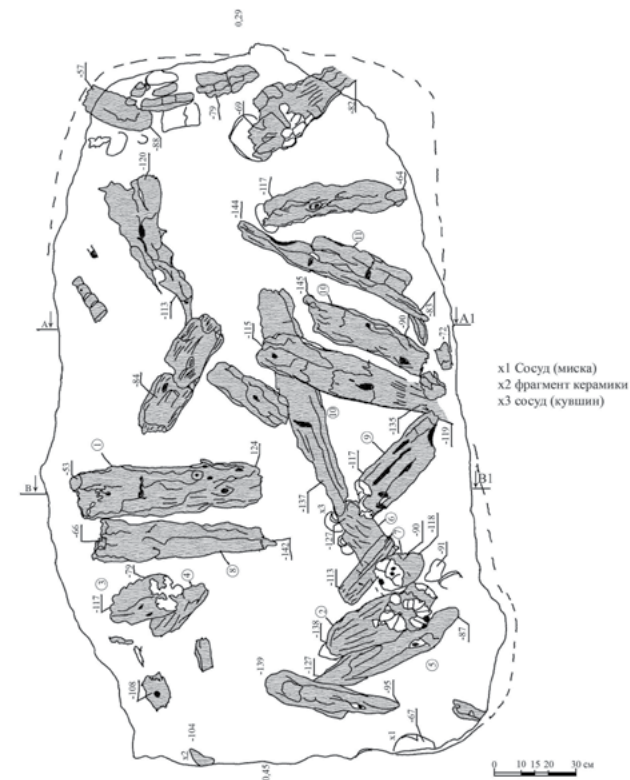


Рис. 10. Некрополь Катартобе, курган 2, погребение 2. Остатки бревенчатого перекрытия могильной ямы с реперными отметками

плашмя и вразброс. Данные плиты могут быть перекрытием погребальной камеры или настилом дна, но, к сожалению, такое состояние дна могильной ямы не позволяет сказать что-либо конкретно. На глубине 1,19 м по всей площади могильной ямы фиксируется каменный настил, среди них отмечены фрагменты керамических сосудов (рис. 9). По-видимому, несколько сосудов были разбиты и разбросаны грабителями. Ниже остановимся на каждом фрагменте:

фрагмент 1 расположен в восточном углу ямы, на глубине 1,19 м; это фрагмент тулова с венчиком, черного цвета. Судя по форме, сосуд был чашеобразным, высотой 10 см. Рядом с ним находились остатки сильно сгнившего дерева, а в 0,02 м от него фиксируется трубчатая кость ноги погребенного человека;

фрагмент 2 – фрагмент тулова с венчиком от чашеобразного сосуда желтого цвета, расположен возле северо-восточной торцевой стенки ямы, на глубине 1,17 м. К западу от него расчищены плохо сохранившиеся кости таза и бедренная кость погребенного;

фрагмент 3 – фрагмент сосуда с петлеобразной ручкой на тулове. Фрагмент от сосуда желтого цвета;

фрагмент 4 – фрагмент сосуда с ручкой на тулове в виде петельки, находится на глубине 1,24 м. Рядом с ним расположены разбросанные кости скелета погребенного;

фрагмент 5 – фрагменты чашеобразного сосуда, находятся кучкой. Вероятно, целый раздавленный сосуд.

В юго-восточном углу ямы фиксируются сгнившие остатки дерева, судя по их структуре, остатки бревен. Предположительно это остатки от деревянной погребальной конструкции.

Кости скелета погребенного человека находятся вразброс по всей площади дна могильной ямы (рис. 5, 2).





Рис. 11. Некрополь Катартобе, курган 2, погребение 2

Опираясь на то, что челюсть человека выявлена в западной части погребения, можно предположить, что покойный лежал головой на запад.

Могильная яма 2 расположена в 8 м к югу от центрального погребения. По форме яма прямоугольная. Во время зачистки на уровне погребенной почвы фиксировались остатки истлевших частей бревен. Могильная яма ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. На уровне материка в западном углу ямы отмечен отдельный фрагмент цельного бревна. Остатки фрагментов бревен фиксируются и в северо-западном углу, где прослеживаются еле заметные стыки бревен. В восточной торцевой стороне обнаружена спрессованная масса (органика?), под ней расчищена нижняя челюсть МРС (баран?). Остатки фрагментов дерева встречаются по всей площади могильной ямы до глубины 0,2 м. Ширина могильной ямы на этом уровне 1,5 м, длина 2,2 м.

Могильная яма заполнена мелкощебенистым грунтом, камни отсутствуют. На глубине 0,65 м зафиксированы остатки бревен – перекрытия ямы. Бревна расположены по краям продольной стенки ямы с наклоном к центру. Некоторые находятся вертикально относительно стен могильной ямы.

Бревенчатое перекрытие сооружено из цельных стволов, которые поставлены поперек длинной стенки ямы, провалившиеся стволы перекрытия находились на разных уровнях, но по одной линии длинной стены ямы (рис. 10). Провалившиеся бревна доходили до уровня погребенного.

На глубине 1,1 м расчищены останки погребенного человека. Погребенный лежит вытянуто на спине, головой ориентирован на запад (рис. 5, 3). Выше фиксировались следы темно-коричневого вещества, возможно, от одежды или покрывала.

На уровне погребенного, ближе к восточной стене, сохранились куски бревен, расположенных горизонтально.

Сопроводительный инвентарь, по сути, разнопланового характера. Так как центральное погребение разграблено и сохранились лишь фрагменты разбитых сосудов, ниже детально остановимся на вещевом комплексе нетронутого бокового погребения, указывая на их месторасположение.

На черепе с левой стороны, в височной части находились фрагменты органического вещества, выкрашенного в красный цвет, здесь же обнаружена серьга из желтого металла. Серьга изготовлена из проволоки в один оборот в виде подвески (рис. 12, 4). Серьги такого типа широко известны на территории Жетысу и датируются III–II вв. до н.э.

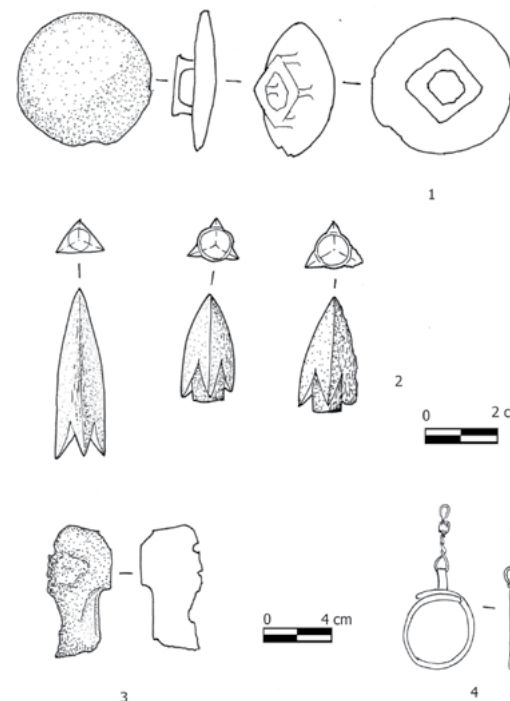


Рис. 12. Некрополь Катартобе, курган 2, погребение 2: 1 – бронзовая бляшка, 2 – костяные наконечники стрел, 3 – железное изделие (?), 4 – серьга золотая

На глубине 1,04 м в юго-западном углу западной торцевой стенки находится чашеобразный сосуд с отломанным венчиком. В северо-западном углу могильной ямы на глубине 0,8 м на одном из фрагментов бревна лежал железный кинжал, острие его направлено к западу (рис. 11); длина 22 см, длина рукоятки 7,5 см, длина клинка 12 см. Клинок обоюдоострый, линзовидный в сечении. Перекрестье и навершие рукоятки сохранились фрагментарно. По сохранившимся остаткам можно сказать, что перекрестье изогнутое, похоже на бабочковидное; навершие, возможно, серповидное. Перекрестье кованое, навершие литое. Точные аналогии этому изделию на территории Жетысу единичны, они не опубликованы. Можно отметить лишь одну из них, экспонирующуюся в Есикском музее-заповеднике (г. Есик, Алматинская область). Кинжал в свое время был найден в некрополе Молалы (неопубликованный материал Б. Нурмуханбетова).

В 20 см левее от черепа на ровной площадке находились наконечники стрел: три костяных, один железный (рис. 12, 2, 3). Наконечники по форме насада относятся к двум группам: втульчатым и черешковым. Железный наконечник стрелы сильно коррозированный, костяные сохранились хорошо. По сохранившимся остаткам можно предположить, что железный наконечник трехлопастной, черешковый. Костяные наконечники по форме головки относятся к двум типам: со скрытой втулкой (2 экз.) и с выступающей (1 экз.). Втулки наконечников первого типа чуть выступают от головки. Наконечники трехгранные, грани на основании профилированы треугольными вырезами, затем переходят в небольшие шипы. Длина наконечников 3 см, ширина головок на основании 2 см. Второй тип наконечника также трехгранный, грани на основании вырезаны треугольниками и превращены в шипы. Длина наконечника 5 см, ширина головки 1 см. Форма наконечника повторяет черты бронзовых наконечников, бытовавших в IV–III вв. до н.э. По сути, данные наконечники стрел являются копиями бронзовых стрел, изготовленных из кости или рога. Аналогии костяных втульчатых наконечников этого типа нам пока неизвестны, по крайней мере, на территории Жетысу.





В северо-западном углу ямы, вплотную к стене лежали два фрагмента сосуда. Под костяком прослеживаются остатки настила.

Архитектура, погребальный обряд, а также устройство могильной ямы исследуемого кургана, как показывают аналогичные памятники региона, характерны для этого времени, но на сегодняшний день рассматриваемый курган в регионе является вторым известным нам курганом с двумя погребальными ямами. Могильные ямы грунтовые, стенки центральной ямы были облицованы окатанными камнями, дно выстлано плитами. Способ перекрытия могильной ямы неясен. Боковое же захоронение по форме схоже с центральным, перекрытие бревенчатое, но меньше по размерам. Здесь интересным является наличие бокового погребения, точнее, причина его подзахоронения. Возможно, это обусловлено родственной связью умерших или же социальной зависимостью от человека, погребенного в основном захоронении.

Агеева Е.И., анализируя материалы усуньского времени, определила несколько видов могильных ям. В основном они грунтовые, но различаются способом перекрытия и внутренней конструкцией. Автор разделяет их на ямы без перекрытия, перекрытые камнем, деревом, с деревянными срубами, с подбоем. Вместе с тем автор прослеживает территорию распространения вышеуказанных видов могильных ям. Так, по ее мнению, могильные ямы, перекрытые камнем, часто встречаются среди памятников Южного Казахстана, реже в Жетысу и в незначительном количестве в Центральном Казахстане. Могильные ямы с деревянными перекрытиями характерны для Восточного Казахстана; также, как и каменные ящики, в Жетысу они единичны. Подбойные захоронения характерны для Восточного Туркестана, а большое количество приходится на Жетысу (Агеева, 1961, с. 21–40). Бревенчатое перекрытие погребения № 2 и фрагментарные останки сильно истлевшего дерева на поверх-



Рис. 13. Некрополь Катартобе, курган 2, погребение 2. Комплекс керамической посуды



Рис. 14. Техно-технологический анализ керамического комплекса из погребения 2 кургана 2 некрополя Катартобе. 1 – фрагмент чаши; 2 – излом стенки сосуда (макросъемка); 3 – отпечатки выгоревшей травы на внутренней поверхности чаши; 4–5 – следы разломов по слям колец-лент

раммических сосудов (рис 13), они расположены группами:

в группе 1 сосуды находятся ближе к южной стенке, стоят в один ряд параллельно скелету погребенного. Группа состоит из четырех чашеобразных сосудов. Рядом со вторым сосудом с западной стороны фиксируется бронзовое изделие округлой формы, с квадратной розеткой с тыльной стороны (рис. 12, 1);

группа 2 состоит из восьми сосудов. Сосуды разной формы и пропорции: три из них мискообразные, размещены ближе к западной стенке треугольником; один – с высокой узкой горловиной и шаровидным туловом; три – с невысокой горловиной, тулово выпуклое. От одного сосуда сохранилась лишь часть стенок.

Ниже отдельно приведем результаты техно-технологического анализа всех сосудов, которые проанализированы О. Кузнецовой; результаты содержат описание состава и метод изготовления.

ности основного погребения наводят на мысль о том, что такие конструктивные приемы не единичны в рассматриваемом регионе, как утверждала Е.И. Агеева. Как нам кажется, для конкретного определения территории распространения необходимо провести дополнительные полевые исследования погребальных сооружений, расположенных в предгорных долинах, которых в этом регионе множество.

Таким образом, исследованный нами большой курган по погребальному обряду относится к концу I тыс. до н.э. Этому хронологическому отрезку не противоречат и архитектура наземной конструкции, погребальный инвентарь. Конкретную датировку погребения можно будет получить после тщательного анализа керамического комплекса. Работы в этом направлении уже ведутся, ниже приведем результаты технико-технологического анализа, предварительно обозначив место расположения погребального инвентаря в погребальной камере.

На глубине 0,85 м за черепом погребенного, ближе к торцевой стенке, расчищен керамический сосуд, находившийся в перевернутом положении. Сосуд чашеобразной формы, с круглым дном. Между этим сосудом и черепом фиксируются остатки деревянной жерди.

С правой стороны погребенного, начиная от уровня таза и до западной торцевой стенки, найдено несколько ке-





Рис. 15. Техничко-технологический анализ керамического комплекса из погребения 2 кургана 2 некрополя Катартобе. 1 – чаша; 2 – излом стенки сосуда (макросъемка); 3–4 – наружная и внутренняя поверхности чаши

Сосуд № 1

Чаша полусферической формы, венчик прямой, округлый в сечении (рис. 14). Изготовлена из среднезапесоченной глины с естественными примесями бурого железняка, известняка. Изготовлена на твердом шаблоне, внутри на дне сохранились следы подсыпки – рубленой травы. Стенки были достроены при помощи ленточного налепа, диагональный шов разной ширины – от 1 до 2,5 см. В качестве искусственных добавок использовались песок окатанный крупноразмерный в количестве $\approx 20\%$ + органика растительного происхождения.

Наружная поверхность была слегка залощена. Лощение по подсушенной поверхности, горизонтальное.

Тесто рыхлое. Обжиг производился в окислительной среде, недостаточная выдержка при температуре 400–600°C.

Сосуд № 2

Чашечка полусферической формы, бортик прямой, венчик округлый в сечении, слегка отогнут наружу (рис. 15). Изготовлена из среднезапесоченной ожелезненной глины с естественными примесями бурого железняка, известняка.

Изготовлена на твердом шаблоне, внутри на дне сохранились следы подсыпки – возможно мякины. Стенки были достроены при помощи ленточного налепа, шов

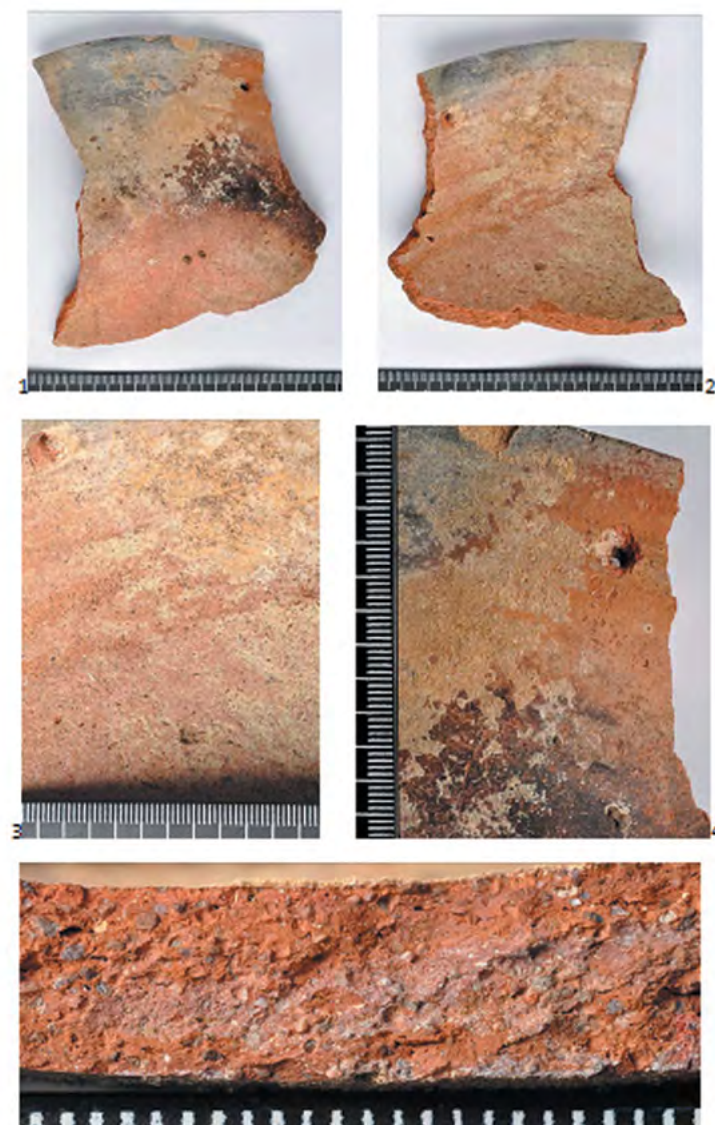


Рис. 16. Техничко-технологический анализ керамического комплекса из погребения 2 кургана 2 некрополя Катартобе. 1–2 – фрагмент чаши; 3 – внутренняя поверхность чаши. Остатки светло-бежевого ангоба и следы подправки деревянным инструментом; 4 – фрагмент чаши со следами ремонта; 5 – излом стенки сосуда (макросъемка)





диагональный, шириной от 1 до 1,5 см. В качестве искусственных добавок использовались песок окатанный крупноразмерный в количестве $\approx 25\%$ + органика растительного происхождения.

На наружной поверхности следы легкого лощения, сохранились отпечатки пальцев.

Тесто достаточно рыхлое. Обжиг производился в окислительной среде, недостаточная выдержка при температуре около 600°C .

Сосуд № 14

Чаша с утолщенным, скошенным вовнутрь венчиком (рис. 16).

Изготовлена из запесоченной ожелезненной глины с естественными примесями бурого железняка, известняка. Искусственные добавки – песок окатанный мелкий в количестве $\approx 25\%$ + органика (предположительно органический раствор). Чаша была изготовлена на твердом шаблоне, верхняя часть достроена при помощи ленточного налепа. Внутри на дне сохранились следы шаблона – камня (?).

На внутренней поверхности чаши, в верхней части сохранились остатки светло-бежевого ангоба и следы подправки деревянным инструментом.

Снаружи сосуд был покрыт ангобом розовато-коричневого цвета, сохранились следы лощения. Наружная поверхность сильно заизвесткована.

Имеются следы ремонта – просверленные сквозные отверстия округлой формы.

Сосуд № 7

Чаша полусферической формы с округлым в сечении венчиком (рис. 17). Диаметр устья чаши 17 см, высота 7,5 см, толщина стенок 0,7 см. Дно слегка уплощено.

Изготовлена из смеси двух глин – ожелезненной и карбонатной с естественными примесями бурого железняка, известняка. Искусственные добавки – песок окатанный крупноразмерный в количестве $\approx 20\%$ + органика (рубленая трава). Чаша была изготовлена на твердом шаблоне, верхняя часть достроена при помощи ленточного налепа. Шов «с нахлестом», узкий, с небольшой бороздкой.

Наружная и внутренняя поверхности покрыты светло-бежевым ангобом. На наружной стороне сохранились остатки лощения.

Тесто достаточно рыхлое. Обжиг производился в окислительной среде, недостаточная выдержка при температуре около 600°C . На поверхности чаши хорошо заметны следы выгоревшей травы.

Сосуд № 5

Чаша полусферической формы с округлым в сечении венчиком (рис. 18). Диаметр устья чаши 17 см, высота 8 см, толщина стенок 0,7 см. Дно слегка уплощено.

Изготовлена из смеси двух глин – ожелезненной и карбонатной (1:5) с естественными примесями бурого железняка, известняка. Искусственные добавки – песок окатанный крупноразмерный в количестве $\approx 15\text{--}20\%$ + органика (рубленая трава). Чаша была изготовлена на твердом шаблоне, верхняя часть достроена при помощи ленточного налепа. Шов «с нахлестом», ширина около 1,5 см. На поверхности хорошо заметны следы выгоревшей травы. Наружная и внутренняя поверхности заматы, покрыты светло-бежевым ангобом.

Тесто плотное. Обжиг производился в окислительной среде, недостаточная выдержка при температуре около 600°C .

Сосуд № 13

Чаша полусферической формы с округлым в сечении венчиком, слегка утончен (рис. 19). Диаметр устья чаши 14,5 см, высота 6,5–7 см, толщина стенок 0,7 см.

Изготовлена из запесоченной ожелезненной глины с естественными примесями бурого железняка, известняка. Искусственные добавки – песок окатанный разноразмерный в количестве $\approx 20\%$ + органика (рубленая трава). Чаша была изготовлена на твердом шаблоне, верхняя часть достроена при помощи ленточного налепа. Шов «с нахлестом», ширина около 1–1,5 см.

Наружная и внутренняя поверхности заматы, покрыты светло-бежевым ангобом.

Тесто плотное. Обжиг производился в окислительной среде, недостаточная выдержка при температуре около 600°C .

Сосуд № 4

Чаша полусферической формы с выделенным венчиком, заостренным и отогнутым наружу (рис. 20). Дно уплощенное. Диаметр устья чаши 13,5 см, высота 6 см, толщина стенок 0,5 см. Имеются следы ремонта в виде просверленного сквозного отверстия диаметром 0,35 см.

Изготовлена из среднезапесоченной ожелезненной глины с естественными примесями бурого железняка, известняка. Искусственные добавки – песок окатанный крупноразмерный в количестве $\approx 30\%$ + органика (органический раствор). Чаша была изготовлена на твердом шаблоне, верхняя часть достроена при помощи ленточного налепа.

Наружная поверхность покрыта красно-коричневым ангобом, сохранились остатки лощения, следы нагара. Тесто рыхлое. Обжиг производился в окислительной среде, недостаточная выдержка при температуре около 600°C .

Сосуд № 8

Чаша полусферической формы с округлым в сечении венчиком, слегка отогнутым наружу (рис. 21). Диаметр устья 14,5 см, высота 6,7 см, толщина стенок 0,5–0,6 см. Дно слегка уплощено.



Рис. 17. Техничко-технологический анализ керамического комплекса из погребения 2 кургана 2 некрополя Катартобе. 1 – чаша; 2–3 – наружная и внутренняя поверхности чаши; 4–5 – следы разломов по саям колец-лент; 6 – излом стенки сосуда (макросъемка)





Рис. 18. Техничко-технологический анализ керамического комплекса из погребения 2 кургана 2 некрополя Катартобе. 1 – чаша; 2–3 – следы разломов по саям колец-лент; 4–5 – наружная и внутренняя поверхности чаши; 6 – излом стенки сосуда (макросъемка)

Изготовлена из смеси двух глин – ожелезненной и карбонатной (1:3, преобладает карбонатная глина) с естественными примесями бурого железняка, известняка. Искусственные добавки – песок окатанный крупноразмерный в количестве $\approx 25\%$ + органика (рубленая трава). Чаша была изготовлена на твердом шаблоне, верхняя часть достроена при помощи ленточного налета. Шов хорошо фиксируется.

Наружная и внутренняя поверхности покрыты бежевым ангобом. На наружной стороне сохранились остатки лощения. Ангоб предположительно наносился и размазывался тканью. Тесто достаточно плотное. Обжиг производился в окислительной среде, недостаточная выдержка при температуре около 600°C .

Сосуд № 12

Кувшинообразный сосуд (рис. 22). Диаметр устья 8 см.

Изготовлен из среднезапесоченной ожелезненной глины с естественными примесями бурого железняка, известняка. Искусственные добавки – песок окатанный

разноразмерный в количестве $\approx 20\%$ + органика (органический раствор). Донная часть сосуда была изготовлена на твердом шаблоне, верхняя часть достроена при помощи налета.

Наружная поверхность замыта. Тесто достаточно плотное. Обжиг производился в окислительной среде, недостаточная выдержка при температуре около 600°C .

Сосуд № 11

Кувшинообразный сосуд с высокой прямой горловиной; высота горловины 7,5 см, диаметр устья 8 см (рис. 23).



Рис. 19. Техничко-технологический анализ керамического комплекса из погребения 2 кургана 2 некрополя Катартобе.

1 – чаша; 2–3 – следы разломов по саям колец-лент; 4–5 – наружная и внутренняя поверхности чаши; 6 – излом стенки сосуда (макросъемка)





Рис. 20. Техничко-технологический анализ керамического комплекса из погребения 2 кургана 2 некрополя Катартобе. 1 – чаша; 2–4 – наружная и внутренняя поверхности чаши; 5 – фрагмент чаши со следами ремонта; 6 – излом стенки сосуда (макросъемка)

Сосуд был изготовлен из ожелезненной среднезапесоченной глины с естественными примесями бурого железняка, известняка. Искусственные добавки – песок окатанный разноразмерный в количестве $\approx 10\text{--}15\%$ + органика (рубленая трава). Изготавливался сосуд по частям, на внутренней поверхности хорошо видны следы крепления горловины к тулову.

Поверхности замыты, на внутренней и наружной поверхности фиксируются следы выгоревшей травы. Обжиг производился в окислительной среде, недостаточная выдержка при температуре около 600°C .

Сосуд № 9

Кувшинообразный небольшой сосуд с короткой, широкой с раструбом горловиной, плавно переходящей в раздутое тулово. Диаметр устья 8 см, диаметр тулова 12 см, Толщина стенок 0,6 см, высота 12,5 см.

Сосуд был изготовлен из ожелезненной среднезапесоченной глины с естественными примесями бурого железняка, известняка. Искусственные добавки – песок окатанный разноразмерный в количестве $\approx 15\%$ + органика (рубленая трава) (?). Обжиг производился в окислительной среде, недостаточная выдержка при температуре около 600°C .

Сосуд № 3

Чаша полусферической формы с округлым в сечении венчиком слегка отогнутым наружу. Диаметр устья 12 см, высота 5,5 см, толщина стенок 0,6 см. Дно слегка уплощено.

Изготовлена из ожелезненной глины с естественными примесями бурого железняка, известняка. Искусственные добавки – песок окатанный крупноразмерный в количестве $\approx 20\%$ + органика (рубленая трава) (?). Обжиг производился в окислительной среде, недостаточная выдержка при температуре около 600°C .

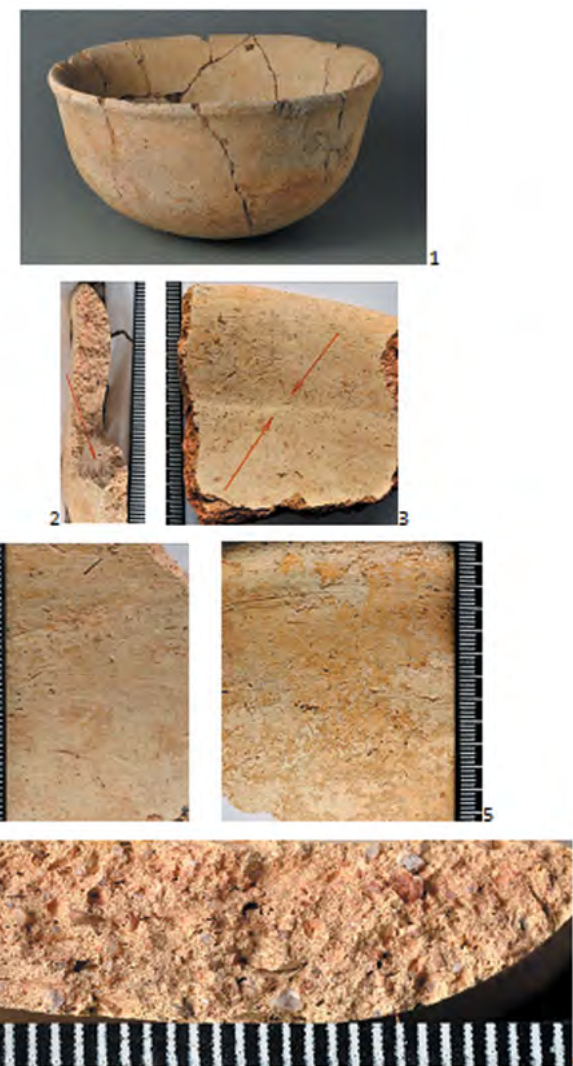


Рис. 21. Техничко-технологический анализ керамического комплекса из погребения 2 кургана 2 некрополя Катартобе.

1 – чаша; 2–3 – следы разломов по спаям колец-лент; 4–5 – наружная и внутренняя поверхности чаши; 6 – излом стенки сосуда (макросъемка)





Рис. 22. Техничко-технологический анализ керамического комплекса из погребения 2 кургана 2 некрополя Катартобе. 1–3 – наружная и внутренняя поверхности чаши; 4 – излом стенки сосуда (макросъемка)

Сосуд № 6

Чаша полусферической формы с округлым в сечении венчиком слегка отогнутым наружу. Диаметр устья 14,5 см, высота 7,5–8 см, толщина стенок 0,6 см. Дно слегка уплощено.

Изготовлена из ожелезненной глины с естественными примесями бурого железняка, известняка. Искусственные добавки – песок окатанный крупноразмерный в количестве ≈20% + органика (рубленая трава) (?). Обжиг производился в окислительной среде, недостаточная выдержка при температуре около 600°C.

В результате проведенного технико-технологического анализа стало известно, что состав керамики (также, как и способы изготовления) близок к уже известным аналогичным сосудам из рассматриваемого региона.

Также сделан анализ по определению состава металлических изделий. Анализ проводился по методу рентгеноспектрального микроанализа в Институте геологических наук им. К.И. Сатпаева на приборе электронно-зондового микроанализатора, марки Superprobe 733, фирмы JEOL, Япония.

Результаты исследований:

Образец 1. Золотая подвесная серьга в один оборот. Некрополь Катартобе, группа 1, курган № 2, погребение 2. Местонахождение – серьга находилась с левой стороны черепа погребенного человека.

Все результаты в весовых %				
Спектр	Cu	Ag	Au	Итог
Спектр 1	7,10	15,31	77,59	100,00
Спектр 2	7,59	15,25	77,17	100,00
Спектр 3	5,80	17,02	77,19	100,00
Среднее	6,83	15,86	77,31	100,00
Станд. отклонение	0,93	1,00	0,24	
Макс.	7,59	17,02	77,59	
Мин.	5,80	15,25	77,17	

Образец 2. Бронзовая пряжка с петелькой на обороте и с плоской широкой шляпкой. Некрополь Катартобе, группа 1, курган № 2, погребение 2. Местонахождение – находилась под керамическим сосудом.

Все результаты в весовых %			
Спектр	Cu	Sn	Итог
Спектр 1	94,11	5,89	100,00
Спектр 2	90,36	9,64	100,00
Спектр 3	95,04	4,96	100,00
Среднее	93,17	6,83	100,00
Станд. отклонение	2,48	2,48	
Макс.	95,04	9,64	
Мин.	90,36	4,96	

Образец 3. Железный сильно окислившийся предмет. Некрополь Катартобе, группа 1, курган № 2, погребение 2. Местонахождение – находился около северной стенки могильной ямы.

Все результаты в весовых %						
Спектр	O	Si	S	Ca	Fe	Итог
Спектр 1	28,87	0,23	0,14	0,17	70,58	100,00
Спектр 2	28,29	0,31	0,23	0,29	70,88	100,00
Спектр 3	29,04	0,37	0,06	0,27	70,26	100,00
Среднее	28,74	0,30	0,15	0,24	70,57	100,00
Станд. отклонение	0,39	0,07	0,08	0,07	0,31	
Макс.	29,04	0,37	0,23	0,29	70,88	
Мин.	28,29	0,23	0,06	0,17	70,26	

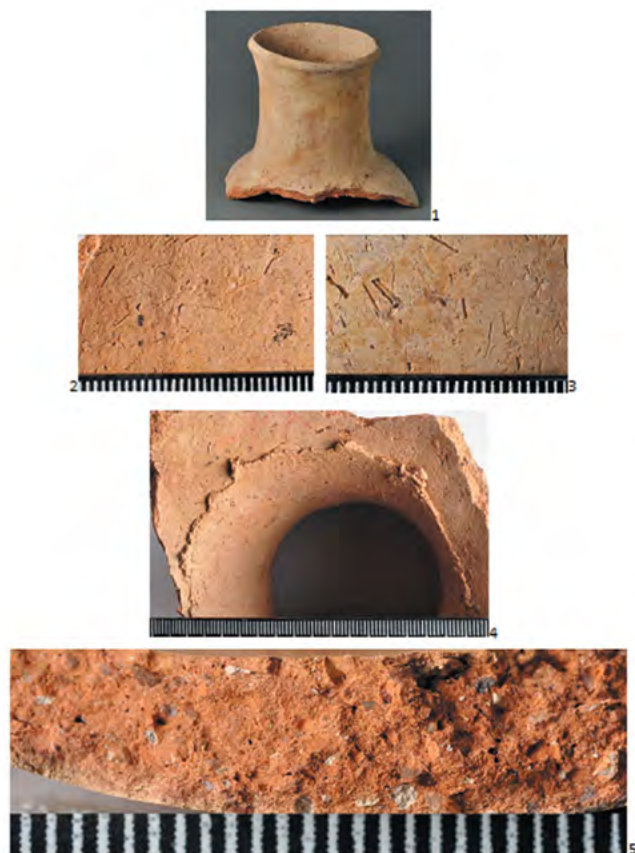


Рис. 23. Техничко-технологический анализ керамического комплекса из погребения 2 кургана 2 некрополя Катартобе. 1 – горловина кувшинообразного сосуда; 2–3 – наружная и внутренняя поверхности чаши; 4 – излом стенки сосуда (макрореземка)

Образец 4. Фрагмент железного трехлопастного черешкового наконечника стрелы. Некрополь Катартобе, группа 1, курган № 2, погребение 2. Местонахождение – находился в комплексе с костяными стрелами, которые были положены с левой стороны на уровне черепа погребенного.

Все результаты в весовых %							
Спектр	O	Si	P	S	Ca	Fe	Итог
Спектр 1	38,47	0,83	0,13	0,10	0,40	60,07	100,00
Спектр 2	38,28	0,79	0,17	0,11	0,34	60,30	100,00
Спектр 3	38,00	0,65	0,19	0,15	0,39	60,61	100,00
Среднее	38,25	0,76	0,16	0,12	0,38	60,33	100,00
Станд. отклонение	0,23	0,09	0,04	0,02	0,03	0,27	
Макс.	38,47	0,83	0,19	0,15	0,40	60,61	
Мин.	38,00	0,65	0,13	0,10	0,34	60,07	

¹ Работа выполнена по грантовому проекту «Всадники Великой степи: традиции и новации».

Литература

- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963. – 318 с.
- Акишев К.А. Курганы Иссык. – М.: Искусство, 1978. – 129 с.
- Самашев З., Наглер А., Парцингер Г., Наврот М. Совместные Германско-Казахстанские исследования больших сакских курганов Семиречья // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар, 2009. – С. 350–352.
- Самашев З., Парцингер Г., Наглер А., Кариев Е.М., Чотбаев А.Е., Наврот М., Боровка Р., Хойсснер А. Предварительные результаты исследований Казахстанско-Германской экспедиции в 2009 году // Маргулановские чтения-2012: Материалы ежегодной научно-практической конференции. – Астана, 2012. – С. 226–239.
- Онггар А., Киясбек Г., Чотбаев А., Кожаметов Б., Рахманкулов Е., Бесетаев Б., Толегенов Е., Айткали А. Предварительные итоги исследования погребально-поминального комплекса Каркара // Труды ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана. – Астана, 2012. – С. 49–56.
- Чотбаев А., Онгар А., Киясбек Г., Рахманкулов Е., Кожаметов Б., Бесетаев Б. Начало исследования на Катартобе // Труды ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана. – Астана, 2012. – С. 118–126.

Чотбаев А., Онгар А.

Қатартөбе – Шығыс Жетісудағы ел төресінің ескерткіші

Аталған мақалада 2012 жылғы далалық маусымда Қатартөбе қорымында жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижесі көрсетілген. Мақалада аталған қорым мен ол орналасқан Шөлкеде жайлауы туралы кеңінен сипатталады. Сонымен қатар, зерттелу тарихы қарастырыла отырып, аймаққа қатысты жаңа деректер ғылыми айналымға енгізілген. Ескерткіштің архитектурасы, оба маңы құрылыстары мен қабір шұңқырларына қатысты нақты сипаттамалар беріледі. Жерлеу дәстүрі жайлы мәліметтер негізінде жерлеу мүлкінің бұйымдары сарапталады. Алдын-ала жүргізілген техникалы-технологиялық сараптамалар нәтижесінде қыш бұйымдардың құрамы мен жасалу техникасы анықталады. Мақала фотосуреттермен, ескерткіштің және жерлеу мүлкінің сызба-графикалық суреттерімен көркемделген.

Chotbaev A., Onggar A.

The Necropolis of Katartobe: a Funerary Site of the Eastern Zhetisu Nomadic Elite

This article is devoted to the description of the necropolis of Katartobe, of the archaeological study performed in 2012 field season and of the summer nomadic camp located high in the mountains and close by the above mentioned graveyard. The history of the archaeological researches of the Early Iron Age in the Zhetisu region is also considered here, introducing completely new material recently gathered. A thorough description of the architecture of the sites, the construction of the barrows, the burials and the buildings close by them is here offered as well as some aspects of the funeral rite and the grave goods are analyzed. The paper also offers the preliminary results of a technical and technological analysis, which specifically shows the composition of the pottery and its manufacturing techniques. The paper is illustrated by photographs, drawings and graphic reconstructions of the site and the funerary inventory.



КУРГАН-СВЯТИЛИЩЕ МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 2 (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)¹

Могильник Филипповка 2 расположен на территории Илекского района Оренбургской области, в междуречье Урала и Илека. Он состоял из семи курганов, древнейшие из которых относятся к эпохе бронзы, а другие – к эпохе раннего железа.

Наиболее крупная насыпь относится к кургану № 1, который был расположен в центре памятника и окружен более мелкими насыпями. Часть из них относилась к эпохе раннего железного века. Курган неоднократно подвергался ограблениям (один раз в древности и несколько раз в современное время).

Раскопки показали, что насыпь на месте кургана была выстроена в эпоху бронзы и, судя по находкам, относится к срубной археологической культуре Южного Приуралья.

В середине I тысячелетия до н.э. здесь была возведена новая насыпь. При этом насыпь кургана эпохи бронзы использовалась для строительства новой, а погребение эпохи бронзы полностью разрушено.

На дневной поверхности был насыпан грандиозный кольцевой вал шириной до 7 м и высотой до 2 м, имевший разрыв с южной стороны. Внутри площадки, ограниченной валом, покрытой слоем коры, была выкопана большая погребальная камера с коридорообразным дромосом, отходящим от нее строго на юг и устремленным в разрыв вала.

Специфика погребального обряда состояла в том, что по мере совершения в эту камеру многоразовых захоронений яму не засыпали, и она заполнялась естественным образом за счет смылов с ее отвалов. В кургане также были обнаружены прилегающие к центральной камере жертвенные комплексы, включающие бронзовый котел с носиком (рис. 1), колчан с многочисленными наконечниками стрел (рис. 2), предметы конской упряжи. Все это позволяет считать, что курган выполнял двойную функцию – использовался не только как место многочисленных захоронений (только в центральном погребении были обнаружены семнадцать человеческих скелетов), но и играл роль долговременного святилища, на котором периодически производили ритуальные действия.

Даже после того как над центральным погребением была устроена насыпь высотой не менее 6 м, ее продолжали использовать в качестве места для захоронений. Об этом свидетельствуют четыре впущенных в нее дополнительных индивидуальных погребения.

Центральная погребальная камера неоднократно подвергалась ограблениям – в древности и в современное время. Тем не менее была получена богатая археологическая коллекция. Частично она представлена находками из заполнения центральной могилы. Среди них отметим серию бронзовых наконечников стрел, золотые уздечные нашивки, железный боевой нож с костяной рукоятью, ручку от бронзового

зеркала, орнаментированную в традициях скифо-сибирского звериного стиля, золотую обойму от деревянного сосуда, железный наконечник копья, алабастр из мраморного оникса (рис. 4, 3).

Несмотря на ограбления, на дне могилы сохранились не найденные грабителями скелеты и сопровождавший их инвентарь.



Рис. 1

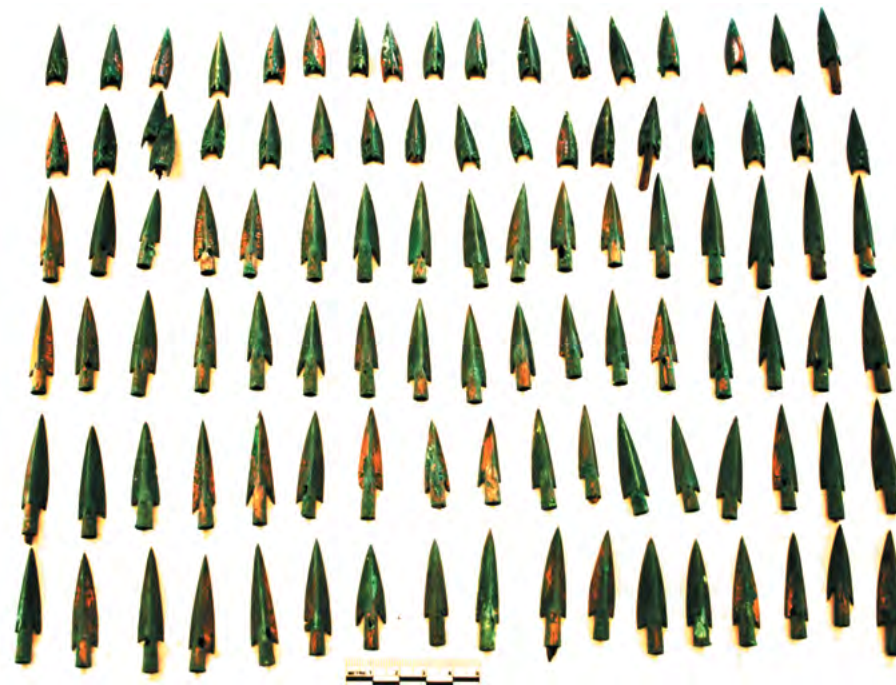


Рис. 2

Скелет 6 располагался в восточном краю могильной ямы, в верхних слоях ее заполнения, и был расчищен на глубине менее чем 60 см от уровня погребенной почвы. Мужчина 40–45 лет был прикопан в заполнении могильной ямы. Он лежал на спине, головой на юг, ноги полусогнуты, руки раскинуты. Между стенкой могильной ямы и левой ногой погребенного лежали длинный железный меч (рис. 3, 1) и колчан со стрелами. Все наконечники бронзовые, количество – 80 штук. У левого бедра погребенного под мечом были найдены две бронзовые ворворки, которые могли выполнять функцию темлячных подвесок.

Комплексом сопровождающего инвентаря захоронение может быть датировано IV в. до н.э.

Скелет 9 принадлежал женщине, которая умерла в возрасте 20–25 лет. Погребенная лежала на спине в вытянутом положении, головой на запад, на дне погребальной камеры, в заполнении затечно-надувного происхождения. При скелете были найдены разнотипные бусы, золотые нашивки, костяные ложечки (рис. 3, 2).

Совокупностью инвентаря захоронение может датироваться концом V – IV в. до н.э.

Скелет 10 располагался рядом со скелетом 9 и к северу от него, под северным бортом погребальной камеры, на ее дне. Он принадлежал женщине, которая умерла в возрасте 35–40 лет. Погребенная лежала на спине, головой на запад, руки слегка согнуты, правая нога вытянута, левая согнута («атакующая поза»). Рукава одежды женщины и края штанов были расшиты разнотипными бусами. За черепом скелета 10 лежало блюдо из панциря черепахи. Трещина на нем была скреплена золотыми накладками квадратной формы с двумя золотыми гвоздиками. При скелете были найдены также многочисленные бронзовые наконечники стрел, которые, возможно, имели отношение к погребенной (растащены грызунами). Между левой стопой погребенной и стенкой ямы лежало бронзовое зеркало с раковиной грифеей на поверхности.

Комплексом инвентаря захоронение может датироваться концом V – IV в. до н.э. Оно синхронно захоронению, представленному скелетом 9 того же погребения 2.

Скелет 12 был расчищен в устье дромоса, на его дне, на уровне 97 см от поверхности погребенной почвы. Скелет находился в полуразрушенном состоянии. In





situ сохранились правая плечевая кость и, возможно, кости правой ноги без стопы, а также кости поясничной части позвоночника в сочленении с крестцом. Судя по их положению, погребенная (женщина 30–35 лет) лежала головой на С с согнутой в колене правой ногой. К северо-востоку от черепа, в придонном заполнении дромоса были найдены скопление плохо сохранившихся железных чешуек доспеха и колчан с наконечниками стрел. Не исключено, что эти комплексы к скелету прямого отношения не имели и были уложены в устье дромоса в виде жертвы относительно раньше захоронения.

Наконечники стрел бронзовые, их пятьдесят три. Все они трехгранные или трехлопастные, с выступающей цилиндрической или скрытой втулкой.

Наконечниками стрел комплекс может быть датирован в пределах IV в. до н.э.

Скелет 13 располагался под скелетом 14. Погребенный мужчина, который умер в возрасте 20–25 лет, лежал в деревянной гробовине на спине в вытянутом положении (левая рука слегка согнута), головой на В, лицом на С. Над левой голенью погребенной находился железный конский налобник. Здесь же был расчищен набор из удила и псалиев.

Комплексом инвентаря захоронение может датироваться IV в. до н.э.

Скелет 14 располагался в северо-западном углу ямы погребения 2 и перекрывал скелет 13. Скелет принадлежал женщине, которая умерла в возрасте 18–20 лет. Она лежала на спине в вытянутом положении, головой на В. В изголовье с левой стороны находился колокольчик. У локтя правой руки лежала роговая бляха (рис. 3, 3). Почти всю поверхность занимает стилизованное изображение фигуры оленя с необыкновенно ветвистыми рогами, занимающими практически всю поверхность

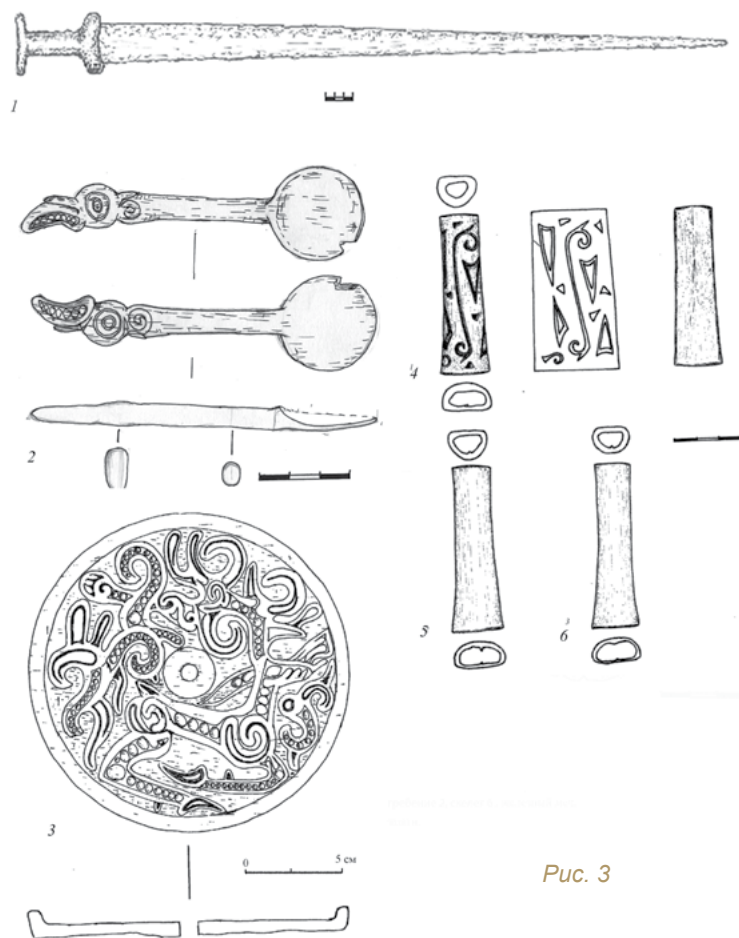


Рис. 3

диска. Изображения поверхности рогов и ног орнаментированы рядами полусфер с гладкой поверхностью. Голова оленя показана схематично. Морда клювовидной формы, сверху расположены два уха в виде вытянутых цилиндров с округлым верхним краем. Ноги заканчиваются приостренными копытами сегментовидной формы. Ноги расположены горизонтально одна над другой, в жертвенном положении. Позади фигуры оленя у края диска выгравировано профильное изображение грифона с сильно загнутым клювом и округлым глазом. Крылья грифона показаны рядом полусфер, ограниченных гравированной линией, хвост изображен в виде направленного вниз небольшого выступа с подтреугольным углублением в центре.

Рядом с бляхой находился предмет, сделанный из трубчатой кости животного. В профиль он имеет трапецевидную форму. Сечение предмета сегментовидной формы. Поверхность предмета покрыта гравированным геометрическим орнаментом. В центре композиции располагается вертикально S-видная скобка со стреловидными отростками на концах. Вокруг скобки располагается система подтреугольных разнонаправленных углублений. Однотипные предметы (3 шт.) были найдены у правого предплечья и у правого запястья погребенной. Один из них был орнаментирован почти так же, как вышеописанный, но имел меньшие размеры. Два остальных предмета не были орнаментированы (рис. 3, 4–6). Вероятно, это были гадальные кости.

Комплексом инвентаря захоронение может датироваться IV в. до н.э.

Таким образом, центральное погребение № 2 может датироваться в пределах конца V – IV в. до н.э. и синхронно захоронениям в могильнике Филипповка 1.

Впускные погребения, совершенные в полах насыпи кургана, не были обнаружены грабителями и сохранились в виде закрытых археологических комплексов. Одно из них (катакомбное) оказалось кенотафом. Два других представлены могильными ямами с подбоями.

В подобной могиле погребения 4 был расчищен скелет, принадлежавший молодой женщине. Погребенная лежала на спине в вытянутом положении, головой на Ю, лицом вверх. В районе шейных позвонков находилось ожерелье, которое состояло из сердоликовых, агатовых, пастовых и стеклянных бусин. Комплекс предметов сопровождающего инвентаря был найден под восточной стенкой подбоя. Его можно рассматривать в качестве жреческого.

В составе комплекса:

– бронзовое зеркало дисковидное с ручкой (рис. 4, 1). Диск плоский, округлой формы, слегка вогнутый, диаметр 200 мм. Ручка плоская прямоугольная, с закругленным концом, который был преднамеренно загнут. Длина ручки 8 см, ширина 3 см. По верхнему краю фрагмент диска был отломлен, а затем зеркало отремонтировано с помощью сквозных отверстий по краю отлома и бронзовых скобочек, одна из которых сохранилась и прикрепляет отлом к диску. Рядом с зеркалом – предмет, слепленный из смеси перламутра, кремнезема, мела и глины. Он не сохранился, но после расчистки можно было видеть, что он подпрямоугольной формы, плоский, с отверстием, размер 8×7 мм;

– предмет из мела подпрямоугольной формы, уплощенный, размером 44×15 мм, толщиной 12 мм и центральным сквозным отверстием диаметром 8 мм;

- раковина грифея; сильно корродированный обломок железного шила или иглы; три бараньих астигагала; два плохо сохранившихся предмета из мела, возможно, однотипные с описанным выше; нож железный черешковый односторонней заточки общей длиной 84 мм.

По совокупности признаков погребального обряда и инвентаря погребение может быть датировано в пределах IV–III вв. до н.э.

В подбойной нише погребения 6 на органической подстилке был расчищен скелет женщины, которая умерла в возрасте 50–55 лет. Погребенная лежала на спине в вытянутом положении, головой на Ю, лицом вверх. В головах погребенной был установлен красноглиняный круговой ангобированный сосуд-хумча хорезмийского производства (рис. 4, 2). Неподалеку был расчищен тлен от деревянного сосуда и золотая зигзагообразная скрепка, имеющая к нему отношение. К северу от деревянного сосуда лежали три железных предмета очень плохой сохранности, вероятно, шило и два ножа. На шейных позвонках погребенной было ожерелье из золотых бус. Бусы (19 шт.) из золотой фольги, однотипные, сферически-граненой формы, диаметром





Рис. 4

8-9 мм, с органическим наполнителем, который не сохранился, с центральным отверстием.

К востоку от черепа лежало зеркало; оно бронзовое, с плоским диском и длинной плоской боковой ручкой. Диск овальной формы, вытянут в направлении, поперечном ручке.

Вместе с зеркалом был найден комплекс предметов (№ 1):

- гадалые камни (?) (16 шт.) из писчего мела. В более крупных экземплярах (обработанных) просверлены отверстия, мелкие – бесформенные;
- предмет из окаменелого дерева.

Другой комплекс предметов (№ 2) находился в ногах погребенной. В него входили:

- камень (красный железняк) без следов обработки, расколот в древности, в настоящее время имеет форму уплощенного полуовала с тотальным размером 39×22×12 мм;

- пряслице конической формы из обожженной глины, с центральным отверстием; раковина грифея; две костяные ложечки, однотипные, с овальными черпачками и гладкими штыревидными ручками, без орнамента, концы ручек слегка расширяются.

На оба запястья погребенной были надеты железные браслеты с заходящими концами (плохой сохранности).

Типологическим составом инвентаря и признаками погребального обряда погребение датируется IV–III вв. до н.э.

Итак, до сооружения насыпи кургана 1 на данном участке равнины уже существовал курганный могильник эпохи поздней бронзы, который был оставлен носителями срубной культуры Южного Приуралья. При раскопках кургана 4, который располагался поблизости от наружного края рва кургана 1, на краю рва были найдены два лепных сосуда, относящихся к срубной культуре. Это позволило датировать сооружение рва эпохой бронзы и предположить, что и курган 1 должен соответственно датироваться этим временем. Однако в ходе раскопок насыпи кургана оказалось, что насыпь кургана эпохи раннего железа была сооружена точно на месте существовавшей к тому времени насыпи кургана эпохи бронзы. Более того, первичная насыпь была вновь использована для строительства новой, а погребение эпохи бронзы полностью разрушено (уничтожено), и о нем напоминает только фрагмент лепного сосуда, найденный в заполнении центрального погребения 2. Остатки насыпи первичного кургана фиксировались в профилях насыпи вторичного. Возможно, что для ее сооружения использовалось и заполнение рва кургана эпохи бронзы, то есть при раскопках этого рва в толще заполнения были найдены фрагменты круговой керамики античной эпохи.

Для сооружения центрального захоронения (погребение 2) при перепланировке насыпи эпохи бронзы была выровнена площадка, на которую насыпали вал, име-

ющий разрыв с южной стороны. Внутри вала была выкопана погребальная камера овальной в плане формы вместе с отходящим от нее на юг коридорообразным дромосом. При этом в дромос были заложены жертвенные комплексы, а сам дромос перекрыт деревом. За пределами вала были также заложены жертвенные комплексы.

Поверхность погребальной площадки была выстлана тонким слом дерева или корой.

Захоронения в камеру погребения 2 производили последовательно, минуя дромос, и по мере производства захоронений могильную яму не засыпали. Она долго стояла открытой и заполнялась естественным образом, в основном за счет смыва с выкидов из могильной ямы. Наиболее ранние захоронения в погребальную камеру могут датироваться концом V – рубежом V–IV вв. до н.э., а наиболее поздние – концом IV – началом III в. до н.э. После чего над погребальной камерой была возведена насыпь путем полного перекрытия и площади погребальной камеры, и вала, ее окружавшего.

В IV – начале III в. до н.э. в полы уже стоявшей к тому времени насыпи были впущены новые захоронения, окружавшие центральное, в соответствии с погребальным обрядом, принятым в Южном Приуралье в эпоху, переходную от савроматской к раннесарматской, и в классической раннесарматской культуре.

Наконец, в эпоху раннего средневековья в вершину насыпи было впущено женское захоронение.

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ, проект №13-01-00053.

Яблонский Л.Т.

Филипповка 2 қорымының оба-ғибадатханасы (алдын-ала хабар)

Филипповка 2 қорымы Орынбор облысы Илек ауданының аумағында, Орал мен Елек өзенінің аралығында орналасқан. Б.д.д. I мыңжылдықтың ортасында қола дәуіріндегі обаның үйіндісі жаңасын тұрғызу үшін қайта пайдаланылған, ал қола дәуіріндегі қабір толық қираған.

Мүрделер орталық 2-жерлеу камерасына белгілі бір ретпен (дромостан өтпей) көмілген және мүрделер көбейгенде зират шұңқырын жаппаған. Ол ұзақ уақыт бойы ашық тұрған және табиғи жолмен, негізінен зират шұңқырынан шығып қалғанды су шайып кетуінің есебінен толған. Мұндай қабірлердің он жетісі табылған.

Жерлеу камерасына ең ертеде қойылған мүрделер б.д.д. V ғ. аяғы–V–IV ғ. аралығына, ал ең кейін қойылған мүрделер б.д.д. IV ғ. аяғы–III ғ. басына жатқызылады. Бұдан кейін жерлеу камерасының алаңын да, оны қоршап тұрған үймекті де толық жабу арқылы жерлеу камерасының үстіне үйінді жасалған. Б.д.д. IV–III ғ. басында сол уақытта бұрыннан тұрған үйіндіге савромат дәуірінен ерте сармат дәуіріне ауысқан тұста Оңтүстік Орал өңірінде және классикалық ерте сармат мәдениетінде болған жерлеу ғұрпына сәйкес ортадағы мүрдені қоршай жаңа мүрделер кіргізілген.

Yablonsky L.T.

The Filippovka 2 Burial mound - Sanctuary (Preliminary Communication)

The Filippovka 2 burial ground is located in the Ilek district of Orenburg region, Russia, between the Ural and Ilek rivers. At the middle of the 1st millennium BC, the filling of a funerary barrow of the Bronze Age, was re-used for a new grave and the Bronze Age burial was completely destroyed.

The burials in the chamber of the central grave, number 2, have been placed bypassing the dromos, and the pit was not filled up by the soil because secondary burials were expected. It has long been opened and filled up by natural way, mainly due to the run-off with discharges from the burial pit. Seventeen of such a graves have been found here.

The earliest burials in the chamber can be dated at the end of the 5th or between the 5th and the 4th century BC, while the latest are dated back at the end of the 4th – beginning of the 3rd century BC. Then the mound filling was built above both the burial pit and the circular bank surrounding the pit. In the 4th – beginning of the 3rd century BC in the layers of the already existing mound new burials, around the central one, were added according to the funerary ritual widespread in the southern Urals region in the period of transition between the Sauromatian and the early Sarmatian, towards the classic early Sarmatian culture.





ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ВСАДНИКОВ ЕВРАЗИИ

Айткали А.К.

О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА С ЖЕТЫСУ В КОНЦЕ I ТЫС. ДО Н.Э.

Территории Восточного Казахстана и Жетысу были всегда связаны между собой в культурном отношении; особенно тесные связи наблюдались, начиная с эпохи ранних кочевников. Схожий уклад жизни населения в рассматриваемых территориях сформировался благодаря нескольким основным причинам. Во-первых, природно-географическая среда этих регионов почти идентична; во-вторых, обусловленное ею ведение хозяйственной системы древнего населения, в свою очередь, привело к тесным этнокультурным взаимодействиям и унификации культур (Акишев, 2009, с. 88–93). Преемственность тесных контактов, которая сложилась еще в скифо-сакское время, в период завершения эпохи ранних кочевников (то есть в конце I тыс. до н.э.), на рассматриваемых территориях не прерывалась. Более того, она усилилась, что подтверждается археологическими материалами. Этой проблематике и посвящена данная статья.

Особо стоит отметить исследования, проводившиеся в разные годы на территории ВКО рядом ученых, начиная с конца 40-х гг. XX в., в числе которых С.С. Черников (Черников, 1951а; 1956), Ф.Х. Арсланова (Арсланова, 1968; 1969), З. Самашев (Самашев, 1987), А.А. Ткачев, В.А. Дубровский (Ткачев, Дубровский, 1996) и другие. Большое количество материала изучаемого нами времени, добытое в ходе раскопок в период с середины 60-х гг. XX столетия на территории Верхнего Прииртышья под руководством Ф.Х. Арслановой, до сих пор не опубликовано. В то время исследования большинства памятников проводились попутно с разновременными и носили скорее рекогносцировочный характер, в ходе чего и собрано достаточное количество фактического материала для формирования первичной базы данных. На основе зафиксированных данных были выдвинуты предварительные заключения по культуре кочевников изучаемого нами времени. Учеными были произведены раскопки множества погребально-поминальных комплексов кочевников конца I тыс. до н.э. – первых веков нашей эры. Были обособлены археологические культуры и расширены границы их распространения. В Восточном Казахстане выделены памятники кулажоргинской культуры (IV–III вв. до н.э. – I–II вв. н.э.) и определены границы ее распространения. С.С. Черников подразделил их на более ранние (III–II вв. до н.э.) и поздние (II вв. до н.э. – I–II вв. н.э.) памятники (Черников, 1948, с. 1–7).

Аналогичные исследования проводились на территории Жетысу, и связаны они с именем выдающегося археолога – К.А. Акишева. На основе анализа археологического материала, собранного в период с середины 50-х по 60-е гг. XX в., большинство памятников конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. были соотнесены с усунями. А.Г. Кушаев классифицировал памятники по трем хронологическим пе-

риодам: ранний (III–II вв. до н.э.), переходный (I в. до н.э. – I в. н.э.) и поздний (II–III вв. н.э.), передающим специфику и динамику развития культуры усуней. Каждый из этих этапов генезиса культуры усуней отражает специфику развития материальной культуры (Акишев, Кушаев, 1963).

В памятниках рассматриваемых регионов было отмечено множество сходных черт как в погребальной обрядности, так и в отдельных категориях сопроводительного инвентаря.

Памятники первого этапа кулажоргинской культуры Верхнего Прииртышья наибольшее сходство находят с памятниками Алтая и Тувы. Курганы ранней группы характеризуются восточной ориентировкой умерших; встречаются парные погребения, наличие сопроводительного захоронения лошадей.

В оформлении внутримогильных сооружений преобладают каменные ящики. Сопроводительный инвентарь богат, в отличие от второй хронологической группы (Черников, 1975, с. 132–148). К первой группе относятся могильники, исследованные С.С. Черниковым у пос. Юпитер, часть курганов могильников Славянка (курганы 1, 14, 15), Кулажорга I, II, Кызыл-ту (курган 3), Зевакино (курган 104). К этому хронологическому периоду можно отнести и курганы могильника Джарта, раскопанные в 1980–1983 гг. в Таврическом районе Восточно-Казахстанской области под руководством Ф.Х. Арслановой и З. Самашева, датированные IV–III вв. до н.э. (Арсланова, Самашев, 1985, с. 28–30).

Памятники поздней хронологической группы, в отличие от предшествующей, обнаруживают наибольшую близость с синхронными усуньскими (III–II вв. до н.э. по Г.А. Кушаеву) погребениями Жетысу. Погребения одиночные, ориентировка противоположная – на запад и северо-запад. Сопроводительный инвентарь беден, часто встречаются железные ножи с невыделенной рукоятью, булавы, железные стержни и серьги из меди и бронзы. В ямах отсутствуют сопутствующие захоронения лошадей (Акишев, Кушаев, 1963, с. 139–214).

По отмеченным признакам можно объединить могильники Баты, Тускаин, Пчела, Убаредмет, Карашат III (раскопки Ф.Х. Арслановой и З. Самашева). К числу поздних погребений можно отнести курган 2 могильника Кулбабас, расположенный на территории предгорий Тарбагатай. На кургане было выявлено двойное погребение, одно из них в катакомбе, второе – в простой грунтовой яме. По аналогиям с комплексами сюнну и усуней время сооружения памятника определено в пределах II–I вв. до н.э. (Досымбаева, 2007, с. 66).

Курганы этой группы представлены в основном грунтовыми ямами, иногда с деревянной обкладкой по дну. Часть внутримогильных сооружений курганов в Кулажорге размещена не в каменных ящиках, а в простой грунтовой яме; в этих случаях наблюдаются остатки деревянной обкладки по периметру ямы, по этим признакам можно их отнести ко второй хронологической группе (Черников, 1948, с. 4). Раскопками 1937 г. в могильнике Баты обнаружено погребение в деревянном ящике, в котором найдены кусочки мела и красной краски; аналогичные ящики были обнаружены в усуньских погребениях Северной Киргизии.

По мнению З. Самашева, возможно, что памятники кулажоргинской культуры не составляют самостоятельную археологическую культуру. Судя по всему, артефакты первого этапа кулажоргинской культуры с вышеизложенными характерными признаками оставлены рядовыми общинниками пазырыкского времени. Существует аналогичное мнение относительно синхронных памятников кара-кобинской культуры Горного Алтая – о принадлежности их к низшему или среднему слою населения пазырыкцев (Кубарев, 1992, с. 115–117). Далее ученый соотносит вторую группу памятников позднего хронологического периода без каменных ящиков, направлением головы на запад и со скудным сопроводительным инвентарем с культурой усуней Жетысу. По-видимому, население второго этапа кулажоргинской культуры генетически не восходит к предшествующему этапу, а было вытеснено хуннским проникновением в Балхаш-Илийский регион (Самашев, 2011, с. 200).

В целом культурная связь населения Прииртышья с Жетысу прослеживается и в сходстве бронзовых изделий. Наличие в памятниках второй хронологической группы, как и в синхронных усуньских погребениях, большого количества железных предметов говорит о постепенном вытеснении бронзы и смены ее железом, что означало окончательное затухание металлургического центра бронзы (Черников,





1951б, с. 150). Чаще всего в погребениях, как было уже отмечено, находили железные ножи с отверстием в рукоятке, с кольцом, стерженьки неопределенного назначения и булавы.

Кроме того, обнаруженная посуда в усуньских могилах по форме отличается от предшествующей сакской, что дало основание для их разграничения. На первом этапе культуры усуней (III–II вв. до н.э.) распространяется круглодонная посуда, во втором и третьем периодах (I в. до н.э. – III в. н.э.) – с уплощенным дном. В памятниках кулажоргинской культуры керамика однообразная – в основном кувшинообразной формы, с уплощенной придонной частью, изредка встречаются с округлым дном.

Из жертвенной пищи в поздних захоронениях Верхнего Прииртышья чаще всего встречаются кости барана. К примеру, в могильнике Кулажорга хвостовая часть барана найдена лишь в одном случае, тогда как в Батах – почти во всех (Черников, 1948, с. 6). В усуньских могильниках заупокойная пища в виде хвостовых позвонков овцы обнаружены в ранних погребениях III–II вв. до н.э. (по Г.А. Кушаеву) в 64% захоронений (Акишев, Кушаев, 1963, с. 139–214). В памятниках рубежа эр они встречаются намного реже. Из вышеизложенного можно заключить, что в рассматриваемых регионах в определенный отрезок времени существовала одинаковая форма ведения хозяйственной системы, при которой в стаде преобладали овцы.

Акишев К.А. полагает, что постепенное уменьшение костей овец и увеличение числа глиняных сосудов в рядовых погребениях усуней Жетысу в предтюркское время, вероятно, свидетельствует о развитии земледелия и повсеместном оседании древнего населения данной территории. Ученый отметил, что Жетысу и Восточный Казахстан – это районы горных систем Тянь-Шаня и Алтая, где развивалось полукочевое и богарное земледелие. Кроме того, в этих регионах совершенствовалась одинаковая система кочевания по вертикально расположенным растительным зонам, которая получила название «вертикальная система кочевания» (Акишев, 2009). О характере хозяйства усуней Жетысу в свое время убедительно высказался К.А. Абетеков. Ученый утверждает, что в период с III в. до н.э. по I–II вв. н.э. основу хозяйства племен региона, судя по находкам костей животных, составляло скотоводство. Позже, с середины II в. н.э., согласно данным археологии (находки сосудов для хранения зерна, зернотерки, остатки жилищ), доминирующую роль стало играть земледелие. Таким образом, хозяйство усуней изначально в конце I тыс. до н.э. носило скотоводческий характер, позднее, в предтюркское время, оно представляется комплексным скотоводческо-земледельческим (Абетеков, 1970, с. 67–71).

По мнению З. Самашева, племена Северо-Восточного Жетысу перешли к оседлости и земледельческому труду сравнительно раньше, чем население Казахского Алтая. В рассматриваемый период богарное земледелие теоретически могло существовать в предгорьях Южного Алтая и по Иртышу (Самашев, 2011, с. 176). Подтверждением этому являются керамика и просо, обнаруженные в курганах кулажоргинской культуры.

Таким образом, из всего изложенного выше становится ясно, что изменения в погребальной обрядности и, следовательно, в духовной сфере племен Верхнего Прииртышья, по-видимому, обусловлено локальными перемещениями в гунно-сарматскую эпоху. Кулажоргинская культура на первом этапе (IV–II вв. до н.э.) имеет особенности, характерные для низшего или среднего слоя населения пазырыкской культурной общности. Второй этап датируется II–I вв. до н.э. (верхняя хронологическая граница установлена условно) и отличается от первой хронологической группы как оформлением внутримогильных конструкций, так и множеством параллелей в сопроводительном инвентаре, которые тождественны с культурой усуней Жетысу. Вероятно, что мнение С.С. Черникова о возможном распространении границ усуньского племенного союза до верховий Иртыша, высказанное еще в конце 40-х гг. XX в., является вполне доказуемым фактом (Черников, 1948, с. 6–7), тем более что северная периферия распространения усуньской культуры определена не установлена. На основании этого необходимо рассматривать ранние и поздние памятники Верхнего Прииртышья как две различные стадии культурного развития, тяготеющие к двум совершенно разным этнотерриториальным объединениям.

Необходимо добавить, что кроме контактов древнего населения Восточного Казахстана с племенами Жетысу в конце I тыс. до н.э. прослеживается взаимосвязь и

с территорией Горного Алтая. Также имеются некоторые параллели с предметным комплексом тесинского этапа тагаро-таштыкского переходного времени Минусинской котловины (Савинов, 1978, с. 48–54). В Горном Алтае выделана булан-кобинская культура хуннско-сяньбийской эпохи с последовательными этапами ее развития. Согласно А.А. Тишкину, на раннем усть-эдиганском этапе (II в. до н.э. – I в. н.э.) генезиса булан-кобинской культуры немаловажную роль сыграли племена Верхнего Прииртышья, но эта тема выходит за рамки нашего исследования (Тишкин, 2009, с. 194–199).

Литература

- Абетеков А.К. Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней // КСИА. – М., 1970. – Вып. 122. – С. 67–71.
- Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э. – V в. н.э.) // Труды Центрального музея. – Алматы, 2009. – Вып. 2. – 536 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алматы, 1963. – 214 с.
- Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Новые материалы по кулажургинской культуре Восточного Казахстана // Археологические исследования в зонах мелиорации: итоги и перспективы их интенсификаций. – Л., 1985. – С. 28–30.
- Арсланова Ф.Х. Отчет о работе археологической экспедиции Усть-Каменогорского педагогического института за 1968–1969 гг. // Архив ИА МОН РК, ф. 11, оп. 2, д. 120, св.10, с. 1–26.
- Досымбаева А. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу. II в. до н.э. – V в. н.э. – Алматы, 2007. – 216 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск, 1992. – 220 с.
- Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // Краткие сообщения Института археологии. – М., 1978. – Вып. 154 – С. 48–54.
- Самашев З.С. Памятники кулажоргинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алматы, 1987. – 280 с.
- Самашев З.С. Берел. – Алматы, 2011. – 236 с.
- Тишкин А.А. Алтай в хуннское время // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: Сборник материалов Международной научной конференции «Маргулановские чтения-2008». – Караганда, 2009. – С. 194–199.
- Ткачев А.А., Дубровский В.А. Погребение воина кулажоргинской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы научно-практической конференции. – Барнаул, 1996. – С. 141–145.
- Черников С.С. Восточно-Казахстанская экспедиция // КСИИМК. – М., 1951а. – Вып. 37. – С. 144–150.
- Черников С.С. О составе древних бронз // СА, 1951б. – № 15. – С. 140–154.
- Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 132–148.
- Черников С.С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции // КСИИМК. – М., 1956. – Вып. 64 – С. 43–60.
- Архивные материалы*
- Черников С.С. Отчет об археологических исследованиях на территории ВКО за 1948 г. // Архив ИА МОН РК, ф. 11, оп. 2, д. 1123, св.71, с. 1–7.

Айтқали А.К.

Б.д.д. I мыңжылдықтың соңындағы Шығыс Қазақстан тұрғындарының Жетісумен байланыстары туралы

Мақалада Шығыс Қазақстан мен Жетісудың ежелгі тұрғындарының өзара байланыстары қарастырылады. Шығыс Қазақстанның құлажорға мәдениеті мен үйсін заманындағы Жетісу ескерткіштеріне ерекше назар аударылады. Ескерткіштердің зерттелу тарихы қысқаша мазмұндалған. Дала жұмыстарының барысында алынған материалдар мен алдыңғы зерттеушілердің алдын-ала жасаған қорытындыларын талдаудың негізінде этникалық мәдениеттің елеулі белгілері нақтыланады. Жерлеу





ғұрпының белгілері мен бірге қойылған заттарының жиынтығы бойынша обалар ең ерте және кейінгі ескерткіштер деп жіктелген. Жерлеу құрылыстарының генезисінің әрбір кезеңінің негізгі белгілері атап көрсетілген.

Жоғарғы Ертіс өңірінің ертедегі халқының мәдени байланыстар бағыты туралы мәселелер қарастырылады.

Aytkali A.K.

Cultural Interactions between East Kazakhstan and Zhetysu at the end of 1st century BC

The article describes the cultural interactions among the ancient population of East Kazakhstan and Zhetysu. Special attention is paid to the sites of the Kulazhorga culture of East Kazakhstan and Zhetysu, attested in the Wu-sun period. The research history is briefly outlined. On the basis of the analysis of the material gathered during field works and preliminary previous conclusions some questions regarding the ethnocultural attribution are analysed. According to the characteristics of the funerary rituals and inventories, the barrows of the Kulazhorga culture are subdivided into earlier and later monuments. For each stage of genesis of the funerary constructions the main features are marked out. Some questions connected with the direction of the cultural ties of the ancient population of the Upper Irtysh river valley are here also considered.

Бедельбаева М.В.

ГЕНЕЗИС КОЧЕВНИЧЕСТВА И СЛОЖЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОСНОВ НОМАДИЗМА (ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ)

Значение кочевников в истории народов Евразии трудно переоценить. Сразу после появления на исторической арене они коренным образом повлияли на преобразование экономических, политических, культурных и этнических процессов на данной территории.

Казахстан – один из регионов становления и развития скотоводства в Евразии. Здесь с древнейших времен складывается многогранный тип хозяйственной и производственной деятельности, являющийся прямым отражением рационального подхода населения к конкретным природно-географическим условиям. Обширные пастбища, достаточное количество естественных водных источников, разнообразие фауны, наличие рудных месторождений, необходимых для производящей деятельности, обусловили то, что данный регион стал классическим примером комплексного подхода человека к окружающей среде в процессе своего хозяйствования.

Истории возникновения и ранних этапов кочевничества посвящена значительная научная литература. Общие вопросы происхождения кочевого скотоводства рассматривались С.И. Руденко, М.П. Грязновым, М.К. Кадырбаевым, К.А. Акишевым, Г.Е. Марковым, А.М. Хазановым, С.И. Вайнштейном, Н.Н. Крадиным и другими исследователями. Но большинство вопросов пока далеко от разрешения. Это касается как хронологических рубежей и этапов развития кочевничества, так и проблем истории, экономики и культуры кочевых обществ. Ситуация осложняется тем, что в научной литературе понятие номадизма как хозяйственно-культурного типа до сих пор не имеет общепринятой формулировки, отсутствует и единая терминология.

В настоящее время общепризнанным является тот факт, что в период финальной бронзы население Казахстана под влиянием различных причин (естественно-географических, социально-экономических и исторических) стало переходить от комплексного земледельческо-скотоводческого оседлого хозяйства к новой форме производящего хозяйства – экстенсивному скотоводству, осваивая при этом значительные пространства степей, полупустынь и пустынь.

Вплоть до настоящего времени в исторической литературе нерешенным остается вопрос об условиях сложения кочевничества как культурно-хозяйственного типа. Можно выделить несколько точек зрения на проблему возникновения кочевого скотоводства:

- постепенный количественный рост стад, связанный с трудностью их прокорма, привел к разложению пастушества и яллагного скотоводства и вытеснению его более прогрессивным в данных эколого-географических условиях кочевым скотоводством (эволюционный характер);

- резкий переход к кочевому скотоводству был продиктован экологическим фактором (характер спонтанного скачка);

- переход к кочевому скотоводству был дальнейшей эволюцией общества, его культурных связей и хозяйства (социально-культурный характер);

- кочевничество возникло как результат экологически (политически) обусловленной миграции центральноазиатских племен (миграционный характер).

Разделяя мнение многих исследователей о том, что отгонное скотоводство было неизбежным этапом перехода к кочевничеству, А.Н. Бернштам полагал, что оно знаменовало процесс отделения кочевников от земледельцев (Бернштам, 1952, с. 18).

Точка зрения М.П. Грязнова по этому вопросу заключается в том, что переход к кочевому скотоводству связан с распространением удачного опыта разведения животных. Однако этот процесс происходил не только путем непрерывных эволюционных изменений, но и при чередовании коротких периодов относительно быстрого развития производительных сил общества с периодами относительного покоя в их развитии (Грязнов, 1957, с. 21–28).

Рассматривая проблему происхождения кочевничества на основе археологических материалов по Казахстану и Средней Азии, С.С. Черников пишет, что в регионе существовали условия для разведения скота, это обеспечивало больший прибавочный продукт, чем мотыжное земледелие. С освоением использования в хозяйстве лошади и упряжных быков создалась благоприятная возможность для осуществления перекочевок (Черников, 1957, с. 28–33).

Возникновение кочевничества К.В. Сальников объяснял влиянием двух факторов: численного роста стад и возможности использования степных пространств под пастбища в связи с окончанием сухого ксеротермического периода и наступлением влажного (Сальников, 1967).

Основные черты кочевничества, сформулированные С.И. Руденко, включают скотоводство как основное занятие населения; круглогодичное содержание скота на подножном корму с учетом разнородности пастбищ; подвижный образ жизни большинства населения, связанный с сезонными перекочевками. Позиция С.И. Руденко по вопросу возникновения кочевого скотоводства состояла в следующем: социальные условия (имущественная дифференциация, разделение труда, развитие обмена) являются важнейшим фактором возникновения кочевничества. Он полагает, что «...кочевание было своего рода привилегией богатых и очень богатых скотоводов, имеющих большие стада скота и, прежде всего, овец и лошадей» (Руденко, 1961, с. 2–15). «Чистые» кочевники, находящиеся в постоянном движении, были редким исключением, тогда как большая часть скотоводов в некоторой степени была связана с оседлостью и земледелием, что, по мнению С.И. Руденко, определялось географическими факторами. Кроме того, исследователь ставил под сомнение массовый и быстрый переход населения Евразии от оседлой экономики к кочевой.

Анализируя археологические и исторические материалы, А.М. Хазанов констатирует, что «массовый переход населения евразийских степей, полупустынь, пустынь к кочевому скотоводству... в основном завершился в I тыс. до н.э.», и включает в хозяйственно-культурный тип кочевников Евразии пять основных вариантов кочевого хозяйства, утверждая, что в разных экологических условиях создавались разные модели адаптации кочевников к внешним земледельческим культурам, и, следовательно, могли возникать разные типы политических систем (Хазанов, 1975, с. 10–11, 192).

Подвижные формы ведения хозяйства, связанные с кочеванием, считает М.И. Артамонов, возникают с самого начала появления скотоводства в евразийских степях (Артамонов, 1977, с. 4–13). В отличие от него Г.Е. Марков и С.И. Вайнштейн утверждают, что процесс трансформации подвижного скотоводства в развитое кочевничество растянулся на столетия и «стал завершаться только в первых веках нашей эры... в послехуннское и раннетюркское время» (Марков, 1976, с. 267; Вайнштейн, 1991).





Переход к кочевничеству Е.Е. Кузьмина считает закономерным и длительным процессом, объясняя его особенностями экологии степей и многовековым развитием скотоводства. Кризис скотоводческо-земледельческого хозяйства андроновских племен выразился в противоречии между развитием производственной деятельности и ограниченными ресурсами природной среды. «...Даже при рационально-кольцевой системе распределения пастбищ, когда стада постоянно перегоняют в радиусе нескольких километров вокруг поселка, за двадцать – двадцать пять лет происходит перевыпас степи, а продуктивность пастбищ снижается в два – четыре раза. Эти факторы обусловили необходимость переноса срубных андроновских поселков через каждые двадцать пять лет на новые места на несколько десятков километров, чем объясняется однослойность и небольшая мощность культурного слоя степных поселений и относительная малочисленность погребений в относящихся к ним могильников» (Кузьмина, 1994, с. 67). Следовательно, интенсификация животноводства могла быть достигнута только при переходе к яйлажному и кочевому скотоводству. Утверждение некоторых исследователей о массовом переходе пастушеских племен в конце эпохи бронзы к кочеванию Е.Е. Кузьмина не разделяет, считая, что «...в период кризиса экономики в степях идет интенсивный поиск наиболее прогрессивных форм, соответствующих определенным экологическим нишам. Появление больших поселений (Шортанды-Булак, Кент), огромных многокамерных домов (Бугулы), разнообразие типов и высокий КПД серпов и их массовое производство (клад Сукулук) указывают на переход части населения степей к более интенсивному хлебопашеству» (Кузьмина, 1994, с. 92). По мнению ученого, комплексный характер экономики, широкая распространенность лепной керамики, в том числе с налепным валиком, на огромной территории указывают на связи и миграции населения степей на рубеже II–I тыс. до н.э., что было «...следствием характера культуры степных племен и закономерно привело в VIII в. до н.э. одни племена к оседлому земледелию, другие – к кочевому скотоводству» (Кузьмина, 1994, с. 93). Е.Е. Кузьмина делает вывод о том, что развитие процессов седентаризации и номадизации находилось в тесной зависимости от конкретной исторической ситуации. Тенденция к седентаризации определялась внутренними социально-экономическими причинами, климатическими изменениями, политической ситуацией, влиянием земледельческих цивилизаций.

Поддерживая основные аргументы археологов, В.В. Евдокимов отмечает, что общественные изменения в форме возникновения номадизма происходили без изменений в способе производства. Исследователь видит причинный фактор перехода к номадизму в развитии обмена и рассматривает его как важнейший социальный феномен (Евдокимов, 2000, с. 119). Несколькими десятилетиями ранее на это указывал и М.И. Артамонов: «Больше всего кочевники нуждались в хлебе, металле и вообще в изделиях несоместимого с их бытом развитого ремесла, получить которые можно было только путем обмена или грабежа у народов с другим направлением хозяйственной деятельности» (Артамонов, 1977, с. 5). По мнению В.В. Евдокимова, первостепенную роль в обмене у населения Центрального и Северного Казахстана сыграла бронза. Им было высказано предположение о том, что еще в андроновском обществе существовал механизм межплеменных связей, посредниками в которых выступали федоровские племена, ведущие более подвижный образ жизни по сравнению с алакульскими (Евдокимов, 2000, с. 115–116). Потребность в цветном металле у оседло-земледельческих племен Урала и Западной Сибири, бедных минерально-сырьевыми ресурсами, вызывала необходимость выгодного обмена, а после распространения железа надобность в казахстанской бронзе отпала, и население региона вынуждено было искать новые варианты взаимовыгодного обмена, каковыми и стали продукты скотоводческого хозяйства.

Существенную помощь в решении вопроса о генезисе номадизма оказали палеоэкологические методики, используемые при изучении проблем древних обществ. Ученые констатировали, что переход к кочевому и полукочевому хозяйству на территории Казахстана был ускорен климатическими изменениями, приведшими к сильному усыханию степей к началу I тыс. до н.э. В настоящее время доказано, что изменение температур (потепление, похолодание) носит глобальный характер, а изменение условий увлажненности, являющееся результатом соотношения тепла и влаги, имеет более региональный характер (Иванов, Луковская, 1997, с. 79–86).

Таким образом, номадизм более связан с неустойчивостью локальных климатов и ритмичных изменений ландшафтно-климатических условий, чем с глобальными изменениями климата, которые порождают скорее миграцию. Поэтому роль климатических изменений в возникновении разных типов кочевого скотоводства, несомненно, важна, но не единственна. Необходимы были как хозяйственные, так и культурные предпосылки.

В целом представляется, что становление кочевничества происходило первоначально на основе комплексного хозяйства пастушеско-земледельческих племен эпохи бронзы под воздействием ряда факторов: экономический – кризис скотоводческо-земледельческого хозяйства, развитие внутреннего и межплеменного обмена, значительное место в котором занимал металл; экологический – наличие неосвоенных степных и пустынных пастбищ, изменения физико-географической среды, проявившиеся в увлажненности или аридизации климата; социальный – имущественная дифференциация общества, прирост населения, внутренние и внешние миграции.

В 50-е гг. XX в. М.П. Грязновым была разработана периодизация развития скотоводческого хозяйства. Учитывая тот факт, что с середины II тыс. до н.э. в составе стад преобладал крупный рогатый скот, а памятники расположены на краю надпойменных террас, на незатопляемых участках пастбищно-луговых угодий, М.П. Грязнов реконструировал скотоводство этого периода как придомное пастушеское. Во второй половине II тыс. до н.э. возрастает роль овцы и лошади, появляется одомашненный верблюд, отмечаются случаи использования лошади для верховой езды. В связи с этим М.П. Грязнов полагает, что в это время получает развитие яйлажное скотоводство, переход к которому произошел на рубеже II–I тыс. до н.э., но уже в конце VIII в. до н.э. эта форма сменилась кочевым скотоводством (Грязнов, 1957, с. 21–28).

В 70-е гг. XX в. процесс складывания кочевого хозяйства в аридной зоне Казахстана подробно рассмотрел К.А. Акишев. Он выделил три этапа в развитии скотоводства, аналогичные вышеизложенной теории М.П. Грязнова, предложив такие хронологические рамки:

I этап – придомное скотоводство – XVII–XV вв. до н.э. Сосуществование двух типов хозяйства – оседлого пастушеского скотоводства и первобытного земледелия;

II этап – яйлажное скотоводство – XIV–XI вв. до н.э. Для этого этапа характерно увеличение доли мелкого рогатого скота в стаде, освоение новых степных пространств. К.А. Акишев полагает, что в этот период уже происходило распределение пастбищ на зимние и летние. «Около поселения скот выпасается лишь в зимнюю пору, а с наступлением тепла стадо в сопровождении пастухов – вооруженных мужчин – перегоняется на летние пастбища. Следовательно, древние скотоводы уже в XIV–XI вв. до н.э. стояли на пороге перехода к новой форме хозяйства, к кочевому скотоводству. Однако и на этом этапе хозяйство продолжало оставаться скотоводческо-земледельческим» (Акишев, 1972, с. 39);

III этап – начальный этап номадизма – IX–VIII вв. до н.э. На этом этапе происходят крупные изменения в материальной культуре населения, окончательно утверждается круглогодичное кочевание и складывается система сезонного распределения пастбищ и водных источников (там же, с. 31–46).

Интервал между XI и IX вв. до н.э. выпадает из этапной схемы, предложенной исследователем, хотя именно в этот период происходят процессы, в конечном счете приведшие население к кочевому скотоводству. В указанной статье К.А. Акишев не акцентирует внимание на данном вопросе, видимо, оставляя решение на последующий период.

В современной науке существует мнение, что окончательное оформление номадизма необходимо удревнить до XII–X вв. до н.э. (Таиров, 1993, с. 48–59).

Характеризуя географическую среду, К.А. Акишев определяет три зоны хозяйственной специализации и основных районов кочевания: Западный и Центральный Казахстан; Восточный и Юго-Восточный Казахстан; Южный Казахстан. Исследователь отмечает, что для Восточного и Юго-Восточного Казахстана характерно сочетание полукочевнического и полuosедлого образа жизни, яйлажного скотоводства и богарного земледелия. Оседлое скотоводческо-земледельческое хозяйство более всего было распространено в Южном Казахстане по берегам рек Шу, Талас, Арысь, богатых сенокосными угодьями, что обусловило преобладание в этом регионе круп-





ного рогатого скота. Наличие природных водоемов, соседство с сельскохозяйственными центрами (Согд, Фергана) способствовало развитию ирригационного и богарного земледелия и привело к оседанию крупных скотоводческих коллективов.

Круглогодичное кочевание было характерно для географических зон сухих степей, пустынь и полупустынь Западного и Центрального Казахстана, где преобладающими видами скота стали овцы, лошади и верблюды при малочисленности крупного рогатого скота, а земледелие не получило развития. Выбор маршрутов и амплитуда кочевания были продиктованы ландшафтом, гидрографической сетью, наличием источников воды и их сезонным распределением, удаленностью сезонных пастбищ друг от друга, учетом миграций копытных животных степей и полупустынь.

При реконструкции древних форм кочевого хозяйства большое значение имеет метод сопоставления археологических данных с этнографическими материалами по поздним кочевникам, полученными в однотипных зонах и скорректированными с учетом изменений экологической среды и дальнейшего социально-экономического развития общества. Постоянство маршрутов перекочевок нередко можно проследить на одной и той же территории с древности до Нового времени. Страбон писал о древних номадах евразийских степей: «...они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою в болотах около Меотиды, а летом на равнинах» (Страбон, 1994, с. 3, 17). То же самое Плано Карпини утверждал и про кочевников Золотой Орды: «Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек поднимаются на горы» (Путешествия..., 1957, с. 25).

Многочисленные примеры подобных сопоставлений исторической динамики скотоводства приводят в своих работах К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, Г.Е. Марков, Н.Н. Крадин, А.М. Хазанов, С.И. Вайнштейн, А.Д. Грач, А.Д. Таиров, А.З. Бейсенов.

Используя археологический и этнографический материал, М.К. Кадырбаев изучает основные типы скотоводческого хозяйства на территории Казахстана и доказывает, что их становление относится к середине I тыс. до н.э. и происходит одновременно, хотя и разными темпами (Кадырбаев, 1980, с. 36). Выбор того или иного типа скотоводства зависел от многих факторов, таких как природные условия, степень и темпы социально-экономического развития, влияние оседло-земледельческих центров и др. (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 410). Резкий перелом в хозяйственной жизни общества и переход к кочевой и полукочевой форме хозяйства был вызван, по мнению М.К. Кадырбаева, изменением климатических условий и низким уровнем развития производительных сил, что не позволяло населению заниматься земледелием в слабообводненных степях Казахстана. Кочевое скотоводство, законченные и отчетливые формы которого известны в Центральном Казахстане с VII в. до н.э., уходит своими корнями в предшествующий период. В работах М.К. Кадырбаева был определен уровень развития хозяйственной деятельности племен Центрального Казахстана и прослежена динамика становления кочевничества.

Утверждение древних авторов об абсолютно кочевническом направлении хозяйства и быта саков и усуней было поставлено под сомнение еще М.В. Воеводским и М.П. Грязновым на основе нахождения в захоронениях Северной Киргизии обугленных зерен, шелухи проса и каменных зернотерок. С.П. Толстов также отмечал, что «элементы оседлости и земледелия всегда сопровождают кочевое скотоводческое хозяйство» (Толстов, 1948, с. 171). А.Х. Маргулан, определив уровень развития хозяйственной деятельности племен раннего железного века Казахстана, выделял в качестве первоочередной задачи изучение истории древних оседлых поселений в аспекте чередования оседлости с кочевым скотоводством (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 18). Е.Ю. Спасская высказала предположение об одновременном бытовании на территории Казахстана в скифо-сакский период кочевого и оседлого укладов хозяйства (Спасская, 1958, с. 178–193).

По мнению С.И. Руденко, «чистые» кочевники, находящиеся в постоянном движении, были редким исключением, тогда как большая часть скотоводов в той или иной степени была связана с оседлостью и земледелием. Развитие процессов седентаризации и номадизации, считает ученый, находилось в тесной зависимости от конкретной исторической ситуации, в различные периоды истории господствовала та или иная тенденция. Несмотря на преобладание кочевого скотоводства, в отдель-

ных благоприятных по естественно-географическим условиям районах часть населения в I тыс. до н.э. вела оседлый образ жизни (Руденко, 1960, с. 3–10).

К пересмотру традиционной точки зрения на древних обитателей Восточного Жетысу как исключительно на кочевников в известной мере подтолкнуло открытие К.А. Акишевым сако-усуньских поселений (Актас, Луговое, Амирасай, Бериктас), в окрестностях которых на южных пологих склонах гор были найдены следы самотечных каналов и орошаемых ими полей. Osteологический материал свидетельствовал о разведении лошадей, мелкого и крупного рогатого скота (Акишев, 1970, с. 69–78).

В научной литературе утвердилось мнение, что Птолемей сообщал об отсутствии городов у кочевников, занимающих страну саков. Однако этот отрывок в части рукописей труда Птолемея вообще отсутствует, в других – помещен в разделе, не связанном с саками. Б.А. Литвинский приводит более ранние сведения – отрывок описания Ктесия в передаче Диодора об устройстве городов Зариной (Литвинский, 1972, с. 152). Анализ этого текста И.В. Пьянковым позволил выявить ряд существенных деталей: по версии Ктесия, Зарина «большую часть земли» саков «привела в культурный вид», и там имеются «немалые города» (Пьянков, 1975, с. 46–47).

В 1957–1960-е гг. Хорезмской экспедицией АН СССР были осуществлены разведочные раскопки на городищах Чирик-рабад, Баланды, Бабиш-мулла (Толстов, 1948). Крупнейшее городище Чирик-рабад расположено на возвышенности, на берегу основного русла р. Жанадарья, недалеко от оазиса. На нем были обнаружены остатки нескольких разновременных укреплений, древнейшее из которых – овальная в плане крепость площадью свыше 40 га – датируется IV–II вв. до н.э. Описание памятника позволяет предположить, что он был наиболее древним объектом этого региона, которому предшествовали постоянные или временные поселения сакских племен, а в силу природно-климатических особенностей здесь изначально развивались формы хозяйственной деятельности, связанные с земледелием.

В Северном Казахстане изучение поселений раннего железного века было начато в 70-е гг. XX в. раскопками городища Актау на р. Ишим. Находки позволили отнести городище к IV–II вв. до н.э. (Хабдулина, 1994, с. 71), а позднее сузить хронологический диапазон до V–III вв. до н.э. (Хабдулина, 2003, с. 190). Начало раннего железного века Северного Казахстана представляют поселения Карлуга I и Борки II, датируемые IX–VIII вв. до н.э. Материалы поселения Кеноткель X, исследованного позднее – в 90-е гг. XX в., характеризуют «переходную фазу» от бронзового века к железнному, а наличие в вещевом инвентаре характерных предметов позволяет отнести его существование к раннесакскому времени. Ранние формы оседлости и земледелия у кочевников древней Сарыарки изучены на материалах двух синхронных поселений раннесакского времени на р. Селеты – Таскора I, Таскора II, датированных VIII–VI вв. до н.э. В работе М.К. Хабдулиной проведен детальный анализ топографии, планировки, конструкции жилищ и вещевых коллекций поселений раннесакского времени (там же, с. 191–195).

Важным и принципиально новым обстоятельством, способствующим актуализации темы, является факт введения за последние 20 лет в научный оборот качественно нового материала, происходящего из памятников оседлости и позволяющего по-иному подойти к исследованию скифо-сакской культуры.

На современном этапе исследований этот подход наиболее последовательно реализован в работах А.З. Бейсенова, привлечшего данные казахской этнографии по вопросам ландшафтной топографии кыстау на территории Сарыарки, а также по организации зимнего цикла хозяйствования, особенностям кочевых путей, сезонных переходов и закономерностям исторического развития казахских зимников (Бейсенов, 2002, с. 31–41). Так, в конце 90-х гг. XX в. на территории восточной Сарыарки было открыто свыше двадцати поселенческих объектов раннего железного века. Эти памятники компактно сконцентрированы в районе гор Едрей и Каракуыс. К характерным признакам данных поселений А.З. Бейсенов относит привязку к склонам возвышенностей вместо водоемов открытых долин в эпоху бронзы, малую площадь, слабо насыщенный культурный слой, две-три небольшие наземные постройки, «бедность» керамики, отраженную в орнаментации, незначительное по сравнению с эпохой поздней бронзы количество костей животных, многочисленные каменные орудия: мотыги, зернотерки (Бейсенов, Ломан, 2006, с. 36–45).





В 2004 г. при участии автора было изучено поселение Кыштан, которое входит в комплекс памятников Кентского археологического микрорайона. Материалы поселения и коллекция керамики позволяют отнести его к начальной фазе раннего железного века (Бедельбаева, Варфоломеев, Ильин, 1999, с. 166–169) и конкретизировать особенности поселений указанного периода на основе формально-типологического и технико-технологического анализа (Бейсенов, Ломан, 2006, с. 36–45).

Этноархеологические исследования, проведенные в середине 90-х гг. XX в. Казахско-Американским отрядом Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в предгорной и степной зоне Заилийского Алатау, были направлены на изучение поселений ранних кочевников. На основе качественно новых подходов с использованием междисциплинарных исследований зафиксированы оседлые поселения Тузусай, Цыганка, Талгар III с круглогодичным обитанием населения. С помощью радиоуглеродных датировок установлено, что эти стационарные поселения функционировали от раннесакского времени до усуньского. В этом проекте изучалось взаимодействие в Жетысу земледелия и кочевого скотоводства, поскольку часть поселений региона представляла собой кратковременные или сезонные стойбища. Отсутствие следов стационарных жилищ, по мнению К.М. Байпакова, свидетельствует о существовании наземных построек и дает возможность предположить использование переносных – типа конической или полусферической – жилищ типа юрты, которые были, очевидно, распространены и следы установки которых фиксируются по скоплению материала (зернотерки, терочки, фрагменты керамической посуды, пряслица, кости животных), по хозяйственным ямам, очагам, зафиксированным в нижнем слое (Байпаков, Чанг, 1997, с. 53–68). Картографирование сорока поселений савок и усуней четко фиксирует их расположение в комплексе с многочисленными в Жетысу могильниками этого времени (Иссык, Талгарский, Боролдай, Тургенский, Кегенский, Кугалинский, Чиликский). Более того, К.М. Байпаков указывает, что поселения эпохи раннего железа – одна из наиболее многочисленных категорий памятников Жетысу (Байпаков, 2008, с. 3–25).

Тем не менее авторы большего числа научных исследований рассматривают савок исключительно как кочевников, и даже в настоящее время поселенческие материалы привлекаются, как правило, только в качестве иллюстраций, играя вспомогательную роль в процессе исторических интерпретаций.

Вопросы характеристики хозяйственного уклада древних кочевников изучаются и по сообщениям античных авторов, и на археологическом материале, и с привлечением этнографических данных по поздним кочевникам. Исследователи склонны абсолютизировать сообщение Геродота, в котором он характеризует общественную и хозяйственную деятельность скифов и народов, близких им по социально-экономическому развитию, так: «...меньше всех ценят тех граждан и их потомков, которые занимаются ремеслом... напротив считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд и которые ведают только военное дело» (Геродот, 1972, с. 167). Геродот утверждает, что «...и фракийцы, и скифы, и персы, и лидийцы, и почти все варвары считают тех, кто обучается ремеслам, и их потомков менее почтенными, они почитают благородными и более всех тех, кто занимается военным делом...» (Геродот, 1972, с. 168). Такое же пренебрежение к ремеслам отмечено у кочевников более позднего времени (Масанов, 1987, с. 27).

Номадизм практически неотделим от дополнительных видов хозяйственной активности, считает А.М. Хазанов. Одной из целей номадизма, по его мнению, является преодоление хозяйственной односторонности, что лежит в основе их социально-политической активности (Хазанов, 2000, с. 154).

Недифференцированность экономической специализации кочевых обществ отмечал Н.Н. Крадин. Во многих обществах скотоводов ремесло так и не выделилось в специализированную экономическую подсистему, полагает ученый. Это объясняется тем, что фактически каждый кочевник или семья были в состоянии изготовить самостоятельно основные предметы утвари и обихода. В тех же случаях, где фиксируется выделение ремесла в отдельный вид деятельности, наблюдается его существенное отличие от аналогичного производства земледельческо-городских народов, что обусловлено прежде всего подвижным образом жизни номадов (Крадин, 1996, с. 21).

Косвенным подтверждением этого вывода Н.Н. Крадина является тот факт, что долгое время в индоевропейских и, в частности, индоиранских языках отсутствовали или существовали в небольшом количестве термины, обозначающие конкретные виды ремесленной деятельности (металлургия, гончарство и др.) (Иванов, Гамкрелдзе, 1984, с. 687–738).

В 80–90-е гг. XX в. в связи с получением новых археологических данных, характеризующих уровень развития основных видов хозяйственной деятельности, исследователи отмечали, что при высокой монотипизации экономика ранних кочевников располагала внутренним многоукладным потенциалом, что подтверждают высокий уровень металлургии и гончарного ремесла, технологии изготовления оружия и украшений, деревообработка (Хабдулина, 1997, с. 7). Свою точку зрения о тенденции к преобразованию отдельных производств в самостоятельные специализированные виды деятельности древних кочевников высказал А.Д. Грач. Он полагает, что археологические материалы свидетельствуют о выделении ремесленного производства, среди которого ведущую роль играла металлообработка. Высокий уровень мастерства производства различных изделий из бронзы указывает на дифференциацию ремесленной деятельности скифо-сакских племен (Грач, 1980, с. 41–43).

Многолетние исследования древней металлургии и металлообработки Казахстана позволили Э.Ф. Кузнецовой обосновать позицию относительно высокого уровня бронзовой индустрии в эпоху бронзы и сохранения крупных металлургических центров в раннем железном веке с дальнейшим совершенствованием технологии производства. Анализ художественных бронз, древнего золота тасмолинской и сакской культур демонстрируют «высокую степень профессионализма и специализации работ, основанную на разделении труда в производственных мастерских», выделение групп профессионалов-литейщиков, которые могли воспроизводить сложнейшие технологические процессы (Кузнецова, 1993; Кузнецова, Тепловодская, 1994). Бронза в раннесакский период была преобладающим материалом для изготовления большинства предметов вооружения и орудий труда. Было установлено, что даже такие тяжелые работы, как обтеска листовидных бревен, из которых сооружались погребальные камеры и «царские» усыпальницы племенных вождей, камеры-срубы в захоронениях родовой аристократии, производились бронзовыми орудиями. Железные изделия вошли в обиход несколько позднее.

Изучение металлических изделий и орудий производства показывает, что металлургия Центрального Казахстана «...уже с середины II тыс. до н.э. имела четкую направленность ремесла, развиваясь, она шла по восходящей линии, проходя весь цикл производства – от разработки местных минеральных ресурсов, извлечения из них полезных компонентов до мастерства литья прочных высококачественных бронз, искусство которого достигло высот к середине I тыс. до н.э. – кануну наступления железного века» (Кузнецова, 1993, с. 173).

Из рассказов Геродота известно, что в быту азиатских скотоводов имела широкое хождение деревянная и металлическая посуда. Скотоводческие племена употребляли в хозяйстве и глиняную посуду, но других форм – приземистых и шаровидных, удобных для перевозки. Образцом подобных форм может служить сако-усуньская посуда. У классических скотоводов Центрального Казахстана, по свидетельству М.К. Кадырбаева, существовала и громоздкая (до 30–40 см высотой), плоскодонная хрупкая посуда, которая не имела практического назначения. Она изготавливалась специально для погребального обряда, существуя вплоть до середины I тыс. до н.э. и исчезая вместе с другими артефактами (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 433).

Археологические памятники демонстрируют весьма широкое использование керамических сосудов, в частности в погребальной практике, несмотря на то, что изготовление посуды было трудоемким и долгим процессом, ведь посуда изготавливалась методом скульптурной лепки без использования гончарного круга и специализированных печей. По мнению Т.М. Тепловодской, однотипность ведущих форм сакской керамики может указывать на серийность ее производства и, следовательно, сложившуюся специализацию в гончарном ремесле (Кузнецова, Тепловодская, 1994, с. 145). Наряду с этим зафиксировано широкое распространение кожаной и деревянной посуды, бытующей у кочевников с древности и сохранившейся вплоть до XIX–XX вв.





О многоукладном хозяйстве тасмолинских племен свидетельствует большое количество каменного инвентаря, это песты, молотки, ступки, а также железные шлаки, найденные на поселении Кеноткель Х. М.К. Хабдулина квалифицирует этот памятник как поселок горняков-ремесленников, где, вполне вероятно, осуществлялся многоступенчатый процесс металлургического производства (Хабдулина, 1994, с. 29, 67). Аналогичные памятники из Центрального Казахстана (Кент, Бугулы II, Донгал, Алат), исследованные экспедицией КарГУ, дают материал подобного типа.

Результаты комплексных исследований материалов из курганов могильника Берел VI–III вв. до н.э. позволяют выделить несколько основных направлений производства, получивших значительное развитие у древних кочевников: металлургия и металлообработка, изготовление керамической посуды, шерстяных, полотняных тканей и пошив из нее одежды, косторезное дело. Исследователи указывают на высокий уровень развития различных видов деревообрабатывающего производства: от строительства погребальных камер до декоративно-прикладного творчества (Самашев, Мыльников, 2004, с. 186–188).

Особого внимания заслуживает вопрос о наземных деревянных жилищах; их наличие в прошлом косвенно подтверждается фактом существования погребальных камер-срубов, технология сооружения которых говорит о высоком профессионализме строителей. Выбор лиственницы для сооружения камеры-сруба и, возможно, для жилища диктовался качеством дерева, так как лиственница обладает необходимыми для этого свойствами: прочностью, долговечностью и способностью к длительной консервации. Исследование курганов Бесшатыра и Берела показывает, что бревна доставлялись с применением тягловой силы, о чем свидетельствуют проушины в концах бревен, зафиксированные при демонтаже погребальных камер. Таким образом, археологические памятники сакского времени демонстрируют весьма совершенные приемы обработки дерева и строительства деревянных сооружений.

Характеризуя уровень развития основных видов хозяйственной деятельности, М.К. Хабдулина делает вывод, что при значительной моноспециализации экономика ранних кочевников располагала внутренним многоукладным потенциалом, о чем свидетельствует высокий уровень металлургии и гончарного ремесла, технологии изготовления оружия и украшений, деревообработки (Хабдулина, 1997, с. 7).

Таким образом, рассмотренная совокупность источников позволяет сделать вывод о том, что в основе развития хозяйственной и ремесленной деятельности древних кочевников лежало домашнее производство – особая форма промышленного труда, основывавшаяся на переработке материалов и сырья в том хозяйстве, которое их и добывает. Имеющиеся данные не позволяют предполагать выделение у древних скотоводов ремесла в самостоятельный вид деятельности, поскольку данный процесс практически никак не прослеживается в археологических материалах и письменных источниках. Окончательного оформления ремесла как формы производства у древних кочевников, судя по всему, не произошло, что обусловлено особенностями культурно-исторического развития. Сходные процессы можно проследить у других народов Евразии скифского времени, хотя отдельные исследователи зачастую склонны к преувеличению уровня развития ремесла у скотоводческих обществ.

Ремесленные орудия труда, кроме металлических ножей, встречаются в погребальных памятниках раннего железного века крайне редко. Поэтому выявление страт, занимавшихся тем или иным видом ремесленной деятельности, является трудноразрешимой задачей. Видимо, необходимо использовать более широкий круг источников, включая как традиционные письменные, лингвистические и этнографические данные, так и результаты естественнонаучных анализов различных предметов из скифо-сакских курганов. Возможно, конкретное распределение обязанностей в хозяйственно-трудовой сфере могло варьироваться внутри общества в зависимости от культурно-исторической ситуации (военные действия, эпидемии и т.д.).

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что состояние экономики является определяющим в оценке степени развития любого социума. Характеристика экологических и хозяйственных основ номадизма, фрагментарно освещенная в письменных источниках, тем не менее достаточно изучена, поскольку эти категории незначительно изменились во времени, и сопоставление их с этнографическими данными позволяет сделать обоснованные реконструкции по скифо-сакской эпохе.

Специфичность состава находок из погребальных комплексов, сакральный характер объектов, факты ограбления большинства захоронений, территориальная разрозненность и расплывчатость датировок снижают информационный потенциал этой группы источников для решения задач палеоэкономики.

В 60–70-х гг. XX в. в исторической и социально-экономической литературе преобладало мнение, что одним из признаков кочевого хозяйства является отсутствие ремесел и недифференцированность экономической специализации у кочевников. Одной из важнейших задач современного кочевниковедения является определение основных направлений хозяйственной деятельности в раннесакское время на территории Казахстана и выявление различных видов домашнего производства, занятий и ремесел на основе имеющегося материала с использованием междисциплинарного подхода.

Развитие кочевого скотоводства в скифо-сакскую эпоху проходило в различных формах, напрямую зависящих от конкретных природно-климатических условий. Оно совпало с началом горнодобывающей деятельности и металлургии, оказавших влияние на все стороны жизни кочевников. Создание качественно новых орудий труда и оружия, высокая степень развития строительного дела (сооружение курганов, ирригационных каналов, заготовка и транспортировка леса, камня, дерна и т.д.), развитие торговли и товарообмена, устройство жилищ, изготовление одежды говорят о жизнедеятельности общества и его способности к адаптации.

В период существования суверенного Казахстана первостепенное значение приобрел вопрос преемственности кочевой культуры. Современное состояние данного вопроса в диахроническом разрезе приводит исследователей к осознанию скифо-сакской общности как составной части евразийского социума. Анализ существующих научных подходов в исследовании историко-культурных процессов эпохи ранних кочевников делает необходимым углубленное изучение их генезиса и особенностей материальной культуры, включая хозяйственно-экономическую деятельность, и демонстрирует, что евразийская степь была территорией колоссальных культурных инноваций, потенциал которых использовался и на протяжении последующих двух тысяч лет.

Литература

- Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 69–78.
- Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 31–46.
- Артамонов М.И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – Вып. 1. – С. 4–13.
- Байпаков К.М., Чанг К. Новые данные о хозяйстве саков и усуней Семиречья // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. – Алматы, 1997. – С. 53–68.
- Байпаков К.М. Город и степь в древности: оседлость и земледелие у саков и усуней Жетысу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2008. – № 1. – С. 3–25.
- Бедельбаева М.В., Варфоломеев В.В., Ильин Р. Центральнокзахстанское поселение Кыштан в системе памятников начальной фазы раннего железного века // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы Всероссийской науч.-практич. конф. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. – С. 166–169.
- Бейсенов А.З. Исследования Сарыаркинской археологической экспедиции в Центральном Казахстане // Известия МОН РК-НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2002. – № 1. – С. 31–41.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Вопросы изучения поселений раннего железного века Казахстана // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2006. – № 1. – С. 36–45.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – М.–Л.: Наука, 1952. – № 26. – 347 с.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников в центре Азии. – М., 1991. – 296 с.
- Греч А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Геродот. История: в 9 кн. / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – Кн. IV. – 600 с.





- Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. – 1957. – Т. 26. – С. 21–28.
- Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. – Алматы: ИА НАН РК, 2000. – 138 с.
- Иванов Вяч. Вс., Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: Изд. Тбилисского университета, 1984. – Ч. 2. – 1331 с.
- Иванов И.В., Луковская Т.С. Роль пространственно-временных изменений экологических условий евразийских степей в развитии древних культурно-исторических общностей // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южно-русских степей: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения П.Д. Рау. – Саратов, 1997. – С. 79–86.
- Кадырбаев М.К. Скотоводство (историко-археологический очерк) // Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв. – Алма-Ата: Наука, 1980. – С. 31–59.
- Крадин Н.Н. Империя хунну. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 164 с.
- Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 416 с.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоирии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Российский Институт культурологии РАН, 1994. – 464 с.
- Кузнецова Э.Ф. Спектроаналитическое изучение металлического инвентаря из тасмолинских памятников Центрального Казахстана // Проблемы реконструкции хозяйства и технологии по данным антропологии. – Петропавловск, 1993. – С. 172–178.
- Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. – Алматы: Гылым, 1994. – 207 с.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – 270 с.
- Масанов Н.Э. Эволюция кочевого хозяйственно-культурного типа и проблема этногенеза казахского народа // Вестник АН Каз ССР. – 1987. – № 8. – С. 27–30.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 318 с.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика. – М.: Наука, 1957. – 383 с.
- Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. – Душанбе, 1975. – 67 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.
- Руденко С.С. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР: Материалы по отделению этнографии. – Л., 1961. – Ч. 1. – С. 2–15.
- Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы: ОФ «Берел», 2004. – 312 с.
- Сальников К.В. Очерки истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.
- Страбон. География: в 17 кн. / Пер. и комм. Г.А. Стратановского. – М.: Ладомир, 1994. – Кн. XI. – 469 с.
- Спасская Е.Ю. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии // Уч. зап. КазГПИ. – Алма-Ата, 1958. – Т. 15. Вып. 3. – С. 178–193.
- Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тыс. до н.э. // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург, 1993. – С. 48–59.
- Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.: Наука, 1948. – 352 с.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым, Ракурс, 1994. – 170 с.
- Хабдулина М.К. Кочевая цивилизация: критерии и понятия // Известия МН-АН РК. Сер. обществ. наук. – Алматы: Гылым. – 1997. – № 1. – С. 3–9.
- Хабдулина М.К. Поселение раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. – Астана: Култегин, 2003. – Т. 1. – С. 189–214.

- Хазанов А.М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. – М.: Наука, 1975. – 342 с.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 604 с.
- Черников С.С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ. – 1957. – Т. 26. – С. 28–33.

Бедельбаева М.В.

Көшпелілік генезісі және номадизмнің шаруашылық негіздерінің қалыптасуы (тарихнама мәселелері)

Мақалада мал өсіру шаруашылығының генезісі мәселесінің тарихнамасы берілген және скиф-сақ дәуіріндегі Қазақстан халқының экономикасының сипатына ғылыми көзқарастардың қалыптасу тарихы егжей-тегжейлі қарастырылды. Осы мәселе жөніндегі көзқарастардың эволюциясы Қазақстанның және шектес аумақтардың ерте темір ғасырындағы ескерткіштерін зерттеудегі табыстармен қатар өрбіді. Қазақстанның скиф-сақ дәуірі жөніндегі археологиялық материалды түсіндірудегі теориялық-әдіснамалық тәсілдемелердің ғылыми парадигманың ауысуынан және тарихи процеске эволюциялық-сатылы көзқарастан ауытқушылықтан тұратын елеулі өзгерістері тарихи тұтас, ұзақ уақытқа ие және белгілі бір тарихи-мәдени аймақты қамтитын жергілікті-тарихи феномен ретінде номадизмнің өркениеттік мәнін ұғынуға әкелді.

Bedelbayeva M.V.

The Genesis of Nomadism and the Addition of Economic Foundations of Nomadism (Historiographical Questions)

The historiographical question of the genesis of cattle breeding economy and the history of the scientific ideas on the nature of the ancient Kazakhstan population's economy in the Scythian-Saka period are presented in this article. The evolution of these hypothesis had a parallel development with the discoveries of Early Iron Age sites in Kazakhstan and adjacent territories. Qualitative changes in the theoretical and methodological approaches in the interpretation of archaeological material of the Scythian-Saka period in Kazakhstan, consisting in the modification of the scientific paradigms and in the withdrawal from an evolutionarily and stadial view towards a historical process, has led to the awareness of the civilizational importance of the nomadism as a local historical phenomenon, having historical integrity, extent in time and occupying a region, well determine in space and time.

Gyo By

ЕУРАЗИЯ ДАЛАСЫНЫҢ ШЫҒЫСЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ОЛЖАЛАР ЖӘНЕ ЕРТЕ СКИФ ТАРИХЫ МЕН МӘДЕНИЕТІНІҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Қытай тілінен аударған: **Сағынтай СҰҢҒАТАЙ**

Скифтер б.з.д. VII–III ғасырларда өмір сүрген аты айдай әлемге мәшһүр болған көшпелі халық. Б.з.д. III ғасырда скифтер сарматтар тарапынан батысқа ығыстырылды, сосын оалардың елін готтар жойды [1]¹. Скиф мәдениеті Еуразия даласындағы көшпелілер мәдениетінің типтік өкілі саналады.

Біз сөз етіп отырған бұл Еуразия даласының шығыс бөлігі Қазақ даласының шығысындағы аймақтарды меңзейді. Жалпы скиф елі ұғымы тым ауқымды, кең мағынасында ол Байқал көлі мен Енисей аңғарынан Дунай бойына дейінгі аймақты мекен еткен көшпелілерді, атап айтқанда ол Геродоттың «Тарихында» баяндалатын патша скифтері, көшпелі скифтер және егінші скифтерді қамтиды.

Біздің бұл еңбегімізде талқыланып отырған ерте скиф мәдениеті сол скиф тайпаларының б.з.д. VII–V ғасырларындағы материалдық мәдениеті.

Жалпы, Солтүстік Кавказ, Қаратөңіздің солтүстігі және Оңтүстік Сібірдің кең байтақ өңіріндегі б.з.д IX–VII ғасырлардағы археологиялық мәдениеті «ерте скиф мәдениеті» деп аталып кетті, ал оның жарқын өкілдері Тувадағы Аржан I қорымы,





1-сур. Геродот еңбегіндегі Еуразия даласы

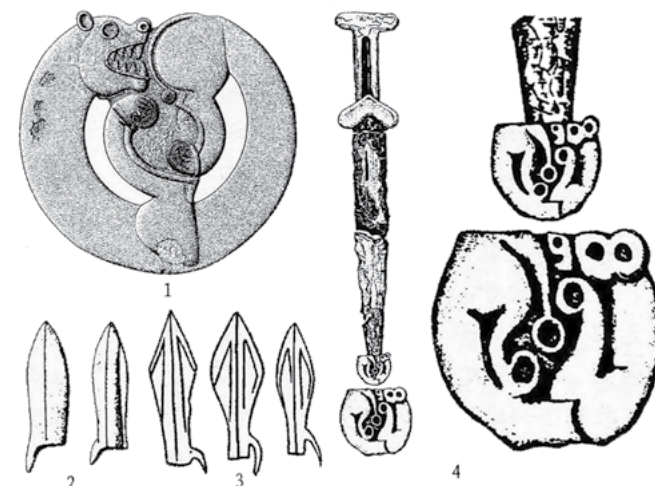
Қаратеңіздің солтүстік жағасындағы Черноговская мәдениеті (б.з.д. IX–VIII ғғ.), Қаратеңіздің солтүстігі мен Солтүстік Кавказдағы Новочеркасск (б.з.д. VIII–VII ғғ.) ескерткіштері есептеледі [2]. Бұл мәдениеттер скифтермен тікелей байланысты болмауы да мүмкін. Черноговская мәдениеті (б.з.д. IX–VIII ғғ.) өзінің шығысындағы далалық аймақтардың халықтардың миграциясының әсерінен қалыптасқан деген пікір бар [3]. Археологиялық деректерге сүйенер болсақ, скифтердің Солтүстік Кавказ жерінде бой көрсетуі, атап айтқанда Кубань мен Орталық Кавказ аймағында көрінді, алайда оларға жергілікті мәдениеттің әсері мардымсыз болды. Б.з.д. VII ғасырда скифтердің бір тобы Таяу Шығысқа басып кірген кезінде Ассирияның, Урартудың және Мидияның мәдени ықпалына түсті. Б.з.д. VI ғасырында олар Солтүстік Кавказдың орталық бөлігіне өтіп, күшті мәдени интеграция жағдайына өтті де, мықты көшпелі империя құрды. Олар б.з.д. IV ғасыр соңында эллинизмнің ықпалында болды [4].

Скифтердің этногенезі туралы ғылымда пікір әр түрлі. Бірінші пікірдегілер оларды Қаратеңіздің солтүстігі мен Еділ бойындағы Срубная (қима) мәдениетінің өкілдерімен байланыстырады. Ал енді бір топ ғалымдардың пікірінше, Украина жеріндегі қима мәдениеті киммерийлер мен скифтер мәдениетінің жалғасы саналады [5]. Археологиялық материалдар бұл тайпалардың мәдени байланыстарының әр кезеңде де өте тығыз болғанын айғақтайды [6]. Кейбір ғалымдардың пікірінше, скифтер Еділ бойындағы срубная (қима) мәдениетін жасаушылар өсіп-өркендеп, батысқа көшіп Украина жеріне барған соң қалыптасқан [7]. Екінші пікірдегілер Геродоттың «Тарихындағы» мәліметтерге сенімді, яғни олар скифтерді Азияның орталық бөлігінен, шығыстан келген деп есептейді. Археологиялық материалдар айғақтап отырғандай, скифтердің неғұрлым ерте кездегі ат әбзелдері Азияда пайда болған, олардың аң стиліндегі өнері Еуразияның батыс бөлігінде аса кең тарала қоймаған, шығыста кең тараған бұғытас өнері жалпы скиф өнерінің түп-тамыры болуы мүмкін [8]. Ресейдің Тува өлкесіндегі Аржан I қорымынан табылған археологиялық олжалар осы пікірді нығайта түседі [9]. Шығыстық теория бойынша да скифтердің түп-тамыры туралы бірнеше пікір бар. М.И. Ростовцев ең алғаш болып Солтүстік Кавказ жеріндегі ерте скиф мәдениеті Батыс Сібірдің мәдени ықпалында болды, ал скифтердің билеуші тобының мәдениетінде шығыстық элементтер басым болды деген ғылыми пікірін алға қойды [10]. Ал Л.Л. Кызласов болса скифтердің арғы ата-бабалары Шығыс Қазақстан жерінде өмір сүрген сақтар еді деп есептейді [11]. Ендігі бірсыпыра ғалымдар скиф мәдениетінің түп-тамырында Урарту мен Мидия мәдениетінің ықпалы басым болды деп шегелеп айтып жүр [12]. Ғалымдардың келесі біреулері оған бактриялық элементтерді қосады [13]. Өзге бір ғалымдар Орталық Азиядан немесе Оңтүстік Сібірден батысқа көшкен скифтер екі топқа бөлінген, бір

тобы Солтүстік Кавказ бен Қаратеңіз бойындағы далаға барып қоныстанған, ал екінші тобы ұлы көштің қарсаңында-ақ бөлініп шығып, Каспийдің оңтүстігі арқылы Батыс Азияға өткен, соңыра Кавказ асып, Кубань даласындағы скифтермен қосылған [14]. Қанша дегенмен де, көпшілік ғалымдар скифтер шығыстан келді деген пікірді жаппай қолдағанымен, алайда мына бір жәйтті ерекше атап айтқан жөн, яғни скиф мәдениетінің қалыптасу үрдісінде олардың өздерінің төлтума мәдениеті мен оларға көрші халықтардың мәдени ықпалы үзеңгілес болған.

Скиф мәдениетінің түп-төркінін тыңынан ашылған археологиялық деректер арқылы сараптағанда ондағы шығыстық элементтер барған сайын назар аударта түседі. Еуразия даласының батыс бөлігінен ашылған археологиялық ескерткіштердегі көптеген жерлеу ғұрпы, ақыреттік бұйымдар мен көркем өнер үлгілерінің Оралдың шығысынан, әсіресе Орталық Азия далаларынан келгендігі расталып отыр. Ондай мәдени факторлардың қатарында көбелек пішіндес қанжарлар, ромб пішінді жебе ұштары, клеменц үлгілі дулығалар, айбалталар (келт), үзеңгі пішінді ауыздықтар, черногово және заботинск үлгісіндегі сулықтар, түймелі айналар, тас дәнүккіштер, бошток үлгісіндегі қола қазандар, бұғытастар, бұғы және иірілген барыс бейнелері, грифондар, күн рәміздері, қабанның бейнелері, ағаштан тұрғызылған жер үсті жерлеу ескерткіштері және тағы басқаларды жатқызуға болады [15]. Алайда, аталған факторлардың бәрін бірдей скифтердің батысқа көшкен кезінде немесе одан кейін тараған деуге келмейді, оның үстіне ол факторлардың бәрі бірдей скифтердің батысқа көшпес бұрынғы мәдениетіне жатқызуға да келмейді. Ендеше олар қайсы мәдениетке тән дүниелер болғаны? Бұл факторлардан тыс, өзге де жаңалықтар бар ма? Бұл құбылыстар нендей мәселелерді меңзейді? Біздің еңбегімізде міне осы мәселелер талқыланды.

Біздіңше, Солтүстік Кавказ бен Қаратеңіздің солтүстігінде көшпелі мемлекет құрған скифтердің дені шығыстан келген. Бұрынғы зерттеулерде негізінен сөз болатыны көбінесе Қазақ даласы, Оңтүстік Сібір және Тува өңірінің археологиялық олжалары болды. Соңғы кезде Қытай археологиясының қарыштап дамуы, әсіресе Шыңжаң өлкесіндегі тың археологиялық олжалар ғалымдардың жіті назарын аударуда. Шыңжаң өлкесі мен батысқа көшіп барған скифтер мекен еткен Солтүстік Кавказ бен Кубань даласы арасында географиялық жақтан ешқандай кедергі жоқ, сондықтан да ерте скифтердің түп-төркіні мәселесі болсын, немесе скиф мәдениетінің Еуразия даласының шығысымен байланысы мәселесін зерттеп қарастырғанда да Шыңжаң археологиясының мән-маңызы зор. Бірсыпыра ғалымдар осы бағытта айтарлықтай ізденіп, зерттеп, тамаша табыстарға жетті де. Біз енді Шыңжаң археологиясындағы



2-сур. Аржан I қорымы және ерте скиф мәдениетінің ескерткіштері: 1. Тувадағы Аржан I обасынан табылған қапсырма; 2. Тувадағы Аржан I қорымынан табылған қола жебе ұштары; 3–4. Солтүстік Кавказ жерінен табылған ерте скиф мәдениетінің ескерткіштері





соңғы жаңалықтарды ескере отырып, осы мәселелер төңірегінде талдау жасап көрейік.

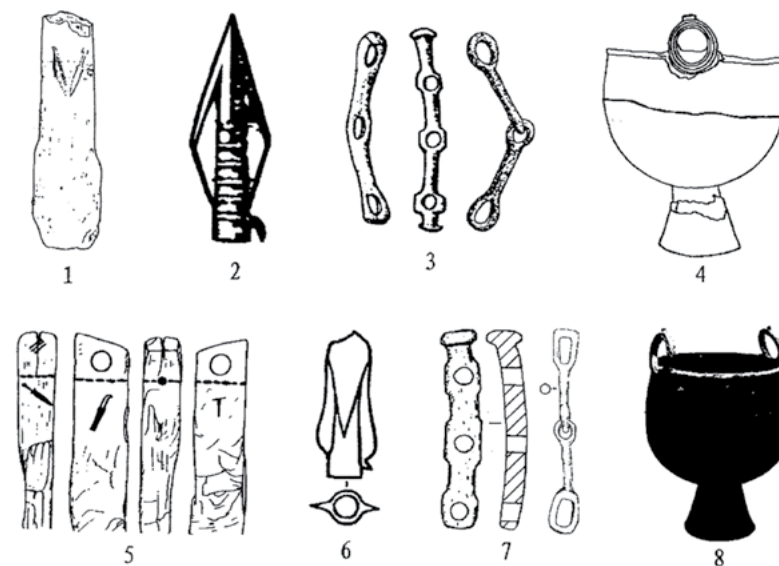
1. Сандоохайцзы мәдениетінің ескерткіштері – скифтердің Азиядағы отанын іздеудің шешуші кілті

Шындап келгенде, скифтердің түп-төркінінің шығыстық екені туралы мәселе о бастан жазба деректерден бастау алады. «Грек-парсы соғысы тарихы» атты еңбегінде Геродот б.з.д. VII ғасырдың соңында өмір сүрген грек ақыны Аристейдің «Жалғыз көзділер» атты поэмасына сілтеме жасай отырып, оның Еуразия далаларында көрген-білгендерін келтірген, онда оның Аполлонның желеп-жебеуімен алыстағы Исседон елін аралағаны, одан әрі Аримаспи (жалғыз көзділер) және Алтын қорыған самұрықтар еліне (грифтер елі) барғаны, ең соңында Гиперборея еліне жеткенін әңгімелейді. Бұл халықтардың гипербориялықтардан өзгесінің бәрі жалғызкөзділердің үстемдігінде көрші халықтарды үнемі шауып отыратын болған. Жалғызкөзділер исседондарды атамекенінен қуып шыққан, ал исседондар скифтерді қуып жіберген. Әуелде Қаратеңіз бойын мекендеуші киммерияндықтар исседондардың қысымымен өз елін тастап кеткен. «Тарихта» тағы да бір аңыз жазылған, онда айтылуынша, көшпелі скифтер әуелде Азияны мекен еткен, кейін массагеттермен соғыста жеңіліп, Сырдарыядан (кейде Еділ делінеді) өтіп, киммерияндар жеріне жеткен. Ал скифтердің қазір мекен етіп отырған жері киммериялардың жері еді. Демек, скифтер көшпелі тайпалар арасындағы әлсіздер әлділерге жем болатын даланың еркіндік заңы бойынша батысқа көшкен.

Скифтердің батысқа көшінің дүбірі Кавказдың оңтүстігіндегі аймақтарда да ізін қалдырды. Кейбір тарихи деректер бойынша, б.з.д. VII ғасырда скифтердің жас жауынгерлерінің бір легі киммерияндарға соққы беріп, Кавказ сыртын басып өтіп, Кіші Азияның біраз аймағын жаулап алған, әрі 28 жыл бойы сондағы қиян кескі шайқастарға қатысқан. Ассирия астанасы Нинивидегі бір мұрағатта сақталған балшық бітіктерде сондай тарихи жәйттер хатталған. Б.з.д. 681-ші 668-ші жылдарда Ассирия патшасы Ассархадон патша Теушпа бастаған киммерияндарды жеңген. Б.з.д. 674-ші жылы скиф патшасы Ишкуза Ассирия патшайымына үйленді. Одан 30-40 жыл өткенде олар Урартуды талқандап, Мидияны бағындырды. Вавилон патшасының жылнамаларында скифтердің б.з.д. 619–609-шы жылдары ассириялықтарға қарсы жорықтарға қатысқаны хатталған. Шамамен б.з.д. 610-шы жылдары скифтер мидиялықтармен бірігіп Нинивиді басып алды, бірақ та мидиялықтар олардың өзін Кавказдан қуып шығарды. Скифтердің осы өлкелердегі іс-әрекеттері туралы деректер әуелі «Інжіл. Көне өсиетте» де көрініс тапқан, оның 38, 39-шы тарауларында солтүстіктен келген қарулы әскерлерді «салт аттылар», «жердің жүзін қара бұлттай торлады» деп суреттейді [16]. Далаға қуылған скифтер Днепрдің төменгі аңғарында Екінші скиф патшалығын, яғни Боспор патшалығын құрды, міне бұл жұрт білетін б.з.д. VII–III ғасырларда өмір сүрген Скиф патшалығы еді (1-сур.).

Археологиялық материалдар бойынша, скифтердің б.з.д. VIII–VII ғасырдақ Солтүстік Кавказда бой көрсеткені айқын айғақталды. Сондықтан да Геродот еңбектерінде жиі тілге алынатын көшпелі тайпалардың арасындағы толассыз ауыс-күйістер қалай дегенмен де б.з.д. VIII ғасыр соңында болған деп болжау ақылға қонымды болар. Бір сөзбен айтқанда б.з.д. VIII ғасырдың соңында Халықтардың бір ұлы көші болғаны белгілі. Аримаспилер исседондарды тұрғылықты жерінен қуып шықты, ал ығысқан исседондар скифтерге соқтықты. Скифтер лажсыз батысқа жылжыды, жолай массагеттердің соққысына ұшырады, амалсыз Сырдың бойын көбелеп, ақыры Қаратеңіз жағасын паналады, соның салдарынан ондағы киммерияндықтар Кіші Азияға ығысты. Әуелі скифтердің де бір бөлігі киммерияндармен бірге Кіші Азия жаққа өтіп кетіп, ондағы түрлі әлеуметтік қақтығыстарға тап болып, ақыры соңында далаға қайтып оралды. Міне осындай ірі тарихи оқиғалар Еуразия даласындағы ежелгі халықтардың орналасу ретін өзгертті: скифтер батысқа ауып кеткен соң, массагеттер Сырдарияның солтүстік жағалауынан Каспидің шығысына дейінгі өңірді мекен етті, ал исседондар Іле мен Шудың аңғарын иеленіп қалды. Б.з.д. VI ғасырында Солтүстік Кавказ бен Қаратеңіз жағалауларын біріктіріп, біртұтас көшпелі империя құрды.

Ғалымдар жоғарыда аталған ұлы көш қарсаңындағы түрлі тайпалардың орналасқан аумағын анықтауға жіті назар аударады [17]. Кейбір ғалымдар аримаспылар мен қытайдың көне жазбаларындағы Гуйсин тобындағы И-муго (жалғызкөзділер)



3-сур. Шыңжаң мен Қаратеңіздің солтүстігіндегі ерте скиф мәдениетінің ескерткіштері: 1–3. Қаратеңіздің солтүстігінен табылған бұғытас, қола жебе, сулық пен ауыздық; 4. Солтүстік Кавказдағы Бештоғ тауынан табылған қола қазан; 5. Шыңжаңның Шіңгіл (Цинхэ) ауданындағы Тастысай қорымынан табылған бұғытас; 6. Шыңжаңның Хами (Құмыл) аймағындағы Яньбұлақ қорымынан табылған қола жебе ұштары; 7. Ча-у-ху IV және Яньхай қорымынан табылған сулық пен ауыздық; 8. Шыңжаңның Цитай (Шонжы) ауданынан табылған қола қазан

тайпасын байланыстыра атап көрсетеді [18]. Бір ағылшын ғалымының пікірінше, массагеттер ең әуелі Сырдың сол жағалауын мекен еткен, исседондар қазіргі Шыңжаң жеріндегі Тяньшаньның баурайын, ал аримаспылар Ордостан күнбатысқа қарайғы өңірді, соңғы гипербойлар қазіргі Қытайдың Шығыс теңізінің жағасын мекен еткен көрінеді [19]. Келесі бірсыпыра ғалымдар аримаспыларды Қазақстанның Зайсан көлі маңы мен Өр Алтай (Шығыс Алтай) төңірегіне орналастырады [20]. Келесі бір ғалымдар археологиялық деректерге сүйене отыра исседондар ең әуелі Тяньшаньның солтүстік баурайын, «алтын қорыған самұрықтар елі» (грифтер елі) Алтайдың теріскейін, ал аримаспылар Алтайдың күнгей бетін, гипербойлар Байқал маңын мекен еткен көрінеді. Шіңгілдегі Сандоохайцзы жайлауындағы (ҚХР ШҰАР Алтай аймағы Шіңгіл ауданындағы Үшкөл жайлауы, Моңғолияның Қобда аймағымен шекаралас – ауд. С.С.) тастан үйілген доңғалақ пішінді құрылыс ескерткіші (айналасында бұғытастар бар) аримаспылармен тығыз байланысты болса керек, ал Пазырық ескерткіштері (мәдениеті) грифондармен байланысты [21]. Осы пікірдің жаны бар секілді. Біз мына жәйтке назар аударғанымыз жөн, Пазырық мәдениеті б.з.д. V–III ғасырларда өсіп-өркендеді, сондықтан да грифтер ұлы көштен кейін пайда болған. Қазіргі археологиялық олжаларға қарағанда б.з.д. IX–VII ғасырлардағы Саян-Алтай аумағындағы ең күшті, мәдениеті ең дамыған тайпалар Тувада, Моңғолияның солтүстік-батысында және ҚХР-дегі Алтай аймағындағы қазіргі Цинхэ, Фуюнь (Шіңгіл, Көктоғай аудандары – ауд. С.С.) өмір сүрген. б.з.д. V ғасырдан кейін Саян-Алтай көшпелілер мәдениетінің орталығы қазіргі Ресейдегі Алтай өлкесіне ауысты, ол бізге аса жоғары деңгейде өркендеген Пазырық мәдениеті арқылы әйгілі. Егерде Пазырық мәдениетін грифтермен байланыстырар болсақ, онда «Тарихтағы» грифтер туралы деректер кейін кіріктірілген деген сөз, онда б.з.д. VII ғасырдан кейінгі тарих, атап айтқанда, грек ақыны Аристейдің Алтай төңірегіндегі сапары кезіндегі ахуал баяндалады.

Б.з.д. VIII ғасырдан бұрын аримаспылар мен исседондар, исседондар мен скифтер бір-бірімен көрші қоңсылас дала халықтары болды. Егерде скифтердің батысқа





көшерден бұрынғы мекені мен археологиялық мәдениетін анықтағымыз келсе, онда исседондардың әуелгі атамекені оған ең жақсы табылмас геооординаты бола алады. Өкінішке орай, бізде исседондар туралы деректер тым жұтаң, дегенмен де аримаспылардың археологиялық мәдениетін неғұрлым толығырақ айқындай алсақ, онда исседондардың ескерткіштерін оңайырақ іздестіре алар едік, сөйтіп әрі қарай скифтердің батысқа көшерден бұрынғы атамекені мен археологиялық мәдениетінің ізі айқындалар еді.

Аримаспылар ескерткіштерін іздестіру үдерісіндегі бір назар аударар жәйт – бұғытастар. Күні бүгінге шейін бұғытас ескерткіштерін жалпылама «Бұғытас мәдениеті» деп атап немесе Қарасук мәдениетімен байланыстырып келдік. Десе де, олардың арасында кейбір ұқсастықтар бар болғанымен, алайда Қарасук мәдениетінде бұғытастар мен тас құрылымды құрбандық орындары мүлде кездеспейді, екеуі екі бөлек археологиялық мәдениет. Бұғытастар көбінесе тас құрылымды ескерткіштермен (керексур), молалар, қола қазандар сияқты ескерткіштермен байланысты болып келеді. Міне сондықтан да, кейбір ғалымдар Моңғолия, Тува және Алтай төңірегіндегі бұғытастарды негізгі ерекшелігі еткен археологиялық ескерткіштерді «Саньдаохайцзы мәдениеті» деп атауды ұсынды, әрине, бұл мәселе әлі де зерттеу, сараптау деңгейінде болғандықтан, біз қазірше оны «Саньдаохайцзы мәдениетінің ескерткіштері» деп атай тұруды жөн көрдік, дәуірі б.з.д. XIII–VII ғасырларымен мерзімделеді. Б.з.д. IX–VII ғасырларында да аталған мәдениеттің Тувада, Алтайда, Тяньшаньның солтүстік аймақтарында кең таралуы аримаспылардың ең күшейіп, кең аймақтарға таралу шегімен сәйкес келеді. Археологиялық тұрғыдан алғанда Еуразия даласының орталық және шығыс бөлігінде бір дәуірде дәл осындай ортақ ерекшелігі бар мәдениет сирек кездеседі, сондықтан да, «Тарихтағы» деректер шынайы болса, онда саньдаохайцзы мәдениетінің ескерткіштері сөзсіз аримаспылармен байланысты болғаны [22].

Мынаны атап өткен жөн, Еуразия даласының орта және шығыс аймақтарындағы көшпелі қоғаммен салыстырғанда батысқа көшпес бұрынғы скифтердің жан саны мен әскери қуаты бұл деңгеймен еш сәйкес келмейді, өйтпегенде олар аримаспылардан әлсіз саналған исседондар тарапынан оңай қуылмас еді. Саньдаохайцзы мәдениетінің ескерткіштері неғұрлым шығысқа қарай, аса кең таралған, әрі ескерткіштері де мол, бұғытастар жиі кездеседі, бұл ерекшеліктер скифтердің ахуалына сәйкес келмейді. Бұдан тыс, «Тарихта» хатталған аримаспылар мен скифтер екі бөлек тайпалар, бұл дегеніңіз бір тайпаның өз ішіндегі әр жіктегілердің мәдени айырмашылықтарын есептемегеннің өзінде, сол замандағы скифтер мен күшті де, дегдар аримаспылардың жоғарғы жіктегілерінің мәдени жағынан тығыз байланысы да, өзара айырмашылы да болғанымен қаперге алу керек деген сөз. Тарихи жазба деректер қаншама жұтаң болғанымен, батысқа көшпес бұрынғы скифтерді ұлы даланың ең күшті көшпелілері деп айтуға келмейді. Қалай дегенмен де, саньдаохайцзы мәдениетінің ескерткіштері батысқа көшпес бұрынғы скиф мәдениеті мен атамекенін анықтаудың өте маңызды координаторы және мәдени астары ретінде кәдемізге жарайды.

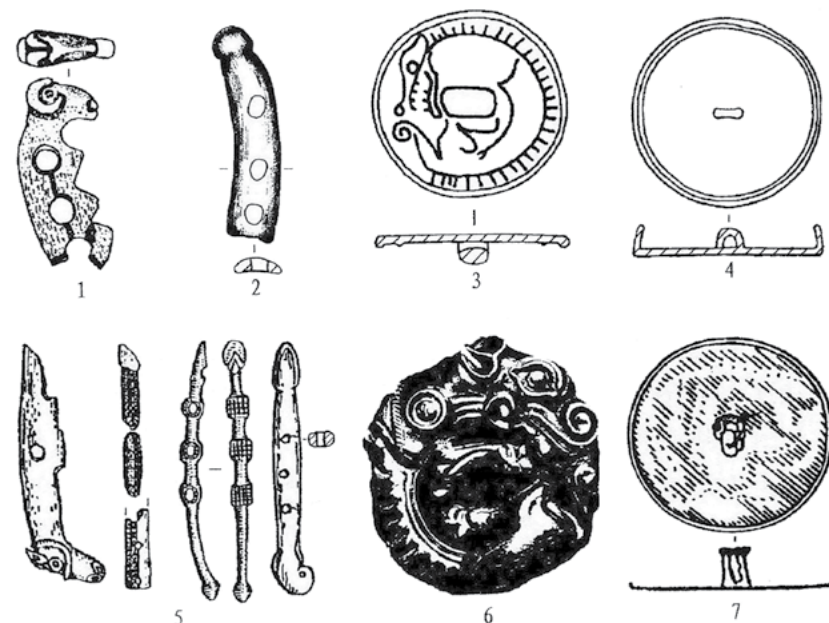
II. Ежелгі қарым-қатынастар: Шығыс Еуразия далалары мен Қаратеңіздің солтүстігіндегі ерте скиф мәдениетінің байланыстары

Скиф дәуірі деп аталатын заманның ең бір ерекшелігі көшпелі экономиканың қарыштап дамуы болды, ірі-ірі тайпалық одақтар құрылды. Таза классикалық үлгідегі көшпелі шаруашылық қола дәуірінің соңғы кезінде қалыптасты. Соңғы зерттеулердің нәтижесі көрсеткендей, Саян-Алтай аймағын мекен еткен адам баласы ең алғаш көшпелі шаруашылыққа өткен көрінеді. Оңтүстік Сібір мен Енисейдің жоғарғы аңғарындағы Минуса ойпаты қарасук мәдениеті кезінде (б.з.д. XIV–VIII ғғ.) климат жылынып, ылғалдылық артып, жайлау жайланып, төрт түліктің басы артып, жан саны көбейген. Дәл осы кезеңде салтаттылар көбейіп, жұрт жаппай өріс-қоныс іздеп көшіп-қонып жүрген, сөйтіп көшпелі мал шаруашылығы күшті дамыған. Диаметрлері 40–100 метрдей келетін ірі және орташа обалардың пайда болуы осы кезеңде патрихаризмнің қалыптасқанын айғақтайды [23].

Тувадағы Аржан I қорымының деректері дәл сол заманда малшаруашылығының ерекше дамығанын, әлеуметтік жіктелудің күшті болғанын айқын аңғартты. Аталған обаның алыптығы соншалық, тас үйіндісінің диаметрінің өзі 120 м келеді, көрдің өзі жер бетінде 70 дана ірі бөренелерден төрт тарапқа сәуле шашып тұрғандай пішінде

қиюластырылып салынған құрылыс болып шыққан. Көрдің орталығына тайпа көсемі мен оның ең жақын тұма-туыстары, ал оның төңірегіне бағынышты тайпалардың және жақын адамдарының ақтық-құрбандық заттары көмілген. Онда бір обаның өзінде 160 жылқы ер-тұрманы сай күйінде бірге көмілген, одан сырт 300 жылқы құрбандыққа шалынған. Ескерткіштің мерзімін алғашында б.з.д. VIII–VII ғасырлар деп таныса, кейін б.з.д. VII ғ. етіп тұрақтандырды, яғни скифтердің Солтүстік Кавказда бой көрсетуінен бұрын болған жағдай [24]. Алайда, ресей ғалымдарының соңғы сараптаулары бойынша оның абсолютті дәуірі б.з.д. IX ғ. соңы – XIII ғасырдың басы болып анықталды [25]. Бұл дата обаның салынған уақытымен сәйкес келетіндей, өйткені ондағы көптеген жерлеу ғұрпытары скифтердікіне ұқсайды, кейбір ғалымдар осы молада жерленгендер скифтердің ата-бабалары болуы мүмкін деп жорамалдайды [26]. Меніңше б.з.д. VIII ғасырдан бұрынғы қазіргі Тува жерінде ашылған жерлеу ескерткіштері скифтердің ата-бабаларының деп айту қиын. Аржан I қорымындағы жерлеу ғұрпының ерекшеліктері мен ақыреттік заттарының кейбір элементтері ерте скиф мәдениетінде кездеседі, айталық, қола жебелер, ирілген жыртқыш аң бейнелері және т.б. Қазақстанның солтүстігі мен Қаратеңіздің солтүстігіндегі аймақтардан да осындай жерлеу ескерткіштері табылған [27]. Біздің пікірімізше, Аржан I қорымы Саньдаохайцзы мәдениетінің ескерткіштері болып табылады. Шыңжаң мен Қазақстаннан табылған Саньдаохайцзы мәдениетінің көптеген ескерткіштеріне зер салар болсақ, Тува, Алтай және Тяньшаньның мәдениеті б.з.д. VIII–VII ғасырларда Алтай мен Шыңжаң жері арқылы Орталық Азия далаларына таралған көрінеді, бұл үрдіс, әрине, аримаспылардың (жалғызкөзділердің) ірге кеңейтуімен байланысты [28]. Скиф мәдениетінің көптеген элементтері Аржан I қорымының ескерткіштеріне ұқсайды, демек, Саньдаохайцзы мәдениеті батысқа көшпес бұрынғы скиф тайпаларына күшті ықпал еткен деген сөз.

Археологиялық деректер айғақтағандай, Шығыс Еуразия даласы б.з.д. X–VII ғасырларда Еділден күншығысқа қарайғы аймақтардың мәдени ықпалына көбірек



4-сур. Ча-у-ху мәдениеті және ерте скиф мәдениетінің ескерткіштері: 1. Ча-у-ху I қорымындағы № 30 обадан табылған сулық; 2. Яньхай қорымынан табылған сулық; 3. Ча-у-ху IV қорымындағы № 165 обадан табылған қола айна; 4. Чоңбағ I қорымынан табылған қола айна; 5. Солтүстік Кавказдан табылған ерте скифтік сулық; 6. Иранның батысынан табылған ирілген құбыжық жыртқыш аң бейнелі алтын жапсырма; 7. Солтүстік Кавказдағы скиф обасынан табылған қола айна





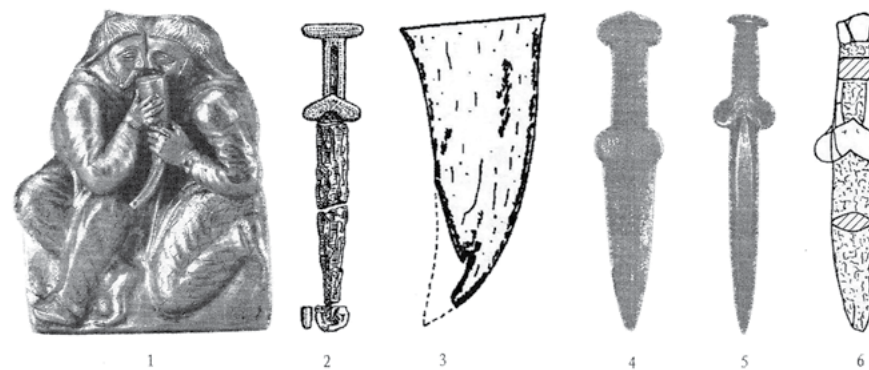
ұшыраған сыңайлы [29]. Бұл Новочеркасск мәдениетімен бір кезеңге сәйкес келеді [30]. Жалпы, скифтер батысқа көшпес бұрын Еуразия даласының шығысы мен батысы өте тығыз мәдени байланыста болған [31]. Болгарияның солтүстігіндегі Берегожец жеріндегі киммерияндықтардың қорымынан бұғытас іспетті құлпыас табылған, зерттеу арқылы ол ерте скиф (б.з.д. VIII–VII ғғ.) дәуіріне тән екені анықталған. Мұндай олжалардың қазірге дейін бізге он шақтысы белгілі. Осымен дәуірлес Солтүстік Кавказ жерінен табылған 4 дана бұғытас Алтайдан, атап айтқанда Шыңгіл (қытайша Цинхэ – ауд. С.С.) мен Кектогайдан (қытайша Фуюнь – ауд. С.С.) табылған бұғытастармен бірдей. Ғалымдар шынымен де Моңғолия мен Тувадан табылған бұғытас өрнектерімен Солтүстік Кавказ жеріндегі Кубань мәдениетінің ескерткіштеріндегі қола қапсырмалардың өрнектері бір қолдан шыққандай ұқсас екенін атап айтады [32]. Ғалымдар Финтик аймағынан табылған ерте скиф дәуіріндегі ат әбзелдері мен Тува жерінен табылған б.з.д. IX ғасырлардағы ескерткіштердің ұқсастығын аңғарған. Ерте скиф мәдениетінде бүйірінде қарсы біткен ілмегі бар ерекше қола жебе ұштары кездеседі. Мұндай қола жебе ұштары Еуразия даласының шығыс бөлегінен келгені айқын. ҚХР-дың Ганьсу өлкесіндегі Сыба және Хошаогоу мәдениетінің іздерінен дәл осындай қола жебенің ұшы мен оның екі дана қола қалыбы табылған, дәуірі шамамен б.з.д. 1600 жылдар, әрі ол сол жердің өзінде өндірілгені анықталды [33]. 1995-ші жылы ҚХР Шаньси өлкесінің Биньсянь ауданындағы Дуаньцзин қонысындағы бір обадан дәл осындай ілмегі бар қола жебе табылған, бұл обаның дәуірі Сяньюжоу мәдениетімен тұстас келеді [34]. Бұдан тыс Шыңжаңдағы Шеміршек қорымынан, Хотандағы Люшуй қорымынан, Яньбұлақ қорымынан, Фукаңдағы Саньгун обасынан дәл осындай қола жебелер табылды. Тувадағы Аржан I обасынан табылған қола жебе де осы үлгіде. Бұл қола жебелер б.з.д. I-ші мыңжылдықтың соңында кең қолданыста болған, кейін бүкіл скифке таралған [35]. Ча-у-ху қорымының I-ші кезеңінің № 129-шы обасынан табылған үш тесігі бар жүген сулығы ерте скиф дәуіріндегі үш тесігі бар сулықтарға ұқсас, ал дәл осындай сулықтар Тува мен Алтайдан да табылды.

1951-ші жылы Солтүстік Кавказдағы Бешток тауының солтүстік-батыс етегінен қола бұйымдардың үлкен қоймасы табылған, сондағы олжалардың бірі дөңгелек тұғыры бар қола қазан ерекше назар аудартады, онымен бірге табылған ат әбзелдері мен жебе ұштары сараптама жасалғанда қойманың б.з.д. VIII ғасырларда қойылғаны анықталды, сондағы мұралардың бірі бүлінбей әдемі сақталған қола қазан (3, 4-сур.) [36]. Қазанның ернеуінде екі бірдей дөңгелек құлағы бар, ал бүйірінде қола қалыптың ізі бар, дәл сондай қалыптау әдісі Шыңжаңнан да табылып еді [37]. Дәл осындай қола қазандар Алтанкүңгей бетінен, Тяньшаньның теріскейінен, Іле аңғарынан көп табылды [38]. Осы қазандар Саньдаохайцзы мәдениетінің типтік ескерткіші болса керек. Тувадағы Алдыбел мәдениетіне тән Аржан II қорымынан екі дана қола қазан табылыпты, ал табылған қола қазанның құлақтары ұқсас, Аржан II мен Аржан I қорымынан табылған қазандардың ұқсастығы менмұндалап тұр, ендеше бұл Саньдаохайцзы мәдениетінің ескерткіштерімен түбі бір деген сөз [39].

Скифтердің қола қазанды пайдаланғаны туралы Геродоттың «Тарихында» жазғандары археологиялық деректермен дәлелденді. Бірақ та, скифтердің қола қазандарды пайдалануы б.з.д. VI ғасырдан басталатынын ескерген жөн. Дегенмен, қазанның құлағындағы шөпқоректі хайуан мүсіні мен үш дөңгелекті тік құлағы бар қазандар ерекше [40]. Осыған дейін Қаратеңіздің шығысындағы Кубань даласындағы Клеменск деп аталатын ерте скиф обасынан дәл ондай қола қазан табылған, дәуірі б.з.д. VII ғасырдың соңы, бошток үлгісіндегі қазаннан бір ғасыр жас, әрі үлгісі де бөлек, сондықтан да, біздің ойымызша, скифтер пайдаланған негізі болды. Қола қазандар Қазақ даласының бір жерінен барған немесе боштек мәдениетін, не болмаса Урарту, Грек мәдениетінің ықпалы болған шығар. Б.з.д. VIII–VII ғасырларда ерте шыңжаңдық үлгідегі қола қазандар Солтүстік Кавказ жерінде көріне бастады, демек, саньдаохайцзы мәдениеті мен Солтүстік Кавказ байланыста болған деген сөз. Ерте мал шаруашылығы мәдениетінің дамуы Еуразия даласының шығысы мен батысын табыстырды, материалдық мәдени ауыс-күйіс өсті, скифтердің батысқа көшуінің негізі болды [41].

III. Шығыс Еуразия даласының археологиялық мәдениеті мен ерте скиф мәдениетінің байланысы

Шығыс Еуразия даласының көптеген мәдениет ескерткіштері ерте скиф мәдениетімен өте тығыз байланысты. Ерте скиф мәдениеті ескерткіштерінде



5-сур. Скиф мәдениеті және Шыңжаң ескерткіштері: 1. Скифтік алтын жапсырма. 2. Скифтік темір қанжар. 3. Ча-у-ху IV қорымынан табылған ритон. 4. Іле облыстық музейде сақтаулы қанжар. 5. Солтүстік Шыңжаңнан табылған қанжар. 6. Чоңбағ қорымынан шыққан қанжар

кездесетін ерекше бір сулық бар, оның бір ұшы тұяқ пішінді, енді бір ұшы қойдың басы пішінді болып келеді (4, 5-сур.). Ча-у-ху I қорымындағы № 30 обадан (4,1-сур.) және Яньхай қорымынан дәл осындай сулықтар табылды, дәуірі б.з.д. X–VIII ғасырлар [43] (4, 2-сур.). Сяохэ қорымынан (б.з.д. 1600–1400-ші жылдар) да дәл осындай ағаштан жасалған сулықтар табылған [44]. Ғалымдардың көбі осы айғақтарды скифтердің шығыстық тамырының негізі есептейді [45].

Иранның солтүстік-батысындағы Чивие деп аталатын қоймадан табылған ескерткіштерді ғалымдар скифтердің мұрасы деп таниды, дәуірі шамамен б.з.д. 600-ші жылдарды меңзейді, солардың арасындағы иірілген жыртқыш аң бейнелі алтын қапсырма, әрине, шығыстық үлгідегі зат екені айқын (4, 6-сур.). дәл осындай аң стиліндегі өнер бұйымдары скиф мәдениетінде жиі кездеседі. Осындай ескерткіштердің ең бір көнесі Шыңжаңдағы Ча-у-ху мәдениетінің IV қорымының № 165-ші обасынан табылған қола айна, онда бүктетіліп иірілген мифтік аң бейнеленген, аңның ұсқыны бөріге де, барысқа да келеді (4, 3-сур.). Осы археологиялық олжа Орталық Қытай мен Иран арасындағы мәдени байланыстың бір дөнекері, скифтердің шығыстық түп-тамырының бір айғағы ретінде қабылданады [46]. Ортасында дөңгелек түймесі бар қола айналар Шыңжаң мен Ганьсуда кең қолданыста болған, ол кейін Орталық Қытайда қола айна өнерінің үлгісі болды [47].

Б.з.д. IX ғасырында ортасында түймесі бар қола айналар Алтай төңірегі мен Қазақстан және Шыңжаң жерінде кең қолданыста болды (4, 4-сур.) [48]. Солтүстік Кавказ аймағындағы ерте скиф мәдениетінің ескерткіштері арасында табылған осындай қола айналар Шыңжаң мен оған көршілес аймақтардан ауысқаны белгілі (4, 7-сур.) [49].

Жалпы, Еуразия даласындағы салтатты көшпелілердің арасында әскери, шаруашылық және салтаттылық дәстүр мен әлеуметтік ұйымдасуы жағынан Алтай-Саян көшпелілері батыстағы көшпелі тайпаластарынан әлдеқайда көш ілгері болғаны белгілі. Негізінде, скифтер алғашында тым мықты көшпелі тайпа бола қоймаған, олар Алтай-Саян көшпелі тайпаларының мәдениетінің ықпалымен батысқа көше жүріп күшейіп, ықпалы артып, аты әлемге мәшһүр болған.

Скиф мәдениетінің б.з.д. VII ғасырдағы мәдени ескерткіштерінің көп элементтері шығыспен байланысты. Олардың алтын қапсырмаларындағы бейнеленген ритондары скифтердің ант қабылдағандағы ритуалды заты болған (5, 1-сур.). Шыңжаңнан табылған ритондар скифтердің батысқа көшпес бұрынғы ескерткіштері, олардың көбі Ча-у-ху мәдениетінің ерте кезеңінде, атап айтқанда Ча-у-ху V қорымында жиі кездесті (5, 3-сур.). Ритондар Кіші Азия мен Микен өркениетінің ескерткіштерінде жиі кездеседі, сондықтан оның скиф мәдениетінде кездесуі Кіші Азиялық дәстүр, немесе таза шығыстық дәстүр деп есептеуге де болады. Қазақстан мен Шыңжаңнан табылған көбелек пішінді қанжарлар скифтік қанжарлардың арғы тегі саналады [50] (5, 2, 4–6-сур.). Геродот өз жазбаларында дегдар скифтер мен исседондар





дұшпандарының бассүйегінен алтындап тұрып сусын ішетін саптыаяқ жасап алатынын жазады. Шыңжаңның Іле облысындағы Судунбұлақ қорымынан дәл осындай бассүйек табылды.

Скиф обаларынан табылған кейбір даңлулар Сяцзядянь мәдениетінің жоғарғы қабатынан табылған ескерткіштерге ұқсайды (6, 1, 4-сур.). Шыңжаңнан табылған үзеңгі іспетті сулықтар (6, 5-сур.) мен Қытай қорғаны бойынан табылған қола дулыға скиф мәдениетінің ескерткіштеріндегі дулығаға ұқсастығы ерекше назар аудартады [51]. Скифтердің қос жылқы бейнелі қола қапсырмасы (6, 3-сур.) мен Шыңжаңның Бүгір (Луньтай) ауданындағы Чоңбағ қорымы мен Айдынкөлден табылған қапсырмалар өте ұқсас (6, 6, 7-сур.).

Кейбір ғалымдар атап көрсеткендей, Алтайдың теріскейіндегі ерте көшпелілер мәдениеті мен Түркияның оңтүстік-батысындағы Гордион мәдениетінің ұқсастығы көп, соған қарағанда ассириялықтардың қысымымен Түркияның оңтүстік-батысынан бір халықтың тобы Алтай ауған жоқпа деген сұрақ туып отыр [52]. Дегенмен, көпшілік ғалымдар мұнымен келіспейді, себебі скифтердің көші сияқты, жалпы Еуразия көшпелілерінің көші шығыстан батысқа бағытталған [53].

IV. Кейбір мәселелер туралы талқы

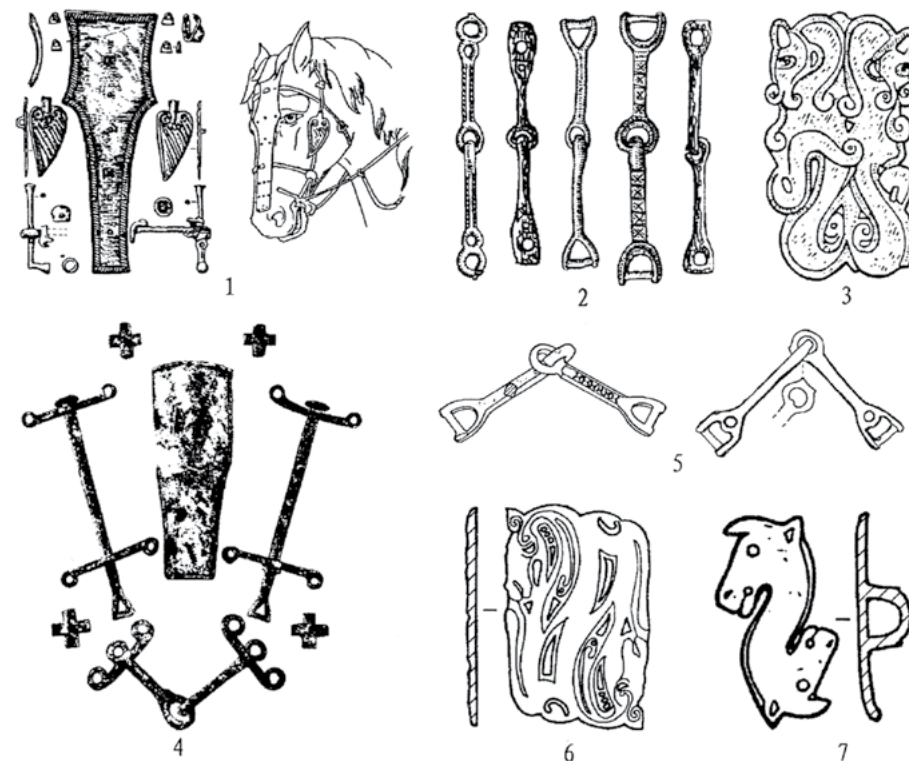
Палеоантропологиялық және лингвистикалық зерттеулер көрсеткеніндей, солтүстік Шыңжаңда Алтай мен Үрімшінің арасы, оңтүстік Шыңжаңда Күчар мен Бай және Хотан арасына қамтыған шығыс аймақта қола дәуірінде үнді-еуропа тектес халықтар мекен еткен, олардың тарих дәуіріндегі тілдері үнді-еуропа тілдерінің батыс тобына жататын тохар тіліне тән болды, ал батыс Шыңжаң аймақтарында қола және ерте темір дәуірінде жерорта теңізі және памир-ферғана тұрпатты үнді-иран тілдес халық мекен еткен. Қола дәуірі мен ерте темір дәуірінде монголоидтық расадағы халықтардың үлесі Хамидан (Құмыл) бастап батысқа қарай азая бастайды [54]. Ғылымда Андрон мәдени қауымдастығын үнді-иран тілдес халықтар тобына жатқызса, ал скифтерді шығыс иран тілді халық деп есептейді, сондықтан да олардың арғы ата-бабаларын сол ірі мәдени қауымдастықтың бір мүшесі ретінде қарастырады. Шыңжаңның Тяньшань тауының солтүстік бауарайының қола дәуірінің соңғы кезеңіндегі археологиялық мәдениеті Үрімшіні шекара ете отыра батыс аймағы Андрон мәдениетінің аумағына кірсе, ал шығыс аймақтары Шеміршек мәдениетімен сабақтас Сыдаогоу және Янбұлақ мәдениетінің, ал Боға тауының солтүстік бауарайы қола дәуірінің соңғы кезінде Сагайруй мәдениетінің аумағына кірген.

Міне осы жағдайларды ескерер болсақ, біздің ойымызша, батысқа көшпес бұрын скифтер Үрімшінің батысынан Сырдарияның шығысына дейінгі аймақты мекен еткен көрінеді. Массажеттердің ықпалын ескерер болсақ, онда скифтер Сырдарияның шығысынан Ілеге дейінгі аймақты, яғни қазіргі Қазақстанның бір аумағын мекен еткен. Ал батысқа олардың билеуші тобы, жоғарғы жіктегілері ауған, қалған төменгі жіктегі тобы массагеттермен және исседондармен қатты араласып кеткен болса керек.

Жоғарыда сөз еткен мәдени ескерткіштердің ұқсастығына қарасақ, батысқа көшпес бұрынғы скифтердің археологиялық мәдениетін дәп басып тану қиын, дегенмен де Геродоттың аримаспылар, скифтер және исседондар туралы берген деректері ешқашан ойдан шығарылмағаны анық, ол оқиғалар Тувада, Алтайда, Шыңжаңда (Тяньшаньның солтүстігінде) және Шу мен Сырдың бойында болғаны айқын. Ал Ұлы көштің қалай басталғанын білу үшін оның мынадай астарларына үңіліп, талдап-талқылап көрген жөн сияқты.

1. Саньдаохайцзы мәдениетінің ескерткіштерін зерттеу б.з.д. X–VIII ғасырлардағы Еуразия даласының шығысы мен батысы арасындағы мәдени байланыстарды тереңдеп тануға мүмкіндік тудырды. Фентик аймағындағы көптеген мәдени факторлар скифтердің батысқа көшімен байланыстырылып келді, шындап келгенде бұл факторлар одан да бұрын таралған, Саньдаохайцзы мәдениетімен байланысты болса керек. Соңғысы батысқа көшпес бұрынғы скифтердің мәдени ескерткіші болуы мүмкін емес, ол «Тарихтағы» қанатын кең жайған құдіретті аримаспылардың ахуалын айғақтап тұрғандай.

2. Ерте скиф дәуіріндегі бұғытастар, қола жебелер мен қола қазандарға қарағанда шығыстық көшпелі тайпалар батысқа көшпес бұрын Оңтүстік Орыс даласы мен Солтүстік Кавказ аймағы Алтаймен, Тувамен және Тяньшаньның шығыс-солтүстігімен әлдеқашан тікелей байланыста болған. Шығыс Еуразия даласының



6-сур. Б.з.д. VII–V ғасырлардағы скиф мәдениеті және ҚХР жерінен табылған жәдігерлер: 1–3. Б.з.д. VII–V ғасырлардағы скиф мәдениетіне тән ат әбзелдері; 4. Сяцзядянь мәдениетінің жоғарғы қабатына тән ат әбзелдері; 5. Чоңбағ қорымындағы № 5С обасы мен Яньхай қорымындағы № 163 обадан табылған ауыздықтар; 6. Айдынкөл қорымынан табылған қос жылқы бейнелі қапсырма; 7. Чоңбағ I қорымындағы № 27 обадан шыққан қос жылқы бейнелі қапсырма

тұрғындары Еуразия даласының батысындағы жұртты және оған баратын жолды өте жақсы білген, олардың көші ешқашанда көзсіз, бағыт-бағдарсыз босу емес болатын.

3. Алтай мен Тяньшань таулары шығыс пен батыстың географиялық, мәдени және антропологиялық субөлгіші, әрі үлкен қайнаған қазаны еді. Саян-Алтай, Тяньшань мен Моңғол даласы сынды биік деңгейдегі дельталық аймақтың экологиялық ортасы әр алуан, әрі тұйықтау болып келеді. Бұл өңірлер мұхиттардан шалғай, ландшафты-сы күрделі, теңіз деңгейінен биік, құбылмалы климаттың әсеріне көп ұшырайды. Бұл осында өмір сүретін жұрт үлкен бәсекелестікпен күресуге тура келеді, өмірге түрлі жаңалықтар пайда болады, қоғамдық құрылысы да жиі ыдырап, қайта құрылып отырады. Саньдаохайцзы мәдениеті мен Қарасук мәдениеті дәл осындай географиялық, экологиялық және саяси ортада қалыптасып дамыды, сондықтан да ол б.з.д. VIII ғасырда Ұлы даладағы ұлы өзгерістердің себеп-салдары болды.

4. Далалық өңірде байлықты сақтаудың эквиваленті ретінде алтын ерекше рөл атқарған [55]. Салтатты көшпелілік кең жайлауды, үйір-үйір жылқылар және киіз бен тері-терсекті молынан керек етті, оның үстіне қатал климат пен оба-обыр сияқты дерттер де байлық пен дәулетті кемітері даусыз. Сондықтан да далалық қоғамда өзі қауіпсіз, сақтауға ыңғайлы эквиваленттік зат қажет болды, ал алтын оның таптырмас заты болды. Көшпелілердің төлейіне орай Алтай алтынға орасан бай болып жаралған. Оның үстіне оңтүстіктегі отырықшы егіншілік қоғамы күрделі болды, айталық Қытай ол кезде Батыс Чжоу династиясының билеуінде еді, оның әлеуметтік қайшылықтары өршіп тұрды. далалықтардың жылқысы мен тері-терсегі және жүн-жұрқасы олардың астығы мен сән-салтанатты бұйымдарына айырбасталды, ал-

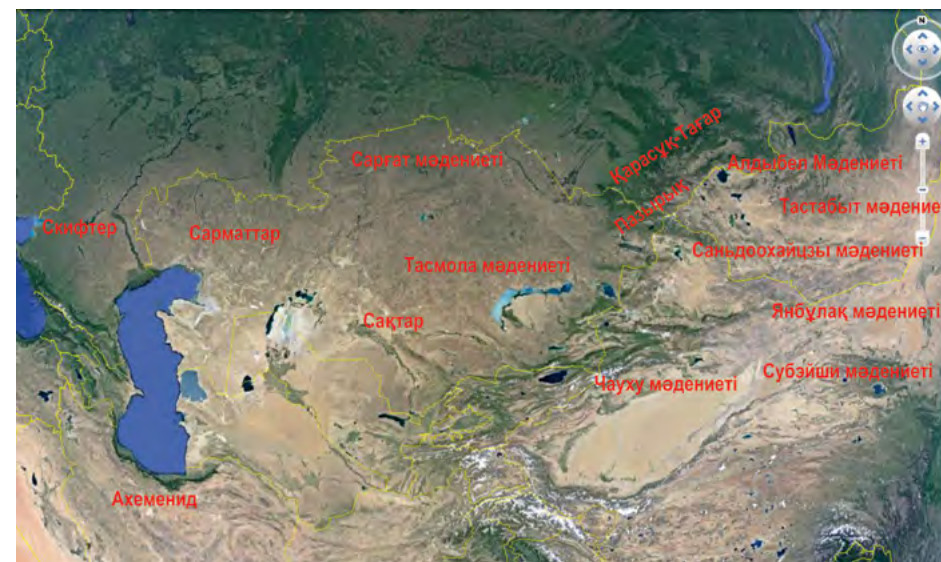




тын мен асыл тастардың нарқы артты. Саян-Алтай көшпелілері далалық өнімдерін Орталық Азия шұраттары мен Батыс Азияда саудалап, сосын оны Қытайдың солтүстік өлкелерінде айырбас нарығына шығарды [56]. Мұндай тиімділік дала көшпелі тайпаларының күшейтті, олардың билеуші топтарын байытты, ықпалын арттырды. Қола дәуірінің орта және соңғы кезінде далалық қоғам мейілінше күрделене түсті, ірі тайпалық одақтар мен пирамида тәрізді әлеуметтік жіктер пайда болды.

5. Орталық Қытай жеріндегі Шан және Чжоу мәдениеттерімен байланыста болғаны Саньдаохайцзы мәдениетін байыта түсті. Еуразия даласының шығысы мен Орталық Қытай елі Ғұн дәуіріне дейін-ақ тұрақты мәдени-саяси байланыста, күшті ықпалдастықта болған. Орталық Қытайдың Шан және Чжоу мәдениеті бұл кезеңде кемелді өркениет деңгейіне жеткен еді. Ол заманда Орталық Қытай мен солтүстіктегі Ұлы дала аумағы жағынан да, күш қуаты жағынан да, стратегиялық маңызы жағынан да терезесі тең әлем болды. Дегенмен де араларында Гоби шөлдері бөліп жатқан, табиғаты қатал буферлік зона орын алғандықтан, ондай жағдайда қарама-қарсы ірі әскери шабуыл операцияларын жасау мүмкін емес еді, бұл екі тарапты да итжығыс жағдайға түсіріп отырды. Алайда далалықтардың материалдық негізі әлсіздеу болғанымен, әскери қуаты күшті, ілкімді, әрі әбжілдік танытқыш болды, ал Қытай жағының армиясы материалдық жағынан, ұйымдасуы жағынан озық болғанымен, бәрібір жылдам да, қағылез көшпелі жауынгерлерден жеңіле беретін болған. Міне осы жағдаяттар екі тараптың терезесін тең етіп, әріптестік деңгейде қарым-қатынас жасауға мәжбүр еткен. Қытай қамалы маңындағы, атап айтқанда көшпелілер мен отырықшы қытай арасындағы тайпалар ешқашанда солтүстіктегі көшпелілер қоғамына да, оңтүстіктегі Шан-чжоу династиясына да тәуелді болмай, арадағы географиялық буферлік және мәдени дәнекерлік рөлді жақсы атқарған. Бұл өңірлердің географиялық та, қоғамдық та жағдайы да солтүстіктегі көшпелі әлеммен жақын болғанымен, алайда арада жатқан Гоби шөлі, суатсыз дала солтүстіктегі көшпелі қоғаммен қарым-қатынасқа күшті кедергі жасады, міне сондықтан да солтүстіктегі таза көшпелілер осы буферлік аймақта отырған тайпаларды жиі шауып отырды. Бұл жағдай Қытайдың таза егінші-отырықшы аймағы мен онымен қарама қарсы болған солтүстіктегі егіншілік пен малшылық аралас қоғамды біртұтастандырып жіберді. Бұл аймақтағы аталған жағдайды екі кезеңге және екі орталыққа бөліп қарастырылған жөн сияқты. Бірінші кезеңі Шан дәуірінің соңғы кезінен Батыс Чжоу дәуірінің орта кезіне дейінгі кезең, мәдени орталығы қазіргі Шэньси және Шаньси провинцияларының солтүстігі болды. Екінші кезеңі Батыс Чжоу дәуірінің орта, соңғы кезінен Чуньцю дәуірінің ерте кезіне дейінгі кезең, мәдени орталығы қазіргі Ішкі Моңғолияның оңтүстік-шығыс аймағы болды, жоғарғы Сяцзяньн мәдениеті соның типтік өкілі болды [57]. Мәдени ықпалдастықтар егіншілік пен мал шаруашылығы түйіскен аймақтардың мәдени ресурстарын жан-жақты байытты, өркендетті, ол қиыр солтүстіктегі далаларға да ықпал етті. Сонымен бірге Орталық Қытайда орын алған бірсыпыра ірі тарихи оқиғалар даладағы кейбір доминолық сипаттағы этностардың батысқа жаппай көшуіне алып келді. Кейбір ғалымдардың болжамынша, скифтердің батысқа көшуі Чжоу патшасы Сюаньваньның көшпелі сяньюнь тайпаларын тықсыра қуып жіберуімен байланыстырады [58]. дегенмен де, Чжоу династиясы әскер қуатының шектеулігін және сяньюньдер мен саньдаохайцзы мәдениетінің таралған аймағының арасы алыс, әрі бетпақ дала екенін ескерсек, бұл үдеріс жанамалай әсерде өткен болса керек, әрине тереңдеп зерттеу керек.

6. Климаттың құрғап суытуы ең басты сыртқы фактор болды [59]. Палеоэкология мамандарының еуразиялық ерте су-көл шөгінділеріндегі өсімдік үлгілеріне сараптама жасау арқылы жасаған ғылыми қортындысы б.з.д. 850 жылдар шамасында күн энергиясының кемуіне байланысты Еуразия даласында солтүстіктен оңтүстікке қарай ыстық-жылы климат кезеңі (Subboreal Period) субатлантиктік деп аталатын ызғарлы-аязды климатқа (Subatlantic Period) ауысқанын көрсетті. Соның нәтижесінде орталық және солтүстік аймақтағы біраз өңірлер бетпақ далаға айналды, ал даланың бұрынғы жартылай аридтік аймақтары гүлденіп, жайнап, тамаша жайлауларға айналды. Ал дәл осы жағдайлар егіншілікпен де, малшылықпен де, балықшылықпен де, әуелі терімшілікпен де айналысатын тайпаларды бірыңғай көшпелі мал шаруашылығына өтуіне алып келді [60]. Моңғолия мен Шыңжаңда бұл үдеріс б.з.д. 3100-ші жылдардан б.з.д. 2700-ші жылдарға дейін жалғасты [61]. Міне



7-сур. Қола дәуірінің соңы мен ерте темір дәуіріндегі Еуразия даласындағы археологиялық мәдениеттер мен тайпалардың орналасуы

осы жәйттер Моңғолия мен Шыңжаңның көшпелі шаруашылыққа өзге аймақтардан ертерек өтуінің бір маңызды себебі болса керек [62].

Климаттың өзгерістері мен жалпы табиғи ортаның ерекшелігіне байланысты Моңғол даласында қысты күні жел күшті және ұзаққа созылады, содан да қыс бойы қар жұқа болады, аң мен мал қыс бойы тебінге шыға алады. Жұт болмаған жағдайда мал басы артып, жан саны көбейіп, өндірісте артық өнімділік жағдайы пайда болады [63]. Саньдаохайцзы мәдениетінің өркендеп, кең қанат жаюына да осындай факторлар себеп болса керек.

Қорыта айтқанда, Шыңжаңның Алтай және Тяньшань таулы аймағындағы археологиялық мәдениеттердің өркендеп-құлдырауы б.з.д. VIII ғасырдан бұрынғы Еуразия даласындағы батысқа бағытталған көшпелілер көшімен тікелей байланысты екені шындыққа келеді. Археологиялық зерттеулер көрсеткендей, Шыңжаң мен оған көршілес аймақтар скифтер батысқа көшпес бұрын-ақ Фентик аймағымен белгілі ықпалдастық байланыста болған, бұл үдерісте Саньдаохайцзы мәдениеті ерекше рөл атқарған, скифтердің батысқа көшуі де, күшеюі де, кеңейуі де осыған байланысты болса керек. Скифтер батысқа көшкен соң, Еуразия даласы тұтастай көшпелі шаруашылық тәсіліне өтті, әлеуметтік құрылымы бір-бірінен аздап өзгешелеу бірсыпыра топтарға жіктелді. Геродоттың «Тарихындағы» деректер бойынша, біз де сақтар, грифтер, исседондар, аримаспылар деп бір дәуірде өмір сүрген халықтарды (тайпаларды) жеке-жеке атап отырмыз. ал археологиялық мәдениеттер тұрғысынан Қазақ даласында сақ мәдениеті, Алтай төңірегінде Пазырық мәдениеті, Тяньшань аймағында түрлі археологиялық мәдениеттер, Минуса ойпатында Тағар мәдениеті және біз сөз етіп отырған Саньдаохайцзы мәдениеті (ескерткіштері) өмір сүрді дегіміз келеді (7-сур.). Көшпелі экономиканың дамып, кең қанат жаюы Еуразия даласындағы халықтардың мәдениетін тым жақындастырды, тіпті мидай араластырып, біртұтастандырып жіберді, қола қазандар, әскери қару-жарақтар, ат әбзелдері, аң стиліндегі өнер (скифтік үштікті - триаданы айтып отыр – С.С.) далалық көшпелілер өркениетінің негізі болды.

¹ Здесь и далее ссылки даны в авторской редакции.



Әдебиет

1. Sinor, Denis. The Cambridge History of Early Inner Asia, Cambridge University Press. 1990, 97-110. b. Genito, Bruno: {the Scythian identity}
2. Kossack G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils Skythika. München: Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse 98:24-86. b. Dudarev S.L., To the question about the place of the Kimmerian complexes from the Western Asia in the system of the chronological and cultural connections in the Northern Black Sea region, Caucasus and the Eastern European regions, Journal of Ancient History: 1998, pp. 77-93.
3. Klochko V.I., Kovalyukh N.N., Skripkin V., Motzenbecker I., Isotope chronology of the Subotiv settlement, Radiocarbon 40(2): 667-673.
4. Petrenko, Vladimir G. Scythian culture in the North Caucasus, Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age, Berkeley: Zinat Press, 1995, pp. 18-21.
5. Skory S. A. Kimmeriysy v ukrainskoy lesostepi. Kiev, Poltava, 1999.
6. Murzin V. Yu. Proiskhozhdenie skifov: osnovnie etapy formirovaniya skifskovo etnosa, Kiev, 1990.
7. Artamonov, M. I. "K voprosu o proiskhozhdenii skifov", Vestnik drevney istorii, -Moscow, 1950, pp. 37-47. b. Grakov, B.N. Skify (the Scythians), Moscow, 1971, pp. 23-25.
8. Terenozhkin, A. I. Kimmeriysy, Kiev. 1976.
9. Gryaznov M. P. Arzhan - tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni, Leningrad: Nauka, 1980, p. 61.
10. Rostovtsev, M.L. Skifiya i Bospor, Leningrad, 1925, pp. 302-303, 308.
11. Kyzlasov, L.R. Uyukskii kurgan Arzhan i vopros proiskhozhdeniya saksnoi kul' try, Sovetskaya Arkheologiya, 1977, p. 2.
12. Pogrebova M. N. and Raevsky D. S. Rannie skify i drevniy Vostok. Moscow. 1992.
13. Kuz'mina E. E. Mythology and Art of Scythians and Bactrians, Moscow, 2002.
14. Jacobson, Esther, the art of the Scythians: the interpenetration of cultures at the edge of the Hellenic world, E. J. Brill: Leiden, New York, Koln, 1995, pp. 31-38.
15. Bokovenko, N.A., Asian Influence on European Scythia, Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, Vol.3, No.1., Leiden: E. J. Brill, 1996, pp. 97-112.
16. Jacobson, Esther, The Art of the Scythians: The Interpenetration of Cultures at the Edge of the Hellenic World. Leiden: E. J. Brill, 1995. 18-19
17. 莫任南:《从〈穆天子传〉和希罗多德〈历史〉看春秋战国时期的中西交通, 西北史地》1984年第4期. b. 余太山:《〈穆天子传〉所见东西交通路线》、《希罗多德〈历史〉关于草原之路的记载, 见《早期丝绸之路文献研究, 上海人民出版社, 2009 年》.
18. Bolticon, J.P. D. Aristes of Island, Oxford, 1962, pp. 81-82. b. 孙培良:《斯基泰贸易之路和古代中亚的传说》,《中外关系史论丛》第一辑, 世界知识出版社, 1985 年.
19. Hudson, G. F., Europe and China: A Survey of their Relations from the Earliest Times to 1800, vol.I, London: Arnold, 1931. pp. 35-36.
20. 马雍、王炳华:《阿尔泰与欧亚草原丝绸之路》, 见《草原丝绸之路与中亚文明》, 新疆美术摄影出版社, 1994年;《公元前七至二世纪的中国新疆地区》, 见《中亚学刊》第三辑, 中华书局, 1990年. b. 雅诺什·哈尔马塔编, 徐文堪芮传明译:《中亚文明史》第二卷第169页, 中国对外翻译出版公司, 2002年.
21. 林梅村:《谁是阿尔泰山金字塔式陵墓的主人》,《文物天地》1999 年第5期;《阿尔泰山的大石冢》, 见《欧亚学刊》第3辑, 中华书局, 2002年;《丝绸之路散记》第1-19页, 人民美术出版社, 2004年.
22. 郭物:《三道海子文化遗存初论》, 见《欧亚学刊》第七辑, 中华书局, 2007年.
23. Sophie Legrand., The emergence of the Scythians: Bronze Age to Iron Age in South Siberia, The emergence of the Karasuk culture, Antiquity 80 (2006): 843-879.
24. Mallory, J.P., F.G. Mc. Cormac., P.J. Reimer and Marsadolov, L.S., The Date Of Pazyryk, Ancient interactions: east and west in Eurasia, McDonald Institute for Archaeological Research, Boyle, 2002.
25. A.Y. Alekseev, N.A. Bokovenko, Y. Boltrik, K.A. Chgunov, G. Cook, V.A. Dergachev, N. Kovalyukh, G. Possnert, J. van der Plicht, E.M. Scott, A. Sementsov, V. Skripkin, S. Vasiliev, G. Zaitseva, A chronology of the Scythian antiquities of Eurasia based on new archaeological and C¹⁴ data, Radiocarbon 43(2001) pp. 1085-1107.
26. 林俊雄:《欧亚草原古代墓葬文化》, 见《草原丝绸之路与中亚文明》, 新疆美术出版社, 1994 年.

27. 同[15].

28. 郭物:《三道海子文化遗存初论, 见《欧亚学刊》第七辑, 中华书局, 2006年.

29. Murzin, V. Yu., Proiskhozhdenie skifov: osnovnie etapy formirovaniya skifskovo etnosa, Kiev, 1990.

30. Kossack, G. Neufunde aus dem Novocerkassker Formenkreis und ihre Bedeutung für die Geschichte steppenbezogener Reitervölker der späten Bronzezeit. II Mare Nero 1, 1994. pp. 19-54.

31. Volkov, V. V. Early Nomads of Mongolia, Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age, Berkeley: Zinat Press, 1995: 330.

32. 奇列诺娃, Н. Л.:《蒙古和西伯利亚的鹿石》, 见《草原丝绸之路与中亚文明》, 新疆美术摄影出版社, 1994年.

Гуо Ву

Археологические находки на востоке Евразийских степей и проблемы истории и культуры ранних скифов

Данная статья посвящена рассмотрению вопросов, касающихся истории и культуры ранних скифов, материальной культуры скифских племен в VII-V вв. до н.э. На данный момент одной из наиболее дискуссионных тем считается проблема этногенеза скифских племен. В этой связи возрастает значимость археологии Синьцзяна, т. к. многие ученые полагают, что образование скифского государства на территории Северного Кавказа и северного побережья Черного моря связано с восточными племенами.

Одним из пунктов, рассматриваемых в статье, являются памятники культуры Саньдаохайцзы, которые играют роль координатора и образца предшествующей культуры, в вопросе определения исконной земли и культуры скифов.

Далее автор определяет связь культуры ранних скифов степей Восточной Евразии и северного побережья Черного моря, связь археологической культуры степей Восточной Евразии и культуры ранних скифов.

В заключительной части статьи автор рассматривает вопросы принадлежности языковой группы ранних скифов и предпосылки, повлиявшие на начало Великого переселения народов.

Guo Wu

Archaeological Finds of the Eastern Eurasian Steppe and Some Questions of History and Culture of the Early Scythians

This article is devoted to the study of some questions concerning the history and the material culture of the early Scythians (7th - 5th century BC). One of the most so far discussed topics is represented by the question of the Scythian ethno-genesis. To this regard, the recent archaeological researches in Xinjiang are assuming a great role in the last time and many scholars assumed that the formation of the Scythian polity in the territory of North Caucasus and north of the Black sea is related with these eastern tribes.

Another question considered by the author in this paper is represented by the sites of the San'daukhaytzy culture, which played the role of coordinator and model of the previous culture, in determining the ancestral lands and culture of the Scythians.

Then the author highlights the cultural interactions of the early Scythians of eastern Eurasia with those widespread on the northern shores of the Black Sea, and also the cultural interactions of the eastern european steppes and the culture of the early Scythians, in general.

In the final part of the paper are addressed the questions of the language of the first nomads and the socio-cultural backgrounds that affected the beginning of the Great Migrations period.



К ИСТОЛКОВАНИЮ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НА МОГИЛЬНИКАХ ЧИРИКРАБАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Наиболее изученным погребальным обрядом в низовьях Сырдарьи является погребальный обряд сакских племен середины I тыс. до н.э. (Толстов, 1962; Вишнева, 1973; Итина, Яблонский, 1997). В то же время нам неизвестно, есть ли специальные работы по погребальному обряду чирикрабатской культуры. Исключение составляет отдельная глава «Погребальные сооружения и обряд» в монографии Б.И. Вайнберг, Л.М. Левиной «Чирикрабатская культура» (Вайнберг, Левина, 1993, с. 37–56).

В процессе археологического исследования выяснились специфические черты погребального обряда чирикрабатцев – это трупосожжение в мавзолеях, которое позже (в III в. до н.э.) сменилось труповыванием, а для грунтовых погребений – обжигание древней дневной поверхности вокруг погребальной ямы. В этом обряде проявляется, на наш взгляд, слияние культа огня и культа мертвых, в котором очистительному огню отводилась особая роль в достижении посмертного блаженства.

Рассматривая погребальные конструкции и обряды мавзолеев чирикрабатцев, С.П. Толстов ассоциировал их с «дахмами», при этом предположив, что ранее формой захоронения был обряд выставления, который затем сменили на обряд кремации. Это было определено как отражение противоречивости форм погребального обряда, существовавшего у различных иранских племен, в частности у скифских (сакских) (Толстов, 1962, с. 200–204). Естественно, что попытка интерпретации чирикрабатского погребального обряда представляется весьма заманчивой хотя бы в самом предварительном виде. Основным источником являются религиозные каноны древних индоиранцев – Ригведа и Авеста, которые на основании этнографических материалов показывают, что эти традиции сохранялись на протяжении тысячелетий до наших дней.

Так, Б.И. Вайнберг, рассматривая географические описания, данные в Авесте, приходит к мысли, что на территории низовьев Сырдарьи (особенно нужно отметить территорию чирикрабатской культуры) можно локализовать одну из «правверных» стран «Арианам – Вайджа» (Вайнберг, 1999, с. 196–210). Причем, по мнению некоторых исследователей, начало кодификации Авесты, особенно текстов Видевдата, происходило во II в. до н.э., и к этому времени некоторые мифические страны идентифицировались с государствами Древнего мира. Л.А. Лелеков отмечал, что идея «Арийского простора», легендарной прародины «арья», абсолютно неведома древнеиндийской традиции (Лелеков, 1982, с. 155). Однако мы должны отметить, что археологические исследования в районе нижней Сырдарьи выявили непрерывное развитие культурных комплексов с конца эпохи бронзы и большое количество интересных монументальных памятников (Толстов, 1962), которые отражают похоронно-ритуальные циклы, близкие к зороастрийским.

По единодушному мнению специалистов, в том числе лингвистов, считается, что в основе всех зороастрийских предписаний, связанных с погребальным обрядом, лежит принцип предохранения земли от ее осквернения при соприкосновении с трупом. Это находит свое (косвенное) подтверждение в материалах некрополей чирикрабатской культуры. Действительно, умершие в могильниках чирикрабатской культуры не были непосредственно засыпаны землей. «Авеста запрещает хоронить трупы, зороастрийцы расценивают погребение трупов как тяжелый грех, как осквернение земли. Видевдат предусматривает наказание за погребение трупов собак и людей».

В качестве изоляторов могли служить разные виды материалов и даже песок, на что, по-видимому, имеется указание в Видевдате. Условия захоронения умерших населения чирикрабатской культуры в ямах с дромосами, в подбоях, а также в сырцовых мавзолеях (дахма) не позволяли телу соприкоснуться с землей или сводили подобную возможность к минимуму. Мы не можем не сопоставить эти фактические наблюдения с древнеиранскими и в первую очередь с зороастрийскими погребальными обрядами, генеральная идея которых заключалась в стремлении оградить «чистые стихии» – землю, воду, воздух и огонь – от осквернения их разлагающимся смрадным трупом.

Безусловно, эту же цель преследовал описанный выше обряд сжигания трупов в сырцовых мавзолеях, считавшихся по тем или другим причинам «нечистыми». Судя по индийской традиции, зафиксированной М. Бойс, индоиранцы полагали, что в течение года после смерти кости тленного тела восстанут и, одевшись бессмертной плотью, соединятся с душой на небе. Возможно, именно из-за этого представления индоиранцы постепенно сменили свой похоронный погребальный обряд на кремацию, при которой тленная плоть быстро уничтожалась. После кремации кости тщательно собирали и захоранивали в ожидании воскрешения (Бойс, 1989, с. 22).

Высказывалось также мнение, что иранцы слишком почитали огонь, чтобы использовать его для «очищения» трупов и могил, однако, как было указано ранее, такое двойственное отношение к стихиям существовало в зороастрийских погребальных обрядах вплоть до позднего времени (Снесарев, 1960, с. 101). Очевидно, что начало обряда очищения огнем может относиться ко времени «индоиранского язычества», когда именно огонь (судя по материалам некрополя Северный Тагискен) являлся едва ли не главным очистительным средством.

Ниже мы будем неоднократно обращаться к сравнению погребальных обрядов некрополей чирикрабатской культуры с зороастрийскими погребальными традициями, поэтому представляется целесообразным именно здесь сделать несколько предварительных замечаний.

Лингвисты установили, что к моменту канонизации основных догм священной для каждого зороастрийца книги – Авесты существовало большое разнообразие различных видов зороастрийских погребальных обрядов. С целью кодификации и приведения их в определенную систему следовало отредактировать Авесту, установить «правильные» и осудить «неправильные» обряды захоронения. Предполагалось даже, что компиляторы могли соединить различные тексты в один письменный свод в виде Видевдата, поэтому «не исключено, что в дошедший до нас кодекс ритуальной чистоты вошли противоположные по смыслу рекомендации» (Крюкова, 1997, с. 215). Это замечание для нас имеет первостепенное значение, так как сопоставление письменных текстов Авесты с данными археологии далеко не всегда могут совпадать между собой, иногда они даже противоречат друг другу. Это, однако, вовсе не означает, что они действительно представляют собой взаимоисключающие положения. Иначе говоря, далеко не все погребальные предписания Видевдата должны точно соответствовать тем погребальным обрядам, которые существовали в индоиранском язычестве, в том числе в той форме, в какой они предстали в материалах могильников чирикрабатской культуры.

Но обратимся к конкретному сопоставлению материалов могильников чирикрабатской культуры (как генетических наследников «индоиранских язычников» некрополя Северный Тагискен) с данными зороастрийских погребальных обрядов, как они были описаны в Авесте.

Дахма. Дахма у зороастрийцев представляют собой специально построенное сооружение (в позднейшей части Авесты), в Видевдате сохранились два прямо противоположных ее описания. В одном случае она описывается в виде мавзолея или гробницы, возвышающейся над землей, а в другом – в виде открытого места, куда выставляли тело умершего (Бойс, 1989). Причем, как отметила В. Крюкова, дахма в Видевдате не столько обозначала способ погребения, «сколько служила универсальным наименованием любой могилы в качестве обозначения места, куда помещали мертвое тело» (Крюкова, 1997, с. 210). В таком случае практически каждый тип погребений, выявленный в могильниках чирикрабатской культуры, представляет собой дахму, так как все умершие в них находились в «пустоте», где проходил процесс разложения трупов.

До самого последнего времени считалось, что дахма – сравнительно позднее явление и что ее не было в индоиранском язычестве, однако исследование показало, что зороастрийское слово «дахма» (восходящее через «дафма» к индоевропейскому корню *dhm-* – «хоронить») первоначально означало «могила». Причем уже два столетия в ориенталистике господствует прочное, но на самом деле априорное убеждение в том, что зороастрийцы во все эпохи хоронили мертвых только одним специфическим образом, а именно выставлением трупа на растерзание собакам и хищным птицам. Делалось это по-разному, часто (но не всегда) на особом архитектурном сооружении – «башне молчания», дабы предотвратить осквернение чистых



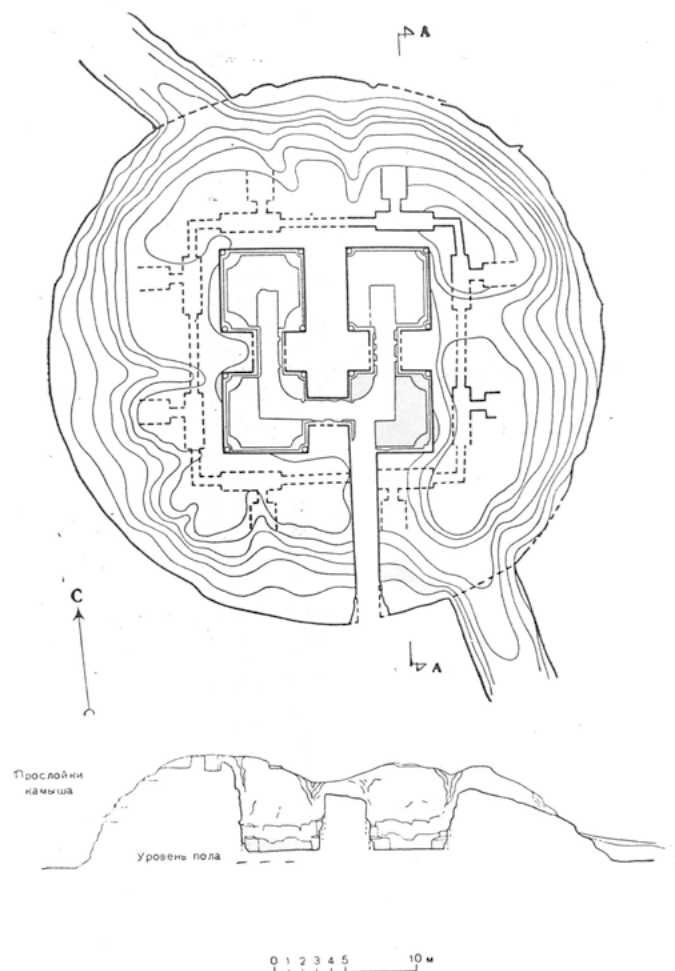


Рис. 1. Городище Чирик-рабат. Круглое здание. План

стихий мироздания разлагающейся плотью, смрадной реальностью смерти, вошедшей в мир из-за происков Ахримана. Археологи, проникнутые этим убеждением, ищут на карте точку, где такой обряд отмечен впервые: уж там-то, конечно, и быть месту первичного возникновения зороастризма.

Действительно, для позднего и современного зороастризма это предпочтительный, но отнюдь не единственный обряд погребения. Более того, он описан в Ригведе (8.51.2), Атхарваведе (18.2.34), много раз в Махабхарате, дхармасутрах, джатаках, а совсем еще недавно его практиковали кафиры Гиндукуша, сугубые язычники. Получается, что выставление тела умершего издавна было присуще различным индоиранским племенным группировкам и ассоциируется с идеологией зороастризма исторически поздно. Во времена Геродота (1.140) оно было характерно только для магов, а вот по Юстину (41.3.5) и предписаниям Видевдата веков пять спустя превратилось в обязательное для всех верующих. Сам Зороастр насчет погребальной обрядности не высказывался, но одна из его тирад (Ясна 30.7) явно предполагает допустимость обычной ингумации – погребения в земле, что по Видевдату есть ужасный, «неискупимый грех», если полагаться на его ритуальные главы (с 4-й по 17-ю). Однако в нем же, в мифологических главах (3.35 и 18.51), определенно допускается та же ингумация и, может быть, кремация.

Как мы отметили выше, существовали два типа дахм: открытые площадки для выставления покойников и мавзолеев или закрытые гробницы в виде склепов. Некоторые исследователи высказывали мнение о том, что именно второй тип (склепы-гробницы) являлся «не зороастрийским». В.Ю. Крюкова поставила под сомнение

этот тезис, доказательством чего служат такие предложения в Авесте, как «дахмы, которые возведением возведены» или «вокруг стену пусть со всех сторон возведут» (Крюкова, 1997, с. 212). Если считать, что описанное помещение сырцовых мавзолеев чирикратской культуры (особенно мавзолей Баланды 2, Бабиш-мола 2 и круглое здание на городище Чирик-рабат) дахмой, то к ней в полной мере применимо описание, приведенное в Авесте: «со всех сторон закрытое помещение с крышей», которое в одинаковой степени могло служить как для выставления трупов, так и в качестве своеобразного мавзолея (рис. 1–3). Сырцовые мавзолеев чирикратской культуры – дахмы имели такую крышу, конструкция которой позволяла не только солнцу, но, по всей видимости, и птицам проникать внутрь. В таком случае трупы достаточно быстро высыхали на солнце, а потом птицы могли окончательно очистить скелеты от плоти. Опираясь на археологические материалы чирикратской культуры, мы не можем предполагать, что в этом процессе принимали участие как хищные птицы (наподобие грифов), так и специально обученные для этого собаки, это засвидетельствовано в письменных источниках о территории Средней Азии античного времени (Геродот, Онескрит, Птомелей Трог).

В этой связи следует отметить элементы ритуального очищения, когда дахмы и трупы в них «омываются дождевой водой, посылаемой Ахура-Маздой из моря *voitu* – *kasa* и очищающейся, в свою очередь, бурлением в море *puitika* (Видевдат, 5.16-19)», что находит косвенное подтверждение в мавзолеев-крестовинах чирикратской культуры. Судя по натекам на обмозках стен и полах, подавляющее большинство мавзолеев не имело постоянного перекрытия (Вайнберг, Левина, 1993, с. 55).

Однако мы должны отметить, что в наиболее ранних мавзолеев чирикратской культуры зафиксированы элементы ритуального очищения огнем (кремация мертвого тела). Конструкция мавзолеев и погребальный обряд чирикратской культуры позволили С.П. Толстову предположить, что корнями данные памятники уходят к монументальным памятникам эпохи бронзы (Тагискен). Как отметил Л.А. Лелеков, население, оставившее мавзолей на бугре Тагискен, находилось, видимо, на одном уровне с родственными ему ведическими и авестийскими племенами, создавшими такие сложные литературные памятники, как Ригведа и Авеста (Лелеков, 1972, с. 128).

В древности гробницы рассматривались как обиталища душ умерших, магические реплики иного мира. Эта же символическая подоснова проступает в планировке погребальных и культовых сооружений Среднего Востока, для которых в ряде случаев были обязательны вписанный друг в друга круг или квадрат, имеющие общий центр. Квадрат символизировал четыре стороны света, то есть образ земного дольного мира, а круг служил символом солнца, неба, вечности, мира горного. В последующем времени мавзолей теряют в плане внешний квадрат, но сохраняют круг, разделенный вписанным крестом.

По мнению Л.А. Лелекова, огонь как ритуальный элемент очищения нес в себе космологические представления, главным стержнем которых являлись понятия огненного первопринципа Вселенной и бессмертия индивидуальной души. Огонь по ведической традиции был источником бессмертия даже богов, то есть между этими двумя понятиями мыслилась связь этического порядка. Огонь выступал как мирообразующее начало, как абстрактный принцип высшего духовного бытия, предсуществующего по отношению к действительному миру. К этому высшему бытию и приобщались души праведных. Из данной этической концепции, провозглашавшей связь индивидуальной души с мировым законом, вытекало широкое распространенное понятие о загробной жизни как о царстве чистого вечного света. Собственно говоря, весь обряд трупосожжения индоевропейских народов покоится на этой основе, конечно, не так четко выраженной в общественном сознании и в памятниках культуры (Лелеков, 1972, с. 128–131).

Погребальный обряд на ранних мавзолеев Чирик-рабата определенно относится к традиционным заупокойным обрядам, существовавшим в раннеавестийское время, в которых очистителю – огню отводилась особая роль в достижении посмертного блаженства. В этой связи нелишне будет отметить, что в Видевате упоминается слово «*pasusrasa*», которое переводится как «кремация» или «варка трупов»; данное понятие, по мнению некоторых исследователей, представляется более верным, хотя и совсем необязательно должно быть связано с каннибализмом (Рапопорт, 1971). В





I фаргарде Видевдаты упоминается зороастрийская праведная страна Чахра, где трупы подвергались действию огня, что резко осуждалось: «В-тринадцатых, наилучшую из стран и мест обитания я, Ахура-Мазда, сотворил: Чахру сильную, причастную Арте. Тогда этому в противовес состряпал Анхра-Манью многопагубный – мерзкий, неискупаемый грех предания трупов огню». Мы не сопоставляем чирикратскую культуру с областью Чахрой, но хотим отметить, что в период создания отдельных частей Видевдата разнообразие видов погребения или уничтожения трупов было велико.

В настоящее время мы не можем определить, что заставило чирикратцев сменить погребальный обряд трупосожжения в наземных сырцовых мавзолеях на обряд труповывавления. Можем лишь отметить, что меняется и внутренняя планировка мавзолеев, постепенно теряя свою «крестообразность» и сохранив лишь деление на две половины. М. Бойс, изучая зороастрийские погребальные обряды, в том числе дахмы в Иране, выделяет два типа: первый – это когда дахмы разделялись стенкой на две части, в одну из которых помещали трупы, а в другую – уже очищенные кости. Второй тип являлся сооружением в виде башни.

Вайнберг Б.И. связывает переход к новому обряду – труповывавлению с изменением религиозных представлений населения чирикратской культуры. Толчком послужило завоевание юга Средней Азии Александром Македонским и участие дахских племен (которые Б.И. Вайнберг отождествляет с населением чирикратской культуры) в противостоянии македонцам, но затем уже в качестве союзников участвующих в его походе в Индию. Тесный контакт с населением Бактрии и, вероятно, с Парфией в IV–III вв. до н.э. совпадает по времени с появлением обряда выставления трупов в дельте Сырдарьи, что могло быть связано с тем, что комплекс верований чирикратцев и иранских групп населения юга Средней Азии отличался не столь существенно, чтобы это могло стать препятствием для их взаимодействия (Вайнберг, 1999, с. 180).

Вопрос о том, куда же перемещались кости после их окончательного очищения от плоти в мавзолеях чирикратской культуры, пока не решен. Причем археологические материалы показывают, что мавзолеи служили как местом выставления трупов, так и местом хранения костей. Так, некоторые мавзолеи за время бытования перестраивались, причем поверх ранних полов с остатками скелетов и погребально-го инвентаря настилалась новые полы (Чирик 2 и др.).

Однако следует отметить, что в мавзолее Бабиш-мола 2 и на могильнике Бабиш-мола 6 были обнаружены захоронения в сосудах и оссуариях. В мавзолее Бабиш-мола 2 выявлены два типа оссуариев: первый тип – светлоглиняные ящичные плоскодонные с горизонтально срезанным, несколько утолщенным по сравнению со стенками краем; поверхность их покрыта густым белым ангобом; второй тип – оссуарии из глины красного обжига; судя по недостаточным для точного восстановления их формы фрагментам, видимо, были овальные, но с таким же краем, как у ящичных (Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960, с. 50). В могильнике Бабиш-мола 6 в крупных горшкообразных сосудах грубой ручной лепки были детские захоронения.

Перечисленными формами исчерпываются сосуды-оссуарии, найденные в погребальных памятниках бабимулинского оазиса. Однако в мавзолее Бабиш-мола 2 одновременно с оссуарными захоронениями сосуществовал обряд трупоположения на погребальных носилках, который фиксируется и на других памятниках (Баланды 2, «Асар», Чирик 2 и др.) (рис. 4). Причем носилки или гробы из мавзолея «Асар» отличаются от вышеупомянутых парадным оформлением (Вайнберг, Левина, 1993, с. 52, рис. 66). Эти данные согласуются с этнографическими материалами, полученными Г.П. Снесаревым в Хорезме, где носилками являлась сколоченная из жердей и палок или брусев лестница – *занги*. Реже употребляется *тобут* – деревянный ящик с ручками, на коротких ножках. Для омовения трупов использовалась *юзка* (ювогузко) – циновка, которую, согласно обычаю, никто, кроме омывальщиков мертвых, не имел права трогать и безнаказанно к ним прикасаться. Только «служитель мертвых» мог после совершения процедуры омовения унести *юзку* туда, «где не ступает нога человека», то есть обычно на кладбище. Стоит ли говорить, что носилки, так же как *юзка*, были табуированы для использования в любых иных целях (Снесарев, 1969, с. 134–136).

Среди некоторых археологических материалов чирикратской культуры, связанных с верованиями, отметим захоронение собаки в центральной яме своеобраз-

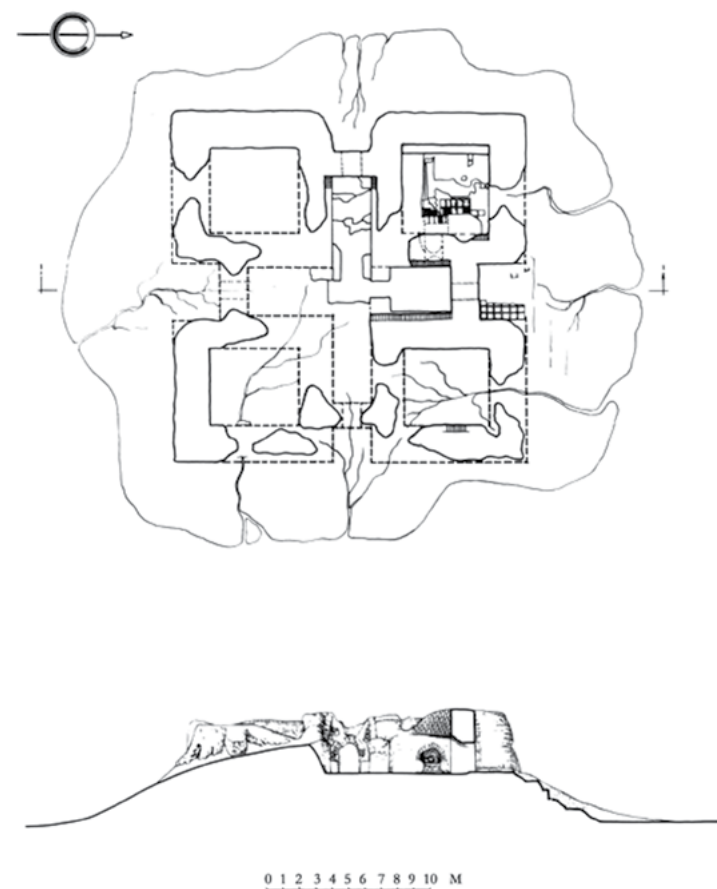


Рис. 2. Мавзолей Бабиш-мулла 2. План

ного могильника Бабиш-мола 6. Череп собаки, раскрашенный красными пятнами, был найден под северной стеной южной пристройки на Бабиш-моле 1. Культ собаки, как известно, сосуществовал одновременно с обрядом труповывавления, поэтому данный факт хорошо вписывается в систему местных верований.

На столь незначительном материале трудно проследить процесс изменений в погребальных обрядах чирикратцев, происходивший на протяжении всего времени существования наземных мавзолеев. Однако очевидно, что к концу существования чирикратской культуры происходит постепенное вытеснение в мавзолеях со следами горения обряда трупосожжения обрядом труповывавления, как это мы видим на примере мавзолея Чирик 2.

Из приведенного выше можно заключить, что население чирикратской культуры не было изолировано от внешнего мира и кроме Хорезма, влияние которого особенно сильно, контактировало и с другими областями Средней Азии.

Дом для мертвых. В высшей степени важным являются пассажи в Видевдате, в которых говорится о перезахоронении покойника в дахму. Перед этим тело умершего следует, независимо от обстоятельств, занести «в дом мертвых». С «домом мертвых» непосредственно связан и «дом живых», так как традиции постройки жилища и погребальный обряд являются отражением представлений об устройстве мира. Обряд в семиотическом понимании можно рассматривать как «текст», последовательность символов которого проявляется в предметах и ритуалах. Исследования погребальных памятников степной части Евразии позволили археологам предположить, что с эпохи бронзы погребальные сооружения представляли собой более или менее точную форму жилища (Акишев, Кушаев, 1963, с. 84; Смирнов, 1975, с.





132, рис. 50). Это утверждение, по нашему мнению, также можно отнести и к семантике погребального обряда в грунтовых захоронениях могильников чирикратской культуры.

Попробуем сравнить погребальный обряд в грунтовых могильниках чирикратцев с той информацией, которую дают нам древние индоиранские тексты и современные этнографические данные о ритуалах захоронений у народов, являющихся потомками ариев. Возможно, это поможет нам понять смысл обряда и связанные с ним представления чирикратского общества.

В Ригведе говорится, что бог Индра (он же Агни) убивает противника и относит тело в дом, что интерпретируется как захоронение. Погребальная камера выкапывается в земле. Ее стены укрепляются деревом, возводятся опорные столбы и складывается сруб.

*Этот сруб сложен складыванием,
Сородичи, идите, взгляните на него!
Этот смертный идет в бессмертие,
Сделайте ему дом по родству. (XVIII, 4, 37, с. 252)*

Таким образом, могила, согласно древнеиндийскому обряду, – жилище мертвого.

*Растворись, будь твердой, о земля!
Ведь тысяча столбов должна быть воздвигнута,
Да будут твои покои окроплены жертвенным маслом,
Да будет ему убежище во веки веков! (X, 18, 12, с. 204)*

В одном из пассажей Видевдата описывается, что нужно делать маздаяснийцу при невозможности проведения погребального обряда по зороастрийскому обычаю – выставления трупа в дахм: «И вот тогда пусть маздаяснийцы яму выкопают здесь, в этой земле, (глубиной) в полноты – в твердой, в полчеловека – в мягкой; на это место пусть принесут золы или (сухого) навоза, а сверху нанесут кирпича или камня, или сухой глины, или сора». В целом в данном пассаже речь идет о временной могиле.

Сухие вещества – зола, навоз, кирпич, камень, сухая глина, сор – должны служить слоем, изолирующим ритуально чистую землю от нечистого трупа. Видимо, использование на разных этапах похоронного обряда той или иной подстилки для изоляции от трупа было довольно широко распространено в древности; зафиксировано оно и в этнографической литературе. По сообщениям этнографов, исследовавших некоторые районы Таджикистана, «для бедняков проблема савана бывала в старое время очень трудной, а во время эпидемий неразрешимой. Если родители умершего не могли найти материи на саван... покойника хоронили, завернув в джойнамазы из мечети или в люфу... люцерну, солому. Все эти заменители растений сначала мыли, чтобы сделать их ритуально чистыми. В к. Чильдара (долина р. Хингоу) при полном отсутствии материала для савана, на памяти видевших это стариков, покойника обмазали вместо савана слоем белой глины» (Писарчик, 1976, с. 134).

Таким образом, саван, вероятно, являлся прямым наследником тех подстилок, которые клали в могилу и на то место, где лежал в доме покойник. Б. Кармышева описывает обмывание покойников в Фергане так: «...на доску стелили новую тростниковую циновку или люцерну – в теплое время года свежую, зимой сушеную. В Ходжамагзе застилали люцерной не доску, а яму. После обмывания яму заполняли вытянутой из нее землей... яму засыпали землей поверх люцерны; турки люцерну выбрасывали, а в яму, прежде чем засыпать ее землей, клали камень, чтобы земля затвердела и чтобы покойников не было» (Кармышева, 1986, с. 143). В Каушика – сутре («Атхарваведа») предписывается перенести умирающего к трем священным огням, где он должен встретить смерть на полу – на месте, вымазанном коровьим пометом, покрытом травой или соломой, посыпанном зернами сезама и камешками.

Причем, как мы отмечали выше, письменный свод в виде Видевдата мог соединять в себе различные тексты по погребальному обряду древних иранских племен Средней Азии и Ирана; «не исключено, что в дошедший до нас кодекс ритуальной чистоты вошли противоположные по смыслу рекомендации» (Крюкова, 1997, с. 215).

Лингвисты обратили внимание на три различные формы погребения, указанные в 7-м фрагменте Видевдата:

1. По Видевдату (7.46) – *sairi mašya iriste zdmē nibāite* (досл.: «остатки мертвых людей, положенных на землю»).

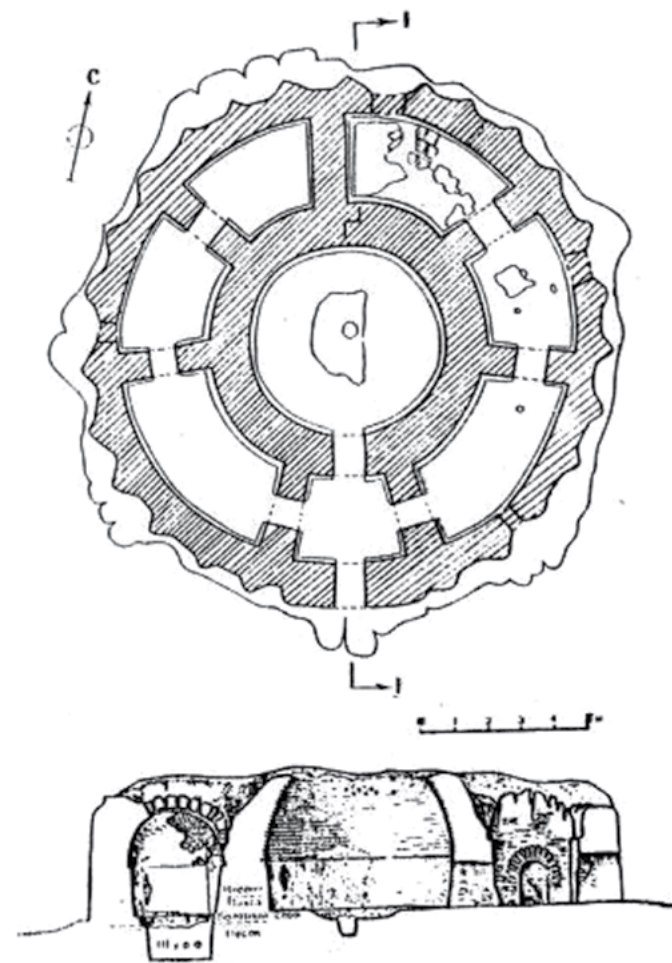


Рис. 3. Мавзолей Баланды 2. План

2. (7.49) – *sairi masya iriste daxmē nibāite* (досл.: «остатки мертвых людей, положенные на/в (?) дахме»).

3. (7.48) – *sairi masya iriste zdmē nikante* (досл.: «остатки мертвых людей, закопанные в землю»).

Возможно, в грунтовых могилах (ямы с дромосом и подбой) кости тела покойника, находившегося на подстилке, не соприкасаясь с землей, после процесса разложения мягких тканей могли смешаться с землей только после разрушения самих дахм, которые и предписывалось возводить (Видевдат, 7: 48-50: 3.13).

Так, в фарагде 8 Видевдата сказано:

«И сказал Ахура Мазда:

– Смогут очиститься, о Заратуштра праведный. Не пристаёт сухое к сухому. Если сухое к сухому приставало, то была бы в страхе душа каждое моей плотское жизни, Истину порчу подвергнув, стать в одно мгновение телом обреченной в массе тех трупов, что прилепили к земле» (Видевдат, 8: 33-34).

Похоронный обряд, связанный с верой в потустороннее жилище мертвых, заключался, по нашему мнению, в захоронении. Существовала вера в жизнь человека после смерти, и согласно наиболее ранним представлением, расставшаяся с телом душа – «урвана» – на три дня задерживалась на земле перед тем, как сойти вниз, в подземное царство мертвых, в котором правил Йима (по-санскритски – Яма). Од-





нако в веровании в загробную жизнь имеется еще одно обозначение, кроме «урвана», для души усопшего, а именно «фраварти» (авестийской фраваш), этимологию которого некоторые исследователи связывают с корнем «вар», так же как и слово «хам-варети» – «доблесть» (первоначально обозначавшее душу усопшего героя, то есть того, кто больше всего может помочь своим потомкам и защитить их). В настоящее время такое разделение зафиксировано и в этнографической литературе: душа – «жан», дух – «аруах». Причем лишь таджикский термин «рухи равон» передает специфику понятия «дух»; последнее понятие более подвижно («равон» от глагола «рафтан» – ходить, двигаться); дух может покидать тело во время сна, после смерти именно дух посещает родных, свой дом (Снесарев, 1969, с. 108–109).

Как отметил Г. Снесарев, невидимая для окружающих людей и, казалось бы, абсолютно бесплотная душа (дух), судя по ритуалу, связанному с ней, с теми культовыми действиями, которые ее окружают, обладает, оказывается, свойствами, явно идущими вразрез с представлением о ее нематериальности.

С обычаем снабжать душу и дух умершего жилищем в Хорезме связана традиция сооружать его около популярных мазаров, так называемых «ирвох уйи» (дом духа) или «атамни уйи» (дом моего отца). Смысл этого обычая заключается в том, что паломники, посетившие тот или иной мазар, полагали, что их душа (дух) после смерти будет пребывать в этих «домиках» возле почитаемой могилы святого (Снесарев, 1969, с. 110).

С семантикой души (духа) связано, по нашему мнению, и распространение в грунтовых погребениях чирикратской культуры многоактных или коллективных захоронений в одной камере. Так, археологические материалы показывают, что в ранних погребальных памятниках сакских племен на возвышенностях Уйгарак и Тагискен не прослеживаются многоактные захоронения в одной погребальной камере. Мы полагаем, что толчком к коллективным захоронениям в единой камере послужило какое-то религиозное представление о загробной жизни и что оно связано с «переходом-разлучителем», который мыслился в виде моста, один конец которого покоится на вершине горы Хары, а другой ведет ввысь, на небо, и лишь избранные, совершившие много жертвоприношений богам, могут пройти по нему. Души других, пытаясь перебраться по мосту, падают вниз, в подземное царство мертвых.

Родственники умершего, опасаясь, что его душа не пройдет мост и попадет в подземное царство мертвых, стремились захоронить покойника с родственниками, умершими раньше, которые являлись как бы проводниками в иной мир или заступниками. Души, которые достигли рая (небесного царства) при помощи предков, естественно, больше не нуждались в приношениях, совершаемых потомками, но по традиции, а также вследствие неясности относительно загробной судьбы каждого человека обряд приношения благоговейно совершался по всем умершим.

Следует отметить, что многоактные захоронения в одну и ту же могильную яму фиксируются и в этнографических материалах из Средней Азии. Б. Литвинский, рассматривая вопрос о множественных захоронениях в древней Фергане и у современных народов Средней Азии, дает сведения о местности Кастакозе: «для каждого покойника новые могилы обычно не роют, а захоранивают в одну могилу последовательно несколько человек, независимо от пола покойника. Раньше в новые могилы, и то по особому завещанию, хоронили только богатых людей»; в других же регионах Средней Азии число покойников в одной камере доходило до тридцати – сорока (Литвинский, 1972, с. 82–89).

Что же касается подбоев, то здесь, по нашему мнению, вопрос значительно сложнее. Нам кажется, надо рассмотреть тот круг верований, который связан со стремлением, с одной стороны, обеспечить покойнику максимум комфорта, с другой – затруднить ему (или его «душе») выход в мир живых, то есть здесь налицо страх перед мертвыми. Как мы уже отмечали выше, в наземных сырцовых мавзолеях в III в. до н.э. появляется новый погребальный обряд – труповыставление, который мог повлиять и на захоронение в грунтовых могилах. Преобладающей формой могилы в III в. до н.э., по-видимому, являлись подбой. Подбой можно рассматривать как результат стремления людей оградить погребенного от засыпания землей, где и «комфорт для трупа», и «запирание» осуществлялись с большей полнотой, чем в грунтовых ямах с дромосами.

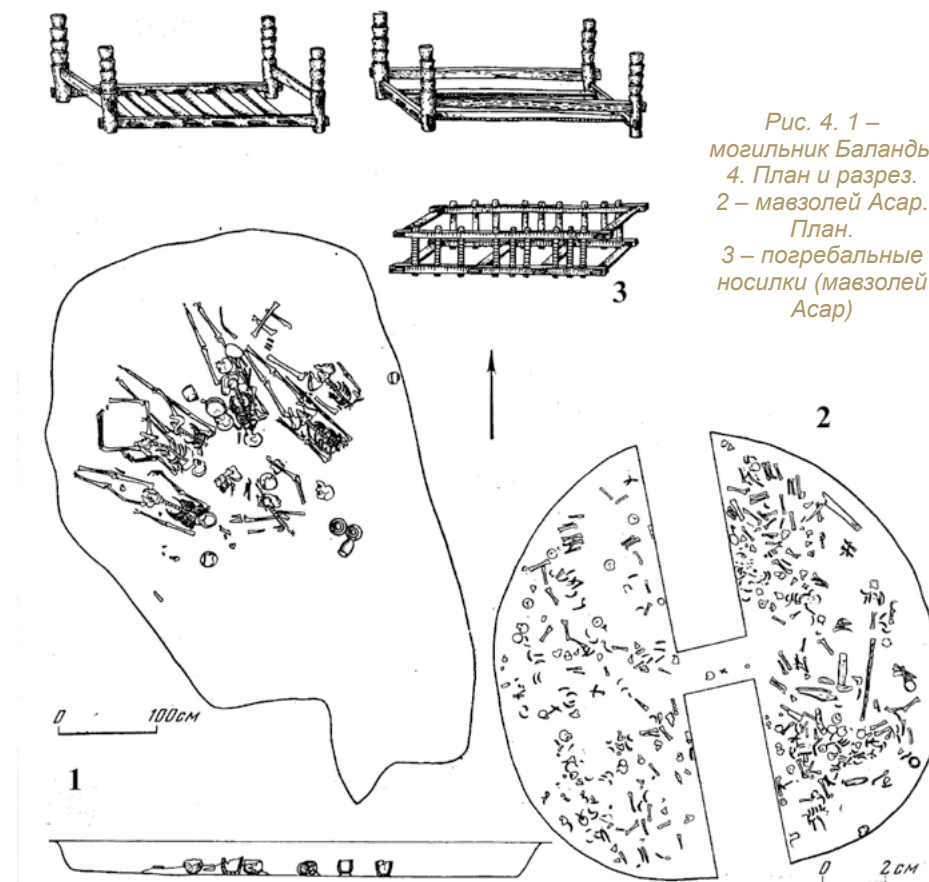


Рис. 4. 1 – могильник Баланды
4. План и разрез.
2 – мавзолей Асар.
План.
3 – погребальные носилки (мавзолей Асар)

Подводя итог краткого историографического обзора проблемы погребального обряда в наземных сырцовых мавзолеях и грунтовых могильниках чирикратской культуры, можно резюмировать следующее. Погребальный обряд и культы населения, оставившего памятники чирикратской культуры, базировались на зороастрийских религиозных предписаниях и обычаях среднеазиатских кочевников, отражая всю сложность и многоплановость этногенетической ситуации в огромном регионе восточных степей Северной Евразии в древности. Но это не дает нам право связывать их развитие только с определенным регионом Средней Азии. Скорее всего, мы имеем дело с общим индоиранским наследием суперэтнуса.

Литература

- Авеста в русских переводах (1861–1996) / Под ред. И.В. Рака. – СПб., 1997. – 480 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963. – 320 с.
- Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. – М., 1989. – 158 с.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура. Низовья Сырдарьи в древности. – М., 1993. – Вып. 1. – 220 с.
- Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности VII в. до н.э. – VIII в. н.э. – М., 1999. – 359 с.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. // ТХЭ. – М., 1973. – Т. 8. – 160 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи. – М., 1997. – 188 с.





- Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в зороастризме // Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. – СПб., 1997. – С. 169–263.
- Кармышева Е.Х. Архаическая символика в погребально-поминальном обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды верования и культы народов Средней Азии. – М., 1986. – С. 139–181.
- Лелеков Л.А. К истолкованию погребального обряда в Тагискене // СЭ. – 1972. – № 1. – С. 128–130.
- Литвинский Б.А. Курганы и Курумы Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. – М., 1972. – Вып. 1. – 280 с.
- Писарчик А.К. Смерть. Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе, 1976. – Вып. 3. – С. 118–164.
- Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. – М., 1971. – 128 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 175 с.
- Снесарев Г.П. Маздеистская традиция в погребальном обряде Средней Азии // XXV Международный конгресс востоковедов (доклады делегатов СССР). – М., 1960. – 10 с. (оттиск).
- Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969. – 272 с.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – 322 с.
- Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ. – Вып. 4. – М., 1960. – С. 3–62.

Дарменов Р.Т.

Шірікрат мәдениеті ескерткіштеріндегі жерлеу ғұрпын талдау хақында

Сырдарияның ескі арнасында (Қазақстан, Қызылорда облысы) ортаазиялық скифтердің – *сақтардың* шірікрат мәдениеті қалыптасады. Бұл мәдениет ескерткіштерінде тек материалдық мәдениет қана емес, Сырдың төменгі ағысындағы кейінгі қола кезеңі тұрғындарының жерлеу ғұрыптары мен ритуалдарының элементтерін сіңіргендігі байқалады. Шірікраттықтардың мавзолейлерінің жерлеу конструкциясы мен ғұрыптарын қарастыра отырып, біз оларды ерте кездегі өлікті өртеу ғұрпына негізделген «дахмалармен» теңестіре аламыз. Бұл үндірандық көптеген тайпалардың, ішінара скифтердің, жерлеу ғұрыптарындағы қарама-қайшы нұсқаларының бейнесі ретінде анықталады.

Қарастырылып отырған кезеңде Сырдарияның төменгі ағысы бойында ғұрыптық нысандар, яғни, храмдар пайда болады (Баланды 2, Бәбіш-мола 1, 2 Шірік-рат қала жұртындағы шеңберлі жоспарлы храм және т.б.).

Darmenov R.T.

About the Interpretation of the Funerary Ceremony of the Chirik Rabat-culture burials

In the territory of the ancient Syrdarya delta (Kyzylorda region, Kazakhstan) was widespread the Chirik Rabat culture, established and formed by a branch of the Central Asian Scythians – «Sakas». Clearly manifested not only in the material culture, but also in the funerary ceremonies and rituals is the cultural continuity from the Late Bronze Age period in the lower reaches of the Syrdarya River. Considering the funerary structures and ceremonies of the Chirik Rabat mausoleums, we can associate them with the «dakhma» where the early form of burial was the cremation, and this, subsequently, was changed into the dead exhibition. This can be determined as a fact reflecting the contradictory forms of burial ceremonies that existed among the different Indo-Iranian tribes, particularly among the Scythians (Sakas).

During this time, in the territory of the Syrdarya delta ritual buildings were built, as for example some «temples» which were adjacent to the fertile oasis (Balandy 2, Babish-Mulla 1 and 2, the round mausoleum in the same Chirik Rabat site, etc.). These were constructions of brahman type: round temples with a massive gate, that most probably were the most important buildings in the systematic rituals associated with the cult of fertility.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД РАНИХ КОЧЕВНИКОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Территория Западного Казахстана включает несколько историко-культурных регионов (Южное Приуралье, Северное Приаралье, Устюрт и Мангышлак), памятники которых в силу географического положения имеют свои локальные особенности. Эпоху ранних кочевников в научной литературе принято называть ранним железным веком – когда население этой территории активно начало применять железо в своей хозяйственной деятельности.

Эпоха древних кочевников Великих евразийских степей представляет собой один из интереснейших и важных периодов истории человечества, изучение которой позволяет пролить свет на многие вопросы сложения и развития хозяйственной, религиозной, бытовой и других сфер жизни древнего и современного населения. Этот период стал тем временным отрезком, когда в евразийских, в том числе и в западноказахстанских, степях произошли большие изменения, затронувшие все сферы жизни кочевого общества. В это время на территории Казахстана совершается становление нового экономического уклада – кочевого скотоводства, способствовавшего частым перемещениям населения и созданию иных культурных образований. Результатом таких процессов стало формирование новых этнических групп, создавших своеобразные культуры кочевнического типа в степях Евразии. На территории Западного Казахстана в середине I тыс. до н.э. произошло сложение прохоровской (раннесарматской) культуры, носители которой являются современниками скифов и саков евразийских степей.

Территорию Западного Казахстана в раннем железном веке, согласно античным источникам, населяли кочевые племена савроматов и сарматов. По мнению ряда ученых, в формировании и генезисе прохоровской (раннесарматской) культуры принимали участие различные массивы племен, мигрировавших в степи Западного Казахстана из Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Приаралья, Алтая и т.д. Наряду с этим в научной литературе нет единой точки зрения по вопросам этнической принадлежности племен Западного Казахстана и Южного Приуралья. Учеными высказывается мнение, что носителями культуры кочевников Западного Казахстана и Южного Приуралья являются исседоны, массагеты, аорсы, скифы, дахи (даи) и другие (Смирнов, 1977, с. 134–137; Гуцалов, 2004, с. 115–116).

На сегодня Западный Казахстан является одним из крупных регионов, где зарегистрированы тысячи археологических памятников раннего железного века. К ним относятся курганные могильники, одиночные курганы и так называемые святилища огня. Всестороннее изучение этих памятников позволяет нам проследить те миграционные процессы, которые происходили на территории Казахстана и сопредельных государств, понять религиозные представления ранних кочевников, выявить торговые центры, откуда поступали различные импортные товары, и т.д.

Древности Западного Казахстана можно разделить на четыре хронологических периода:

- 1) VII – первая половина VI в. до н.э.;
- 2) вторая половина VI – V в. до н.э.;
- 3) конец V – IV в. до н.э.;
- 4) III–I вв. до н.э.

Памятники каждого из этих этапов отражают те изменения, которые происходили в культуре ранних кочевников Западного Казахстана.

Памятники более раннего времени впервые выделил К.Ф. Смирнов, датировав их в рамках VIII–VII вв. до н.э. К.Ф. Смирнов обозначил их как памятники переходного периода, для которых характерны как старые черты погребального обряда эпохи бронзы, так и новые, свойственные савроматской культуре. Связи между племенами эпохи бронзы и населением VIII–VII вв. до н.э. он видел в способах изготовления керамики и ее орнаментации. Кроме того, он отмечал сходство в антропологическом материале и в погребальном обряде, а именно в применении камня (Смирнов, 1957, с. 10, 12; 1964, 26).

К концу VII – VI в. до н.э. К.Ф. Смирнов отнес четырнадцать погребений в Само-Уральском регионе. Как и ранее, К.Ф. Смирнов отстаивал условность названия





савроматской культуры Южного Приуралья. Он допускал, что носителями культуры савроматов самаро-уральского варианта являются протоаорсы (Смирнов, 1964, с. 39, 286) и, возможно, исседоны и массагеты Геродота (Смирнов, 1969, с. 31). Правда, в конце 70-х гг. прошлого столетия он, принимая во внимание критику Д.А. Мачинского и В.П. Шилова, считал возможным отождествить кочевников зауральской группы с исседонами, а население, оставившее памятники по Илеку и среднему течению Урала, – с дахами, или с дахо-массагетскими племенами (Смирнов, 1977, с. 134–137).

Гуцалов С.Ю. к VII – первой половине VI в. до н.э. в целом по Западному Казахстану и Южному Приуралью причислил весьма небольшое количество погребений. Большинство погребений этого времени впущены в курганы более раннего времени, которые, как правило, расположены на первых речных террасах. К основным относятся два погребения (Целинный I, к. 59, п. 2; Покровка 2, к. 17, п. 1). Для курганов характерны земляные насыпи над основными погребениями. В кургане 59 могильника Целинный I зафиксированы кольцевой глинисто-гравийный вал и деревянная конструкция шатрового типа. При совершении впускных погребений активно использовался камень, который применялся в виде наброски над могилой и для сооружения крепиды. Для большинства могильных ям характерна прямоугольная форма. Захоронения одиночные. Умерших клали вытянуто на спину, головой на запад с отклонением к северу или югу (Гуцалов, 2004, с. 91–92).

Во второй половине VI – V в. до н.э. в степях Западного Казахстана происходят большие изменения. Найдено немало памятников, датирующихся этим временем, что свидетельствует об увеличении кочевого населения. В отличие от артефактов предыдущего времени памятники второй половины VI – V в. до н.э. фиксируются по всей территории Западного Казахстана. Они занимают различные топографические ниши: на первых надпойменных террасах, на вершинах водоразделов и на их склонах. Памятники этого периода образуют целые могильники. Под курганами этого времени зачастую отмечают остатки деревянных конструкций шатрового или срубного типа. Увеличивается и количество основных погребений. Умерших, как правило, хоронили в больших могильных ямах; также встречаются захоронения, совершенные на поверхности земли, на так называемом древнем горизонте, то есть под курганом без могильных ям. Покойников укладывали головой на запад, начинается фиксирование южной ориентировки.

Наряду с этим одной из важнейших особенностей погребального обряда середины VI – V в. до н.э. является появление в степях Южного Приуралья традиции совершать захоронения в подбойно-катакомбных погребениях, причем погребенные в них в большинстве имели южную ориентировку, а также в погребениях со «столами-ложами». Как правило, данные погребения совершались под курганами достаточно больших размеров. Центральные захоронения в таких курганах обычно осуществлялись на уровне древней дневной поверхности, в могилах с дромосами с деревянными сооружениями или без, а также в больших квадратных ямах. Эти погребения в большинстве элитные и чаще всего коллективные. Изучение стратиграфии курганов и расположения могил позволили сделать вывод о синхронности подбойно-катакомбных погребений с основными захоронениями. При этом большие размеры курганов и погребальных камер, а также синхронность боковых и основных погребений позволяют говорить об их высоком статусе. Вероятно, подбойно-катакомбные погребения служили маркером для выделения статуса погребенных.

Инвентарь погребенных достаточно разнообразен. Для воинов характерно наличие в могилах предметов конской упряжи (удила, псалии, многочисленные пряжки и пронизи), вооружения (железные мечи и кинжалы, бронзовые наконечники стрел, колчаные крючки, наконечники копий).

Женские захоронения сопровождалась в большинстве случаев украшениями (серьги, гривны, различные бусы из стекла и минералов) и предметами быта (лепные сосуды, ножи, шила). Кроме того, в «савроматских» могилах можно найти бронзовые зеркала и каменные жертвенники, часто идентифицируемые исследователями как атрибуты жрецов. На большинстве предметов вооружения можно видеть творчество ранних кочевников Западного Казахстана, изображавших на них верблюдов, оленей, сайгаков и чаще всего волков.

Вопросы происхождения кочевников Западного Казахстана, а также истоки их культуры и сам процесс формирования на сегодня являются одними из главных проблем кочевниковедения. Довольно долгое время, практически до 80-х гг. XX в., в науке господствовала гипотеза, согласно которой савроматская культура сложилась на основе предшествующей андроновской культуры (Смирнов, 1957, с. 10; 1964, 26; Мошкова, 1961, с. 121, 124; 1962, с. 223). С 80-х гг. прошлого столетия ситуация начала меняться, в археологии стала доминировать миграционная теория, согласно которой носители савроматской культуры перекочевали в степи Западного Казахстана и Южного Приуралья с Северного Причерноморья, Кавказа, Приаралья и других территорий. Кроме того, высказывались мнения, что в степях Южного Приуралья в это время существовала прохоровская (раннесарматская) культура (Пшеничнюк, 1979, с. 105–106; Железчиков, 1980, с. 4–5; Железчиков, 1997, с. 10–11, 42; Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 147–148, 149; Гуцалов, 2004, с. 115–116).

Последние исследования в могильнике Сабилулак позволяют выделить еще один регион, откуда могло происходить культурное влияние. Так, под курганом № 7 было выявлено сооружение из вертикально врытых каменных плит. Обращает на себя внимание нахождение в насыпи и под плитами двух бронзовых удил. У одного окончание стремячковидное, у другого простые закругленные. Похожие памятники известны к востоку от рассматриваемого региона. К примеру, на территории Северного (Саргары II, Жабай-Покровка, Рузаевка), Центрального (Толай, Талдысай, Ак-Мустафа) и Восточного Казахстана (Измайловка, Меноев VIII), Алтая (Кок-су I) известны каменные ограды, но без могильных ям и человеческих захоронений. Примечательно, что, как и в нашем случае, внутри этих оград или под камнями обычно находят предметы конского снаряжения, большинство которых датируется VIII–VII вв. до н.э. (Таиров, 2003, с. 158; Таиров, 2007, с. 13–14). Бронзовые удила со стремячковидными окончаниями распространены на обширной территории Евразии. Особенно активно они применялись населением на юге Восточной Европы, в Южной Сибири и на Алтае (Боковенко, 1979, с. 68–69).

В конце V – IV в. до н.э. происходит дальнейшая эволюция культуры кочевников Западного Казахстана. Те черты погребального обряда, которые фиксируются здесь, получают дальнейшее развитие. Кроме того, многие элементы обрядовых традиций кочевой элиты стали использоваться рядовым населением. По сути, произошла стандартизация погребального обряда.

По сравнению с предшествующим периодом увеличивается количество подбойно-катакомбных погребений. Причем в конце V – IV в. до н.э. наблюдается их разнообразие. В погребальной практике продолжают применяться могилы с дромосами, погребения со «столами-ложами», погребения на уровне древнего горизонта. Также в таких могильных конструкциях были обнаружены погребения представителей рядового населения. Среди грунтовых ям использовались в основном могилы квадратных и широких прямоугольных форм. Начинает преобладать южная ориентировка погребенных. Завершилось окончательное оформление раннесарматского культурного комплекса. В погребальном обряде произошло «перетекание» многих культурно-диагностирующих признаков, характерных для курганов знати Ори и Илека второй половины VI – V в. до н.э., в сторону уральского левобережья и низовьев Илека.

В следующем хронологическом периоде (III–I вв. до н.э.) происходит уменьшение количества погребений, что, вероятно, связано с оттоком населения в другие регионы. Увеличивается количество впускных погребений. К концу IV в. до н.э. размеры курганов начинают уменьшаться, под одним курганом начали устраивать от одной до десяти и более могил. Для захоронений использовали как простые грунтовые могилы, так и ямы с камерами (подбойно-катакомбные). Причем погребальные камеры катакомб становятся уже. Прекращается применение сложных надмогильных деревянных конструкций, исчезают погребения на уровне древней дневной поверхности, в дромосных могилах. Появляются захоронения в деревянных гробах, редко – в каменных ящиках. В этот период изменяется и направление ориентировки покойников, значительно увеличивается количество погребенных, уложенных головой на юг.

Причины уменьшения погребальных комплексов III–II вв. до н.э. на территории Южного Приуралья исследователи объясняют миграцией «населения из Приуралья





к западу, югу и северу от старых традиционных центров» (Железчиков, 1980, с. 6–7; Гуцалов, 2004, с. 121–122).

Литература

- Боковенко Н.А. Ранние формы скифо-сибирской узды: Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. – Кемерово, 1979. – С. 67–70.
- Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья. – Уральск, 2004. – 136 с.
- Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1980. – 16 с.
- Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI–II вв. до н.э.: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени д-ра ист. наук. – М., 1997. – 56 с.
- Мошкова М.Г. Сарматские курганы в Оренбургской области // КСИА. – 1961. – № 83. – С. 115–125.
- Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры // МИА. – № 115. – 1962. – С. 204–236.
- Пшеничнюк А.Х. Особенности культуры ранних кочевников восточного склона Южного Урала: Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». – Кемерово, 1979. – С. 105–106.
- Смирнов К.Ф. Проблема происхождения ранних сарматов // СА. – 1957. – № 3. – С. 3–19.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. – М.: Наука, 1964. – 380 с.
- Смирнов К.Ф. Ранние кочевники Южного Урала: Научная сессия по этногенезу башкир. – Уфа, 1969. – С. 30–36.
- Смирнов К.Ф. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука, 1977. – С. 129–139.
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степной Евразии // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Астана, 2003. – Т. 1. – С. 157–179.
- Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1988. – С. 141–159.

Дүйсенғали М.Н.

Батыс Қазақстандағы ежелгі көшпелілерінің жерлеу ғұрпы

Антикалық дереккөздерге сай ерте темір дәуірінде Батыс Қазақстан аумағын савроматтар мен сарматтардың көшпелі тайпалары мекендеген. Бірқатар ғалымдардың пікірінше, Прохоров (ерте сармат) мәдениетінің қалыптасуы мен шығу тегіне Солтүстік Қаратөз өңірі мен Солтүстік Кавказдан, Арал өңірінен, Алтайдан және т.с.с. келіп, Батыс Қазақстан даласында көшіп-қонып жүрген тайпалардың түрлі топтары қатысқан. Осымен қатар ғылыми әдебиеттерде Батыс Қазақстан мен Оңтүстік Орал өңірі тайпаларының этникалық қатыстылығы мәселелері жөнінде бірыңғай көзқарас жоқ.

Батыс Қазақстанның көне ескерткіштерін төрт хронологиялық кезеңге бөлуге болады: 1) б.д.д. VII – VI ғ. алғашқы жартысы; 2) б.д.д. VI ғ. екінші жартысы – V ғ.; 3) б.д.д. V ғ. соңы – IV ғ.; 4) б.д.д. III – I ғғ. Осы кезеңдердегі жерлеу ғұрпы туралы қысқаша ақпарат берілген. Жерлеу ғұрпы түрлерінің өзгеру себептері туралы болжамдар айтылған.

Duysengali M.N.

The Funerary Ceremony of the Early Nomads of Western Kazakhstan

The Sauromatian and Sarmatian nomadic tribes, according to the ancient sources, inhabited the territory of Western Kazakhstan in the Early Iron Age. According to some scholars, in the formation and genesis of the Prokhorovka (early Sarmatian) culture various tribes participated. These migrated towards the steppes of western Kazakhstan from northern Black Sea, North Caucasus, the Aral Sea region and the Altai, etc. Moreover, so far in the scientific literature there are different points of view concerning the ethnic origin of the western Kazakhstan and southern Urals tribes.

The antiquities of Western Kazakhstan can be divided into four chronological periods: 1) 7th – first half of the 6th century BC; 2) second half of the 6th – 5th century BC; 3) end of the 5th – 4th century BC; 4) 3rd – 1st century BC. A brief description of the funerary ceremony of these periods is here provided, as well as the assumptions about the changes in the forms of funeral rites.

Жунисханов А.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА РАННЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ

Изучение археологических культур чаще всего ведется на основе анализа погребального обряда какого-либо общества. Погребальный обряд можно рассматривать в двух аспектах – знаково-символическом и структурно-аналитическом. В первом случае предполагается давать семантическую интерпретацию зафиксированному явлению, а во втором – анализировать отдельные части погребального ритуала, которые, в свою очередь, тоже представляют систему реализованных определенным образом элементов. Используя такой подход к погребальному ритуалу, можно реконструировать разные стороны жизнедеятельности древнего населения (Алёкшин, 1980; 1986 и др.). Поэтому погребальный памятник наряду с другими памятниками древности является источником информации о культуре изучаемого древнего общества. Вид погребального сооружения во многом определяется господствующей религиозно-мифологической концепцией и окружающей его средой (Ольховский, 1991, с. 16).

Разработкой классификации погребального обряда населения Восточного Казахстана раннесакского времени в свое время занимались Н.А. Боковенко (Боковенко, 1986, с. 46–48), П.И. Шульга (Шульга, 1999, с. 245–250), Г.К. Омаров (Омаров, 2014) и др. В их работах были даны основные характеристики разделения и группировки раннесакских погребальных сооружений на основе различных категорий погребального обрядности. Барнаульские археологи, разрабатывая методологию изучения данной проблемы, получили результаты предварительного характера (Тишкин, Дашковский, 1997, с. 19–24). Несмотря на то что рассматриваемый метод выделения типов погребального обряда имел свои недостатки (Соенов, <http://new.hist.asu.ru/skif/pub/skep/soenov.html>), на сегодняшний день этот метод является хорошо разработанным и прошедшим апробацию на материалах Горного Алтая раннесакского (Кирюшин, Тишкин, 1997) и пазырыкского времени (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003).

Изучение традиции сооружения курганов невозможно без сравнительного анализа, а для этого необходимо использовать типологию, которая наиболее полно отразила бы существенные черты, особенности конструкции.

Для выявления типов погребальных сооружений нами были проанализированы доступные нам материалы исследований сорока одного кургана из четырнадцати могильников. Часть погребений не попала в эту систему обработки материалов в связи с их фрагментарностью и отсутствием полного набора нужных показателей.

В результате проведенной работы по классификации памятников Восточного Казахстана раннесакского времени было выявлено семь типов погребальных сооружений. За определенным типом погребального сооружения стоят несколько показателей, характеризующих имевшие место конкретные действия и их результаты, нашедшие свое отражение в конструкциях внутрикурганных элементов.

Обратимся теперь к характеристике отдельных типов.

1 тип. Тип представлен кольцевой конструкцией под курганной насыпью, которая содержит по два отдельных захоронения, в одно из которых укладывали покойного, а в другую – лошадь. Умершие лежали в неглубоких ямах в скорченном положении, на левом боку, с ориентацией головы на северо-запад. К этому типу относятся погребения могильника Курту 2 (Сорокин, 1966, с. 39–60).

2 тип. Тип представлен подквадратной или овальной конструкцией под курганной насыпью. Умершие лежали в неглубоких овальных или подквадратных ямах;





их укладывали в скорченном положении в основном на левый бок, реже на правый. Усопшие головой ориентированы на юг, иногда на юго-запад. К рассматриваемому типу относятся погребения могильника Зевакино (Арсланова, 1974, с. 46–60).

3 тип. Тип представлен памятниками с каменной насыпью, могильной ямой, в которой находился каменный ящик. Отмечено свыше десяти курганов – в могильниках Измайловка (к. 5, 17) (Ермолаева, 2012, с. 238), Меновное (к. 8, 29), Курык-2 (к. 1–6, 22), по одному кургану на могильниках Майемер-2 (к. 3) (Самашев, Жумабекова, Ермолаева, Омаров, 1998, с. 155), Черновая (к. 1) (Оразбаев, Омаров, 1998, с. 9–70).

4 тип. Тип представлен каменной насыпью и наличием на дне могильной ямы сруба с ложем. Обнаружены два таких кургана на двух могильниках: Черновая (к. 2), Черновая-6 (к. 6) (Оразбаев, Омаров, 1998, с. 9–70), Акчий-III (к. 2) (Трифонов, Боковенко, 1998, с. 149–150).

5 тип. Тип представлен грунтовой насыпью; могильная яма имела подбой в северной стене и заполнена каменными плитами. Жертвенные животные (овца, лошадь) укладывались в одной яме с человеком, между ними устанавливался заслон, или же усопшие люди помещались в отдельный ящик или саркофаг. Рассматриваемый тип был отмечен в могильниках Майемер (к. 2) (Джумабекова, Базарбаева, 2011, с. 67–86), Солнечный белок (к. 2) (Адрианов, 1911, с. 1–92), Тарасу (к. 23) (Самашев и др., 1998, с. 174–202).

6 тип. Тип представлен захоронениями на дневной поверхности, с дромосами с восточной стороны без сопогребенных жертвенных животных. Аналогичные погребения обнаружены в могильниках Шиликты, Майемер (к. 1) (Джумабекова, Базарбаева, 2011, с. 67–86).

7 тип. Тип представлен ямами с подбоем в северной части могильной ямы. Умерших укладывали вытянуто, головой ориентированы на запад. Подобный тип погребения обнаружен в могильнике Арасан (к. 8) (Кушаев, 1968, с. 135–145).

В результате типологического анализа памятников нами дана общая характеристика погребального обряда древнего населения Восточного Казахстана в раннесакское время.

Из указанного в статье сорока одного кургана двадцать один имел каменную насыпь, восемнадцать – каменно-земляную и три – земляную. Захоронения умерших в этих курганах производились следующими образом: в тридцати семи случаях умерших укладывали в простую грунтовую яму, погребения в подбоях были зафиксированы четыре раза. В одном из подбоев обнаружена колода; захоронения в каменных ящиках зафиксированы в тринадцати случаях, а в колоде – в четырех.

Некоторые из типов погребальных сооружений, скорее всего, свидетельствуют о проникновении инокультурных элементов на территорию Восточного Казахстана, другие отражают эволюцию погребального обряда и связанных с ним религиозно-мифологических представлений раннесакского общества.

На основе типологии некоторых показателей погребального обряда мы на теоретическом уровне затронем проблемы этнокультурной ситуации в Восточном Казахстане в рассматриваемое нами время.

В силу слабой изученности некоторых вопросов, связанных с раннесакскими памятниками Восточного Казахстана, этнокультурная ситуация представляется мозаичной, судя по ней, конечная картина вырисовывается весьма смутно. Раннесакские памятники по характеру погребальной обрядности представлены неоднозначно, некоторые исследователи утверждают, что этническая среда региона была полиэтнической (Шульга, 1998, с. 248).

Захоронения на древней поверхности с дромосами в восточной части курганов без захоронений животных известны не только по материалам шиликтинских и майемирских курганов. Последние открытия отечественных ученых на могильниках Нуркен (Бейсенов, 2002, с. 31–41), Талды 2 (Бейсенов, 2011, с. 14–20) расширили границы бытования дромосных захоронений до восточной части Сарыарки, что дает нам возможность ставить вопрос о западных границах распространения и однородности этнических образований носителей традиции дромосных захоронений в майемирской культуре. Для подтверждения или опровержения данного тезиса необходимо изучение археологических памятников раннесакского времени левобережья Иртыша; рассматриваемая территория является контактной зоной, связывающей Сарыарку с Казахским Алтаем.

Обнаружение погребений с подбоями, в том числе в сопровождении захоронений животных (лошадей, баранов) на территории Восточного Казахстана и в северо-западных предгорьях Алтайских гор, по мнению П.И. Шульги, поможет по-иному взглянуть на подбойные захоронения Жетысу и Центрального Казахстана, в частности, на их появление в культурах VI–III вв. до н.э. (Шульга, 1999, с. 245–250).

В публикациях А.С. Ермолаевой указывалась близость захоронений Измайловского могильника с бегазы-дандыбаевской культурой. В ходе исследования бегазинской огады были обнаружены раннекочевническая конская сбруя и керамический комплекс данной культуры (Ермолаева, 2012, с. 74–75).

В результате краткого обзора этнокультурной ситуации Восточного Казахстана в раннесакское время на основе материалов погребального обряда мы можем выделить основные направления дальнейших исследований. Для реконструкции материальной и духовной культуры, социальной стратификации и иных аспектов изучаемого периода времени следует исследовать памятники, расположенные на левом берегу Иртыша. Кроме того, надо проверить их состояние в комплексе с материалами ранее изученных памятников Верхнего Прииртышья и сопредельных территорий. В этой связи особенно важна проблема поиска и исследования оседлых поселений, городищ и других объектов раннесакского времени данного региона.

В настоящее время поселения кочевников были выявлены в Центральном Казахстане и на севере казахских степей (Бейсенов, 2009, с. 322–325; Хабдулина, 1994, с. 29–45; 2003, с. 189–214). Названные памятники не просто подтверждают факт занятия земледелием полуседлого населения раннего железного века, но и определяют специфику поливного или богарного земледелия, указывают на механизмы и формы адаптации к природно-ландшафтным условиям региона (Самашев, 2012, с. 15).

Вне нашего исследования остались материалы, связанные с погребальным обрядом куртусского этапа. Это обусловлено тем, что могильник Курту 2 не был до конца изучен. В соответствии с современным состоянием проблемы изучения памятников раннесакского круга материалы исследования С.С. Сорокина требуют более глубокого осмысления.

Литература

- Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая: Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г. // Известия археологической комиссии. – 1916. – С. 1–92.
- Алёшкин В.А. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. – Вып. 167. – 1981. – С. 3–9.
- Алёшкин В.А. Погребальные обряды древних народов Евразии как источник по реконструкции представлений о смерти // Религиозные представления в первобытном обществе. – М., 1987. – С. 14–16.
- Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. – Алма-Ата, 1974. – С. 46–60.
- Бейсенов А.З. Исследования Сарыаркинской экспедиции в Центральном Казахстане // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – Алматы, 2002. – № 1. – С. 31–41.
- Бейсенов А.З. Некоторые результаты исследования поселения раннего железного века Кызылсуир-2 (Центральный Казахстан) // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. – Алматы, 2009. – № 4 (55). – С. 322–325.
- Бейсенов А.З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганды, 2011. – С. 14–20.
- Боковенко Н.А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул, 1986. – С. 46–48.
- Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. В поисках следов свернувшейся пантеры: к изучению памятников Майемирской степи // История и археология Семиречья: Сборник статей и публикаций. – Алматы, 2011. – С. 67–86.
- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). – Алматы, 2012. – 238 с., ил.
- Киришин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. – Барнаул, 1997. – 231 с., ил.





Кирушин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул, 2003. – 234 с.

Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л., 1991. – 448 с.

Кушаев Г.А. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968. – С. 135–145.

Омаров Г.К. Шығыс Қазақстанның ерте темір дәуірі. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 256 б.

Оразбаев А.М., Омаров Г.К. Некоторые итоги археологического исследования Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: Материалы Международной археологической конференции. – Алматы, 1998. – С. 9–70.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). – М., 1991. – 256 с.

Самашев З.С. Раннесакские наконечники стрел из Казахстанского Алтая / З.С. Самашев, Г.С. Жумабекова, А.С. Ермолаева, Г. Омаров // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб., 1998. – С. 155–160.

Самашев З.С., Франкфорт А.П., Ермолаева А.С., Жумабекова Г.С., Гий Э., Сунгатай С., Жетибаев Ж.М., Омаров Г.К. Исследование культуры древних кочевников Казахстанского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: Материалы Международной археологической конференции. – Алматы, 1998. – С. 174–202.

Самашев З.С. М.К. Кадырбаев и некоторые вопросы археологии раннего железного века Казахстана // «Кадырбаевские чтения-2012»: Материалы III Международной научной конференции. – Актобе, 2012. – С. 6–20.

Соенов В.И. К вопросу о типологии погребальных памятников скифского времени Горного Алтая // <http://new.hist.asu.ru/skif/pub/skep/soenov.html>

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. – 1966. – Вып. 8. – С. 39–60.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Классификация погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – Вып. 2. – С. 19–24.

Трифонов Ю.И., Боковенко Н.А. Воинский комплекс сакской эпохи из Восточного Казахстана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 149–150.

Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на реке Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Астана, 2003. – С. 189–214.

Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Материалы Международной научной конференции. – Барнаул, 1999. – С. 245–250.

Жунисханов А.

Ерте темір дәуірінің алғашқы кезеңіндегі Шығыс Қазақстан тұрғындарының жерлеу ғұрпы

Мақалада, Шығыс Қазақстан территориясын ерте сақ дәуірінде мекендеген тайпалардың жерлеу ғұрпы мәселесі қарастырылады. Мақалаға ерте сақ дәуірінің 14 қорымының 44 обасынан алынған мәліметтер негізгі дерек көз болды. Алынған мәліметтері сараптау нәтижесінде Шығыс Қазақстан аумағында ерте сақ дәуірінде таралған жерлеу ғұрпының 7 түрі анықталды. Жерлеу ғұрпының кейбір түрлері Шығыс Қазақстан территориясына енген өзге мәдениеттің ықпалымен түсіндіріледі, ал кейбірі аймақты мекендеген қола дәуірі тайпаларының діни-мифологиялық танымдарының эволюциясы нәтижесінде қалыптасқандығымен байланыстыруға болады. Сондай-ақ, жерлеу ғұрпына қатысты деректерді саралау нәтижесінде соны мәліметтер алынып, Майемер мәдениетінің батыс шекарасы туралы мәселе көтеріледі.

Zhuniskhanov A.

The Funerary Ceremony of the Early Saka Tribes in East Kazakhstan

The article considers the funerary rites of the ancient tribes of Early Saka period in eastern Kazakhstan. The material here considered comes from 44 barrows, located within 14 cemeteries. On the basis of the analysis, it has been revealed that in the Early Saka period there were seven kinds of funerary rites. Some of them have been formed under the cultural influence of foreign or alloctonous ethnic groups; while others can be considered as the evolution of the religious and mythological beliefs of the Bronze Age tribes of East Kazakhstan. Besides of it, the analysis addresses also the question of the western periphery of the Mayemir archaeological culture

Иванов С.С., Бообек уулу Б.

НОВЫЙ КЛАД РАННЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КОЧКОРСКОЙ ДОЛИНЫ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЯНЬ-ШАНЬ)

Летом 2013 г. на окраине с. Кара-Суу (Кочкорский район, Кыргызстан) во время строительных работ местными жителями был найден небольшой клад металлических изделий раннесакского времени. Клад располагался на глубине порядка 0,5 м в однородной лессовой почве, никаких признаков погребения или иных культовых объектов обнаружено не было, что указывает на то, что перед нами именно клад.

Клад состоит из четырех предметов конской упряжи: бронзовых стремявидных удилов, простой уздечной пронизки-обоймы, рельефной фигурки медведя и серебряного крестовидного распределителя ремней.

Все предметы клада были переданы в музей школы им. Ш. Рысмендиева в с. Кара-Суу и в настоящее время экспонируются там.

Описание находок

Удила. Небольшие, хорошей сохранности, имеют простые стремявидные окончания. Стержни удилов гладкие, без орнамента, круглые в сечении. Стремявидные внешние окончания относительно короткие и широкие. Оба звена удилов соединяются при помощи округлых внутренних окончаний (рис. 1, 1).

Удила практически не имеют следов стертостей, что говорит о том, что они не использовались (рис. 3, 1).

Общая длина удилов 15 см, размер внешних окончаний 2,7×2,1 см, размер внутренних колец 1,9×1,6 см.

Уздечная пронизка-обойма. Сохранность хорошая. Пронизка имеет несколько зауженные гладкие внешние стороны. Изделие имеет узкое овальное отверстие для продевания ремешка узды (рис. 1, 3; 3, 3).

Размер обоймы 2,1×1 см, толщина стенок 0,10–0,15 см.

Фигурка медведя. Достаточно сильно корродирована, вследствие чего детали изображения медведя, переданные в манере плоского рельефа, не совсем четкие: едва заметно различимы рельефно выделенные круп зверя, передние и задние лапы, также видны круглое ухо и округлый глаз. На оборотной стороне щитка с медведем имеется подовальная петля (рис. 1, 4; 3, 4).

Размер щитка 3×1,2 см, его толщина 0,3–0,5 см, размер колечка петли 1,2×1 см. Петля выступает над щитком на 1,2 см.

Крестовидный распределитель ремней. Хорошей сохранности. Предмет имеет выпуклую округлую центральную часть, от которой крестообразно отходят четыре трубочки. В центре распределителя с внешней стороны имеется рельефно выраженный симметричный квадрат с оттянутыми острыми углами, направленными в промежутки между трубочками. На оборотной плоской стороне предмета имеется крупное аморфное отверстие. Отверстия боковых трубочек овальные в сечении, их края выражены дополнительными широкими рельефными поясами.

Распределитель ремней несколько асимметричен, это доказывает, что он при использовании располагался так, что ремни пересекались диагонально. Скорее всего, данный предмет использовался для перекрещивания нагрудных ремней конской сбруи (рис. 1, 2; 3, 2).





Размеры предмета 3,8×3,8 см, его высота в горизонтальном положении 1,7 см. Диаметр боковых трубочек составляет 1,2–1,3×1 см. Размер аморфного отверстия на оборотной стороне 1,2×1,1 см.

Культурно-исторический контекст клада. Раннесакский период в Притяньшанье изучен сравнительно слабо, это в первую очередь связано с тем, что пока выявлено сравнительно небольшое количество памятников этого времени.

Одной из особенностей данного периода являются клады, состоящие из бронзовых предметов конской упряжи, вооружения и быта. Однако до недавнего времени большая часть известных подобных кладов концентрировалась в северных предгорьях Тянь-Шаня (Каменский, Шамшинский, Кичи-Кеминский и др.), а на Центральном Тянь-Шане были достоверно известны только три клада.

Так, предположительно единый комплекс предметов был обнаружен в районе г. Нарын. Он состоял из одного звена удила со стремявидным окончанием с дополнительным отверстием, двух массивных подпружных пряжек, крупной округлой бляхи и сурьматаша. К.И. Ташбаева не без оснований отнесла данный клад к концу VIII – VII в. до н.э. (Ташбаева, 2011, с. 118–119, рис. 75).

Два остальных клада бронзовых предметов конской упряжи были обнаружены в так называемых восьмикаменных оградках могильника Кичи-Ача, которые были расположены восточнее основного погребального сооружения. Поэтому в последнем случае скорее можно говорить не о кладах, а о комплексе предметов из поминального сооружения (Табалдиев, 2011, с. 39). Подобные комплексы по составу близки к собственным кладам; к примеру, в упомянутом могильнике Кичи-Ача поминальный инвентарь из двух оградок состоял из удила, парных подпружных пряжек, шестерковидных бляшек, распределителей ремней, пуговиц и ножа. По мнению К.Ш. Табалдиева, оба «восьмикаменных» поминальных сооружения могут быть датированы в пределах VIII–VI вв. до н.э. (Табалдиев, 1996, с. 173–174, рис. 5, 6).

Однако в нашем случае не приходится говорить о том, что Кочкорский клад может происходить из подобной «восьмикаменной» оградки, поскольку дополнительный осмотр места находки клада показал, что он никак не связан с погребально-поминальными памятниками. Поэтому можно твердо констатировать, что перед нами именно клад металлических предметов конской упряжи.

В целом культура раннесакского времени Притяньшанья нам больше известна по кладам металлических изделий, чем по погребальным памятникам, что составляет специфику данного региона в VIII–VI вв. до н.э. Поэтому Кочкорский клад по составу и культурному облику прекрасно вписывается в ряд кладов раннесакского времени указанного

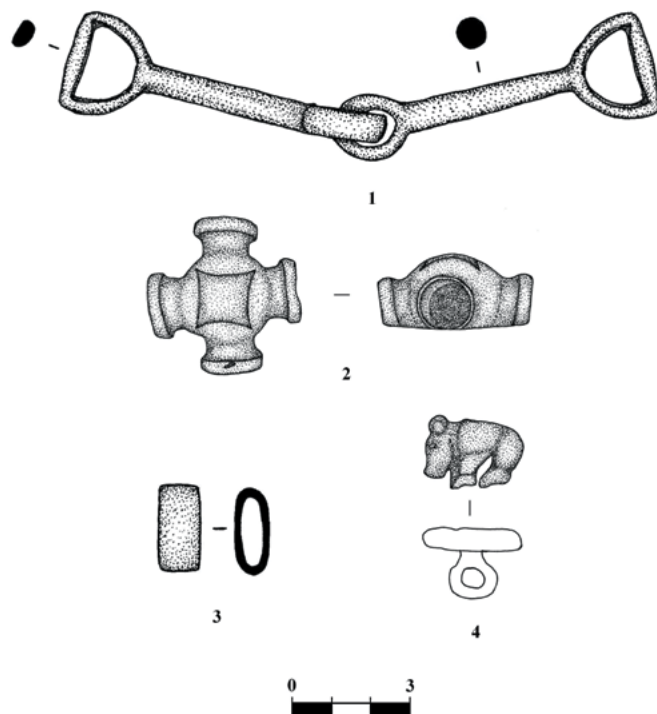


Рис. 1. Предметы Кочкорского клада. 1 – удила; 2 – крестовидный распределитель ремней; 3 – уздечная пронизка-обойма; 4 – фигурка медведя (1, 3, 4 – бронза, 2 – серебро)



Рис. 2. Фигурка медведя с Центрального Тянь-Шаня

Простые стремявидные удила без дополнительного отверстия были широко распространены в культурах кочевников Евразии в раннескифское время (VIII–VI вв. до н.э.), в том числе они были хорошо известны в соседних регионах Средней Азии (Горбунова, 2001, рис. 1, 1, 2, 7, 8), но практически все из них отличаются формой стремявидных окончаний. Исключение составляют две пары удила из Шамшинского клада (Чуйская долина), которые по морфологическим особенностям более всего близки к кочкорским удилам, но у них сетчатый орнамент на стержнях и одно из звеньев второй пары удила имеет дополнительное отверстие на «стремечке». Датировка Шамшинский клад VII – началом VI в. до н.э. (Иванов, 2013, с. 180–181, рис. 1, 7, 10).

Типологически близкие аналогии удилам из Кочкорского клада известны в Горном Алтае (Шульга, 2008, с. 71, 73, рис. 41, 2; 44, 11), Минусинской котловине (Шульга, 2013, с. 27–28, рис. 28, 6) и Туве (Грязнов, 1980, рис. 28, 2–4). Причем в указанных регионах они известны в основном из очень ранних памятников, датирующихся VIII–VII вв. до н.э. Не случайно П.И. Шульга, рассматривая раннескифские уздечные наборы Алтая, выделил их в особый тип 8 – с широким «стремечком» с овальной или округлой вершиной, отметив при этом, что они являются одной из древнейших вариаций стремявидных удила (Шульга, 2008, с. 73). Действительно, в уже сложившемся виде они известны в таком памятнике, как Аржан 1 (Грязнов, 1980, рис. 28, 2–4), датировка которого в настоящее время укладывается в пределы конца IX – VIII в. до н.э. (Боковенко и др., 2002, с. 21).

Поэтому на основании приведенных параллелей удила из Кочкорского клада можно датировать в рамках VIII–VII вв. до н.э.

Не менее интересен для понимания хронологии Кочкорского клада серебряный крестовидный распределитель ремней. Подобные крестовидные распределители ремня были сравнительно широко распространены в конце эпохи бронзы и начале раннего железа и известны от Южной Сибири (Членова, 1967, табл. 17, 22, 23; 1972, табл. 60, 23; Шульга, 2008, рис. 57, 28; 2013, рис. 43, 6, 7), Монголии (Членова, 1972, табл. 60, 25) и Северного Китая (Членова, 1972, табл. 60, 26; Шульга, 2013, табл. 44, 19) до Центральной и Южной Европы (Членова, 1972, табл. 60, 18–21). По-видимому, первоначально они были связаны с развитым колесничеством, и лишь позднее, с развитием всадничества, они стали использоваться в качестве элемента конского снаряжения. Вероятнее всего, подобные предметы могли использоваться для перекрещивания нагрудных ремней (Шульга, 2008, с. 93–94).

Территориально ближайшие крестовидные распределители известны в могильниках Уйгарак и Тагискен в Приаралье. Причем именно из кургана 70 Уйгарака происходит почти идентичный распределитель, с тем лишь различием, что он имеет уплощенную центральную часть, а не выпуклую, как в нашем случае. Отличается также и его декор; в центре квадрата имеется дополнительный кружок, трактуемый в целом как солярный орнамент (Вишневская, 1973, с. 105, табл. XVIII, 33). Другой сходный распределитель отмечен также и в кургане 83 данного могильника, но данный экземпляр вовсе не имеет выпуклой центральной части и представляет собой

региона, это, в свою очередь, говорит о том, что Центральный Тянь-Шань находился в контексте этнокультурных процессов, проходивших в северных предгорьях Тянь-Шаня и Семиречья, где подобные клады сравнительно хорошо известны.

Хронология клада. В связи с тем, что раннесакский период остается до сих пор относительно малоизученным этапом в культурном развитии ранних кочевников Притяньшанья, значительный интерес представляет хронология клада.





перекрещивающиеся трубочки (Вишневская, 1973, с. 105, табл. XIX, 7). О.А. Вишневская датирует отмеченные курганы в пределах VII–VI вв. до н.э. (Вишневская, 1973, с. 120, 122).

Еще один крестовидный распределитель ремней известен также в кургане 55 Тагискена. Он по внешнему облику почти идентичен второму распределителю из Уйгарака. Датируется курган 55 первой половиной VII в. до н.э., чему не противоречат другие предметы погребального комплекса (Итина, Яблонский, 1996, с. 67, 70, рис. 47, 14). В связи с этим можно отметить, что в указанных погребениях Уйгарака были предметы в основном раннескифского облика, поэтому данные погребения скорее можно отнести к VII – началу VI в. до н.э.

Другую относительно близкую параллель крестовидному распределителю из Кочкорского клада удалось отыскать в Тошане на Западном Тибете. Он почти идентичен ему, отличаясь только в деталях; в частности, рельефные валики на боковых трубочках несколько отодвинуты от края, а на центральном рельефном квадрате изображены две короткие рельефные линии (Членова, 1972, табл. 60, 24). Датировка и обстоятельства его находки не совсем ясны.

Таким образом, кочкорский крестовидный распределитель ремней можно датировать в пределах VII – начала VI в. до н.э. При этом он отличается от более ранних аналогичных предметов рядом деталей, самой существенной из которых, на наш взгляд, является орнамент на центральной части подобных предметов. Так, на более ранних он в основном представлен в виде круга, в то время как на более поздних он имеет вид квадрата с заостренными углами, в который часто может быть вписан дополнительно круг – так называемой солярный орнамент, представленный на различных деталях конской упряжи VIII–VI вв. до н.э. на территории от Северного Причерноморья до Южной Сибири (Вишневская, 1973, с. 104; Итина, Яблонский, 1996, с. 58–59). В целом же орнамент в виде простого квадрата, как на кочкорском

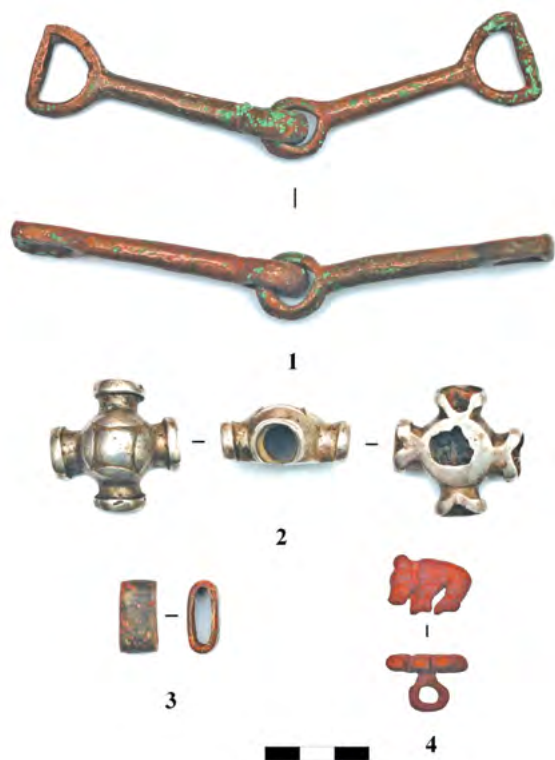


Рис. 3. Кочкорский клад (фотограф П.И. Мокин). 1 – удила; 2 – крестовидный распределитель ремней; 3 – уздечная пронизка-обойма; 4 – фигурка медведя, деталь узда

распределителе, можно считать вариацией данного солярного знака. А само его наличие на нашем распределителе говорит о том, что он представляет собой позднюю вариацию подобного круга.

Определенное значение для датировки Кочкорского клада имеет фигурка медведя, служившая декоративным элементом конской узда. Ближайшая аналогия этой фигурке известна здесь же – на Центральном Тянь-Шане. Это также небольшого размера бляшка с простой петлей на обороте, но гораздо лучшей сохранности (рис. 2). Однако это случайная находка, и вряд ли она может быть использована для уточнения датировки фигурки медведя из Кочкорского клада.

Сходная фигурка медведя с совершенно аналогичной петлей на обороте была найдена в кургане 10 Памирской I на Восточном Памире (Бернштам, 1952, с. 295–296, рис. 128, 4, 6). В настоящее время данное погребение датируется рубежом VIII и VII вв. до н.э. (Рябкова, 2010, с. 239–240).

Другие относительно близкие аналогии фигурке медведя в рамках нашего региона имеются в могильнике Уйгарака в Приаралье. Так, в кургане 34 данного могильника были найдены две стилистически близкие фигурки медведя, причем одна из них на оборотной стороне щитка имела совершенно аналогичную петлю для крепления. О.А. Вишневская датировала это погребение в пределах VI в. до н.э., хотя в то же время она допускала, что оно может датироваться и более ранним временем (Вишневская, 1973, с. 105, табл. XI, 16, 17). Действительно, в погребальном инвентаре данного кургана содержатся архаичного вида стремявидные удила и нет ни одного предмета, датирующегося позже VII в. до н.э.

Итак, исходя из приведенных аналогий фигурка медведя может быть датирована концом VIII – VII в. до н.э.

Что касается уздечной пронизки-обоймы, то подобные предметы также встречаются в раннескифское время в составе конской узда. Так, очень близкие обоймы отмечены в кургане 54 могильника Тагискен в Приаралье, где они были найдены в погребении середины VI – начала V в. до н.э. (Итина, Яблонский, 1996, с. 67, 70, рис. 45, 8). Также крайне сходные наременные обоймы известны в кургане 2 могильника Тасмола V в Центральном Казахстане, который был датирован автором VII–VI вв. до н.э. (Кадырбаев, 1966, с. 319, 323, рис. 16).

Аналогичные уздечные пронизки известны также на Алтае; в частности, в могиле 15 Гилево 10 (Шульга, 2008, с. 88, рис. 5, 1). Относительно их датировки П.И. Шульга отмечает, что уздечные пронизки различных конфигураций получают наибольшее распространение в Казахстане и Саяно-Алтае в VII – начале VI в. до н.э. (Шульга, 2008, с. 87). Видимо, этим же временем может датироваться и пронизка из Кочкорского клада.

Таким образом, на основании приведенных аналогий, когда предпочтение отдавалось территориально ближайшим, Кочкорский клад в целом хорошо укладывается в пределы VII в. до н.э. Этому не противоречат известные хронологические рамки всех четырех предметов клада, хотя, разумеется, они существовали во времена, которые шире предложенной датировки. Впрочем, их сочетание в едином комплексе возможно только в VII в. до н.э. с возможным «заходом» в конец VIII в. до н.э.

В то же время Кочкорский клад, несмотря на четкую культурную взаимосвязь с местными кочевническими культурами раннесакского времени Средней Азии и Казахстана, имеет также значительную близость к раннескифским комплексам Саяно-Алтая, что, в общем, говорит о тесных культурных взаимосвязях с этим регионом в течение всего указанного периода.

В аспекте культурных взаимосвязей значительный интерес вызывает тот факт, что крестовидный распределитель ремней был отлит из серебра – металла, который практически не использовался для изготовления деталей конской упряжи, элементы которой, за редким исключением, изготавливались из бронзы. Однако до проведения металлографического анализа сложно говорить о возможном происхождении данного распределителя. Хотя мы вовсе не исключаем, что он мог попасть на Центральный Тянь-Шань, где не были известны месторождения серебра в рассматриваемое время, в результате культурных контактов.

Итак, Кочкорский клад в целом хорошо вписывается в культурную ситуацию При-тяньшанья VIII–VI вв. до н.э. Клады бронзовых изделий конской упряжи, оружия и бытовых предметов очень характерны для того времени и составляют региональную специфику.





¹ Дополнительный осмотр места находки клада был совершен Бообек уулу Б.

² Косметическая палочка из сурьмы.

³ В настоящее время хранится в частной коллекции известного бишкекского нумизмата и антиквара А.М. Камышева.

Литература

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. — № 26. — М.—Л.: ИАН СССР, 1952. — 346 с.

Боковенко Н.А., Зайцева Г.И., Ван Гил Б., Лебедева Л.М., Семенов А.А. К проблеме хронологии раннетагарских памятников Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье. — СПб., 2002. — Кн. 2. — С. 19–22.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. — М.: Наука, 1973. — 160 с.

Горбунова Н.Г. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии // Древние цивилизации Евразии. История и культура. — М.: Восточная литература, 2001. — С. 179–200.

Иванов С.С. Новый клад бронзовых предметов раннесакского времени из ущелья Шамши // Отечественная археология и этнология: исследования, открытия и интерпретации: Материалы V республиканской научно-практической конференции «V Оразбаевские чтения». — Алматы, 2013. — С. 177–182.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). — М.: РОССПЭН, 1997. — 187 с.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1966. — 435 с.

Рябкова Т.В. Памирская I, курган 10 (к вопросу о культурно-хронологических связях комплекса) // Древние культуры Евразии. — СПб.: Инфо-оп, 2010. — 326 с.

Табалдиев К.Ш. Новые сведения из области духовной и материальной культуры сакского времени Тянь-Шаня // Древний и средневековый Кыргызстан. — Бишкек: Илим, 1996. — С. 172–182.

Табалдиев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. — Бишкек: V.R.S. Company, 2011. — 320 с.

Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. — Бишкек: Илим, 2011. — 274 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. — М.: Наука, 1967. — 300 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. — М.: Наука, 1972. — 248 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Раннескифское время. — Барнаул: Азбука, 2008. — 276 с.

Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова). — Новосибирск: Институт археологии и этнографии, 2013. — 149 с.

Иванов С.С., Бообек уулу Б.

Кочкор жазыгынан табылган ерте сақ дәуірінің жаңа көмбесі (Орталық Тянь-Шань)

Мақала Орталық Тянь-Шаньдағы Кочкор жазыгынан табылган ерте сақ дәуірінің жаңа көмбесінің табылуына арналған. Көмбе қола мен күмістен жасалған атты жегетін төрт құралдан тұрады. Мұндай көмбелер Тянь-Шань өңірінің ерте сақ кезеңінің ерекшелігін құрайды, бірақ Орталық Тянь-Шаньда бұл — осындай олжаның небәрі екіншісі. Көмбенің барлық затына Орталық Азия мен Қазақстанның өзінде, сол сияқты Саян-Алтайдың көшпелілер мәдениетінде ұқсас заттар көп. Мұның барлығы ерте сақ кезеңіндегі осы аймақтардың арасында тығыз мәдени байланыс болғанын куәландырады. Көмбенің кейбір заттары аталған аймақтардан әкелінген импорт болуы ықтимал. Хронологиялық тұрғыдан Қошқар көмбесі б.д.д. VII ғ. әбден толық қаланған. Бұл көмбе қарастырылып отырған уақытта Орталық Тянь-Шань мен Жетісудың (Ыстықкөл өңірін қоса алғанда) этномәдени жақындығы терең болғанын куәландырады.

Ivanov S.S., Boobek uulu B.

A new hoard of Early Saka period from Kochkor valley (Central Tian-Shan)

The article is dedicated to the discovery of a new treasure of Early Saka (Scythian) time from Kochkor valley, Central Tian-Shan. The hoard consists of four artefacts, in bronze and silver, belonging to a horse harness. Such hoards are typical finds of the Early Saka (Scythian) period in Tian-Shan region, but this is only the second one in the central part of the mountain ridge. All objects of the treasure have wide analogies with artefacts from Central Asia, Kazakhstan, as well as the nomadic cultures of the Sayan-Altai region. This fact testifies the tight cultural contacts between these regions in the Early Saka (Scythian) period. It is possible to suggest that some items of the hoard were imported from those regions. Chronologically, the Kochkor treasure can be reliably related to 7th century BC. This hoard attests a deep ethnic and cultural proximity between the Central Tian-Shan and Semirech'e (including the Issyk-Kul valley) in the above mentioned period.

Лукпанова Я.А.

КОМПЛЕКТЫ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ КУРГАНА № 6 КОМПЛЕКСА ТАКСАЙ 1 (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР)

Изучение конского снаряжения относится к значимым направлениям в исследовании культуры ранних кочевников. Узда, являясь одним из главнейших атрибутов кочевого мира, отражает разные стороны культуры, свидетельствует об уровне коневодства, помогает датировать памятники, позволяет выделить локальные особенности культуры.

Предметы узды, в отличие от керамического комплекса, встречаются не во всех погребениях ранних кочевников, это не массовая категория инвентаря. Так, например, в Нижнем Поволжье они встречаются в 6% от общего числа погребений, в Южном Приуралье — в 13,2% (Очир-Горьева, Дворниченко, 2006, с. 236).

Определенный интерес представляет анализ комплектов конского убора из комплекса Таксай 1 кургана № 6 (рис. 1), который насчитывает тридцать семь предметов.

Летом 2012 г. близ с. Долинное на территории Теректинского района Западно-Казахстанской области археологический отряд областного центра истории и археологии под руководством научного сотрудника Я. А. Лукпановой провел раскопки курганов № 3, 4, 6 комплекса Таксай I (Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 99). В результате раскопок кургана № 6 был получен важный во многих отношениях материал, по количеству и разнообразию уникальных изделий из драгоценных металлов, дерева, бронзы, найденных здесь, сложности погребальной конструкции он вполне может соперничать с богатыми скифскими и сакскими захоронениями.

В плане курган имел округлую форму с современным диаметром 41 м, высотой от дневной поверхности до 1 м. На периферии кургана наблюдались два кольцевых вала из желтой материковой глины, ближе к центру фиксировались мощный провал и остатки деревянной подкурганной конструкции, возведенной на погребенной почве над ямой, расположенной по центру (рис. 2). Яма была перекрыта двойным деревянным накатом из тополя, лежавшим на поперечных балках, выложенных вертикально у северной и южной стен ямы. Верхний слой наката покрывал всю яму, бревна были уложены в направлении СЗ–ЮВ, они лежали правильными параллельными рядами. В центральной части ямы был зафиксирован столб в 1,5 м к югу от нулевого репера и в 1,85 м к западу, диаметром 0,15 м, который возвышался над накатом. Диаметр бревен наката от 0,1 до 0,25 м.

Комплекты конской узды (5 экз.) из кургана № 6 были выявлены в центральном погребении, они представлены удилами с псалиями, налобниками, распределителями ремней, различными бляшками, ворворками, пронизьями и т.д.

Отдельные элементы узды были выявлены в насыпи кургана в юго-западном секторе (тройник, псалий) (рис. 3, 1,2), в заполнении ямы (распределитель) (рис. 3, 3) и в ритуальном комплексе (наносник) (рис. 3, 4, рис. 11, 4).





Распределителей ремней в четырех комплектах насчитывается семь экземпляров, к ним мы добавили распределитель из заполнения ямы. Они разные по форме и делятся на четыре вида:

1. Распределители в виде полого усеченного кубического предмета с четырьмя сквозными подпрямоугольными отверстиями для продевания ремней, расположенными по четырем сторонам напротив друг друга. Навершие предметов – шляпка, округлая по форме. Сквозные отверстия распределителей ремней выполнены в виде подпрямоугольных фигур, разделенных перегородками. Основание изделий квадратное. Размеры распределителей: высота от 1 до 1,2 см, диаметр шляпки от 3 до 3,5 см. Распределителей данного вида всего четыре, три из которых от комплекта № 1 и один от комплекта № 2. Аналогичные распределители происходят из могильников Мечет-сай, курган № 2 (Степи европейской части..., 1989, табл. 67, рис. 36, 37), Сара, курган № 7, Пятимары, курган № 8, Покровка, курган № 1 (Смирнов, 1964, рис. 16, 18; 27, 3; 35, 6, з).

2. Распределитель представляет собой уплощенный со всех сторон цилиндр, высота которого 1,5 см. Верхний щиток выпуклый, нижний щиток (основание) подквадратной формы – 1,3 см. Боковые отверстия овальные, вытянутые сверху вниз, перемычки между верхним и нижним щитками в центральной части тонкие и несколько выгнуты наружу, отчего имеют бочонковидную форму. Он представлен одним экземпляром и обнаружен в комплекте № 2. Прямые аналогии данному распределителю мы находим в могильниках Мечетсай, курган № 2, Пятимары, курган № 8 (Смирнов, 1961, рис. 55, 5; Смирнов, 1964, рис. 27, 10).

3. Два изделия в виде стилизованного вертикально-скульптурного изображения загнутого когтя хищной птицы от комплекта № 3. Первое представляет собой полый трапециевидный предмет с четырьмя сквозными подпрямоугольными отверстиями для продевания ремней, расположенными по четырем сторонам напротив друг друга. Сквозные отверстия распределителя ремней выполнены в виде вытянутых под-

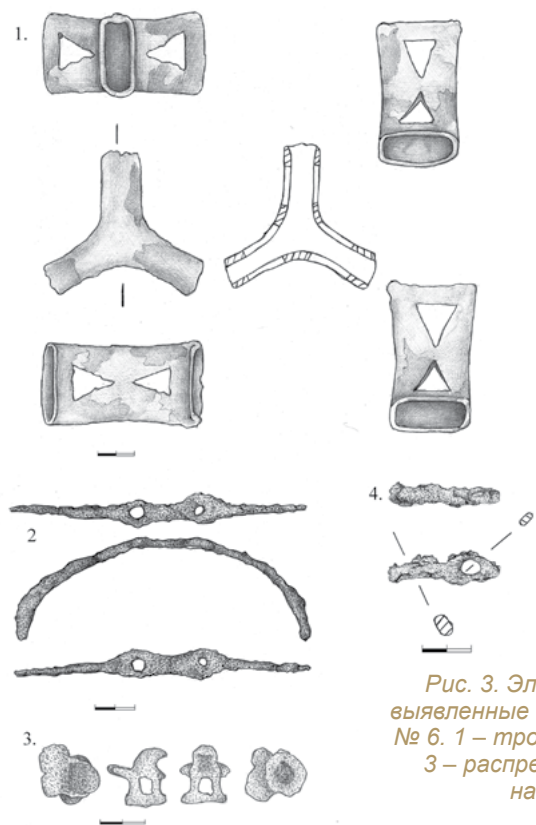


Рис. 3. Элементы узды, выявленные в насыпи кургана № 6. 1 – тройник; 2 – псалий; 3 – распределитель; 4 – наносник



Рис. 4. Комплекты узды, обнаруженные на бревенчатом перекрытии центральной могилы кургана № 6. 1 – узда № 1; 2 – узда № 2; 3 – узда № 3; 4 – узда № 4

прямоугольных фигур, разделенных перегородками. Основание изделия округлое. Высота 2,7 см. Второе плохой сохранности, фрагментированное, сохранилось навершие распределителя в виде загнутого когтя хищной птицы. Данный вид распределителя характерен для снаряжения коня у ранних кочевников Южного Приуралья, их аналогии мы находим в могильниках Бес-Оба, курган № 4 (Кадырбаев, 1984, рис. 1, 4, 6), Пятимары, курганы № 6, 8 (Смирнов, 1964, рис. 26–28), Сынтас-1, курган № 1 (Кадырбаев, Курманкулов, 1976, рис. 1, 2).

4. Распределитель в виде стилизованного скульптурного изображения головы птицы с загнутым клювом и горизонтальным хвостом на круглом основании с боковыми отверстиями для ремней. Обнаружен в заполнении ямы, один экземпляр. Хвост фигурный, расположен перпендикулярно голове птицы. Высота 2,5 см. Подобный распределитель был обнаружен в курганах № 4, 6 Пятимары 1 (Смирнов, 1964, рис. 29, 4 г; 32, 1з).

Ворворки происходят из комплекта № 1, их два экземпляра; высокие, массивные, бронзовые, конической формы. Высота 2,2 см, толщина стенок 0,4 см, диаметр по основанию – 3,5 см. Аналогичные ворворки были выявлены в кургане № 15 комплекса Кырык-Оба II (Гуцалов, 2010, рис. 3, 4).

Уздечные бляхи представлены двумя экземплярами в виде диска диаметром 3,5 см из комплекта узды № 1 и лавровидной формы длиной 6,5 см, шириной на месте максимального расширения 3 см из комплекта № 2. Функциональная часть предметов расположена на тыльной стороне, в центральной части предметов припаяна широкая петелька, прямые аналогии таким бляхам выявлены в кургане № 18 могильника Кырык-оба II (Гуцалов, 2010, рис. 6, 2–5).

Два экземпляра налобных блях в виде вытянутого клюва хищной птицы, слегка загнутого вниз, на поверхности которых отсутствуют какие-либо изображения, происходят из комплектов № 3, 4. Налобник из узды № 3 в результате воздействия высокой температуры деформировался, согнулся, массивное кольцо на обороте утеряно. Внешняя сторона налобника из комплекта № 4 декорирована валиком по всей длине изделия, сгибающимся по форме бляхи. Функциональная часть предметов расположена на тыльной стороне, к широкой части предмета припаяно массивное кольцо. Длина 6,5 см. К этому типу можно отнести два экземпляра блях, обнаруженных в кургане № 2 могильника Мечет-Сай (Смирнов, 1961, рис. 55, 7), Кырык-Оба II, курган № 2 (по: Мышкин, 2014, рис. 2, 1). Данные уздечные принадлежат традиционному рассматривались как налобники, но по предположению В.Н. Мышкина,





«данные изделия могли использоваться в нескольких частях узды и, вероятно, выполняли при этом разные функции». Бляшки такого типа датированы исследователями временем в пределах конца VI – первой половины V в. до н.э. (Мышкин, 2014, с. 606).

После снятия бревенчатого перекрытия у западной стенки ямы на дне могилы был обнаружен комплект конской узды № 5 (рис. 9), состоящий из удила, трех псалиев, одной уздечной бляхи, двух налобников и распределителя (рис. 10).

В отличие от предыдущих комплектов удила узды № 5 с кольчатыми окончаниями литые, железные, состоят из двух звеньев; они относятся к редкому типу удила в Южном Приуралье (рис. 10, 1). Похожие удила были обнаружены в кургане у с. Сара (Смирнов, 1961, с. 82). К.Ф. Смирнов отмечает, что, вполне вероятно, это влияние идет через Среднюю Азию из Ирана; такие удила были характерны для ахеменидского периода (Смирнов, 1961, с. 83). Аналогичный тип удила из бронзы известен в ранних памятниках Северного Кавказа (Смирнов, 1961, с. 79) и Алтая.

Псалии представлены тремя экземплярами, изготовлены из железа (рис. 10, 2). Изделия двудырчатые, в форме прямого стержня с зооморфно оформленными окончаниями. Концы псалия выполнены в виде скульптурных изображений протом двух орлиных грифонов, развернутых в противоположные стороны по принципу зер-

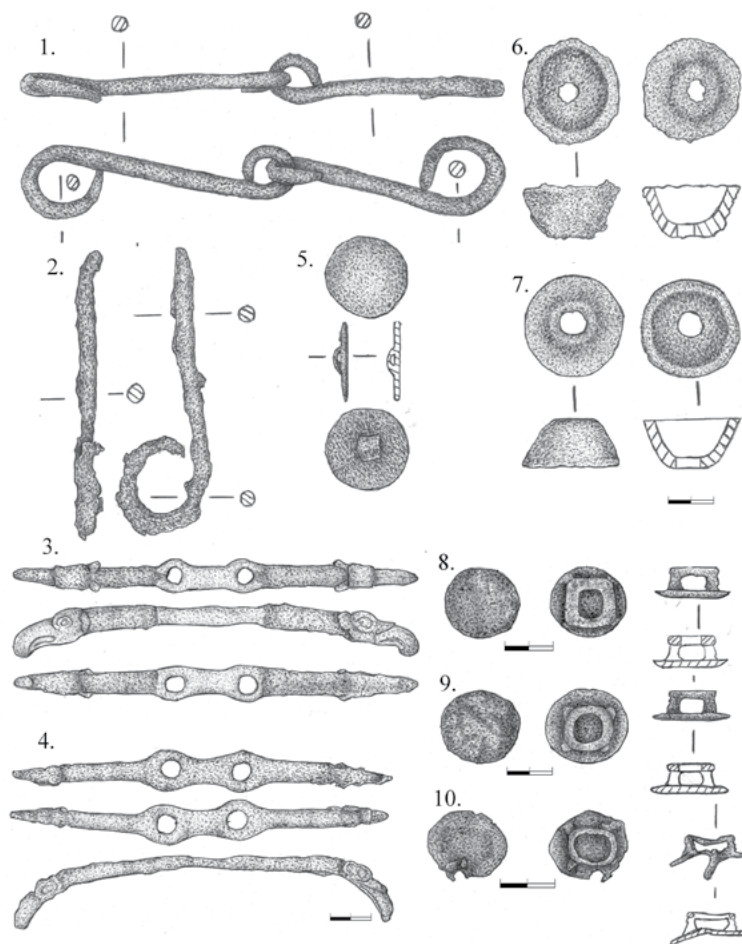


Рис. 5. Комплект узды № 1. 1 – удила; 2 – фрагмент удила; 3 – псалий биметаллический; 4 – псалий; 5 – уздечная бляха; 6, 7 – ворворка, 8–10 – распределители ремней. 1, 2 – железо; 3 – железо, бронза; 4–10 – бронза

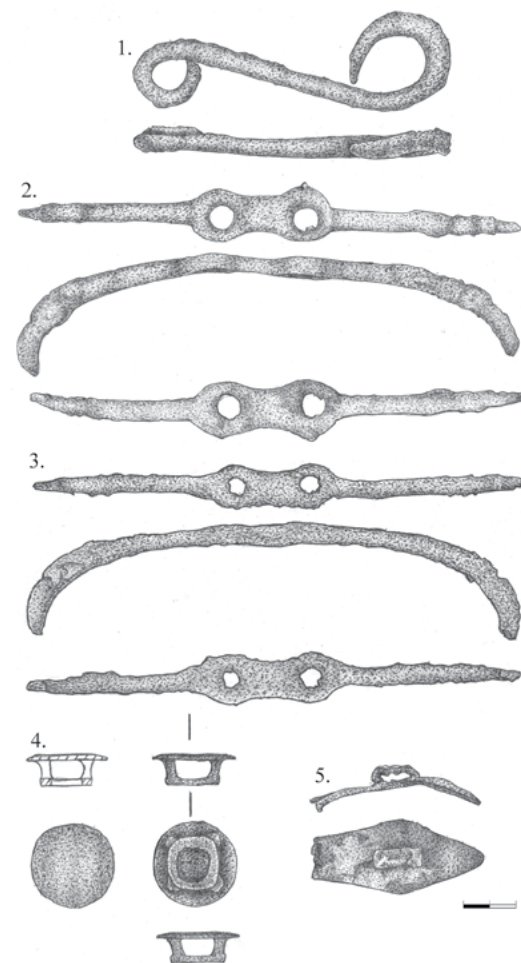


Рис. 6. Комплект узды № 2. 1 – удила (звено); 2 – псалий; 3 – псалий; 4 – распределитель ремней; 5 – уздечная бляшка. 1 – железо; 2–5 – бронза

оформленными окончаниями. Концы псалия выполнены в виде скульптурных изображений протом двух орлиноголовых птиц, развернутых в противоположные стороны по принципу зеркальной симметрии. Изделие обнаружено в юго-западном секторе в 2 м на юг и в 1 м на запад, на глубине 1 м от репера на уровне древнего горизонта. Длина псалия 19,5 см.

Наносник представлял собой небольшой плоский предмет с круглым поперечным отверстием. Изделие выполнено в виде стилизованной головы хищной птицы. Аналогичные изделия были обнаружены в могильниках описываемого региона единичными экземплярами: Бес-оба, курган № 4 (Кадырбаев, 1984, рис. 1, 5), Пятимары, курган № 4 (Смирнов, 1964, рис. 21, 1л), Мечет-сай, курган № 2 (Смирнов, 1961, рис. 55, 8). К этому можно дополнить десять наносников, обнаруженных на Алтае и прилегающей части Восточного Казахстана. П.И. Шульга отмечает, что наносники встречаются редко, они бывают маленького размера и имеют соответствующий диаметр отверстия – 7 мм (Шульга, 2008, с. 89).

Таким образом, материал рассмотренных комплектов узды из кургана № 6 достаточно однороден (псалии, бляшки, налобники и т.д.) и доказывает принадлежность

кальной симметрии. Сквозные отверстия псалий круглые, диаметром 0,6–1 см, расположены на расстоянии 3–3,5 см друг от друга. Стержни в сечении выражены по-разному: на промежутке, занимаемом сквозными отверстиями, уплощенные в виде восьмерки. Уздечная бляха, два налобника и распределитель аналогичны одноименным предметам из комплектов № 1–4 (рис. 10, 3).

Помимо пяти комплектов узды мы упоминали об отдельных элементах узды, обнаруженных в насыпи кургана в юго-западном секторе: это тройник, псалий и наносник.

Распределитель-тройник представляет собой массивный трехрожковый предмет. Лицевая и тыльная стороны тройника ровные, без декора и изображений. На двух боковых сторонах рожков тройника вырезаны горизонтальные фигуры в виде равнобедренных треугольников, вершинами направленными к центру распределителя. Прослеживается четкая симметрия в декоре. Отверстия для продевания ремней подовальной формы. Тройник был обнаружен на глубине 0,45 м от высшей точки насыпи кургана. Аналогичные тройники происходят из раннескифского комплекса Тасмола-5 и раннесарматского курганного комплекса Кырык-оба-II, курган №15 (Гуцалов, 2010, рис. 3, 3).

Псалий, дугообразной формы, двудырчатый с зооморфно



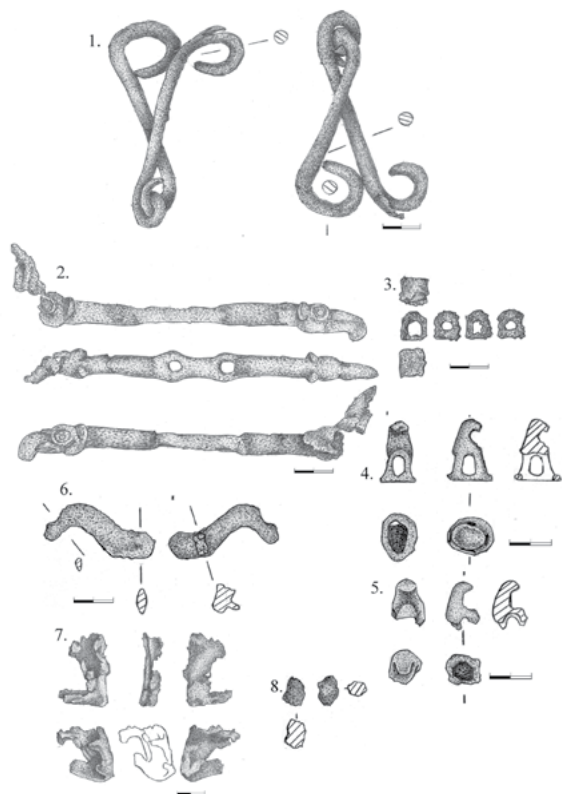


Рис. 7. Комплект узды № 3. 1 – удила; 2 – псалий; 3 – распределитель; 4 – распределитель; 5 – фрагмент распределителя; 6 – налобник; 7, 8 – фрагменты расплавленных бронзовых изделий. 1 – железо; 2 – железо, бронза, 3–8 – бронза

тройника, который мог служить приспособлением для пропускания вожжей, как это видно на примере ассирийских повозок (Шульга, 2008, с.48) и учитывая особенности расположения четырех комплектов узды на могильном перекрытии, мы считаем возможным предположить, что ранние кочевники при сооружении погребальной камеры имитировали загробную колесницу. Судя по сюжету рисунка на гребне из ритуального комплекса, где изображена колесница (Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 144), такой вид транспорта был знаком ранним кочевникам Южного Приуралья. Мы не исключаем влияние Ближнего Востока, колесница там играла важную роль и в идеологическом плане. Будучи боевым средством высших слоев общества, обладая большой силой воздействия на противника, колесница сакрализировалась. Она служила и для парадных выездов правителей, и для охоты тех же правителей, несомненно, также обладала сакральным значением. Наконец, она «сопровождала» правителей в загробную жизнь.

Что касается комплекта № 5 с предметами конской узды, обнаруженной в могиле, то интересен тот факт, что данная узда относится к категории профанной «бытовой» узды (Очир-Горяева, Дворниченко, 2006, с. 240), которую положили непосредственно в могилу среди личных вещей погребенной в западной части ямы, там, где находился основной инвентарь, принадлежащий погребенной.

памятника к кругу древностей Южного Приуралья. Все экземпляры вписываются в период конца VI– начала V в. до н.э. Рассматриваемые комплекты узды коня имеют ряд признаков, специфичных для Южного Урала. Образцы аналогичны с материалами памятников региона и тесно связаны с элементами конской узды из элитных погребальных комплексов Южного Урала. В то же время прослеживаются признаки, соответствующие алтайским древностям.

Существуют различные формы участия коня в погребальной обрядности ранних кочевников Южного Приуралья. В курганах часто находят целые захоронения полных скелетов коней, выкладки на погребенной почве черепов лошадей, отдельные кости скелета лошади под насыпью кургана. Встречаются случаи, когда в погребальном обряде кочевников символически обозначают наличие коня, разместив в сакральном пространстве погребального комплекса предметы конского снаряжения (Ушаков, 2013, с.64).

Исходя из наличия в кургане № 6 распределителя

Литература

Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2007. – № 2 (30). – С. 75–92.

Гуцалов С.Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-оба II в Западном Казахстане // РА. – 2010. – № 2. – С.51–66.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С.84–93.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976. – С.137–156.

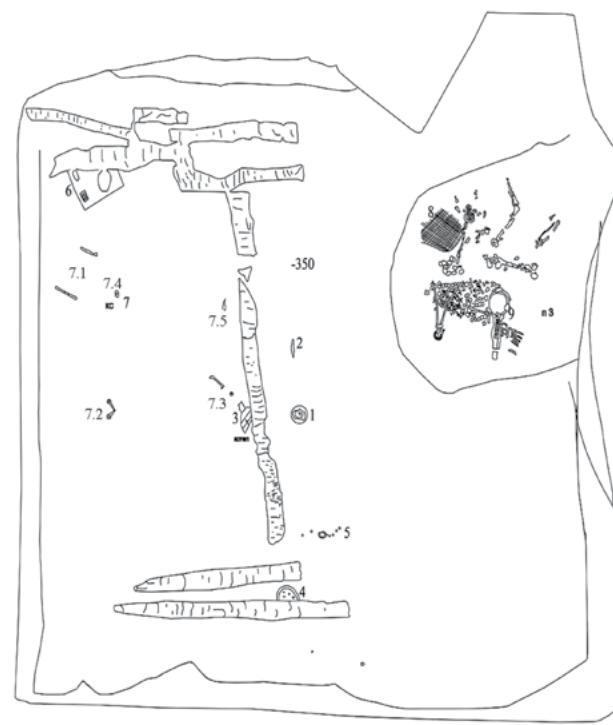


Рис. 9. Комплект узды № 5. 1 – удила; 2–4 – псалии; 5 – уздечная бляха; 6 – распределитель; 7, 8 – налобники. 1 – железо; 2 – железо, бронза, 3–8 – бронза

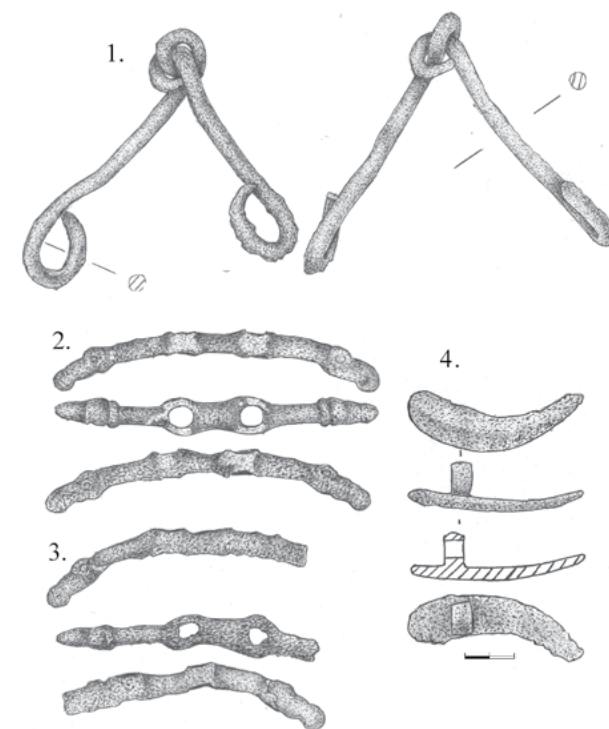


Рис. 8. Комплект узды № 4. 1 – удила; 2, 3 – псалии; 4 – налобник. 1 – железо; 2–4 – бронза



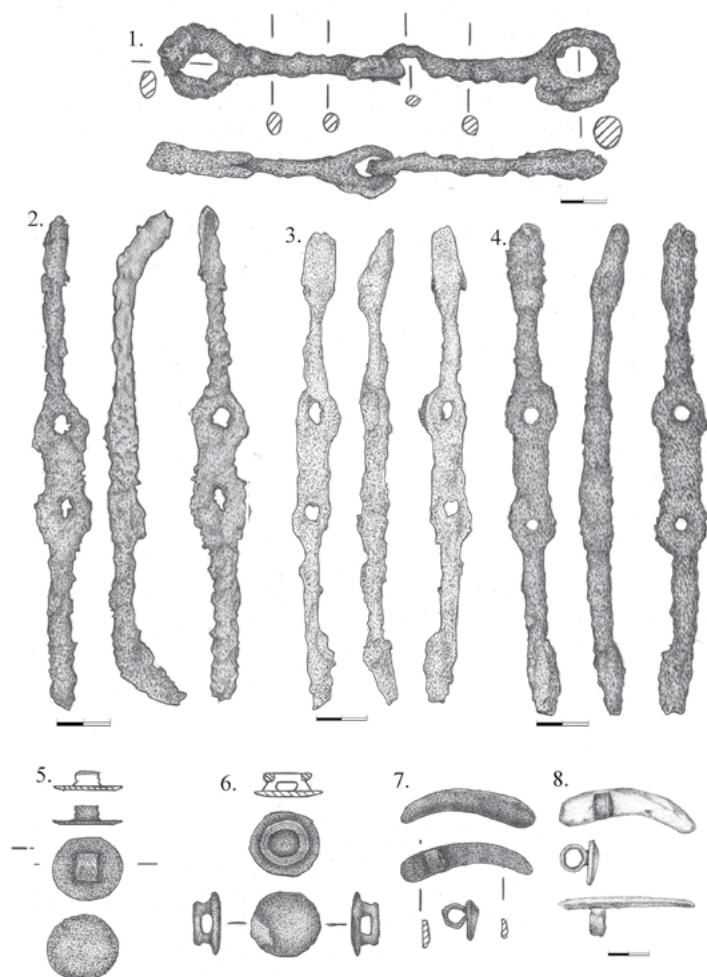


Рис. 10. Комплект узды № 5. 1 – удила; 2, 3, 4 – псалии; 5 – уздечная бляха; 6 – распределитель; 7, 8 – налобники. 1 – железо, 2 – железо, бронза, 3–8 – бронза

Мышкин В.Н. Псалии с окончаниями в виде голов хищных птиц у кочевников Самаро-Уральского региона // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16. – № 3. – С. 308–313.

Мышкин В.Н. К проблеме типологии одной группы уздечных бляшек у кочевников Южного Урала в скифское время // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16. – №3(2). – С. 605–610.

Очир-Горяева М.А., Дворниченко В.В. Особенности расположения предметов узды в погребальных комплексах (по материалам могильника Кривая Лука) // Нижневолжский археологический вестник. – 2006. – Вып. 8. – С. 236–245.

Сдыков М.Н., Лукпанова Я.А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай I). – Уральск, 2013. – 292 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – М., 1961. – 161 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М., 1964. – 377 с.

Стародубцев М.В. Комплекс конского снаряжения Переволочанского курганного могильника (по материалам раскопок 2007 года) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 32 (170). – Вып. 35. – С. 29–33.

Стародубцев М.В. К хронологии двух типов петельчатых удилов у ранних кочевников Южного Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 2 (17). – С. 51–60.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – 464 с.

Таиров А.Д. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничного. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 76–91.

Ушаков А.М. Символизация коня в погребальном ритуале ранних кочевников Южного Урала в V–IV вв. до н.э. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Т. 13. – № 165. – С. 64–70.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Ч. 1: Раннескифское время. – Барнаул: Азбука, 2008. – 276 с.

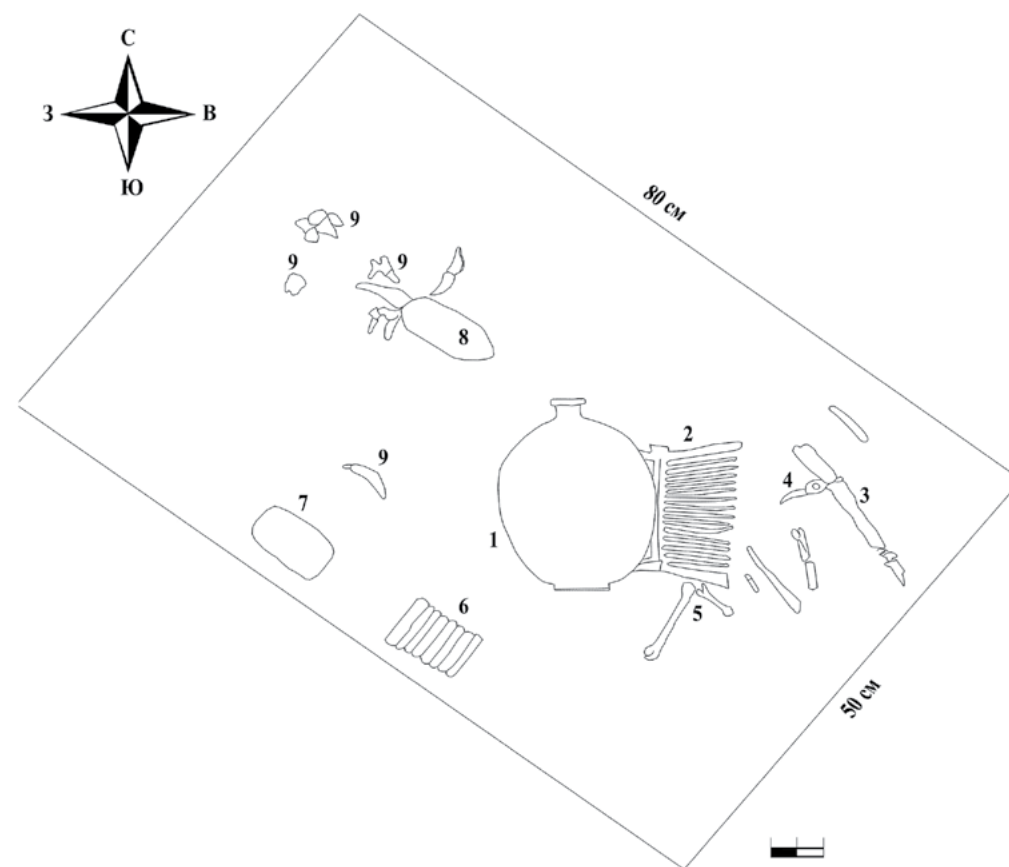


Рис. 11. Ритуальный комплекс. 1 – сосуд; 2 – гребень; 3 – нож; 4 – наносник; 5 – кости конечности волка; 6 – ступка; 7 – терочник; 8 – галька; 9 – зубы и клыки волка



Лукпанова Я.А.

**Тақсай I кешенінің № 6 обасындағы ат-әбзелдері
(қосымша шолу)**

Аталған жұмыста Батыс Қазақстан облысы Теректі ауданындағы 1 Тақсай обасынан табылған материалдар негізінде Орал өңірінің оңтүстігіндегі ерте көшпенділердің ат әбзелдері қарастырылады. Мақалада 2012 жылғы зерттеулер кезіндегі № 6 обадан табылған осы және шектес аймақтардағы көптеген ескерткіштер арасында ұқсастығы бар 37 шақты ер тұрман саймандарына сараптама жасалады.

Аталған жәдігерлер б.з.б VI ғасырдың аяғымен және V ғасырдың басына жатады. Қаралып отырған ат әбзелдері Оңтүстік Оралға тән белгілері бар. Оның үлгілері Облыс материалдар мен ескерткіштері ұқсас Оңтүстік Орал элиталық жерлеу кешендерінің ат әбзелдерімен элементтері тығыз байланысты. Сонымен қатар Алтайдың ежелгі жәдігерлеріне сай белгілері көрінеді.

Қабырдың жабының үстінде 4 ат әбзелдерінің жиынтығының орналасу ерекшелігіне қарап, ежелгі көшпенділер қабыр қабырғаларын тұрғызып кезде о дүниеде арбаны елестеткен. № 5 ат әбзелі жиынтығы жерленімнің жеке заттарына тиесілі тұрмыстық ат әбзелі категориясына жатқызылады.

Lukpanova Ya.A.

**The sets of horse harness from mound no. 6 of the complex Taksai 1
(preliminary review)**

In the given work the parts of the early nomads' harness are being examined. The early nomads came from the southern part of the Ural riverside. The harness was taken from the mound complex Taksai 1, situated in Terektinski district in Western Kazakhstan oblast. In this article there is an analysis of the harness which was found in 2012 while exploring the mound No. 6 counting more than thirty-seven items of bridle sets having similarities with wide range of the monuments of our region and its neighbouring territories.

All the given items refer to the period from the end of the sixth century to the beginning of the fifth century BC. These sets have a row of the signs which are specific for the Southern Ural. Its samples are similar to the materials of the monuments of the region and closely connected with the elements of the harness from the mound complexes of the best quality in the Southern Ural. But at the same time you can find the signs which are appropriate to Altai ancient things.

Considering the peculiarities of location of four complexes of bridles on the grave, it is possible to suppose that early nomads imitated the hearse while building the place for burying. Bridle complex No. 5 is referred to the category of the «everyday» bridle, belonging to the personal things of the buried woman.

Мамедов А.М.

**ПОДБОЙНЫЕ МОГИЛЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ
ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ КОНЦА VI–V В. ДО Н.Э.**

Анализ погребального обряда ранних кочевников Южного Приуралья показывает разнообразие типов могильных ям, что объясняется, вероятно, разнонаправленными связями этих племен и особенностями формирования их культуры на основе разных этнических компонентов.

Одним из типов могильных конструкций, применявшихся в погребальной практике населения Южного Приуралья, являются подбойные погребения. Основное время их распространения, как и круговой планировки могил и южной ориентировки погребенных, начинается с IV в. до н.э. (Смирнов, 1964, с. 82). На территории Южного Приуралья в небольшом количестве подбойные погребения появляются уже в конце VI – V в. до н.э. Из числа раскопанных в разное время и опубликованных погребений савроматской эпохи к этому типу можно отнести десять погребений. В статье автором приведена характеристика данного типа могил, предпринята попытка их типологии, проведен сравнительный анализ, аргументирована датировка.

В сарматской археологии со времени выхода работы К.Ф. Смирнова, посвященной проблеме типологии и происхождения подбойно-катакомбных погребений

(Смирнов, 1972), интерес к данной тематике не затухает. Подбойные, катакомбные и дромосные могилы, получившие широкое распространение в погребальной практике древнего населения Южного Урала, относятся к одной из разновидностей камерных могильных конструкций. Термин «камерные могилы» («kammergrab») после его первого упоминания в 1927 г. П.Д. Рау прочно вошел науку (Смирнов, 1972, с. 73).

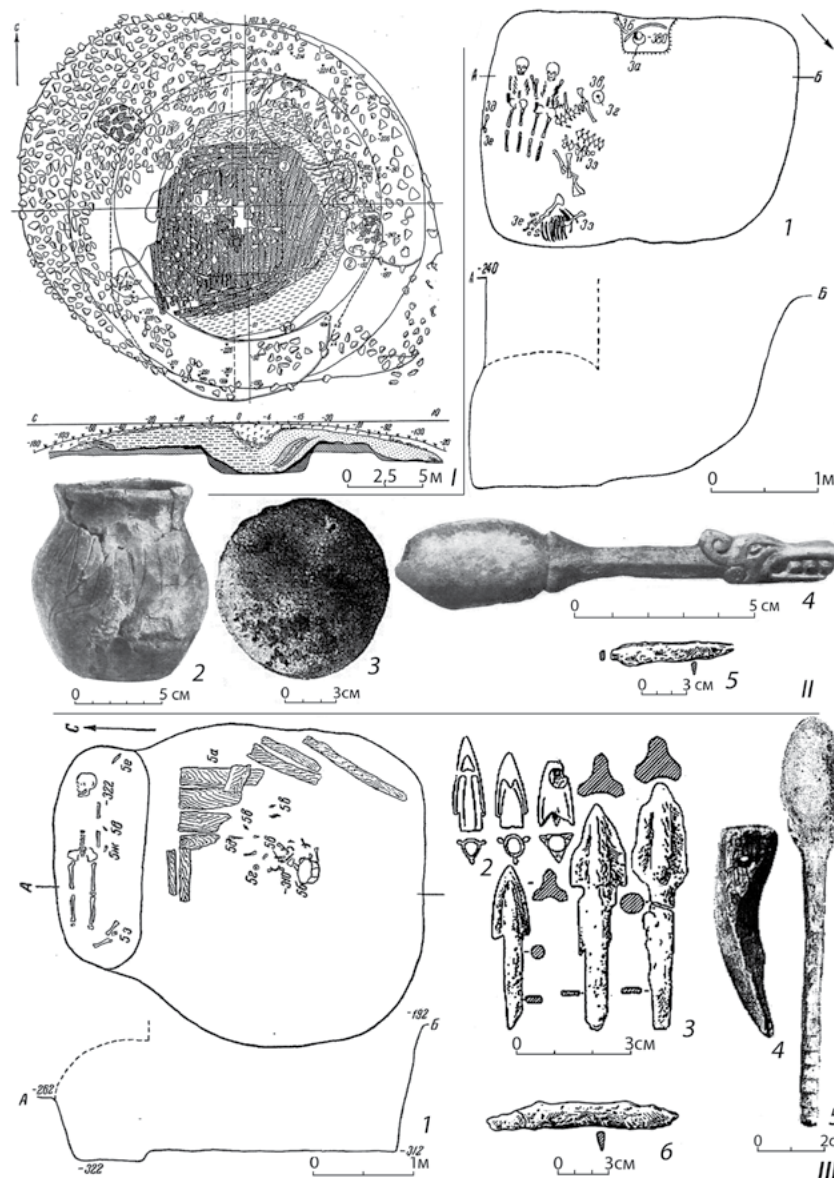


Рис. 1. Могильник Пятимары I, курган 4. I – план кургана и разрез бровки. II – погребение 1. 1 – план и разрез погребения; 2 – глиняный сосуд; 3 – бронзовое зеркало; 4 – костяная ложка; 5 – железный нож. III – погребение 2. 1 – план и разрез погребения; 2 – бронзовые наконечники стрел; 3 – железные наконечники стрел; 4 – подвеска из кабаньего клыка; 5 – костяная ложка; 6 – железный ножик. Все по: Смирнов К.Ф., 1964; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963





На территории Южного Приуралья автором учтены десять подбойных погребений, датирующихся в пределах конца VI – V в. до н.э. Большая часть их приурочена к бассейнам рек Урал и Илек, лишь курганная группа у с. Липовка исследована в бассейне р. Самара. Как правило, эти комплексы располагаются глубоко в степи на водораздельных сыртах (Пятимары I, Мечетсай, Липовка (Шиханы), Кырык-Оба II и Лебедевка VI), редко – на первых надпойменных террасах (Покровка 10). Памятники, где зафиксированы подбойные погребения, являются в основном крупными могильниками, включающими более десяти курганов. Насыпи половины курганов, содержащих захоронения в могилах с подбоями, имеют высоту около одного и более метра при диаметре от 18 до 40 м. В двух случаях насыпи курганов были окружены рвами.

Абсолютное большинство насыпей, где обнаружены подбойные погребения, воздвигнуты из земли, только в двух случаях при строительстве курганов использован камень (Пятимары I, к. 4; Мечетсай, к. 2). Камни укладывались в виде панциря, перекрывавшего насыпь полностью или частично, а также каменных колец, окружавших погребальную площадку. Вокруг подкурганной площадки мог быть сооружен глиняный вал. Такие случаи зафиксированы под насыпями двух курганов могильника Кырык-Оба II. Вероятно, каменным кольцам и глиняным валам в процессе строительства кургана придавалось одинаковое значение. На территории Южного Приуралья известны также комплексы, где под одной насыпью совмещены каменные кольца и глиняные валы (Гуцалов, 2007, с. 92, рис. 3, 1). На древней поверхности двух курганов отмечен настил из растительной органики. В трех случаях вокруг курганов зафиксированы рвы.

Почти обязательным элементом погребального обряда многих курганов являются остатки тризны. Половина рассматриваемых курганов содержит следы тризны в виде костей домашних животных, сосудов. Остеологический материал представлен костями лошади, мелкого и крупного рогатого скота при абсолютном доминировании первого. Остатки тризны в основном обнаружены в толще насыпи и на уровне древней погребенной почвы, редко – во рву.

В двух случаях в насыпи курганов фиксировались кострища (Мечетсай, к. 2; Липовка, к. 9). Огненный ритуал зафиксирован также в виде сожжения наземных конструкций в курганах 2 и 18 могильника Кырык-Оба II.

В рассматриваемых курганах отмечены и другие элементы ритуальных действий – вырытые в материке канавы и ямы. Оба эти признака редкость для памятников Южного Приуралья. Так, в кургане 4 могильника Пятимары I с южной и восточной сторон основного погребения были вырыты две глубокие и широкие канавы. На дне канав зафиксирован тлен от коры и травы, под которыми обнаружены кости животных и яичная скорлупа (Смирнов, 1975, с. 19). Такие же ямы были открыты в курганах 2 и 18 могильника Кырык-Оба II. В углублениях кургана 2 были найдены кости лошади. Авторы, к сожалению, не указывают размеры ям, места их размещения на подкурганной площадке и характер связи с погребениями, выявленными в данном кургане (Смаилов, Сейткалиев, 2009, с. 180). В кургане 18 яма содержала комплект конской сбруи, не менее трех уздечек верховых коней. Сюда входили S-видные псалии, различные бляшки и ворворки (Гуцалов, 2010, с. 58). Яма обнаружена под южной полкой кургана, имела диаметр 0,6 м, глубину 0,3 м от уровня погребенной почвы. Под насыпью этого же кургана, у южного основания было зафиксировано ритуальное место в виде скопления сотни черных ритуальных галек, лежавших вместе с фрагментами лепного сосуда. Под ними находились шлак, кости крупного рогатого скота и лошади (Гуцалов, 2010, с. 58).

Из рассматриваемых подбойных погребений только два являются основными. При этом все они выявлены под курганами небольших размеров (Покровка 10, к. 35; Лебедевка VI, к. 5). Диаметр насыпей этих курганов составлял 12–12,5 м, высота 0,16–0,25 м. Число основных погребений можно увеличить, если рассматривать подбойные погребения курганов могильника Пятимары I, Мечетсай, Липовка и Кырык-Оба II как относительно единовременные. К таковым отнесены семь погребений. Доля впускных погребений незначительна. На территории Южного Приуралья только одно погребение кургана 40 могильника Лебедевка VI является впускным.

Число основных погребений камерного типа можно увеличить, если отнести к ним некоторые катакомбы. Следует отметить, что на факт наличия относительно

единовременных или близких по времени погребений в комплексах Южного Приуралья обратили внимание еще К.Ф. Смирнов, М.К. Кадырбаев, Б.Ф. Железчиков и С.Ю. Гуцалов. К.Ф. Смирнов еще при раскопках памятников Илека и Ори (Пятимары I, к. 4; Мечетсай, к. 2; Ново-Кумакский, к. 26) указывал на короткий промежуток времени между совершениями основных и впускных погребений (Смирнов, 1975, с. 22–23, 90–91; 1977, с. 42). Б.Ф. Железчиков также отмечал наличие в комплексах IV–III вв. до н.э. «относительно одновременных захоронений» (Железчиков, 1997, с. 28–29). В качестве примера можно привести еще один памятник на р. Илек. В кургане 1 могильника Сынтас два погребения воинов (1 и 3) являлись единовременными и сопровождали центральное захоронение (Кадырбаев, Курманкулов, 1976, с. 142–143, рис. 1). Еще один комплекс с относительно единовременными могилами выявлен на р. Урал. Так, в кургане 18 могильника Кырык-Оба II наряду с рассматриваемым в данной статье погребением (к. 18, п. 4) были обнаружены еще два погребения. В процессе раскопок данного кургана удалось установить, что земля, извлеченная из двух погребений, лежала над глиняным валом, окружавшим погребальную площадку, третья могила находилась под ним (Гуцалов, 2010, с. 55–61).

Таким образом, на территории Южного Урала выявлены факты, когда центральные погребения сопровождались захоронениями зависимых людей, как в вышеуказанном могильнике Сынтас. В данном случае воины находились непосредственно у могильной ямы. Другой пример: в кургане 26 Ново-Кумакского могильника в подбойной могиле женщины и ребенка были погребены два «стражника». Причем один находился в общей погребальной камере, другой – во входной яме. Кроме того, второй «стражник» был уложен в засыпь входной ямы в процессе погребения, о чем свидетельствует оседание костей в мягкую засыпь (Смирнов, 1977, с. 40–42, рис. 17, 2). Эти погребения можно отнести к разряду одновременных.

Вторая группа погребений была отнесена к относительно единовременным. На это указывает тот факт, что они не нарушают центральные захоронения, находятся на площадках, окруженных каменными кольцами или глиняными валами, а также сходство поз погребенных и их ориентировки, близость облика сопровождающего инвентаря. Устройство других боковых могил происходило постепенно. Стратиграфические наблюдения, сделанные в кургане 18 могильника Кырык-Оба II, показали, что насыпь была возведена после совершения всех погребений. Возможно, с относительно единовременными погребениями связаны дальнейшие процессы возведения надмогильных сооружений (каменные кольца, глиняные валы и т.д.), ограждавшие семейную или клановую погребальную площадку. Видимо, появление такого признака погребального обряда ранних кочевников Южного Приуралья, как круговая планировка могил, связано со стремлением использовать курган как место погребения родственников. И эта традиция берет начало с конца VI – V в. до н.э. К погребениям с кругово-центрическим расположением вокруг основного, вероятно, можно отнести шесть погребений (Пятимары I, к. 4, п. 1, 2; Липовка, к. 9, п. 3, 4; Кырык-Оба II, к. 2, п. 3; к. 18, п. 4). Примечательно, что на территории Северного Причерноморья также имеются курганы, где под одной насыпью зафиксированы одновременные катакомбы (Ольховский, 1977, с. 121–122).

Камерные могилы встречаются в курганах, где над центральными погребениями были сооружены наземные деревянные конструкции шатровой формы или в виде сруба. Такие случаи зафиксированы в четырех курганах. При этом под деревянными сооружениями были открыты погребения на древней поверхности и в могильных ямах квадратной формы. Впускные и относительно единовременные погребения сопровождали погребения на древней погребенной почве (Кырык-Оба II, к. 2, п. 3; Кырык-Оба II, к. 18, п. 4), дромосные могилы (Мечетсай, к. 2, п. 3), могилы квадратной (Пятимары I, к. 4, п. 1, 2), прямоугольной (Липовка, к. 9, п. 3, 4; Лебедевка VI, к. 40, п. 1) форм. Для дромосных могил и могил квадратной формы характерны большие размеры. Стоит отметить, что ни одна подбойная могила, датированная концом VI – V в. до н.э., не вписана в курганы эпохи бронзы. Подбойные погребения под одним курганом сопрягаются с катакомбами II и VIII типов (Ольховский, 1991, с. 27–28) (Мечетсай, к. 2, п. 1, Кырык-Оба II, к. 2, п. 4, 5).

При классификации камерных могил использована типология В.С. Ольховского, по которой типы катакомб определяются по взаиморасположению длинных осей входной ямы и погребальной камеры. Подбойные могилы, согласно классифика-



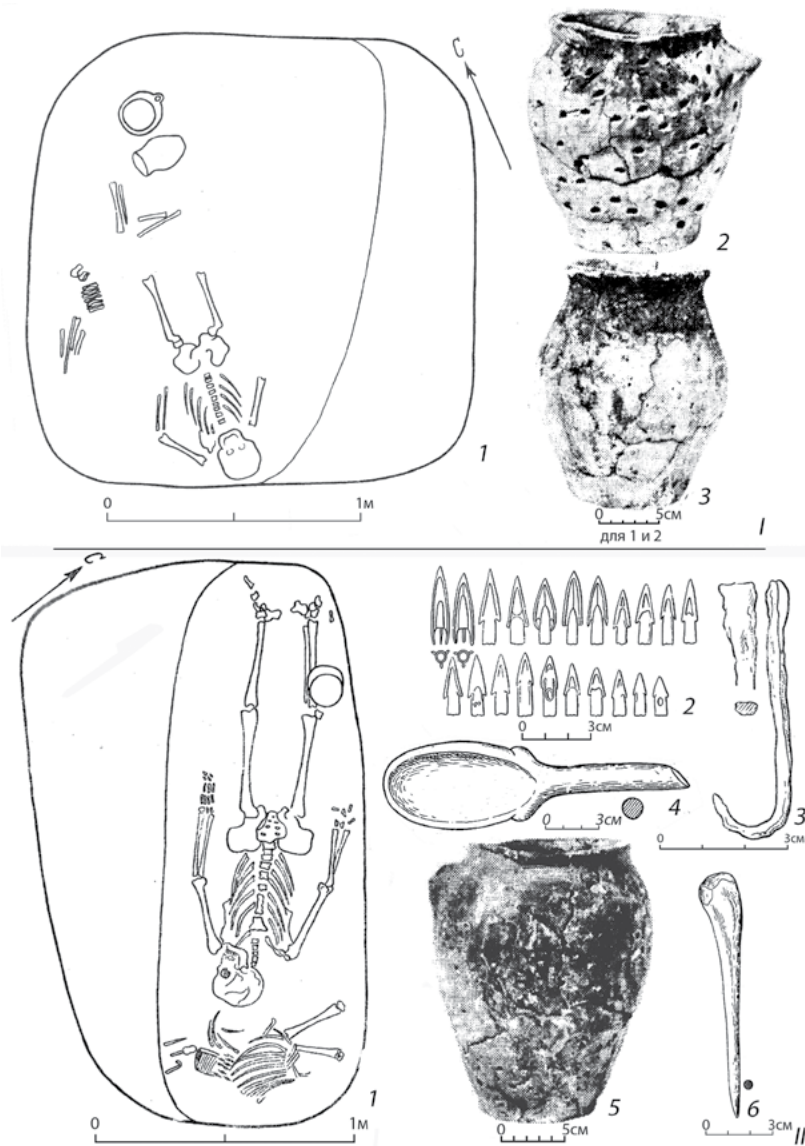


Рис. 2. Курганная группа у с. Липовка, курган 9. I – погребение 3. 1 – план погребения; 2–3 – глиняные сосуды. II – погребение 4. 1 – план погребения; 2 – бронзовые наконечники стрел; железный колчанный крючок; 4 – колчанный крючок; 5 – глиняный сосуд; 6 – костяная проколка.
Все по: Смирнов К.Ф., Попов С.А., 1972

ции В.С. Ольховского, соотносятся с катакомбами I типа, у которых длинные оси входной ямы и погребальной камеры параллельны (Ольховский, 1977, с. 108; 1991, с. 26). Абсолютное большинство рассматриваемых погребений относится к катакомбам 1 варианта I типа. Только одно погребение соотносится с катакомбами 2 варианта I типа (Лебедев VI, к. 40, п. 1). Его отличает наличие дромоса, соединяющего входную яму с погребальной камерой. Входные ямы этого типа обычно прямоугольны, лишь в трех случаях имели овальную форму. В их ориентировке не наблюдается строгое направление. По оси север-юг и близкому направлению ССЗ–ЮЮВ ориентированы три входные ямы. Еще три имели ориентировку СВ–ЮЗ.

Всего по одному разу входные ямы были направлены с запада на восток и с ССЗ на ЮЮВ. Направления СЗ и ЮВ представлены два раза. Размеры входных ям разнообразны, преобладают довольно обширные длиной более 2 м, шириной около 1,5 м и больше. Хотя изредка встречаются катакомбы с незначительными входными ямами, где размеры были следующие: длина 1,6 м, ширина 0,6–0,8 м. Глубина колеблется от 0,85 до 2,2 м.

Входные ямы двух катакомб имели забутовку камнем, которая вообще является редкостью для этого периода. Наряду с забутовкой население Южного Приуралья в погребальном обряде применяло дерево, использовавшееся в качестве перекрытия входной ямы. Таковые обнаружены в двух случаях. Это были в основном толстые плахи или жерди, уложенные продольно и поперечно в два-три слоя. Ступенчатый спуск характерен не для всех погребений. В тех катакомбах (4), где зафиксированы ступеньки, их количество не превышает четырех, хотя более характерен один уступ вдоль продольной стенки. Их ширина от 0,25 до 0,8 м, высота 0,2–0,4 м.

Подземные камеры примыкали к входной яме с разных сторон: с северной, юго-западной, юго-юго-западной и юго-восточной сторон по два раза и по одному разу – с востока и северо-востока. В некоторых случаях вход в погребальную камеру перекрывался каменным закладом. В одном случае (Мечетсай, к. 2, п. 3) вход в погребальную камеру был закрыт большой каменной плитой высотой 1,2 м, шириной 0,8 м, толщиной 0,3 м. Деревянные заслоны не выявлены ни в одном погребении. В одном случае в погребении 3 кургана 2 могильника Кырык-Оба II у входа в подбой была расчищена обугленная плашка. Но как и каменные заклады, они могли не сохраниться в результате ограбления. Другая причина – это плохая сохранность самого органического материала. Существует мнение, что вход в камеру мог закрываться глиняными блоками.

Форма самих камер в большинстве случаев прямоугольная и овальная. Другие формы для катакомб I типа данного периода не характерны. Их ориентировка: запад-восток – три, северо-запад–юго-восток – три, север-юг и северо-восток–юго-запад – по два раза. Для погребальных камер конца VI – V в. до н.э. характерны большие размеры. Их длина достигает от 1,9 до 3,35 м, но преобладают камеры длиной более 2 м. Ширина камер от 0,8 до 2,2 м. Глубина погребальных камер обычно глубже входных ям и колеблется в пределах от 1,2 до 2,34 м. Высота подбоя, где удалось определить, 0,6–1,2 м, форма сводчатая.

В катакомбах I типа для погребальных даров устраивались специальные места – уступы. Например, в погребении кургана 4 могильника Пятимары I во входной яме, около входа в камеру был сделан уступ высотой 0,4 м, где находились лепной сосуд и кости животных. В заполнении входных ям и погребальных камер катакомб I типа Южного Приуралья в процессе исследования были найдены различные предметы (бронзовые наконечники стрел, фрагменты сосудов) и кости животных. Кроме того, фиксировались следы применения огня (древесный уголь и пятно прокала).

Большинство погребений индивидуальные. В четырех катакомбах обнаружены парные захоронения. Интересна катакомба кургана 5 могильника Лебедев VI, где в погребальной камере находились три костяка с ортогональным положением погребенных. По конструкции данное погребение (по классификации В.С. Ольховского) похоже на катакомбу 3 варианта I типа (бездромосный многокамерный) (Ольховский, 1991, табл. II). Авторы публикации определили погребение как коллективное (Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006, с. 21). Хотя в отчетных материалах указывается, что в данном кургане погребение 1 является впускным. Об этом свидетельствует перемещение с места инвентаря, расположенного в ногах северного костяка (Железчиков, Кригер, 1979, с. 12).

В некоторых случаях во входных ямах были совершены захоронения покойных, вероятно, имевших при жизни зависимый статус. Погребенные, как правило, лежали вытянуто на спине, по центру камеры или у длинной стенки. Возможно, в одном случае (Мечетсай, к. 2, п. 3) в процессе совершения захоронения были использованы погребальные носилки. Об этом свидетельствуют сохранившиеся деревянные бруски и плахи.

Ориентировка погребенных разнообразна. В четырех случаях погребенные были ориентированы головой на запад и северо-запад, в трех – на юг. Отмечены и другие секторы ориентировки умерших: юго-западный и юго-восточный – в двух случаях, восточный – в одном.



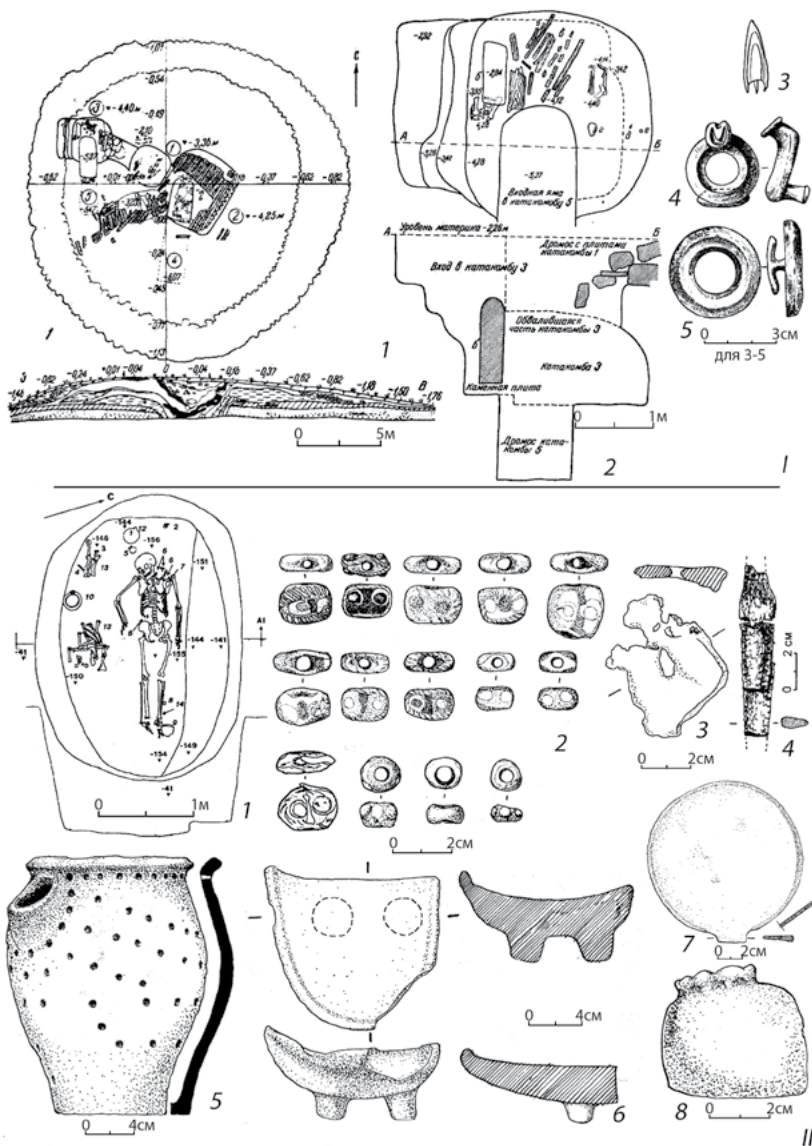


Рис. 3. I – могильник Мечетсай, курган 2. 1 – план кургана и разрез бровки; 2 – план и разрез погребения 3; 3 – бронзовый наконечник стрелы; 4–5 – бронзовые подпружные пряжки. II – могильник Покровка 10, курган 35. 1 – план и разрез погребения; 2 – стеклянные бусы; 3 – бронзовый слиток; 4 – железный нож; 5 – глиняный сосуд; 6 – обломок каменного жертвенника; 7 – бронзовое зеркало; 8 – туалетный сосудик. Все по: Смирнов К.Ф., 1964; Яблонский Л.Т., Малашев В.Ю., 2005

В четырех могилах фиксировались подстилки в виде органического тлена (камыш, трава). Еще в двух комплексах (Мечетсай, к. 2, п. 3; Лебедевка VI, к. 40, п. 1) вместе с подстилкой отмечена меловая посыпка. В погребении 2 кургана 4 могильника Пятимары I на черепе погребенного обнаружена каменная плитка со следами мела.

Погребальный инвентарь подбойных погребений не отличается от комплекса вещей, найденных в других типах могильных конструкций Южного Приуралья. Поч-

ти в каждом погребении встречаются оружие и предметы уздечного набора. Самой многочисленной категорией находок являются наконечники стрел. Большинство их массивные, бронзовые, трехлопастные и трехгранные с выступающими или внутренними втулками и с различными формами головок. Встречаются и другие типы. Особенно разнообразны наконечники стрел в погребении кургана 5 могильника Лебедевка VI. В одном случае в погребении 2 кургана 4 могильника Пятимары I вместе с бронзовыми были найдены три железных трехлопастных наконечника стрел с плоскими черешками. Как правило, колчан со стрелами лежит слева от погребенного, напротив бедра или локтя. Один раз в том же погребении могильника Лебедевка VI наконечники располагались у левой ступни. Четыре раза вместе с наконечниками были обнаружены железные крючки. Сохранившиеся изделия имели отверстие в верхней раскованной части.

Клиновое оружие найдено в трех случаях (Лебедевка VI, к. 5, п. 1; Кырык-Оба II, к. 18, п. 4). В Лебедевке VI два железных меча имели грибовидные навершия и бабочковидные перекрестья. Аналогичные находки происходят из кургана 7 могильника Новый Кумак, кургана Березовский I, кургана 8 могильника Илекшар I и кургана 1 могильника Сапибулак. Комплексы датированы в рамках конца VI – V вв. до н.э. (Мошкова, 1962, с. 212, 225–224, рис. 7, 10; Васильев, Федоров, 1994, с. 155–156, рис. 2, 1; Гуцалов, 2002, с. 95, 96, рис. 5, 7). Кырыкбинский кинжал железный, с навершием бабочковидной формы и слегка изогнутым книзу брусковидным перекрестьем. Кинжал имел нервюру посреди клинка. Погребение датировано концом VI – серединой V вв. до н.э. (Гуцалов, 2010, с. 63–64). Мечи и кинжалы в рассматриваемых погребениях располагались на тазовых и бедренных костях (Лебедевка VI, к. 5, п. 1, сев. костяк; Кырык-Оба II, к. 18, п. 4). Второй меч с могильника Лебедевка VI лежал вдоль правого бедра, рукоять находилась в районе пояса. С Лебедевского погребения (к. 5, п. 1) происходят железные пряжки прямоугольной формы и обойма с отверстиями на обеих сторонах. Они находились под колчаном у ног. По фотоматериалу отчета видно, что одна сторона пряжки, по-видимому, была округлой формы (Железчиков, Кригер, 1979, рис. 43). Поясные обоймы в Южном Приуралье происходят с таких комплексов, как курганы у дер. Гумарово (Зуев, Исмагилов, 1999, с. 109–110, табл. X, 1), Ново-Кумакский могильник (Смирнов, 1977, с. 26, рис. 11, 22) и курганная группа Три Мара (2 экз.) (Смирнов, 1981, с. 84, рис. 7, 3, 9, 8). Все погребения с обоймами датируются в пределах конца VI – V вв. до н.э.

К предметам упряжи относятся удила, псалии, подпружные пряжка и блок. Из погребения 3 кургана 2 могильника Мечетсай происходят два бронзовых массивных кольца, представлявших собой пряжку и, возможно, блок. Погребение по ним и бронзовому наконечнику стрел было датировано не позже V вв. до н.э. (Смирнов, 1975, с. 91). Удила и псалии из кургана 5 могильника Лебедевка VI имели плохую сохранность, что не позволяет определить их форму и размеры. К сожалению, относительно предметов снаряжения верхового коня с погребения 3 кургана 2 могильника Кырык-Оба II приводится только упоминание. В данном погребении были найдены распределители ремней и нащечные бляхи. В отчете отсутствуют описание и иллюстрации. Авторы раскопок датировали погребение рубежом V–IV вв. до н.э. (Смаилов, Сейткалиев, 2009, с. 15; Сейткалиев, 2010, с. 54). В двух погребениях были обнаружены бронзовые ворворки и подвески из клыков животных.

Керамика характерна для большинства рассматриваемых погребений. Она, как правило, лепная плоскодонная, с яйцевидным и шаровидным туловом и отогнутым наружу венчиком (IV, VI отделы по классификации Смирнова, 1964). Еще К.Ф. Смирнов отмечал, что керамика IV отдела в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье получила распространение с конца VII – IV вв. до н.э. В Южном Приуралье в IV вв. до н.э. сосуды данного отдела в количественном отношении значительно сокращаются (Смирнов, 1964, с. 112, 114). Из семи сосудов четыре имели носики-сливы (VI отдел). Причем поверхности трех сосудов с носиком-сливом из курганной группы Липовка и могильника Покровка 10 покрыты глубокими ямками. С.Ю. Гуцалов сосуды с носиком-сливом Южного Приуралья датирует VII–VI вв. до н.э. (Гуцалов, 2004, с. 34). Автору известны аналогичные сосуды, происходящие еще из трех погребений Южного Урала. Похожий сосуд был обнаружен в погребении 1 кургана 5 могильника Челкар III. Сосуд найден в центральном погребении, где кроме него находились костяная ложка, железный колчанный крючок и бронзовые наконечники стрел. Погребение

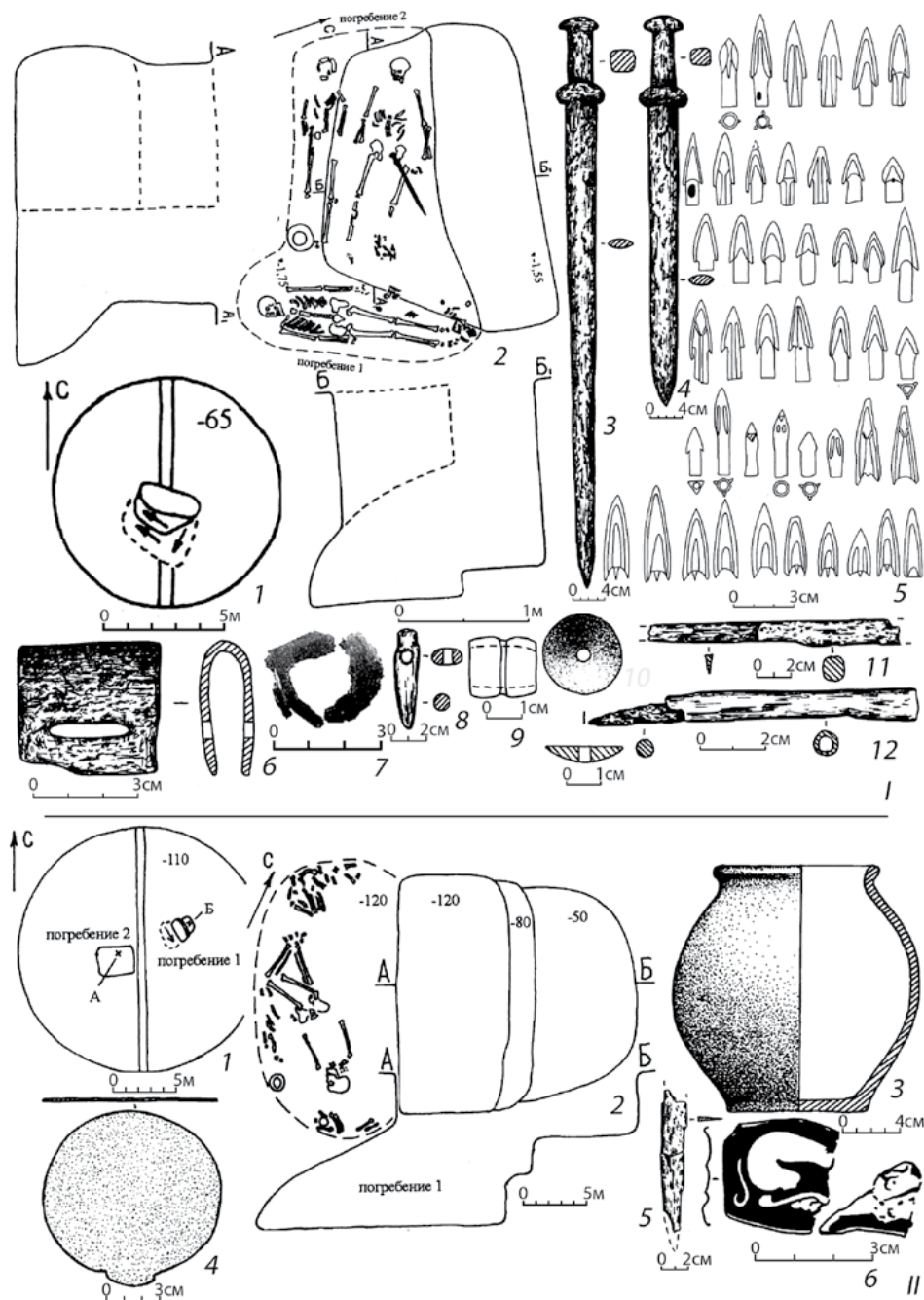


Рис. 4. Могильник Лебедевка VI. I – курган 5, погребение 1. 1 – план кургана; 2 – план и разрез погребения; 3–4 – железные мечи; 5 – бронзовые наконечники стрел; 6 – железная обойма; 7 – железная пряжка; 8 – костяная подвеска; 9 – железный предмет; 10 – костяная пуговица (ворворка?); 11 – железный нож; 12 – железное шило с костяной ручкой. II – курган 40, погребение 1. 1 – план кургана; 2 – план и разрез могильной ямы; 3 – глиняный сосуд; 4 – бронзовое зеркало; 5 – железный ножик; 6 – фрагмент золотой пластинки. Все по: Железчиков Б.Ф., Кригер В.А., 1979; Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В., 2006

было датировано V в. до н.э. (Мошкова, Кушаев, 1973, с. 260–262, рис. 1, 9). Еще один сосуд происходит из парного погребения 2 кургана 7 могильника Бесоба, датированного концом VI – началом V в. до н.э. Сосуд плоскодонный, баночной формы, с носиком-сливом. В погребении найдены бронзовые зеркала (одно круглое с отогнутым краем, второе с короткой ручкой, пуансонным орнаментом), плоскодонный сосуд с отогнутым венчиком, пряслице и различные бусы (Кадырбаев, Курманкулов, 1977, с. 109, 115, рис. 6). В погребении 4 одиночного кургана Манхар 1 был выявлен еще один сосуд, датируемый V в. до н.э. (Савельев, 2000, с. 44, рис. 2, 5). К предметам быта также относятся ножи, пряслица, проколки, шилья. Ножи найдены почти в каждом погребении. Остальные категории инвентаря обнаружены в небольшом количестве.

К предметам культа относятся костяные ложки, бронзовые зеркала, каменные алтари. В четырех погребениях находились костяные ложечки. В сарматологии начиная с 40-х гг. прошлого века существовала точка зрения, согласно которой ложки считались исключительно принадлежностью женских погребений и использовались как предметы туалета (Граков, 1947, с. 109; Смирнов, Попов, 1972, с. 23). В 1980-е гг. А.Х. Пшеничнюк обратил внимание на то, что нахождение костяных ложек в могилах связано с колчаном и наконечниками стрел (Пшеничнюк, 1983, с. 95–96). М.А. Очир-Горяева костяные ложки отнесла к категории инвентаря мужских погребений (Очир-Горяева, 1987, с. 45, 47). В.К. Федоров, признавая связь ложек с колчанными наборами, связывал их использование с культом Сомы (Федоров, 1992, с. 83, 94–96). В расположении ложек в могилах нет определенного порядка. Как правило, ложки имели длинную в сечении круглую ручку и плоскую рабочую часть. Место перехода ручки к рабочей части имеет уступ. На концах почти всех ручек имеется изображение животных (волк, грифон). По типологии С.Ю. Гуцалова рассматриваемые предметы относятся ко II типу, основное время бытования которых приходится на конец VI – V в. до н.э. (Гуцалов, 2004, с. 38).

Бронзовые зеркала (по К.Ф. Смирнову) относятся к I, II, V и VI типам и датируются в довольно широких хронологических рамках – с VI по IV в. до н.э. (Смирнов, 1964, с. 153–154, 156). В кургане 35 могильника Покровка 10 был обнаружен каменный жертвенник (половина) овальной формы с четырьмя ножками и низким бортиком по краю. Второй экземпляр (обломок) с Лебедевки VI (к. 5, п. 1) также реконструируется как каменный жертвенник овальной формы с невысокой круглой ножкой и невысоким бортиком по краю. Похожие жертвенники Южного Приуралья К.Ф. Смирновым были датированы V в. до н.э. (Смирнов, 1964, с. 163, рис. 15, 1д, 3д). В.Н. Васильев рассматриваемые находки отнес ко II типу II группы каменных жертвенников с ножками и датировал их концом VI – V в. до н.э. (Васильев, 1998, с. 27–29). Бронзовый котелок из погребения 3 кургана 2 могильника Кырык-Оба II имел две вертикальные петлевидные ручки с одним выступом, конический поддон и трубчатый носик-слив. Бронзовые котлы с петлевидными ручками автору на территории Южного Приуралья известны с Соболевского кургана начала V в. до н.э. и кургана Темир конца V – IV в. до н.э. (Смирнов, 1964, с. 128, рис. 14, 8; Зданович, Хабдулина, 1987, с. 60, рис. 6, 2). Кырык-Обинский котел со вторым котелком Соболевского кургана сближает наличие носика-слива (Смирнов, 1964, рис. 14, 7). По мнению К.Ф. Смирнова, «скифские и савроматские литые котлы предназначались для варки мяса как в повседневной жизни, так и при совершении культовых церемоний с жертвоприношениями» (Смирнов, 1964, с. 128.). Видимо, роговые блюда использовались в каких-то ритуальных целях (Петренко, Маслов, 1999, с. 256). В рассматриваемых погребениях были обнаружены одно целое блюдо и один фрагмент (Покровка 1, к. 2, п. 5; Кырык-Оба II, к. 2, п. 3).

Ассортимент украшений различен. Бусы найдены в четырех погребениях. Практически все они стеклянные, темно-голубого, синего и коричневого цветов с голубыми, зелеными, белыми глазками. Кырык-Обинские (к. 2, п. 3) бусы стеклянные, веретеновидной формы с внутренней позолотой, а также бочковидной формы из кальцита белого цвета (Сейткалиев, 2010, с. 49). В этом погребении, датированном М.Ю. Трейстером первой половиной V в. до н.э., также обнаружены фаянсовый египетский скарабей, косметический флакон из стекла грязно-голубого цвета и горшок хорезмийской работы (Трейстер, 2011, с. 175; 2012, с. 110, 113). В кургане 40 Лебедевки VI была найдена золотая нашивная бляшка, вероятно, с изображением хищ-



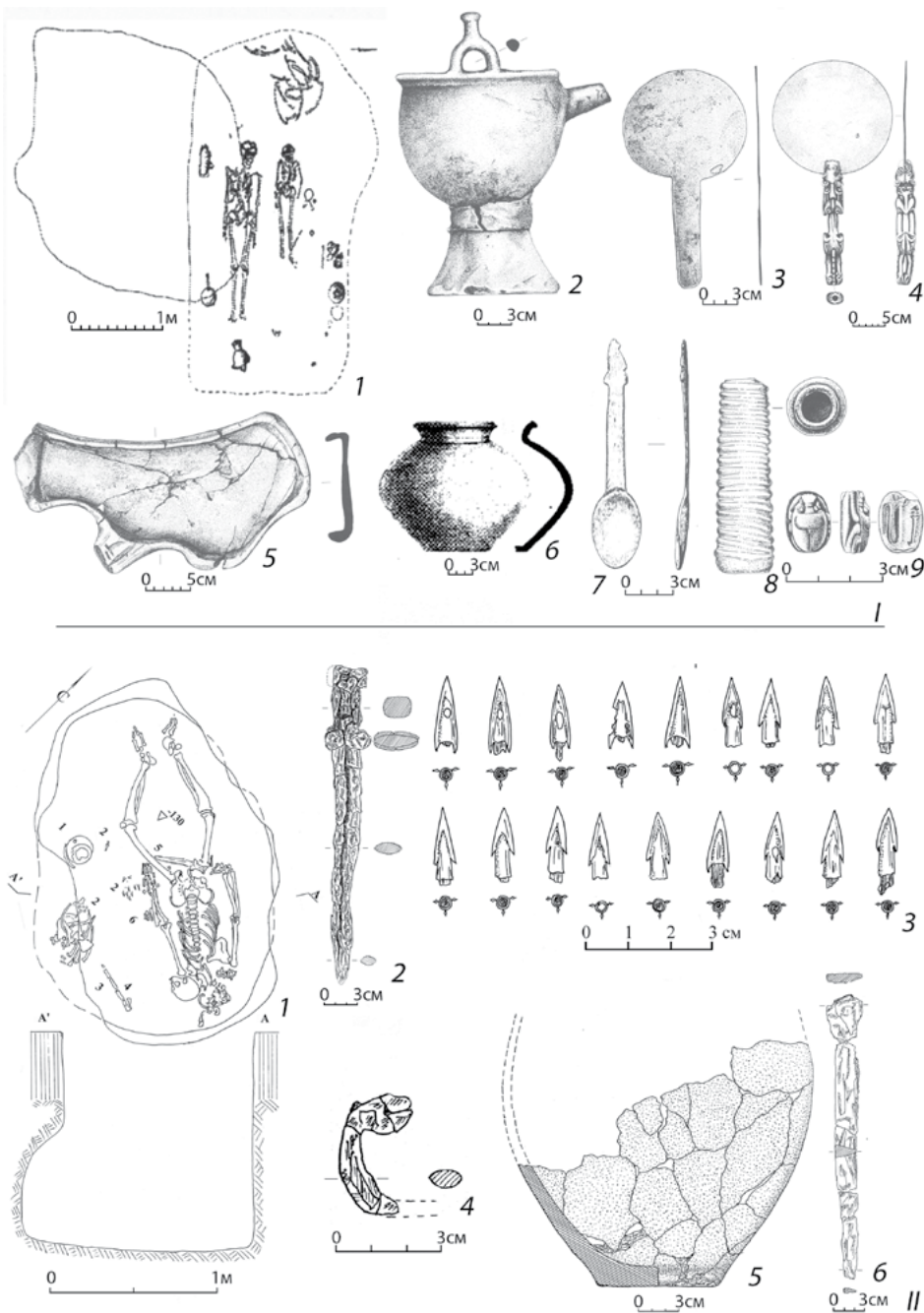


Рис. 5. Могильник Кырык-Оба II. I – курган 2, погребение 3. 1 – план погребения; 2 – бронзовый котелок; 3–4 – бронзовые зеркала; 5 – блюдо из рога лося; 6 – гончарный сосуд; 7 – костяная ложка; 8 – косметический флакон; пронизь в форме скарабея. II – курган 18, погребение 4. 1 – план и разрез кургана; 2 – железный кинжал; 3 – бронзовые наконечники стрел; 4 – железный колчанный крючок; 5 – глиняный сосуд; железный нож. Все по: Сейткалиев М.К., 2010; Смаилов Ж.Е., 2012; Гуцалов С.Ю., 2010

ника. Помимо перечисленных находок в могилах также были обнаружены гальки, раковины *griphaea*, астрагалы, красящие вещества (кусочки охры) и кости животных. Таким образом, инвентарь рассмотренных погребений позволяет отнести их к концу VI – V в. до н.э.

Рассмотрим вопросы классификации подбойно-катакомбных погребений древнего населения Южного Приуралья. На сегодняшний день, если большинство исследователей согласны с причислением подбойно-катакомбных могил к типу камерных погребений, в вопросах классификации и терминологии нет единства. Это касается и терминологии различных составных элементов данного типа могильного сооружения. В сарматской археологии, в отличие от скифологии, принято отделять подбойные могилы от катакомб. Так, по определению К.Ф. Смирнова «подбоями называют те камерные могилы, у которых камера (подбой, ниша) устроена в одной из продольных стен входной ямы, а открытое устье камеры равно длине самой камеры или меньше ее». Хотя следует отметить мнение К.Ф. Смирнова о том, что подбойные могилы ничем не отличаются от северопричерноморских катакомб I типа (Смирнов, 1964, с. 82; 1973, с. 73–74). Типология, предложенная К.Ф. Смирновым, сегодня принята большинством исследователей древностей Южного Приуралья раннего железного века. С точкой зрения К.Ф. Смирнова солидарны М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев, которые, по сути, продолжили и дополнили его разработки. Ими было отмечено, что «подбой – особое погребальное сооружение, отличное от катакомбы» (Мошкова, Малашев, 1999, с. 173). Этой же гипотезы придерживается О.И. Куринских, также отделяющая подбой от катакомб (Куринских, 2008; 2011).

В чем же отличие подбойных могил от катакомб? Как известно, для обоих типов обязательно наличие входной ямы и погребальной камеры. Кроме того, как в подбойных, так и в катакомбных могилах встречаются лестницы, дромосы и заклады (заслоны) из камня, дерева, кусков дерна и т.д. Различие между подбоями и катакомбами выражается только во взаиморасположении входной ямы и погребальной камеры. Самый главный принцип, объединяющий оба типа камерных могил, – это наличие погребальной камеры, которая, как отмечает Б.Ф. Железчиков, должна «либо предохранить тело умершего от непосредственной связи с землей, либо препятствовать душе умершего выйти на поверхность» (Железчиков, 1980, с. 5).

По нашему мнению, наиболее удачной для степной полосы Евразии является классификация В.С. Ольховского, включающая подбойные могилы в разряд катакомбных погребений. В классификации типы катакомб определяются по взаиморасположению длинных осей входной ямы и погребальной камеры, варианты выделяются по мере усложнения простейшей схемы катакомб каждого типа (наличие и количество дромосов и камер); подварианты А и Б фиксируют размещение камер относительно входной ямы и дромоса (Ольховский, 1977, с. 108; 1991, с. 26). Таким образом, подбойные могилы, согласно классификации В.С. Ольховского, соотносятся с катакомбами I типа, у которых длинные оси входной ямы и погребальной камеры параллельны.

Таким образом, на наш взгляд, подбой и катакомбы должны рассматриваться как один вид камерных могил, который, в свою очередь, по специфическим особенностям подразделяется на типы и варианты. Причем в степях Западного Казахстана обнаружены катакомбы VIII типа с круглой входной ямой (Ольховский, 1991, табл. II), которые датируются V в. до н.э. (мог. Кырык-Оба II, Сапибулак). Вероятно, появление катакомб этого типа связано с катакомбами I типа. Кроме того, входные ямы ранних катакомб VIII типа настолько большие, что в плане они практически не отличаются от катакомб I типа. Можно с большой долей вероятности предположить, что подбойные погребения дали толчок к появлению и других типов катакомб, получивших распространение в приуральских степях в более поздние периоды. Например, катакомбы IV типа (Мошкова, Малашев, 1999, с. 174) с входными ямами и камерами, располагающимися параллельно друг другу. В отличие от катакомб I типа камера идет не вдоль всей продольной стенки входной ямы, а лишь частично смыкаясь с ней. В связи с вышесказанным думаем, что надо учесть точку зрения И.С. Каменецкого, считающего вслед за Б.Н. Граковым подбой разновидностью катакомбы (Каменецкий, 1986, с. 136).



Литература

- Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 1998. – Вып. 1. – С. 25–43.
- Васильев В.Н., Федоров В.К. Разведочные раскопки в северо-восточном Оренбуржье // Башкирский край. – Уфа, 1994. – Вып. 5. – С. 154–166.
- Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. – М., 1947. – № 3. – С. 100–121.
- Гуцалов С.Ю. Новые памятники древних кочевников на территории Уральского левобережья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2002. – Вып. 1. – С. 93–107.
- Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. – Уральск, 2004. – 136 с.
- Гуцалов С.Ю. Погребения кочевников скифской эпохи на р. Табантал // Кадырбаевские чтения: Материалы Международной научной конференции. – Актобе: ПринтаА, 2007. – С. 92–98.
- Гуцалов С.Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. – 2010. – № 2. – С. 51–66.
- Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1980. – 16 с.
- Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI–II вв. до н.э.: Науч. докл., представленный в качестве дис. докт. ист. наук. – М., 1997. – 56 с.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.) – М.: Восточная литература, 2006. – 159 с.
- Зданович Г.Б., Хабдулина М.К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского Междуречья: Межвузовский сборник. – Уфа: Издание Башкирского университета (подготовил Челябинский университет), 1987. – С. 45–65.
- Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 1999. – Вып. 3. – С. 105–112.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976. – С. 137–156.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата, 1977. – С. 103–114.
- Каменекий И.С. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). – М., 1986. – Вып. 1. – 216 с.
- Куринских О.И. Виды погребальных конструкций в могильниках у с. Покровка (савроматская и раннесарматская эпохи) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Материалы Международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. – С. 63–85.
- Куринских О.И. Катакомбные конструкции могильников у с. Покровка (левобережье Илека) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: Материалы VII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – С. 92–97.
- Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. – 1962. – № 115. – С. 204–236.
- Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 258–268.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999. – С. 172–212.
- Ольховский В.С. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. – 1977. – № 4. – С. 108–128.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степей Евразии (VIII–III вв. до н.э.). – М., 1991. – 256 с.

Очир-Горяева М.А. Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. // Археологические исследования Калмыкии. – Элиста, 1987. – С. 35–53.

Петренко В.Г., Маслов В.Е. Роговые блюда могильника Новозаведенное-II // Евразийские древности. – М., 1999. – С. 250–259.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.

Савельев Н.С. Курганы Баишевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 41–52.

Сейткалиев М.К. Раннепрохоровские впускные погребения в курганах некрополя Кырык-Оба II // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2010. – № 1. – С. 46–56.

Смаилов Ж.Е. Материалы раскопок экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана / Ж.Е. Смаилов, С.Ю. Гуцалов, М.Ю. Трейстер // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). – М.: Таус, 2012. – Т. 2. – С. 29–33.

Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К. Археологические исследования на некрополе Кырык-Оба II в 2008 г. // Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. – Алматы, 2009. – С. 178–181.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.: Наука, 1964. – 380 с.

Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. – 1972. – № 1. – С. 73–81.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.

Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа, 1977. – С. 3–51.

Смирнов К.Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа, 1981. – С. 68–90.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Памятники савроматской культуры Поволжья и Южного Приуралья // САИ. – М., 1963. – Вып. Д1-9. – 40 с.

Смирнов К.Ф., Попов С.А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М.: Наука, 1972. – С. 3–26.

Трейстер М.Ю. Переднеазиатские импорты в погребениях ранних кочевников на территории Западного Казахстана // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы, 2011. – Т. 2. – С. 174–178.

Трейстер М.Ю. Стекланные сосуды ахеменидского круга из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). – М.: Таус, 2012. – Т. 1. – С. 106–113.

Федоров В.К. Савромато-сарматские костяные ложечки: к вопросу об индо-арийских корнях некоторых явлений савромато-сарматской культуры // Башкирский край. – Уфа, 1992. – Вып. 2. – С. 80–113.

Яблонский Л.Т., Малашев В.Ю. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10 // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2005. – Вып. 7. – С. 149–213.

Архивные источники

Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1979 г. / Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Д. 1759.

Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К. Исследование некрополя Кырык-Оба II в 2008 г. / Архив ИА им. А.Х. Маргулана.

Мамедов А.М.

Б.д.д. VI ғ. соңы – V ғ. Оңтүстік Оралдағы ерте көшпелілердің лақатты қабірлері

Мақалада б.д.д. VI ғ. соңы – V ғасырға тиесілі деп белгіленетін қабірлер атап көрсетілген. Оңтүстік Орал өңірі аумағында қабір құрылымдарының бұл түрі б.д.д. IV



ғ. бастап кең тарай бастаған. Осы аймақтағы Оңтүстік Орал өңірі даласында лақатты қабірлер б.д.д. VI ғ. соңынан – V ғ. бастап-ақ біраз мөлшерде пайда бола бастаған.

Автор оларға сипаттама беріп, салыстырмалы талдау жасаған. Одан бөлек б.д.д. V ғ. соңына – IV ғ. жатқызылған кейбір кешендердің уақыты қайта белгіленген. Оңтүстік Орал өңіріндегі лақатты-катакомбалы түрдегі қабірлерді топтастыру мәселелері қарастырылған. В.С. Ольховскийдің топтауы бойынша лақаттар I типтегі катакомбаларға жатқызылған. Біздің көзқарасымыз бойынша, лақаттар мен катакомбалар камералық қабірлердің бір түрі ретінде қарастырылуы тиіс және бұл өз кезегінде, өзіне ғана тән ерекшеліктері бойынша типтер мен нұсқаларға жіктеледі.

Mamedov A.M.

Graves with Side Niche of the Southern Urals Early Nomads between the End of the 6th and the 5th century BC

The article highlights burials with side niche dated back from the late 6th till the 5th century BC. This type of burial in the Southern Urals was very widespread during the 4th century BC, but some of the them, discovered in the steppe area south of this mountain ridge, firstly appeared already at the end of 6th – beginning of the 5th century BC.

In this paper, their characteristics are highlighted as well as a comparative analysis is here provided. Furthermore, some complexes have been chronologically updated to the end of the 5th - 4th century BC and some questions about the classification of the catacomb graves and graves with side niche are here considered. According to the typology of V.S. Olkhovski the funerary niche was associated with the catacomb burials of the 1st type. In our opinion, both the catacomb and niche graves can be regarded as one single type of funerary tombs, that can be divided into types and variants, according to their specific features.

Махортых С.В.

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ВСАДНИКОВ ПРЕДКАВКАЗЬЯ И УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В VII–VI ВВ. ДО Н.Э.

Детали конского снаряжения относятся к числу наиболее значимых и информативных предметов материальной культуры VII–VI вв. до н.э. Трудно переоценить важность этой категории инвентаря как для хронологических реконструкций, так и для изучения культурных контактов между различными регионами в древности.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению одной из наиболее представителных групп конского убора (удила и псалии), найденных на Северном Кавказе и в лесостепной Украине, которые являются основными центрами сосредоточения раннескифских памятников VII–VI вв. до н.э.

Период скифской архаики характеризуется широким распространением металлических удил со стремячквидными наружными петлями. Этот тип является ведущим для конской упряжи VII в. до н.э. на юге Восточной Европы.

В настоящее время на Северном Кавказе известны шестьдесят пять бронзовых удил, которые локализуются в Закубанье и Центральном Предкавказье (Махортых, 2009а, с. 236–238).

Довольно широкое распространение бронзовые стремячквидные удила получили и в лесостепной Украине – сорок шесть экземпляров (Могилов, 2008, с. 15). При этом тридцать три (72%) из них приходятся на Днепровское лесостепное Правобережье и лишь тринадцать предметов (28%) найдены на Левобережье.

Бронзовые северокавказские стремячквидные удила подразделяются на две группы: с орнаментированными (39 экз.) и гладкими стержнями (26 экз.). Последние в Центральном Предкавказье (7 экз.) обнаружены близ хутора Алексеевского, в курганах 12 и 20 Нартановского могильника (Батчаев, 1985, с. 32, 42, табл. 33, 32; 48, 1–4). Еще не менее девятнадцати экземпляров таких удил происходят из Закубанья (к. 1/В, 2/В, 1/Ш, 3/Ш или 4/Ш, 19, 29 Келермеса; к. 1/1908 и 1/1910 Ульского могильника; Клады, к. 41 и др.) (Галанина, 1997, с. 120, табл. 17, 30, 31, 81; 19, 126; 22, 257; Галанина, 1999, с. 59, рис. 1, 1–3) (рис. 1, 1, 2, 8). Большинство экземпляров

имеют стремячквидные петли, подножки у которых выделены по бокам небольшими выступами для фиксации ремней. Эти внешние особенности более типичны для раннего скифского времени и отсутствуют у доскифских находок (Тереножкин, 1976, с. 150).

Среди раннескифских стремячквидных удил с неорнаментированными грызлами имеются также экземпляры с окончаниями D-образной (к. 3/Ш или 4/Ш Келермеса) и треугольной формы (Келермес, к. 19, п. 5). У этих находок дужка петли плавно переходит в подножку без каких-либо выступов (рис. 1, 3, 5).

Следует упомянуть и оригинальные бронзовые удила с гладкими стержнями из Западной Подолии со «стремечками» подтреугольно-овальных очертаний (Дупли-ска, к. 1; Залесье), у которых подножка не ровная, а слегка выгнута наружу, что составляет местную, локальную особенность, в том числе и некоторых найденных на этой территории железных удил рассматриваемого типа, например, Шутницы, курган 3 (рис. 2, 6; 5, 5).

Представительная коллекция бронзовых стремячквидных удил с рельефно орнаментированными стержнями в виде многорядных врезных квадратиков (18 экз.) происходит из могильника Красное Знамя, курганы 1, 3, 6, 7 (Петренко, 2006, с. 74, табл. 47, 16, 24; 48, 29) (рис. 1, 4). В Центральном Предкавказье в эту наиболее многочисленную группу северокавказских удил с литой насечкой на грызлах также входит не менее семи экземпляров из могильника Новозаведенное II (кург. 5, 16), Ставропольского кургана 1953 г. и Пятигорского музея (Махортых, 1991, с. 69, рис. 28, 15; Петренко, Маслов, Канторович, 2000, с. 241, рис. 3)¹.

Бликие по рельефу на стержнях и форме внешних колец удила имеются в Закубанье: Говердовский курган 1; Келермесский курган 24; Циблиевский Кут, курган 7

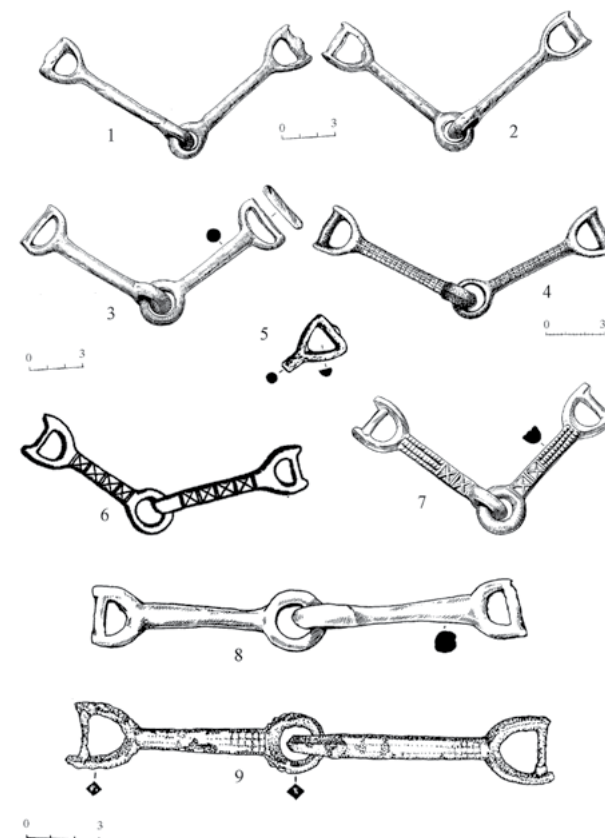


Рис. 1. Бронзовые стремячквидные удила Северного Кавказа: 1, 2 – к. 1/Ш, Келермес; 3, 7 – к. 3/Ш и 4/Ш, Келермес; 4 – к. 1, Красное Знамя; 5 – к. 19, п. 5, Келермес; 6 – Костромской курган; 8 – к. 29, Келермес; 9 – к. 7, Циблиевский Кут



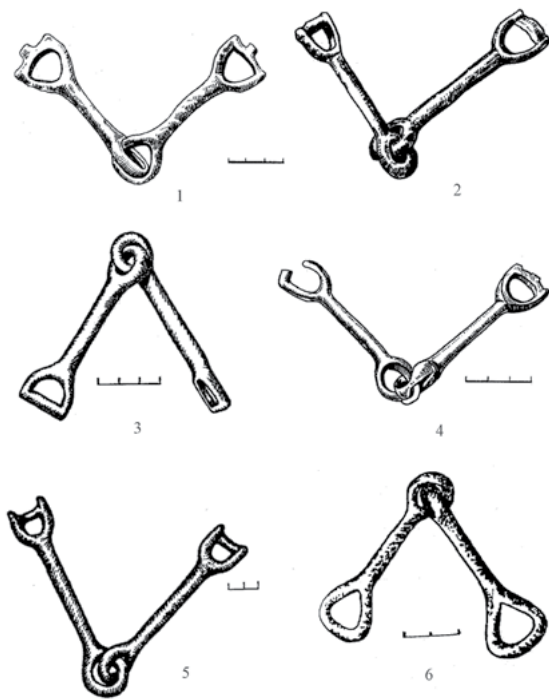


Рис. 2. Бронзовые стремячкovidные удила Днепровской лесостепи: 1 – Емчиха, к. 373; 2 – Макеевка, к. 453; 3 – Медвин II, к. 2; 4 – Оситняжка, к. 471; 5 – Берестяги, к. 6; 6 – Залесье

Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, с. 55, рис. 6, 2) (рис. 3, 1, 4).

Еще на двух бронзовых стремячкovidных удилах из Днепровского Правобережья (п. 2 Репяховатой Могила; Гуляй-Город, к. 38) зафиксирован декор иного типа – в виде одного-двух рядов выступов-шишечек, который украшает грызла и у некоторых северокавказских находок (могильник Циблиевский Кут, к. 5; Келермес, к. 2–4/Ш) (Василиненко, Кондрашов, Пьянков, 1993, с. 182, рис. X, 2; Галанина, 1997, с. 232, табл. 17, 79) (рис. 3, 2, 3). Эти хронологически более поздние варианты бронзовых стремячкovidных удила конца VII – первых десятилетий VI в. до н.э. отличают также длинные выступы стремячкovidных окончаний.

Одной из наиболее ярких инноваций раннескифского времени на юге Восточной Европы (в отличие от восточных районов Евразии) является широкое использование уздечных принадлежностей, изготовленных из железа. Это замечание относится главным образом к удилам и псалиям и в меньшей степени – к другим элементам конского снаряжения (железные палочки-застежки, перстевидные бляшки, пронизи для перекрестных ремней), также выявленным в архаических памятниках юга Восточной Европы (Красное Знамя, к. 6; Келермес, к. 24, 31; Журовка, к. 406 и др.).

Среди раннескифских кованых двусоставных удила находки со стремячкovidными наружными петлями представляют особенный интерес. По сравнению с железными однокольчатыми и двухкольчатыми удилами, также имеющими прототипы в предшествующую киммерийскую эпоху, рассматриваемый тип удила является ведущим для конской упряжи VII в. до н.э. на юге Восточной Европы. Основной ареал его распространения охватывает обширную территорию от Центрального Предкавказья на востоке до Среднего Поднепровья на западе.

На Северном Кавказе примеры воспроизведения в железе бронзовых стремячкovidных удила более многочисленны в Закубанье из Келермесских курганов (1/В, 2/В, к. 15, п. 3; к. 19, п. 5; к. 29, 31) – четырнадцать экземпляров (Галанина, 1997, с.

и др. (Пьянков, 2006, с. 31, рис. 2, 1; Эрлих, Нехаев, 2011, с. 146, рис. 5, 5) (рис. 1, 9).

На Северо-Западном Кавказе известны бронзовые стремячкovidные удила и с иными вариациями декора стержней: в виде выступов-шишечек, квадратов с косыми крестами внутри, имитацией обмотки шнура (к. 3/Ш и 4/Ш Келермеса; Костромской и Ульский к. 1/1908; Циблиевский Кут, к. 5 (Иессен, 1953, с. 81, рис. 20; Василиненко, Кондрашов, Пьянков, 1993, с. 182, рис. X, 2; Галанина, 1997, с. 232, табл. 17, 78, 79) (рис. 1, 6, 7).

В отличие от северокавказских абсолютное большинство бронзовых стремячкovidных удила с территории лесостепной Украины имеют гладкие стержни (рис. 2, 1–6). Удила, грызла которых покрыты насечками или квадратами, обнаружены лишь в трех захоронениях (к. 524 у с. Жаботин; к. 6 у с. Яснозорье на Правобережье среднего Приднепровья, а также Старшая Могила – в Посулье), причем в двух последних случаях декор имело лишь одно из двух звеньев удила (Иллінська, 1961, с. 43, рис. 5, 1;

120, табл. 19, 139, 140; 20, 158, 242; 21, 164) (рис. 4, 2, 3). Помимо Келермесского могильника железные стремячкovidные удила найдены в Ульских курганах 1/1908 и 1/1910, а также в Костромском кургане (Иессен, 1953, с. 81, рис. 20; Галанина, 1999, с. 59, рис. 1, 4, 5) (рис. 4, 4, 5).

На остальной территории Северного Кавказа эта разновидность стремячкovidных удила встречается реже. В Центральном Предкавказье они выявлены в могильниках Красное Знамя (к. 6), Новозаведенное II (к. 2), Нартан (к. 10, 12, 15, 18) а также в кургане раннескифской эпохи у г. Новопавловск (Петренко, 2006, с. 74, табл. 64, 201, 205; Махорты, 2009б, с. 107, рис. 1) (рис. 4, 1).

Еще одной областью распространения железных раннескифских стремячкovidных удила на юге Восточной Европы является украинская лесостепь. Большинство находок локализуется в Днепровском лесостепном Правобережье: Среднем Поднепровье (Западноподольская группа памятников – 15 экз.) (Долиняны, к. 4; Коцюбинчики; Ленковцы; Новоселка-Гримайливська; Перебыковцы, к. 2; Шутнивы, к. 3) и Среднем Поднепровье (Киево-Черкасская группа памятников – 8 экз.) (Журовка, к. 406, 448; Малая Офирна; Пешки, к. 362, Пищальники, Репяховатая Могила, п. 2; Червона Могила) (Мелюкова, 1953, с. 60, рис. 28, 2; Ильинская, 1975, с. 23, табл. VIII, 19, 20; Смирнова, 1979, с. 48, рис. 9, 9; Ковпаненко, 1981, с. 49, рис. 38, 3; Бандрівський, 2009, с. 233, рис. 8) (рис. 5, 1–7).

В Днепровском лесостепном Левобережье железные стремячкovidные удила менее многочисленны. Они соотносятся главным образом с Посульской группой памятников (7 экз.): Волковцы, курган 495; Герасимовка, курган 1; Луки и др. (Ильинская, 1968, с. 106, табл. XXXIX, 26; XLV, 12; XLVIII, 28) (рис. 5, 8, 9). Еще одна пара таких удила найдена в бассейне Ворсклы – Осянги, курган 1 (Шрамко, 1987, с. 151, рис. 71, 9).

Таким образом, главными центрами производства железных стремячкovidных удила в эпоху скифской архаики являлись Северный Кавказ (не менее 25 экз.) и Правобережная лесостепная Украина (23 экз.). В последнем случае основной областью распространения этого типа удила была Западная Подолия. На упомянутых выше территориях также локализуются погребальные комплексы, включающие в свой состав несколько уздечных наборов, либо полностью состоящих из железных стремячкovidных удила, либо с их доминированием (Келермес, к. 1/В, 19, п. 5; Журовка, к. 406; Коцюбинчики и др.).

Обращает на себя внимание типологическое разнообразие кованых стремячкovidных удила раннескифского времени. Среди них выделяется не менее трех разновидностей, отличающихся друг от друга оформлением внешних окончаний.

Одну из таких разновидностей образуют железные стремячкovidные удила с треугольными петлями (Долиняны, к. 4; Ленковцы; Перебыковцы, к. 2; Журовка, к. 406; Пешки, к. 361), а также схожие с ними по форме удила со «стремечками» подтреугольно-овальной формы (Шутнивы, к. 3; Журовка, к. 448) (рис. 5, 1–4). Основным районом распространения этого типа удила является Днепровское лесостепное Правобережье. В Посулье (Волковцы, к. 495; Ромны) и на Северном Кавказе (Келермес, к. 1/В) они встречаются реже.

Железные удила, имеющие внешние окончания, по форме близкие к петлям раннескифских бронзовых удила, составляют другую разновидность рассматриваемого типа удила: Журовка, курган 406; Малая Офирна; Червона Могила; Герасимовка, курган 1; Аксютинцы, курган 3; Келермес, курганы 1/В, 2/В, 29 (рис. 4, 2; 5, 6, 8). Примечательно, что на некоторых из них даже воспроизведены стремячкovidные петли, подножки у которых выделены по бокам небольшими выступами.

В эпоху скифской архаики известны также железные удила с подквадратно-стремлячкovidными внешними окончаниями: Репяховатая Могила, погребение 2; Осянги, курган 1; Луки; Келермес, курганы 1/В, 2/В, 19, 31; Ульский курган 1/1910 г.; Красное Знамя, курган 6 (рис. 4, 3; 5, 7, 9).

Отмеченное выше типологическое разнообразие железных стремячкovidных удила, очевидно, объясняется различным генезисом их бронзовых прототипов. Некоторые из них, например, треугольно-конечные экземпляры, связаны своим происхождением с бронзовыми восточноевропейскими прототипами IX–VIII вв. до н.э., тогда как собственно стремячкovidные имитации, вероятно, являются подражанием раннескифским образцам. Заметим, что типологическим разнообразием отличаются

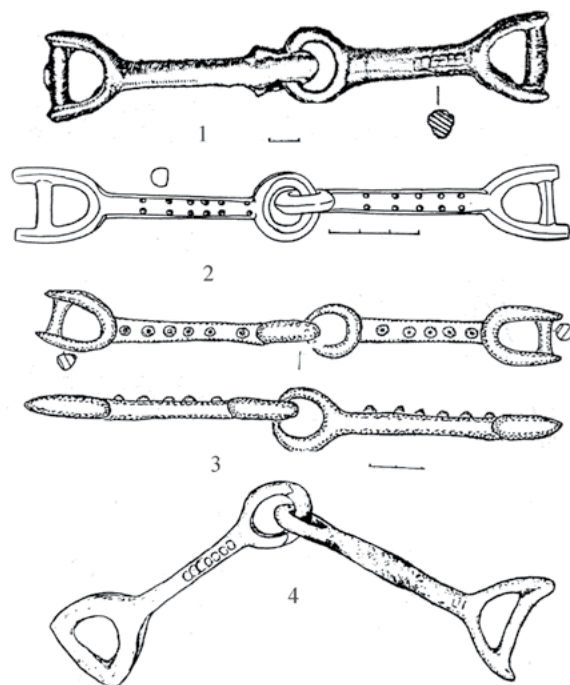


Рис. 3. Бронзовые стремячкovidные удила с орнаментированными грызлами лесостепной Украины: 1 – Яснозорье, к. 6; 2 – п. 2 Репяховатой Могила; 3 – Гуляй-Город, к. 38; 4 – Старшая Могила

ли. Эта форма удила, два звена которых состояли из округлых или прямоугольных в сечении стержней, получив со временем широкое распространение, без особых конструктивных изменений продолжала бытовать на юге Восточной Европы в течение всей скифской эпохи (Махорты, 1991, с. 68; Галанина, 1999, с. 63).

Больше всего таких удила на Северном Кавказе (около 30 экз.) обнаружено в Закубанье: Келермесский могильник, курганы 2–4/Ш, 1/В, 2/В; курган 15, погребения 3, 5; курган 16, погребение 5; курганы 24, 29, 31; Ульский могильник, курганы 1/1908, 1/1910; Говердовский курган 1 (Иессен, 1953, с. 81, рис. 20; Галанина, 1997, с. 120, табл. 17, 85; 20, 159; 21, 185; 25, 354; Эрлих, Нехаев, 2011, с. 147, рис. 6, 1; 7, 13) (рис. 6, 4–7).

В Центральном Предкавказье удила этого типа представлены в меньшем количестве: могильники Нартановский (к. 18, 23) и Новозаведенный II (к. 6, 7, 17) (Батчаев, 1985, с. 48, табл. 45, 29; 53, 2; Петренко, Маслов, Канторович, 2006, с. 415, рис. 4).

Наиболее многочисленны находки раннескифских железных петельчатых удила на территории Днепро-Донецкой лесостепи (не менее 80 экз.), в первую очередь Левобережья (около 60 экз.) и в меньшей степени – Правобережья (21 экз.) (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 46, 47, рис. 16, 2, 3; 18; Ильинская, 1968, с. 105, табл. III, 7, 8; IX, 4; XIII, 4; XXXIV, 6). Среди захоронений, которые включают в свой состав несколько наборов таких удила, следует назвать Старшую Могила и погребение 2 Репяховатой Могила (по 13 экз.), Аксютинцы, курган 470 (4 экз.), Волковцы, курган 477 (5 экз.) и др.

Прочие разновидности раннескифских кованых железных удила являются довольно редкими на юге Восточной Европы.

На Северном Кавказе известны пять экземпляров двухкольчатых удила, подражающих бронзовым новочеркасского типа (Келермес, к. 24; к. 15, п. 3 и, предположи-

ся и бронзовые стремячкovidные удила Восточной Европы предскифского периода, среди которых также выделяется не менее трех разновидностей (Махорты, 2005, с. 271).

Широкая территория распространения и сравнительно узкие хронологические рамки использования в пределах VII–VI вв. до н.э. позволяют рассматривать железные стремячкovidные удила как надежный хроноиндикатор среднего и заключительного этапов периода скифской архаики. Также они являются своеобразным этнокультурным маркером, фиксирующим направление и динамику распространения диагностирующих элементов скифской материальной культуры (а вместе с ними, возможно, и самого скифского населения) в западном направлении после завершения среднеазиатских походов скифов.

Вероятно, не позднее второй половины VII в. до н.э. в северокавказских уздечках активно стали применяться железные удила с концами, загнутыми в кольцевидные пет-

ельно, 2/В; к. 41; Клады, к. 20 Нартановского могильника), а также удила с кольчатой формой внешних окончаний – пять экземпляров (Нартан, к. 14, 20; Говердовский к. 2) (Батчаев, 1985, с. 34, 42, табл. 37, 1–3; 48, 13, 16; Галанина, 1997, с. 120, табл. 17, 298а; 25, 346; Эрлих, Нехаев, 2011, с. 151, рис. 10, 3) (рис. 6, 1–3).

Единственной находкой на Северном Кавказе является звено железных удила с большой овальной петлей снаружи и маленьким внутренним кольцом, помещенным в другую плоскость, из кургана 29 Келермесского могильника (Галанина, 1997, с. 248, табл. 24, 397).

Немногочисленными в раннескифских памятниках Предкавказья являются и бронзовые двухкольчатые удила, имеющие прототипы в предшествующую киммерийскую эпоху; два их экземпляра найдены в Центральном Предкавказье в могильниках Красное Знамя, курган 9 и Новозаведенное II, курган 8 (Петренко, 2006, с. 146, табл. 59, 267; Petrenko, 1994, p. 354, fig. 1, 14, 15). Примечательно, что на основании выявленного в этих захоронениях инвентаря (наконечники стрел с ромбической и удлиненно-ромбической формой головки и меловая колчанная застежка из кургана 9, а также бронзовое навершие с изображением протомы грифона раннегреческого типа из кургана 8) эти удила следует относить к различным хронологическим горизонтам в рамках VII в. до н.э., а следовательно, двухкольчатые удила не всегда могут рассматриваться в качестве маркера, указывающего на принадлежность отдельных раннескифских комплексов к числу древнейших. Это замечание является актуальным и в отношении захоронений, у которых в составе инвентаря имеются двухкольчатые удила, изготовленные из железа.

Помимо удила другим наиболее представительным компонентом уздечных наборов, найденным в скифских памятниках VII–VI вв. до н.э. Северного Кавказа и Днепро-Донецкой лесостепи, являются псалии. В настоящее время имеются данные о более чем шестистах обнаруженных там экземплярах, для изготовления которых использовались различные материалы – железо, бронза, кость (рог), а также дерево.

Одним из основных типов псалиев, характерных для конского снаряжения юга Восточной Европы в эпоху скифской архаики, являлись железные трехпетельчатые псалии. На территории Северного Кавказа известно более ста тридцати таких находок (Махорты, 2013, с. 274). Имея сходство, выражающееся в наличии петель, они отличаются прямым или чаще загнутым верхним концом стержня и декорированием его окончаний разного рода шишечками. К локальным особенностям относится более широкое распространение стержневидных псалиев с двумя ровно обрезанными концами в Центральном Предкавказье (Красное Знамя, к. 1, 3), а также оформление нижних окончаний псалиев в виде расплюснутой лопаточки у закубанских находок (Келермесский могильник, к. 2/В, 29, 15, п. 5, Говердовский курган 1 и др.) (Галанина, 1997, с. 248, табл. 24, 401; Петренко, 2006, с. 125, табл. 48, 37, 42; Эрлих, Нехаев, 2011, с. 147, рис. 6, 5; 7, 11, 12) (рис. 7, 2, 3, 6).

Что касается территории лесостепной Скифии, то там к настоящему времени обнаружены сто двенадцать железных трехпетельчатых псалиев (Могилов, 2008, с. 31). В количественном отношении они приблизительно поровну распределяются между двумя основными центрами распространения конского снаряжения VII–VI вв. до н.э. в Украинской лесостепи – бассейном Тясмина и Посульем. Имея сходство в наличии петель, они отличаются прямым (11%) или чаще (89%) загнутым верхним концом стержня и декорированием его окончаний разного рода круглыми или коническими шишечками (рис. 8, 1–5).

Псалии, изготовленные из бронзы и кости, от железных экземпляров отличаются большим разнообразием исполнения. Имеются данные о двадцати семи бронзовых северокавказских находках. Основной областью их распространения является Центральное Предкавказье – двадцать один экземпляр (хут. Алексеевский; Красное Знамя, к. 6; Нартан, к. 12, 13 и др.), тогда как в Закубанье известны всего шесть экземпляров (Говердовский к. 1; Подгорная и др.). Большинство рассматриваемых находок объединяет то, что они относятся к классу трехпетельчатых (23 экз.), тогда как экземпляры с трубчатыми отверстиями существенно уступают им количественно (4 экз.).

Раннескифские северокавказские бронзовые псалии представлены двумя основными модификациями: 1) с зооморфным оформлением окончаний (19 экз., или 70%); 2) без него (8 экз., или 30%). Последняя разновидность объединяет псалии,



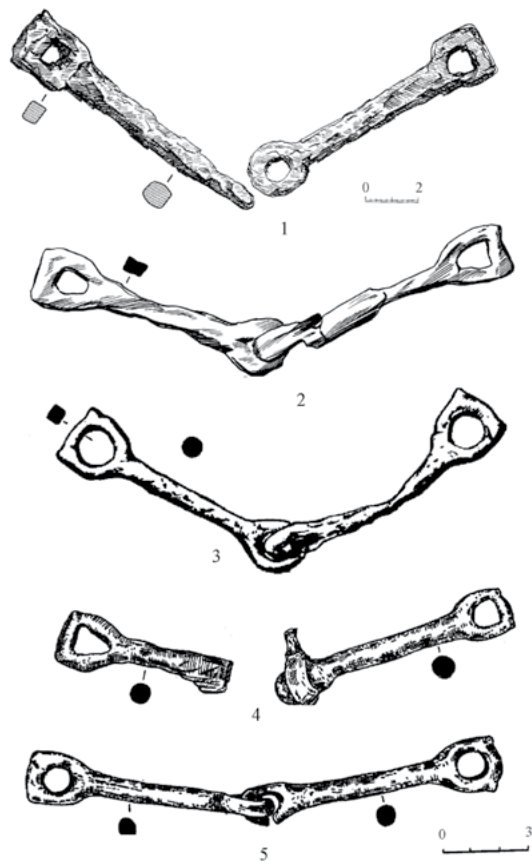


Рис. 4. Железные стремячковые удила Северного Кавказа: 1 – к. 6, Красное Знамя; 2 – к. 1/В, Келермес; 3 – к. 19, п. 5, Келермес; 4, 5 – Ульский курган 1/1910

восковицей (8 экз. – Красное Знамя, к. 6) (рис. 9, 1). Еще четыре псалия украшены стилизованными бараными головами: Подгорное; Говердовский курган 1 (Ложкин, Петренко, 1981, с. 71, рис. 1, 2, 3; Эрлих, Нехаев, 2011, с. 146, рис. 5, 1, 2) (рис. 9, 2, 3). У трех находок из Нартана (к. 12, 13) украшены оба окончания псалиев: один в виде копыта, другой – в виде головы барано-птицы (рис. 9, 4).

Раннескифские бронзовые псалии относятся к числу находок, не часто встречающихся в лесостепной Скифии (13 экз.) (Ковпаненко, 1981, с. 42, рис. 31, 4, 5; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, с. 53, рис. 6, 2). Наиболее многочисленными (9 экз.) среди них являются предметы, имеющие три отверстия и муфтообразные расширения в местах отверстий (Жаботин, к. 524; Медвин II, к. 2; Яснозорье, к. 6 и др.) (рис. 10, 1, 2, 4, 5). Вместе с тем эти находки отличаются друг от друга формой (дуговидная, Г-образная или прямая стержневидная), а также оформлением нижнего окончания псалиев. Последние декорированы в виде копыта, ребристой шишечки или являются гладкими, тогда как противоположные верхние окончания, как правило, не орнаментированы, за исключением псалиев из Яснозорья, у которых они оформлены в виде входящих друг в друга четырех конусов. Помимо этого, боковые стороны муфт на псалиях из кургана 524 Жаботина украшены солярными знаками (рис. 10, 2).

Основной областью распространения упомянутых выше бронзовых псалиев является Днепровское лесостепное Правобережье, в частности бассейны рек Тясмина и Роси, в то время как на Левобережье известна всего одна находка (Прохоровка)

хранящиеся в Пятигорском музее, а также происходящие из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (Махорты, 1991, с. 69, рис. 28, 1; Иессен, 1953, с. 84, рис. 22). Эти изделия типологически близки между собой и представлены стержневидными трехпетельчатыми псалиями с одним изогнутым окончанием. Кубанские находки имеют шишечку на верхнем конце, в то время как прямые концы пятигорских экземпляров оканчиваются плоской фигурной шляпкой в виде трех спаренных кружочков (рис. 7, 1). Бронзовые уздечные бляшки с аналогичным трехкружковым декором обнаружены в двух келермесских курганах (к. 2/В; к. 15, п. 5) и в одном из курганов у с. Аксютинцы в Посулье (Галанина, 1997, с. 241, табл. 23, 264; Алексеев, 2003, с. 389, рис. 17, 3).

При общем типологическом сходстве своеобразие бронзовых трехпетельчатых зооморфно оформленных псалиев проявляется в количестве и наборе отображаемых образов. Преобладают псалии с одним декорированным окончанием (12 экз.), среди которых преобладает изображение головы орла с сильно загнутым клювом, выпуклым глазом и подчеркнутой

(Могилов, 2008, с. 30, рис. 57, 10). Ближайшие соответствия этим изделиям обнаружены на Северном Кавказе, в Закубанье (Хаджох I) и Центральном Предкавказье (хут. Алексеевский), где они датируются в рамках начала – первой половины VII в. до н.э. (Сазонов, 2000, с. 51; Эрлих, 2007, с. 130).

Ссылаясь на наличие ряда морфологических особенностей, Т.В. Рябкова разделяет псалии жаботинского типа на несколько вариантов. При этом находки из кургана 524 у с. Жаботин и кургана 375 у с. Емчиха она относит к так называемому классическому варианту, имеющему шишечку на обоих концах псалия (Рябкова, 2007, с. 132). Следует отметить, что верхние окончания псалиев из курганов у сел Жаботин и Емчиха обломаны, поэтому их причисление к классическому варианту является некорректным. Более того, сам факт фрагментированности наряду со стертой орнаментацией на стержнях удила из кургана 524 у с. Жаботин свидетельствует о длительном использовании этих уздечных наборов, а также, очевидно, более молодой хронологической позиции по сравнению с северокавказскими комплексами.

Иные модификации бронзовых раннескифских псалиев являются малочисленными на территории лесостепной Украины. Они представлены четырьмя экземплярами и происходят из Днепровского лесостепного Левобережья (Посулье). Первая пара псалиев в виде прямого плоского стержня с округлыми утолщениями в местах отверстий найдена в кургане Старшая Могила (Ильинская, 1968, с. 107). Один из

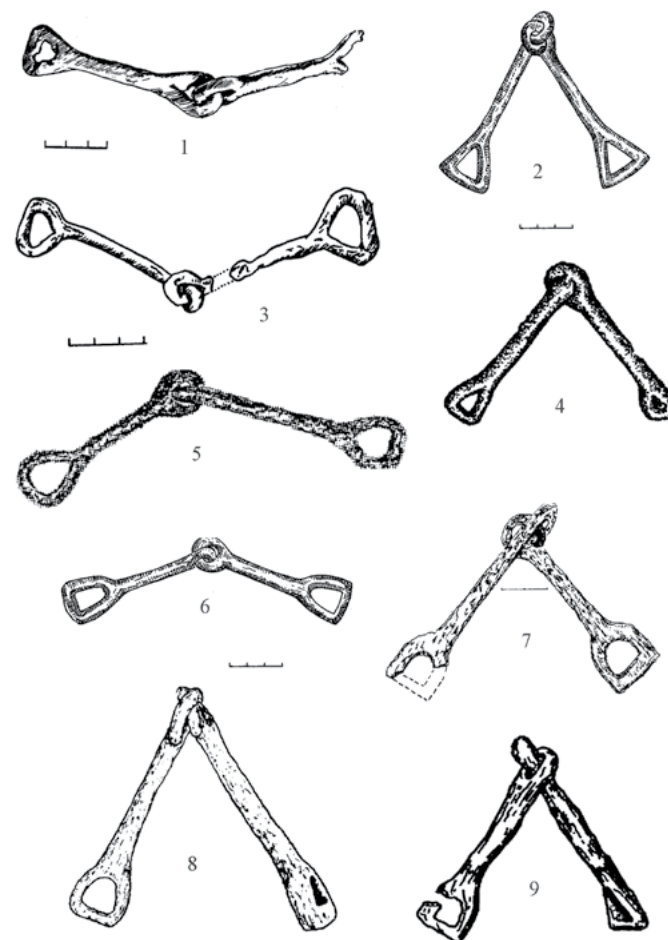


Рис. 5. Железные стремячковые удила лесостепной Украины: 1 – Долиняны, к. 4; 2, 6 – Журовка, к. 406; 3 – Перебыковцы, к. 2; 4 – Пицальники; 5 – Шутнивы, к. 3; 7 – п. 2 Репяховатой Могили; 8 – Герасимовка, к. 1; 9 – Луки



концов оформлен в виде головы барана, противоположный – в виде копыта (рис. 10, 6). Другая пара псалиев с окончаниями в виде головки хищной птицы и копыта связана с Роменским уездом (Могилов, 2008, с. 30, рис. 57, 12, 13) (рис. 10, 3).

Как и в случае с бронзовыми экземплярами основным центром распространения цельнокостяных псалиев на Северном Кавказе является Центральное Предкавказье. Наиболее представительная их серия выявлена в Нартановском могильнике (14 экз.) – курганы 14–16, 18, 23. Все они трехдырчатые и имеют разнообразные зооморфные изображения на обоих концах. Известны следующие их сочетания: изображения головы птицы, грифо-барана, кошачьего хищника или фантастического животного на одном конце и копыта на другом (рис. 9, 6, 7). Большинство изображений лишены каких-либо орнаментальных изысков и являются довольно схематичными.

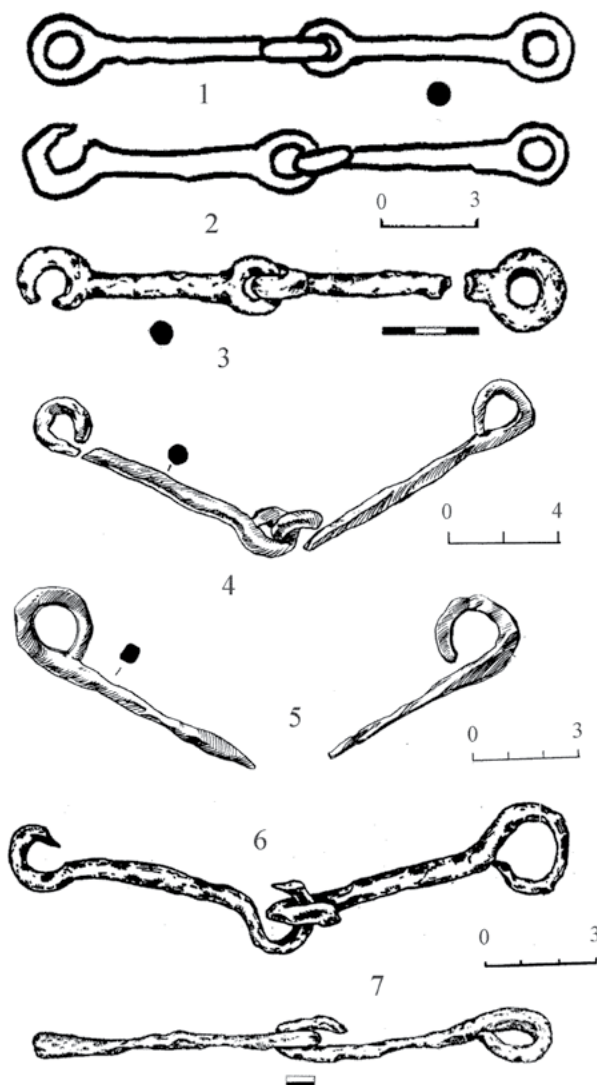


Рис. 6. Железные кольчатые и петельчатые удила Северного Кавказа: 1–2 – Нартан, к. 14; 3 – Говердовский курган 2; 4 – Келермес, к. 1/В; 5 – Келермес, к. 2-4/Ш; 6 – Ульский курган 1/1910; 7 – Говердовский курган 1

Кроме Нартановского могильника еще не менее семи костяных трехдырчатых и трехпетельчатых зооморфно оформленных псалиев найдены в могильнике Новозаведенное II (кург. 6, 11, 16). Некоторые из них имеют богато декорированные стержни и рельефные изображения оснований конских копыт на выступах у отверстий (Петренко, Маслов, Канторович, 2000, с. 241, рис. 3) (рис. 9, 5).

Помимо костяных в Новозаведенном II могильнике выявлены деревянные псалии, от которых сохранились костяные зооморфные наконечники в виде головок барана или барано-птицы (к. 5, 10, 13, 14) (Канторович, 2007, с. 251, рис. 2, 11; 6). Эти находки схожи с подобными костяными насадками (20 экз.) из келермесских курганов 1/В и 2/В в Закубанье (Галанина, 1997, с. 236, табл. 21, 166–172, 179–181, 195; 22, 232).

Следует упомянуть также оригинальные псалии (4 экз.) из кургана 1 у хутора Красное Знамя, изготовленные из клыков кабана, в нижней трети которых имеются два круглых отверстия (Петренко, 2006, с. 75, табл. 47, 17, 25).

Среди рассматриваемых псалиев VII–VI вв.

до н.э. самыми многочисленными в лесостепной Украине являются костяные псалии прямой или слегка изогнутой дуговидной формы (более 300 экз.), основными центрами распространения которых являются Днепроовское Левобережье (241 экз., или около 80%), в частности Посулье – Старшая Могила (26 экз.), Волковцы, курган 2 (8 экз.) и другие (Ильинская, 1961, с. 46; Могилов, 2008, с. 25). В большинстве случаев они трехдырчатые и имеют разнообразные зооморфные изображения на обоих концах; чаще всего псалии украшены изображением головки коня, барана или барано-птицы на одном конце и копыта – на другом. Часть изображений лишена каких-либо орнаментальных изысков и является довольно схематичной. Основной период бытования костяных псалиев приходится на VI в. до н.э.

Помимо костяных в лесостепном Приднпровье известны находки и деревянных псалиев, от которых сохранились костяные зооморфные наконечники в виде копыта и головок грифо-барана (Поповка, к. 8; Репяховатая Могила и др.) (Ильинская, 1968, с. 104; Могилов, 2008, с. 29).

Изучение погребального инвентаря комплексов, включающих раннескифские удила и псалии, а также анализ последовательного изменения архаической скифской упряжи во времени на юге Восточной Европы, с учетом хронологических разработок Л.К. Галаниной, В.Г. Петренко, В.Р. Эрлиха и В.Е. Маслова, позволило прийти к следующим заключениям:

1. Ведущим типом удила периода скифской архаики на Северном Кавказе являются металлические (бронзовые и железные) удила со стремячквидными внешними окончаниями, которые составляют более 60% от всех имеющихся здесь находок с установленной формой. На территории Днепроовской лесостепи наиболее многочисленными являются кованые железные петельчатые удила.

2. Закубанье является основным центром распространения на Северном Кавказе бронзовых стремячквидных удила с гладкими стержнями, а также железных петельчатых удила, тогда как Центральное Предкавказье – ареал распространения бронзовых стремячквидных удила с рельефно орнаментированными стержнями в виде многорядных врезных квадратиков. В украинской лесостепи базовой областью использования бронзовых и железных стремячквидных удила является Днепроовское Правобережье, а железных удила с петельчатыми окончаниями – Левобережье Днепра.

3. Бронзовые стремячквидные удила с гладкими стержнями и выделенными боковыми выступами, появившись на юге Восточной Европы в начале – первой половине VII в. до н.э., бытовали здесь до конца этого столетия.

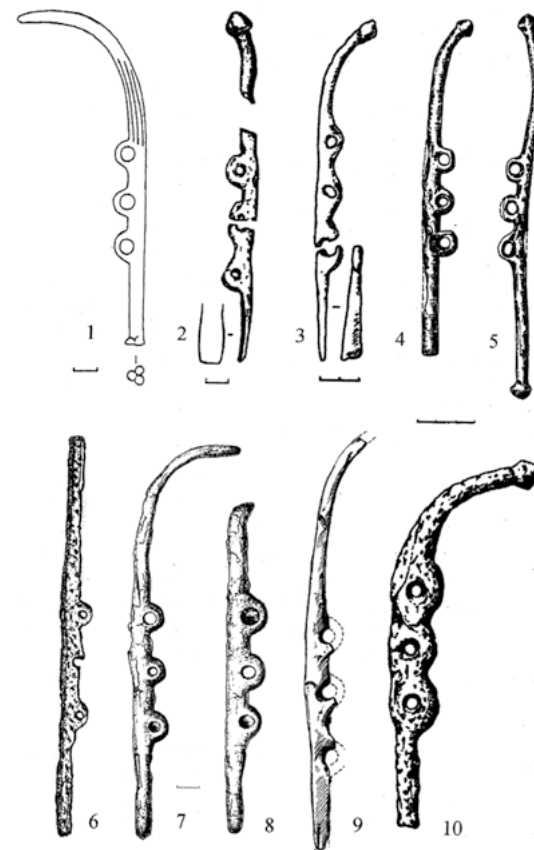
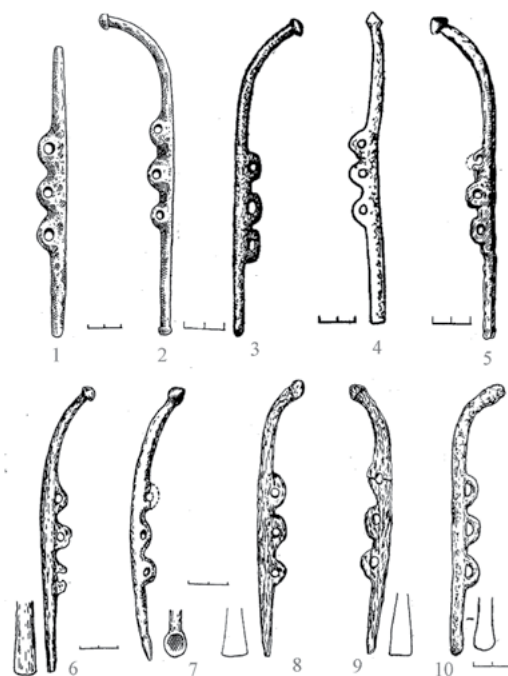


Рис. 7. Бронзовые и железные трехпетельчатые псалии Северного Кавказа: 1 – Пятигорский музей; 2 – Говердовский, к. 1; 3 – Келермес, к. 15, п. 3; 4, 5 – Ульский курган 1/1910 г.; 6 – Красное Знамя, к. 1; 7, 8 – Красное Знамя, к. 7; 9 – Келермес, к. 2/В; 10 – Новозаведенное II, к. 17





Рис. 8. Железные трехпетельчатые псалии лесостепной Украины: 1, 2 – Журовка, к. 406; 3 – Бобрица, к. 40; 4 – Саранчево поле, к. 11; 5 – Макеевка, к. 453; 6 – Поповка, курган 3; 7 – Поповка, курган 7; 8, 9 – п. 2 Репяховатой Могилы; 10 – Осняги, к. 13



4. Основной период использования бронзовых стремячовидных уди, украшенных орнаментом в виде рельефных квадратов, приходится на середину – вторую половину VII и/или «ранний» VI в. до н.э. Этим же временем датируется большинство стремячовидных уди из железа, которые неоднократно встречались в одних комплексах с бронзовыми стремячовидными удилами.

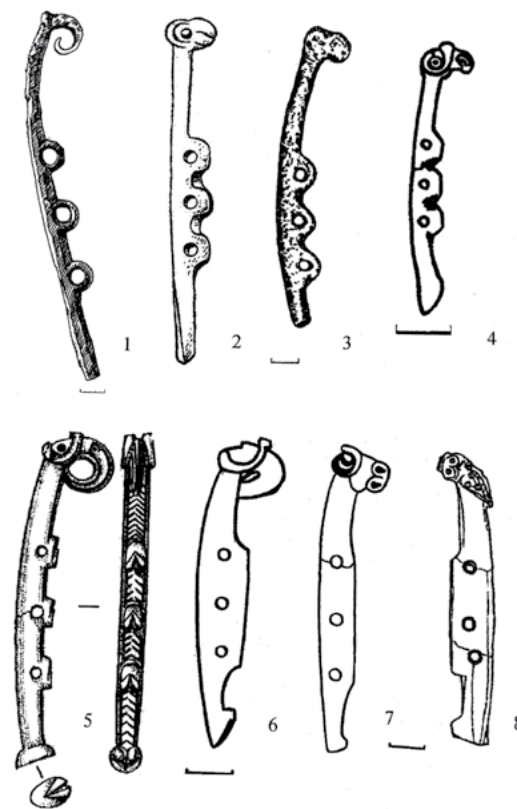
5. Бронзовые стремячовидные удила с иными вариациями декора стержней (в виде выступов-шишечек, квадратов с косыми крестами внутри, имитацией обмотки шнура) встречаются главным образом на

Северо-Западном Кавказе, а также в Среднем Приднепровье, где они маркируют более молодую в хронологическом отношении группу раннескифских памятников.

6. Железные петельчатые удила наиболее широкое распространение получили в Днепровской лесостепи и на Северном Кавказе в конце VII и/или VI в. до н.э.

7. Железные трехпетельчатые псалии хорошо представлены как на территории Северного Кавказа, так и в лесостепных областях Украины. Время их бытования здесь приходится в основном на вторую половину VII – первые десятилетия VI в. до н.э., при этом экземпляры с раскованными нижними окончаниями в виде плоской лопаточки или кружочка относятся к числу позднейших хронологических разновидностей.

Рис. 9. Костяные и бронзовые псалии Северного Кавказа: 1 – Красное Знамя, к. 6; 2 – Подгорная; 3 – Говердовский, к. 1; 4 – Нартан, к. 12; 5 – Новозаведенное II, к. 16; 6 – Нартан, к. 15; 7 – Нартан, к. 23; 8 – Новозаведенное II, к. 11



8. Основную группу раннескифских псалиев, использовавшихся в лесостепной Украине в эпоху архаики, составляли изделия из кости. Бронзовые псалии наибольшее распространение получили в VII в. до н.э., и в отличие от костяных экземпляров центр их сосредоточения располагался не на левом, а на правом берегу Днепра.

9. Наличие региональной специфики, проявляющейся, к примеру, в более широком употреблении бронзовых псалиев и стремячовидных уди на территории Днепровского лесостепного Правобережья и, наоборот, их малочисленность на Левобережье, где ведущими являлись железные петельчатые удила и костяные псалии, было обусловлено причинами как хронологического, так и территориально-производственного и культурно-исторического характера, в том числе неоднородностью раннескифского кочевнического объединения, локализующегося в лесостепной Скифии.

¹ Судя по окислам на челюстях лошадей из некоторых захоронений, на самом деле таких бронзовых уди, унесенных грабителями, очевидно, было больше: курганы 7, 13, 14 Новозаведенное и курган 1 Новопавловск (Петренко, Маслов, Канторович, 2000, с. 245).

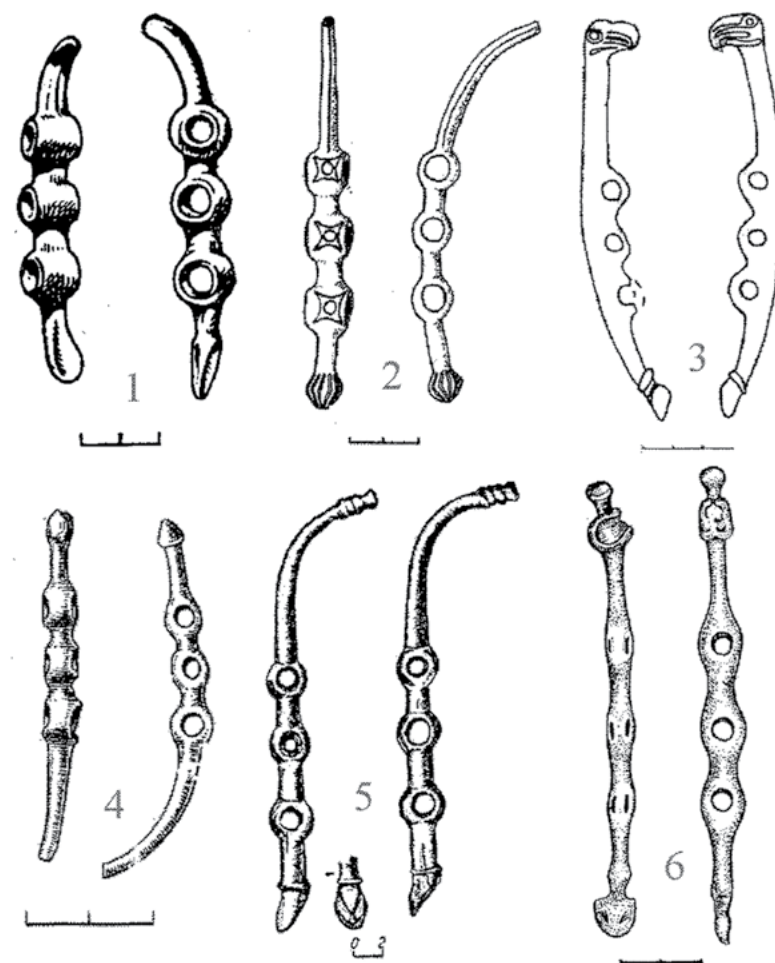


Рис. 10. Бронзовые псалии Днепровской лесостепи: 1 – Медвин II, к. 2; 2 – Жаботин, к. 524; 3 – Роменский уезд; 4 – Емчиха, к. 375; 5 – Яснозорье, к. 6; 6 – Старшая Могила



Литература

- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. – 416 с.
- Бандрівський М. Елементи церемоніальної колісниці VII ст. до нар. хр. на Тернопільщині // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. – Вып. 13. – Львів, 2009.
- Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – С. 7–115.
- Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Понтийско-кавказские исследования. – Краснодар: Скифская галерея, 1993. – С. 21–38.
- Галанина Л.К. Келермесские курганы. – М.: Палеограф, 1997. – 269 с.
- Галанина Л.К. Ульский курган (раскопки Н.И. Веселовского в 1910 г.) // АСГЭ. – СПб., 1999. – Вып. 34. – С. 58–67.
- Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР // СА. – М., 1953. – Т. XVIII. – С. 49–110.
- Іллінська В.А. Скіфська вузда VI ст. до н.е. // Археологія. – Київ, 1961. – Т. XIII. – С. 38–61.
- Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. – Киев: Наукова думка, 1975. – 223 с.
- Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. – Киев: Наукова думка, 1968. – 203 с.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 31–63.
- Канторович А.Р. Истоки и вариации образа бараноптицы в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. – М.: Таус, 2007. – С. 235–257.
- Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. – Киев: Наукова думка, 1981. – 158 с.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. – Киев: Наукова думка, 1994. – С. 41–63.
- Ложкин М.Н., Петренко В.Г. Уздечный набор из Краснодарского края // КСИА. – М., 1981. – № 167. – С. 70–73.
- Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. – Киев: Наукова думка, 1991. – 132 с.
- Махортых С.В. О генезисе предскифских стремячквидных удилов Восточной Европы // На пошану Софії Станіславівни Березанської. – Київ: Шлях, 2005. – С. 269–274.
- Махортых С.В. Раннескифские стремячквидные удила Северного Кавказа // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 2009а. – С. 236–239.
- Махортых С.В. Железные стремячквидные удила в контексте раннескифских древностей юга Восточной Европы // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2009б. – Т. XV. – С. 106–111.
- Махортых С.В. Раннескифские псалии Северного Кавказа // Шестая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 2013. – С. 274–277.
- Мелюкова А.И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. – 1953. – С. 51.
- Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. – Київ-Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ, 2008. – 439 с.
- Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. – М.: Палеограф, 2006. – 177 с.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. – М.: Старый сад, 2000. – С. 238–248.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное II // Древности скифской эпохи. – М.: ИА РАН, 2006. – С. 388–427.
- Пьянков А.В. Комплекс кургана 7 могильника Циплиевский Кут как новое свидетельство этнокультурных связей населения Северо-Западного Кавказа в ранне-

скифскую эпоху // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. – Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 2006. – С. 27–33.

Рябкова Т.В. К вопросу о типологии и происхождении псалиев типов «Жаботин» и «Уашхиту» // Ранний железный век Евразии. – Киев: ИА НАНУ, 2007. – С. 131–135.

Сазонов А.А. Хаджохские курганы – некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. – Майкоп, 2000. – № 3. – С. 42–67.

Смирнова Г.И. Курганы у с. Перебыковцы – новый могильник скифской архайки на Среднем Днестре // ТГЭ. – 1979. – Т. XX. – С. 36–67.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев: Наукова думка, 1976. – 222 с.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – Киев: Наукова думка, 1987. – 182 с.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. – М.: Наука, 2007. – 430 с.

Эрлих В.Р., Нехаев А.А. Курганы эпохи скифской архайки у хутора Говердовского в Адыгее // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. – Грозный–Москва: ИА РАН, 2011. – С. 131–152.

Petrenko V. On the interpretation of early Scythian sites in Central Ciscaucasia // The archaeology of steppes. – Napoli: Napoli University, 1994. – P. 347–357.

Махортых С.В.

Б.з.д. VII–VI ғғ. Кавказ маңы мен Украин орманды даласындағы салт аттылардың ат әбзелдері

Мақала Шығыс Еуропаның оңтүстігіндегі ертедегі скиф ескерткіштері шоғырланған басты орталықтар болып табылатын Солтүстік Кавказ бен Украин орманды даласынан табылған ертедегі скиф ауыздықтары мен сулықтарын кеңістік-хронология тұрғысынан талдауға және түсіндіруге арналған.

Кавказ маңының көне скиф кезеңіндегі ауыздықтардың негізгі үлгісі үзеңгі тәрізді сыртқы ілгектері бар қола және темір ауыздықтар болса, ал Днепрдің орманды даласында темір ілгекті ауыздықтар болып табылады. Бұлардың біріншісі типологиялық сипаттамаларымен, сондай-ақ әртүрлі зерленген өзектерімен ерекшелене отырып, б.з.д. VII ғ. – VI ғ. басында, ал екіншілері б.з.д. VII ғ. аяғында және/немесе VI ғ. басында кең тараған. Солтүстік Кавказда қолданылған ертедегі скиф сулықтарының көпшілігін б.з.д. VII–VI ғ. мерзімделетін металдан жасалған сан алуан үш ілгекті үлгілер, ал Днепр орманды даласында негізінен б.з.д. VI ғ. жататын, қос ұшында аң бейнелері бар сүйек үлгілер құраған.

Makhortyk S.V.

Horse harness of the 7th - 6th century BC from northern Caucasus and the Ukrainian forest-steppe

This article is dedicated to a spatial-chronological analysis and interpretation of the early Scythian horse bits and cheek-pieces found in northern Caucasus and in the forest-steppe of Ukraine. In these regions of south-eastern Europe were concentrated many Scythian sites dated back to the 7th - 6th century BC. The bronze and iron bits with stirrup-shaped loops on the both ends represented the basic type in the northern Caucasian region, whereas in the Dnieper forest-steppe area prevailed the iron bits with open-ended loops. The former type of bits, which was characterized by some different sub-types and various decorations of the rods, was the most widespread in the 7th – beginning of the 6th century BC, while the latter type at the end of the 7th and/or 6th centuries BC. Most of Scythian cheek-pieces (psalia), used in northern Caucasus, was constituted by three-looped cheek-pieces in metal, dated back to the 7th - 6th century BC. On the contrary, the bone cheek-pieces with zoomorphic images at both ends, attributed to the 6th century BC, were predominant in the Dnieper forest-steppe region.



СЮННУСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ

Сюнну (хунну, азиатские гунны) – скотоводческие племена, в последние века до нашей эры владевшие огромными пространствами Центральной Азии и создавшие здесь мощное протогосударственное образование – прообраз более поздних кочевых «империй». Комплекс признаков сюннуской материальной и духовной культуры обладает ярко выраженными особенностями. Археологические памятники, опосредованно сохранившие основные признаки этого комплекса, представлены погребениями, открытыми поселениями и укрепленными крепостями. С этими памятниками сопряжены категории предметно-бытовой культуры, в разнообразных сочетаниях представленные как в погребениях, так и в слое крепостей и поселений. Наглядными примерами таких памятников являются детально исследованные Иволгинский комплекс (большое и малое городища и могильник), Дырестуйский могильник, поселение Дурены, «царский» комплекс захоронений в пади Царам (Давыдова, 1995; 1996; Миняев, 1998; Давыдова, Миняев, 2003; Миняев, Сахаровская, 2010).

Сюннские памятники являются опорными при разработке проблем хронологии археологических комплексов всей Центральной Азии и сопредельных регионов. Этому способствуют довольно подробные сведения письменных источников, а также часто встречающийся в таких памятниках надежно датируемый импортный материал (зеркала, монеты, лакированные изделия с надписями). Именно поэтому хронология и периодизация памятников сюнну существенно влияет на локальную периодизацию многих регионов степного пояса, где часто фиксируют аналогии различным категориям сюннуского предметного комплекса.

В настоящее время общепринято датировать сюннские памятники в пределах конца III в. до н.э. – I в. н.э. Это время – период наибольшего могущества сюнну, на него указывают как письменные источники, так и подтверждающие их в целом археологические материалы. Вместе с тем детальный анализ письменных и археологических источников позволяет отметить между ними определенные противоречия, решение которых имеет принципиальное значение для разработки проблемы формирования сюннуского культурного комплекса и его хронологии. Рассмотрим эти противоречия детальнее.

Письменные источники. Основные данные о сюнну собраны в «Шицзи» – «Исторических записках» Сыма Цяня (145 (?) – 87 гг. до н.э.), в первую очередь в 110-й главе этого труда – «Сюннулечжуань» (Повествование о сюнну). Текст главы позволяет большинству историков считать, что в эпоху Чжаньго (403–221 гг. до н.э.) сюнну обитали на плато Ордос, в северной излучине Хуанхэ (земли хэнань, то есть к югу от реки), при императоре Цинь Шихуане были вытеснены на север полководцем Мэн Тянем и вновь вернулись в Ордос после падения Цинь (см. подробнее: Таскин, 1968). Считается что именно отсюда шаньюй Маодунь (209–174 гг. до н.э.), убивший отца и захвативший власть, начал свои завоевательные походы, которые привели к распространению сюннуского влияния на огромные пространства азиатской части степного пояса.

Однако тщательный анализ источников показывает, что «ордосская версия» сюннуской прародины ошибочна. Она основана на произвольной обработке текста 110-й главы поздниханьскими историками (что существенно исказило смысл сведений Сыма Цяня) и не учитывает, к тому же, существенные противоречия в хронологии описываемых событий. В действительности текст «Повествования о сюнну» и ряда других глав «Шицзи» свидетельствует, что сюнну появляются в Ордосе после 209 г. до н.э., наиболее вероятно, в 206–202 гг. до н.э. во время первого этапа завоеваний Маодуня. Нет никаких свидетельств обитания их в Ордосе ранее названного времени. Этот регион был заселен племенами лоуфань-байян, которые обитали здесь уже в эпоху Западного Чжоу, в конце III в. до н.э. были подчинены сюнну, но сохранили районы своих кочевий и были вытеснены из Ордоса ханьскими войсками лишь в конце II в. до н.э. (см. подробнее: Миняев, 1990; 1991; 1998).

Текст «Сюннулечжуань» позволяет также считать, что история сюнну до их возвышения связана не с Ордосом, а с северным ареалом княжеств эпохи Чжаньго

– Янь и Чжао (в первую очередь с его северной частью, где ранее находилось княжество Дай). Этот регион назван Сыма Цянем при описании завоеваний Маодуня: «вторгся в Янь и Дай, полностью вернул земли, отобранные Мэн Тянем по приказу Цинь» (Таскин, 1968, с. 40). В современном административном делении эта территория охватывает восток провинции Шаньси, север провинции Хэбэй, запад провинции Ляонин, а также юго-восточные аймаки Внутренней Монголии.

Однако в данном регионе, археологическая изученность которого достаточно высока, нет ни одного памятника, в котором фиксировались бы проявления сюннуского культурного комплекса. Такие памятники располагаются в ином ареале, охватывающем Забайкалье, Северную и отчасти Южную Монголию, но их хронология не соответствует рассмотренным выше датам начального этапа сюннуских завоеваний. Рассмотрим подробнее датирующие материалы из этих памятников

Археологические источники. Наиболее надежным датирующим материалом в инвентаре сюннуских археологических комплексов являются монеты «у-шу», ханьские зеркала, а также лакированные изделия с надписями, в которых указан год изготовления. Несмотря на то что многие такие изделия имели широкий диапазон бытования (в первую очередь зеркала и монеты), у них есть фиксированная начальная дата изготовления, что позволяет надежно определить *terminus post quem* для большинства памятников.

Кроме того, исследования последних десятилетий позволили выявить новые, неизвестные ранее особенности погребальной практики сюнну. Главным образом это относится к системе размещения захоронений на площади могильников, что существенно расширяет возможности для их корректной хронологии. Выяснилось, что в большинстве памятников захоронения образуют комплексы, включающие центральный курган и расположенные вокруг него «сопроводительные» захоронения; в свою очередь, такие комплексы формируют несколько групп, размещенных в десятках метров друг от друга. При этом наиболее крупные курганы располагаются выше других, как правило, в северной части каждой группы; самый крупный курган отдельного памятника в большинстве случаев находится в северной части могильного поля. Можно предполагать, что в каждом случае такие большие курганы сооружали первыми, поэтому они являются самыми ранними в каждой группе. Эти погребальные памятники служили своеобразной доминантой, вокруг которой позднее формировалась остальная часть могильника. Рядом с большими курганами имеются небольшие захоронения с признаками насильственной смерти на скелетах, что позволяет рассматривать их как человеческие жертвоприношения. Таким образом, всякий большой курган и расположенные рядом с ним «сопроводительные» могилы можно рассматривать как единовременный комплекс, захоронения в котором совершены в течение одного или нескольких дней, то есть в пределах единой погребальной церемонии. Вполне очевидно, что дата одной из могил комплекса, установленная по каким-либо надежным датирующим признакам, может быть принята и для всего комплекса в целом (см. подробнее: Миняев, 1985; 1989; 1998, с. 70–71).

Подобная система размещения погребений устойчиво повторяется в различных могильниках, что исключает ее случайность. Эта система была, вероятно, нормой погребальной практики сюнну, в которой опосредованно отражены реальные связи и отношения как внутри отдельных коллективов, так и общества в целом. Зафиксированные особенности планиграфии существенно расширяют возможности анализа материалов могильников, в первую очередь для определения их хронологии.

С учетом выявленной системы размещения погребальных комплексов и датирующих категорий инвентаря рассмотрим хронологию основных памятников сюнну¹.

Дырестуйский могильник. Рассмотренная выше система расположения сюннуских захоронений была впервые выявлена именно на этом памятнике, открытом полностью «сплошным раскопом». Планиграфия могильника (рис. 1, 1) отчетливо свидетельствует о концентрации захоронений группами, каждая из которых, в свою очередь, насчитывает несколько комплексов (см. подробнее: Миняев, 1988; 1998, с. 41–69). Для этого памятника датирующим материалом являются монеты «у-шу», найденные в нескольких захоронениях на западном, южном и юго-восточном участках могильника. Несмотря на то что выпуск таких монет был довольно длительным (118 г. до н.э. – 581 г. н.э.), их находки в могилах надежно определяют 118 г. до н.э. как *terminus post quem* для каждой такой могилы, а следовательно, для комплекса



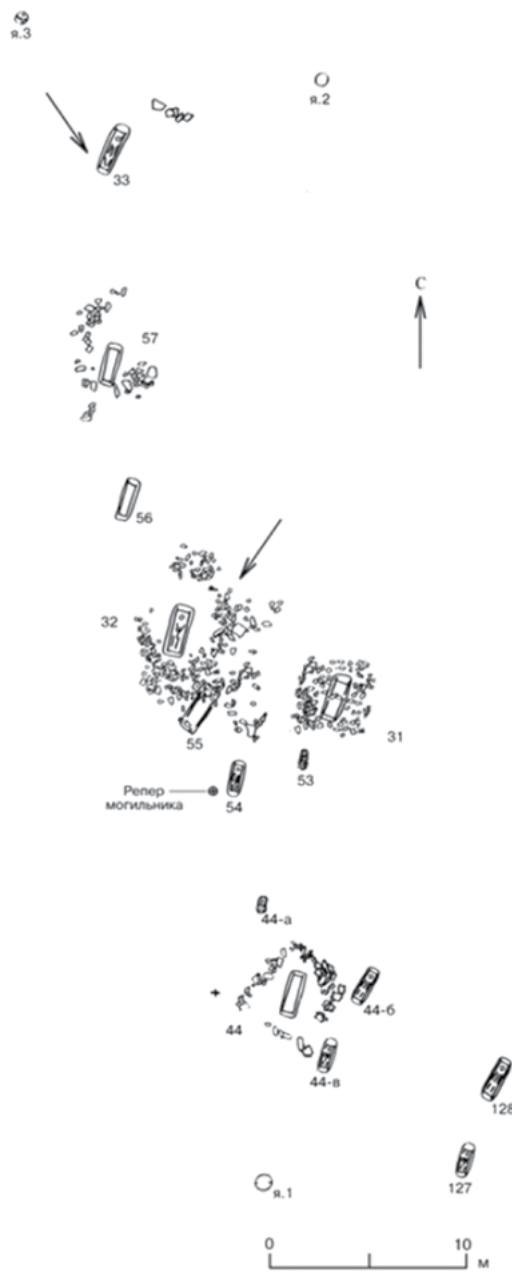


Рис. 2. Дырестуйский могильник, план группы
1. Наклонными стрелками
показаны захоронения с монетами «у-шу»

Таким образом, рассмотренные выше датировки курганов показывают, что захоронения в Судзуктэ начали формироваться не ранее конца I в. до н.э. Остальные захоронения в этой пади должны быть датированы тем же или несколько более поздним временем. Данный вывод подтверждается и датировочными находками из других захоронений, расположенных ниже и южнее: кургана 31 (лакированная чашечка с указанием даты изготовления – 4 г., что соответствует 9 г. до н.э., девиз «Юаньянь»; Чистякова, 2009, с. 88) и кургана 22 (ханьское зеркало, датируемое примерно рубежом до нашей и нашей эры; Полосьмак, Чистякова, Богданов, Шацкая, 2013, с. 315–317).

Падь Цзурумтэ. Участниками экспедиции П.К. Козлова на план пади нанесен центральный участок могильного поля и расположенные рядом с ним несколько больших курганов. Надежный датировочный материал (надпись на лакированной чашечке) получен только для отдельного кургана без номера, откуда А. Симуков в 1927 г. извлек часть находок (Симуков, 2008, с. 42–45). По описанию А. Симукова, это был одиночный курган, расположенный по соседству с другими одиночными курганами, несколько ниже Цзурумтинской группы (судя по плану могильных полей, примерно в 700 м к юго-востоку от Кондратьевского кургана). Не исключено, что рассматриваемый курган входил в состав еще одного могильного поля в пади Цзурумтэ, однако отсутствие плана этого участка памятника оставляет вопрос открытым. Можно лишь заключить, что для данного кургана *terminus post quem* является (как и для кургана № 6 в Судзуктэ) 2 г. до н.э.

Еще одно могильное поле Ноин-Улы в пади Гуджиртэ пока не имеет надежных датировочных материалов. Можно лишь предполагать, что время формирования здесь могильника вряд ли значительно отличается от времени образования соседних могильных полей.

Рассмотренные выше данные позволяют заключить, что время существования захоронений в горах Ноин-Ула определяется временем не ранее конца I в. до н.э., наиболее вероятно – I в. н.э. (см. подробнее: Миняев, Елихина, 2010).

Ильмовая падь. В этом крупном могильнике, расположенном на юге Бурятии неподалеку от Ноин-Улы, обломки зеркал найдены в четырех курганах:

- 1) курган 3 – середина Западной Хань (конец II – начало I в. до н.э.);
- 2) курган 3 – конец Западной Хань (конец I в. до н.э.);
- 3) курган 51 – конец Западной Хань (конец I в. до н.э.);
- 4) курган 123 – I в. н.э.

Необходимо особо подчеркнуть, что два обломка зеркал (рубеж II–I вв. до н.э. и конец I в. до н.э.) найдены в одном кургане 3, что подчеркивает длительность бытования у сюнну зеркал и, возможно, других импортных престижных изделий. Следовательно, *terminus post quem* для этого кургана определяется по более позднему фрагменту – конец I в. до н.э.

Обратимся к планиграфии Ильмовой пади. Курган 3 расположен на восточном участке этого могильника (участок А согласно нумерации первооткрывателя памятника Ю.Д. Талько-Гринцевича) и, судя по составленному им глазомерному плану, входил в состав одной из групп, являясь сопроводительным захоронением для расположенных рядом больших курганов (Талько-Гринцевич, 1999, с. 19). С большой долей вероятности можно предполагать, что другие курганы, составляющие одну группу с курганом 3, должны также датироваться временем не ранее I в. до н.э.

Курганы 51 (конец I в. до н.э.) и 123 (I в. н.э.) располагаются на противоположном, самом западном участке могильного поля (участок Е), датировку которого также с большой долей вероятности можно определить периодом не ранее конца I в. до н.э. Таким образом, датировочный материал из различных курганов Ильмовой пади, расположенных на разных участках могильника, позволяет определить дату памятника – не ранее I в. до н.э.

Иволгинский комплекс. Этот важнейший для сюннуской археологии памятник включает в себя большое и малое городища и могильник (Давыдова, 1995; 1996). Датировка городищ может быть определена на основании найденных в слое и жилищах фрагментов зеркал и стилиа надписи на каменном оселке, датировка могильника – по монетам «у-шу».

На Иволгинском городище найдены следующие фрагменты зеркал:

- 1) жилище 49 – конец III в. до н.э.;
- 2) яма 10 – Западная Хань (II–I вв. до н.э.);
- 3) жилище 41 – II в. до н.э.;
- 4) квадрат Ф-35 – середина Западной Хань (рубеж II–I вв. до н.э.);
- 5) яма 87 – Западная Хань (II–I вв. до н.э.);
- 6) яма 57 – III в. до н.э.

Таким образом, хронологический диапазон, восстанавливаемый по фрагментам зеркал для городища, достаточно широк – III–I вв. до н.э. Определение стилиа надписи на каменном оселке позволяет сузить эту дату. По определению крупнейшего китайского историка Ся Ная, по особенностям начертания иероглифов надпись датируется временем I в. до н.э. – I в. н.э. Это обстоятельство доказывает, что городище может быть датировано не ранее I в. до н.э.

С этой датой согласуются и данные Иволгинского могильника, хронология которого в значительной степени влияет на датировку и городища. Здесь обнаружены четыре экземпляра монет «у-шу» в погребениях 34, 54, 172, 190; еще одна монета была найдена случайно на площади могильника. Перечисленные захоронения располагаются в разных частях могильника: могила 34 – в западной части, могила 172 – в центральной, могила 54 – в южной, могила 190 – в восточной (Давыдова, 1996, рис. 2). Таким образом, вне зависимости от последовательности формирования могильника его дата не может быть ранее I в. до н.э.

Данная дата подтверждается и химическим анализом стеклянного бисера, выявленного в могильнике. По мнению В.А. Галибина, проводившего эти анализы, особенности состава бисера характерны для стеклянных бус, обнаруженных в различных памятниках Сибири и Азии. Такие бусы повсеместно датируются временем не ранее I в. до н.э. (Галибин, 1985).

Перечисленные факты подтверждают, что наиболее вероятной датой существования Иволгинского комплекса является время не ранее I в. до н.э.

Этим же временем – не ранее I в. до н.э. – можно датировать практически все известные в настоящее время памятники сюнну. На это время указывают датировочные

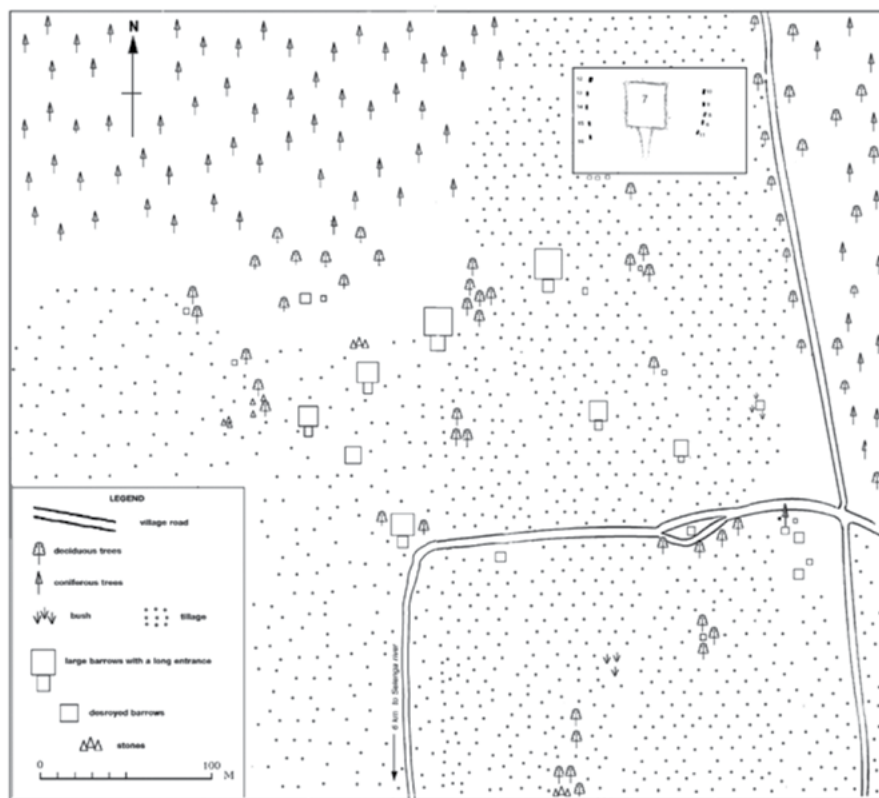


Рис. 3. План могильника Царам

находки зеркал в Забайкалье (Черемуховая падь, Эдуй, Бурдун, крепость Баян-Ундэр) и Монголии (Хуни-Гол, Тамир, Бурхан-Толгой, Дурлиг-Нарс.), монет «у-шу» (Даодуньцзы, Тамир), надписей на лакированных изделиях из могильника Гол-Мод-1 (G. Eregzen, N. Batbold, 2011; Xiongnu tombs, 2008).

Рассмотренный выше археологический материал из памятников сюнну не позволяет датировать эти памятники временем более ранним, чем I в. до н.э. Данное заключение противоречит основанному на письменных источниках такому традиционному определению начальной даты сюннских комплексов, как конец III в. до н.э. Напомним, что и ареал распространения перечисленных выше археологических памятников иной, чем тот, где сюнну обитали в первые десятилетия существования своей империи.

Вполне очевидно, что необходима корректировка общепринятых представлений о хронологии сюннского культурного комплекса. В качестве рабочей гипотезы можно предложить следующее. В позднескифскую эпоху сюнну были одним из скотоводческих племен, обитавших в ареале северных земель княжеств Янь и Чжао (восток Шаньси, север Хэбэя, запад Ляонина, юго-восточные аймаки Внутренней Монголии). В качестве «протосюннских» здесь можно назвать погребения в могильниках Наньшаньгэнь, Дуннаньгоу, Чжоуцзяди, Юйхуанмяо, погребения, впущенные в верхний слой стоянок Сяцзядянь, Сяохэйшигоу, и другие. Они характеризуются рядом признаков, которые впоследствии проявляются именно в памятниках сюнну: погребенные лежат на спине с прямыми конечностями, в деревянных гробах, помещенных в каменный ящик, иногда с небольшой каменной кладкой на поверхности. Некоторые категории инвентаря этих погребений, в первую очередь столь характерные для сюнну накладки на лук и свистунки для стрел (Могильник Юйхуанмяо..., fig. 760), явно аналогичны сюннским так же, как и бронзовые пуговицы, зооморфные бляшки, колокольчики, бронзовые имитации каури. Другие категории в ряде случа-

ев можно рассматривать как прототипы сюннских (ножи с кольчатым навершием, черешковые трехлопастные стрелы и плоские стрелы-срезни, форма и вес которых указывают на применение большого лука, по размерам, очевидно, аналогичного сюннскому).

Сюннские завоевания, начавшиеся в конце III в. до н.э., вызвали интенсивные перемещения больших масс населения и активное взаимодействие различных культурных традиций на востоке степного пояса. С этого времени началась существенная трансформация антропологического и культурного облика населения азиатских степей. Этот процесс, занявший, видимо, несколько десятилетий, завершается не ранее I в. до н.э. формированием типичного комплекса новаций, каким является сюннский культурный комплекс. С названного времени основные его элементы получают широкое распространение на огромной территории, контролируемой сюнну.

Данная территория, однако, не включала в себя районы исконного обитания сюнну, которые уже в конце II в. до н.э. были оставлены ими после длительной войны с Ханьской империей. Названное обстоятельство вполне определенно зафиксировали письменные источники. Отмечено, что в период 123–119 гг. до н.э. после ряда поражений «сюнну бежали далеко, и к югу от пустыни уже не было ставки их правителя. Хань, перейдя Хуанхэ, от Шофан и далее на запад до Линьцзюй построили каналы, поставили чиновников, поселили солдат и, понемногу захватывая земли, стали граничить с сюнну по их северной границе [...] Хань приобрела земли к югу от реки, восстановила линию Мэн Тяня, установила границу вдоль реки [...] Чжаосинь научил шаньюя отойти на север через пустыню... шаньюй последовал его совету» (комментарии к данному тексту подчеркивают, что пустыня стала южной границей сюнну). Позднее, после 105 г. до н.э., сообщается: «...шаньюй Ушилу отошел еще дальше на северо-запад, войска его левого крыла оказались против округа Юньчжун, а правого крыла – против округов Цзюцюань и Дуньхуан» (Таскин, 1968, с. 58).

Предлагаемая корректировка хронологии сюннского культурного комплекса может существенно повлиять на локальную периодизацию археологических памятников раннего железного века в Центральной Азии. На основании сведений письменных источников вполне можно допустить, что с рубежа III–II вв. до н.э. сюнну контролировали здесь обширные регионы, поэтому названное время обычно считают началом переходного «постскифского» периода. Однако между установлением политического и военного контроля и распространением здесь различных категорий сюннского комплекса прошел, вероятно, определенный промежуток времени.

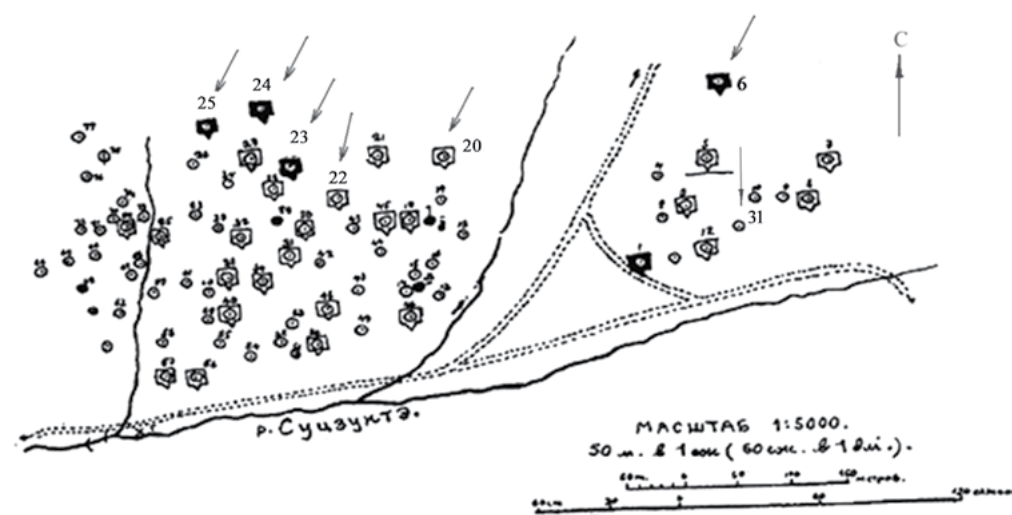


Рис. 4. План центрального и восточного участков в Нойн-Уле, падь Судзуктэ. Наклонными стрелками показаны курганы с датировочным материалом



Именно поэтому памятники гунно-сарматского периода с выраженными элементами сюннуского культурного комплекса могут быть датированы здесь временем не ранее, чем формирование самого этого комплекса, то есть не ранее I в. до н.э. Соответственно можно допустить существование памятников, характерных для скифского периода Центральной Азии и во II–I вв. до н.э.

¹ Серия радиоуглеродных анализов из памятников сюнну в статье не рассматривается ввиду чрезвычайно широкого диапазона полученных дат.

Литература

- Галибин В.А. Особенности состава стеклянных бус Иволгинского могильника хунну // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 37–45.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. – СПб.: Фонд Азиатика, 1995. – 226 с.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 176 с.
- Давыдова А.В., Миняев С.С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. – СПб.: Фонд Азиатика, 2003. – 164 с.
- Доржсурэн Ц. Раскопки курганов хунну в горах Ноин-Ула [и] на реке Хуни-Гол // Монгольский археологический сборник. – М., 1962. – С. 67–74.
- Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – 48 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Китайская надпись на гуннских «штанах без мотни» из Ноин-Улы // Материалы научной сессии «75 лет отделу Востока». – СПб.: Государственный Эрмитаж, 1995. – С. 40–41.
- Миняев С.С. К топографии курганных памятников сюнну // Краткие сообщения Института археологии. – М.: Наука, 1985. – Вып. 184. – С. 21–27.
- Миняев С.С. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // Материалы IV конференции «Скифо-сибирский мир». – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1989. – С. 76–78.
- Миняев С.С. «Сюнну лечжуань» и проблема ранней истории сюнну // Общество и государство в Китае: XX научная конференция. – М.: Институт востоковедения РАН, 1990. – Ч. 2. – С. 149–153.
- Миняев С.С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1991. – С. 108–120.
- Миняев С.С. Дырестуйский могильник. – СПб.: Европейский дом, 1998. – 233 с.
- Миняев С.С. Элитный комплекс сюннских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2 (38). – С. 49–58.
- Миняев С.С., Елихина Ю.И. К хронологии курганов Ноин-Улы // Записки ИИМК РАН. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2010. – Вып. 5. – С. 169–182.
- Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // Археологические вести. – № 9. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2002. – С. 86–118.
- Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный комплекс сюнну в пади Царам // РА. – М.: Наука, 2007. – Вып. 1. – С. 194–201.
- Могильник Юйхуанмяо [у хребта] Цзюндушань. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007. – Т. 1–4 (на кит. яз.).
- Пираццолли-Серстевенс М. Китайская надпись из элитного кургана сюнну в могильнике Царам // Археологические вести. – М.: Наука, 2008. – Т. 15. – С. 71–74.
- Полосьмак Н.В., Чистякова А.Н., Богданов Е.С., Шацкая С.С. Китайское зеркало из 22 ноин-улинского кургана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. 19. – С. 315–317.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Новые исследования ноин-улинских курганов // Материалы Международной конференции «Российское изучение Центральной

Азии: исторические и современные аспекты» (к 150-летию П.К. Козлова). – СПб.: Изд-во «К-8», 2013. – С. 227–241.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. – М.–Л.: Наука, 1962. – 184 с.

Симуков А.Д. Отчет о раскопках двух курганов в падах Судзуктэ и Цзурумтэ // Труды о Монголии и для Монголии. – Осака, 2008. – Т. 3. Вып. 1. – С. 40–45.

Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. – СПб., 1999. – Вып. 4.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. – М., 1968. – Вып. 1. – 177 с.

Чистякова А.Н. Перевод иероглифической надписи на лаковой чашечке из кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3 (39). – С. 59–68.

Erdelyi I. Results of the Mongol-Hungarian Archaeological expeditions 1961-1964 (a comprehensive report) / I. Erdelyi, C. Dorjsuren, D. Navan // Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, 19, 1967, fasc. 3-4, pp. 334-340.

Ergzen G., Batbold N. Topographical research on the tombs at the Xiongnu cemetery of Duurlig nars // Studia Archaeologica, tomus XXXI, fasc.1-13. Ulan-Bator, 2011, pp. 221-238.

Louis F. Han Lacquerware and the Wine Cups of Noin Ula. The Silk Road 4/2 (2007): 48-53.

Murail P. (2000). The man, the woman and the hyoid bone: from archaeology to the burial practices of the Xiongnu people (Egiin Gol valley, Mongolia) / P. Murail, E. Crubezy, H. Martin, L. Haye, J. Bruzek, P.-H. Giscard, T. Turbat, D. Erdenebaatar // Antiquity 74:531-536.

Pirazzoli-t'Serstevens M. Chinese lacquerware cups from Noin-Ula: some problems of manufacturing and distribution // The Silk Road, № 7, 2009, pp. 36-41.

Treuer K. Excavation in Northern Mongolia. Leningrad. Fedorov, 1932. - P. 98.

Xiongnu tombs in Mongolia. Seoul: National museum of Korea, 2008. - P. 347.

Zhongguo tongjing tu dian (Encyclopaedia of Chinese Mirrors). Comp. by Kong Xiangxing and Liu Yiman. Beijing: Wenwu chubanshe, 1992. - P. 476.

Umehara S. Mōko Noin-Ura hakken no ibutsu (Исследование находок из Ноин-Улы, Северная Монголия). – Т. 1: Toyo Bunko, 1960/ - P. 304 (на япон. яз.).

Миняев С.С.

Сюнну археологиялық кешені: мерзімдеу мәселелері

Мақалада Азиялық ғұндардың (сюннулердің) археологиялық ескерткіштерінің хронологиясы қарастырылады, оған мерзімі көрсетілетін табылған заттар (ең алдымен импорт бұйымдар), сол сияқты қорымдар алаңындағы мүрделердің орналастырылу ерекшеліктері негіз болады.

Қолда бар деректер сюнну ескерткіштерінен алынған археологиялық материалдың олардың мерзімін б.д.д. I ғ. ертерек уақыт деп көрсетуге мүмкіндік бермейтінін көрсетеді. Бұл тұжырым жазбаша деректерге негізделіп, сюнну кешендерінің бастапқы мерзімін б.д.д. III ғ. соңы деп дәстүрлі түрде анықтауға қайшы келеді. Сюнну мәдени кешенінің хронологиясы туралы көпшілік қабылдаған түсініктерді өзгерту қажет екендігі анық. Қолданыстағы жорамал ретінде төмендегіні ұсынуға болады. Б.д.д. III ғ. соңында басталған сюнну жаулап алушылығы Азия даласындағы халықтың антропологиялық және мәдени бейнесінің елеулі түрде өзгеруіне әкелді. Бірнеше онжылдықты қамтыған бұл процесс б.д.д. I ғ. ғана сюнну мәдени кешені сияқты типтік жаңарулар кешенінің қалыптасуымен аяқталады. Сәйкесінше Орталық Азияның алдыңғы скиф кезеңіне тән және б.д.д. II–I ғ. ескерткіштер болған деуге болады. Б.д.д. I ғ. бастап сюнну мәдени кешенінің негізгі элементтері сюннулердің бақылауындағы үлкен аумақта кең тарайды. Алайда бұл аумаққа сюннулердің байырғы тіршілік еткен аудандары кірмеген, сюннулер оларды б.д.д. II ғ. соңында ақ Хань империясымен ұзаққа созылған соғыстан кейін тастап кеткен.



Minyaev S.S.

The Xiongnu Archaeological Complex: Chronological Questions

The article deals with some archaeological sites related to the Xiongnu (Hsiung-nu), the chronology of which is based both on dating finds (primarily imported artefacts) and topographical peculiarities of the burials in the burial grounds.

The available material does not allow to date the Xiongnu sites earlier than the 1st century BC. This assessment contradicts the traditional chronological determination based on written sources, which highlights the end of the 3rd century BC as the earliest date for the Xiongnu archaeological complexes. It is obvious that some adjustments of the conventional chrono-notions of Xiongnu history are necessary. As a working hypothesis it is possible to state what follows. The Xiongnu conquests, beginning at the end of the 3rd century BC, led to a significant transformation of the anthropological and cultural identity of the population of the Asian steppes. This long-standing process ended only around the 1st century BC with the formation of a typical complex of innovations as it was the Xiongnu cultural complex. Accordingly, we can assume the existence of sites, typical of the pre-Scythian period in Central Asia till the 2nd – 1st century BC. Since the 1st century BC the main elements of the Xiongnu cultural complex were widely adopted in the huge territory controlled themselves. This area, however, did not include areas of their native habitat, which already at the end of the 2nd century AD, were left to them after a long war against the Han empire.

Мурзин В.Ю., Шлайфер В.Г.

ЛУКИ ИЗ СОБРАНИЯ ЗАПОРОВСКОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ОРУЖИЯ

В Музее истории оружия, что находится в г. Запорожье, хранятся три лука, которые иллюстрируют собой заключительную фазу длительной эволюции сложно-составных луков кочевников Евразии, начиная от луков, получивших в литературе название «скифские». Тем не менее, судя по изобразительным материалам, например, по рельефу из Нимрудского дворца (рис. 1) великого ассирийского царя Ашшур-нацир-апада II, правившего в 883–859 гг. до н.э. (Бикерман, 1976, с. 188), на котором изображены северные кочевники, предположительно киммерийцы, такие луки должны были появиться не позднее начала I тыс. до н.э., то есть еще до времени скифов и саков.

Лук 1. Лук выгнут рогами вовнутрь. Длина кибики составляет 884 мм. Явной асимметрии рогов не наблюдается. Деревянная рукоять овальная в сечении, ее толщина около 30 мм. Рога двухслойные (рис. 2).

«Спинка» лука изготовлена из дерева, а «брюшко» усилено длинными роговыми пластинами, прикрепленными к деревянной части кибики, начиная от рукояти до (примерно) крутых изгибов к концам лука. Эти изгибы достаточно массивны, их толщина 23 мм, а ширина 31 мм. Внешняя сторона рогов в этом месте ощутимо заострена.

Концы лука, или мадианы, составляют единое целое с деревянными частями рогов лука. Дерево и роговые пластины были склеены между собой, в настоящее время шов склейки заметно разошелся.

В нижней части одного из рогов фиксируется обмотка из каких-то растительных материалов, возможно из полосок бересты. Поскольку обмотка имеется лишь на ограниченном участке лука, не исключено, что это следы ремонта – устранения то ли разошедшегося шва, то ли небольшой трещины.

На одном из концов лука сохранился упор для тетивы. Лук покрыт черным, желтым и красным лаком.

Лук 2. Общая длина лука 1370 мм (рис. 3). Лук асимметричный. Длина верхнего рога 715 мм, нижнего – 655 мм. Так же, как и первый лук, он состоит из двух слоев – деревянной «спинки» и длинных роговых пластин на брюшке, склеенных между собой. Такое сочетание, вероятно, хорошо обеспечивало «сжатие-разжатие» лука. На концах рогов сохранились два упора для тетивы.



Рис. 1. Нимрудский рельеф

Деревянные части рогов украшены пятилепестковыми розетками. Лук покрыт черным и красным лаком.

Лук 3. В отличие от первых двух экземпляров имеет более значительные размеры (длина 1440 мм) и отличается сложностью конструкции и разнообразием материалов, использованных при его изготовлении (рис. 4, 5). Иногда такие луки называют композитными. Лук выгнут в обратную сторону. Рукоять овальная в сечении, достаточно толстая – 46 мм. Деревянные рога усилены роговыми и стальными накладками. На верхнем роге к деревянной основе «брюшка» прикреплена роговая пластина длиной 204 мм, шириной 32 мм, толщиной 5 мм. Поверх нее закреплена стальная пластина длиной 183 мм, шириной 16 мм, толщиной 2 мм.

Еще одна стальная пластина укреплена на боковой стороне рога. Ее ширина 32 мм, толщина 1 мм. Пластина частично фрагментирована, поэтому установить ее точную длину не представляется возможным.

Стальная пластина длиной 178 мм, шириной 34 мм и толщиной 1 мм укреплена также на деревянной «спинке» рога.

Рукоять со стороны «брюшка» оклеена кожей. Вероятно, это помогало стрелку прочнее удерживать лук.

К другому рогу, ниже рукояти, также прикреплена вначале роговая накладка длиной 165 мм, шириной 34 мм и толщиной 4 мм, на которую наложена стальная пластина длиной 159 мм, шириной 30 мм и толщиной 4 мм.

Лук богато украшен изящными арабесками.

Все три лука были приобретены для Музея во время аукционов, проходивших в дальнем зарубежье. Первые два лука, по данным организаторов аукционов, происходили откуда-то из района Монголии. Третий лук был выставлен на продажу как «турецкий».

Что касается первых двух луков, то с атрибуцией их как позднемонгольских можно согласиться. Об этом свидетельствует, в частности, их сходство с монгольскими луками позднего Средневековья, особенно с луком 1-го типа, усиленным длинными роговыми пластинами (Худяков, Бобров, 2004, с. 111, 116).

К сожалению, авторы публикации не дают точной датировки публикуемых вещей. Однако, как следует из контекста работы, речь, вероятнее всего, идет о XVIII в. Такую дату подтверждает еще один известный нам лук. Недавно на известном аукционе «Империял» был выставлен на продажу «редкий монгольский лук» (лот 45)





Рис. 2. Лук № 1



Рис. 3. Лук № 2

(<http://www.auctionflex.com/showlot.ap?co=30162&weid=22048&weid=8054413&archive=&lso=lotnumasc&pagenum=1&lang=En>). Он действительно редкий, поскольку обтянут тисненой кожей, окрашенной черным, оранжевым и красным лаком. Рога лука сильно выгнуты наружу и образуют почти замкнутый овал, наибольшая длина которого 50,7 см (рис. 6). По мнению экспертов аукциона, лук датируется серединой XVIII в.

Не вызывает сомнений и атрибуция третьего лука как турецкого. О его дате можно судить по турецкому луку, изготовленному, судя по сохранившейся на нем надписи, в 1622 г.

Последний был экспонирован на выставке османского оружия, что проходила в замке Фридрихштайн (Федеральная земля Гессен, ФРГ) в 2012 г. (Löwe und Halbmond..., 2012, kat. 10-13). Как и публикуемый нами экземпляр, он был усилен стальными пластинами и украшен восточными орнаментальными мотивами (рис. 7). Все это дает основание датировать турецкий лук из коллекции Музея истории оружия в г. Запорожье в пределах XVII в.

Литература

Бикерман Э. Хронология древнего мира. – М., 1976. – 336 с.

Худяков Ю.С., Бобров Л.А. Вооружение джунгар и халха-монголов в эпоху позднего средневековья // Труды гуманитарного ф-та НГУ. Серия II. – Новосибирск, 2004. – Вып. 1. – С. 109–124.

<http://www.auctionflex.com/showlot.ap?co=30162&weid=22048&weid=8054413&archive=n&lso=lotnumasc&pagenum=1&lang=En>

Löwe und Halbmond. Ein Prunkzelt und Waffen aus dem Osmanischen Reich. – Petersberg, 2012. – 432 с.

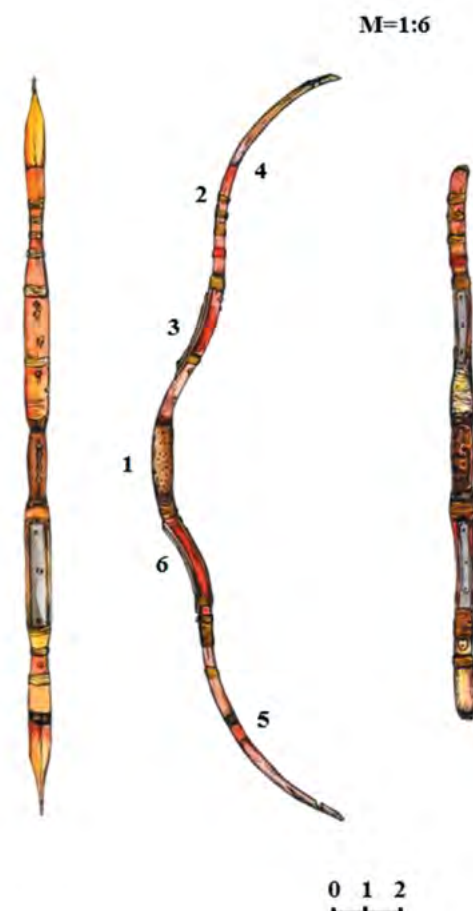


Рис. 4. Лук № 3. Цифрами обозначены орнаментированные участки киби

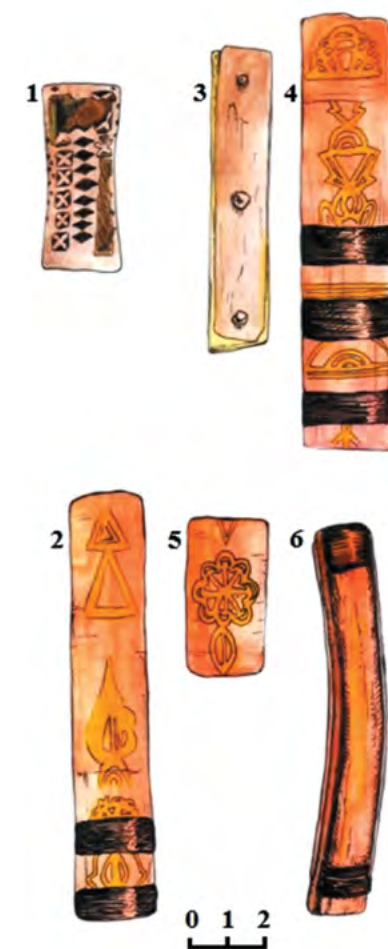


Рис. 5. Детали декора лука № 3



Рис. 6. Монгольский лук. Лот аукциона «Империял»





Рис. 7. Турецкий лук. Экспонат выставки в замке Фридрихштайн

Мурзин В.Ю., Шлайфер В.Г.
Запорожье қару-жарақ тарихы музейінің жинағындағы садақтар

Запорожье қаласында орналасқан Қару-жарақ тарихы музейінде үш садақ сақталған, олар әдебиеттерде «скифтік» деген атауға ие болған садақтардан бастап күрделі құрамалы садақтардың ұзақ эволюциясының қорытынды сатысына көрнекі мысал болады.

Алғашқы екі садақ екі қабатты, олардың иіндері ағаштан дайындалған, ал «белі» ұзын мүйіз тіліктермен нығайтылған. Садақтар әр түрлі түске ие лакпен көмкерілген. Оларды кейінгі моңғолдық деп анықтап, шамамен XVIII ғ. мерзімдей аламыз.

Үшінші садақ күрделілеу құрылымымен ерекшеленеді. Оны дайындау кезінде ағаш, мүйіз және болат пайдаланылған. Садақ әдемі ою-өрнектермен зерленген. Осыған ұқсас қарулану құралдарына қарағанда, ол түрік садағы болып табылады және XVII ғ. мерзімдеуге болады.

Murzin V.Yu., Shlayfer V.G.

Bows from the Collection of the Zaporozh'e Museum of Weapon History

Three bows are conserved in the museum of weapon history at Zaporozh'e. They represent the final phase of a long evolution of composite bows, which began from the bows called in the literature as «Scythian».

The first two bows are composed by two layers, their basis is made of wood while the «body» is strengthened by long horny plates. Both bows are lacquered of different colours. They can be attributed as artefacts of the late Mongolian period and date, approximately, to the 18th century.

The third bow has a more complicated structure. It has been manufactured in wood, horn and steel. The bow is ornamented with graceful arabesques. According to similar subjects on other arms, supposedly, it is a Turkish bow and can be dated to the 17th century.

Омаров Ғ.

ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЕРТЕ САҚ ЗАМАНЫНЫҢ «АҢ СТИЛІ»

Ғылымда «сақ үштігінің» бірі болып саналатын «аң стилі» соңғы жылдардағы тыңнан ашылған археологиялық жаңалықтарға байланысты жаңа тұжырымдар жасауға мүмкіндіктер беріп отыр. Бұған дейін азды-көпті зерттеушілердің еңбектері тек жекелеген аң стилінің атрибуттарына тоқталғанымен, толық жүйелеу ісі соңғы уақытта ғана қолға алына бастады. Алайда, Қазақстан территориясына тиесілі ерте және соңғы сақ дәуірі ескерткіштеріндегі өнер туындыларының жекелеген аймақтарына қарай өзгешеліктері мен ұқсастықтары қарастырылған жоқ.

Б.з.д. I мыңжылдықта Еуразия даласының орта шенінде, нақты айтқанда, Қазақстан мен Таулы Алтай көшпенділерінің өнерінде «аң стилі» ерекше түр болып таралды. Бұлай аталуының себебі, ең алдымен, осы өнерде аңды бейнелеу мәтінінің басым болуымен байланысты. Аң стилі өзіндік көркемдеу тәсілімен ерекшеленеді. Айрықша көркемдеу тәсілі деуіміздің себебі, мұнда жергілікті жердің өз табиғатына сай аң-құстардың бейнеленуі және олардың табиғатта болатын тіршілік үшін

күресін аса бір ой-қиял жетегінде сезімталдықпен көрсеткен. Атап айтқанда, аң-құс бейнелерінің азу тістері, бұлшық еттері, құс тұмсықтары және жалпы жекелеген дене мүшелерінің шектен тыс үлкейтіле немесе бұратыла көркемдетілуі, сонымен бірге бір бейне бірнеше образдармен астасып жатуымен ерекшеленеді. Осы стильде орындалған бұйымдарды ерте көшпелілер өнерінің туындысы деп танысақ, бұл өнер түрі өзіне сақ, скиф, юечжи, сармат, үйсін және ғұн сынды көптеген тайпалар одағын біріктіреді. Сақ-скиф өнеріндегі «аң стилінде» бейнеленген көптеген әшекей заттар Сібір, Алтай және қазіргі Қазақстан өңірлерінен Петр I патшаның тұсында қазына іздеу мақсатында өте аянышты жағдайда тоналды. Ол тоналған заттардың көпшілігі құрдымға кетіп, ал қалған бір азғана бөлігі Мемлекеттік Эрмитажда «Петр I патшаның Сібір коллекциясында» жинақталған. Бұл мәселеге М.И. Артамонов назар аударып былай деп жазды: «Сібір коллекциясының әшекей заттарының кейбір бөлігі, меніңше, Шығыс Қазақстаннан шығады...» (Артамонов, 1973, с. 31). Ғалымның бұл пікіріне толықтай қосылуға болады деп ойлаймын.

Алтай-Тарбағатай өңіріндегі ерте көшпелілер ескерткіштеріне археологиялық зертеулер XIX ғасырдың 60-шы жылдарынан басталады. Алғаш рет 1865 жылы В.В. Радлов Алтай және Шығыс Қазақстан өңірінде Катон және Берел өзендерінің Бұқтырма өзеніне құяр сағасында екі ірі қорғанға қазба жұмысын жүргізсе (Радлов, 1889), ал XIX ғасырдың басынан бастап сақ-скиф өнеріндегі аң стиліне байланысты мәліметтер бұрынғыға қарағанда тыңғылықты түрде жинақтала бастады. 1911 жылы А.В. Адрианов Алтайдың оңтүстігіне қарай Маймер өзені аңғарынан екі қорған және Бұқтырма өзені жағасынан, нақты айтқанда, Черновой ауылы маңынан жеті қорған қазса (Адрианов, 1916), келесі бір зерттеу ісі С.С. Черниковтың мәліметтерімен толықты деуге болады. Ол Тарбағатай өңіріндегі Шілікті жазығында 1949 жылдан бастап 1971 жылдарға дейін қазба жұмыстарын жүргізіп, «аң стилі» мәнеріндегі өте бай мәліметтер жинақтады. С.С. Черниковтың зерттеулерінен табылған «аң стиліндегі» өнер туындылары Пазырық үлгісіндегі және Петр I жинақтатқан коллекциялармен айғақталды (Черников, 1965, с. 24–43). С.С. Черников зерттеген № 5 қорғаннан табылған заттардағы жан-жануарлардың суреттері бізге белгілі сақ-скиф аң стилінде салынған, олар ежелгі өнер туындыларының ең озық үлгілері болып табылады, әсіресе, аяқтары бауырына жабысып, мүйіздері арқасына қарай қайырылған, ылғи да бір қырынан оңға қарап тұрған бұғы бейнесі салынған қаңылтырлар ерекше көзге түседі. Ал көз, құлақ орнына бирюза қондырылған. Бұлар шартты түрде «ұшатын бұғылар» деп аталады. Сақ-скиф өнері әлемінің шығыс аймақтарында кездесетін бұғы бейнелерінің кейбір бөлшектері батыстағы өнерден өзгешелеу. Бұғы бейнесінің мұндай трактовкасы ежелгі көшпелілер өнерінде кең тараған.

С.С. Черниковтың пайымдауынша бүркіт бейнелі қаңылтырлар бас киімге тігілген. Қанатын жайып-қомдап, мойнын ішіне алған бүркіт тұмсығының үсті дөңестеу, көз ұясы мен тырнақтары ойық, аузы жапырақша формалы. Көк және жасыл түсті таспен безендірілген. Қанатын қомдап отырған қыран пішінді, бедерленген болса, денесі, кеудесі, қанаты және құйрығының сұлбасы кескінмен бейнеленген. Қыранның тырнақтары сақина тәрізді ішке қарай иілген. Аяғы мен қомдалған қанатының арасында үшбұрыштанып келген құйрығы орналасқан. Басы оңға бұрылып, денесінің ішкі жағына қарай кіріккен. Тұмсығы иілген, бедерлері айқын бейнеленген. Жыртқыш құстың денесінің төменгі жағы, аяғы, құйрығы, тырнақтары да нобайланып қана берілген. Олар басын артқа қарай қайырып, қырынан тұрған жыртқыш құстар түрінде болып келеді. Көз аясында перуза моншақтар бекітілген (1-сур.). Құстарды осындай стилмен бейнелеу Жетісу өлкесіндегі жартастарға салынған суреттерде және Сібір, Орал, Кавказ ежелгі көшпелілер мәдениетінде де кездеседі.

Қарастырылып отырған қорғаннан табылған тағы бір қаңылтыр дөңгеленіп жатқан мысық тәрізді жыртқыш бейнесінде. Аңның басы мен құйрығы оралып келіп түйіскен күйде салынған. Мұндай бейненің берілуі ежелгі скифтік өнерге тән белгі. Хайуанның құйрығы мен табаны дөңгеленіп жатқан денесінің астына қарай қайырылып, сақиналанып барып бітеді. Мысық тұқымдастың басы солға қараған, танауы, көзі, құйрығының ұшы және аяқтары дөңгелек ойық түрінде бейнеленіп, көк түсті шыны пастамен инкрустация жасалған (Черников, 1965, с. 177, п. 3). Алтын заттарға перуза немесе оның орнын ауыстыратын соған ұқсас эмаль қондырып көркемдеу Келермес, Аржан және Шілікті қорғандарындағы сияқты б.з.д. VII–VI





ғасырларда кең етек алған (Членова, 1997, с. 30). Археология ғылымында «пантера» деп аталатын мысық тұқымдас аңның алтын қаңылтырға пунсондық әдіспен батырылып салынған бір дана бейнесі өткен жылы осы мақала авторының басшылығымен Күршім ауданындағы Бесоба-1 қорымындағы № 10 қорғаннан табылды (Омаров, 2013).

Мұндай бейнелердің семантикасы біршама күрделі, сондықтан да ғалымдар олардың мән-мағынасы туралы бірегей пікірге әлі келе алған жоқ (Богданов, 2006; Королькова, 2006). Десек те, мұндай тәсіл арқылы жан ұшыра қашып келе жатып құлаған аңның ажал алдындағы соңғы ширығуы, азу тісін ақсита айбат шегуі бейнеленген деген пікірдің көпшілік арасында белең алып тұрғанын айта кеткен абзал.

Шілікті сақтары өнерінде қабан бейнесі де ерекше мәнге ие. Алтын қаңылтырдан кесілген қабанның бейнесі бір қырынан көрінеді. Ол аңның кенеттен «аяғының ұшымен» қалт тұра қалу сәтін елестетеді. Қиық салу арқылы жіңішке көздерін бейнелеген. Сонымен қатар иілген алтын қаңылтыр балықтың бейнесі де өте қызық. Оған бирюзаның жұқа пластинкаларынан көз, желбезек, құйрық жапсырылған. Балық пен қабан бейнелері Тывадағы б.з.д. VIII ғасырдың соңы мен VII ғасырларға жататын Аржан 2 қорғанынан табылған алтын заттардың тура аналогиясы (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2004).

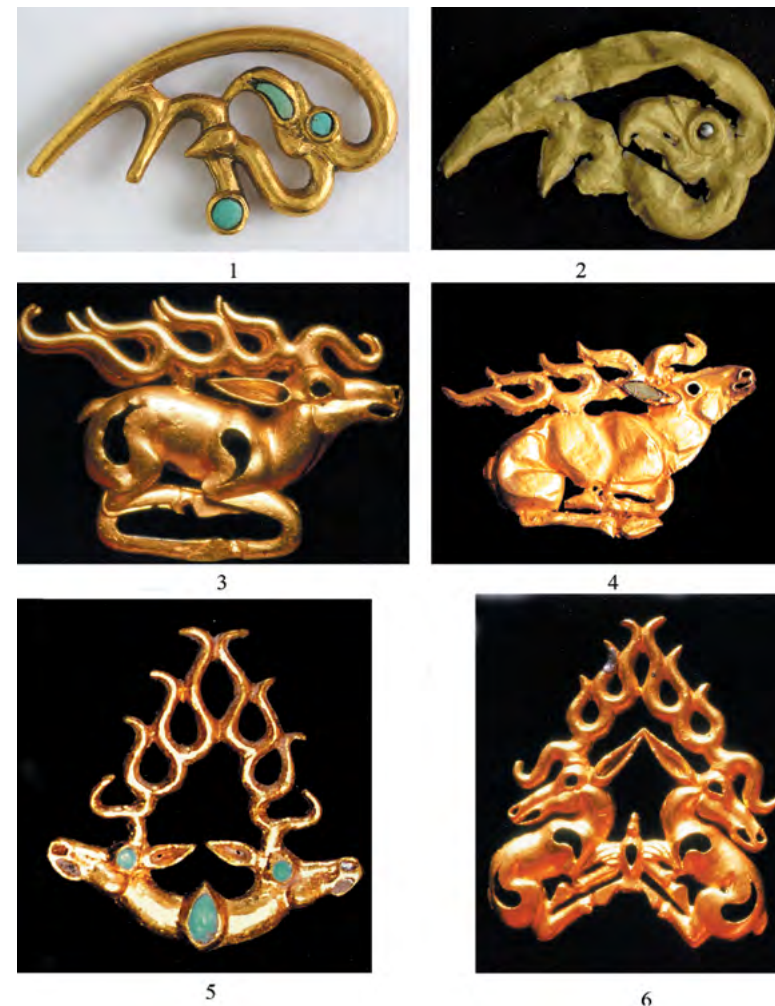
С.С. Черниковтың Шілікті даласынан сақ өнеріне қатысты ашқан жаңалықтары 2003 жылы Ө.Т. Төлеубаевтың осы өңірде жүргізген зерттеулерімен толықты. Бәйгетөбе обасын ашу барысында одан барлығы 4303 дана алтын заттар табылды. Олардың 153 данасы мәлінің маскасы бейнесінде, 36 данасы бүркіт, 20 данасы бұғылар, 39 данасы қасқыр түрінде, бір түйме-қаптырма бесжұлдыз, бір қаптырма арқар бейнесінде (Төлеубаев, 2011, с. 156–174). Арқар түріндегі саф алтыннан құйылған қаптырма әшекей түрі табылған заттардың ішіндегі ең ірісі де, салмақтысы да жалғыз-ақ. Бұл киімге тағылатын қаптырма әшекей. Арқардың көзі, құлағы, ауызы, тұяқтарына көкшіл ақық тас орнатылған. Кеудесінің аса салбырамай, мүйізі жарты айланып біткеніне және бұдырларының аса томпақ болмағанына қарағанда мұнда жас құлжа бейнеленген. Мойнының, алдыңғы екі қолының, санының, жағының бұлшық еттері теуіп тұр. Тұяқтары тігінен қадалған. Бірдеңеден секем алып, ытқып кетуге дайындалып тұрған жануардың түрі өте әдемі, мүсінде дене арасалмағы жақсы сақталған. Сақ-скиф өнерінде арқар жиі кездеседі. Ол бізге Алтайдағы Пазырық обасынан, Минусин ойпатындағы Тағар мәдениеті заттарынан (Киселев, 1951, с. 231), Солтүстік, Орталық Қазақстан ескерткіштерінен (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966), Тыва жеріндегі Аржан обасынан және т.б. белгілі (Грязнов, 1980, с. 39–40).

Мүйіздеріне сегіз жылдық сақина түсірілген екі таутекенің басы мен ортасына орналасқан құс пішінді алтыннан құйылып жасалған қапсырмалар (сурет). Бір-біріне қаратып орналастырылған таутекенің екі басы мен ортасына орналастырылған құс пішінді, жалпақ, бедерлі. Мүйізіндегі жеті жылдық сақинасының жоғарғы жағы дөңестеніп, төменгі жағы жұмырланып орналасқан. Бұлшық еттері бедерленген. Көз ұясы дөңгелек формалы, құлақ, мұрын және аузы тамшы тәріздес 8 көгілдір түсті жалпақ ақық таспен безендірілген. Қанаты жайылған құс бейнесі текелерге 90 градуста орналасқан. Құстың басы имек тұмсықты, көздері терең ойықтармен белгіленген. Қанаттары екі сызықпен сызылған. Құс қанаты мен құйрығы текенің жағының астына тиіп тұр. Текенің мойны құстың қанаттарын да бейнелейді. Бұл өзінің композициясы жағынан өте күрделі әшекей. Бұл затта үш тұрық, үш мағына бар. Әшекей алыстан қарағанда мысық тектес жыртқыштың бет бейнесін елестетеді. Ал енді әшекейге жақыннан үңіліп қараса оның бір-біріне тұмсығын түйістіріп, беті мен мүйізі анық көрініп тұрған екі таутекенің бейнесінен құралғандығын байқауға болады. Ал енді осы құйма алтыннан жасалған әшекей затты бір қырынан қарасаңыз тура қалықтап ұшып келе жатқан алып құсты елестетеді. Әкелі-балалы Ақышевтар: «Ертедегі сақ шеберлерінің қолданысындағы үш бірдей аң образының (құс – тұяқты жануар – жыртқыш) бірлігі жаратылыс элементтерінің өзара үштік (үш жақтылы) әсері идеясын бейнелеп көрсетуді көздеген. Бұл заттарға магиялық мән-мағына берген» (А.К. Акишев, К.А. Акишев, 1986, с. 21–28). Мұндай аса жоғары көркемдік және таңғажайып техникалық деңгейде орындалған әшекей сақ-скиф өнер туындыларында бұрын соңды кездеспеген.

Осы обадан табылған келесі әшекейлер тобы «бұғылар» деп аталады. Әшекейдің тінін екі бұғының мойны, басы мен мүйіздері құрайды. Екі бұғы мойнынан бір-

бірімен жымдасып кеткен, бастары екі жаққа қарап тұр, өзара жымдасып қосылып кеткен мүйіздері бір композиция құрап тұр, бейне бір мәуелі талдың бұтақтары сияқты, әрбір бұғының мүйізі 4 саладан тұрады. Мойындарын көтеріп, тұмсықтарын аспанға шаншылта, құлақтарын қаға тұрғанына қарағанда бұғылар бірдеңеден қиналып, бірдеңеге құлақ түріп, тосып тұрғанға ұқсайды. Оның үстіне жануарлардың дене бұлшық еттері сыртқа теуіп, сіресіп тұр. Жалпы сюжет туу және өсіп-өну идеясын марапаттайды. Бұған ұқсас екі бұғының мүйізі түйістіріліп тұрған бейнедегі алтын әшекей кезіндегі Жетісудан табылған Жалаулы көмбесінің ішінде бар.

Жоғарыда сипатталған заттардан бөлек Бәйгетөбе обасынан бүркіт түріндегі әшекей-қаптырмалар да табылған болатын. Бұл әшекей қанатын жайып-қомдап, мойнынан ішіне алған бүркітті елестетеді. Тұмсығының үсті дөңестеу, көздері үлкен. Мұндай бүркіт бейнесіндегі 9 әшекей 1960 жылы Шіліктідегі С.С. Черниковтың қазбаларынан да шыққан. Қазақстандағы ерте көшпелілер өнерінде мұндай әшекейлер кездесе қойған жоқ. Тарбағатайдан тыс жерде осыған ұқсас бүркіт



1-сур. Аң стиліндегі алтын заттар

1 – Бәйгетөбе қорымынан табылған бүркіт бейнесі; 2 – № 5 қорғаннан табылған бүркіт бейнесі; 3 – Жалаулы көмбесінен табылған бұғы бейнесі; 4 – № 5 қорғаннан табылған бұғы бейнесі; 5 – Бәйгетөбе бұғылары; 6 – Жалаулы бұғылары





бейнелері Камадағы Зуев қорымынан табылған. Оны А.В. Збруева б.з.д. VI ғасырмен мерзімдеген (Черников, 1965, с. 57–59).

Бәйгетөбе обасынан табылған келесі бір аң «аң стилі» өнер туындысы қасқыр түріндегі әшекей. Бұл әшекейдің бір детальдеріне қарасаң, әсіресе басы, тұмсығы, әшекей жаңа ғана туған қасқырдың күшігіне ұқсайды. Ал енді жалпы денесінің бітімі, табаны, құйрығы аюдың бейнесін бір-біріне ұқсатып жасау, кейде осы екі жыртқыштың қасиеттерін ұштастыру кездесетін жағдай.

Аң бейнелі өнердің ерекше бір үлгісінің тараған келесі бір өңірі Алтай аймағы. Қазақ Алтайындағы Берел қорымында жүргізілген зерттеулер бұл өңірге тән өнер белгілерін ашып берді (Самашев, 2011). Берел қорымындағы обаны зерттеу барысында ерте көшпелілер өнерінің әртүрлі үлгіде орындалған әшекейлері алынды. Берелдегі обадан табылған өзіне әртүрлі обалардың образын біріктірген синкретті фантастикалық тіршілік иесі – грифондар да өзіндік ерекшелігімен өзгешеленеді. Оларда жалпы Алтай өнеріндегі образға тән белгі, қасиеттерімен бірге Пазырық ескерткіштерінің өнер бұйымдарына әзірше белгісіз деталь бар. Мысық тұқымдас жыртқыш тұлғалы грифон мүсінінің басы имек тұмсықты, ауызы доға тәрізді дәу бүркіттің басы түрінде бейнеленген. Оның көзінің арт жақ тұсынан төменгі жақ сүйегіне дейін рельефті әдіспен гүл жапырақшалары тәрізді «жағалық» бедерленген. Жапсырма құлағы ұзын жапыраққа ұқсайды, теріден жасалған мүйізі желкесіне қарай қайырылған. Аталған жануарлардың бейнесінің нақты баламалы үлгісі Алтайдың ерте көшпелілері өнер туындылары арасынан қазірше кездескен жоқ, алайда Л.И. Баркованың топтастыруы бойынша оны шартты түрде «бүркітбасты» грифондар тобына жатқызуға болады (Баркова, 1987). Енді Қазақстанның басқа да өңірлеріндегі ескерткіштерден табылған сақ-скиф өнері заттарына қысқаша тоқтала кетейік.

1969–1970 жылдары Жетісу өңіріндегі Есік қаласы маңынан К.А. Ақышев ерте темір дәуірінің қорғанына қазба жұмысын жүргізіп «аң стилінде» бейнеленген бөлшектерден тұратын баршаға белгілі «Алтын адамды» тапты. Жетісудағы Есік қорғаны ғалымдарға сақ тайпаларының қолөнерін зерттеуде тек бай мәлімет беріп қана қоймай, әлеуметтік шаруашылық құрылысын анықтауға, дінін, мифтік түсінігін, бұл тайпалардың өміріндегі өнердің орнын анықтауға мүмкіншілік берді (К.А. Ақышев, 1983, с. 5).

1950–1960 жылдары М.Қ. Қадырбаев Орталық Қазақстанның ерте темір дәуірі бойынша Тасмола мәдениетін ашумен бірге «аң стилі» басқа өңірлерімен қатар тыңнан ашылған мәліметтермен толықты. Тасмола I, V қорғандарынан жануарлар бейнесін кескіндеген әр түрлі заттар табылды. Олар әртүрлі материалдардан жасалған, қола кең қолданылған. Қазақстандағы қазбаларда жақын аналогия болмаса да, жоғарыда айтып кеткендей өзінің табиғи ерекшелігіне қарай сол фаунада мекендеуші аң-құстар бейнеленген. Бірақ, бірнеше мәтін Алтай өнер туындыларына, сонымен бірге Минусин, Ордостағы ескерткіштерге келеді (Қадырбаев, 1959; Артамонов, 1973, с. 31). Шілікті алқабынан табылған «аң стилінде» жасалған өнер туындыларының тура аналогиясы Орталық Қазақстандағы Талды-2 қорымынан табылған тың жәдігерлермен толықты (Бейсенов, 2011, 175–187 б.).

Орталық Қазақстандағы аңдық стильдің Солтүстік Қазақстан территориясында таралуын кездейсоқ олжа бойынша С.И. Руденконың Қостанай өңіріндегі Қайранкөл өзені аңғарындағы қазба кезінде табылған қола қапсырмалардан байқауға болады (Руденко, 1968, с. 13). Солтүстік Қазақстаннан табылған олжалардан Оңтүстік Сібір және Оңтүстік Орал үлгілеріне жақындықты білдіретін бірнеше заттар табылды. Басқа өңірлермен салыстырғанда ұқсастық аз болғанымен есесіне жергілікті өзіндік өнер туындылармен ерекшеленеді (Грязнов, 1956, с. 16).

Соңғы жиырма жылда скиф-сақ, савромат-сармат бірлестіктерінің өнер туындылары молынан жинақталды. Олардың жекелеген образдарына, жасалу тәсіліне, шығу тегіне байланысты ғылыми деректер де жетерлік. Аң стиліндегі ескерткіштердің ерте көшпелілер өнеріне жататын олжалары еліміздің аумағында ауыз толтырып айтарлықтай жиналды деуге болады. Бірақ бұл стильдің көбірек көріністерін Алтай мен Тарбағатай өңірлеріндегі ескерткіштер береді. Сондықтан да «аң стилі» өнеріне қатысты тың тұжырымдар жасап, тұжырымды ойлар айту үшін аталған өңірге тән өнер туындылары әлі де барынша терең зерттеуді қажет етеді. Сонда ғана қазақтардың түп бабалары сақ өнерінің кейбір түйіндері өз шешімін табады деген ойдамыз.



2-сур. Күршім ауданындағы Бесоба-1 қорымындағы № 10 қорған. Жыртқыш аң бейнеленген алтын қаңылтырдың сыртқы беті



3-сур. Күршім ауданындағы Бесоба-1 қорымы № 10 қорғандағы аң бейнеленген қаңылтырдың графикалық суреті

Әдебиет

Адрианов А.В. Къ археологии Западно-Алтая (изъ поездки въ Семипалатинскую область въ 1911 г.) // Известия императорской археологической комиссии. – Петроградъ, 1916. – Вып. 62. – С. 1–94.

Акишев А.К., Акишев К.А. Искусство саков Семиречья // Сквозь века. – М.: Знание, 1986. – Вып. 2. – С. 21–28.

Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. – Алма-Ата: Өнер, 1983. – 264 с.

Артамонов М.И. Сокровища саков. – М., 1973. – 278 с.

Баркова Л.И. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам больших алтайских курганов) // АСГЭ. – Вып. 28. – Л., 1987. – С. 5–29.

Бейсенов А.З. Тасмола зерттеулері. Талды-2: Сарыарқа сақтарының патша қорымы // Свидетели тысячелетий: Археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011): Сборник научных статей. – Алматы, 2011. – С. 175–187.

Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.

Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. – Вып. 61. – М., 1956. – С. 8–16.

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.

Қадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии. – Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР, 1959. – Т. 7. – С. 162–204.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.–Л., 1951. – 638 с.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–VI вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 272 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Қадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с.

Омаров Ғ.Қ. Шығыс Қазақстан облысы Күршім ауданының археологиялық ескерткіштері / Ғылыми-зерттеу жұмысы



жөніндегі (аралық) есебі. – Алматы, 2013. – 128 б.

Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. – М., 1968. – 136 с.

Самашев З. Берел. – Алматы: Таймас, 2011. – 236 с.

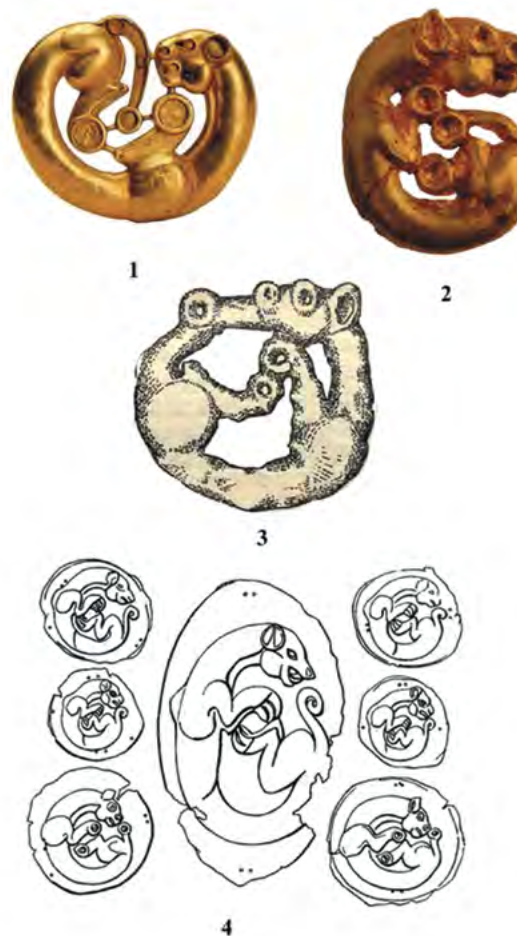
Толлеубаев А.Т. Итоги исследований памятников раннего железного века Тарбагатай и Жетысуского Алатау // Свидетели тысячелетий: Археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011): Сборник научных статей. – Алматы, 2011. – С. 156–174.

Толлеубаев Ә.Т. Шілікті патша обалары және сақ проблемасының кейбір түйінді мәселелері // Каспий – Арал өңірінің тарихи-мәдени мұралары: Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. – Ақтау, 2007. – 1 бөлім. – Б. 229–235.

Черников С.С. Загадка золотого кургана: где и когда зародилось скифское искусство. – М.: Наука, 1965. – 188 с.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. – М., 1997. – 98 с.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Золотые звери из Долины царей. – СПб., 2004. – 16 с.



4-сур. Күршім ауданындағы Бесоба-1 қорымындағы № 10 қорғаннан табылған қаңылтырға салынған жыртықш аң бейнесінің аналогиясы: 1 – И.П. Засецкая бойынша; 2 – А.З. Бейсенов бойынша; 3 – С.С. Черников бойынша; 4 – П.И. Шувалов бойынша

Омаров Г.

«Звериный стиль» эпохи ранних саков Восточного Казахстана

В своих трудах многие ученые, исследующие культуру ранних саков, останавливаются только на раскрытии конкретных атрибутов «звериного стиля». В то время как автор отмечает необходимость полного системного рассмотрения этого вопроса.

Данная статья нацелена на выявление особенностей и сходства памятников периода ранних и поздних саков отдельных регионов. Затрагиваются такие вопросы, как значимость «звериного стиля» в искусстве кочевников Казахстана и Горного Алтая, особенности памятников ранних кочевников Алтай-Тарбагатайского региона, чиликтинских саков, тасмолинской культуры и т. д.

Автор отмечает, что глубокие исследования памятников искусства «звериного стиля» в дальнейшем помогут прояснить вопрос определения предков казахов.

Omarov G.

The Early Saka «Animal style» in East Kazakhstan

In their works, many scholars, which study the culture of the early Saka, pay attention only to the discovery of the specific attributes of the «animal style». Actually, the author of this paper notes that it is necessary a whole consideration of this question.

This article is then devoted to the identification of the peculiarities and similarities among the sites of the Early and Late Saka period in different regions. Other questions are also addressed like the meaning of the «animal style» in the art of the nomads of Kazakhstan and Gornii Altai, the peculiar features of the early nomadic sites of the Altai-Tarbagatai region, the culture of the Saka of the Chilikti region, the Tasmola culture and others.

The author also states that the study of the «animal style» art can further help to clarify the question of the determination of the ancestors of the Kazakhs.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.

КОНЫ И СВЕТИЛЬНИК (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ «КОНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ» ИЗ БАБАДЖАН-ТЕПЕ III)

При раскопках «цитадели» Бабаджан-тепе III (Баба-Джан, Луристан, Иран¹), непосредственно у ее ворот, исследован закрытый археологический комплекс, включавший костяк лошади (Goff, 1969, p. 123). Судя по опубликованным чертежам (Goff, 1969, fig. 6), животное было втиснуто в ограниченное пространство ямы. Лошадь сопровождалась набором конского оголовья и двумя бронзовыми изделиями – лампой и чашей (Goff, 1969, p. 123; fig. 6; 7). Рассматриваемый комплекс датируется временем около второй половины VIII – начала VII в. до н.э.² Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с закладной/строительной жертвой, принесенной на привратном участке «цитадели» (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2013, с. 34). Комплекс тем более интересен, что практика использования лошади в качестве строительной жертвы для народов Древнего Востока не характерна, в отличие, скажем, от балтов, германцев и славян³. Не менее любопытен тот факт, что в яму вместе с тушей лошади положили лампу. Авторы предлагаемой работы предприняли попытку выяснить, какую знаковую нагрузку данный предмет мог нести в этом обрядовом контексте.

Прежде всего стоит сказать, что демонстрируемая бабаджанским погребением связка «конь + светильник» зафиксирована за тысячи километров от Луристана и в совершенно иной этнической среде. При раскопках древнерусского города Новгорода была обнаружена культовая яма XI в., в которой находились скелет коня (череп животного лежал отдельно), остатки кнута и огарок восковой свечи. Автор публикации трактует данный комплекс как закладную жертву (Курбатов, 2011, с. 213). Уместно, на наш взгляд, и следующая аналогия. В Фергане, как сообщает С.П. Толстов, в первой половине прошлого столетия в одном из мазаров паломники возжигали светильники перед высеченными на скале изображениями коней (Толстов, 1948, с. 208).

В связи с рассматриваемой проблематикой заслуживает упоминания комплекс, обнаруженный при раскопках сарматского могильника Филипповка I (Оренбургская обл., Россия), относящегося к хронологическому интервалу от рубежа V–IV в. до третьей четверти IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012, с. 284). В состав комплекса, находившегося в центральном погребении 5 кургана 4 (между гробовинами № 2 и 4), входил бронзовый светильник в виде фигурки зебу⁴. Вплотную к светильнику стоял деревянный сосуд с накладками из серебра и золота и выполненными из этих же металлов ручками в виде протом баранов. Под двумя упомянутыми изделиями были выявлены остатки корзины, в которой лежали различные предметы, в том числе золотая деталь плети, костяная ложечка с рукоятью, оканчивающейся стилизованным изображением головы оленя, золотая накладка в виде головы оленя, фрагмент железного предмета, обтянутого золотым листом, с золотой накладкой, на которой имеется изображение волчьей головы, и железный нож с серебряной рукоятью в виде фигуры оленя (Трейстер, Шемаханская, Яблонский, 2010, с. 73; Трейстер, 2012, с. 194–195; Куринских и др., 2013, с. 185). Интересующий нас светильник





имеет иранское или малоазийское происхождение (Трейстер, 2012, с. 195), однако в рассматриваемом комплексе он является компонентом сарматского «текста». Углубиться в рассмотрение семантики этого «текста» не позволяют ограниченные рамки работы, а потому заострим внимание лишь на двух моментах:

1. В филипповском комплексе имела место корреляция светильника и деревянного сосуда с металлической орнаментацией. Таким образом, и погребение из Филипповки I, и бабаджанский комплекс демонстрируют связку «светильник + сосуд».

2. В комплексах из Филипповки I и Новгорода осветительные приспособления коррелировались с плетью.

Значительный интерес представляет раннеаланское захоронение первой четверти II в. из могильника Мокра (Молдова, II/1). В могиле среди разнообразного инвентаря находился римский светильник, причем, что важно, рядом с ним стоял деревянный сосуд явно обрядового назначения (Кашуба, Курчатов, Щербакова, 2001–2002, с. 207–208). Заметим, что и сосуд с металлической орнаментацией, входивший в комплекс из Филипповки I, относится к изделиям, трактуемым как культовые (см.: Красноперов, 2003, с. 120; Лазарь, 2004, с. 67; Куринских, Мещеряков, Равич, Соловьева и др., 2013, с. 185). Словом, в двух упомянутых сарматских комплексах имела место связка «светильник + культовый сосуд», фиксирующая высокий семиотический статус осветительных приспособлений в сарматском мире.

Стоит добавить, что использование светильников в погребальном обряде практиковалось и в античной культуре. Например, в разграбленном склепе № 9 римского некрополя Никония был обнаружен вмонтированный в каменно-земляную забутовку дромоса глиняный светильник. Судя по сохранившимся вещам, датировка склепа № 9 – вторая половина II – первая половина III в. н.э. (Бруяко, Россохацкий, 2000, с. 344).

Итак, во всех рассмотренных выше «текстах» фигурирует предмет (светильник или свеча), который в быту служил для освещения, но в определенных ситуациях становился атрибутом обряда. Нелишне отметить, что осветительные приспособления использовались в обрядовой практике еще в эпоху верхнего палеолита. Об этом свидетельствуют два факта:

1. На ряде палеолитических светильников выполнены изображения животных и знаки, аналогичные изображенным на стенах пещер (Леруа-Гуран, 1993, с. 27).

2. Со светильниками производились манипуляции, которые порой бывает трудно объяснить сугубо прагматическими соображениями. Например, данные предметы нередко обнаруживаются уложенными нижней стороной вверх (Леруа-Гуран, 1993, с. 27). А в знаменитой пещере Ляско (Франция) светильники образовывали скопление вместе с костями и рогами оленя, кремневыми изделиями и костяными наконечниками копий (Абрамова, 1971, с. 73–74), причем это скопление находилось на дне естественного колодца, куда можно спуститься лишь с помощью лестницы или каната (Абрамова, 1971, с. 65).

Обрядовое использование светильников демонстрируют и памятники земледельческих культур эпохи бронзы Центральной Азии. В частности, для нашей темы представляет интерес погребение № 3900, исследованное в некрополе Гонур Деппе (Туркменистан), относящееся к концу III – первой половине II тыс. до н.э. В яме находились останки семерых человек, семи собак, двух ослов, двух верблюдов, повозка, два каменных посоха и серия бронзовых изделий. Среди последних – огромный котел, сосуд вычурной формы, лопата и, наконец, светильник. Н.Л. Дубова обратила внимание на то, что животные были аккуратно уложены в яму, а люди, напротив, словно сброшены туда (Дубова, 2012, с. 114). Следовательно, перед нами – не погребение людей в полном смысле этого слова, а, скорее, следы какого-то обряда, вероятно, напрямую и не связанного с преданием умерших земле.

Роль светильников в погребальном обряде фиксируют, вероятно, некоторые погребения могильника сапаллинской культуры Бустон VI (Узбекистан), где присутствовали так называемые факелы – изделия из глины конической формы с углублением на широком конце, заполненным охрой (Аванесова, 2013, с. 92, 315; табл. 134 (на с. 227), 7; 43 (на с. 362), 13). Данные предметы, очевидно, были символической заменой настоящих факелов.

В культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии светильники не получили широкого распространения. Впрочем, нельзя исключать того, что функции светильников могли выполнять некоторые из так называемых курильниц, выявленных в

захоронениях афанасьевской и окуневской культур (Липский, 1952, с. 71–73; Вадецкая, 1986, с. 50, 58–59). Возможно, в ряде культур бронзового века Сибири светильники использовались и в поселенческой обрядности. Так, на поселении пахомовской культуры Оськино Болото (Тюменская обл., Россия) в жилище 22 был выявлен каменный светильник с нагаром на стенках, стоявший на глиняных «кирпичиках». По мнению автора публикации, здесь мы имеем дело с ритуалом оставления жилища (Ткачев, 2013, с. 79–80).

На поселении поздней иранской культуры Чича-1 (Новосибирская обл., Россия) в жилище 1 раскопа 2 близ стенок в углублениях с сажистым заполнением находились два керамических светильника (Молодин и др., 2001, с. 91). То, что данные артефакты были «погребены» и к тому же в грунте со следами горения, является подтверждением их высокой знаковой нагрузки в данном контексте.

Более уверенно об использовании светильников в обрядовой практике свидетельствует «магический набор», обнаруженный при раскопках поселения Шущесть-Попина (Румыния). Комплекс относится к культуре Басарабь и датируется VIII–VII вв. до н.э. В состав набора входили глиняный светильник и другие керамические изделия, в том числе пряслице, фрагмент шаровидного предмета, «хлебец», три миниатюрных сосуда (два из них фрагментированы), три штампа для орнаментирования посуды и так называемая кнопка – предмет в виде цилиндра на круглой подставке (Stoian, 2009, p. 231–234).

Переходя к выяснению семантики светильников в обрядовой сфере, отметим, что этнографические и фольклорные материалы позволяют выделить три основных блока обрядовых манипуляций с осветительными приспособлениями:

1. **Светильники используются для того, чтобы осветить путь душам умерших.** Так, у казахов до сих пор сохраняется обычай, в соответствии с которым в комнате, где лежит покойник, должен круглосуточно гореть свет. Люди объясняют это тем, что «умерший уходит в темноту, и проводить его туда нужно при свете» (Стасевич, 2009, с. 281). По той же причине шугнанцы после смерти человека три ночи подряд ставят в его доме (на выступе очага) горящие свечи (Каландаров, 2001, с. 47). Украинцы Слобожанщины обязательно устанавливали зажженные свечи возле умершего, а на крышку гроба среди иных вещей клали две свечи, которые назывались «провиднычки» (Гивоваров, 2013, с. 356, 358). Данное название происходит от глагола «проводжати», то есть оно подчеркивает, что свечи провожают умершего в иной мир. То же наблюдалось у североуральских крестьян: на гроб ставили свечи (от трех до сорока, обязательно «пчельных», то есть восковых). Если свечи не догорали, их клали в гроб (Макашина, Кремлева, Листова, 1989, с. 293).

Очевидно, в контексте погребальной обрядности семантическим аналогом пламени светильника мог выступать и огонь очага. Его, в частности, зажигали шорцы сразу после смерти человека (Кимеев, 2009, с. 120). В годовщину же смерти, когда, как считают шорцы, душа умершего окончательно покидает этот свет, шаман «отправлял» ее в мир мертвых на специальном плоту из стеблей борщевика, разведя там небольшой костер (Кимеев, 2009, с. 121–122). У северных манси после смерти человека в очаге его дома разводили «холам хотпа най» (огонь умершего) (Кондин, 2009, с. 62). Интересно, что сейчас на смену огню очага пришло пламя керосиновой лампы, причем родственники стараются как можно дольше не дать лампе погаснуть (Кондин, 2009, с. 62–63).

Поддержание сакрального огня в жилище умершего, пока он там находится, практикуется и тувинцами (Кисель, 2007, с. 223). У русских Тульской области зафиксирован обряд, в ходе которого на сороковой день после смерти участвующие в поминках выходят в полночь из дома со свечами, чтобы осветить душе умершего путь на «тот свет» (Бурцев, 2002, с. 234). В Западной Армении в начале XX в. зафиксирован обряд, когда на сретенье от особого костра, зажженного на крыше церкви, зажигали факелы, с которыми шли на кладбище – «донести этот свет до родных могил» (Орбели, 1982, с. 54). Несколько иную цель преследует обряд «чирогюма», распространенный у памирских народов. Он включает жертвоприношение барана и приготовление пищи для духа умершего. А чтобы дух нашел дом, где его ожидает еда, зажигается светильник (Бабаева, 1993, с. 110).

Отталкиваясь от приведенных выше фактов, правомерно допустить, что помещение светильников в захоронения, практиковавшееся древними римлянами, сар-





матами и другими народами, в том числе, возможно, носителями афанасьевской, окуневской и сапаллинской культур, скорее всего, преследовало цель осветить дорогу умершим. Стоит уточнить, что светильник мог выполнять в погребальном обряде и принципиально иную функцию. Так, русские крестьяне Пошехонья в изголовье умирающего, если тот долго мучился в предсмертной агонии, ставили зажженную свечу, чтобы облегчить его уход (Балов, 1902, с. 103). Однако подобное использование светильников, насколько нам известно, широкого распространения у народов Евразии не имело.

2. Светильники выступают в качестве оберегов. В частности, это имеет место в родильной обрядности памирских народов. Когда приближается время родов, в комнате, где спит беременная женщина, зажигается светильник, чтобы отпугнуть демонов. После того как ребенок родился, светильник продолжают зажигать на протяжении трех ночей (Шишов, 2006, с. 335). У узбеков Хорезма в доме, где находится роженица, в течение сорока ночей горит огонь, чтобы обезопасить женщину от злых сил (Лобачева, 2001, с. 22).

Аналогичную функцию выполняют светильники и в свадебных обрядах. Так, таджики Самарканда во время свадьбы с помощью светильника или свечи отгоняют нечисть. С той же целью свадебный поезд сопровождают факельщики (Лобачева, 2001, с. 24). У узбеков Хорезма зажженный светильник везли в арбе, на которой невеста переезжала в дом жениха. Этот светильник затем в течение двух-трех дней продолжал гореть в доме, где находились новобрачные (в некоторых местностях – даже в течение сорока дней, но только по ночам). Считалось, что его свет прогоняет злые силы (Лобачева, 2001, с. 21). Возможно, по этой же причине у узбеков бытует обычай в течение трех ночей после того, как ребенок прошел церемонию обрезания, зажигать огонь в его комнате (Лобачева, 2001, с. 22).

Не исключено, что роль оберегов играли и свечи, зажигавшиеся на армянской свадьбе. В частности, когда на третий день свадебных церемоний цирюльник брил жениха, тот восседал на перевернутой корзине, под которой стояла горящая свеча (Халатьянц, 1900, с. 113). А на четвертый день свадьбы, во время венчания священник соединял с помощью воска, капающего с горящей свечи, красную и черную нити, которые привязывал на шею жениху и невесте (Халатьянц, 1900, с. 114). Говоря об армянских обрядах, обратим внимание на то, что в Западной Армении дети зажигали факелы от общего сретенского костра. С этими факелами они шли домой, чтобы зажечь домашние светильники (Орбели, 1982, с. 30, 54).

Охранительная роль светильников зафиксирована и у восточных славян. У них, в частности, свечи широко использовались как в ходе свадебных (Балов, 1902, с. 103; Заглада, 1929, с. 150; Сумцов, 1996, с. 76, 77; и др.) и иных (Небесна, 2009, с. 42, 43; Тульцева, 2011, с. 276, 277) обрядов, так и во время болезней, родов, грозы, града, пожара, гадания (Малинка, 1898, с. 163; Колчин, 1899, с. 14; Редько, 1899, с. 77, 81–82; Иванов, 1901, с. 113; Добровольский, 1901, с. 38; Балов, 1902, с. 95, 103; Байбури, 1983, с. 158; Морозов, Слепцова, 2004, с. 682, 841; Воронина, 2011, с. 34; и др.)⁵. Добавим, что в славянском жилище среди прочих оберегов непременно находились свечи (Байбури, 1983, с. 115)⁶.

3. Светильники используются в ходе обращения к представителям высших сил. Так, шугнанцы зажигают светильники, молясь близ валунов, обломков скал или груд камней, ассоциирующихся с определенными святыми или праведниками (Бубнова, 2009, с. 359). Важную роль играл светильник и во время чукотского праздника, посвященного божеству Кереткуну. В яранге, где происходило праздничное действо, развешивали «сеть Кереткуна» с прикрепленными к ней игрушечными веслами, изображениями птиц и бусинами (Богораз, 1939, с. 89–90). На выбранном для божества месте зажигали лампу, наполненную лучшим жиром. Предполагалось, что Кереткун приходит и садится на эту лампу, а потому в течение всего праздника на лампе стояло его изображение, вырезанное из дерева (Богораз, 1939, с. 92–93).

Тождественным действием является возжигание свечей, производящееся христианами в церквях. Добавим, что в сознании верующих высшие силы соотносятся и с церковными лампадами. Так, современный старообрядец, у которого было видение о Суде Божием, рассказывал: «Как-то молился, и Ангелы пришли. ... Это было как испытание: испугаюсь или не испугаюсь... Как-то я молился, и вдруг светильник погаснет-загорится, погаснет-загорится» (Островский, 2006, с. 165). Очевидно, на

помощь высших сил уповали и тогда, когда зажигали свечи в ходе магического обряда, направленного на поиск утопленника (Иванов, 1901, с. 117; Логинов, 2010, с. 361)⁷.

Уместно вспомнить еще об одном светильнике – пожалуй, наиболее известном из всех светильников мировой истории, – том, который добыл герой «Тысячи и одной ночи» Ала ад-Дин (Аладдин). Данный светильник выполнял любые желания своего владельца. Казалось бы, можно предположить, что в рассматриваемой сказке⁸ сохранились отголоски представлений о светильниках как предметах, позволяющих получать различные блага. Впрочем, есть один нюанс. Несмотря на тщательные поиски, нам удалось найти в фольклоре только две аналогии светильнику Ала ад-Дина (повторы сюжета в восточнославянских сказках (Сравнительный указатель..., 1979, с. 160) не в счет). Первая – старая лампа семилетнего пастушка из словацкой сказки «Волшебная лампа» (Добшински, 1988, с. 78–88). Вторая – две чудесные лампы из азербайджанской сказки «Патам-бедняк» (Эфендиев, 1896, с. 47, 50). Лампа из словацкой сказки – практически полный аналог светильнику Ала ад-Дина: ее нужно потереть и загадать любое желание. Лампады в азербайджанской сказке не выполняют желаний, но дают, пока горят, много золота (золототворная лампада) и серебра (серебротворная лампада)⁹.

Крайне редкая частота встречаемости мотива светильника, дарующего изобилие, в фольклоре позволяет сделать вывод, что в словацкой сказке и в сказке из «Тысячи и одной ночи» отразились вовсе не представления о чудесных возможностях собственно светильников. Как и в сказке о чудесных лампадах¹⁰, старая лампа пастушка и светильник Ала ад-Дина – лишь варианты волшебного сосуда. Такие сосуды фигурируют в эпических традициях многих народов (см., например: Волшебная калебаса, 1968, с. 104–105; Сравнительный указатель..., 1979, с. 160–161; Турецкие сказки, 1986, с. 202–203; Чарівна квітка, 1986, с. 137; Персидские народные сказки, 1987, с. 170–171; Сказки народов..., 1988, с. 559–560; Афганские народные сказки, 1989, с. 6). Мотив волшебного сосуда настолько расхож в мировом фольклоре, что даже попал в современную литературу¹¹. Очевидно, он восходит к верованиям, которые были широко распространены в древности. С течением времени упомянутый мотив, однако, деформировался – помимо сосудов, обеспечивающих различные материальные блага, в фольклорных произведениях появились иные вещи со сходной функцией – мельнички (Сравнительный указатель..., 1979, с. 162; Народные русские сказки, 1982, с. 261; Сказки..., 1988, с. 261), ларцы (Турецкие сказки, 1986, с. 47), кошельки (Чарівна квітка, 1986, с. 6), книжечки, мешочки или сумы (Сравнительный указатель..., 1979, с. 160, 161) и другие предметы, в том числе светильники, фигурирующие в упомянутых выше сказках.

В сказках встречается еще один любопытный мотив, связанный со светильниками. Суть его в том, что герой меняет местами светильники, находящиеся близ изголовья и ног спящей девушки. Данный мотив, в частности, можно найти в сказках иранских народов (Персидские народные сказки, 1987, с. 54, 320; Афганские народные сказки, 1989, с. 36; Сказки..., 1989, с. 15). Для выяснения его происхождения следует обратить внимание на то, что девушка является потенциальной женой героя сказки. Описанная манипуляция со светильниками – не что иное, как проявление обрядового переворачивания. Различные варианты последнего широко практиковались в свадебной обрядности, но вместе с тем – и в обрядности погребальной (Цимиданов, 2012, с. 48–49). Любопытно, что в одной из сказок герой не только переставляет светильники, но и бьет посуду (Сказки..., 1989, с. 15), что также является широко распространенным действием в контексте свадебной и погребальной обрядности (Цимиданов, 2012, с. 49).

Свадьба и похороны – переходные состояния, участники которых пребывают на стыке мира живых людей, с одной стороны, и мира мертвых (а также демонов), с другой. Соответственно, многие действия, производящиеся в ходе свадебной и погребальной церемоний, подчинены либо установлению контакта с иным миром ради получения определенных благ, либо блокированию канала связи с ним для того, чтобы обезопаситься от злых сил. Все отмеченное позволяет реконструировать важную функцию светильников: *они считались предметами, позволяющими контролировать границу между мирами*. Именно по этой причине светильники использовались (и продолжают использоваться) как при обращении к добрым силам, так и при защите от сил зла (ср.: Пентковский, 1999, с. 148–149, 151, 157).





Уточним, что светильники порой использовались и с противоположной целью – для обретения помощи злых сил. Например, у русских зафиксирован следующий способ наведения порчи: «...как только обиженное лицо поставит свечу за обидевшего... с последним... произойдет неприятное. ...обиженные обыкновенно не поручают ставить свечу кому-нибудь из церковных, а ставят сами, и притом постараются поставить пяточкой вверх: обиженный сощипывает часть воска снизу у свечи и ставит ее фитилем в подсвечник...» (Костоловский, 1903, с. 116). Любопытно, что в описанном магическом действии также имеет место переворачивание. Это вполне объяснимо, ибо перевернутость ассоциировалась со смертью (Цимиданов, 2001–2002, с. 379) и являлась «визитной карточкой» нечисти (Муродов, 1975, с. 98; Короглы, 1983, с. 36; Нарты, 1989, с. 250; Мифы..., 1990, с. 199; Дынин, 2004, с. 176–179; Мифы..., 2006, с. 240; Шишов, 2006).

Если в свете приведенных данных о знаковой нагрузке светильников взглянуть на интересующий нас «текст» «конь + светильник», то можно допустить, что данный «текст», скорее всего, полисемантичен. Так, возжигание светильников в ферганском мазаре, очевидно, было обусловлено представлениями о возможности контактировать с высшими силами при помощи зажженного огня. Аналогичной, возможно, являлась и знаковая нагрузка светильника из Гонур Деппе. В комплексе вещей из Шуцешть-Попина присутствовал глиняный «хлебец». Подобные предметы трактуются как символические жертвенные дары (Андриенко, 1975, с. 12; Березанская, 1982, с. 178, 180). Следовательно, правомерен вывод, что предметы из комплекса являлись атрибутами обряда, в ходе которого люди обращались к божествам. Вероятно, светильник должен был способствовать установлению контакта с последними.

В погребениях коней из Бабаджан-тепе III и Новгорода, на наш взгляд, семантика светильников была иной. Рассматривать их как обереги от демонов едва ли уместно, поскольку такие амулеты, как было показано выше, использовались главным образом в обрядах жизненного цикла и во время природных катаклизмов. К тому же нам неизвестно ни одного случая, когда люди пытались бы каким-то образом защитить приносимые ими жертвы. В итоге остается третья объяснительная модель: лампа и свеча призваны были осветить путь коней к «адресатам» жертвоприношений. Такое допущение тем более вероятно, что в обоих случаях устроители обряда предполагали, что кони будут *перемещаться*. Об этом свидетельствует наличие в бабаджанском комплексе упряжи, а в новгородском – кнута.

Что касается использования светильников в качестве оберегов, то это можно допускать применительно к комплексам из построек поселений Оськино Болото и Чича-1. По первому комплексу, правда, мы не располагаем данными о его локализации в пределах жилища. Но в Чиче-1 светильники устанавливали близко к стенам построек, то есть к границам, отделявшим людей от враждебного внешнего мира (см., например: Булава, 2004, с. 95; Давлетшина, 2012, с. 49; Дашковский, Карымова, 2012, с. 87, 106–107, 117; др. работы).

В заключение отметим, что светильники широко использовались в обрядах. В ходе одного из них эти предметы клались в захоронения принесенных в жертву лошадей.

¹ Царство Эллипи ассирийских текстов (Medvedskaya, 1999, р. 59, 64; Медведская, 2010, с. 97–103).

² О датировке Бабаджана III см.: Goff Meade, 1968, р. 125, 128; Goff, 1970, р. 142, fig. 1; 1978, р. 29 ff.; Overlaet, 2005, р. 15–16. См., однако, и: Medvedskaya, 1992, р. 73–74; 1999, р. 59, 64; Иванчик, 2001, с. 170.

³ Об использовании лошади в качестве строительной жертвы у восточных славян см., например: Байбурин, 1983, с. 61.

⁴ На данный комплекс обратил наше внимание Ю.Б. Полидович.

⁵ Обратим внимание на праздник «Свечи», в преддверии которого производились различные манипуляции со свечей, сделанной в виде человека (Добровольский, 1901, с. 36) (иногда вместо общественной свечи изготавливали ее семантический эквивалент – икону (Листова, 2011, с. 222)) и на своеобразный праздник «женитьба свечки», зафиксированный в Киевском уезде (Шейн, 1898, с. 157–158).

⁶ Известны случаи, когда крестьяне старались донести из церкви до дому зажженную свечу после всенощной в Великий четверг (Воронина, 2011, с. 34–35) или

пасхальную свечу после заутрени (Балов, 1898, с. 79). Если это удавалось, дом ожидало счастливое будущее (Балов, 1898, с. 79), а тот, «кому удавалось донести свечку до дома под полую или же между двумя ладонями, сложенными в форме шара, считался особенно ловким» (Воронина, 2011, с. 35).

⁷ Нелишне упомянуть о стойком убеждении крестьян различных регионов Российской империи в том, что над зарытым/заклятым кладом горит свеча и по этому признаку клад можно отыскать (Герасимов, 1898, с. 131; Иванов, 1901, с. 75. 77; Балов, 1902, с. 116; др. работы).

⁸ Сказка, вероятно, имеет иранское или индийское происхождение, так как в основу «Тысячи и одной ночи» лег прежде всего иранский и индийский фольклор (Фильштинский, 1972, с. 7).

⁹ Интересно, что действие сказки фокусируется вокруг золототворной лампы: ее, а не серебротворную советуют украсть у семиглавого дива главному герою по имени Ферхад; тот именно так и поступает, и в дальнейшем несметное богатство Ферхада проистекает именно от золототворной лампы (Эфендиев, 1896, с. 47, 49–50). Вторая лампа больше не упоминается в сказке.

¹⁰ Лампады азербайджанской сказки даже больше, чем светильник Ала ад-Дина или лампа словацкого пастушка, связаны с прямой функцией светильников: они дают золото или серебро только тогда, когда горят.

¹¹ Большая Буылка из изящной повести В.С. Шефнера «Человек с пятью «не», или Исповедь простодушного».

Литература

- Абрамова З.А. Ляско – памятник палеолитического наскального искусства // Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 53–80.
- Аванесова Н.А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. – Самарканд: Изд-во МИЦАИ, 2013. – 640 с.
- Андриенко В.П. Земледельческие культы племен Лесостепной Скифии (VII–V вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Харьков, 1975. – 32 с.
- Афганские народные сказки. – Баку: Гянджлик, 1989. – 192 с.
- Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX века). – Душанбе: Дониш, 1993. – 156 с.
- Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 189 с.
- Балов А.В. Очерки Пошехонья. Народные гадания // ЭО. – М., 1898. – Кн. XXXIX. – № 4. – С. 69–81.
- Балов А.В. Очерки Пошехонья. Верования // ЭО. – М., 1902. – Кн. LI. – № 4. – С. 81–134.
- Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. – Киев: Наук. думка, 1982. – 212 с.
- Богораз В.Г. Чукчи. II. Религия. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 195 с.
- Брумяк И.В., Росохацкий А.А. К собранию светильников римского времени из Тире // Stratum plus. – 2000. – № 4. – С. 342–345.
- Бубнова М.А. Проявления древних культов в религиозной практике исмаилитов Горно-Бадахшанской автономной области (по археологическим источникам) // Лавровский сборник: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.: Этнология, история, археология, культурология. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 358–364.
- Булава А. Дом и его «обитатели» в мифологии восточных славян // Антропологические исследования в Молдове. – Кишинев, 2004. – С. 93–103.
- Бурцев И.Г. Представления о «том свете» в народной культуре Куликова поля // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. – Т. 2. История, этнография, искусствоведение. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2002. – С. 232–239.
- Вадецкая Э.Б. Сибирские курьезы // КСИА. – 1986. – Вып. 185. – С. 50–59.
- Волшебная калейбаса (Сказки старого Муссы). – М.: Советская Россия, 1968. – 144 с.
- Воронина Т.А. Русский праздник: от заговенья к разговинам // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. – М., 2011. – С. 7–65.





- Герасимов М.К. Из преданий и поверий Череповецкого уезда // ЭО. – М., 1898. – Кн. XXXIX. – № 4. – С. 126–132.
- Давлетшина Л.Х. Дом как форма освоения «чужого» пространства в татарской культуре // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1 (99). – С. 49–56.
- Дашковский П.К., Каримова С.М. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2012. – 252 с.
- Добровольский В.Н. Значение народного праздника «Свечи» // ЭО. – М., 1901. – Кн. XLVII. – № 4. – С. 35–51.
- Добшински П. Словацкие сказки. Вторая книга. – Братислава: Младе лета, 1988. – 205 с.
- Дубова Н.А. Погребения животных в стране Маргуш // Маргианская археологическая экспедиция. – Т. 4. Исследования Гонур Депе в 2008–2011 гг. – М., 2012. – С. 101–139.
- Дынин В.И. «Перевернутый мир» русских народных верований // Исторические записки: Научные труды исторического факультета ВГУ. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2004. – Вып. 10. – С. 175–193.
- Заглада Н. Побут селянської дитини: Матеріали до монографії с. Старосілля. – Київ, 1929. – 180 с.
- Иванов А.И. Верования крестьян Орловской губ. // ЭО. – М., 1901. – Кн. XLVII. – № 4. – С. 68–113.
- Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени / Степные народы Евразии. – М., 2001. – Т. 2. – 324 с.
- Каландаров Т.С. Магия в семейно-бытовой обрядности шугнанцев // ЭО. – 2001. – № 1. – С. 39–53.
- Кашуба М.Т., Курчатова С.И., Щербакова Т.А. Кочевники на западной границе Великой Степи (по материалам курганов у с. Мокра) // Stratum plus. – 2001–2002. – № 4. – С. 180–252.
- Кимеев В.М. Погребальный обряд шорцев // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. – СПб., 2009. – Кн. 2. – С. 117–122.
- Кисель В.А. Новации в погребальном обряде тувинцев // Морфология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири. Этнографические очерки. – СПб.: Наука, 2007. – С. 220–277.
- Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии // ЭО. – М., 1899. – Кн. XLII. – № 3. – С. 1–60.
- Кондин В.Ю. Огонь в погребальном обряде обских угров // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. – Кн. II. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 62–66.
- Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. – М.: Наука, 1983. – 336 с.
- Костоловский И.В. Месть за обиду (Из Николокормской волости Рыбинского уезда) // ЭО. – М., 1903. – Кн. LV. – № 4. – С. 115–117.
- Красноперов Е.В. Время бытования и обычай украшения деревянных сосудов металлической орнаментацией // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. – Пермь, 2003. – С. 119–121.
- Курбатов А.В. Строительные жертвы в ранней Ладоге и традиция «прикладов» в Восточной Европе и Сибири (средневековые и новое время) // Записки Института истории материальной культуры РАН. – СПб.: «Дмитрий Булавин», 2011. – № 6. – С. 212–222.
- Куринских О.И., Мещеряков Д.В., Равич И.Г., Соловьева Л.Н., Трейстер М.Ю., Чугаев А.В., Яблонский Л.Т. Детали парадного трона ахеменидского типа из Филипповки // ВДИ. – 2013. – № 2. – С. 180–203.
- Лазарь А.А. Золотые украшения кургана № 23 могильника Кырык-Оба II // Древняя и традиционная культура Казахстана в исследованиях молодых ученых. – Караганда: Санат, 2004. – С. 66–68.

- Леруа-Гуран А. «Мобильное» искусство палеолита // Донецкий археологический сборник. – Донецк, 1993. – Вып. 3. – С. 18–35.
- Липский А.Н. Афанасьевские погребения в Хакасии // КСИИМК. – 1952. – Вып. XLVII. – С. 67–77.
- Листова Т.А. Православие в общественно-религиозных праздниках советского и постсоветского времени (по материалам полевых исследований в российско-украинско-белорусском пограничье) // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. – М., 2011. – С. 161–230.
- Лобачева Н.П. Из истории верований и обрядов: огонь в свадебном комплексе хорезмских узбеков (по материалам середины XX в.) // ЭО. – 2001. – № 6. – С. 21–32.
- Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 424 с.
- Макашина Т.С., Кремлева И.А., Листова Т.А. Семейные обряды // На путях из Земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. – М.: Наука, 1989. – С. 222–308.
- Малинка А.Н. Этнографические мелочи (Из местечка Веркиевки, Нежинского уезд., Черниговской губ.) // ЭО. – М., 1898. – Кн. XXXVI. – № 1. – С. 159–163.
- Медведская И.Н. Древний Иран накануне империй (IX–VI вв. до н.э.). История Мидийского царства. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – 264 с.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1990. – 568 с.
- Міфи України. За книгою Георгія Булашева «Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях». – Київ: Довіра, 2006. – 384 с.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс И., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований): Материалы по археологии Сибири. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. – Вып. 1. – 240 с.
- Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни северорусского крестьянина (XIX–XX вв.). – М.: Индрик, 2004. – 920 с.
- Муродов О. Традиционные представления таджиков об аджине // СЭ. – 1975. – № 5. – С. 96–105.
- Народные русские сказки. – М.: Художественная литература, 1982. – 320 с.
- Нарты. Осетинский героический эпос. – М.: Наука, 1989. – Кн. 2. – 496 с.
- Небесна З. Звичаї при народженні дитини на Бойківщині. Динаміка змін в обрядовості XX – XXI століть // Народна творчість та етнографія. – 2010. – № 6 (328). – С. 40–46.
- Орбели И.А. Фольклор и быт Мокса. – М.: Наука, 1982. – 144 с.
- Островский А. Видения Лаврентия, старовера общины в селе Замежное Усть-Цилемского района // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции. Академическая серия. – М., 2006. – Вып. 19. – С. 164–170.
- Пентковский А.М. Историко-литургический анализ повествования игумена Даниила «О свете небеснем, како сходить ко Гробу Господню» // Богословские труды. – М., 1999. – Т. 35. – С. 145–161.
- Персидские народные сказки. – М.: Наука, 1987. – 504 с.
- Пивоваров С.О. Поховальний обряд Східної Слобожанщини (за матеріалами Старобільського повіту Харківської губернії) // Традиційно-побутова культура Луганщини кінця XIX – початку XX століття / Краєзнавчі записки. – Луганськ: Прес-експрес, 2013. – Вип. 6. – С. 350–365.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Конская узда – атрибут инициаций? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа) // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. – № 5 (17). – С. 23–44.
- Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери // ЭО. – М., 1899. – Кн. XL. – № 1, 2. – С. 54–131.
- Сказки, басни и легенды белуджей. – М.: Наука, 1989. – 221 с.
- Сказки народов мира. – Т. IV. Сказки народов Европы. – М.: Детская литература, 1988. – 720 с.





- Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. – Л.: Наука, 1979. – 437 с.
- Стасевич И.В. К вопросу о трансформации погребально-поминальной обрядности казахов в современных городских условиях // Лавровский сборник: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг.: Этнология, история, археология, культурология. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 279–285.
- Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды. – М.: Восточная литература, РАН, 1996. – 296 с.
- Ткачев А.А. Ритуальные комплексы на поселениях пахомовской культуры // Материалы 51-й Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2013. – С. 79–80.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. – М.: Изд-во МГУ, 1948. – 440 с.
- Трейстер М.Ю. Предметы утвари из различных материалов ахеменидского круга из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). – М.: ТАУС, 2012. – Т. 1. – С. 192–201.
- Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). – М.: ТАУС, 2012. – Т. 1. – С. 282–284.
- Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Ахеменидская (?) серебряная рукоять ножа в форме фигуры оленя из Филипповки // РА. – 2010. – № 3. – С. 73–85.
- Тульцева Л.А. «У Бога Света всего dospeto»: сакрально-световое пространство русских святок и новые поколения рода-племени // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. – М., 2011. – С. 259–344.
- Турецкие сказки. – М.: Наука, 1986. – 399 с.
- Фильштинский И. «Книга тысячи и одной ночи» // Тысяча и одна ночь. Избранные сказки. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 5–13.
- Халатьянц Б. О свадебных обычаях у армян Эриванской губ. // ЭО. – М., 1900. – Кн. XLIII. – № 4. – С. 112–114.
- Цимиданов В.В. Погребения со стелами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья // Stratum plus. – 2001-2002. – № 2. – С. 370–385.
- Цимиданов В.В. «Золушки» срубной культуры // Літопис Донбасу. – Донецьк, 2012. – № 20. – С. 45–58.
- Чарівна квітка. Українські народні казки з-над Дністра. – Ужгород: Карпати, 1986. – 304 с.
- Шейн П. «Женитьба комина» (Из записок собирателя) // ЭО. – М., 1898. – Кн. XXXVIII. – № 3. – С. 152–160.
- Шишов А. Таджики (этнографическое исследование). – Алматы, 2006. – 392 с.
- Эфендиев А.-К. Патам-бедняк // СМОМПК. – Тифлис, 1896. – Вып. 21. Отдел 2. – С. 27–51.
- Goff C. Excavations at Bābā Jān, 1967: Second Preliminary Report // Iran. - Vol. VII. - 1969. - P. 115-130.
- Goff C. Excavations at Bābā Jān, 1968: Third Preliminary Report // Iran. - Vol. VIII. - 1970. - P. 141-156.
- Goff C. Excavations at Baba Jan: the pottery and metal from levels III and II // Iran. - Vol. XVI. - 1978. - P. 29-65.
- Goff Meade C. Lūristān in the first half of the first millennium B.C. A preliminary report on the first season's excavations at Bābā Jān, and associated surveys in the Eastern Pīsh-i Kūh // Iran. - Vol. VI. - 1968. - P. 105-134.
- Medvedskaya I.N. The question of the identification of 8th - 7th century median sites and the formation of the Iranian architectural tradition // Archaeologisches Mitteilugen aus Iran. - Bd. 25, 1992. - S. 73-79.
- Medvedskaya I.N. Media and its Neighbours I: the localization of Ellipi // Iranica Antiqua. - Vol. XXXIV. - Gent, 1999. - P. 53-70.
- Overlaet B. The chronology of the Iron Age in the Pusht-i Kuh, Luristan // Iranica Antiqua. - Vol. XL. - Gent, 2005. - P. 1-33.
- Stoian V. O posibilă trusă magică din prima epocă a fuerului descoperită în câmpia Brăilei // Teragetia, s. n. - Vol. III[XVIII], nr. 1. - 2009. - P. 231-234.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.

Ат және шырағдан

(Бабаджан-тепе III-ден табылған «ат қабірінің» түсіндірмесі)

Мақалада қола дәуірінің, ерте темір дәуірінің және одан да кейінгі заманның шамдар мен басқа да жарық беретін құралдар табылған діни кешендері қарастырылады. Ең өте сирек кездесетін кешендердің бірі Иран жеріндегі Луристанда Бабаджан-тепе III «цитаделінің» қақпасына жақын жерден қазып алынды. Онда аттың қаңқасы, қола тостаған, шырақ және ат әбзелінің бөлшектері болды. Кешен б.д.д. VIII ғасырдың екінші жартысына – VII ғ. басына жатқызылады. Оны құрылыс құрбаны ретінде түсіндіруге болады. Тағы бір құрылыс құрбаны Ресейдегі Ежелгі Новгородта зерттелді. XI ғасырға тән шұңқырда аттың қаңқасы, қамшының қалдықтары және балауыз шырақтың тұқылы болған. Шырағдандары бар діни кешендер сапаллин, пахомов, кейінгі ирмен, сармат мәдениетінен және басқа да мәдениеттен белгілі. Шырағдандардың таңбалық сипатын этнографиялық және фольклорлық сипатымен қатар талдау бұл шырағдандар үш түрлі ұғым-түсінікпен байланысты деп түйіндеуге мүмкіндік береді: 1. Шырағдандар қайтыс болғандардың жолын жарықтандыру үшін пайдаланылған; 2. Шырағдандар тұмар қызметін атқарған; 3. Шырағдандар құдіретпен байланыс орнатуға көмектескен.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V.

Horse and lamp (about the interpretation of the «horse burial» from Babajan-tepe III)

In this article some ritual complexes of the Bronze, Early Iron Age and later periods, where lamps and others lighting devices were present, have been examined. One of these unique complexes has been excavated near the gate of the Babajan-tepe III «citadel» in Luristan, Iran. It contained the skeleton of a horse, a bronze bowl, a lamp and fragments of a horse harness. The complex is dated back to the second half of the 8th – beginning of the 7th century BC. It has been interpreted as a sacrifice for the construction of the building. Another building sacrifice was excavated in the city of Old Novgorod, Russia. In a pit of the 11th century there were a horse skeleton, some fragments of a whip and piece of wax candle. Ritual complexes with lamps are known in the Sapalli, Pakhomovo, Late Irmen, Sarmatian and some other archaeological cultures. The combination of ethnographic and folklore materials with the analysis of the semiotic status of these lighting devices allow us to conclude that they were related to three types of hypothesis: 1. Lamps used to illuminate the path of the dead; 2. Lamps as amulets 3. Lamps as a tool to establish contact with the deities.

Сеитов А.М.

О ДЕТАЛЯХ КОНСКОЙ УПРЯЖИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КЛАДА КАИНДЫ ИЗ ТОРГАЯ)

Под понятием «упряжь» принято понимать совокупность принадлежностей для соединения животного с повозкой и другими тягловыми средствами (Комиссаров, Хачатурян, 2010, с. 34).

Изучая конское снаряжение раннего железного века, исследователи в основном связывали его только с фурнитурой верховой лошади. Однако постепенно, с появлением новых материалов ученым удалось выделить детали не только верховой, но и упряжной лошади. Несмотря на то что использование колесного транспорта известно еще в эпоху бронзы и подтверждается археологическими материалами и наскальными рисунками, установить наличие упряжных лошадей у ранних кочевников восточной части степной Евразии по материалам погребальных памятников долгое время не удавалось (Шульга, 2013, с. 16).

Большой интерес вызвала находка повозки с элементами упряжи в Пятом Пазырыкском кургане. Реконструкция этого транспортного средства позволила получить много новых сведений о конструкции древних повозок (Руденко, 1953, с. 60; 1960, с. 232–236). Позднее археологами К.А. Акишевым, А.К. Акишевым на основе исследования предметов конского снаряжения из клада Биже было высказано предпо-





ложение об использовании упряжных лошадей и колесниц номадами раннесакского времени (К.А. Акишев, А.К. Акишев, 1978, с. 38–63). Следующей вехой в изучении упряжи у ранних кочевников явилось открытие кургана Аржан-1. Хотя материалы этого памятника не раз привлекали специалистов, только сравнительно недавно была высказана мысль о наличии среди вещей конских захоронений элементов колесничной упряжи. Впервые данное предположение выдвинул Д.Г. Савинов, позднее эта идея получила развитие в работах П.И. Шульги и Н.Ю. Смирнова (Савинов, 2002, с. 51–52; Шульга, 2008, с. 44–50; 2013, с. 16–18; Смирнов, 2012, с. 424–432).

Проблема выявления предметов упряжи в раннескифских памятниках европейской части евразийской степи также нашла свое разрешение сравнительно недавно (Эрлих, 1994; Лесков, Эрлих, 1999; Петренко, 2006; и др.).

Необходимо отметить работы П.И. Шульги, уделяющего большое внимание изучению конских упряжек ранних кочевников азиатской части степной Евразии. Анализ находок из погребений с лошадьми на территории Саяно-Алтая и Казахстана позволил автору выделить детали конской упряжи по следующим признакам: «...1) отсутствие в наборах фурнитуры седельных ремней; 2) в ряде случаев однотипное оформление уздечек; 3) наличие застёжек (с перехватом посередине и трёхжелобчатых) и дополнительных ворворок; 4) наличие разного рода наконечников, колокольчиков и тройников» (Шульга, 2008, с. 44–50; 2013, с. 17–18).

Дополнительные данные для решения вопроса использования колесничного транспорта ранними кочевниками дают материалы клада Каинды, содержащего интересные наборы конской фурнитуры раннесакского типа (Сеитов, 2011, с. 149–157).

Клад Каинды был найден на берегу озера Айдарбулак в пос. Каинды (Аркалыкский р-н Костанайской обл.) местными жителями при рытье фундамента под мастерские. На момент передачи клада в музей В.Н. Логвиным насчитывалось восемьдесят бронзовых изделий, представляющих собой элементы конского снаряжения. В настоящее время из коллекции сохранилось семьдесят шесть предметов, хранящихся в Аркалыкском областном музее степного края (КП 1144). Благодаря сохранившимся прорисовкам артефактов из клада, выполненным В.Н. Логвиным, стал возможен анализ материала в первоначальном составе коллекции¹.

Данный клад состоит из деталей конского снаряжения раннесакского типа VIII–VII вв. до н.э.:

- удила с прямоугольным стремечком и упором (2 экз.), а также со стремечковидным окончанием (1 экз.);
- псалии, имеющие в центре рамчатый выступ-петлю, а на концах – по одному отверстию, выполненному в плоскости, перпендикулярной центральному (8 экз.);
- наконечники с протомой горного козла (1 экз.);
- бляхи-застёжки со штырьком и шляпкой на оборотной стороне (2 экз.);
- трехтрубчатый распределитель («тройник») (1 экз.);
- уздечные распределители (14 экз.);
- подбородная застёжка (1 экз.);
- пронизки в виде колечек (45 экз.);
- округлая пронизка (шайба) (1 экз.);
- подвески в форме буквы «S» (2 экз.);
- изделия, напоминающие втики чеканов (далее – «наконечники») (2 экз.).

Анализ клада Каинды позволил нам выделить детали упряжи. К таковым предметам относятся не менее чем три вида изделий: наконечники с протомой горного козла, трехтрубчатый распределитель («тройник») и пара «наконечников» (рис. 1; 2).

Наконечники (в наличии только прорисовка) длиной 13,25 см, на внешней стороне с полый восьмигранной втулкой с внешним диаметром 3,25×2,75 см, с внутренним – 2,2×1,6 см (рис. 1, 1). На втулке выполнено отверстие для шплинта. Верхняя часть наконечника выполнена в виде скульптурки головы горного козла с изогнутой шеей. Морда длинная, опущена вниз, борода в виде длинной дуги соединяется с шеей, образуя округлое, неправильной формы кольцо диаметром 2×1,5 см. Рога изображены круто загнутыми к шее и выполнены в виде кольца. На поверхности рога двадцатью валиками обозначены годовые кольца. Глаза посажены высоко в виде округлой выемки и больших век, ноздри отмечены клиновидной выемкой, ухо в форме вытянутого изогнутого треугольника чуть повернуто вперед, с рогом не соединяется.

Трехтрубчатый распределитель («тройник») длиной 3,15 см состоит из трех пря-

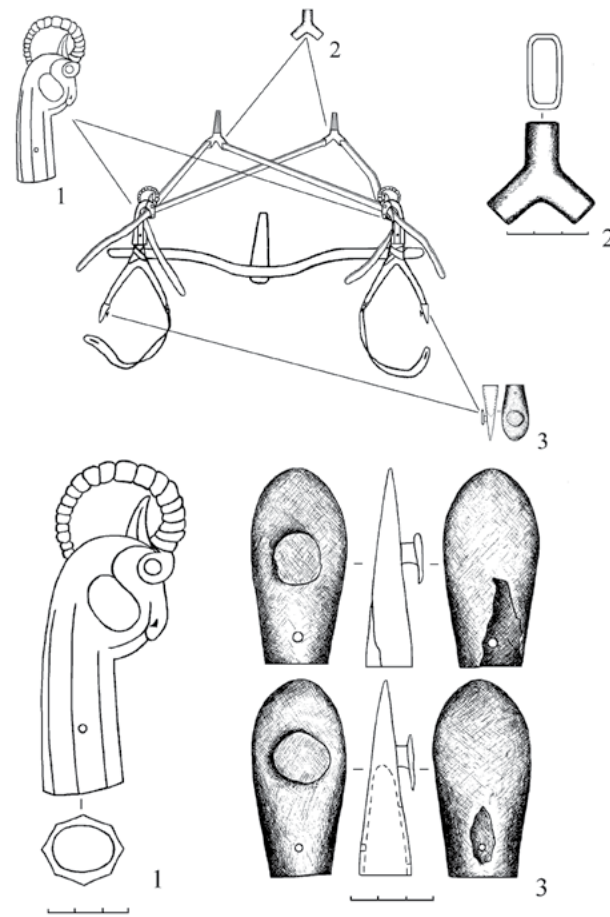


Рис. 1. Бронзовые детали упряжи из клада Каинды (Аркалыкский р-н, Костанайская область). Графическая реконструкция функционального предназначения предметов упряжи: 1 – наконечники; 2 – «тройник»; 3 – «наконечники»

мо, 2006, с. 72; Смирнов, 2012, с. 425). По мнению К.А. Акишева и А.К. Акишева, эти предметы могли крепиться на концах дышла для продевания через их кольца вожжей, или служили наконечниками оглобелей, через кольца которых пропускали вожжи. А.К. Нефедкин, П.И. Шульга и Н.Ю. Смирнов считают, что наиболее правдоподобно первое предположение К.А. Акишева и А.К. Акишева об использовании этих предметов в дышловых повозках (К.А. Акишев, А.К. Акишев, 1978, с. 57–58, рис. 8; Шульга, 2008, с. 48; Смирнов, 2012, с. 425). Это предположение находит подтверждение в ближневосточных изобразительных памятниках. Так, на алебастровых рельефах эпохи Ашшур-нацир-апала II (884–858 гг. до н.э.), бронзовой обивке Балаватских ворот эпохи Салманасара III (858–824 гг. до н.э.) и на каменных панелях дворца Саргона II (722–705 гг. до н.э.) в Дур-Шаррукине изображены колесницы с наконечниками на ярме (Смирнов, 2012, с. 425, рис. 1, 10–10а, 11–11а). Аналогичные предметы, закрепленные на ярме колесниц, известны и в памятниках эпохи Инь и Чжоу в Китае (Кожин, 2005, с. 5–15).

Трехтрубчатый распределитель, за которым закрепилось название «тройник», имеет аналогии с изделиями из кургана № 2 могильника Тасмола V в Центральном Казахстане (VII в. до н.э.), кургана № 15 могильника Кырык-Оба-2 в Южном Приуралье (вторая половина VI в. до н.э.), могильника Юйхуанмяо близ г. Пекина в Китае

могильных в сечении трубок размером с внутренней стороны 2,2×0,9 см (рис. 1, 2; 2, 1).

«Наконечники» листовидной формы с овальными в сечении втулками (рис. 1, 3; 2, 2). Длина 7,3 см, внутренний размер втулки 2,3×1,6 см. На втулках сквозные отверстия для шплинтов, а верхние концы сплюснутые. На одной стороне изделия, около середины, находятся короткие штырьки с небольшими шляпками.

Зооморфные наконечники, известные в степной Евразии, были характерны для памятников раннесакского/раннескифского времени. Подобное изделие с протомой горного козла из клада Каинды имеет близкое сходство с наконечниками из клада Биже (VIII–VII вв. до н.э.) и могильника Кзыл-Тоган в Жетысу (VII–VI вв. до н.э.; К.А. Акишев, А.К. Акишев, 1978, с. 41, рис. 3; Агапов, Кадырбаев, 1979, с. 103, рис. 11; Байпаков, Самашев, 2006, с. 64).

В вопросе о назначении этих изделий широко распространена точка зрения об использовании их в качестве всевозможных украшений повозок и погребального ложа (Петренко,





(VI в. до н.э.). Недавно подобный «тройник» обнаружен среди предметов конской упряжи в погребении знатной женщины-жрицы из кургана № 6 комплекса Таксай I в Западном Казахстане (конец VI – начало V в. до н.э.; Кадырбаев, 1966, рис. 17; Гуцалов, 2007, с. 75–92, рис. 13, I–IV; Шульга, 2008, с. 49, рис. 77, III, 3, 4; Сдыков, Лукпанова, 2013; Алтынбеков, 2013, с. 35).

Кадырбаев М.К. реконструировал связь трехтрубчатого распределителя из могильника Тасмола V с колокольчиком. П.И. Шульга считает, что подобные артефакты – детали упряжи. По мнению В.Г. Петренко, эти изделия использовали «для пропуска вожжей, состоявшая каждая из трех ремней» (Кадырбаев, 1966, рис. 17; Шульга, 2008, с. 48–49; Петренко, 2006, с. 80). В вопросе о функциональном предназначении «тройников» следует отметить реконструкцию К. Алтынбекова и В.А. Новоженова. Авторы реконструкции на основе анализа конской фурнитуры из кургана № 6 комплекса Таксай I пришли к выводу, что находящийся в наборе «тройник», возможно, – основная деталь комбинированного ярма-рогатки (развилки). В полые трубки этого изделия вставлялись жесткие кожаные ремни или деревянные стойки, образуя ярмо-рогатку. Таким образом, получается, что на верхнем конце развилки крепилось навершие, а два нижних окончания фиксировались на месте перехода кupa к шее упряжной лошади (Алтынбеков, 2013, с. 36, рис. 4).

На наш взгляд, это предназначение трехтрубчатых распределителей маловероятно. Наиболее аргументировано выглядит версия об использовании этих предметов при продевании вожжей (рис. 1). Во-первых, придание полым трубкам прямоугольной формы не случайно, а продиктовано практическими соображениями. Плоские ремни вожжей легче было пропускать через прямоугольные трубки, они плотнее прилегали друг к другу и не скручивались. Во-вторых, предположение о назначении этих изделий для вдевания ремней можно усилить следующим косвенным аргументом: это примерно одинаковый размер втулок каиндинского «тройника» с внутренней стороны с диаметром кольца навершия из клада Каинды. По-видимому, это свидетельствует о том, что и через кольцо навершия, и сквозь трехтрубчатый распределитель продевали одни и те же ремни вожжей. В-третьих, нецелесообразно было изготавливать «тройники» с трубками именно прямоугольной формы для того, чтобы вставлять в них деревянные стойки ярм-рогаток, стержни которых, как свидетельствуют находки, имели округлую в сечении форму. Сохранившиеся развилки от повозки из Пятого Пазырыкского кургана были выполнены из стволов веток округлой в сечении формы. Ярмо-рогатка из кургана Аржан 1, изготовленное из рога марала, также имело округлую в поперечном разрезе форму. В таком случае логичнее было изготавливать трехтрубчатые распределители с округлыми трубками. И еще: если бы в трубки «тройника» действительно вставлялись деревянные стойки, то на них имелись бы отверстия для шплинтов. Однако на данный момент все известные изделия подобного рода не имеют таких отверстий, тогда как предметы из упряжных наборов (например, навершия), основания которых фиксируются на древках, имеют и втулки, и отверстия для шплинтов.

Необходимо отметить, что из дошедших до нас изделий из клада Каинды трехтрубчатый распределитель и навершие представлены только по одному экземпляру. Количество этих изделий даже в одном комплекте должно было составлять не менее двух экземпляров. Недостаточное число упомянутых предметов можно объяснить не только их утерей. Возможно, руководствуясь предписаниями, в клад было помещено по одному изделию, которое символически заменяло остальные. В качестве таких параллелей можно привести единичную находку навершия в камере 26 кургана Аржан-1, а также один экземпляр «тройника» в кургане № 6 комплекса Таксай I (Грязнов, 1980, с. 36, рис. 25, 7; Алтынбеков, 2013, с. 35).

«Наконечники» своей формой напоминают втулки чеканов, найденных в памятниках VII–VI вв. до н.э. раннесакского времени (Таиров, 2005, с. 93–96; Шульга, 2007, с. 143, рис. 1, 2; с. 147, рис. 4, 2–4, 7; с. 148, рис. 6, 1; Мандельштам, 1992, табл. 74, 8–9, 26). Однако анализируемые артефакты отличаются от втулок наличием шляпок. Известно, что чеканы носили, подвешивая за пояс боевой частью (Горелик, 2003, с. 54; Курочкин, Субботин, 1993, с. 59–64, рис. 1). Даже если предположить, что каиндинские «наконечники» являлись втулками чеканов, а шляпки служили для подвешивания к ремню, это противоречит принципам ношения этого оружия. Мало-

вероятно, что чеканы носили, привязывая к рукояти, так как это нефункционально. Аналогии этим загадочным предметам нам до сих пор неизвестны.

Морфологические признаки «наконечников» (наличие втулки с отверстием для шплинтов и шляпок на штырьках) свидетельствуют, что на одном окончании они закреплялись на древке, а на другом – на ремне. Это позволяет предположить принадлежность рассматриваемых изделий к элементам не верховой, а упряжной лошади. Однако реконструировать принадлежность этого артефакта весьма сложно.

Функция этих предметов в качестве «наконечников» оглобель маловероятна. Оглобельный способ запряжки лошади, впервые зафиксированный в Китае еще в эпоху Цинь, широкое распространение получил только с ханьского периода (Комиссаров, Хачатурян, 2010, с. 36). По мнению С.И. Руденко, предположительно запряжка в оглобли могла существовать во времена строительства Пятого Пазырыкского кургана (IV–III вв. до н.э.). Так, среди остатков знаменитой повозки из этого памятника сохранилась тонкая жердь, напоминающая оглоблю (Руденко, 1951, с. 113; Гук, Николаев, 2012, с. 454–457). Причисление «наконечников» к конструктивному элементу оглобель невозможно в силу малого внутреннего диаметра их втулки. Если бы в них вставлялись концы оглобель, то поперечное сечение этих жердей должно было составлять не более 3–3,5 см. Тогда бы оглобли в связи с нагрузкой при езде на колеснице или повозке быстро бы поломались. Поэтому такое предназначение рассматриваемых изделий сложно представить.

Предположим, что анализируемые предметы предназначались для пристегивания ремней пристяжных коней. К примеру, на концах ярма уже упоминаемой нами пазырыкской повозки имелись отверстия, которые, по мнению С.И. Руденко, могли служить для привязывания повода пристяжных лошадей (Руденко, 1960, с. 235–236, рис. 123). В таком случае каиндинские «наконечники», выполняя аналогичную с отверстиями на ярме пазырыкской повозки функцию, могли насаживаться на деревянные концы ярма, а шляпки на штырьках – служить застежкой для ремней повода пристяжных лошадей.

Наиболее вероятно, на наш взгляд, использование рассматриваемых изделий для пристегивания ремней на ярме-рогатке при дышловом способе запряжки. На стержневидных концах развилки от пазырыкской повозки сделаны отверстия, к которым привязывались ремни, предназначенные для завязывания под шеей лошади и препятствующие соскальзыванию с нее ярма-рогатки. Аналогичные по функции отверстия имеются и на развилке из рога марала, найденной в камере № 2 кургана Аржан-1 (Руденко, 1960, с. 235–236, рис. 123; Грязнов, 1955, с. 30–32, ил. 1; 1980, с. 26; Смирнов, 2012, с. 427, рис. 1, 8).

В вопросе о назначении каиндинских «наконечников» следует привести ряд интересных данных о конструктивных элементах китайских колесниц. Так, в погребальных памятниках городища Аньян эпохи царства Инь были обнаружены бронзовые обкладки ярм-рогатки. Аналогичным образом изготовлены ярма колесниц из могильника у дер. Дасыкун. Однако они более усовершенствованы, а бронзовые обкладки на развилке снизу «завершаются обширными прочными крюками, обращенными наружу». Эти крюки были связаны с применением постромок (Кожин, 2005, с. 5–15; 1969, с. 29–40). Интересующие нас



Рис. 2. Бронзовые детали упряжи из клада Каинды (Аркалыкский р-н, Костанайская область): 1 – «тройник»; 2 – «наконечники»





предметы из клада Каинды по аналогии с деталями китайских колесниц также могли использоваться на ярмах-рогатках в качестве фиксаторов для постромок.

В реконструкции использования рассматриваемых артефактов остановимся на наиболее вероятном, на наш взгляд, варианте их функционирования в качестве застёжек ремней на развилках ярма (рис. 1). В связи с этим для неизвестных предметов из клада Каинды можно предложить название «наконечники ярм-рогаток». Такое предположение подкрепляет и толщина концов развилки от повозки из Пятого Пазырыкского кургана и из камеры № 2 кургана Аржан-1. К сожалению, эти размеры не приведены в описании ярм-рогаток, но даже визуально, на рисунках и фотографиях видно, что сечения концов развилки размером в пределах 2–3 см (Руденко, 1960, с. 235–236, рис. 123; Грязнов, 1955, с. 30–32, ил. 1; Смирнов, 2012, с. 427, рис. 1, 8). Поэтому вполне возможно, что рассматриваемые изделия (втулки которых с внутренней стороны размером чуть более 2 см) вставлялись в концы ярм-рогаток. А для надёжной фиксации они закреплялись при помощи шплинтов. Вероятно, целесообразнее всего было закреплять по одному такому предмету на каждой развилке, на одной из ее концов. Таким образом один конец ремня можно было на постоянное время привязать к одному окончанию развилки, а другой конец ремня через прорезь застегивать на «наконечнике». Эта конструкция препятствовала соскальзыванию ярма-рогатки с шеи или с места ее перехода к крупу лошади, обеспечивала тягловую силу, а в нужный момент колесничий мог быстро отстегнуть ремни от развилки ярма.

Предложенная в статье реконструкция функционального предназначения деталей упряжи из клада Каинды, в особенности «наконечников ярм-рогаток», — лишь один из возможных вариантов в их использовании. Надеемся, что дальнейшие исследования этой проблемы, а возможно, и обнаружение подобных предметов неизвестного назначения в составе конских захоронений прольют свет на функцию этих изделий. Выделение деталей упряжи из каиндинского клада дополняет наши представления о конструкции колесничной упряжи у ранних кочевников восточной части степной Евразии и использовании колесниц и повозок номадами раннесакского времени.

¹Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю признательность В.Н. Логвину за предоставление неопубликованных прорисовок и фотографий.

Литература

- Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. — Алма-Ата: Жалын, 1979. — 252 с.
- Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1978. — С. 38–63.
- Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. — Алматы: Остров Крым, 2013. — 64 с., ил.
- Байпаков К.М., Самашев З.С. Археологические памятники ранних государств // Археология Казахстана. — Алматы: Өнер, 2006. — С. 50–101.
- Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. — М.: Наука, 1993. — 348 с.
- Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2007. — № 2 (30). — С. 75–92.
- Грязнов М.П. Колесница ранних кочевников Алтая // СГЭ. — Л.: Искусство, 1955. — Вып. VII. — С. 30–32.
- Грязнов М.П. Аржан: царский курган раннесакского времени. — Л.: Наука, 1980. — 63 с.
- Гук Д.Ю., Николаев Н.Н. Повозка из Пятого Пазырыкского кургана // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. — СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. — Кн. 2. — С. 454–457.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры / А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев // Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1966. — С. 303–428.
- Кожин П.М. К вопросу о происхождении иньских колесниц // Культура народов зарубежной Азии и Океании: Сборник Музея антропологии и этнографии. — Л.: Наука, 1969. — Т. 25. — С. 29–40.

Кожин П.М. Иньские и чжоуские колесницы как палеокультурологическая проблема // Общество и государство в Китае: XXXV научная конференция — М.: Восточная литература, 2005. — С. 5–15.

Комиссаров С.А., Хачатурян О.А. Циньские колесницы // Общество и государство в Китае: XL научная конференция. — М.: Институт востоковедения РАН, 2010. — Вып. 2. — С. 31–37.

Курочкин Г.Н., Субботин А.В. Боевые чеканы (клевы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения) // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы III археол. семинара. — Новочеркасск: Памятники Отечества, 1993. — Ч. II. — С. 59–64.

Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс / Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. — М.: Государственный музей Востока, 1999. — 163 с., ил.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1992. — С. 178–196.

Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum, 1. — М.: Берлин; Бордо: Палеограф, 2006. — 176 с.

Руденко С.И. Пятый Пазырыкский курган // КСИИМК. — 1951. — Вып. XXXVII. — С. 106–116.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.—Л.: АН СССР, 1953. — 402 с.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). — СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2002. — 204 с.

Сдыков М.Н., Лукпанова Я.А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай I). — Уральск: Полиграфсервис, 2013. — 292 с.

Сеитов А.М. Степи Торгая в раннесакское время: к постановке проблемы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: Тезисы докладов круглого стола, посвященного 20-летию Независимости Республики Казахстан. — Караганды, 2011. — С. 149–157.

Смирнов Н.Ю. На чем ездил аржанский «царь»? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. — СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. — Кн. 2. — С. 424–432.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время // М.—Л.: АН СССР, 1960. — 360 с.

Таиров А.Д. Оружие ближнего боя кочевников тасмолинской историко-этнографической общности // Вопросы археологии Западного Казахстана. — Актобе: Актобинский государственный университет им. К. Жубанова, 2005. — Вып. 2. — С. 86–98.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае / Раннескифское время. — Барнаул: Азбука, 2008. — Ч. 1. — 276 с.

Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова). — Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2013. — 149 с.

Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. — М., 1994. — 145 с.

Сеитов А.М.

Атты жегу құралдары туралы

(Торғайдағы Қайыңды көмбесінің материалдары бойынша)

Мақалада Қайыңды көмбесінен табылған аттың ер-тұрманы материалдарының негізінде атты жегу құралдары атап көрсетіліп, талдау жасалды. Қайыңды көмбесін Айдарбұлақ көлінің жағасындағы Қайыңды ауылында (Қостанай облысы, Арқалық ауданы) жергілікті тұрғындар шеберхананың іргетасын қазған кезде тапқан. Қазіргі уақытта бүкіл топтамадан б.д.д. VIII–VII ғ. ерте сақ заманындағы аттың ер-тұрманының 76 қола заттары сақталған. Мақалада Қайыңды көмбесінен табылған жегу құралдарының атқарған қызметтерінің түзілімі ұсынылды. Қайыңды көмбесінен табылған жегу құралдарын атап көрсету біздің Еуразия даласының шығыс бөлігіндегі ертедегі көшпелілердің арбаны жегу құрылымы және ерте сақ



заманындағы номадтардың арбалар мен жүк арбаларды пайдалануы туралы түсінігімізді толықтыра түседі. Көптеген заттардың, мәдени байланыстардың және алыс-берістің кең таралуында Торғай даласының қосқан үлесі өте зор. Торғай иірімі аумағының скифологияда үлкен қызығушылық туғызатыны сөзсіз, өйткені ол – орман мен даланы, шығыс пен батысты қосатын көпір.

**Seitov A.M.
Details of Horse Harness
(according to the Kaindy Treasure from Torgai)**

In this article, according to the horse equipment recovered from Kaindy treasure, some elements of the horse harness are analysed and identified. This hoard has been found on the shore of the Aidarbek lake, in the Kaindy village (Arkalyk province, Kostanay region) by local residents during digging for the foundations of a workshop. Actually, the collection consists of 76 bronze artefacts of a horse harness, dated to the Early Saka period (8th - 7th century BC). This article documents the reconstruction of functional significance of the harness elements from the above mentioned treasure. This study enriches our ideas about the structure of chariot harnesses among the ancient nomads of the eastern part of the Eurasian steppes and the use of chariots and carts by the Early Saka nomads. It is possible than to state that the Torgay steppes played an unimportant role in the distribution of many cultural artefacts and in the development of cultural contacts and borrowings. The Turgay depression certainly is of great curiosity among the scholars interested in the skythian culture, because it represented a contact zone between the forest and the steppe, between east and west.

Сейткалиев М.К.

**КИНЖАЛ ИЗ РАЗРУШЕННОГО ПОГРЕБЕНИЯ
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИКАСПИИ**

В 2009 г. сотрудниками Атырауского областного центра истории и археологии был открыт грунтовый могильник в Жылыойском районе Атырауской области, в 187 км к юго-востоку от г. Атырау, в районе нефтяного месторождения Тенгиз в Западном Казахстане. Памятник занимал вершину и склоны песчаной дюны высотой около 3 м, длиной с севера на юг 200 м, а с запада на восток – 150 м. Часть бархана была снесена с использованием тяжелой техники при разработке карьера по добыче песка.

На момент открытия памятника его значительная часть была уничтожена при проведении земляных работ. На поверхности дюны обнаружены многочисленные фрагменты костей человека и животных, керамики, а также железных и бронзовых предметов. Поскольку на современной поверхности не фиксировались внешние признаки погребений, их точное количество в могильнике не было установлено. Однако из-за ветровой эрозии в верхней части бархана обнажились шестнадцать захоронений сарматского времени, при этом границы могильных ям в песчаном грунте отметить не удалось. Все обнаруженные костяки лежали в вытянутом положении на спине, головой на юг. Руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые. Сопровождающий инвентарь состоял из керамической посуды, украшений, зеркал и предметов вооружения.

В 2012 г. памятник осмотрели сотрудники ТОО «Археологическая экспертиза». В ходе визуального осмотра было обнаружено погребение, практически полностью уничтоженное одной из опор забора, установленного в 2009 г. для ограждения грунтового могильника. От костяка сохранилась только верхняя часть *in situ*; судя по ней, погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на юг. Возле правого плеча найдены круглая стеклянная бусина синего цвета (рис. 1, 14) и фрагменты станковой и лепной керамики (рис. 1, 2–13). На бетонном креплении опоры, разрушившей погребение, лежали обломки железного кинжала (рис. 1, 15).

Станковая посуда неорнаментированная тонкостенная (до 0,2 см) и толстостенная (до 0,4 см). Керамика плотная, хорошо обожженная, серого и светло-коричнево-

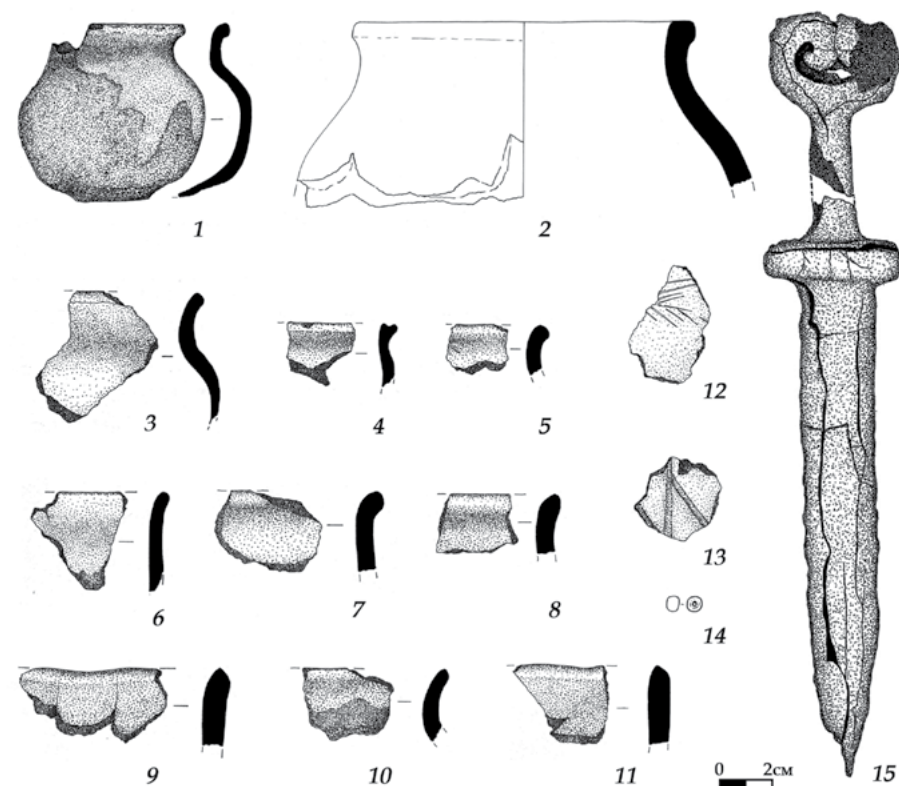


Рис. 1. Материал из погребения 1. 1 – керамический сосуд; 2–13 – фрагменты керамических сосудов; 14 – стеклянная бусина; 15 – железный кинжал

го цветов. Из-за малочисленности обломков и фрагментарности форма сосудов не восстанавливается.

Лепная посуда представлена неорнаментированными венчиками от пяти разных горшков. Сосуды небольшие, диаметр самого крупного достигает 12 см, а самого маленького – 4,1 см. Все горшки имеют отогнутый венчик. Также найдены разрозненные фрагменты тулова и налепного ушка. На поверхности стенок имеется орнамент, выполненный в виде горизонтальной елочки и пересекающихся линий (рис. 1, 12, 13). Вся лепная керамика плотная, коричневого цвета, имеет примесь шамота в тесте.

Практически целым найден лепной миниатюрный сосудик (рис. 1, 1). Горшок круглодонный, имеет бомбовидное тулово, плавно переходящее в узкую шейку. Венчик отогнут наружу. Поверхность сосуда шероховатая, светло-коричневого цвета, в изломе черного. Высота горшка составляет 5,6 см. Этот сосуд аналогичен горшку из кургана 17 Барановского могильника (Нижнее Поволжье), относящегося ко II–III вв. н.э. (Федоров-Давыдов, 1980, с. 235, рис. 4, 2).

Железный кинжал сохранился во фрагментах, но практически полностью. Прямоугольная в сечении рукоять длиной 3,4 см оканчивается волутообразным навершием. Перекрестье, разорванное окислами, прямое и состоит из двух брусков, скованных на концах в один целый кусок, плотно перехватывающий клинок в месте его перехода к рукояти. Клинок длиной 19,5 см и шириной 3,1 см в сечении линзовидный, с параллельными лезвиями. По ряду признаков, которые будут рассмотрены ниже, кинжал можно отнести к II в. до н.э. – II–III вв. н.э.





Для точного датирования тенгизского погребения данных недостаточно, не вызывает сомнения лишь причастность к позднепрохоровскому – среднесарматскому времени.

Особый интерес в данном комплексе представляет клинок редкой формы. Среди кинжалов последних веков до нашей эры и начала нашей эры рассматриваемый тип резко выделяется по причине своей малочисленности, что не раз отмечалось исследователями (Симоненко, 2009, с. 26; Погодин, 1998, с. 16). На сегодняшний день, по подсчетам автора настоящей работы, известны лишь сорок два клинка с рассматриваемой комбинацией признаков, обнаруженных в различных регионах Евразии, порой весьма отдаленных друг от друга. Ниже приводится короткая сводка¹.

Большая серия клинков выявлена в Средней Азии. В настоящее время на указанной территории найдено четырнадцать кинжалов, одиннадцать из которых обнаружены в закрытых археологических комплексах Южного Таджикистана (рис. 2). Шесть клинков (рис. 2, 4, 5) найдены в поздних слоях храма Окса на городище Тахти-Сангин и относятся к рубежу эр – I в. н.э. (Литвинский, 2001, с. 211, рис. 58, 1, 3). Еще четыре кинжала найдены при раскопках могильников Тулхарский, Бешкентский, Бешкентский V, находящихся в Бишкентской долине в Южном Таджикистане. Клинки из Тулхарского могильника датированы А.М. Мандельштамом в пределах последней трети II в. до н.э. – первой половины I в. н.э. (рис. 2, 1, 2) (Мандельштам, 1966, с. 17, 46, рис. XL, 13, 14). К этому времени, вероятно, следует отнести кинжалы из кургана 9 Бешкентского и кургана 37 V Бешкентского могильников (рис. 2, 6) (Литвинский, Зеймаль, Медведская, 1977, с. 99–100; Медведская, 1979, с. 115, рис. 1). Территориально тяготеют к клинкам Южного Таджикистана три кинжала, обнаруженные в памятниках долины Зерафшана. Это прежде всего не раз фигурировавший в литературе кинжал из кургана 16 Кызылтепинского могильника (рис. 2, 1, 3) (Обельченко, 1978, с. 122) и два клинка, обнаруженных в тайнике одного из помещений городища Пайкенд (рис. 2, 7, 8) (Семенов, Мирзаахмедов, Адылов, Малкиель, 2001, с. 136–137, рис. 2; Материалы..., 2001, с. 10, рис. 14, 7; 15, 1). К среднеазиатским клинкам условно можно причислить клинок из кургана 33 могильника Темирлановка-1, относящегося к последним векам до нашей эры (рис. 2, 9) (Сейткалиев, 2013, с. 60–70).

Среднеазиатская серия клинков, образующая весьма компактную группу как в географическом, так и хронологическом отношении, фиксирует практически полное морфологическое сходство в оформлении и совпадение метрических характеристик. Клинки кинжалов имеют параллельные лезвия, сужающиеся к острию. Навершие кинжалов образованы загибом волют в один оборот. Ветви волюты либо одинаковы по своей ширине на всей ее длине, либо слегка расширяются к концу.

Самая многочисленная группа кинжалов связана с областями распространения сарматской культуры. На сегодняшний день на этой огромной территории, по подсчетам автора настоящей работы, выявлен двадцать один клинок.

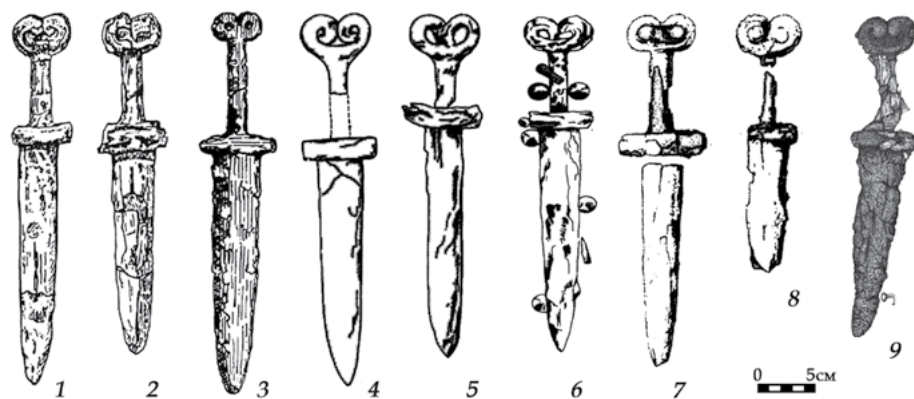


Рис. 2. Клинки Средней Азии и Южного Казахстана: 1, 2 – Тулхар; 3 – Кызылтепе; 4, 5 – Храм Окса; 6 – Бешкент V, к. 37; 7, 8 – Пайкенд; 9 – Темирлановка-1

В Южном Приуралье обнаружены шесть кинжалов (рис. 3). Регион примечателен тем, что именно здесь найдены самые ранние образцы клинков. Это в первую очередь случайная находка кинжала в Каиндинских песках Западно-Казахстанской области, оружие датировано Б.Ф. Железчиковым VI–V вв. до н.э. (рис. 3, 6) (Железчиков, 1998, с. 69, рис. 50; 2009, с. 196, рис. 2, 6). А.В. Симоненко оспорил предложенную датировку клинка и посчитал возможным отнести кинжал к более позднему времени, а именно ко II в. до н.э. (Симоненко, 2009, с. 30). Однако такой date противоречит эллипсоидная рукоять каиндинского клинка – признак, характерный для кинжалов IV–III вв. до н.э. (Иванов, 2011, с. 73). К IV в. до н.э. Р.Б. Исмаилов и В.С. Горбунов отнесли кинжал, случайно найденный у дер. Талалаевка Стерлитамакского района в Башкирии (рис. 3, 2) (Горбунов, Исмаилов, 1976, с. 243–244, рис. 2, 25).

Если два указанных южноуральских клинка относятся к категории случайных находок и их датировка может быть поставлена под сомнение, то четыре других кинжала найдены в закрытых комплексах, что, безусловно, повышает их хронологическую информативность. Первый клинок обнаружен в погребении 3 кургана 12, могильник Старые Кишки (рис. 3, 1), относится к рубежу IV–III вв. до н.э., до начала или даже середины II в. до н.э. (Федоров, 2013, с. 41–43). Два экземпляра были обнаружены при раскопках курганов могильников Покровка 1, Покровка 7 и датируются III–I вв. до н.э. (рис. 3, 3, 4) (Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко, 1996, с. 17, рис. 20; Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко, Малашев, 1995, с. 22, рис. 24–26). Однако О.И. Куринских пересмотрела покровские комплексы и несколько сузила хронологию погребений, ограничив их в рамках II–I вв. до н.э. (Куринских, 2012, с. 74). Четвертый клинок найден в погребении 6 кургана 7 группы III могильника Барбастау и относится к III–II вв. до н.э. (Скрипкин, 1990, с. 126). К приуральским клинкам можно условно причислить кинжал I в. до н.э. из сырлытамовской катакомбы Мангышлака (рис. 3, 5) (Самашев, Кошербаев, Аманшаев, Астафьев, 2007, с. 181).

Наибольшее количество подобных кинжалов известно в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье, где найдены шесть клинков (рис. 4). Самый ранний кинжал обнаружен в могильнике Красноселец и датируется в пределах II в. до н.э. – II в. н.э. (Симоненко, 2009, с. 30). Три клинка отнесены к I в. н.э.; это кинжалы из погребения 1 кургана 2 могильника возле о. Ханата (рис. 4, 3), погребения 1 кургана 43 Жутовского могильника, погребения 4 кургана 85 могильника Новый (рис. 4, 2) (Сергацков, 2007, с. 61). Особо следует отметить находки в Нижнем Поволжье двух биметаллических кинжалов, относящихся к разряду парадного оружия. Это клинки II–III вв. н.э. из Сидоровки и Барановки (рис. 4, 4, 5) (Скрипкин, Мамонтов, 1977, с. 285–287; Федоров-Давыдов, 1980, с. 235–238).

Всего три кинжала известны в Подонье. В лесостепном Подонье в кургане 28 Староживотинского могильника найден самый ранний клинок рассматриваемого типа (рис. 4, 1), датированный V–IV вв. до н.э. (Ворошилов, Медведев, 2007, с. 79). Экземпляры из Криволиманского (рис. 5, 1) и Новоалександровского могильников датируются в пределах II в. до н.э. – II в. н.э. (Максименко, 1998, с. 191, рис. 8; Симоненко, 2009, с. 28).

Из Северного Причерноморья происходят три кинжала и рукоять меча. Причерноморские клинки образуют довольно компактную в хронологическом отношении группу, относящуюся к I в. до н.э. – I в. н.э. Кинжал из некрополя Неаполя Скифского (рис. 4, 9) сохранился полностью (Колтухов, 1983, с. 222–224), а перекрестья клинков из Чкалово и Новолуганского (рис. 4, 7, 8) были утрачены (Симоненко, 2009, с. 26). К I в. до н.э. относится единственная находка меча рассматриваемого типа, обнаруженная близ Смелы (рис. 4, 6) (Симоненко, 2009, с. 26).

Завершая обзор известных нам кинжалов, аналогичных обнаруженному у Тенгизского месторождения в Казахстане, замечу, что сарматские клинки можно разбить на две хронологические группы. Для кинжалов первой группы (V (?) – IV–II вв. до н.э.) характерна треугольная форма клинка, образованная сужающимися лезвиями. На клинках некоторых экземпляров фиксируется продольное ребро (Талалаевка, Каинды и Староживотинский). Вполне вероятно, что аналогичное ребро было и у покровских кинжалов, но оно не просматривается из-за коррозии. Клинки из Каинды и Староживотинского могильника имеют эллипсоидную рукоять, в то время как у других она прямоугольная. Ветви волют заострены и загнуты в один или полтора оборота.



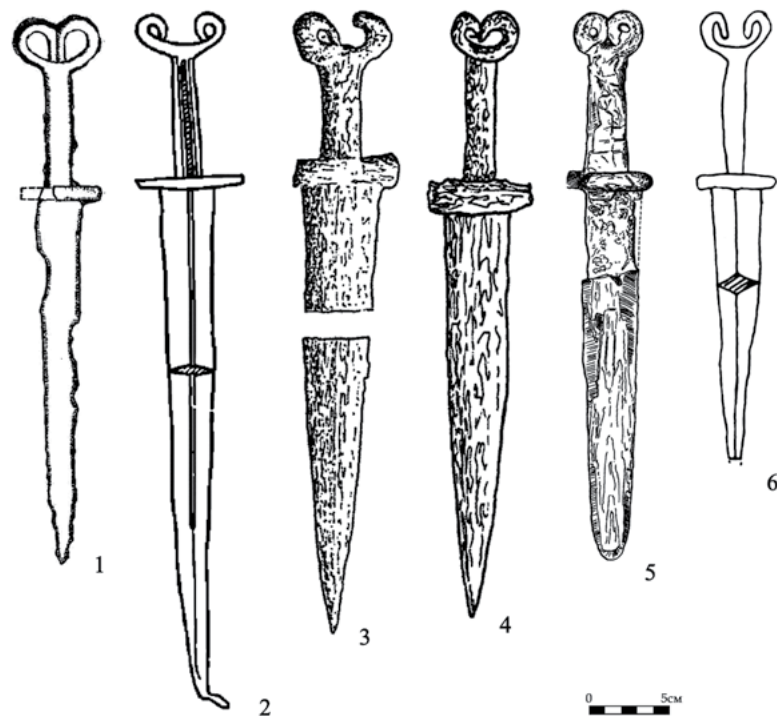


Рис. 3. Клинки Южного Приуралья и Западного Казахстана: 1 – Старые Киишки; 2 – Талалаевка; 3 – Покровка 1; 4 – Покровка 7; 5 – Сырлытам; 6 – Каиндинские пески

Кинжалы второй группы (II в. до н.э. – II–III вв. н.э.) имеют большую вариабельность, несмотря на то, что они синхронны среднеазиатским, практически аналогичны морфологически и в метрических характеристиках. Они, в отличие от клинков первой группы, имеют параллельные лезвия, сужающиеся у острия. Рукояти узкие, за исключением экземпляра из Барановского могильника. Почти все рукояти кинжалов имеют прямоугольную форму, исключая клинок из Смелы с эллипсовидной рукоятью². Навершия кинжалов образованы загибом волют в один или полтора оборота, образованные таким образом кольца сходятся к середине рукояти. Ветви волюты одинаковы по своей ширине на всей ее длине, редко заострены.

Помимо территории Средней Азии и отдельных регионов Сарматии небольшие серии подобных клинков известны на Северном Кавказе, в Горном Алтае и Западной Сибири (рис. 5).

На Северном Кавказе известны два кинжала. Один из них найден в могильнике Чегем-2 и датируется II–I в. до н.э., второй – в Летницком могильнике и относится к I–II вв. н.э. (рис. 5, 2) (Симоненко, 2009, с. 30).

В Горном Алтае также найдены три кинжала на могильниках Яломан II (рис. 5, 5), Сары-Бел (рис. 5, 6), Верхний Уймон (рис. 5, 7). Находки из двух первых памятников относятся к II в. до н.э. – I в. н.э. (Тишкин, Горбунов, 2006, с. 32, рис. 1, 14, 15), датировка же клинка из Верхнего Уймона затруднительна (Кубарев, Шульга, 2007, с. 77). Однако у последнего алтайского кинжала четко просматривается эллипсовидная по форме рукоять – это характерный признак, как мы уже отмечали, для клинков IV–III вв. до н.э.

В Западной Сибири один из аналогичных кинжалов обнаружен в Сидоровском кургане I в. н.э. (рис. 5, 3) (Погодин, 1998, с. 16), а второй I–III вв. н.э. – из Ишимской коллекции (рис. 5, 4) (Зыков, 1993, с. 151, рис. 3, 8)³.

Единственный аналогичный клинок происходит из Северо-Восточного Казахстана; это случайная находка из Баянаульского района Павлодарской области (рис. 5, 8).

Детальный обзор территории распространения всех подобных находок с учетом их датировок в настоящей работе вызван дискуссией о происхождении данного типа кинжала, развернувшейся в свое время и отчасти продолжающейся до сих пор. Существует несколько версий о происхождении данных кинжалов.

Первый подход можно назвать эволюционным. Согласно ему, появление рассматриваемого типа кинжалов основано на местном сарматском генезисе клинкового оружия.

Скрипкин А.С. предполагает существование этого типа клинкового оружия в Волго-Уральском регионе на всем протяжении савромато-сарматской культуры. Появление же кинжалов в разных местах, в том числе и в Средней Азии, исследователь связал с сарматским влиянием (Скрипкин, 1990, с. 126). Также с сарматским влиянием связывал появление таких клинков в тагарской культуре А.М. Кулемзин (Кулемзин, 1974, рис. 2, 3). Эту версию поддержали А.А. Тишкин и В.В. Горбунов, в то же время указывая Среднюю Азию как регион, где мог проходить генезис подобных клинков (Тишкин, Горбунов, 2006, с. 37).

Глебов В.П. считает, что данный тип является пережиточной формой и восходит к клинкам с волютообразным навершием савроматского времени (Глебов, 2007, с. 95). Действительно, на Среднем Дону известны более ранние формы подобного клинка V–IV вв. до н.э. – с волютообразным навершием и прямым перекрестьем (Ворошилов, Медведев, 2007, с. 79–80, рис. 2, 9). Случайная находка железного кинжала в Каиндинских песках Западного Казахстана датирована Б.Ф. Железчиков VI–V вв. до н.э. (Железчиков, 1998, с. 69, рис. 50; Железчиков, 2009, с. 196, рис. 2, 6). Если данная датировка верна, то это самый ранний клинок подобного типа. Но здесь следует заметить, что находка вне археологического контекста ставит под сомнение столь раннюю дату, несмотря на то, что волютообразные навершия клинков при перекрестьях различных форм были широко распространены в VI–V вв. до н.э. в Южном Приуралье (Смирнов, 1961, с. 17). Однако в Южном Приуралье среди многочисленных клинков с волютообразным навершием нет кинжалов с прямым перекрестьем VI–V вв. до н.э. Именно поэтому, по нашему мнению, каиндинский клинок следует датировать IV–III вв. до н.э.

В IV в. до н.э. в Южном Приуралье появляются клинки с перекрестьями переходного типа – от сердцевидного к прямому, среди которых имеются мечи с волютообразным навершием и дуговидным перекрестьем (Берлизов, 2011, с. 89). К IV в. до н.э. Р.Б. Исмагиловым и В.С. Горбуновым отнесен кинжал, найденный у дер. Талалаевка Стерлитамакского района в Башкирии (Горбунов, Исмагилов, 1976, с. 243–244, рис. 2, 25). Находки клинков переходных форм позволяют проследить эволюцию клинков с волютообразным навершием на протяжении IV в. до н.э. в Южном Приуралье и связать их с клинками III–II вв. до н.э., уже имеющих прямое перекрестье. В Южном Приуралье найдены три подобных клинка данного времени; это уже упомянутые кинжалы из могильников Покровка 1 и Покровка 7, а также из могильника Барбастау (Скрипкин, 1990, с. 126).

Второй подход основан на тезисе о небольшом количестве находок кинжалов на территории собственно Сарматии, что ставит под сомнение их происхождение от местных дериватов более раннего времени и свидетельствует о привнесении нового типа извне. Ряд исследователей относят данный вид клинкового оружия к числу инноваций восточного облика в сарматской культуре II в. до н.э. (Сергацков, 2007, с. 61). Появление или возрождение этого типа кинжала связано с притоком в сарматскую среду новых родственных групп из Средней Азии (Симоненко, 2009, с. 31). Но на протяжении IV–II вв. до н.э. клинки с прямым перекрестьем и волютообразным навершием в Согде и Бактрии неизвестны; появляются они только в последние века нашей эры. Известны здесь клинки с волютообразной или близкой к ней формой навершия и в раннее время. Несмотря на известное изображение на рельефе апладаны Персеполя согдийца, держащего в руках кинжал с волютообразным (когтевидным) навершием (Литвинский, 2001, рис. 53), говорить об археологических находках кинжалов подобного типа в Средней Азии пока не приходится.

Таким образом, построению стройного эволюционного ряда клинков с волютообразным навершием мешает их отсутствие в Средней Азии на протяжении VI–III вв. до н.э. Анализ серий среднеазиатских клинков указывает на их удивительное морфологическое однообразие в оформлении навершия кинжалов и практически



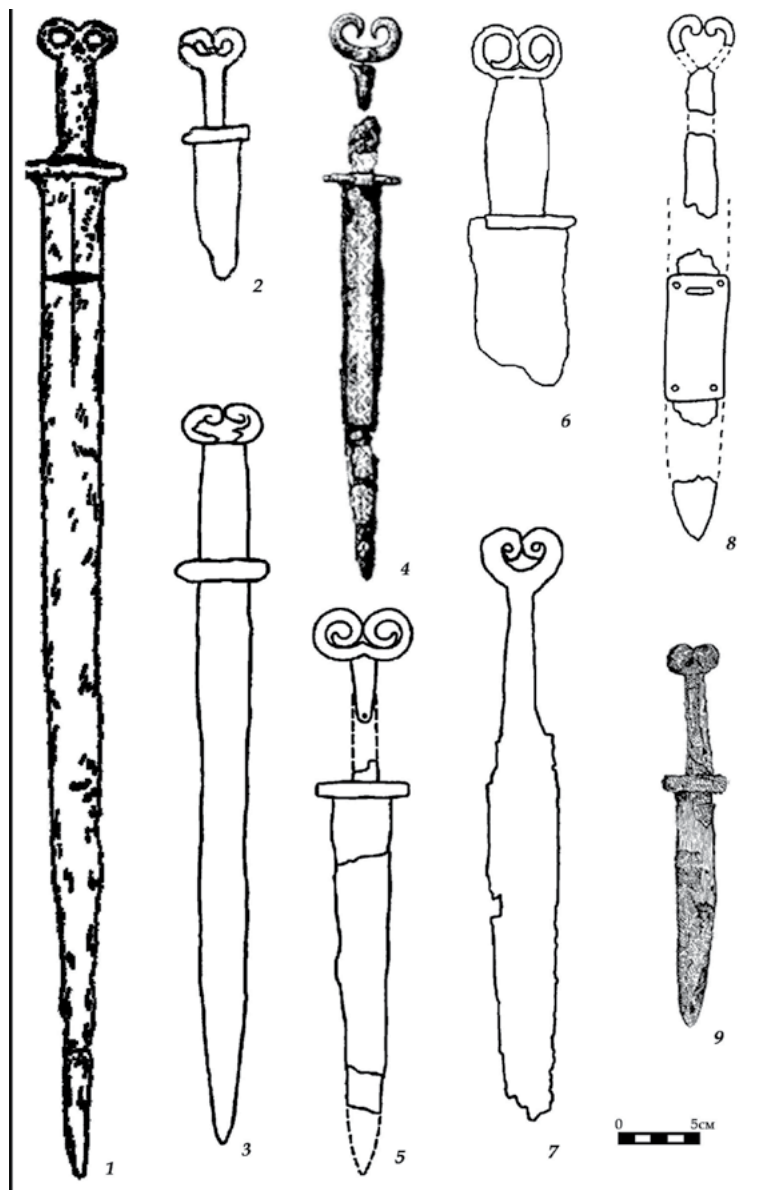


Рис. 4. Клинки Подонья, Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья: 1 – Староживотинное; 2 – Новый; 3 – Ханата; 4 – Барановский; 5 – Сидоровский; 6 – Смела; 7 – Чкалово; 8 – Новоуланский; 9 – Неаполь Скифский

полное совпадение их метрических характеристик, что наталкивает на мысль об изготовлении рассматриваемого типа за пределами Средней Азии и его появлении в регионе уже в готовом виде.

Помимо Средней Азии рассматривалась и другие области, в которых отмечался генезис кинжала этого типа. Так, по мнению М.П. Абрамовой, возрождение волутообразного навершия в последние века до нашей эры произошло на территории Северного Кавказа (Абрамова, 1993, с. 70). Данную версию подверг обоснованной критике А.В. Симоненко, отметив единичный и разнотипный характер найденных кинжалов, приводимых в монографии М.П. Абрамовой, что не позволяет говорить о местном северокавказском происхождении данного типа клинкового оружия (Симоненко, 2009, с. 30–31).

Согласно версии В.А. Кочеева данная модель кинжала возникла на Горном Алтае и представляет собой некую стилизацию ранних «грифовых» наверший (Кочеев, 2005, с. 92).

В свою очередь А.П. Зыков связывал происхождение подобных кинжалов с Западной Сибирью. По мнению исследователя, однотипное оформление различных видов вооружения – кинжалов, палашей и специфических форм сибирского оружия – свидетельствует в пользу зарождения оружия этого типа на данной территории. Обнаружение биметаллических клинков в Сидоровке и Барановке А.П. Зыков связывает с прямым заимствованием сарматами формы и технологии изготовления сибирских изделий (Зыков, 1993, с. 151). Однако предположение А.П. Зыкова слабо согласуется с материалами, на что уже обращалось внимание (Симоненко, 2009, с. 31–32).

Третий подход можно назвать «случайным»: подобный тип кинжалов появился невольно – в результате экспериментальных поисков древних мастеров. Но и тут мнения исследователей относительно того, с какой целью древние мастера придавали кинжалу навершие такой формы, расходятся.

Так, А.В. Симоненко считает, что навершие рассматриваемого типа кинжала родилось спонтанно в результате работы кузнеца, в эстетических целях закрутившего ветви серповидного навершия в волюты. В качестве примера А.В. Симоненко приводит экземпляр кинжала из Талачевки, волюты которого образованы простым загибом концов ветвей серповидной заготовки. Если принять версию, предложенную автором, поиск корней этой формы в каком-то определенном смысле бесперспективен, так как «антенновидное» навершие могло появиться везде, где были клинки с серповидным навершием (Симоненко, 2009, с. 32).

Федоров В.К. связал появление клинка подобной конструкции с обнаружением носителем прохоровской традиции в культовых местах образцов «савроматского» оружия с волутами и принятием этой модели навершия (Федоров, 2013, с. 40). А.Е. Чотбаев же зарождение этого типа кинжала объясняет как результат поиска древними оружейниками путей модификации и совершенствования данного вида оружия (Чотбаев, 2005, с. 176). При этом не совсем понятно, что подразумевает автор под модификацией и совершенствованием. Если имеется в виду улучшение боевых характеристик, тогда неясно, каким образом оформление навершия в виде волут могло улучшить эффективное применение клинка в схватке. Отмечу, что действительно навершия рукоятей некоторых типов кинжалов и мечей использовались воинами для нанесения удара рукояткой клинка и могли нанести определенный вред противнику. Боевое применение волутообразного навершия рукояти, конечно, допускается, но вряд ли оно было столь эффективно в сравнении с другими типами наверший.

Мне представляется, что наиболее обоснованным является мнение А.С. Скрипкина о местном сарматском генезисе кинжалов, аналогичных обнаруженному у Тенгизского месторождения. Кинжалы с волутообразным навершием и прямым перекрестьем у кочевников Южного Приуралья появились в IV в. до н.э. и использовались сарматами вплоть до II–III вв. н.э. Многочисленную в сравнении с другими регионами серию сарматских клинков отличает большая вариативность, что, возможно, связано с поиском приемлемой формы древними мастерами. Другие группы кинжалов за пределами Сарматии, за исключением Средней Азии, выделяются крайней малочисленностью. Как было указано выше, клинки из Средней Азии имеют полное морфологическое сходство, что говорит об их производстве вне пределов Средней Азии и появлении их в регионе в готовом виде. При этом необходимо заметить, что существование подобных клинков в других областях Евразии, порой весьма отдаленных друг от друга, возможно, маркирует передвижение каких-то отдельных сарматских племенных групп как на запад, так и на восток. Речь не идет о массовой миграции кочевников с территории Южного Приуралья в Среднюю Азию; имеется в виду передвижение небольших групп, инкорпорированных в состав родственных кочевых племен во время их движения как на юг, так и на запад. Вероятнее всего, незначительные сарматские группировки проникали и оседали в Средней Азии, тем самым способствуя появлению определенных сарматских черт в культуре местных племен.



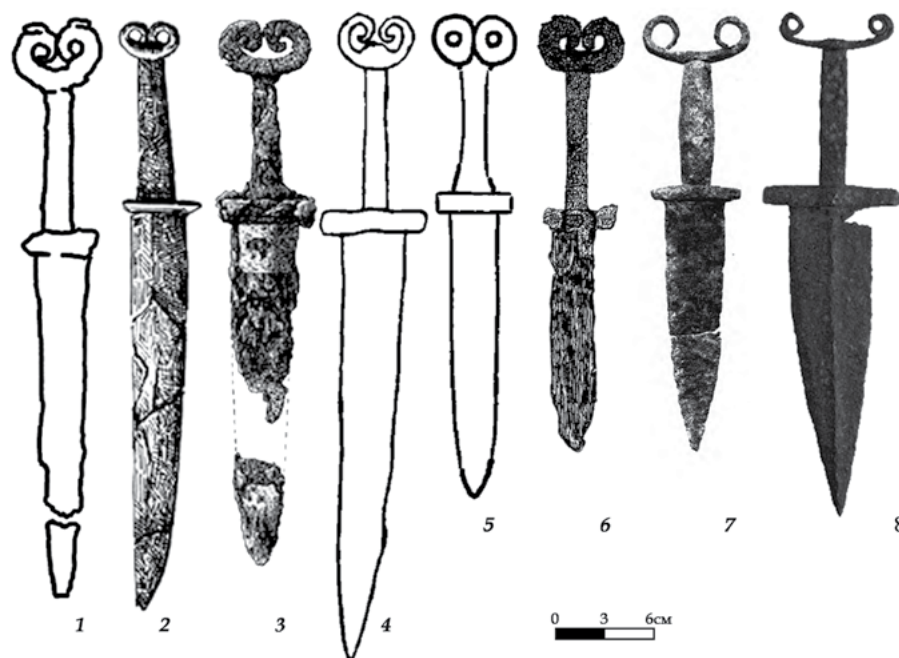


Рис. 5. Клинки из других регионов: 1 – Кривой Лиман; 2 – Летницкое; 3 – Сидоровский; 4 – Ишимская коллекция; 5 – Яломан; 6 – Сары-Бел; 7 – Баянаул

¹ В настоящую выборку включены только клинки с хорошо определяемыми типологическими признаками. Кинжалы с утраченными перекрестьями или гипотетически реконструируемыми рукоятями в сводке не рассматриваются.

² Несмотря на то что кинжал из Смелы имеет более архаичную рукоять, ее плоская в сечении форма свидетельствует о поздней дате экземпляра, т.к. клинки IV–III вв. до н.э. обладали более широкой в разрезе ручкой (Иванов, 2011, с. 73).

³ По данным Л.И. Погодина, в Западной Сибири данный тип представлен тремя экземплярами (Погодин, 1998, с. 16). Но поскольку, за исключением кинжала из могилы 2 кургана 1 Сидоровского I могильника, у двух оставшихся клинков перекрестья не прослеживаются либо они утрачены вовсе, в данной сводке они не рассматриваются.

Литература

- Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время. – М.: Наука, 1993. – 238 с.
- Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. – Краснодар: Парабеллум, 2011. – 320 с.
- Ворошилов А.Н., Медведев А.П. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматское время // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – С. 76–87.
- Глебов В.П. Вооружение и военное дело кочевников Нижнего Подонья раннесарматского времени (II–I вв. до н.э.) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – С. 88–98.
- Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. – 1976. – № 3. – С. 229–247.
- Железчиков Б.Ф. Археологические памятники Уральской области. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 1998. – 136 с.

Железчиков Б.Ф. Материалы из раскопок П.С. Рыкова в 1927 г. на территории Уральской области // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2009. – Вып. 2. – С. 191–197.

Зыков А.П. Железные кинжалы Северо-Западной Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 144–161.

Иванов С.С. Клинковое оружие раннесарматского облика с эллипсовидными рукоятями в Центральной Азии // Маргулановские чтения-2011: Материалы международной конференции. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 68–73.

Колтухов С.Г. Кинжал из некрополя Неаполя Скифского // СА. – 1983. – № 2. – С. 222–224.

Кочеев В.А. Три боевых кинжала эпохи раннего железа из Горного Алтая, или Еще раз о случайных находках // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 91–95.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Алтайский университет, 2007. – 282 с.

Кулемзин А.М. Об эволюции тагарских кинжалов // Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского педагогического института. – Кемерово, 1974. – Вып. 5. – С. 27–36.

Куриных О.И. Клинковое оружие ранних кочевников VI–I вв. до н.э. из могильника у с. Покровка (левобережье Илека) // РА. – 2012. – № 2. – С. 72–80.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. – М.: Восточная литература, 2001. – 528 с.

Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведская И.Н. Отчет о раскопках Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1973 г. – М., 1977. – Вып. 13. – С. 65–103.

Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. – Вып. 6. – 222 с.

Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. – М.–Л., 1966. – № 136. – С. 3–232.

Материалы Бухарской археологической экспедиции. – СПб., 2001. – Т. 2. – 201 с.

Медведская И.Н. Раскопки в Шаартузе в 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1974 г. – М., 1979. – Вып. 14. – С. 110–122.

Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. – 1978. – № 4. – С. 115–127.

Погодин Л.И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. – Омск: ОмГУ, 1998. – 84 с.

Самашев З., Кошербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. – Алматы: Археология, 2007. – 400 с.

Сейткалиев М.К. Кинжал редкого типа из могильника Темирлановка-1 // Известия НАН РК. Серия общ. наук. – Алматы, 2013. – Вып. 3. – С. 60–70.

Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т., Малкиель И.К. Археологические исследования на городище Пайкент в 2000 г. // Археологические исследования в Узбекистане-2000. – Самарканд, 2001. – С. 133–139.

Сергацков И.В. Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Докл. к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – С. 58–64.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 328 с.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. – Саратов: Саратовский университет, 1990. – 299 с.

Скрипкин А.С., Мамонтов В.И. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов // СА. – 1977. – № 4. – С. 285–287.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – М.: Академия наук СССР, 1961. – 160 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. – 2006. – № 3. – С. 31–40.

Федоров В.К. Кинжал из Талалаевки и «савроматские» элементы в оформлении рукоятей прохоровских клинков // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2013. – Вып. 13. – С. 33–47.



Федоров-Давыдов Г.А. Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника // СА. – 1980. – № 2. – С. 235–238.

Чотбаев А.Е. Кинжалы древних кочевников Западного Казахстана (VII–II вв. до н.э.) // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: Павлодарский гос. университет им. С. Торайгырова, 2005. – С. 175–181.

Яблонский Л.Т., Дж. Дэвис-Кимболл, Демиденко Ю.В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. – М., 1995. – Вып. 3. – С. 9–47.

Яблонский Л.Т., Дж. Дэвис-Кимболл, Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю. Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. – М., 1996. – Вып. 4. – С. 7–48.

Сейітқалиев М.К.

Солтүстік-Шығыс Каспий өңіріндегі бүлінген қабірден табылған қанжар

Мақалада Батыс Қазақстандағы қиратылған сармат қабірінен табылған сирек кездесетін темір қанжар жарияланды. Жоғарғы ұшы шиыршық тәрізді және тұтқасы тік мұндай қылыштар б.д.д. соңғы ғасырларда – б.д. басында барынша кең аумақта таралған. Еуразияның түрлі аймақтарынан (Орталық Азия, Батыс Сібір, Солтүстік Кавказ) табылған осыған ұқсас барлық белгілі қылыштарға талдау жүргізіп отырып, автор олардың пайда болуы ең ертедегі үлгілер табылған Оңтүстік Орал өңірімен байланысты деген тұжырымға келеді. Орталық Азияда, Батыс Сібірде, Солтүстік Кавказда бір топ қылыштың пайда болуы, сірә, көрші тайпалардың қару кешеніне сармат әсерінің күшті болғандығымен түсіндірілсе керек.

Seytkaliev M.K.

A Dagger from a Destroyed Burial in the North-Eastern Caspian Region

This article is devoted to the study of a rare type of dagger found in a destroyed Sarmatian burial of western Kazakhstan. This type of sword, characterized by a volute-shaped pommel and a straight cross-guard, was spread during the last centuries BC and the beginning of the new era across a wide territory. According to the analysis of the analogous swords discovered so far in different regions of the Eurasian expanse (Central Asia, West Siberia and North Caucasus), the author stated that their appearance is documented in the South Urals region, where the earliest finds have been discovered. The diffusion of this type in Central Asia, West Siberia and North Caucasus can be probably explained by the strong Sarmatian influence on the weapon equipment of the neighboring tribes.

Тажекеев А.А., Курманкулов Ж.

ТИПЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ И ВОПРОС ОБ ИХ ГЕНЕЗИСЕ (ЧИРИКРАБАТСКАЯ КУЛЬТУРА)

Большой комплекс памятников, относящийся к чирикратской культуре сакских племен низовьев Сырдарьи, расположен в зоне древних протоков Средней Жанадарьи: это Бабишмуллинский, Чирикратский и Баландинский оазисы. Памятники чирикратской культуры, датирующиеся IV–II вв. до н.э., представляют собой небольшие укрепленные поселения или крупные городища, окруженные большим количеством неукрепленных сельских поселений. Известно более двух десятков наземных погребальных сооружений, небольшое количество курганных насыпей и грунтовых могильников. Хозяйство населения было полуоседлым, но ирригационные сооружения в системе сельских бабишмуллинских поселений свидетельствуют о существенной роли земледелия в хозяйстве их жителей, чему, видимо, в немалой степени способствовали культурные связи с земледельцами среднеазиатских оазисов и прежде всего Хорезма.

В довольно сложных и многообразных погребальных памятниках чирикратской культуры также прослеживается известный синкретизм местных традиций и внешних влияний. Их можно разделить на три группы: *грунтовые погребения, на-*

земные мавзолеи и могильные ямы с подбоями. Однако в этих группах исследовано лишь незначительное количество из ныне известных памятников.

На основной территории чирикратских оазисов в силу климатических, гидрографических условий и процесса дефляции *грунтовые погребения* выявляются слабо, так как от них не сохранились наземные, вероятно земляные, сооружения. Поэтому пока мы знаем лишь несколько памятников первой группы. Наиболее ранние из них представлены большими курганами, расположенными на городище Чирик-рабат. Два кургана раскопаны: курган 2 (раскоп № 2, 1957–1958 гг., под руководством С.П. Толстова) и курган 6 (объект № 2, 2004–2007 гг., под руководством Ж. Курманкулова).

Некрополь Чирик-рабат. Курган 2. Под насыпью в материковом грунте обнаружена большая, почти квадратная погребальная камера с длинным и узким дромосом с южной стороны. Дно дромоса, куда вели шесть крутых широких ступеней, находилось на 0,5 м выше дна камеры. Стены всего сооружения были покрыты тонким слоем глиняной обмазки с побелкой. Дромос и погребальная камера оказались перекрыты настилом из шести слоев камыша толщиной по 2–3 см. Курган был разграблен еще в древности, и человеческие кости не сохранились (Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960, с. 25–27; Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 53–56, рис. 23).

Курган 6 (объект № 2). В 2004–2007 гг. проводилось раскопки под руководством Ж. Курманкулова. Курган с большой песчаной насыпью, диаметром 75–80 м и высотой над дневной поверхностью 1,5–2 м. Он расположен в северо-северо-западной части городища внутри второй оборонительной стены. Раскоп заложен в виде траншеи с запада на восток длиной 32 м и шириной 3 м. В результате раскопок установлено, что насыпь кургана состоит из грунта, извлеченного при рытье могильной ямы. В ходе расчистки траншеи к востоку от внешней границы кургана на материковом слое выявлена яма размером 200×70 см, где находился скелет подростка. Костяк лежал головой на юг. Сохранились череп и несколько трубчатых костей рук и ног. Вещей, сопровождающих покойного, не было. Видимо, захоронение впускное и не имело отношения к сооружению. Стратиграфия насыпи кургана показала, что погребальная яма была перекрыта шестью слоями камыша и древесины, поверх которых шла насыпь из песка.

Раскоп от центральной части памятника был расширен к югу, что позволило выявить на глубине 2 м контуры входа – дромоса шириной 3 м, ориентированного на юг (рис. 1). Также была определена южная граница округлой в плане погребальной ямы, диаметр которой в южной части не более 15 м. Дромос и погребальная яма углублены до 3 м от древней дневной поверхности.

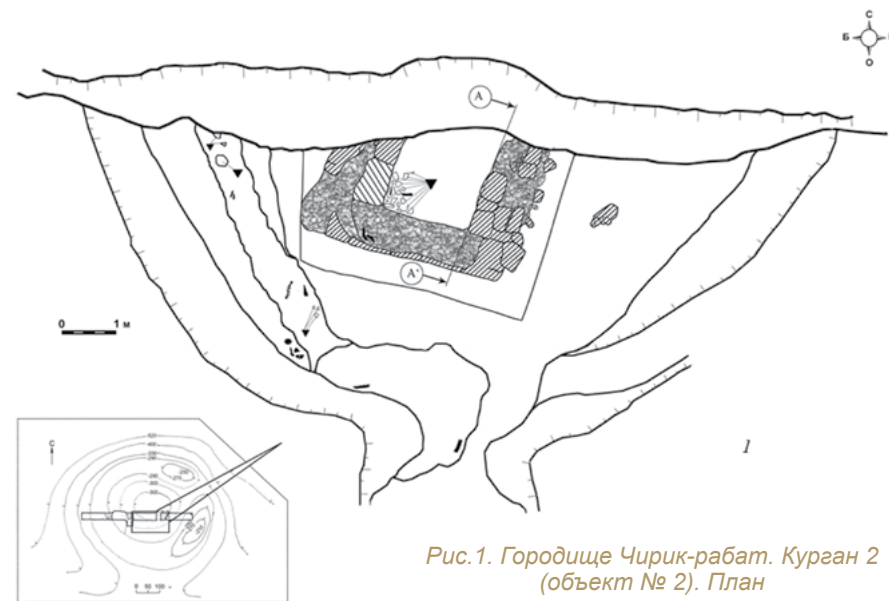


Рис. 1. Городище Чирик-рабат. Курган 2 (объект № 2). План





Рис. 2. Городище Чирик-рабат. Храм (объект № 6)

Особенностью этого кургана является выявленная в центре погребальной ямы на глубине 4 м прямоугольная погребальная камера, ориентированная в широтном направлении, размером 3,73×4,5 м. Стены шириной 1,1 м сложены из сырцового кирпича (47×45×5 м) квадратной формы, имеющего аналоги в монументальном строительстве Средней Азии (Воронина, 1952, с. 91).

Еще в древности погребальная камера была ограблена. При углублении раскопа внутри камеры на 1,7 м, на стыке юго-западной и северо-западной стен хорошо заметны следы прошлых ограблений, так как здесь обнаружен ряд находок, в том числе в большом количестве фрагменты керамики, трехгранное железное изделие и останки человеческих костей. На этой стадии раскоп был завершен (Курманкулов и др., 2005, с. 154–155; 2006, с. 250; 2007, с. 135; Жетибаев, Курманкулов, 2007, с. 201–202).

Рядовые захоронения в курганах располагались, скорее всего, вне поселений, но земляные насыпи их не сохранились. Свидетельством тому является погребение, раскопанное в могильнике Баланды 4, расположенном поблизости от урочища Баланды, на левом береговом валу средней Инкардарьи (Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 72; Толстов, 1962, с. 179, 181). Само погребение было сильно размыто. Сохранилась лишь нижняя часть могильной ямы глубиной 40 см, представлявшая собой овал (5,3×3,8 м), вытянутый с юго-востока на северо-запад. В южной стенке могильной ямы замечены следы ступенек, возможно, от дромоса. В яме находились семеро погребенных, ориентированных головами на юго-восток. Все они лежали на спине с вытянутыми руками и ногами, лишь у одного умершего ноги согнуты в коленях в форме ромба. Погребальный инвентарь состоял из одиннадцати глиняных сосудов, железного кинжала, ножей, трех бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел, бронзовых спиралевидных колец, стеклянных бус и подвесок (Вайнберг, Левина, 1993, с. 39–40, рис. 38).

Еще один тип грунтовых захоронений – погребальное сооружение, раскопанное в 800 м к северу от Бабиш-мола 2. Оно расположено на небольшой естественной возвышенности и представляет собой квадратную в плане площадку (5,5×5,5 м) со ступенчатыми краями, постепенно спускавшимися в вырытые со всех сторон неглубокие (ширина до 2,5 м и глубина от уровня площадки 1,3 м) рвы. Площадка,

ориентированная углами по сторонам света, была сооружена так, что две стороны ее параллельны каналу, проходящему к северо-востоку от нее.

На верхних ступеньках (ширина 70–75 см) около углов площадки и у середины сторон сохранились шесть крупных горшкообразных лепных сосудов кострового обжига, в которых находились детские захоронения. На второй ступени были вскрыты три захоронения в ямах. В первом погребении, расположенном в 1,5 м к северо-западу от площадки и разрушенном сильным смывом, находились останки взрослого человека, лежавшего скорченно головой на юго-запад. Два других погребения, находившихся в 70–75 см от площадки и ориентированных параллельно ее северо-восточной стороне, содержали захоронения взрослого и подростка. Оба погребенных лежали вытянуто на спине, один обращен головой на северо-запад, другой – на юго-восток. Рядом с головой подростка сохранился кувшиновидный красноглиняный гончарный сосудик обычного для чирикратской культуры типа. Судя по заполнению некоторых сосудов и ямы в центре площадки, сама площадка и ее верхняя ступенька длительное время стояли открытыми, а позднее (вероятно, после совершения ямных захоронений) вместе с ровиками были перекрыты курганной насыпью (диаметр 18–20 м) (Левина, 1960; Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 66–67; Вайнберг, Левина, 1993, с. 40–41, рис. 39, 38–69; 40; 41).

Вторую группу погребальных памятников чирикратской культуры составляют наземные мавзолеи. Известно более двух десятков этих сооружений. Расположены они изолированно друг от друга и на расстоянии от поселений (5–10 км).

По внешнему виду они разделяются на два типа: квадратные и круглые в плане. Известны лишь три памятника первого типа (Бабиш-мола 2, Чирик-рабат (объект на раскопе № 4, объект 6)) и более двух десятков – второго. Внутренний планировочный принцип этих сооружений – обязательное расположение входа с южной стороны – и основные строительные приемы обоих типов мавзолеев одинаковы.

1. **Квадратные в плане мавзолеи.** Сооружение Бабиш-мола 2 представляет собой монументальное погребальное здание. Погребальное здание (мавзолей) расположено рядом с городищем. Оно квадратное в плане (21×21 м), его стены поднимаются на высоту до 7 м. Цоколь сооружения площадью 30×30 м и высотой около 3,5 м, сложенный из шести рядов пахсовых блоков, послужил основанием здания, симметричного в плане – с двумя пересекающимися под прямым углом коридорами и угловыми погребальными камерами. Все помещения перекрывались сводами, стены помещений были покрыты алебастровой штукатуркой. Захоронения совершались прямо на полу, возможно, на носилках или деревянных помостах. Погребения были богатыми; даже после ограбления осталось много золотых полусферических нашивных бляшек, а также золотые пронизки, массивные золотые бусины с зерном, бусы из камня (янтарь, сердолик и др.) (Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960, с. 40–62; Толстов, 1962, с. 154–170; Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 58–67; Вайнберг, Левина, 1993, с. 43–44).

На территории городища Чирик-рабат в 1957–1958 гг. (автор раскопок В.А. Лоховиц) раскопано еще одно квадратное в плане (19–19,5 м) погребальное здание. Погребальное здание с мощными стенами (до 5–5,5 м толщины) сложено из сырцового кирпича, квадратного (38–40×35–38×8–10 см) или прямоугольного (40–48×35–38×8–10 см) стандарта, с камышом в слоях раствора. Внутреннее пространство разделено мощной четырехметровой стеной на два помещения, соединенных сдвинутым от центра проходом. Входной коридор был в юго-восточной стене. Глиняные, с большим количеством соломы полы подстилались двумя рядами кирпичной кладки. Данный мавзолей также был ограблен в древности, но сохранившиеся остатки погребального инвентаря позволяют отнести период бытования данного памятника к III–II вв. до н.э. (Лоховиц, 1963, с. 214).

Наконец, объект № 6 был раскопан нами. Мавзолей находится в центре городища Чирик-рабат, внутри третьей оборонительной стены. До раскопок объект представлял собой оплывший подпрямоугольный холм с явно выраженной планировкой, рельеф которой возвышался над современной поверхностью на 1–1,5 м.

После снятия верхнего слоя удалось установить контуры прямоугольного сооружения, почти квадратного в плане (18×17,5 м). Стены шириной 4,5–5 м, сохранились на высоту 1–1,5 м. Они сложены из сырцового кирпича (47–60×30–35×8–10 см, 50,5×40×10–12 см). С южной стороны выявлен контрфорс шириной 3 м, который



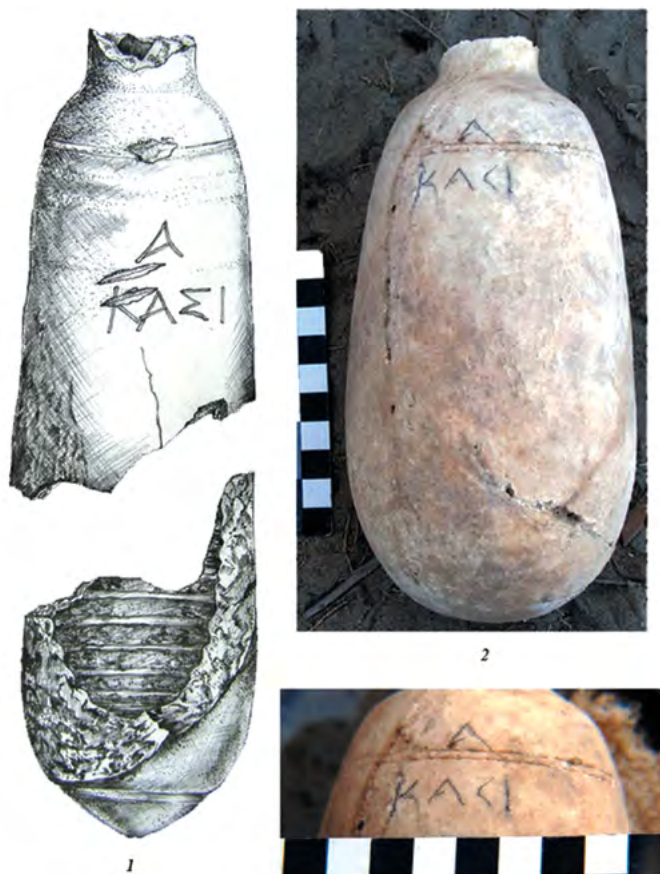


Рис. 3. Городище Чирик-рабат. Храм (объект № 6). Сосуды

составлял со стеной единое целое, то есть и стена, и контрфорс были построены одновременно. Внутреннее помещение сооружения (мавзолея) имеет площадь 8×8 м (рис. 2).

В ходе раскопок были выявлены строительные приемы возведения и устройства основания стен погребального сооружения. Материалы показывают, что мастера, возводя мавзолеев, не использовали строительную методику перевязки кирпичей. Кладка кирпичей шла рядами параллельно друг другу. Одной из основных проблем, которую пришлось решать строителям в первую очередь, была проблема устойчивости стены. Стены мавзолея, по нашему мнению, специально увеличили в толщине до размеров около 4,5–5 м. Главным цементирующим звеном в строительстве являлся мощный горизонтальный слой хорошо замешанной глины толщиной до 12 см, который выступал промазкой между рядами кирпичей.

К северу от мавзолея была зафиксирована стенка толщиной 0,5 м, состоящая из двух рядов кирпичей, уложенных параллельно друг другу, представляющая собой, по всей видимости, оградку, опоясывающую все сооружение. Стенка-оградка построена на материковом грунте, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Промежуток между оградкой и северной стеной мавзолея был заполнен костями животных и фрагментами керамики.

В 1,4 м к западу от мавзолея также выявлены следы стены-оградки. Она простирается на 10 м.

Погребальная камера мавзолея вскрыта полностью. Уровень пола зафиксирован на отметке 1,7 м. Вдоль стен тянутся широкие суфы (высотой 50–60 см, шириной 40–45 см), сложенные из пахсовых блоков и покрытые тонким слоем штукатурки (около 5 мм). Суфы сохранились у южной и северной стен. На южной стене, чуть

выше суфы, выявлены следы штукатурки, поверх которой шла обмазка белого цвета. На обмазке заметны линии, сделанные красной и черной краской.

В северо-западном углу погребальной камеры вскрыта погребальная яма. Она имела овальную форму размером 4×2,3 м. В ней не обнаружено каких-либо построек или следов захоронения. Глубина погребальной ямы 2,35 м.

Несмотря на то что склеп был ограблен по крайней мере дважды, в процессе раскопок был получен многочисленный и представительный археологический комплекс. Лишь малую часть погребального инвентаря представляли фрагменты керамики, крупные железные наконечники стрел, золотые пронизи, изделия из кости и серебра, фрагменты глиняных масок, остатки дерева и др.

Среди находок особый интерес представляют два сосуда молочно-белого цвета. Сосуды предположительно изготовлены из гипсового алебаstra. У одного сосуда сломана верхняя часть горловины, а второй разбит на три части. Оба сосуда по форме представляют собой бутылку с округленным дном и низким горлом. Тулово сужено кверху. Размеры сосудов почти одинаковы: высота 18,3 см, диаметр горловины 3,2 см, толщина стен у горловины 0,7 см, диаметр донной части 9,8 см. В днище имеется ямочка диаметром 0,8 см, глубиной 0,7 см. В верхней части тулова видны две тонкие параллельные полоски. В районе этих полосок у обоих сосудов имеется надпись из пяти знаков «древнегреческого» алфавита (рис. 3). По морфологическим признакам сосуд находит аналогии среди керамического материала III–II вв. до н.э. Египта или Малой Азии. Название сосуда – «алабастрон», латинский вариант – «Alabastron», а греческий – «αρίβαλλος» (арибаллос).

Раскопки мавзолея на Чирик-рабате дали ценный и разнообразный материал, датирующий памятник III–II вв. до н.э. (Курманкулов, Тажекеев, 2011, с. 40–44).

2. *Круглые в плане мавзолеев.* Очевидно, наиболее ранним среди погребальных сооружений является круглое в плане здание, расположенное в юго-восточной части городища Чирик-рабат (Трудновская, 1963, с. 213)

Основная масса круглых в плане мавзолеев представляет собой постройки (диаметр 15–20 м), возведенные из пахсовых блоков и прямоугольных сырцовых кирпичей (преобладающий стандарт 50×30×12 см), сохранившиеся в высоту на 3–5,5 м от уровня современной поверхности.

Центральная часть этих сооружений воздвигалась на стилобате из битой глины. Внутреннее пространство разделено по диаметру зданий стеной и во многих случаях идущей перпендикулярно ей второй стеной, образующей вместе с первой подобие крестообразной планировки. У некоторых таких памятников вокруг центральной, поставленной на стилобат, части шел обходной коридор, у других – ров.

Исследования мавзолеев показали, что значительная часть их подвергалась внутренней перестройке, и все они многократно использовались для захоронений, причем иногда в одних и тех же мавзолеех производились и кремация, и трупоположение в деревянных гробах, на носилках или циновках (Вайнберг, Левина, 1992, с. 53–54).

Таким неоднократно перестраивавшимся памятником является мавзолей Кзыл-тепе, расположенный в 8 км к востоку от городища Баланды 1. Вокруг круглого в плане сооружения при рекогносцировочных раскопках обнаружен коридор шириной до 3 м, ограниченный с обеих сторон стенами из пахсовых блоков и заполненный спаявшимися в результате интенсивного горения глыбами кирпичей и глины. Часть коридора на южной стороне отсекалась радиальными стенами, образующими вход в центральную часть (Вайнберг, Левина, 1993, с. 45, рис. 48).

В 6 км от Чирик-рабата расположен один из наиболее характерных мавзолеев этого типа – Чирик 2. Это круглое в плане (диаметр 17,2 м) здание, сохранившееся на высоту 5 м, со входом с южной стороны, возведено на стилобате из крупных комков глины. Стены его сложены из чередующихся слоев пахсовых блоков (высота 60–70 см) и рядов сырцового кирпича (преобладающий стандарт 50×30×12 см). Сооружение перестраивалось. Можно говорить по крайней мере о двух строительных периодах с частичными перестройками в каждом из них.

Первоначально здание имело обходной коридор, обмазки стен и пола которого сильно замыты. Затем внутренняя пахсовая стена обходного коридора была срезана, все пространство внутри здания забутовано глиной и кусками кирпичей, поверх которых выложены два нивелировочных горизонтальных ряда кирпичной кладки.



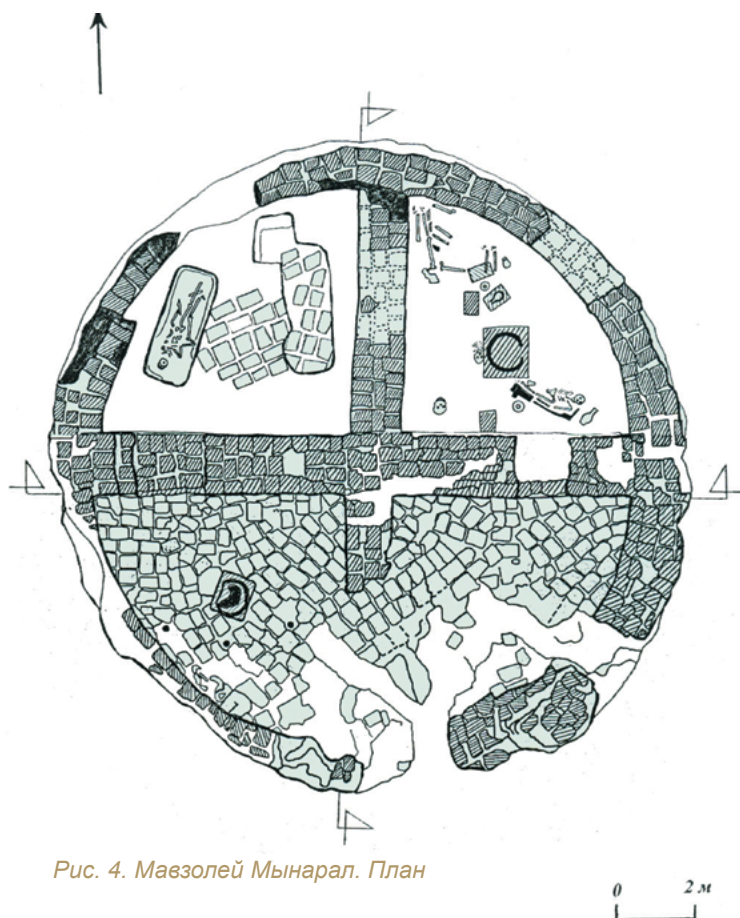


Рис. 4. Мавзолей Мынарал. План

Далее вся внутренняя площадь сооружения вновь поставленными стенами была поделена на четыре неравные камеры. Северные секторы разделялись стеной, отходящей от северной стенки, южные – коридорчиком-пандусом, ведущим через проход в центральной стене к входу. В дальнейшем, несмотря на частичные перестройки, изменявшие размеры и форму камер, бесконечные подновления полов и выкладки под ними, принцип этой планировки сохранялся.

Погребальный инвентарь составляли керамика, каменная курильница, многочисленные бусы, украшения, костяная туалетная ложечка, бронзовый трехлопастной наконечник стрелы и другие предметы (Вайнберг, Левина, 1993, с. 46–48, рис. 52–54).

Мавзолей Баланды 3 уже лишен обходного коридора. Все здание со стенами из чередующихся рядов пахсовых блоков и сырцовых кирпичей (размером 28–30×48–50×10 см) поставлено на полутораметровый цоколь. Внутреннее пространство разделено на четыре сектора проходящей по диаметру основной стеной с проходом и перпендикулярными ей стенками с проходами вдоль основной стены.

Поздний тип мавзолеев представлен погребальным сооружением Асар. Оно расположено в 5 км к востоку от городища Баланды 1. Вокруг мавзолея прослежен ров, а сам он воздвигнут на невысоком (0,5 м) цоколе. Стены здания построены из чередующихся рядов пахсовых блоков и сырцовых кирпичей (размер 50×30×12 см) на толстом слое раствора с примесью большого количества самана. Вход в мавзолей, как обычно, вел с юга, где в стене сохранились две ступеньки. Все внутреннее пространство разделено на две половины проходящей по диаметру стеной с проходом, сдвинутым от центра к югу. На глиняных с саманом обмазках пола и стен зафиксированы мощные слои песчано-глинистых натеков и намывов. В заполнении мавзолея, состоящем из перегнивших органических остатков, большого числа разрозненных человеческих костей, перемешанных с кусками камышово-тростниковых настилов

и обломков дерева, практически не имелось следов огня, за исключением северо-восточного угла, где был найден единственный обгорелый череп (Вайнберг, Левина, 1993, с. 52–53, рис. 62–64).

К этому же типу относятся мавзолей Мынарал, который расположен в Баландинском оазисе, а также нераскопанные мавзолеи Белтам, Чагырлы 2, Караоткел, Алты-булак 1, Алты-булак 2 (Курманкулов, 2007, с. 231).

Мавзолей Мынарал находится в 7 км к западу от крепости Баланды 1. Мавзолей был открыт разведочным отрядом ЧРАЭ в 2005 г. и раскопан в 2008–2009 гг.

Сооружение возвышается над дневной поверхностью на высоту 1,3–1,5 м. Диаметр памятника по внешнему контуру около 14 м. Длина стены, разделяющей внутреннюю часть мавзолея на две части, 11,5 м. Толщина внешних стен 1,4 м, толщина внутренних стен 1,35 м (рис. 4).

В мавзолее основным строительным материалом служил прямоугольный кирпич. Его размер в основном 40×30×10 см. Кирпич произведен из хорошо отмученной глины с растительной примесью. Очень широко данный размер сырцового кирпича используется в синхронных памятниках чиркирабатской культуры. Кладка лежит на субструкции – песчаной подсыпке, которая возвышается над материковым слоем на 40 см.

Для кладки стен характерно следующее:

- кладка строго регулярная, перевязка в половину кирпича по всей поверхности стен, ряды располагаются строго горизонтально, глина плотная, серо-коричневого цвета;

- при кладке осуществлялась перевязка швов – вертикальная и горизонтальная (вполовину или треть длины кирпича).

Спуск исследовался со стороны юго-восточной стены сооружения, на стыке двух перпендикулярных стен. После снятия слоя натека серого цвета идет заполнение внутренней камеры мавзолея. Заполнение представляет собой рыхлый слой, образованный пометом птиц. Мощность слоя местами до 50 см. Ниже заполнения на глубине 60 см выявлен пол сооружения. Пол сложен из сырцового кирпича, размер 40×30×10 см. При зачистке пола в сторону южного входа мавзолея он превращается в деструктивную массу затека. Зачистка южного проема выявила, что, возможно, он был основным входом. Здесь на уровне пола зафиксированы следы кирпичей, поставленных ребром перпендикулярно стене. Вход имел ширину 80 см и длину 1,6 м.

К востоку от костяка при зачистке выявлена квадратная конструкция размером 80×80 см и высотой 20 см. Она состоит из одного крупного блока глины, на поверхности которого сделана глиняная подставка в виде конуса высотой 10 см. Верх подставки имеет чашеобразную форму. По нашему мнению, глиняный куб мог служить алтарем, на который сверху клали посуду (с жертвенной едой или горящими углями). Расположен алтарь от юго-западной стены на расстоянии 1,4 м и от центра мавзолея на расстоянии 1,7 м. Алтарь ориентирован углами на северо-восток – юго-запад. К югу от алтаря на расстоянии 10 см выявлены остатки какой-то кирпичной конструкции. Сохранились четыре кирпича стандартной формы. Зачистка вокруг этих конструкций дала три столбовые ямки диаметром 15 см. Ямы вытянуты цепочкой в направлении восток-запад, между ямами расстояние 1,25 м. Также выявлены два сырцовых кирпича, расположенных к западу от алтаря на расстоянии 50 см, имеющих тамгообразные знаки в виде круга.

Ближе к востоку, на расстоянии 2 м от западной оконечности стенки обнаружена ступень высотой 50 см. Ступень квадратная в плане, размер 1×1,3 м. Дно спуска заложено сырцовыми кирпичами, а внешние кирпичи клались ребром к южному сектору. В ходе зачистки этого проема найдены нашивки из желтого металла и бронзовый стержень, обернутый фольгой из желтого металла. На расстоянии 7,4 м от первого спуска в сторону востока зафиксирована вторая ступень, также квадратная и имеющая такой же размер, как и первая. Вторая ступень равноудалена от восточной оконечности стенки на 2 м.

В северо-восточном секторе на глубине примерно 20–30 см после снятия натека шел слой помета птиц. В юго-восточном и северо-западном секторах захоронены два человека, уложенных на деревянные носилки. Головой ориентированы на юго-восток. У головы стояла керамическая ваза высотой 30 см, диаметр горловины 10 см, возле ног обнаружены горшок и чаша. Кроме того, в районе пояса





Рис. 5. Мавзолей Баланды 2

были найдены бусинки из камня черного цвета и изделия из кости типа бусинок. Носилки сделаны из двух деревянных продольных досок длиной 1,8 м, шириной 10 и толщиной 3 см, под которыми попеременно выкладывались доски. В северо-западной части носилок кости скелета были рассыпаны. Череп найден в юго-западном углу. Похоже, это произошло во время ограбления еще в древности. Во время зачистки вместе с костями были найдены керамические сосуды и костяные изделия. В центральной части сектора обнаружены второй алтарь и кирпич с отпечатками человеческих пальцев.

В северо-западном секторе, как и в предыдущих секторах, пол был выложен кирпичом. Но здесь выкопаны две погребальные ямы. Одна из этих ям расположена в 40 см к западу от разделяющей стены северного сектора. Во время ее зачистки стало ясно, что она разграблена. Человеческие кости и фрагменты керамических сосудов найдены в верхнем слое. По форме яма представляет прямоугольник, все стороны были обложены кирпичом размером 34×28×9 см. Дно также было выложено кирпичом. Длина ямы 2,7 м, ширина 95 см, глубина 62 см, ориентирована с севера на юг (Курманкулов, Дарменов, Тажекеев, 2009, с. 202–203).

Вторая погребальная яма располагалась в юго-восточной части сектора. Она так же, как и предшествующая погребальная яма, была обложена кирпичом. Во время вскрытия найден скелет человека, ориентированный головой на восток. При зачистке выяснилось, что погребение было ограблено, кости сдвинуты. Вещи, оставшиеся после грабежа (фрагменты керамических сосудов, бронзовый колокольчик, бусинки, изделия из кости (бусы) и золотые бляшки) были собраны. Исследования выявили остатки трех деревянных носилок. Погребения на носилках или в решетчатых гробах известны как в Поволжье, так и в Средней Азии с IV в. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 22; Бернштам, 1940, с. 12; Сорокин, 1961, с. 134; Вайнберг, Левина, 1968, с. 71–74). Надо отметить, что различные детали таких носилок и гробов встречались в мавзолее Бабиш-мулла 2, в верхнем горизонте Чирик 2 и в мавзолее Баланды 2, а также в мавзолее Асар.

Полученные в результате раскопок материалы дают основание несколько удревнить нижнюю дату существования мавзолея. Об этом свидетельствует наличие прямоугольного сырцового кирпича, относящегося ко второму периоду существования памятника. Уже с начала III в. н.э. прямоугольный формат сырцового кирпича исчезает, а квадратный, в свою очередь, безраздельно господствует на всей территории Средней Азии.

Мавзолей (объект № 3). Расположен в 7 км к востоку от городища Чирик-рабат, на песчаном бугре. Мавзолей округлой формы, в восточных и западных частях сооружения стены сохранились на высоту 1,5–2 м. Стены сооружения возведены из сырцового кирпича различного размера (40–45×30–36×10–13 см) на глиняном растворе. Ширина внешней расчищенной восточной стены около 1,5 м. Мавзолей разделен стенами на четыре сектора, запад-восток (ширина 3 м) и север-юг (ширина

1 м). Однако по причине сильного разрушения и разграбления внутренние стены сохранились только в нижней части.

Кости человека были разбросаны по всей площади раскопа вперемешку с костями животных и другими находками. Оставшиеся кости принадлежали разным особям; следовательно, здесь был погребен не один человек, возможно, погребение было многоразовым. Обнаружено значительное количество вещей, среди них золотая серьга с коралловой подвеской. Аналогичная золотая серьга из витой проволоки с жемчужиной и коралловой подвеской была найдена на Бабиш-мулла 2 (Толстов, 1962, с. 166, рис. 94). В мавзолее обнаружены фрагменты сосудов, как станковых, так и лепных. На одном фрагменте керамики, ближе ко дну обнаружен H-образный знак, прорезанный до обжига.

В западном секторе и у прохода были найдены два точильных камня. Один из них имеет два отверстия для подвешивания. Встречаются стеклянные и пастовые бусины бирюзового, синего, черного цветов.

В 15–20 см от северной стены, в западном секторе были зафиксированы фрагменты кожи и дерева. Также в западном секторе в 20–30 см от северной стены найдены небольшие фрагменты текстиля. Обнаружена деревянная круглая крышка пиксиды; диаметр изделия 7 см, толщина стенок 1 см, высота 3,5 см.

В качестве датирующего материала представлены четыре бронзовые трехлопастные стрелы с утопленной втулкой, которые датируются IV–II вв. до н.э. (Курманкулов и др., 2005, с. 155–156; 2006, с. 250; Жетибаев, Курманкулов, 2007, с. 202).

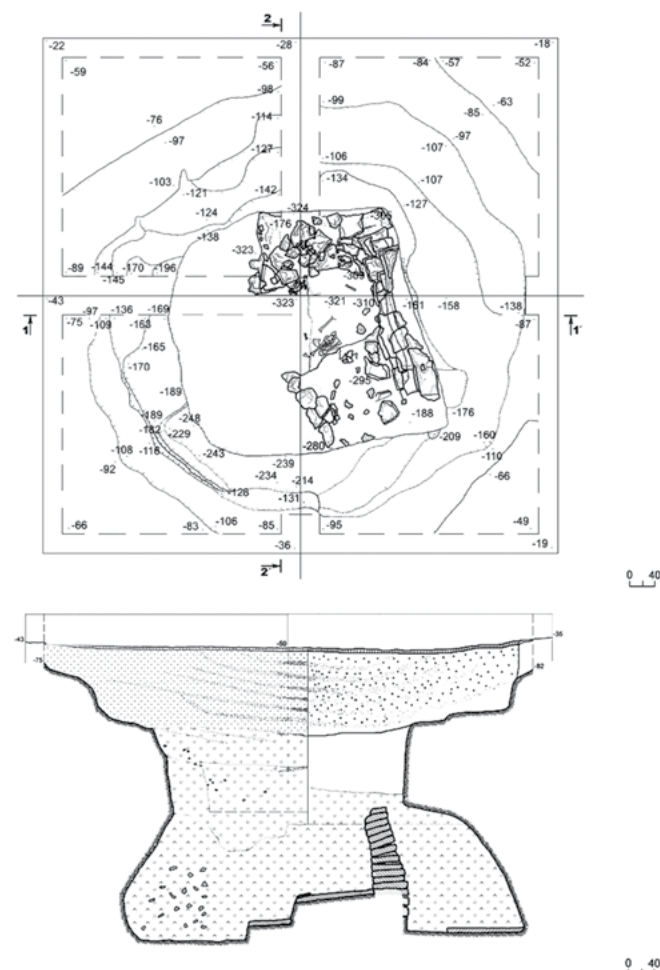


Рис. 6. Городище Чирик-рабат. Объект № 1. План и разрез





Среди круглых в плане погребальных сооружений выделяется купольный мавзолей *Баланды 2* (диаметр 16 м, сохранившаяся высота 4,5 м) (рис. 5). Вход в него расположен в южной части здания и оформлен в виде намечающегося портала с арочным перекрытием. Центральное круглое (диаметр 5,5 м) помещение, перекрытое ложным куполом, заключено в обвод анфилады из семи сводчатых помещений, разделенных на две части. Внешняя поверхность стен здания обработана двадцатью пятью выступающими треугольными лопатками (Дарменов, Утубаев, 2011, с. 157–161).

Третьим, вновь выявленным типом погребальных сооружений являются *могильные ямы с подбоями*. Известно лишь несколько памятников (объекты 1, 5, 9, 15) на Чирик-рабате. Они представляют собой сложное погребальное сооружение типа усыпальницы. Все они находятся в северной части городища Чирик-рабат, располагаясь компактной группой внутри третьей оборонительной стены. Сооружения представляют собой широкие прямоугольные ямы размером 2,2–4×3–4 м и глубиной до 5 м. Ориентированы они, как правило, длинными стенками в меридиональном направлении. По внутреннему виду их можно разделить на два типа: могильные ямы с подбоем, устроенном в западной и восточной стенках (объект 1), и могильные ямы с подбоем только в западной стенке (объекты 5, 9, 15) (рис. 6). Надо отметить, что во всех могильных ямах вход в подбой был заложен стеной из сырцового кирпича (Утубаев, Тәжекеев, Дарменов, 2014, с. 307–317).

Исследование мавзолеев чирикратской культуры дает основание полагать, что среди основной их массы к наиболее ранним, вероятно, относятся сооружения с обходным коридором, где первоначально происходило горение (Кзылтепе, мавзолей 2 могильника Тагискен, нижний строительный горизонт Чирик 2 и др.). Центральная часть мавзолеев, возведенная на стилобате, делилась на четыре камеры. Впоследствии эти обходные коридоры могли превратиться во рвы, прослеживаемые вокруг подобных, но самых поздних зданий (например, Асар). Внутренняя планировка также постепенно меняется, теряя свою «крестообразность» и сохраняя лишь деление на две половины. Судя по натекам на обмозках стен и полов, большинство таких мавзолеев не имело постоянного перекрытия. Несмотря на размеры, большие мавзолеи чирикратской культуры, несомненно, предназначенные для захоронения знати (Бабиш-мулла 2, Чирик-рабат – круглое здание и квадратные сооружения (объект на раскопе № 4, объект № 6)), во многом сохраняют конструктивные особенности, свойственные основной массе мавзолеев. Так, в круглых погребальных зданиях Чирик-рабата и Бабиш-муллы 2 остаются крестообразная внутренняя планировка, обходной коридор, цоколь. Квадратные погребальные сооружения Чирик-рабата с более поздними круглыми мавзолеями сближают двухкамерная планировка, невысший цоколь и большой процент самана в обмозке стен и пола.

Планировка круглых мавзолеев с внутренним крестообразным пересечением стен могла иметь глубокие местные корни. Представляется несомненной связь чирикратских погребальных сооружений типа Кзылтепе, мавзолея 2 Тагискена и других со «шлаковыми» курганами и некоторыми ранними мавзолеями могильника Тагискен (мавзолей 6, планировка, обряд кремации), характерными для более раннего сакского населения этих районов (Толстов, 1962, с. 201). Однако в погребальном обряде чирикратской культуры нельзя исключить определенные, возможно южные, влияния, поскольку переход от кремации к обряду труповывавления наблюдается иногда в одних и тех же памятниках (мавзолей Чирик 2). Но наряду с этим отмечено и сосуществование обоих обрядов в разных одновременных памятниках. Сам факт перехода в погребальных сооружениях одного и того же типа от традиционного трупосожжения к труповывавлению мог происходить либо под влиянием каких-то изменений в религиозных представлениях, либо с появлением новой этнической группы населения.

Литература

- Бернштам А.Н. Кенкольский могильник // Археологические экспедиции Эрмитажа. – Л., 1940. – Вып. 2. – 34 с.
Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Актобе 2 // Древности Чардары. – Алма-Ата, 1968. – С. 11–79.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – С. 47–61.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура // Низовья Сырдарьи в древности. – М., 1993. – Вып. 1. – 220 с.

Воронина В.Л. Строительная техника Древнего Хорезма // ТХЭ. – 1952. – Т. 1. – С. 87–104.

Дарменов Р.Т., Утубаев Ж.Р. Баланды 2 (Буланды): культовое сооружение чирикратской культуры IV–II вв. до н.э. // Материалы Международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». – Алматы, 2011. – Т. 2. – С. 157–161.

Жетибаев Ж., Курманкулов Ж. Городище Чирик-рабат // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. – Алматы, 2007. – С. 192–203.

Курманкулов Ж. Археологические исследования на городище Чирик-рабат и в его окрестностях / Ж. Курманкулов, А. Бирмуханова, Ж. Калиева, Ж. Утубаев // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2004 г. – Алматы, 2005. – С. 152–156.

Курманкулов Ж. Археологические исследования памятника Чирик-рабат и прилегающих районов / Ж. Курманкулов, Ж. Жетибаев, Ж. Утубаев, Д. Байтилеу, А. Исаков // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 г. – Алматы, 2006. – С. 249–251.

Курманкулов Ж. Археологические исследования памятников городища Чирик-рабат / Ж. Курманкулов, Ж. Жетибаев, Ж. Утубаев, А. Исаков // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. – Алматы, 2007. – С. 135–136.

Курманкулов Ж. Отчет о разведке на территории Кызылординской области по своду памятников 2006 г. / Ж. Курманкулов, А.А. Тәжекеев, Т. Кзылбаев, Ш.М. Абдиаликов // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. – Алматы, 2007. – С. 216–217.

Курманкулов Ж.К., Тәжекеев А.А. Чирикратские железные наконечники стрел // Материалы Международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». – Алматы, 2011. – Т. 2. – С. 40–44.

Левина Л.М. Отчет о раскопках могильника Бабиш-мулла 6 в полевом сезоне 1960 г. // Архив ИЭА, РАН, фонд 142, опись 2, ед. хр. 50. – М., 1960.

Лоховиц В.А. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-рабат // МХЭ. – 1963. – Вып. 6. – С. 214–220.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. – 1963. – № 10. – 55 с.

Сорокин С.С. Боркюрбазский могильник (южная Фергана, бассейн реки Сох) // ТГЭ. Культура и искусство народов Востока. – Ленинград, 1961. – Т. 5. – С. 117–161.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – 322 с.

Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ. – М., 1960. – Вып. 4. – С. 3–62.

Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // МХЭ. – М., 1963. – Вып. 6. – С. 3–89.

Труновская С.А. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-рабат // МХЭ. – М., 1963. – Вып. 6. – С. 201–213.

Утубаев Ж.Р. Шірік-рабат қорымындағы лақатты жерлеу түрі / Ж.Р. Утубаев, Ә.Ә. Тәжекеев, Р.Т. Дәрменов // Археологияның шыңына шыққан К.А. Ақышевтың туғанына 90 жылы толуына арналған «Қазақстан территориясындағы ежелгі және ортағасырлық мемлекеттер» атты халықаралық ғылыми конференция материалдарының жинағы. – Алматы, 2014. – С. 307–317.

Тәжекеев Ә.Ә., Құрманқұлов Ж.

Жерлеу құрылысының түрлері мен олардың шығу тегі мәселелері (шірікрат мәдениеті)

Мақалада Сырдарияның ежелгі төменгі ағысы бойында б.д.д. IV–II ғғ. гүлденген Шірікрат мәдениетінің жерлеу құрылыстарының түрлері мен олардың шығу тегіне байланысты мәселелер айтылады. Жұмыс өткен ғасырдың 50–60 жылдары қазба





жұмыстарын жүргізген Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясының есептер мен мұрағат деректері және жаңа зерттеулердің нәтижелері бойынша орындалды. 2004 жылдан бастап Ж. Құрманқұловтың жетекшілігімен Шірікратат археологиялық экспедициясы аталмыш ескерткіште кешенді зерттеулер жүргізіп келеді. Бұл қорымда Арал маңы сақтарына тән емес жаңа жерлеу түрі анықталды. Сонымен қатар, қазба жұмыстарынан табылған жәдігерлер Сыр бойын мекендеген сақтардың материалдық мәдениеті мен олардың саяси, сауда байланыстары жайлы тың мәліметтер беріп отыр.

Tazhekeev A.A., Kurmankulov Zh.
New Types of Burial Structures and the Question of Their Genesis
(Chirikrabat culture)

The article discusses the main features and genesis of some types of burials of the Chirik Rabat culture that were widespread in the lower reaches of the Syrdarya river. These burials are dated back between the 4th and the 2nd century BC. This analysis is based on the preliminary reports of the Archaeological and Ethnographical Expedition in Choresmia, on some archival materials, as well as on the results of new recent excavations. From 2004, the Chirik Rabat Archaeological Expedition led by Zh. Kurmankulov is engaged in a comprehensive study of the monument of the Chirik Rabat culture. In some burials have been recognized new types of depositions, which are not related to the archaeological culture of the Saka of the Aral region.

The paper also provides new data on the material culture and the political and commercial activities of the Saka across the Syrdarya.

Шульга П.И.

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ VIII–V ВВ. ДО Н.Э.
В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЕВРАЗИИ

Конское снаряжение населения раннего железного века степного пояса Евразии традиционно рассматривается российскими исследователями без привлечения материалов из восточной части по причине их скудости (Забайкалье, Монголия) и языкового барьера (Китай). Вслед за Н.Л. Членовой и М.П. Грязновым все инновации и изменения объясняются процессами, происходившими на территории от Тувы до Передней Азии и юга Восточной Европы. Тому есть веские основания. Достаточно сказать, что снаряжение раннескифского времени из Тувы имеет аналогии в памятниках юга Восточной Европы и Передней Азии (Аржан-1), в Южном и Центральном Казахстане (Аржан-2), в Восточном Казахстане и на Алтае (наборы с U-образными псалиями из рядовых захоронений). При этом появление в Туве в VII в. до н.э. уздечек с напускными и U-образными псалиями по инвентарю и антропологическим данным объясняется не заимствованиями, а непосредственным перемещением групп сакского кочевого населения из Казахстана и предгорьев Алтая. К этой области распространения европеоидов относились и культуры Синьцзяна.

Между тем в восточной оконечности степного пояса в I тыс. до н.э. существовала историко-культурная общность монголоидных народов, заселявших территорию от Забайкалья до Ордоса, включавших и оседлых «варваров» Северного Китая. Последние уже с X–IX вв. до н.э. тесно контактировали с государствами чжоуского Китая, располагавшимися в бассейне р. Хуанхэ от Ордоса до Бохайского залива. На севере этой общности в Забайкалье и Монголии конское снаряжение I тыс. до н.э. представлено слабо, но в южной части на территории Китая к настоящему времени накоплен значительный материал. В результате появилась возможность частично реконструировать конское снаряжение в Монголии, рассмотреть снаряжение восточной части скифского мира в комплексе с западным и проследить особенности его развития.

В настоящее время наиболее хорошо изучено конское снаряжение раннескифского времени на заселявшейся европеоидами территории Тувы, Алтая, Казахстана и Синьцзяна. Большое количество случайных находок удил и псалиев из Минусинской котловины (Шульга, 2013а) дает возможность судить и об этом районе, хотя там

в погребения конское снаряжение не помещали. Важно подчеркнуть, что благодаря возросшему числу исследованных объектов и хорошо сохранившимся сбруйным наборам с органикой в предгорьях Алтая удалось установить назначение почти всех деталей конского снаряжения верховой лошади и его основные типы, характерные для Казахстана, Алтая, Тувы, Синьцзяна (Китай) и Минусинской котловины (Шульга, 2008; 2010; 2013а).

Вместе с тем более раннее снаряжение представлено слабо. Для эпохи развитой бронзы имеются только роговые щитковые псалии на Южном Урале и в Казахстане (Псалии, 2004; и др.). Для поздней бронзы – сравнительно немногочисленные стержневидные роговые псалии с отверстиями в разных плоскостях, из которых бронзовые экземпляры найдены только в Минусинской котловине. Оттуда происходят и единичные, самые ранние бронзовые удила (Членова, 1967, табл. 16; Шульга, 2013а, рис. 34–38). По всем данным все эти псалии использовались в уздечке упряжной лошади с ременными «удилами», которые стали иногда заменяться бронзовыми удилами из двух звеньев.

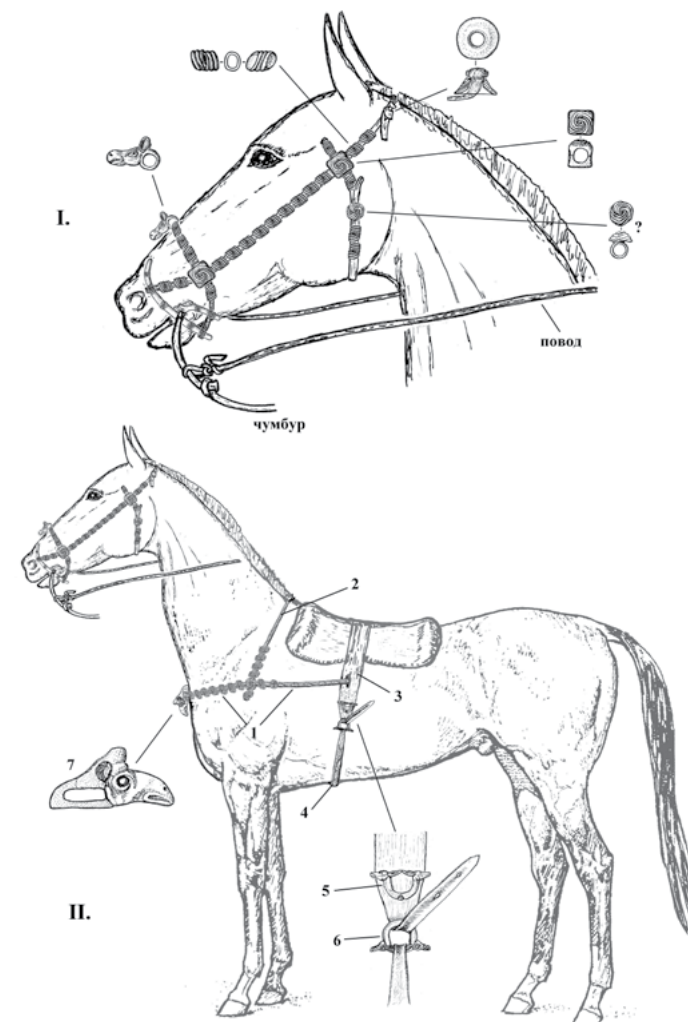


Рис. 1. Реконструкция снаряжения лошади (левая сторона) майэмирской культуры (VII в. до н.э.) в северо-западных предгорьях Алтая, по материалам могилы 32 могильника Гилёво-10: 1 – нагрудный ремень, 2 – холочный ремень, 3 – верхний подпружный ремень, 4 – нижний подпружный ремень, 5 – подпружная пряжка со шпеньком, 6 – подпружный блок (по: Шульга, 2008а)





Начальный этап раннескифского времени представлен фактически одним своеобразным курганом Аржан-1 (Грязнов, 1980) с не менее своеобразным конским снаряжением (в основном удилами и псалиями), истоки которого и наличие поздних аналогий еще предстоит выяснить. Фурнитура седельных ремней там отсутствует, но имеются навершия от колесниц (?), поэтому у нас нет оснований традиционно относить это снаряжение к верховым лошадям. Если опираться на факты, то для IX–VII вв. до н.э. к верховой лошади можно достоверно относить только наборы, включающие фурнитуру седельных ремней – подпружные пряжки, блоки и бляхи, а также распределители, застежки, пронизки и подвески нагрудных ремней (рис. 1). Характерная для этих территорий верховая сбруя раннескифского времени появляется «внезапно» (примерно на рубеже VIII–VII вв. до н.э.) с детально разработанным стандартизированным набором бронзовой фурнитуры, насчитывавшем до сотни и более деталей.

В сакском мире существовали единые принципы в устройстве и оформлении сбруи, включавшей уздечку и седло с прилегающими ремнями. Наиболее стандартной выглядит ременная узда с четырьмя бронзовыми распределителями (обычно малыми) в местах пересечения суголовных ремней с наносным и подбородным, подвеской наносного ремня, застежкой подбородного ремня и ворворкой для фиксации на затылке лошади суголовных ремней (рис. 1). Распределители узды и нагрудника имели по четыре боковых отверстия под пересекающимися ремнями. Независимо от типа псалиев внешние окончания удил располагались в вертикальной плоскости. Судя по алтайским материалам, налобных ремней обычно не было, что подтверждается отсутствием в наборах каких-либо налобных блях или подвесок. Что же касается так называемых налобных блях, то во всех известных случаях они использовались для соединения верхнего и нижнего подпружных ремней на правом боку лошади (Шульга, 2008, рис. 8, 34). Нагрудник во всех известных случаях крепился к широкому верхнему подпружному ремню и в основном состоял из одного ремня. Нагрудник из двух параллельных ремней с соответствующим набором распределителей, застежек и пронизок достоверно зафиксирован лишь однажды в Гилёво-10 (Шульга, 2008, рис. 8, 11). Полный набор бронзовых деталей у стандартного одноремennого нагрудника включал два распределителя, застежку на левой стороне, центральную подвеску и пронизки (рис. 1). Поскольку эти ремни, как правило, были обычно толще уздечных, то и размеры их больше. Холочные ремни, очевидно, просто связывались. На подпружных ремнях имелись три детали: с левой стороны подпружная пряжка (шпеньком вниз) на широком верхнем ремне и блок на узком нижнем (рис. 1); справа эти ремни соединялись крупной бляхой-застежкой. Седельная фурнитура в раннескифских наборах отсутствует, за исключением, возможно, плоских пронизок подхвостных (?) ремней.

Седловка лошади производилась слева, а потому слева находятся ворворка суголовных ремней, застежки подбородника и нагрудника, а также подпружные пряжка и блок. С левой же стороны, очевидно, находился и чумбур. Нагайка также помещалась с левой стороны от седла.

Полные сбруйные наборы всегда изготавливались в одном художественно-мифологическом стиле с четким разделением фурнитуры узды и седельных ремней. При этом все изделия, кроме пронизок, наносных и нагрудных подвесок, имели функциональное назначение. Повседневная сбруя на лошади рядового всадника (всадницы) была преимущественно ремённой, но с бронзовыми удилами. Роговая фурнитура в раннескифской сбруе использовалась редко и преимущественно на завершающем этапе.

Несомненный интерес представляет своеобразное снаряжение лошади IX–VI вв. до н.э. на крайнем востоке степей между Хуанхэ и Байкалом. Судя по находкам из Минусинской котловины и Северного Китая, на этой промежуточной территории преобладало конское снаряжение не алтайского (сакского) типа, а других, еще слабо изученных типов. Проблема осложняется параллельным длительным сосуществованием в Северном Китае (видимо, и в Монголии) верхового и упряжного снаряжения. До настоящего времени в русскоязычной литературе этот материал из Китая не публиковался, тема не исследовалась, и достоверно разделить детали уздечек верховых и упряжных лошадей зачастую очень сложно или невозможно.

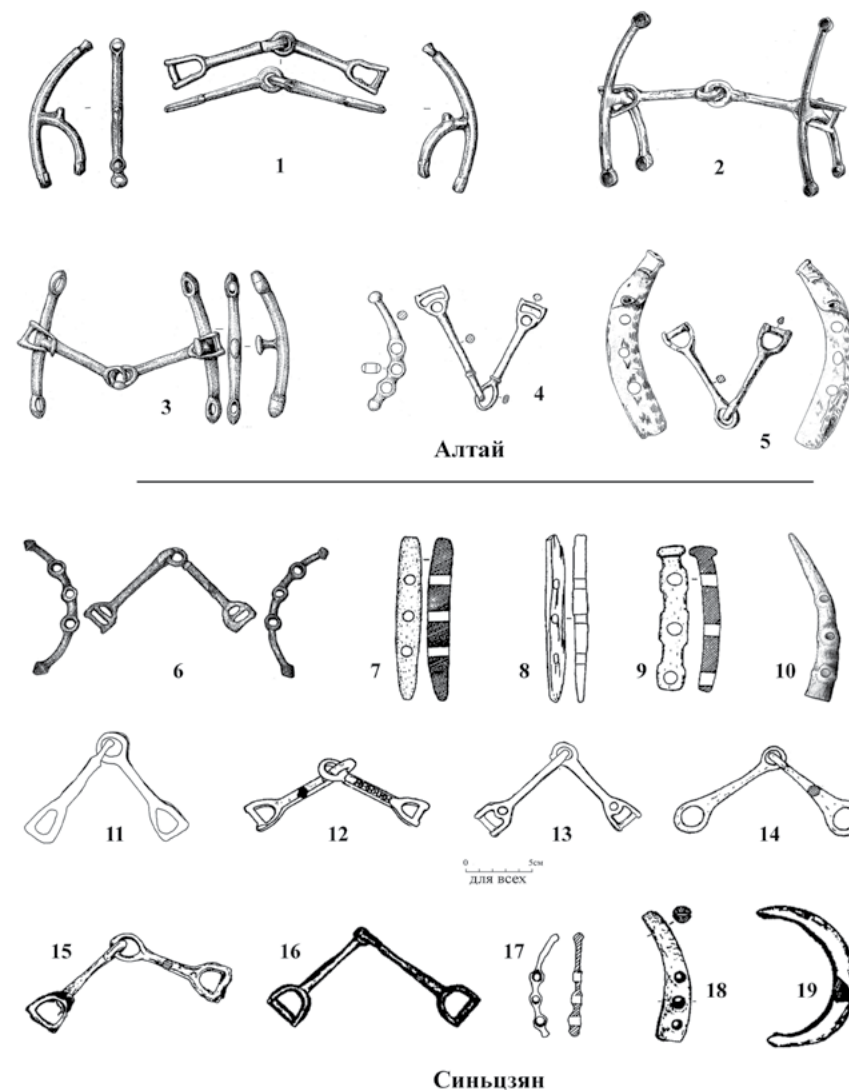


Рис. 2. Удила и псалии VIII–VII вв. до н.э. с Алтая и Сынцзяна, в том числе из могильника Сазансау (15–19). Бронза – 1–4, 6, 11–17; бронза, рог – 5; кость (рог) – 7, 9, 10, 18; клык кабана – 19; дерево – 8 (по: Шульга, 2010; Отчет о раскопках могильника Сазансау..., 2010)

Алтай. На территории Республики Алтай, Алтайского края и прилегающем регионе Восточного Казахстана в 2007 г. было выявлено более восьмидесяти бронзовых и роговых псалиев, пятьдесят бронзовых удил и многочисленные детали бронзовой фурнитуры, в том числе обнаружено значительное количество наиболее информативных на Саяно-Алтае сбруйных наборов VII – начала VI в. до н.э. (рис. 1). К наиболее раннему этапу относятся лишь четыре погребения с роговыми трехдырчатыми коленчатыми псалиями, похожими на найденные в Аржане-1 (Шульга, 2008, рис. 53). Все остальные сбруйные наборы и отдельные детали, как и в Туве, относятся к VII – началу VI в. до н.э. Большинство из них найдено в северо-западных предгорьях и Восточном Казахстане, откуда происходит свыше половины псалиев и удил. Псалии там бронзовые, преобладают V-образные или со шпеньком в центральной части (рис. 2, 1–3). В собственно же бийкенских захоронениях в Горном Алтае (Республика Алтай) обнаружено всего одиннадцать псалиев и почти все они (9 экз.) роговые (рис. 2, 4, 5) (Шульга, 2008, рис. 53).





Несмотря на проникновение сакского населения, детали конского снаряжения майэмирцев в предгорьях Алтая существенно отличались от найденных в Казахстане и соседнем Синьцзяне, хотя устройство сбруи верховой лошади на этой территории было примерно одинаковым. Как и в Казахстане почти все представительные наборы относятся к верховой сбруе. Упряжные наборы также немногочисленны. Основные различия между указанными районами заметны в конструкции и форме псалиев и удил. В предгорьях Алтая (включая Восточный Казахстан) у майэмирцев жесткость соединения удил с псалиями обеспечивалась особыми отроствами (У-образные псалии) или шпеньками, пропускавшимися во внешние окончания удил (рис. 2, 1–3). Для этого окончаниям часто придавалась особая пешковидная форма (рис. 2, 1). В Казахстане помимо универсальных, привязывавшихся к удилам псалиев с тремя отверстиями в одной плоскости, также существовали жестко скрепленные конструкции, но устроены они были иначе. Цельнолитые удила с псалиями (рис. 3, 5), очевидно, появились под влиянием соседней Передней Азии (Иванчик, 2001, с. 180–184). Напускные псалии и удила с ограничителем (рис. 3, 6), видимо, были изобретены саками, хотя похожее соединение, предполагавшее перемещение псалия по грызлу, было известно от Греции до Китая уже в самых ранних уздечках (рис. 7, 9а, 11).

Синьцзян. Сбруя верховой лошади в Синьцзяне (Китай) в основном соответствовала алтайской (рис. 1) (Шульга, 2010; Отчет о раскопках могильника Саэнсаи..., 2010). Конское снаряжение там в погребальных комплексах встречается довольно часто, но представлено оно почти исключительно простыми уздечками с бронзовыми удилами и роговыми или деревянными псалиями (рис. 2) (Шульга, 2010; Отчет о раскопках могильника Саэнсаи..., 2010). Бронзовые псалии известны автору лишь в двух комплексах: Тэмуликэ (рис. 2, 6) и Саэнсаи (рис. 2, 17). Роговых (костяных) псалиев, по сводке, семнадцать экземпляров, из которых восемь входили в состав четырех уздечек (Шульга, 2010, с. 65–66; Отчет о раскопках могильника Саэнсаи..., 2010). В Саэнсаи (курган 113) в качестве псалиев с бронзовыми удилами, по-видимому, использовали два клыка кабана (рис. 2, 19). Все известные в Синьцзяне псалии имеют три отверстия в одной плоскости для привязывания к удилам. Особых местных способов соединения удил и псалиев в Синьцзяне пока не зафиксировано.

В Синьцзяне автором учтен двадцать один комплект удил. Из них двадцать – бронзовые двузвенные и один уникальный из кости овцы (?). По способу соединения внешних окончаний с псалиями выделяются две основные группы удил: с дополнительными отверстиями для соединения с псалиями при помощи ремешка (9 экз.) (рис. 2, 6, 13); разновидности «стремячковых» и кольцевидных окончаний без дополнительного отверстия (6 экз.) (рис. 2, 11, 12, 14–16). По соотношению раннескифских удил с дополнительным отверстием и без них уздечки из Синьцзяна похожи на известные в Минусинской котловине (рис. 5, 2, 4, 5), однако форма окончаний удил с дополнительным отверстием в Синьцзяне совершенно иная. Она близка к окончаниям из Казахстана, Алтая (рис. 2, 4) и Тувы (рис. 4, 1). Важно отметить, что на могильнике Чаухуугоу-2 такие удила найдены в самой ранней его части, датирующей VIII в. до н.э. (Шульга, 2010, рис. 3).

Несомненный интерес представляют удила с псалиями из курганного могильника Саэнсаи VII в. до н.э., расположенного в горах Тянь-Шаня, недалеко от г. Урумчи (Отчет о раскопках могильника Саэнсаи..., 2010). Из опубликованных китайскими исследователями восьми курганов конское снаряжение (удила, псалии и распределители) обнаружено в шести, в том числе пять комплектов удил; один бронзовый и два костяных (роговых) трёхдырчатых псалия, а также два клыка кабана, вероятно, использовавшихся в качестве псалиев; три бронзовых распределителя плохой сохранности от одной уздечки (рис. 2, 15–19).

Погребальный обряд в Саэнсаи имеет ближайшие аналогии в тасмолинской культуре Центрального Казахстана. Под курганами устраивалась одна могила, в которой, как правило, хоронили одного-трех человек в положении на спине, вытянуто, головой в северо-западный сектор. В ногах или между пяток умерших помещали кости ног и череп лошади с уздечкой, обращенный в юго-восточный сектор. Интересно, что однотипные удила с окончаниями раннего облика в виде широких стремячек (рис. 2, 15, 16) существенно отличаются как от удил Синьцзяна, так и Казахстана.

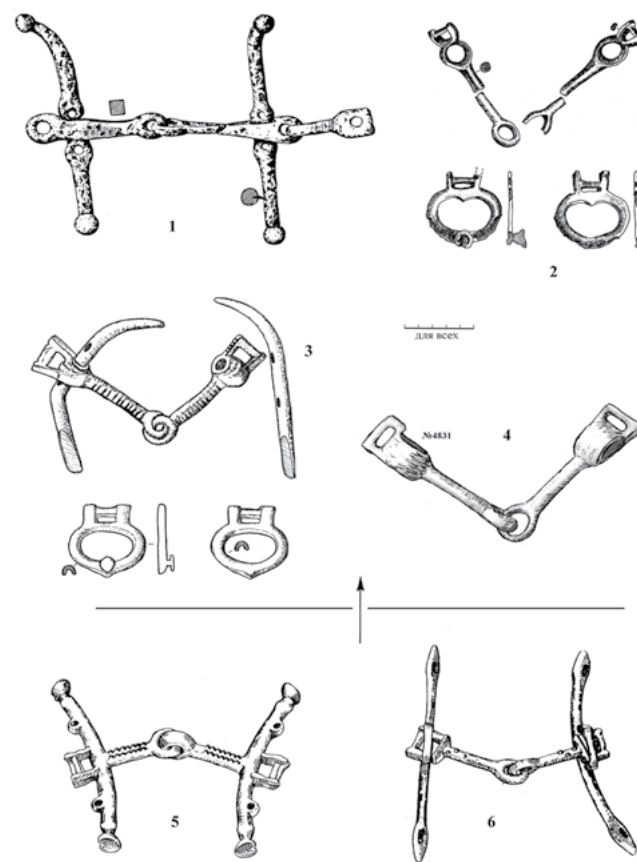


Рис. 3. Эволюция удил и псалиев в Казахстане (2, 3, 5, 6). Уйгарак (5, 6; по: Вишневецкая, 1973), Измайловка (3; по: Ермолаева, 1987); Талдысай (2; по: Бейсенов, Смаилов, 1998); Минусинская котловина (4); Сара, Южное Приуралье (1; по: Смирнов, 1961)

Псалии же имеют аналогии на этой территории. Лежащая между древними народами Тянь-Шаня, Казахстана и Саяно-Алтая богатая памятниками территория Джунгарии пока слабо исследована, а новые материалы лишь начинают публиковать. Тем не менее уже имеется достаточно оснований говорить о том, что обитавшее там население контактировало с культурами Тянь-Шаня, Казахстана и Алтая. Могильник Саэнсаи, по-видимому, демонстрирует осуществлявшиеся через Джунгарию связи с группами населения, близкого к тасмолинской культуре Центрального Казахстана. Несколько позднее, в V–III вв. до н.э., в этих местах обитали племена, близкие по погребальному обряду, инвентарю и конскому снаряжению к пазырыкцам Горного Алтая (Полосьмак, 1998; Шульга, 2010).

О наличии достоверных уздечных наборов с полным комплектом распределителей, застёжек, пронизок и подвесок в Синьцзяне автору пока неизвестно. Исключениями являются только два неполных набора из М17 в Цюньбакэ-1 и М2001 в Янхае-2. Судя по имеющимся материалам, уздечки в Синьцзяне были устроены так же, как на Саяно-Алтае и в Казахстане. Несколько иное устройство имела только архаичная уздечка с необычными костяными удилами из могилы № 213 в Янхае-2 (Шульга, 2010). В целом удила, псалии, распределители, застёжки, пронизки, подпружные пряжки и блоки VIII–VI вв. до н.э. подобны найденным на Саяно-Алтае и в Казахстане. Поясная фурнитура имеет те же аналогии. Детали снаряжений верховой и упряжной лошади, распространенных в VIII–VI вв. до н.э. на Северном Китае, автору в Синьцзяне неизвестны. Конское снаряжение V–III вв. до н.э. из Синьцзяна наиболее близко к пазырыкскому из Горного Алтая и каменскому с Верхней Оби (Шульга, 2010, рис. 88, 89).





Тува. В эволюции раннескифского конского снаряжения в Туве выделяются два основных этапа. Первый представлен наиболее ранним комплексом из Аржана-1, где почти вся функциональная фурнитура состоит из псалиев и удила (Грязнов, 1980). На фоне подавляющего большинства известных раннескифских сбруйных наборов Саяно-Алтая и прилегающих территорий этот комплекс выглядит совершенно чужеродным, что, по всей видимости, обусловлено тремя взаимосвязанными факторами: 1) более ранним временем кургана (предположительно в рамках начала VIII в. до н.э.); 2) местными особенностями снаряжения, сформировавшегося в Туве без влияния почти неизвестной нам Монголии; 3) принадлежностью снаряжения из Аржана-1 не верховым, а упряжным лошадям (Савинов, 2002, с. 65; Шульга, 2008, с. 44–50).

На втором этапе – в VII в. до н.э. – в Туве фиксируется совершенно иное конское снаряжение. Обнаружены детали от более тридцати наборов (Чугунов, 2005; 2011). На их облик сказались имевшая место унификация и, вероятно, прямые контакты с населением из предгорий Алтая – наборы с У-образными и шпеньковыми псалиями (рис. 4, 4–6), из Казахстана – наборы с напускными псалиями (Аржан-2) и одна случайная находка (рис. 4, 2, 3). Однако все они имеют свою специфику, отражающую местное культурное своеобразие. Переход от раннескифской сбруи происходит резко, как и на Алтае, но в двух финальных комплексах алдыбельской культуры зафиксированы двудырчатые псалии (рис. 4, 7) (Грач, 1980, рис. 83, 2; Чугунов, 2011, рис. 18), вставлявшиеся в стремячкovidные окончания, как и в Юйхуанмяо (рис. 5, A1, 4). Каких-либо местных оригинальных способов соединения удила и псалиев в Туве не сложилось, если не считать двух вышеуказанных случаев использования двудырчатых псалиев в раннескифских комплексах. Этот революционный способ и псалии, видимо, были заимствованы из Минусинской котловины или Монголии, связанной с Северным Китаем (культура Юйхуанмяо), где стремячкovidные удила с двудырчатыми псалиями использовались не позже середины VII в. до н.э. (рис. 5A).

Во второй половине VI – III в. до н.э. известное нам в Туве снаряжение лошади не имело принципиальных отличий от пазырыкского. Лишь в одном из курганов середины – второй половины VI в. до н.э. с восточными чертами в погребальном обряде (Темир-Суг-1) зафиксирован смешанный сбруйный набор, содержавший детали саяно-алтайского и восточного типов. Вероятно, это погребение оставлено выходцами из культур восточной общности.

Минусинская котловина. Почти все снаряжение лошади представлено случайными находками (Членова, 1967; Шульга, 2013), но с течением времени это собрание приобретает все большее значение для понимания особенностей формирования и эволюции снаряжения лошади. Достаточно сказать, что четырнадцать бронзовых псалиев из Минусинской котловины типологически более ранние, чем в Аржане-1, и почти не имеют аналогий на сопредельных территориях (Шульга, 2013, рис. 34–38). Удила также существенно отличаются как по оформлению окончаний, так и по соотношению типов. В Минусинской котловине из примерно ста тринадцати раннескифских удила со «стремячкovidными» окончаниями восемьдесят три экземпляра имеют небольшое дополнительное отверстие (колечко) (рис. 5, B2, 4, 5), и только у тридцати оно отсутствует (рис. 5, B3). Для сравнения: на Алтае и прилегающей территории Восточного Казахстана из пятидесяти четырех раннескифских удила со стремячкovidными окончаниями дополнительные отверстия имели лишь семь (рис. 2, 1), а в Туве такие удила известны всего на двух уздечках из Аржана-1 и Аржана-2 (рис. 4, 1, 11). Особый путь развития конского снаряжения в Минусе прослеживается и в первой половине – середине VI в. до н.э., когда там в большом количестве распространились не встречающиеся на Алтае, в Туве, Синьцзяне и Казахстане восточные удила с отдельными рамками повода и увеличенными кольцами под вставлявшиеся двудырчатые псалии (рис. 5, B6, 7).

В целом эволюция конского снаряжения происходила в Минусинской котловине следующим образом. В эпоху поздней бронзы там появляются самые ранние в Южной Сибири бронзовые удила с маленькими отверстиями на концах и псалии с отверстиями в разных плоскостях. В IX в. до н.э. получили распространение псалии специфических форм с отверстиями в одной плоскости, в том числе с трубчатыми отверстиями и большими шляпками на одном из окончаний. Судя по величине шляпок, эти псалии типологически более ранние, чем найденные в Аржане-1 (рис. 4).

Известных в Аржане-1 удила с малыми кольцами на концах (рис. 4, 10, 12, 13) там в это время не было. По аналогиям из Центральной равнины Китая (рис. 7, 8) тогда в Минусе бытовали архаичные массивные удила с подтреугольными окончаниями и крупными внутренними кольцами (рис. 5, B1) и удила с дополнительными отверстиями в окончаниях (рис. 5, B2, 4, 5). Типологически первые появились раньше. В VII в. до н.э. сосуществовали стремячкovidные удила с дополнительным колечком в окончании и без него. Преобладали удила с дополнительным отверстием. Псалии этого времени встречаются крайне редко.

Существенные изменения происходят примерно в конце VII – начале VI в. до н.э., когда в обиход входят двудырчатые псалии с восточными удилами (рис. 5, B6, 7). Подчеркнем, что восточные удила в Минусинской котловине сформировались на местной основе, завершая традицию изготовления наиболее распространенных удила с овальными-кольчатыми и подтреугольными окончаниями и дополнительным отверстием. Вскоре в рамках первой половины – середины VI в. до н.э. восточные удила начинают заменяться более простыми удилами с кольцами среднего диаметра (рис. 5, B9, 10). Представляется, что в VI в. до н.э. сбруя в Минусинской котловине в значительной мере соответствовала распространенной в восточной общности (восточные удила, удила с кольчатыми внешними окончаниями среднего диаметра, отсутствие подпружных пряжек и наличие бронзовых колец). Одновременно происходили значительные заимствования из сакского мира, Алтая и Тувы, на что указывают экземпляр переходных удила «казахстанского» варианта (рис. 3, 4), орнаментация псалиев, наличие цилиндрических и крестовых распределителей, двоителей, чумбурного блока, наносной подвески, застёжек подбородника и бронзовых имитаций клыков кабана. Почти вся эта фурнитура характерна для сбруи VI–V вв. до н.э. Алтая и Тувы. В VI в. до н.э. (возможно, начиная с конца VII в. до н.э.) в Минусе бытовали загадочные ажурные «скребельцы» с шипами, в том числе украшенные изображениями головок длинноклювых и ушастых орлов, выполненными в «алтайском» стиле (Шульга, 2013, рис. 39–41). По всем данным, они использовались как строгие псалии, но как они соединялись с удилами (если удила вообще предполагались) и с оголовьем лошади – неясно. Необъяснимое пока столь широкое распространение не встречавшихся в других местах ажурных шипастых псалиев служит еще одним свидетельством своеобразия конского снаряжения в этом относительно изолированном степном районе. В V–IV вв. до н.э. снаряжение лошади в Минусинской котловине в основном соответствовало алтайскому. На концах удила имелись большие овальные или округлые кольца с удилами, в которые вставлялись двудырчатые слабоизогнутые или дугovidные псалии, преимущественно с шишечками на концах. Среди псалиев выделяется несколько характерных устойчивых типов.

Как видим, конское снаряжение в Минусинской котловине имело свой особый путь развития, в определенные периоды попадая в сферу распространения восточных и казахстано-алтайских традиций. Эта территория относится к числу наиболее благоприятных для круглогодичного выпаса скота без заготовки кормов, а наличие месторождений меди и традиций ее обработки позволили раньше начать массовое изготовление бронзовых деталей. Соответственно в IX–VIII вв. до н.э. Минусинский центр мог оказывать существенное влияние на формирование конского снаряжения в соседних территориях и, очевидно, был связан с до сих пор не изученным центром в Монголии.

Монголия и Забайкалье. Эта область, несомненно, являлась основным или одним из основных центров развития на Востоке колесниц, всадничества и полукочевого образа жизни. Однако конское снаряжение представлено там крайне малым количеством находок, по которым пока нельзя сделать объективных выводов. Почти все известное автору псалии в Монголии трёхдырчатые с отверстиями в разных плоскостях (рис. 6, 1, 16–20) (Цыбиктаров, 1998, с. 64). Такое расположение центрального отверстия характерно для колесничных уздечек, а также псалиев эпохи поздней бронзы Южной Сибири, по-видимому, также связанных с колесничной упряжью. В VIII–VI вв. до н.э. в Забайкалье существовали сбруи алтайского (сакского) (подпружные пряжки и блоки, распределители, кольцевидные пронизки) (рис. 6, 3, 4) и восточного типов (восточные удила) (рис. 6, 2, 2a). В Монголии, судя по случайным находкам, удила по форме ближе к найденным в Аржане-1 (рис. 6, 5–14), а характерное для Северного Китая снаряжение автору не встречалось. Однако в



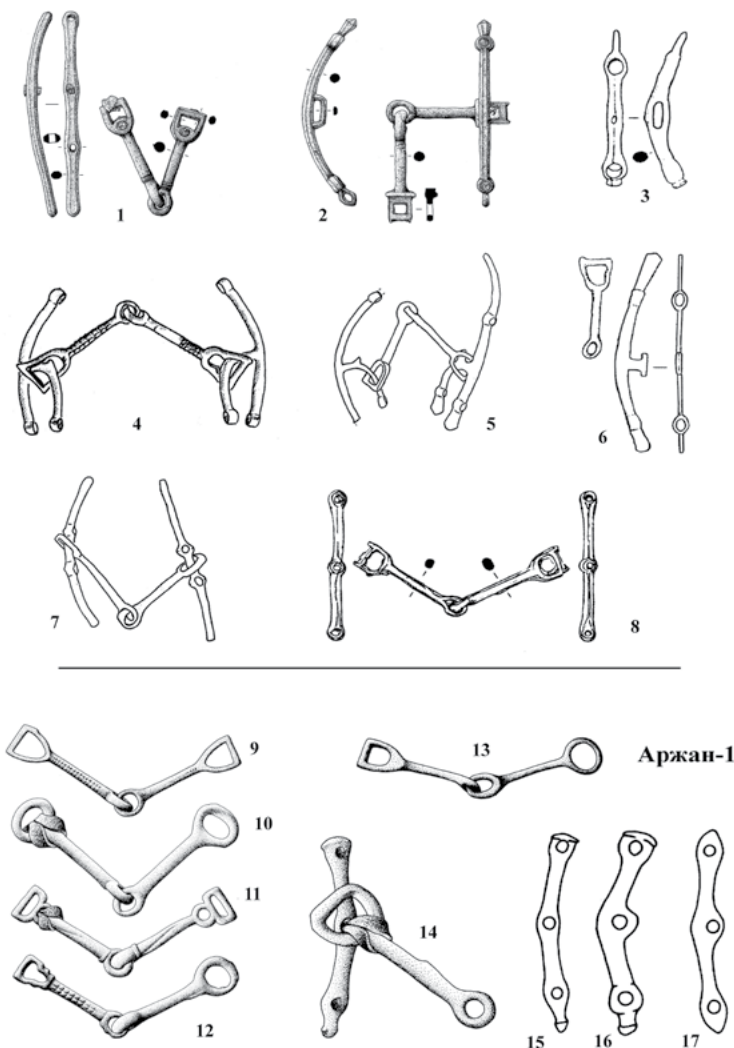


Рис. 4. Тува. Бронзовые удила и псалии VIII–VII вв. до н.э. (по: Грязнов, 1980; Der Groszkurgan von Arzan..., 1984; Боковенко, 1998; Чугунов, 2005)

окужающих Монголию районах Северного Китая, Забайкалья, Минусинской котловины, а также Тувы (Темир-Суг-1) имеется конское снаряжение восточного типа, и нет сомнений, что оно было распространено в раннескифское время и на промежуточной территории, то есть в Центральной и Восточной Монголии. Особое значение для реконструкции имевшегося там конского снаряжения, на наш взгляд, имеют материалы могильника Юйхуанмяо. Он был оставлен населением, частью вышедшим из Монголии и около века (в VII в. до н.э.) поддерживавшим с ней связь. На этом основании можно с большой долей уверенности предполагать наличие в Монголии в VIII–VI вв. до н.э. удила как общераспространенных, так и специфических типов: 1) более ранних типологически со стремячквидными окончаниями, к которым привязывались трёхдырчатые псалии (рис. 4, 14); 2) с неотделённой рамкой повода (рис. 5, A4, 7) и с отдельной рамкой повода (рис. 5, A3, 5, 6, 9, B6, 7). Вероятно, несколько раньше (к середине VI в. до н.э.) под влиянием Китая там распространились удила с внешними окончаниями большого диаметра, в которые вставлялись двухдырчатые псалии (рис. 5, B10; 7).

Северный Китай. Конское снаряжение Северного Китая эпохи Западной Чжоу (1027–770 гг. до н.э.) и последующего периода Чуньцю (около 770–470 гг. до н.э.) эпохи Восточной Чжоу в русскоязычной литературе не рассматривалось. Исключение составляют работы по колесницам, не сопровождающиеся анализом фурнитуры (Кожин, 2011, с. 209–229; и др.). Насколько известно автору, в Китае по этой теме имеется довольно много публикаций, но обобщающих работ по снаряжению верховой и упряжной лошади указанных периодов нет. К настоящему времени на территории Северного Китая в рамках Центральной равнины и охватывающего ее

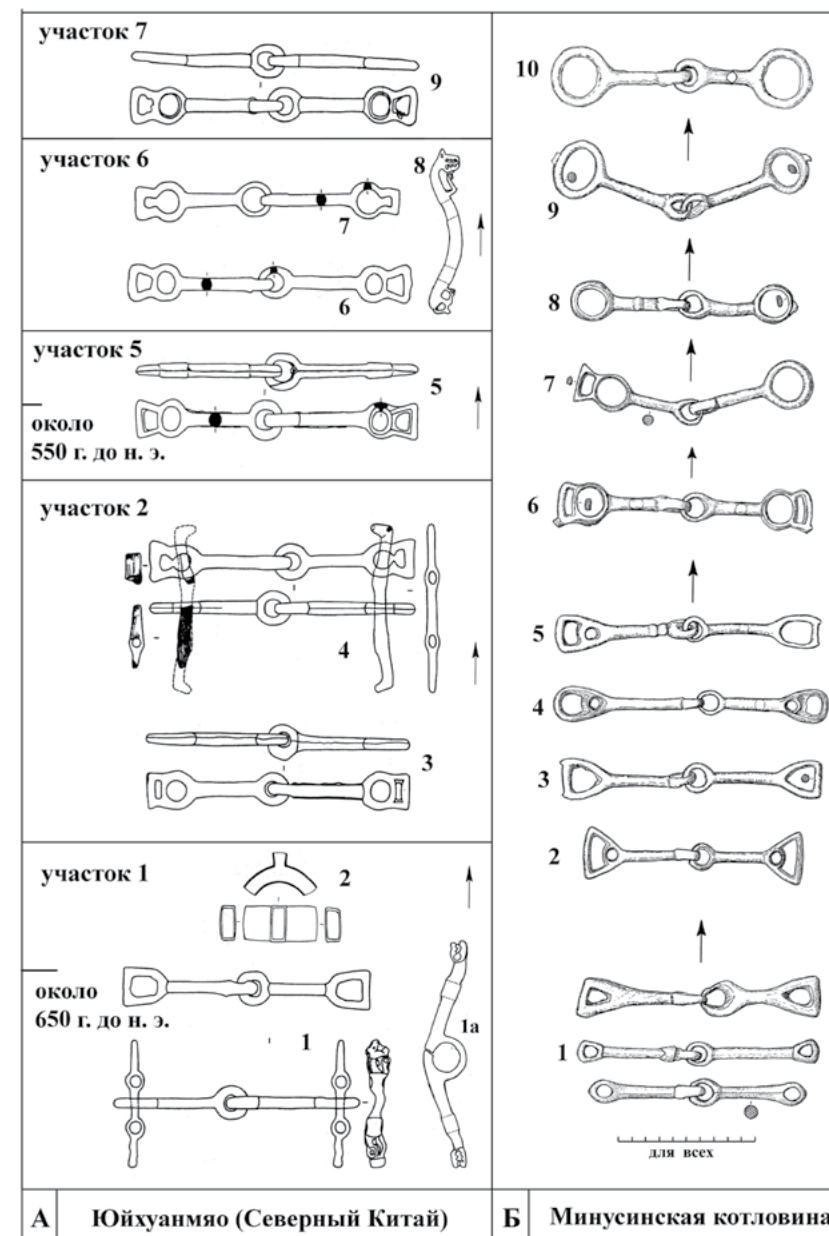


Рис. 5. Эволюция бронзовых удил на могильнике Юйхуанмяо в Северном Китае в VII–VI вв. до н.э. (А). Эволюция бронзовых удил в Минусинской котловине с эпохи бронзы по V в. до н.э. (по: Шульга, 2013б)

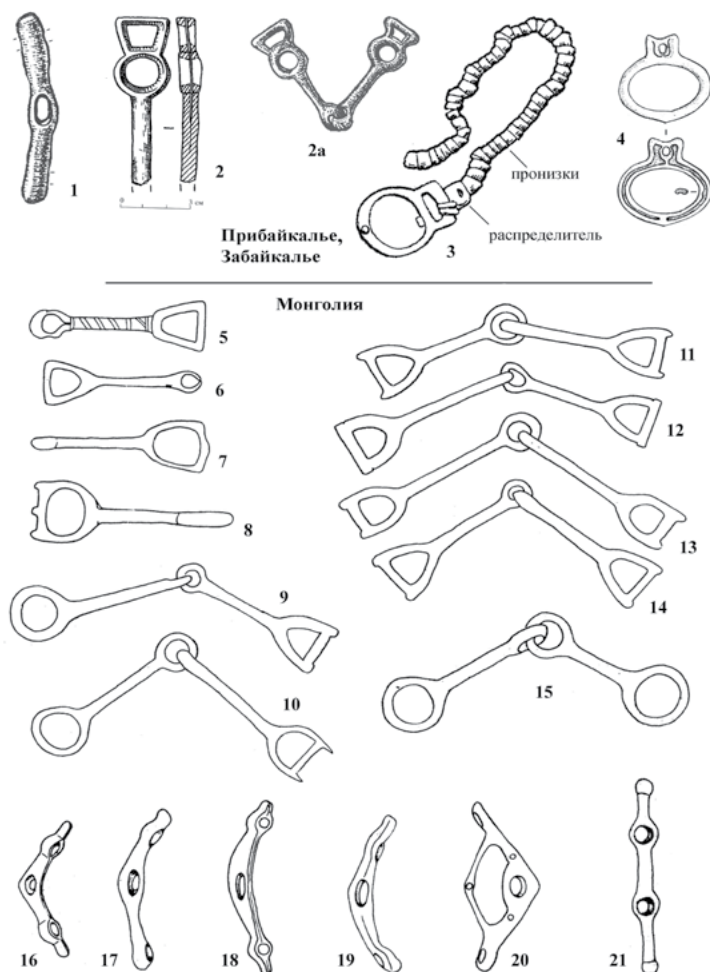


Рис. 6. Конское снаряжение из Прибайкалья (2), Забайкалья (1, 2а, 3, 4) и Монголии (5–21). Все изделия бронзовые (по: Гришин, 1975; Членова, 1992; Горюнова, Новиков, Зяблин, Смотров, 2004; Членова, 1993; Хамзина, 1983; Волков, 1967)

так называемого северного пограничного пояса от провинции Ганьсу на западе до р. Ляохэ (Маньчжурия) на востоке можно выделить четыре района с особым конским снаряжением. В первых трех заселявшихся «варварами» районах оно распространялось в разных формах последовательно с северо-востока (Маньчжурии) на юго-запад.

Район I включает западную часть провинции Ляонин (южная часть Маньчжурии) и прилегающую территорию Внутренней Монголии у г. Чифын. Там найдены самые ранние удила и псалии в северном пограничном поясе. Разделить их на уздечки верховых и упряжных лошадей, как правило, не удается. Дополнительная фурнитура встречается редко и в относительно поздних памятниках. Основным культурным образованием на этой территории считается культура верхнего слоя Сяцзядянь (Комиссаров, 1987; Шульга, Гирченко, 2013; У Энь, 2007; и др.) в верховьях Ляохэ (г. Чифын), наиболее яркие памятники которой датируются IX–VIII вв. до н.э. В ее рамках выделяют несколько вариантов, в том числе памятники типа наньшаньгэнь (У Энь, 2007), которые А.А. Ковалёв предлагает выделить в отдельную культуру (Ковалёв, 1998). Некоторые китайские исследователи выделяют к югу до Бохайского

залива культуру шиэртаинцзы, а корейский археолог Кан Ин Ук всю эту территорию относит к культуре скрипковидных кинжалов (Кан Ин Ук, 2011). Судя по публикациям и имеющимся сводкам (Шао Хуэйцзю, 2005; У Энь, 2007, рис. 89; Кан Ин Ук, 2011, рис. 5; Цзин Чжунвэй, 2013; и др.), в IX–VI вв. до н.э. там использовались самые разнообразные удила и псалии, среди которых выделяются неразъемные конструкции (рис. 7, 16–20). Основная часть удила и псалиев не имеет аналогий. Это указывает на их местное производство, но не объясняет удивительное разнообразие форм и конструкций. Можно лишь предположить, что вариации неразъемных конструкций были вызваны поиском оптимальных форм на самой ранней стадии изготовления бронзовых удила и псалиев. Внешнее влияние на местную культуру было незначительным. Автору известен лишь один псалий всеобщей для евразийских кочевников формы с тремя крупными отверстиями в одной плоскости и один случай нахождения восточных удила с выделенной рамкой повода, характерных для «варваров» Северного Китая и северных кочевников. Предположительно влияние Центральной равнины Китая проявилось лишь в восьмёрковидной форме звеньев удила одного из наборов (рис. 7, 20).

Район II расположен к северу и западу от Пекина, в северных частях провинций Хэбэй и Шаньси, примыкает с юго-запада к району I. Большая часть выявленных там памятников с конским снаряжением относится к культуре юйхуанмяо и датируется (VIII) VII–VI вв. до н.э. Найденное там конское снаряжение представляет особый интерес, поскольку имеет аналогии в Южной Сибири, Казахстане и на Центральной равнине Китая. Полностью отличается от конского снаряжения района I, хотя культура юйхуанмяо сформировалась при участии населения из района I. В какой-то мере это объясняется относительно поздним временем юйхуанмяо. Большая часть известного конского снаряжения обнаружена на могильнике Юйхуанмяо (исследовано 400 могил), расположенном в 80 км к северо-западу от Пекина, на месте которого в VIII–VI вв. до н.э. располагалась столица царства Янь. Детали конского снаряжения в Юйхуанмяо обнаружены в тринадцати могилах почти на всех этапах существования могильника. Большинство погребальных комплексов содержали удила с псалиями и бляхи с петельками на обороте, выполнявшими функцию украшений и распределителей. Всего к конскому снаряжению в Юйхуанмяо отнесено двести тринадцать бронзовых деталей (восемнадцать комплектов удила, девятнадцать псалиев, десять распределителей, сто семьдесят семь полукруглых бляшек «рао», тридцать девять пронизок и фрагменты шести костяных (роговых) псалиев (Могильники..., 2007).

В некоторых могилах имелись конские подхоронения, где дополнительно найдены двадцать пять костяных (роговых) ворворок и бронзовые кольца. Благодаря достоверно установленной относительной хронологии могил удила и псалии в Юйхуанмяо развивались следующим образом: сначала использовались удила со стремчовидными окончаниями и вставленными в них двудырчатыми псалиями (VII в. до н.э.) (рис. 5, A1), а несколько позже одновременно появились удила с отдельной и неотделенной рамкой повода (рис. 5, A3, 4). Как и на Центральной равнине в культуре юйхуанмяо вообще не использовали привязывавшиеся псалии с тремя отверстиями в одной плоскости. Большинство наборов, по-видимому, также относились к упряжным лошадям, хотя по некоторым определениям часть погребенных в могилах лошадей были верховыми (Bunker, 1997, р. 63). Важно подчеркнуть наличие в культуре юйхуанмяо псалиев с большим центральным отверстием (рис. 5, A1a). Они могли использоваться только в уздечке упряжной лошади, но не имеют аналогий ни на Центральной равнине, ни на других территориях на востоке. Там же были выявлены своеобразные троители (распределители на три ремня), подобные которым были найдены (по несколько штук) только в Казахстане и на Южном Урале (рис. 5, A2) (см. Шульга, 2008, рис. 68, 6, 7). Эти факты указывают на то, что, используя китайские детали для оснащения колесниц, племена культуры юйхуанмяо создавали и сохраняли особые конструкции уздечек и другой фурнитуры. На позднем этапе, во второй половине VI в. до н.э., вышеуказанные удила заменяются проникающими из Центральной равнины удилами с округлыми окончаниями большого диаметра.

Район III. Ордос и восток провинции Ганьсу. По имеющимся материалам и датировкам, конское снаряжение появляется там едва ли ранее середины VI в. до н.э. Большая часть погребальных вещевых комплексов, содержащих удила с одним большим внешним кольцом, и удила с отдельной рамкой повода датируются позже





середины VI в. до н.э., то есть последние в это время уже выходят из употребления. Они еще встречаются к югу от Ордоса в Нинся-Хуэйском автономном районе, но в Маоцингоу представлены только кольчатые удила. Все удила с отдельной рамкой повода использовались, как и в культуре юйхуанмяо, со вставлявшимися в окончания двудырчатыми псалиями.

Район IV. Центральная равнина Китая. Раньше всего на востоке бронзовые детали (в основном псалии и двузвенные удила) появились в снаряжении колесничной лошади на Центральной равнине в конце эпохи Шан (примерно в XII–XI вв. до н.э.) (Шао Хуэйцзю, 2005; Цзин Чжунвэй, 2013; и др.). Считается, что произошло это на несколько столетий позже, чем в Передней Азии, на Урале и в Казахстане. На наш взгляд, все не так однозначно, но это тема отдельного исследования. Фактически все снаряжение в Древнем Китае с раннего периода и до IV в. до н.э. было упряжным и связано с колесничным транспортом. В наиболее ранних комплексах чаще

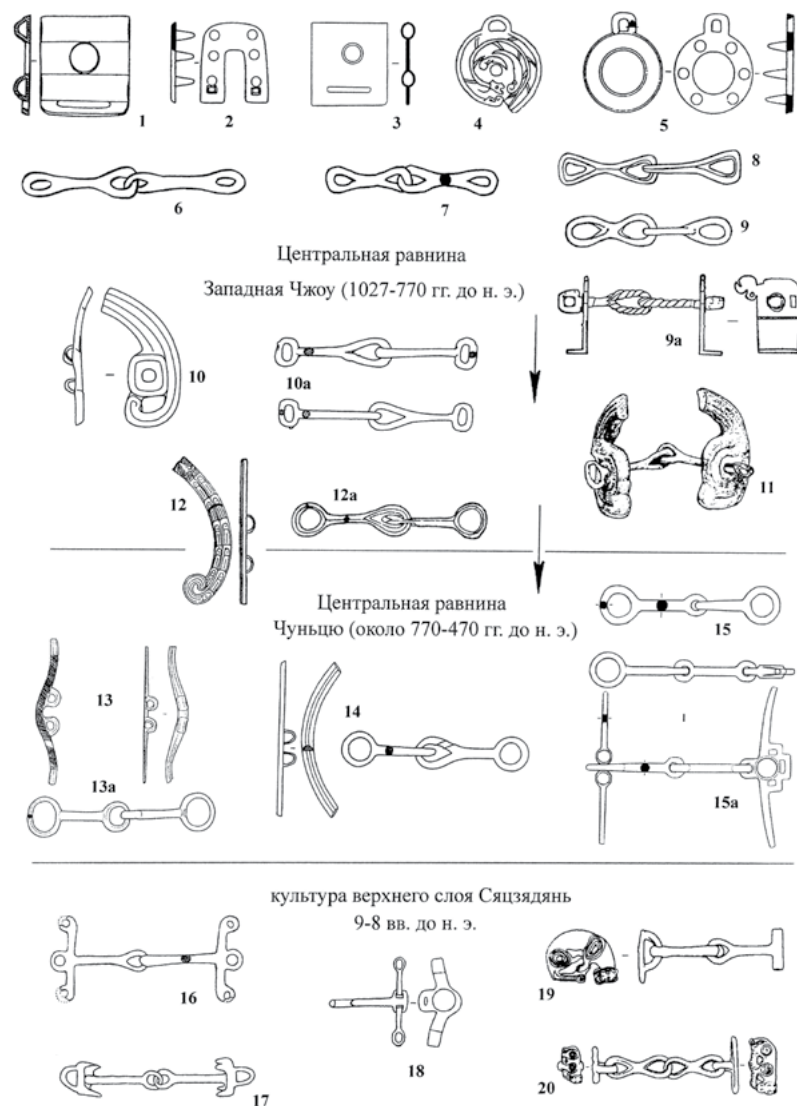


Рис. 7. Удила и псалии Центральной равнины Китая в XI–VI вв. до н.э. (1–15) и культуры верхнего слоя Сяцзядянь IX–VIII вв. до н.э. (16–20) (по: Шао Хуэйцзю, 2005; У Энь, 2007; Кан Ин Ук, 2011; Цзин Чжунвэй, 2013)

фигурируют псалии без бронзовых удил (очевидно, удила были кожаными), но уже в средний период эпохи Западная Чжоу количество псалиев и удил сопоставимо. При этом в значительном количестве представлены детали уздечки (распределители и налобники) и собственно колесниц.

Эволюция удил на Центральной равнине происходила следующим образом. Во время династии Западная Чжоу XI–IX вв. до н.э. все четыре кольца удил имели форму овалов одинаковых размеров (рис. 7, 6, 7, 9). Некоторые удила приобретают окончания подтреугольной формы (рис. 7, 8), имеющие сходство с ранними образцами из Минусинской котловины (рис. 5, 51). С середины Западной Чжоу овальными (каплевидными) остаются внутренние кольца звеньев, а внешние окончания приобретают округлую или подквадратную форму (рис. 7, 9a, 10a). Как правило, все эти удила в погребениях лежат отдельно от псалиев, но иногда их находят в составе неразъемной конструкции вместе с двухпетельчатыми псалиями (рис. 7, 10, 11). В конце эпохи Западная Чжоу до начала Чуньцю (около 770 г. до н.э.) внутренние и внешние кольца становятся округлыми, при этом внешние значительно увеличиваются в размерах для продевания в них псалиев (рис. 7, 12, 12a). Вскоре (уже в начале Чуньцю – примерно 770–670 гг. до н.э.) эти революционные изменения формы и способа соединения удил с псалиями становятся доминирующими на Центральной равнине (рис. 7, 13–15a) (Шао Хуэйцзю, 2005), а в середине – второй половине VI в. до н.э. удила с большими внешними кольцами «мгновенно» распространяются во всех скифоидных культурах на востоке степного пояса. Псалии на Центральной равнине имели три основные формы: 1) дисковидные с маленьким отверстием под грызло удил или кожаный ремень (рис. 7, 4, 5); 2) подквадратные с малым отверстием под грызло удил и рамкой с шипами и без них (рис. 7, 1, 3); 3) П-образные с длинными шипами, которые иногда использовали в комплекте с подквадратными псалиями (рис. 7, 2).

В конце Западной Чжоу (примерно около 800 г. до н.э.) эпизодически появляется новый тип конструкции соединения удил и псалиев – псалии начинают вставлять во внешние окончания удил (рис. 7, 12–15a). Для этого внешние окончания значительно увеличиваются, а псалии становятся узкими пластинчатыми, долгое время сохраняющими две петли с внутренней стороны, к которым крепилось оголовье лошади (сравнить рис. 7, 10, 12). Именно этот наиболее простой и практичный способ соединения удил и псалиев затем использовался почти два тысячелетия.

Литература

- Бейсенов А.З., Смаилов Ж.Е. Талдысайские удила раннетасмолинского времени в Центральном Казахстане // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. – Алматы, 1998. – С. 271–274.
- Боковенко Н.А. Один из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 50–55.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: По материалам Уйгарака. – М.: Наука, 1973. – 160 с.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 254 с.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г., Зяблин Л.П., Смотров В.И. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 88 с.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. – М.: Наука, 1975. – 136 с.
- Грязнов М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. – 62 с.
- Ермолаева А.С. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1987. – С. 154–163.
- Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. – М., 2001. – 324 с.





- Кан Ин Ук Распространение звериного стиля в I тыс. до н. э. на территории провинции Ляонин (КНР) и Корейского полуострова в связи с культурой бронзовых скрипковидных кинжалов // «Terra Scythica»: Материалы Международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 82–96.
- Ковалёв А.А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург: РИЦ «Культ-информ-пресс», 1998. – С. 122–131.
- Кожин П.М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. – М.: ИД «ФОРУМ», 2011. – 368 с.
- Комиссаров С.А. Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 39–53.
- Полосьмак Н.В. Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 337–343.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. – М., 1961. – № 101. – 162 с.
- Хамзина Е.А. Плиточный могильник в Баргузинской долине // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 75–85.
- Членова Н.Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // Петербургский археологический вестник. – СПб., 1993. – Вып. 4. – С. 31–69.
- Чугунов К.В. Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. – С. 103–109.
- Чугунов К.В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // «Terra Scythica»: Материалы Международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 358–369.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Ч. I: Раннескифское время. – Барнаул: Азбука, 2008. – 276 с.
- Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. – 238 с.
- Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова). – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2013а. – 149 с.
- Шульга П.И. Новые данные об эволюции удила и псалиев в VI в. до н.э. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы IV Международной науч. конф. – Чита: Изд-во Забайкальского государственного университета, 2013б. – Ч. I. – С. 354–360.
- Шульга П.И., Гирченко Е.А. Новые данные о взаимосвязях культуры юйхуанмяо в Северном Китае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 387–390.
- Bunker E.C. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York, 1997.
- Der Groszkurgan von Arzan in Tuva, Sudsibirien // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Verlag C.H. Beck. München, 1984. – Band 23 – 90 S., Taf.
- У Энъ (Уэньюэсыту). Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. – Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. – 386 с.
- Отчет о раскопках могильника Саэнсаи у г. Урумчи. Синьцзянский институт археологии и наследия, бюро памятников материального культуры г. Урумчи // Наследие Синьцзяна (Синьцзян Вэнь У). – Урумчи, 2010. – Вып. 2. – С. 1–24 (на кит. яз.).
- Цзин Чжунвэй. Стрекала, псалии с шипами и удила – исследование средств управления лошадей в Китае со второго тысячелетия до н.э. по III в. до н.э. // Каогу, 2013. – Вып. 3. – С. 297–324 (на кит. яз.).
- Шао Хуэйцзю. Исследование металлических удила доиньской эпохи Северного региона Китая // Археологические исследования приграничья. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2005. – Вып. 3. – С. 96–114 (на кит. яз.).
- Могильники в горах Цзюньдушань: Юйхуанмяо / Труды Пекинского городского института культурного наследия. – Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2007. – В 4-х т. – 1660 с., 449 табл. (на кит. яз.).

Шульга П.И.

Евразияның шығыс бөлігіндегі б.д.д. VIII–V ғ. жататын аттың әбзелдері

Мақалада шығыстағы тарихы, мәдениеті ортақ европеоидтер (Қазақстан, Синьцзян, Алтай, Тува, Минусин ойпаты) мен моңғолоидтердің (Забайкалье, Моңғолия, Солтүстік Қытай) мәдениетіндегі б.д.д. VIII–V ғ. кең тараған сақ типіндегі аттың ертұрманына салыстырмалы талдау жүргізіледі.

Қолда бар деректер бойынша, жылқылар жегілген арбалар шығысқа Оңтүстік Орал мен Қазақстанға қарағанда кейінірек келеді, бірақ қола ауыздық, сулық және басқа да ат жегетін ұсақ-түйек заттар онда едәуір ерте (шамамен б.д.д. XII–XI ғ.) және айырғы, маңдайға арналған белдіктері және арбаның бөлшектері бар біршама мол жиынтық түрінде пайда болады. Сосын арба жүгенінде қалыптасқан сулықтар мен ауыздықтарды көшпелілер салт атты жүргізуге пайдалана бастаған. Шығыс пен Батыстағы негізгі міндет ауыздықтар мен сулықтарды барынша біріктіру болды, бірақ ол түрліше орындалды. Ерте сақ заманындағы ауыздықтардың ұштарын үш тесікті сулықтарға байлаудың әмбебап үлгісін қоспағанда (4-сур., 14) (Қытайдан басқа), ауыздықтарды сулықтарға біріктіру тәсілдерінің елеулі айырмашылығы болған. Қазақстанда Алдыңғы Азияның ықпалымен тұтас құйылған құрылымдар мен соларға ұқсас салпыншақты ауыздықтар мен тіреуіштері бар ауыздықтардың жиынтығы (3-сур., 5, 6) кең тараған. Шығыс Қазақстанда және Алтай тауының етегінде ауыздықтардың ұштарына тағылатын ерекше қосалқы бөлшектер мен доға тілінің көмегімен ауыздықтар сулықтармен біріктірілген (2-сур., 1-3). Тувада үш негізгі тәсілдің барлығы қолданылған (4-сур.) және бір кездері Минусин ойпатындағыдай «шығыстық» тәсіл кездеседі (5-сур., 5б).

Шығыста аттың ертұрманының дамуына Қытай күшті ықпал еткен, мұнда үш тесікті сулықтар мен ұштары үзеңгі тәріздес ауыздықтар мүлде болмаған, бірақ б.д.д. VIII–VII ғасырларда-ақ доғал (сопақ), ұштары үлкен ауыздықтарға тағылатын, екі ілмекті (екі тесікті) өзек тәріздес сулықтар пайда болады (7-сур.). Ең қарапайым және озық бұл тәсіл б.д.д. VII ғ. көрші скифтік «варварлар» мәдениетіне енеді, ал б.д.д. VI ғ. ортасынан бастап скифтер әлемінің шығыс бөлігінде жаппай кең тараған.

Shulga P.I.

Horse Equipment of the 8th-5th Century BC in the Eastern Part of Eurasia

The article presents a comparative analysis of Saka-type horse equipment spread in the 8th-5th century BC both in the Eurasian (Kazakhstan, Xinjiang, Altai, Tuva and Minusinsk basin) and Mongolian cultures of the Eastern historical-cultural community (Trans-Baikal, Mongolia, Northern China).

According to the so far recovered data, horse chariots appeared in the east later than in the southern Urals and Kazakhstan but bronze bits, cheekpieces and other harness accessories appeared in the latter region much earlier (since about the 12th-11th centuries BC) and in a richer set with distributors, frontlets and chariot details. Later, the cheekpieces and bits already used for driving chariots, began to be utilised by nomads to ride and mount horses. The main task both in the east and west was to provide a rigid, resistant artefact connecting bits and cheekpieces, and this was solved differently. Except from the method to bind bit endings to three-hole cheekpieces, very widespread in early Scythian times (except China) (Fig. 4, 14), the methods of connecting bits and cheekpieces (psalia) differed substantially. In Kazakhstan, under the Western Asia influence, spread cast horse-related artefacts and similar cheekpieces having very solid endings (Fig. 3, 5, 6). In Eastern Kazakhstan and along the Altai foothills the bits were connected to the cheekpieces by special prongs and pins inserted into the bit endings (Fig. 2, 1-3). In Tuva all three main methods were spread (Fig. 4) and an “eastern one” was found only in a case (Fig. 5, 5b). In the east the horse equipment was developed under strong influence of the Chinese farming states, where neither three-hole cheekpieces nor stirrup-shaped endings were found. However, as early as the 8th-7th centuries BC there appeared two-looped (two-hole) rod-like cheekpieces inserted in round (oval) large endings of bits having a large diameter (Fig. 7). This simpler and more progressive method became familiar as early as the 7th century BC and it spread everywhere in the eastern part of the Scythian world.



АРАЛО-КАСПИЙСКОЕ МЕЖДУМОРЬЕ В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Исследования в Арало-Каспийском междуморье, проводившиеся научными учреждениями Академии наук СССР (ныне Российская академия наук), Академией наук Республики Казахстан, Академией наук Узбекистана (Каракалпакское отделение) во второй половине XX и начале XXI в., привели к открытию в этом обширном пустынном регионе, еще в первой половине XX в. остававшемся практически terra incognita в археологическом отношении, десятков новых археологических объектов различного времени и типов: курганов, святилищ, гигантских систем охотничьих сооружений, сезонных кочевий и ставок, а также систем средневековых городищ и караван-сараяв, связанных с караванными путями, пролежавшими через Устюрт и Мангышлак.

Специфика природной среды во все эпохи обуславливала хозяйственное освоение региона исключительно в рамках кочевой скотоводческой экономики; геополитическая специфика – промежуточное положение региона между миром южных древнеземледельческих цивилизаций и обширным кочевым миром евразийских степей определяла роль региона как опосредующего звена в системе взаимоотношений этих двух обширных ареалов Древнего мира.

Первые свидетельства о позднесарматских кочевниках Арало-Каспийского междуморья появились еще в начале XX в., когда на восточном берегу солончака Батыр, находящегося к северо-востоку от залива Каспийского моря Александрбай (рис. 1), был случайно обнаружен комплекс древностей, датированных III в. н.э. и происходивших, как полагают некоторые исследователи, из погребения шамана (Скалон, 1961).

В 60-е гг. прошлого века при исследовании крупного городского некрополя древнего Миздахкана в северо-западном Хорезме автором было обнаружено погребение, датированное III в. н.э. (рис. 1), в обряде которого оказались объединены, с одной стороны, традиции позднесарматской, а с другой стороны – зороастрийской погребальной обрядности (Ягодин, Ходжаев, 1970, с. 117–122). Исследование комплекса этого погребения привело к следующим выводам:

1. В первые века нашей эры в культуру оседло-земледельческого населения Хорезма проникают элементы, связанные с кочевым населением степей.

2. Эти элементы можно считать внесенными племенами поздних сарматов, кочевавших на обширных пространствах между Южным Приуральем и юго-западным Приаральем и вступавших в разнообразные связи с населением древнехорезмийских городов (Ягодин, 1971, с. 106).

Первой половиной I тыс. н.э. был предварительно датирован огромный комплекс Чаштепе (рис. 1, врезка 1) на юго-восточном выступе Устюрта (Рапопорт, Трудновская, 1979, с. 165), открытый еще в 1947 г. во время авиаразведок, проводившихся С.П. Толстовым (Толстов, 1948, с. 312, рис. 102). Небольшие раскопки 1963 г., к сожалению, не получившие продолжения, показали сложность и необычность этого памятника (Рапопорт, Трудновская, 1979).

Эти данные и ряд других факторов стали основой для разработки обширной программы археологических поисковых и стационарных работ на Устюрте, которая осуществлялась Каракалпакским отделением АН Республики Узбекистан под руководством автора с начала 70-х гг. XX в. Практическая реализация этой программы привела наряду с прочими результатами к открытию целого ряда археологических объектов, датируемых первыми веками нашей эры (рис. 1).

На северо-западе Устюрта, у мыса Дуана был открыт крупнейший комплекс кочевнических древностей (рис. 1), в составе которого были выделены святилище и курганы первых веков нашей эры, определенные как позднесарматские (Ягодин, 1978, с. 86 и сл.; Yagodin, 2007). Позднесарматским временем датируется какая-то часть огромной системы охотничьих сооружений, протянувшихся на расстояние более 100 км от Восточного чинка Устюрта до урочища Мынсуалмас (рис. 1) и вошедших в науку под названием «стреловидные планировки» (Ягодин, 1990; Yagodin, Betts, 2000; Ягодин, Амиров, 2013, с. 113–128). Одиночные позднесарматские курганы

были найдены на Восточном чинке Устюрта в составе могильника Джиделибулак 1 (Ягодин, 1999, с. 115–119) и археологического комплекса Акчунгуль (рис. 1). Крупные археологические объекты позднесарматского времени были открыты и в различном объеме подвергнуты изучению на юго-восточном выступе Устюрта (рис. 1, врезка 1). Это культово-погребальный комплекс Актепе 1, могильник Сызлыу (южная группа), могильник Дэвкескен 6 и могильник Казыбаба 1 (группы II и IV).

Функционально все эти памятники, объединенные территориально и хронологически, можно с определенной долей условности разделить на погребальные: могильник Дуана, группа IV; группа IX; могильник Джиделибулак 1, курган 2; археологический комплекс Акчунгуль, группа II, курган 2; могильник Сызлыу, южная группа; могильник Казыбаба 1, группа IV; могильник Дэвкескен 6;

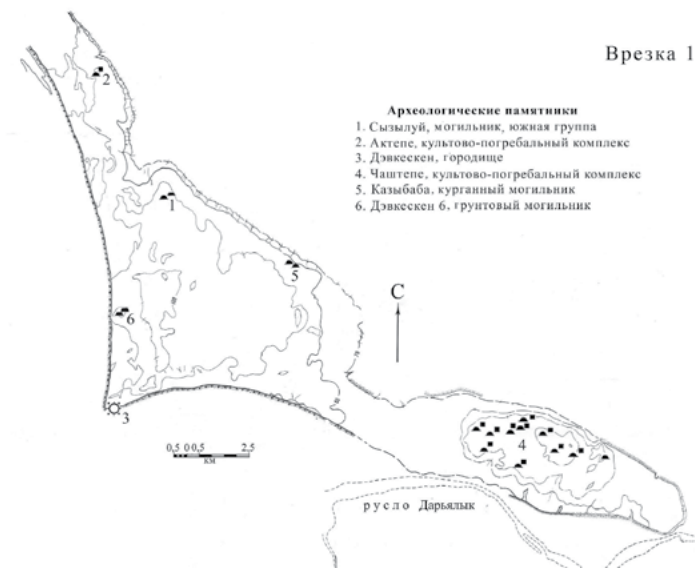
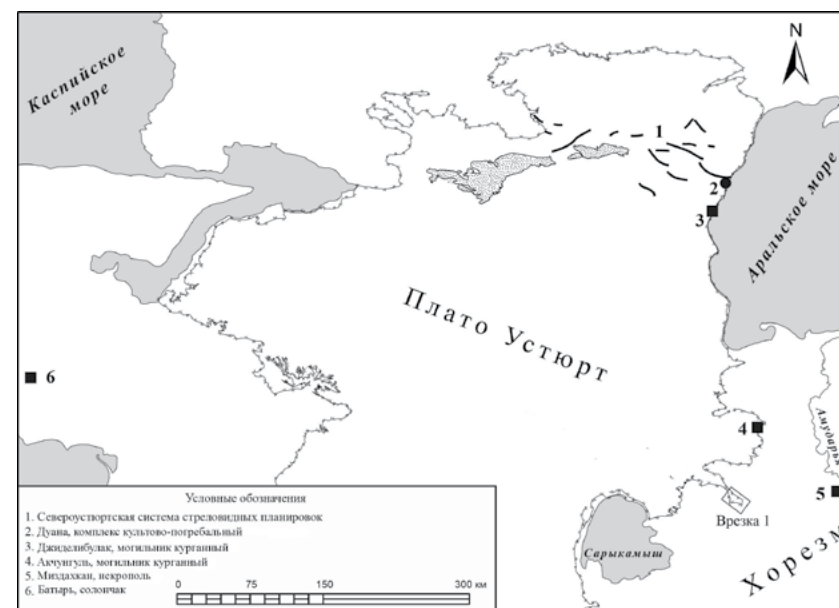


Рис. 1. Расположение археологических объектов II–IV вв. н.э. на плато Устюрт и на западе Хорезма



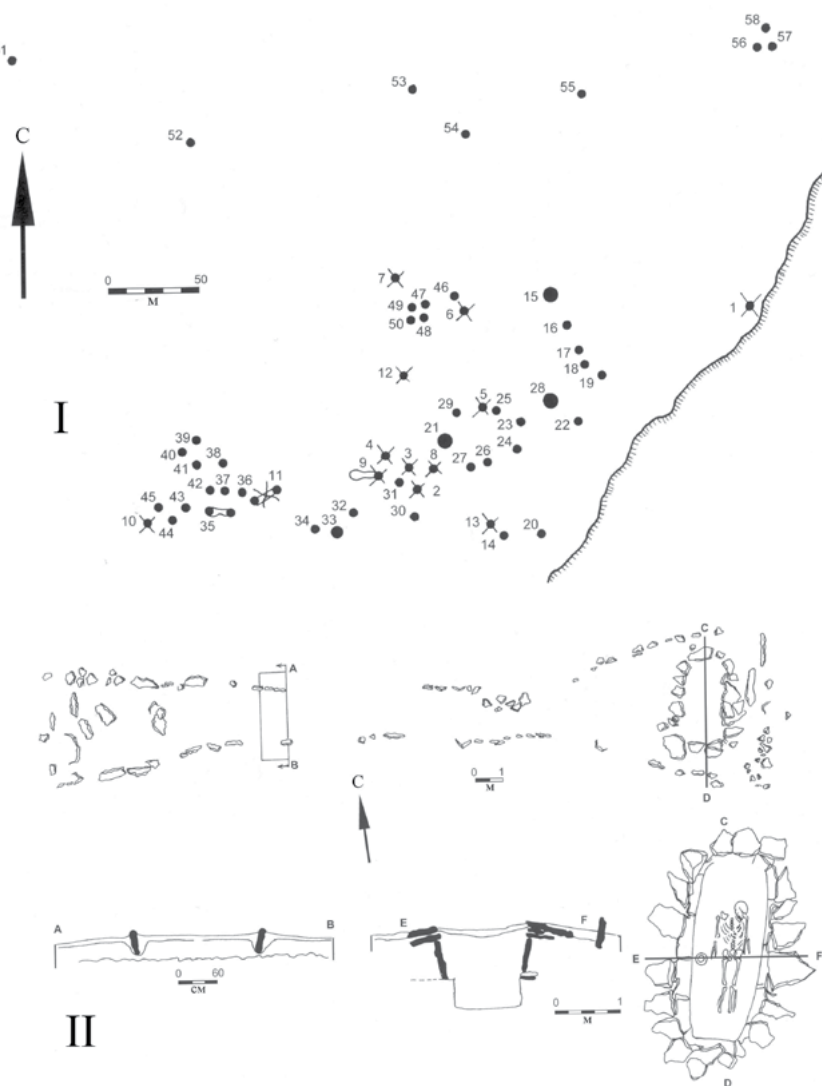


Рис. 2. Культуро-погребальный комплекс Дуана. I. Группа IV, план. II. Курган 11 («длинный»): план, разрезы, план погребения

культуро-погребальные: комплексы Актепе 1 и Чаштепе; культовые: комплекс Дуана, святилище 1; хозяйственные: североустюртская система стреловидных планировок.

Погребальные памятники, с одной стороны, представлены крупными могильниками, насчитывающими в своем составе более сотни курганов, расположенных относительно компактной, структурно не разделяющейся группой; с другой стороны – одиночными курганами.

Для части позднесарматских могильников Устюрта характерно наличие в топографической структуре такого специфического элемента, это так называемые длинные курганы. В могильниках Дуана и Сызлыуи находятся по три длинных кургана, расположенных среди массовых курганов с обычными насыпями (рис. 2, 3). Они обычно ориентированы по широте, имеют в длину от 20 до 40 м. На восточном конце длинной насыпи находится одиночное погребение в удлиненно-прямоугольной яме. Еще один длинный курган отмечен в составе культурно-погребального комплекса Актепе 1 (рис. 4, I).

Для Дуаны особенно характерно широкое использование камня для устройства наземных сооружений. Это обстоятельство, видимо, определялось природными факторами. В месте расположения могильника на поверхность выходит известняковый горизонт, лишь кое-где слегка прикрытый маломощным слоем мелкозема. Рыхлого материала, годного для отсыпки курганной насыпи, здесь практически нет, в связи с чем грунтовые насыпи, известные в других районах, здесь заменяются всякого рода каменными оградами и «насыпями».

Прямые аналогии длинным курганам Устюрта имеются в погребальных комплексах позднесарматского времени на Южном Урале. Здесь они также насчитываются единицами среди массовых курганов с обычными круглыми насыпями. Совпадение полное: курганы аналогичным образом ориентированы, сходное расположение могильных ям, где находятся одиночные погребения с таким же обрядом. Датированы эти курганы III–IV вв. Подобные курганы зафиксированы, например, в могильнике III Бекешовские курганы, курган 4. Интересно отметить, что в составе инвентаря в погребении из этого кургана обнаружены фрагменты красноглиняного станкового сосуда, вероятно, хорезмийского происхождения (Пшеничнюк, 1983, с. 68–69, 120, рис. 8).

Два длинных кургана выявлены в составе IV курганной группы у поселка Комсомольский (курганы № 2 и 5) (Пшеничнюк, 1983, с. 72–74, 120). Эти курганы также по всем признакам совпадают с длинными оградами Дуаны, длинными курганами Сызлыуи и Актепе.

Не менее характерным элементом в топографических структурах целого ряда позднесарматских могильников и культово-погребальных комплексов Устюрта являются прямоугольные или неправильной формы ограды.

Такая ограда входит в структуру могильника Сызлыуи (рис. 3, I). Ее расположение в системе курганов II–IV вв. допускает вероятность того, что она относится к тому же периоду. Прямоугольная ограда находится также в составе культово-погребального комплекса Актепе (рис. 4, I). Как ограду неправильной формы можно рассматривать и святилище 1 могильника Дуана (Yagodin, 2007, fig. 7). Целый ряд курганных групп, в состав которых входят прямоугольные ограды, выделены в топографической структуре Чаштепе (Рапопорт, Трудновская, 1979, рис. 1, 3–6). В качестве наиболее вероятного и универсального объяснения функций подобных оград выдвигается предположение о том, что «валы ограждали тело умершего в момент совершения обрядов, предшествовавших погребению», и имели цель уберечь душу умершего, а также живых от вредоносного действия злых сил (Рапопорт, Трудновская, 1981, с. 156, 196).

Надо отметить, что подобные объяснения наиболее вероятны для той группы оград, внутри которых не зафиксировано ни малейших следов культурного слоя: ни кострищ или зольников, ни каких-либо находок.

Целая серия оград – круглых или овальных – входит в каждую из восьми курганных групп позднесарматского времени Лебедевского могильника в Западном Казахстане (Мошкова, 1984, с. 196–197). Они никогда не расположены индивидуально, а всегда органически вписаны в топографическую структуру больших погребальных комплексов, что дает основание исследователям предполагать их культовый характер и связь с погребальным культом (Мошкова, 1984, с. 200).

В то же время исследователи иногда фиксируют внутри оград следы кострищ. В Шиханах в оградах отмечены кострища, что дало К.Ф. Смирнову основание считать их святилищами огня (Смирнов, Попов, 1969). Однако в данном случае при всей бесспорности следов «огненного» ритуала не следует игнорировать расположение святилища среди курганов могильника, а следовательно, и его первую функцию, связывающую его с погребальным культом. Отсюда можно сделать заключение о полифункциональности этих построек, что уже было отмечено некоторыми исследователями (Рапопорт, Трудновская, 1981; Мошкова, 1984). М.Г. Мошкова, основываясь на анализе четырех исследованных оград в Лебедевском могильнике, полагает, что они были связаны не только с погребальным культом, но и с культом предков (Мошкова, 1984, с. 201).

Погребальные памятники Устюрта по форме могильной ямы или по ее отсутствию можно разделить на несколько типов: тип 1 – вытянуто-прямоугольные или вытянуто-трапециевидные; тип 2 – широкие прямоугольные погребальные камеры; тип 3 – погребения на горизонте.

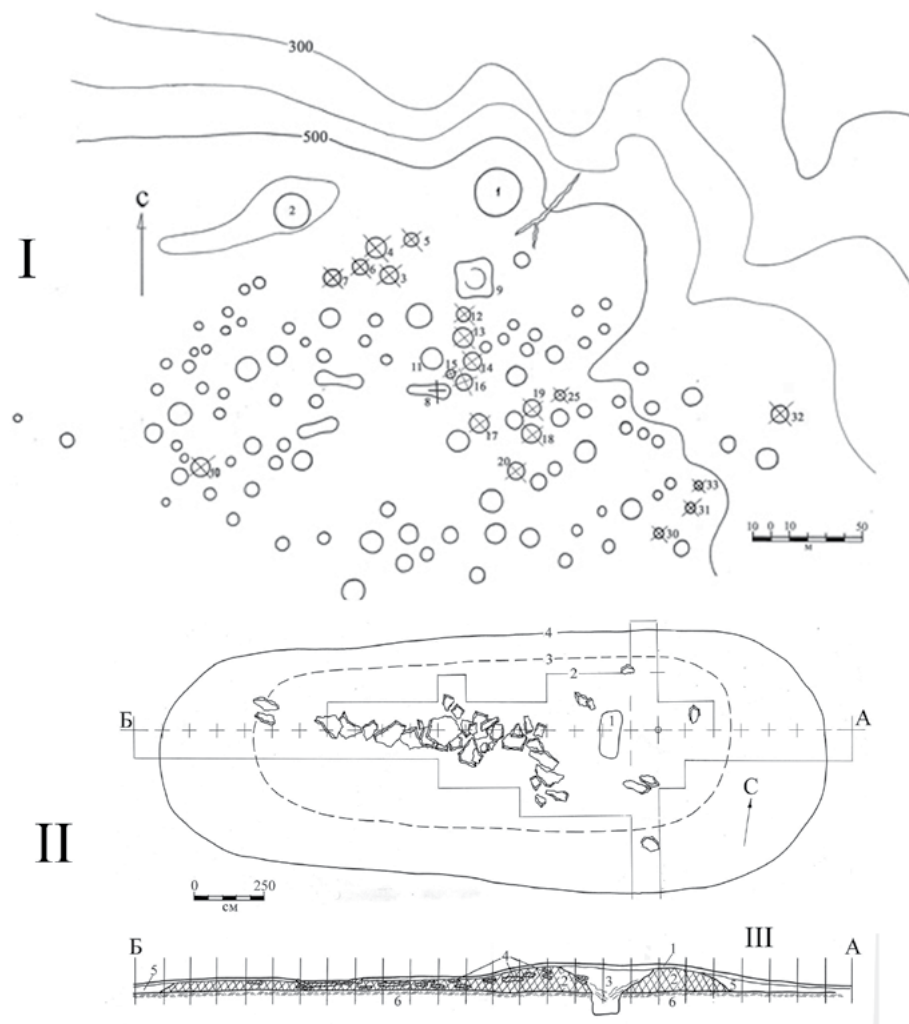


Рис. 3. Курганный могильник Сызлыуй, южная группа: I. План.
II. Курган 8 («длинный»), план и разрез А-Б

Тип 1. Представлен в могильниках Дуана, группа IV; Сызлыуй, южная группа; Казыбаба, группа IV; Дэвкескен 6, а также одиночными курганами в могильниках Джиделибулак 1 и Акчунгуль. Основная масса погребений в могильниках находятся под индивидуальными насыпями небольших размеров, каменными выкладками или оградами. Погребальные камеры, за единичными исключениями, узкие, вытянуто-прямоугольной или вытянуто-трапециевидной формы, длинной осью ориентированные в меридиональном направлении с небольшими отклонениями, в основном к востоку (рис. 5, I). В некоторых случаях по периметру в верхней части стенки камеры обкладывались плитняком. Иногда ямы имели перекрытие в виде больших плит необработанного известняка, уложенных поперек погребальной камеры.

Погребенные лежали вытянуто на спине, головой ориентированы в сторону северного сектора. В единичных случаях отмечена широтная ориентировка погребенных головой на запад. В сарматских погребениях Нижнего Поволжья увеличение процента северной ориентировки приходится на начало II в. В заволжских погребениях II в. около 50% уже имеют северную ориентировку (Скрипкин, 1984, с.

8). С третьей четверти II – середины III в. н.э. северная ориентировка составляет уже 94,5%.

На черепках во многих случаях фиксируется искусственная кольцевая деформация.

Погребальный инвентарь весьма малочисленный. Как правило, предметы погребального инвентаря располагались у головы или у ног погребенного. В редких случаях они помещались в специальные ниши, имевшиеся в стенах погребальной камеры.

По всей сумме признаков погребальный обряд анализируемых могильников сопоставим с обрядом позднесарматских могильников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

Анализируя формы и ориентировку сарматских могил Нижнего Поволжья и степного Приуралья средне- и позднесарматского периодов, К.Ф. Смирнов выделяет в отдельную группу узкие могилы, ориентированные по оси север-юг, и считает, что эта форма является одной из типичных форм позднесарматских могил, а для конца позднего сарматского периода вообще устанавливается абсолютное господство этой формы наряду с подбойными могилами (Смирнов, 1947, с. 76–77).

В качестве примера можно привести аналогии с нижневолжскими сарматскими могильниками. В Калиновском курганном могильнике для II–IV вв. характерны погребальные сооружения трех типов. Один из них характеризуется прямоугольными узкими могилами, ориентированными в большинстве случаев по линии север-юг с отклонениями в ту или другую сторону. В качестве единичной отмечается ориентировка по линии восток-запад. Боковые стенки этих ям слегка расширяются ко дну (Шилов, 1959, с. 462).

В курганных могильниках у сел Иловатка и Политотдельское К.Ф. Смирновым выделены сармато-аланские погребения двух типов II–V вв. Один из типов – погребения в узких удлиненных могильных ямах, ориентированные по меридиану с отклонениями в ту или иную сторону (Смирнов, 1959, с. 321), являются аналогией исходя из рассматриваемой группы признаков исследуемых устьюртских погребений. Здесь необходимо отметить и совпадение такого элемента конструкции погребальных сооружений, как плоское перекрытие могилы, отмеченное в кургане № 13 у с. Политотдельское (Смирнов, 1959, с. 272–273) и в рассматриваемых погребениях могильника Дуана в Арало-Каспии. Разницей в материале (дерево и камень) в данном случае можно пренебречь.

Автор одной из последних классификаций форм позднесарматских погребальных сооружений Нижнего Поволжья А.С. Скрипкин вслед за К.Ф. Смирновым также выделяет погребения в прямоугольно-удлиненных могильных ямах в отдельный тип (тип II в его классификации) и считает их вторым по количеству типом позднесарматских погребальных сооружений Нижнего Поволжья (Скрипкин, 1984, с. 62). Как тип они существовали на протяжении всего позднесарматского периода (Скрипкин, 1984, с. 67), однако количественно среди других типов могильных ям они начинают преобладать в некоторых могильниках Заволжья только во второй половине III – IV в. (Скрипкин, 1984, с. 71–72, табл. 7). Северная ориентировка костяков в прямоугольно-удлиненных ямах при положении на спине, с вытянутыми руками и ногами становится господствующей в позднесарматских погребениях только со второй половины III в. (Скрипкин, 1984, с. 72–73).

Таким образом, по сумме признаков погребального обряда погребения описанного типа обнаруживают совпадение с погребениями в меридионально ориентированных удлиненно-прямоугольных могильных ямах позднесарматской культуры (II–IV вв.) Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

Тип 2. Массово представлен в могильнике Дуана (группа IX) и одиночно в могильнике Казыбаба 1, группа IV, курган 21, «курган» 72.

В могильнике Дуана погребения этого типа имеют наземные сооружения, круглые или прямоугольные в плане, сложенные из необработанного плитняка. В круглых наземных сооружениях с южной стороны обычно имеется вход-лаз. Прямоугольные сооружения длинной осью ориентированы по линии СВ–ЮЗ (Yagodin, 2007, fig. 32, 34, 35, 38).

Подземная часть погребального сооружения представляет собой грунтовую яму, прокопанную с уровня древнего горизонта. Стенки ямы обложены крупными каменными плитами, установленными на ребро. Некоторые ямы вдоль длинных стен



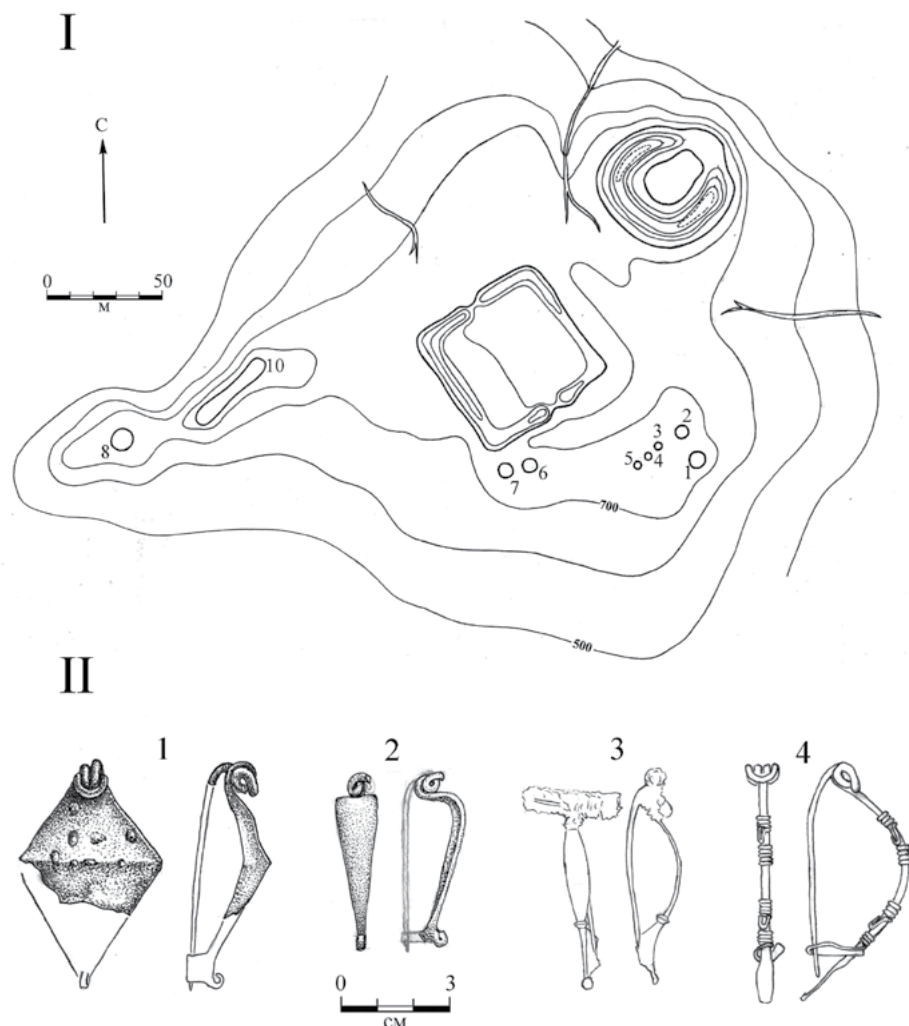


Рис. 4. I. Культурно-погребальный комплекс Актепе 1, план.
II. Фибулы бронзовые

имеют ступени-заплечики. Ямы имели перекрытие типа ложного свода из уложенных с напуском каменных плит. Длинной осью ямы ориентированы в диапазоне сектора от линии север-юг до линии СВ-ЮЗ, то есть в пределах 45° . Размеры ям в пределах $2,5-3,3 \times 1,1-2,6$ м, глубина от 0,4 до 0,8 м.

Погребения многократные, в погребальных камерах находилось до пяти костяков. Только наиболее поздние из них сохраняют свое первоначальное положение, каждое предыдущее погребение нарушалось последующим. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой ориентированы в пределах северного сектора с отклонением к востоку, в отдельных случаях до 45° . На всех черепах отмечены следы прижизненной кольцевой деформации. Погребения сопровождалось инвентарем. В могильнике Казыбаба 1 этот тип представлен курганом 21 и «курганом» 72 в группе IV.

Курган 21 (рис. 5, II). Широкая прямоугольная погребальная камера размером по осям $3,5 \times 2,3$ м, длинной осью ориентирована по линии север-юг с небольшим отклонением к западу. В ней находились восемь погребений, совершенных последовательно, при этом каждое последующее погребение частично или полностью нарушало предшествующие. Семь погребений совершено по обряду труположения. В шести случаях погребенные ориентировались головами в северный сектор, в одном погребенный ориентирован головой на запад,

одно погребение представляет собой вторичное погребение предварительно очищенных костей («оссуарный» обряд). Погребения сопровождалось инвентарем и заупокойной пищей. Погребальная камера, вероятно, имела какое-то перекрытие из органических материалов, которое было сожжено после заполнения камеры. Погребальная камера была засыпана грунтом по еще не полностью прогоревшему кострищу после заполнения камеры.

По форме камеры второго типа могут быть сопоставлены с квадратными или широкими прямоугольными ямами, выделенными в тип III могильных ям позднесарматской культуры Нижнего Поволжья (Скрипкин, 1984, с. 62–63).

В пределах ареала позднесарматской культуры по погребальному обряду наиболее близкие аналогии отмечаются в погребальных памятниках III–IV вв. Южного Приуралья. Здесь, на юге Башкирии, в междуречье верховьев рек Демы и Уршака расположена группа так называемых Темясовских курганов. Так же, как и в группе IX могильника Дуана, здесь обнаружены коллективные (многократные) погребения с северной ориентировкой погребенных. Исследователи отмечают своеобразие обряда Темясовских курганов, выделяющего их из общего круга позднесарматских погребальных памятников с индивидуальными погребениями (Пшеничнюк, Рязанов, 1976, с. 148–149).

Говоря о сходстве Темясово на Южном Урале и Дуаны на Устюрте, следует заметить, что и здесь, и там на черепах погребенных отмечено наличие прижизненной кольцевой деформации. Особенно важным в плане установления близости обеих памятников является находка в Темясовских курганах группы станковых сосудов, которые, как полагают авторы публикации, «...имеют, очевидно, среднеазиатское происхождение» (Пшеничнюк, Рязанов, 1976, с. 147–148). Сравнительный анализ позволяет говорить не об общем «среднеазиатском», а о хорезмийском происхождении этих сосудов. Один из этих сосудов (Пшеничнюк, Рязанов, 1976, рис. 3,9) является горшком широко распространенного типа в Хорезме в III–IV вв. (Воробьева, 1959, с. 158, 160–163, рис. 35, 21, 28, 31). Нелишне отметить, что эта разновидность хорезмийских горшков распространена главным образом в обращенной к Устюрту северо-западной части Хорезма позднекушанского периода (Неразик, 1958, с. 384, 386, 391, рис. 9; Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 62, рис. 26, 3, 7).

С другой стороны, подземные склепы характерны для джетыасарской культуры низовьев Сырдарьи. Наиболее близки к склепам Дуаны склепы второго типа (полуподземные), датированные Л.М. Левиной IV–VI и VI–VIII вв. н.э. (Левина, 1996, с. 68 и сл.).

Ритуальные действия с применением огня в погребальном обряде позднесарматского времени отмечаются как в Поволжской, так и в Приуральской группах позднесарматской культуры. Однако и в той, и в другой группе они не носят массового характера. В Поволжской группе в большинстве случаев следы ритуалов, связанных с огнем, встречаются в курганах, датируемых рубежом I–II – серединой III в. (Скрипкин, 1984, с. 76–77). Следы ритуальных действий с применением огня в погребальном обряде Южного Приуралья мы наблюдаем, например, в могильнике Покровка 10 (Малашов, Яблонский, 2008, с. 47). Однако здесь они проявляются не столь ярко, как в нашем случае, и являются скорее реликтами древних культов.

«Курган» 72 (рис. 5, IV). На поверхности отмечен беспорядочно расположенными, полузакопанными каменными плитами.

Погребальная камера подпрямоугольная в плане, размер $2,3 \times 1,8$ м, длинной осью ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Глубина камеры 1,2 м. В погребальной камере находились человеческие кости, предварительно прошедшие процедуру очистки от мягких тканей. Разделяются на четыре погребения.

Погребение 72/1. Компактно сгруппированные кости двух неполных скелетов: мужского, возраст старческий (senilis); детского, возраст детский (Infantile I).

Погребение 72/2. Компактно сгруппированные кости двух неполных скелетов: женского, возраст возмужалый (adultus); детского (Infantile I.) Среди детских костей – стеклянный бисер.

Погребение 72/3. В оссуарии ящичного типа из необожженной глины, без крышки. Внешняя поверхность покрыта алебастровой подгрунтовкой, на которой в виде расплывшихся цветных пятен сохранились следы росписи. В оссуарии находились кости неполных скелетов двух индивидуумов: пол не определяется, возраст детский (Infantile II); юношеский (Juvenis).





Погребение 72/4. В оссуарии ящичного типа из необожженной глины, с плоской крышкой. Внешняя поверхность покрыта алебастром. В оссуарии находились кости скелетов двух индивидуумов: пол не определяется, возраст детский (Infantile I). Черепов два; под черепами, лежавшими сверху на дне оссуария, – длинные кости верхних и нижних конечностей.

Таким образом, в данном случае перед нами то же многократное погребение в широкой грунтовой яме, какое мы видели в описанных выше в могильнике Дуана, группа IX и в могильнике Казыбаба 1, курган 21, где труположение заменило вторичное погребение предварительно очищенных костей неполного скелета.

В зороастрийской погребальной практике использовались специальные постройки-наусы для последовательной установки в них костехранилищ-оссуариев. В некоторых случаях (Миздахкан) в качестве науса использовалась простая грунтовая яма. Обряд, описанный для «кургана» 72 исследуемого могильника, с одной стороны, по ряду признаков может быть сопоставлен с зороастрийским обрядом погребения, практиковавшимся населением оседло-земледельческих областей древнего Хорезма (Рапопорт, 1971, гл. 2). С другой стороны, в обряде определенно проявляются признаки традиции многократных погребений, использовавшейся в погребальной практике позднесарматской культуры.

Тип 3. Погребения на горизонте. Имеют ограниченное распространение на территории Арало-Каспийского междуморья. Погребения этого типа представлены только в могильнике Казыбаба 1, группа IV. Установлено два варианта этих погребений: а) труположение; б) погребение очищенных костей.

Вариант А. Труположение. Всего в этой группе с определенной долей условности объединены десять курганов (группа IV, курганы № 16, 40, 51, 52, 59/1-2, 60, 61, 62), в которых находилось не менее 34 погребений. Погребенные лежат вытянуто на спине, головой ориентированы в северный сектор. Обряд, по которому совершались погребения этой группы, очень неустойчив. Под одной насыпью (курган 40) могли находиться одно, два, три и даже четырнадцать погребений (рис. 5, III) Под одной курганной насыпью возможно наличие погребений, совершенных по различным обрядам. В кургане 40 наряду с погребениями по обряду труположения находятся погребения предварительно очищенных костей. Вместе с господствующей ориентацией погребенных головой в северный сектор в кургане 40 зарегистрировано погребение, ориентированное на юг, а в кургане 60 – на запад. В ряде случаев погребенных накрывали камышом так же, как это практиковалось в погребениях типа 1. Часть погребений не имела инвентаря.

Нельзя не заметить и определенного сходства многократных погребений на горизонте с аналогичными погребениями, но совершенными в погребальной камере.

Вариант Б. Погребение очищенных костей. Под курганной насыпью многократные или коллективные вторичные погребения предварительно очищенных человеческих костей. В погребениях находились кости неполных скелетов от трех до девяти индивидуумов. В одном случае под одной насыпью находились как погребения с труположением, так и вторичные погребения предварительно очищенных костей. В некоторых случаях погребения сопровождался инвентарем.

Погребения на горизонте с труположением и тем более вторичные погребения с предварительно очищенными костями не характерны для позднесарматской культуры. Их нет, за немногим исключением, и в известных в настоящее время позднесарматских могильниках Устьурта. Такого рода погребения известны только в могильнике Казыбаба 1, группа IV, находящемся на границе между оседло-земледельческим Хорезмом и кочевой скотоводческой степью. И хотя основную массу погребений в этом могильнике составляют обычные позднесарматские могилы в удлиненно-прямоугольных погребальных камерах с одиночными погребениями, ориентированными в северный сектор, в составе этого могильника уже нет ни длинных курганов, ни прямоугольных оград, обычных для остальных позднесарматских могильников Устьурта.

В появлении погребений предварительно очищенных костей нельзя не видеть воздействия зороастрийской погребальной обрядности на языческую обрядность оседающих кочевников. «Выход» погребений на поверхность мог происходить под воздействием зороастрийских ритуалов, связанных с выставлением трупа и последующего погребения очищенных от мягких покровов костей (Рапопорт, 1971, гл. 2). Если в оседло-земледельческом Хорезме выставление трупа и погребение

костей в оссуарии являются разделенными этапами сложного многоступенчатого погребального обряда, то у прозелитов – оседающих кочевников они соединены воедино, как это можно видеть на примере кургана 40.

Погребальный инвентарь в погребениях типов 1 и 3 очень немногочисленный. В несколько большем количестве представлены предметы инвентаря в погребениях типа 2. Это лепные сосуды и станковые сосуды, предметы вооружения, предметы культа, поясные гарнитуры, орудия труда, украшения, бронзовые фибулы, курильницы

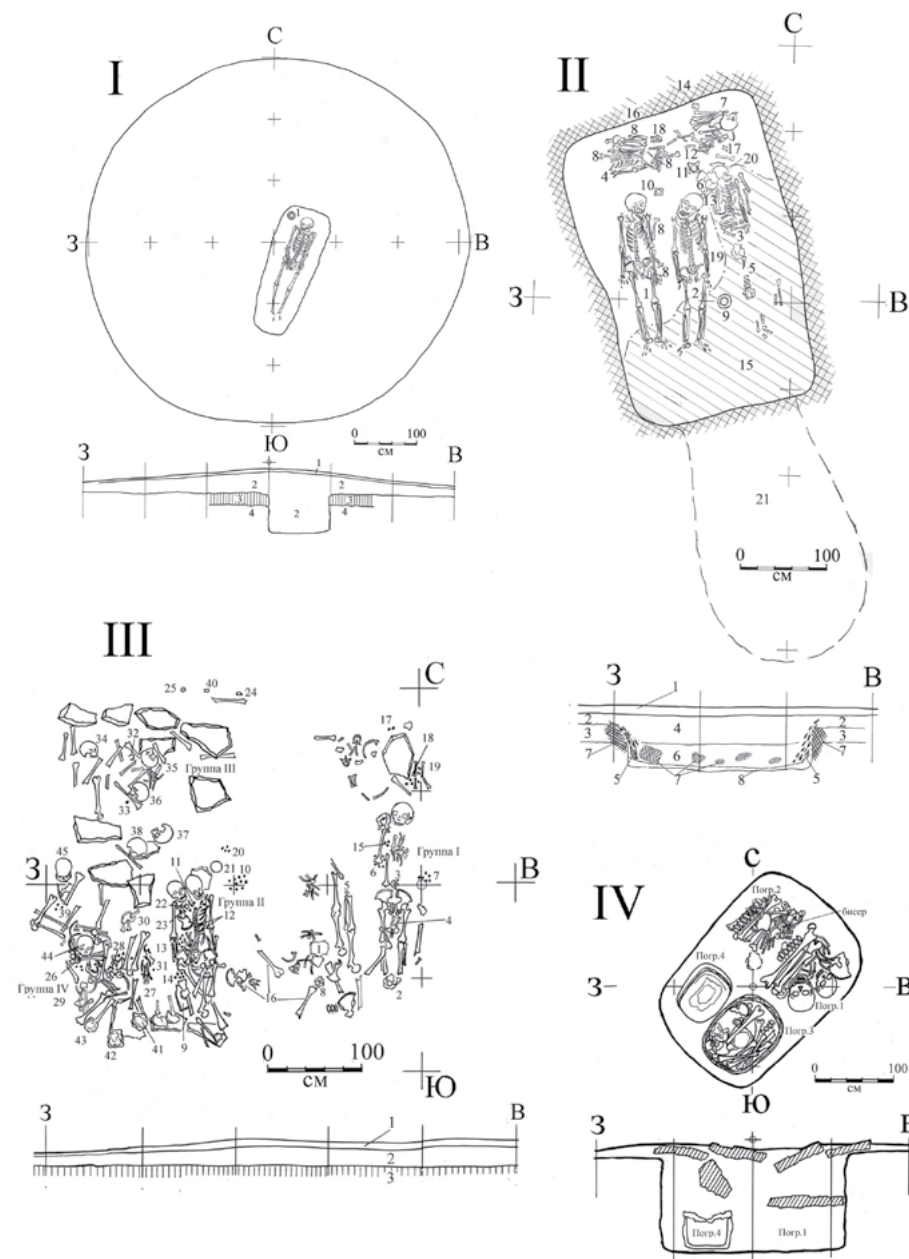


Рис. 5. Могильник курганный Казыбаба 1, группа IV. I. Курган 47, план и разрез В-3. II. Курган 21, план и разрез В-3. III. Курган 40, план и разрез В-3. IV. «Курган 72», план и разрез В-3





и прочее. Как правило, предметы погребального инвентаря располагались у головы или у ног погребенного.

Станковые сосуды представлены формами, происходящими из ремесленных центров Хорезма кушанского периода (II–IV вв.). Лепные сосуды в большинстве случаев находят аналогии в позднесарматской керамике и керамике джетыясарской культуры. Особо следует отметить лепной сосуд, повторяющий форму металлического котла с вертикальными ручками у верхнего среза венчика и коническим поддоном (Yagodin, 2007, fig. 28, 3). Аналогичные подражания металлическим котлам являются довольно частой находкой в позднесарматских погребениях (Мошкова, 1989, табл. 83, 39; Гущина. Мошкова, 1999, рис. 5, 1; Сеницын, 1947, рис. 6; Малашов, Яблонский, 2008, с. 49, рис. 196, 9).

Среди погребального инвентаря, связанного с типом 2 погребальных камер, отмечаются находки лепных курильниц усеченно-конической и прямоугольной формы. Первые принадлежат к единому типу курильниц, имеющих аналогии в позднесарматских материалах из Нижнего Поволжья, где они выделены в тип I «круглые в форме усеченного конуса» (Скрипкин, 1984, с. 30, рис. 11, 15–17). Вторые являются предметами единого типа, широко распространенного в позднесарматской культуре Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. В классификации К.Ф. Смирнова они выделены в тип XII. По его мнению, этот тип курильниц в Поволжье и Приуралье появляется во II – начале III в. и почти безраздельно господствует во II–IV вв. (Смирнов, 1973, с. 169).

В классификации А.С. Скрипкина курильницы этого типа выделены в тип II «кубических» (Скрипкин, 1984, с. 30, рис. 18–25), по всем основным признакам совпадающих с курильницами описанной выше группы. Он полагает, что в Поволжье они «...в основном бытовали, судя по их многочисленным взаимонахождениям с хорошо датированными вещами, в пределах хронологических рамок V группы (рубеж I–II – середина III в. н.э.), и, вероятно, во второй половине III в. н.э. постепенно вышли из употребления» (Скрипкин, 1984, с. 57).

В Приуралье также имеются типологически близкие, но не тождественные курильницы. А.Х. Пшеничнюк включил их в общую классификацию глиняной посуды позднесарматского времени (II–IV вв. н.э.), выделив их в тип V «...ритуальные сосудики-курильницы кубической формы» (Пшеничнюк, 1983, с. 123, табл. LIV, 4).

Типологически близкие к сарматским прямоугольным курильницам ритуальные сосудики имеются и в материалах Средней Азии. Квадратная курильница с дырочками по бокам и вертикальными валиками по углам была обнаружена в древнем Чаче (Григорьев, 1948, с. 77, табл. XVI, 128; Тереножкин, 1950, с. 152 и сл.); прямоугольная курильница найдена в Лявандакском могильнике (Обельченко, 1964, вып. 2, с. 114, 118, рис. 17); небольшие прямоугольные курильницы происходят из среднего и верхнего горизонтов Кой-Крылган калы в древнем Хорезме (Кой-крылган кала..., 1967, с. 128, табл. XIV, 3, 5, 13). Прямоугольные лепные курильницы с зашипами по углам были найдены в курганах кочевников Туз-гыр (Лоховиц, Хазанов, 1979, с. 129, табл. VII, 13, 16) и Тумек-кичиджик (Лоховиц, 1979, с. 139, табл. V, 2, 3) Присарыкамышской дельты Амударьи, на северо-западе древнего Хорезма.

В погребениях часто находили каменные и стеклянные бусы, мелкие бронзовые штампованные бляшки. Нашивные бляшки из бронзы, серебра и золота широко использовались в позднесарматской культуре Нижнего Поволжья (Скрипкин, 1984, с. 40–41, рис. 75–79). Отмечено не менее широкое их использование в джетыясарской культуре на Нижней Сырдарье для периода IV–VII вв. н.э. (Левина, 1971, с. 72).

По наблюдениям исследователей, фибулы – «...наиболее точно датированный репрезент позднесарматских погребений» (Скрипкин, 1984, с. 57). В позднесарматских погребениях Устюрта найдены бронзовые фибулы четырех типов.

Первый (рис. 4, II, 1) принадлежит к типу пружинных, билатеральных, четырехвитковых с верхним расположением тетивы, с коленчато-изогнутой широкой ромбической спинкой, завитком на конце и высоким приемником. На лицевой стороне ромбической спинки гравированный орнамент, или «жемчужинки». Находки аналогичных фибул отмечены на Среднем Урале (Генинг, 1967, с. 24, табл. 1, 1); на Южном Урале (Пшеничнюк, Рязанов, 1976, с. 145, рис. 1, 14; 4, 3; 7, 9, 15); в Среднем Поволжье (Васильев, Скарбовенко, 1985, с. 113, 121–122, рис. 4, 2); в Нижнем Поволжье (Сеницын, 1960, с. 51, рис. 18, 11; 1996, рис. 139, 3); на Нижней Сырдарье (Левина, 1996, рис. 139, 3).

В классификации фибул Юго-Восточной Европы фибулы описываемого типа выделены в поволжско-сарматскую группу, тип I, вариант 2 и датированы концом III – IV в. (Амброз, 1966, с. 46, табл. 5, 22). В классификации сарматских фибул Нижнего Поволжья, разработанной на основе классификации А.К. Амброза, они выделены в группу III, тип 1, вариант 2а и также датированы концом III – IV в. н.э. (Скрипкин, 1984, с. 32, 53, рис. 12, 36).

Второй тип (рис. 4, II, 2). Фибула одночленная, пружина билатеральная, тетива верхняя. Спинка каплевидная, коленчато-изогнутая, в поперечном сечении вогнуто-выпуклая. На ножке высокий пластинчатый приемник с завитком на заднем конце. По классификации А.К. Амброза это тип поволжско-сарматских коленчатых фибул с завитком, группа 13, тип 8. Распространен у сарматов Нижнего Поволжья и Южного Урала, датируется концом III – IV в. н.э. (Амброз, 1966, табл. 5, 19, 21, 22; табл. 19, 3). А.С. Скрипкин разделил фибулы описываемого типа на два варианта (Скрипкин, 1977, с. 114–115), второй из которых идентичен устюртскому.

Третий тип (рис. 4, II, 3). Фибула сильно профилированная, одночленная. Пружина многовитковая, билатеральная с железной осью внутри. Тетива верхняя, закреплена крючком. Спинка высокая, узкая, расширенная в средней части, от головки и от ножки отделена биконическими утолщениями. Задний конец пластинчатого приемника украшен кнопкой. В классификации А.К. Амброза такие фибулы выделены в группу 11 «сильно профилированные фибулы причерноморских типов», серию 1 этой группы и вариант 3 этой серии. Ареал фибул этого типа – Боспорское царство, Поволжье и Северный Кавказ. Дата II – первая половина III в. (Амброз, 1966, с. 40–41, табл. 8, 10, 11). Аналогичным образом датирует этот вариант А.С. Скрипкин, оперирующий материалами Нижнего Поволжья (Скрипкин, 1977, с. 109).

Четвертый тип (рис. 4, II, 4). Фибула лучковая, одночленная, подвязная. Пружина билатеральная, четырёхвитковая, тетива верхняя. Корпус проволоочный, изогнут в виде дуги. Нижний конец дужки раскован в тонкую пластинку и, возможно, первоначально был загнут вверх, образуя приемник. Дужка в четырех местах имеет тонкую проволоочную обмотку. На ножке конец обмотки раскован в пластинку и первоначально, вероятно, был загнут так, что вместе с такой пластиной на нижнем конце дужки образовывал приемник. Впоследствии, однако, проволока обмотки вместе с пластинкой была согнута в петлю и превращена в проволоочный приемник.

В классификации А.К. Амброза аналогичные фибулы выделены в группу 15 «лучковые подвязные фибулы» и вариант 5 этой серии. Эти фибулы являются специфической особенностью Северного Причерноморья. Они датируются III в., возможно, появляются здесь уже в конце II в. (Амброз, 1966, с. 47, 51, табл. 9, 11–13). В Поволжье аналогичные фибулы также появляются в конце II в. и наибольшее распространение получают в первой половине III в. В середине III в. в связи с разрушением производственных центров Северного Причерноморья их поступление в Нижнее Поволжье прекращается (Скрипкин, 1977, с. 107).

В круг памятников позднесарматской культуры на Устюрте частично входят и некоторые объекты «североустюртской системы стреловидных планировок» (далее – СУССП) – огромной системы сооружений для так называемой пассивной формы охоты на диких копытных на путях сезонных миграций, которая начала складываться еще в середине I тыс. до н.э. и развивалась затем, достраиваясь, перестраиваясь и периодически в какой-то части забрасываясь до VII–VIII вв. н.э. (Ягодин, 1978; Yagodin, 2007; Ягодин, Амиров, 2013).

Строительство и эксплуатация этой системы в позднесарматский период, несомненно, требовали достаточно длительного пребывания в районе ее расположения определенных групп кочевников. С ее существованием связан большой культово-погребальный комплекс Дуана, формирование которого определялось наличием в этом районе Устюрта более или менее постоянных зимовок, выбор места для которых определялся существованием СУССП. Обитатели зимовок помимо скотоводства занимались строительством, обслуживанием всей СУССП, охотой на диких копытных на путях сезонных миграций и, вероятно, переработкой продукции, получаемой в результате этой охоты.

Приведенный выше обзор позволяет на основе новых данных подтвердить уже сформулированное ранее положение о том, что для периода второй половины II – IV в. н.э. на Устюрте, а судя по находке у солончака Батыр, в Арало-Каспийском





междуморье в целом фиксируется целый ряд археологических объектов, которые можно определить как позднесарматские (Ягодин, 1978; Yagodin, 2007). Их появление имеет миграционный характер, поскольку этнокультурный субстрат, с которым можно было бы связать генезис позднесарматской культуры, в Арало-Каспии отсутствует. Наши многолетние изыскания не выявили памятников, которые можно было бы связывать со среднесарматской культурой.

Судя по материалам могильника Казыбаба 1, группа IV, кочевники, оседающие на северо-западных границах оседло-земледельческого Хорезма, в районе крупного городского центра, находившегося на месте современного городища Дэвкескен, попадали под идеологическое воздействие зороастризма, под влиянием которого, как это можно видеть на примере могильника Казыбаба 1, происходит постепенное разложение языческой погребальной обрядности.

В этот период племена поздних сарматов проникают с Устюрта в земледельческие оазисы. Одним из ярких примеров этого процесса является погребение № 62, раскоп III на некрополе древнего Миздахкана, где предварительно очищенные по зороастрийскому обряду кости помещены в саркофаг-оссуарий, установленный в погребальной камере с рудиментарным подбоем. Погребение сопровождалось богатым погребальным инвентарем с набором золотых предметов, выполненных в так называемом полихромном стиле, с римским импортом, бронзовым зеркалом ольвийского типа и бронзовым котелком местного производства (Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 57–58, 117–122; рис. 23, 24, 25, 51). Позднесарматские кочевники приносят в среду оседлого хорезмийского населения «моду» на кольцевую деформацию головы, которая, судя по материалам некрополя древнего Миздахкана, появляется в III в. н.э., широко распространяется затем в среде городского населения, где доживает до эпохи арабских завоеваний в Средней Азии и начала процесса исламизации.

Явлением совершенно иного порядка, чем вышеописанные археологические объекты позднесарматской культуры, является культово-погребальный комплекс Чаштепе, предварительно датированный первой половиной I тыс. н.э. Он разделяется на ряд групп, каждая из которых имеет в своем составе большой курган, прямоугольную ограду и многочисленные небольшие курганные насыпи. В составе отдельных комплексов большой курган отсутствует. Высказано предположение, что рядовые курганы некрополя связаны с погребением на горизонте праха, оставшегося после кремации, произведенной на стороне. Исследователи полагают, что могильник не связан с коренным хорезмийским населением (Рапопорт, Трудновская, 1979, с. 165). Предпринимались попытки связать племена, оставившие могильник, с кочевниками, зимовавшими на границах Хорезма (Вайнберг, 1979, с. 177), или с хионитами (Неразик, 1966, с. 124–125).

Нами был обнаружен на Устюрте еще один памятник типа Чаштепе – Актепе 1. В его составе большой курган, прямоугольная ограда и рядовые курганы, среди которых находится один длинный курган.

Прямоугольная ограда и «длинный курган» – структурные элементы, общие как для позднесарматских могильников на Устюрте, так и для объектов типа Чаштепе, однако в целом это явления, вероятнее всего, различной этнокультурной принадлежности.

Литература

- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. – М.: Наука, 1966. – Вып. Д1-30. – 112 с.
- Вайнберг Б.И. Курганные могильники Северной Туркмении // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ, XI. – М.: Наука, 1979. – С. 167–177.
- Васильев И.Б., Скарбовенко В.А. Позднесарматские погребения могильника у с. Андреевка в Заволжье // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. – Уфа, 1985.
- Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // ТХАЭЭ, IV. – М.: Наука, 1959. – С. 63–220.
- Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. – Ижевск, 1967. – Вып. 7. – С. 7–69.
- Григорьев Г.В. Келесская степь в археологическом отношении // Известия АН Казахской ССР, № 46. Сер. археологическая. – Алма-Ата, 1948. – Вып. 1. – С. 47–78.

Гущина И.И., Мошкова М.Г. Раскопки Б.Н. Гракова в Заволжье у сел Блюменфельд и Кано в 1925 г. // Евразийские древности. – М., 1999. – С. 42–59.

Кой-крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. // ТХАЭЭ, V. – М.: Наука, 1967. – 347 с.

Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н.э. // ТХАЭЭ. – М.: Наука, 1971. – Т. 7. – С. 243–249.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М.: Восточная литература, 1996. – 396 с.

Лоховиц В.А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ, XI. – М.: Наука, 1979. – С. 134–150.

Лоховиц В.А., Хазанов А.М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Тузгыр // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ, XI. – М.: Наука, 1979. – С. 111–133.

Малашов, В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. – М.: Восточная литература, 2008. – 364 с.

Мошкова М.Г. Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 196–201.

Мошкова М.Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье и Северном Причерноморье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.: Наука, 1989. – С. 153–214.

Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. – М., 1966. – 154 с.

Неразик Е.Е. Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г. // ТХАЭЭ. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 2. – С. 367–396.

Обельченко О.В. Лявандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1964. – Вып. 2. – С. 97–176.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 199 с.

Пшеничнюк А.Ф., Рязанов М.Ш. Темьясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. – Уфа, 1976. – С. 132–149.

Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. – М.: Наука, 1971. – 125 с.

Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-тепе // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ, XI. – М.: Наука, 1979. – С. 154–166.

Синицын И.В. Археологические раскопки юга территории Нижнего Поволжья // Ученые записки Саратовского гос. университета. – Саратов, 1947. – Т. 17. – 89 с.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. МИА, № 78. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2. – С. 10–168.

Скалон К.М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // Археологический сборник. Скифо-сарматское время. – Л.: Изд-во ГЭ, 1961. – Вып. 2. – С. 115–140.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. – 149 с.

Смирнов К.Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. – М., 1947. – Вып. 5. – С. 75–82.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М.: Наука, 1973. – С. 166–179.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Памятники Нижнего Поволжья. МИА, № 60. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 1. – С. 206–322.

Смирнов К.Ф., Попов С.А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. МИА, № 169. – М., 1969. – С. 210–216.

Тереножкин А.И. Согд и Чач // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР. – М., 1950. – Вып. 33. – С. 152–169.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 323 с.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // Памятники Нижнего Поволжья. МИА, № 60. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 1. – С. 323–523.





Ягодин В.Н. К вопросу о связях Хорезма с Поволжьем и Приуральем в первой половине I тысячелетия н.э. // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1971. – С. 108–113.

Ягодин В.Н. Памятники кочевых племен древности и средневековья // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. – Ташкент: ФАН, 1978. – С. 79–198.

Ягодин В.Н. Стреловидные планировки Устюрта // Археология Приаралья. – Ташкент: ФАН, 1990. – Вып. 5. – 203 с.

Ягодин В.Н. Курганный могильник Джиделибулак 1 на Устюрте // История материальной культуры Узбекистана. – Самарканд, 1999. – Вып. 30. – С. 110–123.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. – Ташкент: Фан, 1970. – 252 с.

Ягодин В.Н., Амиров Ш.Ш. Опыт картографирования и дистанционного изучения древних охотничьих сооружений на плато Устюрт // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2013. – № 3. – С. 113–128.

Yagodin V, Betts A. Hunting traps of the Ustyurt Plateau, Uzbekistan // Silk Road Studies IV. – Brepols, 2000.

Vadim N. Yagodin. The Duana archaeological complex // Ancient Nomads of the Aralo-Caspian Region. PEETERS. – Leuven-Paris-Dudley, 2007.

Ягодин В.Н.

Біздің заманымыздың алғашқы ғасырларындағы Арал-Каспий теңіз аралығы

Автордың Арал-Каспийдегі көп жылғы археологиялық іздеулері процесінде алынған жаңа, негізінен жарияланбаған материалдардағы мақалада Дуана, Жиделибулак, Ақшұңғыл, Сызлыүй және Қазыбаба 1 қорымдарының материалдарын Оңтүстік Орал өңірі мен Төменгі Еділ бойының кейінгі сармат қорымдарымен салыстырмалы талдаудың негізінде Дуан қорымының деректері бойынша бұрын айтылған Үстіртте кейінгі сармат мәдениетінің кең тарағаны туралы болжам расталады. Үстірт арқылы Хорезмнің солтүстік-батыс шекараларына қарай көшпелі мал шаруашылығынан басқа, тұрақты бөгеуші құрылғылардың жүйелерін пайдалану арқылы маусымдық аң аулаумен де шұғылданған кейінгі сарматтардың маусым сайын көшіп жүру жолдарының өткендігі анықталды.

Хорезммен қиылысатын шекарада кейінгі сармат мәдениетінің ескерткіштерімен қатар, өзге бір этномәдениетке тән археологиялық нысандардың (Чаштепе, Ақтепе 1) бар екені аталып өтеді.

Yagodin V.N.

The Aralo-Caspian Region in First Centuries AD

The study of the material of the Duana burial ground allowed to establish some years ago the diffusion of the Late Sarmatian culture in the Ustyurt plateau. This assumption is now confirmed by new data and material recovered from long-standing archaeological researches performed by the author in the graveyards of the Aralo-Caspian region of Duana, Dzhidelibulak, Akchungul', Syzlyuy and Kazybaba 1. The material culture from these burial grounds can be compared with that from the Late Sarmatian graveyards of southern Urals and Lower Volga regions. The author documents that through the Ustyurt towards the north-western borders of Khoresm existed some paths of seasonal migration of the Late Sarmatian-culture bearers, which in addition to nomadic herding were engaged in hunting with use of system of stationary protective devices.

It is also noted that besides of those of Late Sarmatian culture, on the borders with the Khoresmian land there were also sites (Chashtepe, Aktepe 1) belonging to other archaeological culture.

Ярыгин С.А.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ БРОНЗОВОГО НОЖА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА ШАГАЛАЛЫ IV И ОДНА ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЧЕРТА ТАСМОЛИНСКИХ ПЛЕМЕН

В полевом сезоне 2013 года сотрудники Ишимской стационарной археологической экспедиции продолжили археологические работы в Зерендинском районе Акмолинской области. Помимо основного объекта исследования – поселения эпохи бронзы Шагалалы II были проведены раскопки кургана раннесакского времени на расположенном рядом могильнике Шагалалы IV.

Памятник находится в 1 км восточнее села Кеноткель, на плоской поверхности ступенчатого понижения крупной сопочной гряды, вытянутой по направлению северо-запад – юго-восток, на восточном берегу р. Шагалалы (рис. 1).

В качестве объекта исследований выбран курган (№ 1), отличающийся от остальных своими конструктивными особенностями и обособленным расположением. Остальные восемнадцать, составляющие более компактную группу, вероятно, относятся к периоду этнографической современности и являются казахским зиратом.

Курган № 1 имел каменную сильно задернованную насыпь округлой формы, диаметром около 7 м, высотой от уровня современной поверхности около 0,3–0,4 м. Насыпь сооружена из мелкого рваного камня с включением небольшого количества крупных скальных обломков; первоначально она была ограничена каменным кольцом, однако со временем часть камней рассыпалась за ее пределы. На глубине 1,32 м, в прямоугольной яме, имеющей уступ, было выявлено погребение мужчины, который лежал на спине и был ориентирован головой на запад. В погребении рядом с левой рукой покойного зафиксированы двенадцать наконечников стрел с хорошо сохранившимися древками и фрагментами колчана. Из них десять бронзовых и два деревянных (томары). Бронзовые наконечники по форме можно разделить на два основных типа: наконечники первого типа – втульчатые двухлопастные; наконечники второго типа – втульчатые ромбовидные. Под стрелами был обнаружен бронзовый изогнутый нож в деревянном полужульере, открытом с одной стороны; судя по его положению, он крепился открытой частью к колчану (рис. 2, 1–3).

Нож изготовлен из тонкой пластины методом отливки, имеет сильно изогнутое лезвие. Острие расположено с внешней стороны дуги клинка, данная особенность позволила предположить, что перед нами не просто нож, а бритва. На это указывает форма его клинка. Образцом могут послужить некоторые отдаленные аналогии из мира вооружения племен эпохи бронзы и раннего железного века Северо-Западной Европы (Kincade, 2014, p. 31, 35; fig. 2.4, 2.5).

Навершие оформлено в виде головы горного козла (таутеке), смотрящего вниз по отношению к скругленному концу. Непосредственно на роге, который, образуя дугу, входит в полотно клинка с противоположенной по отношению к морде стороны, расположено подтреугольное ухо. Округлый глаз наполовину выступает над мордой. Размер глаза 4×5 мм, ширина валика, образующего глаз, 1 мм. Диаметр навершия примерно 1,8 см. Максимальная ширина рога 0,7 см, минимальная в точке, где он сливается с рукоятью, приблизительно 4 мм. Длина морды вместе с ухом 2,3 см. Длина уха 7 мм. Ширина полотна клинка 1; 1,2; 0,7 см, толщина клинка 0,4; 0,2; 0,1 см соответственно в верхней, средней и нижней частях орудия. Рог состоит из двадцати ребрышек (рис. 2, 1).

Погребальная конструкция и имеющийся материал позволили соотнести погребение с тамолинской археологической культурой (Бейсенов, 2001, с. 66–71; Таиров, 2007, с. 177, 227, рис. 1.21; Кадырбаев, 1966, с. 376–379, рис. 58, 59; Хабдулина, 1994, с. 103, 112, 115, табл. 15, 17.II-III, 32.I-II).

На основе сравнительного анализа наконечников стрел можно датировать находку VIII–VII вв. до н.э. (Кадырбаев, 1966, с. 376–379, рис. 58, 59; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 80–84, 205–209, 221–222, рис. 58.6–19, 59.14, 60.8–10, 62; Рябова, 2013, с. 70–71; Хабдулина, 1994, с. 97, 100, 136, 153, табл. 9.1, 14.3, 50.3, 7, 8; Чугунов, 2000, с. 72).

Прямые аналогии ножу найти не удалось, однако на ряде оленных камней в Монголии встречаются изображения ножевидных предметов с подобным же дуго-





Рис. 1. Местонахождение могильника Шагала IV (на основе космоснимка Google)

бразным лезвием, к примеру, на оленных камнях № 2 и 15 из Хубсугульского аймага Бурзэнтгогхского сумына местности Уушкийн увэр, оленном камне № 6 того же аймага и сумына местности Зуун гол и оленном камне № 12 из Кобдоского аймага Муст сумына поселка Баян Зурх (рис. 3, 1–4) (Волков, 2002, с. 193, 189, 198, 247, табл. 73.1, 78, 83, 132).

Имеет ряд параллелей такая деталь, как голова таутеке. Манера выполнения наверхия в виде фигуры животного или его верхней части была достаточно популярной в восточных областях скифо-сибирского мира – Алтай, Минуса, Тува. Ножи с полнофигурными изображениями таутеке на наверхиях обнаружены в памятниках тагарской культуры. Похожее наверхие имеется на ноже раннескифского (майэмирского) времени из Алтая (ГИМ 24147/21). А истоки традиции можно увидеть на ножах так называемого карасукского типа (Членова, 1967, с. 237–299, табл. 24.5, 7–9, 11–15, 29.5–11, 17, 41–48, 34.40–43).

Некоторые детали и принципы изображения головы таутеке находят аналогии в оформлении наверхия, который входил в состав клада, обнаруженного на левом берегу р. Биже и опубликованного в 1978 г. К.А. Акишевым и А.К. Акишевым. Комплекс датирован исследователями в пределах второй половины VIII – начала VII в. до н.э. (Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 40, 41, 54, 59, рис. 3).

Известна фигурка таутеке на уздечных бронзовых изделиях из кургана 2 могильника Тасмола V (Кадырбаев, 1966, с. 325, рис. 18). Однако она имеет ряд существенных различий, в том числе в обрисовке рога и положения уха. Более близкими в данном случае представляются изображения из кургана 10 могильника Памирская I (Тамды) (Бернштам, 1952, рис. 128.5) и кургана 66 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. XVII, 19).

Согласно предложенной Ю.Б. Полидовичем секвенции развития образа таутеке, на основе материалов памятников раннего железного века Центральной Азии обнаруженный нами вариант изображения животного можно датировать в рамках конца VIII – середины VII в. до н.э. (Полидович, 2011, с. 123–130).

Интерес представляет функциональное предназначение предмета. Мониторинг памятников раннесакского времени показал, что клинки такой формы не имеют широкого распространения, по крайней мере в Восточной Евразии. Предположение о том, что это бритва, может быть подтверждено некоторыми новыми памятниками, входящими в последнее время в базу тасмолинской культуры, – каменными антропоморфными изваяниями.

Нам известно как минимум о шести памятниках данного типа. Характеристики трех изваяний приводятся в двух совместных работах Л.Н. Ермоленко и Ж.К. Курманкулова (Ермоленко, Курманкулов, 2011а, с. 253–256, рис. 1, 2; 2011б, с. 156–161), одно изваяние обнаружено А.З. Бейсеновым (Бейсенов, 2011, с. 77–79, фото 1). Краткая информация об изваянии раннесакского облика, зафиксированном сотрудниками СКАЭ в Енбекшильдерском районе, имеется в своде памятников Акмолинской области (Историко-культурное наследие Акмолинской области..., 2008). Еще одним антропоморфным изваянием, датируемым сакским временем, является скульптура, обнаруженная на территории Акмолинской области – в окрестностях г. Степногорска (рис. 4) (Отчет. Археологические работы 1997 года..., 1998).

Интерес представляют изваяния из Карагандинского и Степногорского музеев. Первое было исследовано Л.Н. Ермоленко в конце 1980-х гг. в историко-краеведческом музее г. Караганды. По сохранившейся верхней части изваяния видно, что оно изображало мужчину. Голова имеет скругленную макушку, слегка выступающий затылок и выделена в монолите сужением шейной части. На грудной части изваяния видны выполненные в технике барельефа очертания рук с характерными утолщениями в плечевой области. Левая рука показана согнутой в локте. Остальные детали на туловище различить невозможно. На плоской поверхности лица видны углубления, вероятно, обозначающие глаза, нос и рот. По боковым сторонам головы барельефными контурами замкнутых валиков показаны большие «почковидные» уши. И, наконец, важной деталью является выполненная в подобной же технике прическа – чуб, который начинается на макушке и заканчивается сзади правого уха, на уровне его верха (рис. 5, 1) (Ермоленко, Курманкулов, 2011б, с. 156–161).

Обратив внимание на манеру исполнения изваяния, мы не могли не заметить ее сходства с уже исследованным в 1998 г. М.К. Хабдулиной каменным изваянием, обнаруженным около г. Степногорска (рис. 5, 2) местным краеведом-любителем на правом берегу р. Аксу, в 6 км севернее г. Степногорска Акмолинской области. Согласно музейной документации, скульптура найдена вблизи каменной дорожки в горизонтальном положении, лицевой частью вниз и наполовину погруженной в грунт. Антропоморфное изваяние выполнено из гранитного блока прямоугольной формы высотой 0,9 м, шириной основания 0,25 м. Голова выделена выбитым углублением, заходящим частично на боковые грани. Лицо изваяния подовальной формы, нижний контур обведен выпуклым валиком, который продолжен на боковых гранях и слегка



Рис. 2: 1 – прорисовка ножа; 2 – деревянные ножны (футляр); 3 – положение ножа в футляре





намечен на тыльной стороне изваяния. По местоположению и форме это, скорее всего, изображение гривны (возможно, что в такой манере показана борода). В верхней половине лица показаны нос прямоугольной формы, рельефность которого усилена горизонтальной подтеской поверхности лица вдоль носовых крыльев, и прямая линия надбровных валиков, под которыми круглые углубления глаз. В нижней половине лица рельефно выделяются дугообразные усы и горизонтальный валик рта. На изваянии видны выступы плеч и предплечий. Выступ левого плеча начинается выше правого, выпуклый рельеф его виден только до пояса. Левая практически не фиксируется. Правая рука согнута в локте и прижата к животу. Ни кисти рук, ни пальцы не проработаны. Имеется полоска пояса, под которым, ближе к правому боку, косо изображен подтеской поверхности подпрямоугольный выступ (кинжал). В углублении между руками едва намечены короткие полоски валиков, сходящиеся под углом, вероятно, являющиеся навершием кинжала. Направление его рукояти совпадает с осью подпрямоугольного выступа, обозначенного под поясом. Автор исследования датировала его VI–V вв. до н.э. (Отчет. Археологические работы 1997 года..., 1998).

Получив устную консультацию от Л.Н. Ермоленко, которая обратила наше внимание на одну из деталей изваяния – косицу или чуб, интерпретированную ранее как часть шлема, проведя дополнительное исследование изваяния на месте его хранения, нами был сделан ряд уточнений относительно деталей, ранее интерпретированных как часть шлема. По боковым граням головной части изваяния в виде ромбов выгравированы ушные раковины. К левому уху с макушки спускается валик шириной около 3 см, он проходит под нижней частью ушной раковины и завершается подтреугольным концом (рис. 6).

По иконографической характеристике и предметному набору, как отметил автор исследования, аксуская находка, вне сомнения, принадлежит к кругу изваяний скифского времени, однако, учитывая уже имеющиеся находки изваяний в ареале тасмолинской археологической культуры, в том числе из Улутау и Талды-2, мы пришли к выводу о несколько более ранней датировке изваяния.

Согласно разработанной В.С. Ольховским для скифских изваяний морфологической классификации, «степногорское» изваяние ближе всего к третьей разновидности раннескифских стел, типу антропоморфных столбов, детализированных до пояса («полуфигуры»). Их особенностью является пластическая моделировка рук, головы и черт лица, шея при этом достаточно слабо выражена. Лаконизм основных черт степногорского изваяния приближает его к более ранним типам скифских изваяний (Ольховский, 2005, с. 122–123).

Моделировка плеч изваяния аналогична карагандинскому, а также ряду раннескифских изваяний – из Киевского музея, Куцеволовки, Грузино (Ольховский, 2005, с. 221, 232, ил. 78, 79.2, 92.1). Изображения рук без кистей, положения рук находят аналоги на изваяниях из Зеленчук Мостовой, Грузино (Ольховский, 2005, с. 219, 221, 231, ил. 74.2, 78, 92.1). Ромбовидные или подовальные ушные раковины

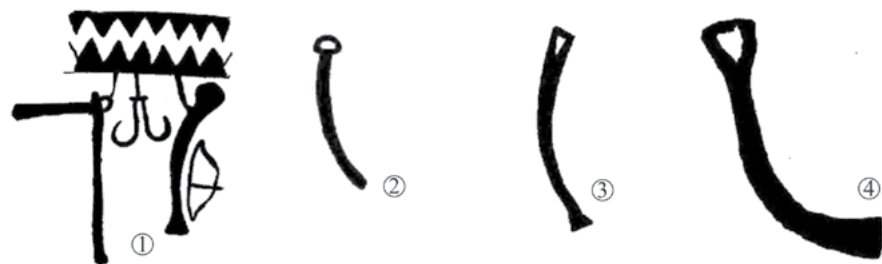


Рис. 3. Изображение ножей на оленних камнях Монголии: 1 – изображение ножа, подвешенного на поясе на оленнем камне № 15 из Уушкийн увэр; 2 – изображение ножа на оленнем камне № 2 из Уушкийн увэр; 3 – изображение ножа на оленнем камне № 6 из Зуун гол; 4 – изображение ножа на оленнем камне № 12 из Баян Зурх (по: В.С. Волков, 2002)

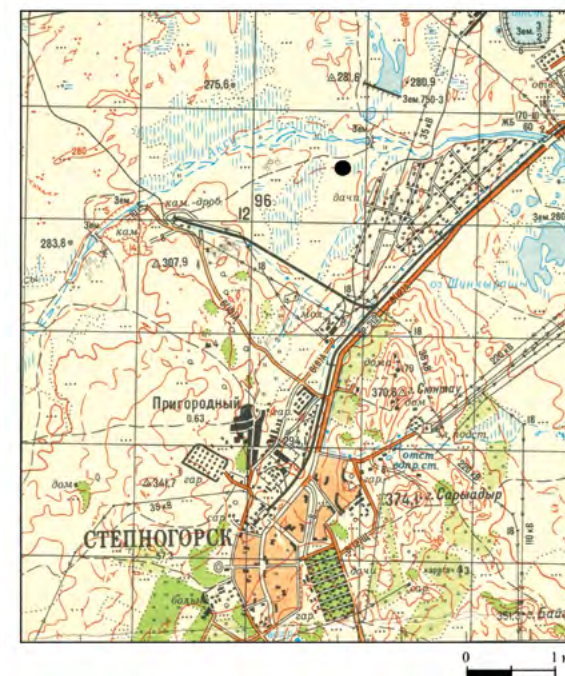


Рис. 4. Местонахождение степногорского изваяния

степногорского изваяния по манере исполнения во многом аналогичны раннескифским скульптурам из с. Кожемьяки и станицы Манычской (Ольховский, 2005, с. 220, 223, ил. 76, 80). Манера изображения лица имеет сходство с талдинским (Бейсенов, 2010, с. 77–79, фото 1).

Таким образом, степногорское изваяние и, вероятно, карагандинское могут датироваться VII–VI вв. до н.э. и отражать этнографические реалии тасмолинских племен. В нашем случае особый интерес представляют чубы (оселедцы, айдары), имеющиеся на обеих скульптурах.

Одним из наиболее ранних изображений оселедцев данного типа можно считать оселедцы у двух воинов, показанных на рельефе из хеттского города Аладжи-Хююка (XIV в. до н.э.). У первого персонажа, который взбирается по лестнице вверх, он расположен в центре темени и распадается на макушке на две части; первая спадает на лоб, а вторая, большая по размеру, – на затылок, в целом напоминая гриву или прическу типа «мохавк». У второго человека, стоящего у подножия лестницы, оселедец начинается чуть выше лба и изображен спускающимся через висок за ухо (рис. 7, 1) (Ардзинба, 1982, с. 51–52, рис.7; Yamanturk, 2014). Однако Л.С. Клейн предполагает, что изображены не хеттские воины, а миттанийские (т.е. индоарийские) «марьянну». В кшатрийской традиции подобные прически, вероятно, именовались шикханадака (Клейн, 2007).

В раннем железном веке ираноязычные кочевники также делали определенный акцент на прическах. Так, С.А. Яценко отмечает, что характерной деталью мужской прически раннескифских племен была коса средней длины, носившаяся сзади. Этот тип прически продолжил свое существование и в V–IV вв. до н.э. Как отмечает автор, в V в. до н.э. длина косы составляла не менее 10 см (Яценко, 2006, с. 48–84).

В хронологически сопоставимый период изображения воинов, имеющих на голове прически типа указанных выше, встречаются на петроглифах Центральной Азии (от Монголии и Саяно-Алтая до Узбекистана), то есть территориях, которые занимали индоиранские племена, а в последующую эпоху – их языковые и культурные наследники. Видимо, имеют шикханадаку два противостоящих друг другу воина на петроглифах из Сармышся в Узбекистане (рис. 7, 2) (Khujanazarov, 2011, p. 185, fig. 4).





К раннесакскому времени в этом же скоплении относится фигура лучника с высоким пучком волос (рис. 7, 3) (Манукянц, 2011).

В работе Л.Н. Ермоленко, Ж.К. Курманкулова, посвященной каменному изваянию с чубом, приводится ряд историко-культурных параллелей из мира искусств скифо-сибирского региона. Например, на рисунке, датированном ранним железным веком, из ущелья Ур-Марал (Жалтырак-Таш) изображен птицеподобный лучник с пучком волос на голове, который можно идентифицировать как чуб (рис. 7, 4) (Ермоленко, Курманкулов, 2011б, с. 156–161; Шер, 1980, рис. 31).

По мнению Л.Н. Ермоленко и Ж.К. Курманкулова, не исключено, что два сражающихся всадника, изображенные на зеркале из Дундгобийского аймака, также имеют прическу в виде гребня (Ермоленко, Курманкулов, 2011б, с. 156–161). Авторы отмечают, что подобная деталь встречается в тагарском наскальном искусстве. На территории Алтая известны петроглифы эпохи бронзы, на которых показана борьба двух персонажей, имеющих пучки волос на голове (рис. 7, 5) (Кубарев, 2003, с. 95–107, табл. IV.4).

Вероятно, прически в виде чуба или султана есть на изображениях человеческих фигур на скоплениях Хызыл-хая II и Полосатая, которые датированы тагарским или тагаро-таштыкским временем (Панкова, 2005, с. 74–84, ил. 2, 4, 5). На писанице из Хызыл-Хая показана фигура человека с чубом, стоящего перед котлом; изображе-

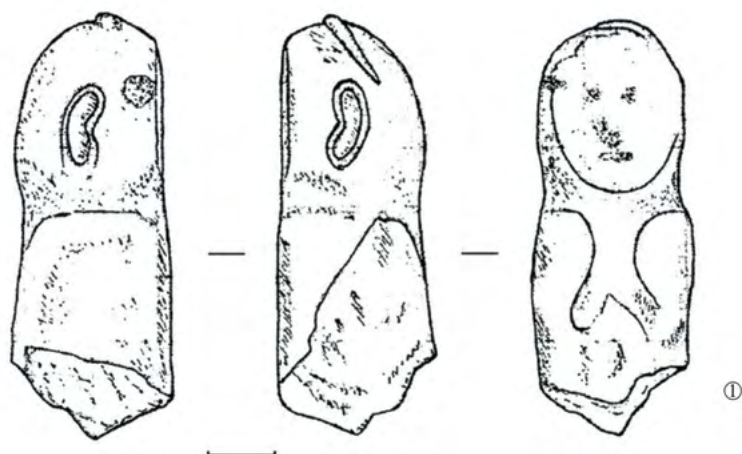


Рис. 5. 1 – изваяние из Карагандинского музея; 2 – изваяние из Степногорского музея

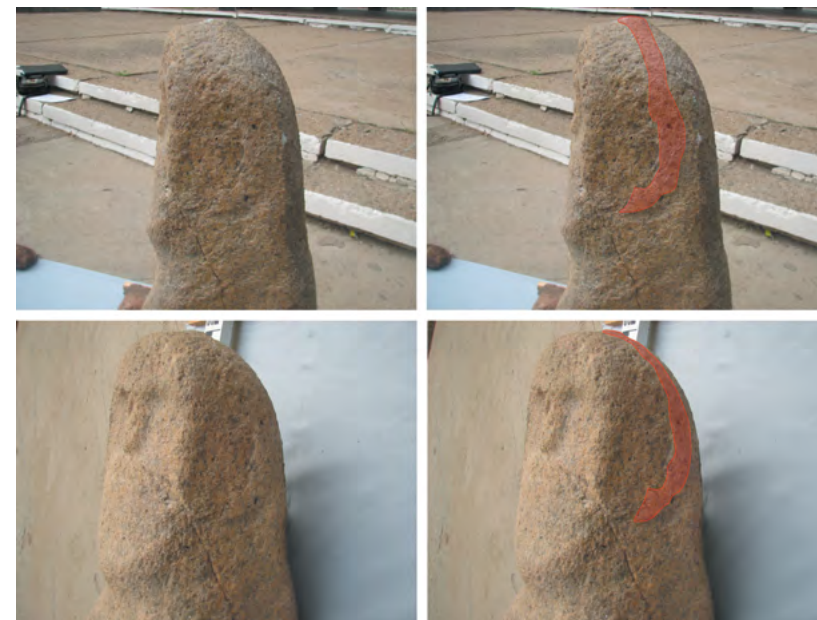


Рис. 6. Положение косицы (чуба) на степногорском изваянии

ние подобной прически имеет аналогии в тагарской культуре (рис. 7, 6) (Боковенко, 1987, с. 75–80, рис. 3.2). На скоплении Усть-Туба III имеется изображение всадника также с подобной прической; как отмечает А.Н. Боковенко, датирующий рисунок скифо-тагарским временем, это «султан или коса» (рис. 7, 7) (Боковенко, 1987, с. 75–80, рис. 1; Шер, 1980, рис. 6.3). Несколько сражающихся лучников с уже упомянутыми элементами на голове продемонстрированы на петроглифах горы Четвертый Сундук на р. Белый Июс (рис. 7, 8) (Соловьев, 2014, рис. 75.6; Горная гряда Сундуки, 2014). Череда воинов с пучками волос на головах изображена на каменной плите плиточной могилы из Среднеговийский аймака Улзийт сумына местности Дэлжин уул (рис. 7, 9) (Волков, 2002, с. 241, табл. 125). Вероятно, косица показана и на изображении фигуры воина на оленном камне № 2 оградки № 3, Жаргалант-90, Архангайский аймаг, Ундур-Улаан сумынаант (рис. 7, 10) (Волков, 2002, с. 236, табл. 121).

О том, что у тагарцев пучок волос, завязанный на макушке, может быть особой воинской прической, говорит в своем диссертационном исследовании О.С. Советова (Советова, 2007).

Привлекая несколько удаленные, но достаточно информативные сведения из античного греческого мира, мы можем утверждать, что семантика воинской прически (чуба, гривы, айдаара, косицы и т.п.) и наверхия головного убора или шлема в виде султана в мужской воинской традиции очень близка. Так, Фукидид словом «κροβύλος» обозначает греческую прическу архаической эпохи, а Ксенофонт так называет волосную султан на шлеме (Алексинский, Бутягин, 1998, с. 67–69). Близость их графического исполнения не всегда позволяет четко дифференцировать эту деталь на наскальных рисунках.

Таким образом, традиция бритья головы, может, и ношения специальной воинской прически типа чуба, косицы является достаточно древней индоиранской и центральноазиатской традицией; как пример, изображение бритой головы воина на оленном камне из Ушкийн-Увэра и т.п. (Волков, 2002, с. 194, табл. 79). Подобные изображения встречаются в наскальной живописи тех регионов, где обитали индоиранцы в эпоху бронзы или их прямые потомки в раннесакское время. Доказательством существования данной традиции в раннем железном веке на территории Сарыарки служат находки каменной скульптуры.

Косвенным подтверждением могут выступать письменные источники, свидетельствующие о ношении кочевыми племенами, обитавшими в обозначенном выше





регионе, причесок интересующего нас типа. Во-первых, до сих пор остается актуальным соотношение тасмолинской археологической культуры и племен, таких как исседоны, известных из работы Геродота и других античных авторов (Кадырбаев, 1966, с. 405–406). У В.В. Латышева приводятся интересные строки, посвященные исседонам в «Аримаспее»: «...чванящиеся длинными волосами (собственно гривами). Эти люди живут вверх, в соседстве с Бореем, многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями и стадами овец и быков» (Латышев, 1947). Слово «гривы», или «длинные волосы», переводится И.В. Пьянковым как «длинные пучки волос» (хайтай), которые очень удивили Аристия Проконесского, однако не исключен и перевод «длинные султаны» (Пьянков, 2005, с. 31). Данное свидетельство, конечно, не обладает все силой полноценного аргумента или факта, однако очень



Рис. 7. 1 – рельеф из Аладжа-Хюк (по: Е. Yamanturk, 2014); 2 – два противостоящих воина; петроглифы из Сармышсая (по: М.-М. Khujaazarov, 2011); 3 – лучник; петроглиф из Сармышсая (по: Р.Х. Сулейманов, 2012); 4 – птицеподобный воин из Ур-Марал (Жалтырак-Таш) (по: Я.А. Шер, 1980); 5 – два борющихся воина (Алтай) (по: В.Д. Кубарев, 2003); 6 – фигура человека с чубом, стоящим перед котлом; писаница из Хызыл-Хая (по: Н.А. Боковенко, 1987); 7 – всадник; скопление Усть-Туба III (по: Я.А. Шер, 1980); 8 – сражающиеся лучники; петроглифы горы Четвертый Сундук на р. Белый Июс (Горная гряда Сундуки, 2014); 9 – изображение «пляшущих человечков» на плите из плиточной могилы в местности Дзэлийн уул, Среднеговийский аймаг (по: В.С. Волков, 2002); 10 – изображение косы на оленем камне № 2; Архангайский аймаг, Ундур-Улаан сумын, местность Жаргалант, ограда 3 (по: В.С. Волков, 2002)

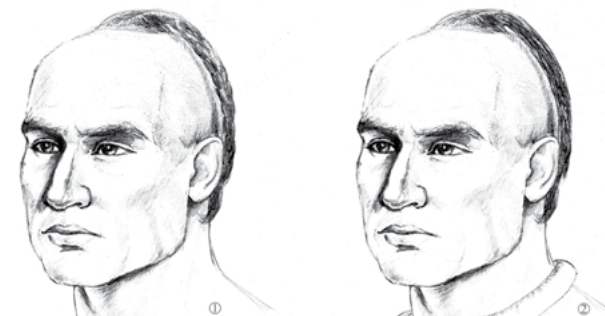


Рис. 8. Реконструкция прически «тасмолинского» воина. 1 – Вариант с косицей; 2 – Вариант с чубом (авторы реконструкции – Дуйсебаева Асем, студентка 3-го курса специальности 5В021200-Тюркология ЕНУ им. Л.Н. Гумилева; Ярыгин С.А.)

хорошо ложится в общую картину. «Тасмолинцы», во всяком случае, определенные представители, носили аналог чуба или косицы (рис. 8). В таком случае оружие, обнаруженное в тасмолинском погребении кургана № 1 могильника Шагала IV, вполне вероятно, является специальной бритвой для формирования прически данного типа.

Литература

- Акишев К.А., Акишев А.К. Проблемы хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1978. – С. 38–63.
- Алексинский Д.П., Бутягин А.М. Прическа курса – прическа воина? // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 2–5 сентября 1998 г.). – СПб., 1998. – С. 67–69.
- Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М.: Наука, Гл. редакция вост. литературы, 1982. – 252 с.
- Бейсенов А.З. Майкубенские курганы середины I тысячелетия до н. э. в Центральном Казахстане // Изв. МОН РК, НАН РК. Сер. Общественные науки. – 2001. – № 1. – С. 66–71.
- Бейсенов А.З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения-2010: Материалы II Международной научной конференции. – Актобе, 2010. – С. 77–79.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-шаня и Памиро-Алая. МИА №26. – М.-Л.: 1952. – 348 с.
- Боковенко Н.А. К вопросу о датировке некоторых енисейских изображений всадников // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75–80.
- Варфоломеев В.В., Уртембаев М.И. Раскопки памятников на реке Селеты // Отчет. Работы Ишимской стационарной археологической экспедиции в 2000 году. – Астана, 2001.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака) // Труды ХАЭЭ. – М., 1973. – Т. 8. – 160 с.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.
- Горная гряда Сундуки // Информационный архив Русского географического общества/http://old.rgo.ru/mesta/gornaya-gryada-sunduki/ (13.11.2014)
- Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. – 1956. – Вып. 61. – С. 8–18.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Изваяние раннего железного века из музея Улутауского заповедника (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения-2011: Материалы Международной археологической конференции. – Астана, 2011а. – С. 253–256.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Оригинальное изваяние из фондов Карагандинского историко-краеведческого музея // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я.А. Шера. – Кемерово: РИО КемГУ, 2011б. – Вып. 25. – С. 156–161.





- Историко-культурное наследие Акмолинской области: Свод памятников. – Алматы: НИПФ РГП «Казреставрация», 2008. – 496 с., карты, ил.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры / А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во Наука КазССР, 1966. – С. 303–433.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. университета, 1997. – 232 с., ил.
- Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. – СПб., 2007. – 226 с.
- Кубарев В.Д. Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая: Межвузовский сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. – № 11. – С. 95–107.
- Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. – 1947. – № 1. – С. 230–348.
- Манукянц Э. Экспедиция «Устюрт-2011», осень, часть 1. Рабочая поездка «Экологического Центра Ковчег» по Казахстану и Узбекистану // <http://pilgrim-andy.narod.ru/photo1/ust111.html> (14.10.2014)
- Маргулан А.Х. Сочинения. В 14 томах. Т. 3. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема; т. 4. Каменные изваяния Улытау. – Алматы: Атамур, 2003. – 50 с. + вкл. 246 с.
- Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М.: Наука, 2005. – 299 с., 156 ил.
- Отчет. Археологические работы 1997 года в окрестностях г. Степногорска Акмолинской области. – Алматы: 1998.
- Панкова С.В. Изображения посттагарского и таштыкского времени на скалах Минусинского края // Археологические экспедиции за 2004 год: Сборник докладов. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. – С. 74–84.
- Политович Ю.Б. Изображения таутеке на навершиях из комплекса Биже (Жетысу) в контексте раннесакского «звериного стиля» // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: Тезисы докладов круглого стола, посвященного 20-летию Независимости Республики Казахстан. – Караганды, 2011. – С. 123–130.
- Пьянков И.В. Аристей: путешествие к исседонам // Исседон: альманах по древней истории и культуре. – Екатеринбург, 2005. – Т. 3. – С. 15–35.
- Рябкова Т.В. Памирская I, курган 10 (к вопросу о культурно-хронологических связях комплекса) // Древние культуры Евразии: Материалы Международной научной конференции, посв. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. – СПб.: Изд-во Инфо-ол, 2010. – С. 237–240.
- Рябкова Т.В. Памирская I, курган 10: культурно-хронологическая позиция комплекса // Археологический сборник: Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти М.Б. Щукина посвящается / Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – Вып. 39. – С. 59–99.
- Советова О.С. Наскальное искусство как источник по истории материальной и духовной культуры населения бассейна Среднего Енисея в эпоху раннего железного века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Кемерово, 2007. – 39 с.
- Соловьев А.И. Тагарская культура. Ч. 3. История Сибири // <http://history.novosibdom.ru/node/52> (13.11.2014).
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Сер. Археология СССР. – М., 1992. – Т. 10. – 494 с.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.
- Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селете // Степная цивилизация восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи: Научное издание. – Астана: Кюльтегин, 2003. – С. 189–214.
- Хабдулина М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2007. – № 2. – С. 181–194.

- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.
- Чугунов К.В. К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. университета, 2000. – Вып. 11. – С. 165–168.
- Чугунов К.Ф. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тывы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: Тезисы докладов круглого стола, посвященного 20-летию Независимости Республики Казахстан. – Караганды, 2011. – С. 69–77.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, Гл. редакция вост. литературы, 1980. – 328 с.
- Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). – М., 2006. – 664 с.
- Khujanazarov M.-M. Rock Art Sites in Uzbekistan // Rock Art in Central Asia. A Thematic Study. Edited by Jean Clottes. - Paris: International Council on Monuments and Sites, 2011. - P. 183-187.
- Kincade K. The Razor's Edge: Constructing Male Identity in Bronze and Iron Age Northern Europe. Theses and Dissertations. The University of Wisconsin-Milwaukee, 2014. - 500 p.
- Yamanturk E. Çorum, Alaca, Alacahöyük, Sfenksli Kapı - Sphinx Gate. 08. Panoramio // <http://www.panoramio.com/photo/76080556> (14.10.2014)

Ярыгин С.А.
Шағалалы IV қорымындағы 1-ші оба жерлеуінен табылған қола пышақтың қызметтік мәні тасмолалық тайпалардың этнографиялық белгілерінің бірі

Мақала ертесак кезеңінің Шағалалы IV қорымындағы 1-ші оба жерлеуінен табылған қола пышақтың қызметтік мәнін талдауға арналған. Автордың айтуынша, бұл құрал қырғыш болып табылады. Оған дәлел ретінде тасмола археологиялық мәдениетінің аумағында табылған антроморфты тас мүсіндерді келтіреді. Басында айдары бар тас мүсіндердің екеуі Қарағанды және Степногорск музейлерінде сақтаулы.

Әскери жауынгерлердің шаш өру дәстүрінің болғандығына жазба және археологиялық деректер жеткілікті. Автор Сарыарқаны б.з.д. I мыңжылдықтың бірінші жартысында тіршілік еткен көшпелілердің этнографиялық белгілерінің бірін қайта жаңғыртуға тырысты.

Yarygin S.A.
The Functional Purpose of a Bronze Knife from the Funerary Barrow 1 of Shagalaly IV Burial Ground and an Ethnographic Annotation about the Tasmola-culture Tribes

This article analyzes the function and purpose of a bronze knife found in the Early Saka funerary barrow 1 of the Shagalaly IV burial ground in the light of ethnographic data about the Indo-Iranians and early Saka nomads of Central Asia, among them the bearers of the Tasmola-culture. The author suggests that this artefact was exploited as a razor. The evidences of the use of razors by the Tasmola-culture bearers are attested by some anthropomorphic stone statues found in the geographical area of this Early Saka archaeological culture. Two of them, stored in the Karaganda and Stepnogorsk museum, have on the head the representation of a forelock (chub, aydar, lock of hair).

The tradition of some peculiar military male hairstyles, generally speaking, is characteristic of different ethnographic communities and the early Saka tribes of Saryarka region do not represent an exception. Also the ancient written sources can provide an indirect confirmation. The Issedones people, often associated by some scholars with the Tasmola culture, have been represented with specific hairstyles as a bundle of hair (forelock, aydar and others).

The author makes an attempt to reconstruct one of the ethnographic features of the nomads which lived in the first half of the 1st millennium BC in the Saryarka territory.





МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аникеева О.В.

НАБОРЫ БУС ИЗ РАННЕСАРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 2

Курганный могильник Филипповка 2 расположен на территории Илекского района Оренбургской области, на водоразделе рек Урал и Илек, в 13 км от известного элитарного могильника Филипповка 1. Могильник насчитывал семь курганов, древнейшие из которых относятся к эпохе бронзы, а другие – к эпохе раннего железа. Он был раскопан полностью в ходе полевых работ 2009–2012 гг. Приуральской экспедицией ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского. Автор выражает глубокую благодарность С.Ю. Гуцалову, И.В. Рукавишниковой и Л.Т. Яблонскому за предоставленные для исследования неопубликованные находки.

Бусы были найдены в кургане 1 (п. 1, 2, 4, 6) и в кургане 2 (п. 6). Погребение 1 кургана 1 относится в эпоху средневековья, поэтому бусы из него в данной работе не рассматриваются.

Курган 1, погребение 2. Погребение является центральным и основным в кургане. Захоронения в него совершались многократно. Возможно, в ходе новых захоронений старые скелеты сдвигались или перемещались. Кроме того, по заполнению в профилях отчетливо читаются две грабительские ямы. Поэтому вначале идет описание отдельных бус из заполнения, затем – украшений, связанных с перемещенными скелетами; последними рассматриваются бусы, найденные при нетронутых скелетах.

В заполнении могильной ямы найдены три бусины:

– бусина мраморная, имеет форму сжатой сферы (рис. 1, 2), поверхность вдоль отверстия каннелирована металлическим сверлом (штырь или проволока диаметром 0,8–1,0 мм). Размеры: длина 17 мм, высота 15 мм, диаметр отверстий 4 мм. Сверление производилось трубчатым сверлом с двух сторон;

– подвеска из синего прозрачного стекла (рис. 1, 1), имеет форму кувшинчика, отверстие просверлено сквозь венчик. Размеры: длина 15 мм, диаметр венчика 6 мм, диаметр тулова 8 мм, диаметр сквозного отверстия 2 мм. Сверление одностороннее, производилось трубчатым сверлом с мелким абразивом под наклоном вниз (одно отверстие на 0,8 мм ниже другого);

– бусина меловая, сферической формы (рис. 1, 3). Размеры: диаметр 15 мм, высота 13 мм, диаметр отверстий 4 мм. Сверление одностороннее металлической трубкой.

В северо-восточном секторе, в придонной части могильной ямы расчищено плотное скопление потревоженных костей трех человеческих скелетов. Под ними на дне лежало шейное ожерелье, состоящее из серебряных пронизок (рис. 1, 7), нанизанных на кожаный шнурок (сохранность плохая). При расчистке ожерелья в нем прослеживалось не менее пяти оборотов. Каждая пронизка – это скрученная из проволоки спираль с шагом от четырех до шести оборотов. Длина каждой пронизки 4–7 мм, диаметр 3 мм.

Нетронутые скелеты сохранились вдоль северного борта погребальной камеры. Бусы были возле каждого скелета. Скелеты 9 и 10 лежали рядом и были захоронены одновременно. Скелет 13 лежал непосредственно над скелетом 14 в северо-западном углу могильной ямы.

У скелетов 9 и 10 каменные бусины располагались вместе со скоплением золотых нашивок у кистей рук (рис. 1, 4–6, 8–12). Очевидно, они украшали расшивку рукавов.

Бусина сардерова найдена у правой кисти скелета 9 в окружении пяти золотых нашивок (рис. 1, 8). Они имеют форму полусферок (четыре нашивки диаметром 5 мм, высотой 2,5 мм; одна – диаметром 7 мм, высотой 3,5 мм); по краям меньших есть два отверстия, по краям большой – четыре отверстия для пришивания. Бусина (рис. 1, 4) имеет идеально выведенную форму сжатой сферы. Ее размеры: диаметр 12 мм, высота 8 мм, диаметр входных отверстий 2,8 мм, диаметр отверстий при стыковке 1,5 мм. Сверление двустороннее, производилось металлическим штырем (стержнем). Камень просвечивает, окраска его неоднородная, желтовато-коричневая.

Две линзовидные каменные бусины (рис. 1, 9, 10) найдены под левым и правым запястьями скелета 10. Они расчищены вместе с золотыми нашивками (рис. 1, 12) в форме полусферок (всего десять штук, диаметр 5 мм, высота 2,5 мм, по краям два отверстия). Бусы-пронизы имеют плоские овальные нижнюю и верхнюю грани и скошенные вверх боковые грани (высота 6 мм), поэтому поперечным сечением является длинная трапеция. Бусина из коричнево-белого просвечивающего агата крупнее: нижняя грань – 32×19 мм, верхняя грань – 28×13 мм. Бусина из сердоликового оникса меньше: нижняя грань – 25×16 мм, верхняя грань – 21×12 мм. Высота боковых граней одинакова – 6 мм. Обе бусины просверлены с двух сторон алмазным и трубчатым сверлом. Каждое отверстие вначале надсверливалось сверлом большего диаметра (1,5 мм), затем сверлилось сверлом меньшего диаметра (0,8–1 мм). В первой бусине каналы коаксиальны, во второй – с трудом сходятся. Способы сверления и выведения формы, качество шлифовки и полировки этих бус абсолютно идентичны.

Три более мелкие агатовые скарабеоидные бусины найдены отдельно: одна – между кистями рук скелетов 9 и 10 (рис. 1, 11), рисунок камня представлен чередованием белых, коричневых и бесцветных поперечных микрополосок толщиной 0,1–1,8 мм; вторая – за черепом скелета 9 (рис. 1, 6), рисунок камня близок к вышеописанной бусине, но расположение полосок продольное; третья – справа под нижней челюстью скелета 9 (рис. 1, 5), камень черно-коричневый просвечивающий, в середине поперечная полоса, состоящая из чередования бело-коричнево-бесцветных микрополосок толщиной 4 мм.

Форма скарабея сильно стилизована; практически это правильный уплощенный эллипс с размерами продольного сечения 12–13×9–10 мм и высотой 2,5–4 мм. Нижняя грань плоская, верхняя грань слегка выпуклая. Каналы некоаксиальны, сверление двустороннее, производилось железным трубчатым сверлом. Каждое отверстие вначале надсверливалось сверлом большего диаметра (1,5 мм), затем сверлилось сверлом меньшего диаметра (0,8–1 мм). Во всех бусинах этой формы окраска камня искусственно улучшена – это индийский агат. Технология изготовления показывает, что эти бусины изготовлялись в том же ремесленном центре, что и две крупные бусины, описанные выше. Различия в технологических нюансах (размеры, способ выведения формы) свидетельствуют о широко развитом производстве, а наличие в одном экземпляре смешанного типа сверления – металлической трубкой и алмазным сверлом – показывает, что мастерские начинают осваивать технику сверления алмазным сверлом.

Вокруг левой голени скелета 9 – бисеринки из стекла или пасты (15 шт.), они лежали в два ряда. У правой стопы скелета 10 был зафиксирован один ряд бисера, по составу аналогичный вышеописанному (не сохранился). Вероятно, это ножные браслеты.

Крупные бусины вокруг кистей рук скелета 13 были нанизаны на кожаный ремешок (его фрагменты сохранились в каналах бус). В скоплении каменного стекляного и костяного бисера у шеи отчетливо прослеживались пять линейных рядов, переплетенных между собой. Вероятно, из бисера было составлено шейное ожерелье,





а из бус – браслеты. Овальное скопление бисера (14×7 мм) у левого локтя и левого предплечья имело плоскостное расположение. Можно предположить, что бисер использовался для расшивки одежды.

Браслет с правого запястья состоял из шести бус (целыми сохранились пять):

- бусина (рис. 1, 18) в форме сжатой сферы; диаметр 18 мм, высота 12 мм, диаметр отверстий 4 мм. Сделана из красного железняка (рудный минерал железа) – порошокидная (сыпется, при растирании размазывается) порода кирпично-красного цвета с белыми вкраплениями, состоит преимущественно из гематита, гидрогематита, в меньших количествах присутствуют окислы алюминия и мушкетовит;

- бочковидная бусина (рис. 1, 19) из черно-желтого стекла; длина 15 мм, диаметр 12 мм, диаметр отверстий 4–4,5 мм. Бусина орнаментирована: на черном фоне волнистые желтые полосы;

- рубленая бочковидная агатовая бусина (рис. 1, 20); длина 12 мм, диаметр 7 мм, диаметр отверстий 1,5 мм. Торцевые грани резанные, полированные, сверление одностороннее алмазным сверлом. Рисунок камня: черно-белые поперечные полосы. Камень непрозрачный;

- круглая меловая бусина (рис. 1, 21) с каннелюрами; высота 11 мм, диаметр 12 мм, диаметр торцевых граней 6 мм, диаметр отверстий 3 мм;

- бусина из синего стекла (рис. 1, 22); диаметр 9 мм, высота 7 мм, диаметр отверстий 5 мм. Поверхность кривогранная, поперечное сечение цветок с семью лепестками;

- глазчатая сине-белая стеклянная бусина фрагментирована.

Браслет с левого запястья состоял из пяти бус:

- стеклянная бусина (рис. 1, 13) в форме сжатой сферы из голубовато-зеленого прозрачного стекла; диаметр 15 мм, высота 13 мм, диаметр отверстий 4 мм. Торцевые грани выделены, диаметр 12 мм;

- шаровидная агатовая бусина (рис. 1, 14); диаметр 16 мм, высота 15 мм, диаметр отверстий 4 мм. Торцевые грани выделены, диаметр 13 мм;

- мраморная шаровидная бусина (рис. 1, 15); диаметр 17 мм, высота 15 мм, диаметр отверстий 4 мм. Торцевые грани выделены, диаметр 8 мм;

- бочковидная бусина (рис. 1, 16) из черно-желтого стекла; длина 15 мм, диаметр 12 мм, диаметр отверстий 4–4,5 мм. Бусина орнаментирована: на черном фоне волнистые желтые полосы;

- кубическая со сглаженными краями бусина (рис. 1, 17) из черно-желтого стекла; длина 15 мм, ширина 15 мм, диаметр отверстий 4 мм. Поверхность орнаментирована: на черном фоне волнистые желтые полосы.

У левого запястья скелета 14 найдены две бусины, использованные, вероятно, для расшивки рукава:

- первая из глухого синего стекла (рис. 1, 23), имеет форму сжатой сферы; диаметр 8 мм, высота 7 мм, диаметр отверстий 3,5 мм;

- другая (рис. 1, 24) – удлиненная в форме усеченного конуса (веретенообразная) трубочка из черно-желтого стекла, с орнаментом в виде поперечных прямых и волнообразных колечек. Ее длина 24 мм, диаметр в средней части 7 мм, диаметр отверстий 3 мм.

Курган 1, погребение 4. Погребение являлось впускным в насыпь кургана. Умершая лежала в подбойной нише. В районе шейных позвонков под позвоночником и ключицами скелета были расчищены мелкие каменные, стеклянные и пастовые бусы и бисер. Их расположение позволяет предположить, что они использовались для расшивки ворота одежды. Сохранились пять каменных и пять стеклянных бус, одна бисерина:

- трубчатая бусина-пронизь (рис. 1, 26) из прозрачного желто-оранжевого сердолика имеет поперечное сечение – квадрат. Размеры: длина 9 мм, ширина 2,5 мм, диаметр отверстий 1,5 мм. Сверление двустороннее алмазным и трубчатым сверлом;

- сферическая бусина (рис. 1, 27) из просвечивающего оранжевого сердолика. Размеры: диаметр 5 мм, диаметр отверстий 1,5 мм, сверление одностороннее с до-сверливанием (1 мм) алмазным сверлом. Отверстия просверлены на круглых шлифованных площадках, после сверления тщательно выполированы;

- сферическая бусина (рис. 1, 28) из прозрачного желтоватого сердолика имеет обозначенные резанные торцевые грани. Размеры: диаметр 6 мм, диаметр торцевых



Рис. 1 Украшения из погребений могильника Филипповка 2. Курган 1: 1, 2 – бусы из заполнения погребения 2; 7 – ожерелье из придонной части погребения 2 под перемещенными скелетами; 4–6, 8–12 – бусы, найденные возле скелетов 9 и 10; 13–22 – бусы, найденные возле скелета 1; 23, 24 – бусы, найденные возле скелета 14; 25 – бусы из погребения 6; 26–36 – бусы из погребения 4. Курган 2: 37–42 – бусы из погребения 6

граней 4 мм, диаметр отверстий 1,5 мм. Сверление двустороннее алмазным и трубчатым сверлом, каналы коаксиальны под углом;

- рубленая агатовая бусина (рис. 1, 29), имеет форму усеченного с краев эллипсоида, резанные приполированные торцевые грани. Размеры: длина 6 мм, диаметр средней части 3 мм, диаметр отверстий 1 мм. Сверление одностороннее алмазным сверлом. Рисунок камня: поперечные черно-бело-коричневые полосы;

- трубчатая агатовая бусина (рис. 1, 30), имеет поперечное сечение – круг, шлифованные и полированные торцевые грани. Размеры: длина 8 мм, диаметр в средней части 2 мм, диаметр отверстий 1 мм. Сверление двустороннее алмазным сверлом. Рисунок камня: поперечные черно-коричневые полосы;





– две сферические бусины (рис. 1, 31, 36) из прозрачного стекла с внутренней позолотой. Размеры: диаметр 4–5 мм, диаметр отверстий 1,5 мм;

– костяная глазчатая бусина (рис. 1, 32) дисковидной формы. Размеры: диаметр 4,5 мм, высота 4 мм, диаметр отверстий 1 мм. Глазки представлены резаным кругом с точкой в центре;

– одна дисковидная бисерина (рис. 1, 33) белого цвета. Размеры: диаметр 3 мм, диаметр отверстия 1 мм, высота 1,5 мм;

– две бусины (рис. 1, 34, 35) из непрозрачной желтоватой пасты. Имеют формы сжатой сферы (диаметр 5 мм, диаметр отверстий 1,5 мм) и короткого цилиндра (диаметр 4,5 мм, высота 5 мм, диаметр отверстий 1,5 мм).

Курган 1, погребение 6. Погребение являлось впускным в насыпь кургана. Умершая лежала в подбойной нише. В районе шейных позвонков находилось ожерелье (рис. 1, 25) из однотипных бус (19 шт.). Каждая бусина сделана из золотой фольги, натянутой на органическую основу (вероятно, дерево, пропитанное смолой), в центре которой имеется сквозное отверстие. Форма сферическая кривоугловая: на поверхности выделяются восемь ребер. Размеры: диаметр 8–9 мм, диаметр отверстия 1,5–2 мм.

Курган 2, погребение 6. Помимо центрального в кургане находились пять впускных погребений, расположенных по кругу вокруг ямы центрального погребения. Бусы найдены в единственном нетронутым женском погребении. Под черепом были расчищены двадцать четыре бусины, из них пять сохранились во фрагментах, форма определялась по контуру при расчистке:

– две бусины имели шаровидную форму (диаметр 6–7 мм), сделаны из яркого зеленого стекла;

– три бусины имели форму шестигранной призмы (идентичные целые экземпляры, см. фото 2788, 2789; Яблонский, 2013, с. 208), одностороннее сверление широкого канала (диаметр отверстий 3 мм) трубчатым сверлом, длина 10–12 мм и были сделаны из голубовато-зеленоватого прозрачного флюорита (рентгенофазовый анализ, лаборатория ИГЕМ РАН). Визуально минерал похож на стекло. Отличия от стекла: меньшая твердость (по шкале Мооса 4), хрупкость, отсутствие пленок иризации и патины, повышенная трещиноватость при сохранении прозрачности и однородной окраски.

Остальные девятнадцать бусин (рис. 1, 37–42) сделаны из материала, визуально неотличимого от прозрачного стекла. Микроскопия и качественный микрохимический анализ показали, что это хризолит – минерал с анизотропией цвета в желтых, желто-зеленых и буро-оливковых тонах, прозрачный. Основные отличия от стекла: твердость по шкале Мооса 6,5–7 (тверже стекла, особенно выветрелого), беловатый или буроватый налет, не скрывающий прозрачности камня, отсутствие пленок иризации, кристаллическая структура, порошок минерала реагирует с концентрированной серной кислотой, давая коллоидный буроватый осадок (аморфный кремнезем).

Для всех бус характерна одинаковая технология изготовления: сверление одностороннее и двустороннее металлической трубкой (диаметр отверстий 1,5–2 мм), поверхность практически не шлифована, приполирована, сохраняет природные неровности окатанной гальки, поэтому форма грубоватая:

– четырнадцать бусин (рис. 1, 37), имеют форму окатанных природных кристаллов (прослеживается форма четырехгранной призмы). Размеры: длина 7–11 мм, ширина грани 3–5 мм, поперечное сечение – четырехугольник;

– две бусины (рис. 1, 38, 40) в форме ромбоэдра; длина 6 мм, высота 7 мм, поперечное сечение – ромб;

– бусина (рис. 1, 42) в форме уплощенного ромба; длина 5,5 мм, высота 7 мм;

– подвеска (рис. 1, 39), имеет грубоватую форму четырехгранной усеченной пирамиды с отверстием в верхней части. Размеры: высота 11 мм, основание – четырехугольник со сторонами 5 и 3,5 мм;

– подвеска в форме зуба (рис. 1, 41) с отверстием в широкой части, продольное сечение имеет треугольные очертания, поверхность тщательно полирована. Размеры: длина 11 мм, ширина в месте сверления 3 мм.

В погребениях могильника Филипповка 2 найдены семьдесят пять бусин, не считая бисера и серебряных пронизок ожерелья. Среди них преобладают каменные (40 шт.) – 53,4%; соотношение металлических (19 шт.) и стеклянных (15 шт.) близкое – 25,4 и 20%; бусы из кости единичны – 1,45%. Установленные аналогии с появлением

и распространением выделенных типов каменных бус на Кавказе, Памире, в Северном Причерноморье, Средней Азии, Индии, Месопотамии и Персии позволяют установить их возможное происхождение. Анализ распределения выделенных типов бус в наборах ранних кочевников Южного Урала позволяет предположить очередность появления определенных бус в этом регионе.

Подвеска из синего стекла в форме кувшинчика (рис. 1, 1). Аналогичные подвески из стекла разного цвета широко распространены в курганах Приднепровья и Побужья в погребениях IV в. до н.э. (Онайко, 1970, табл. XLIII). Обширное их распространение в Ольвии и окружающих могильниках V–II вв. до н.э. позволяет предположить их производство в городах Северного Причерноморья (Граков, 1954, с. 149; Онайко, 1970, с. 55). На Южном Урале такие подвески известны среди бус курганной группы Победа, курган 3, погребение 4 IV в. до н.э. (Аникеева, Таиров, 2013, с. 58), могильников Покровка 10, курган 4, погребение 2 прохоровского времени (Яблонский, 1996, рис. 70, 7) и Сегизсай II, курган 1, погребение 6 IV–III вв. до н.э. (раскопки А.А. Бисембаева, 2012), Бережновка II, курган 65, погребение 8, Матвеевский курган 3 (Мошкова, 1963, с. 17). Следовательно, они появляются на Южном Урале в IV в. до н.э. (погребения Победы и Сегизсай II) и встречаются среди бус в прохоровское время (погребение Покровка 10). В более ранних наборах они встречаются вместе с каплевидными подвесками и удлиненно-эллипсоидными бусами из сердолика и сердоликового оникса (набор из Победы), в прохоровское время они единичны и встречаются со стеклянными бусами. Отмечу, что при определении материала подвесок установлено, что в погребениях Сегизсай II и Победы подвески аналогичной формы сделаны преимущественно из зеленовато-желтого флюорита, а стеклянные подвески, идентичные античным, единичны. Это свидетельствует о копировании данной формы в IV в. до н.э. азиатскими ремесленниками, так как месторождения флюорита локализованы преимущественно в Азии: Бэрх, Хондор-Умх и другие месторождения Восточно-Монгольского флюоритового пояса (Монголия); Кондомское, Таштагольское (Горная Шория); Такоб, Магоф (Таджикистан), месторождения в районе Чаткальского заповедника (Узбекистан), Хайдаркан (Киргизия), Таскайнарское и Бадамское месторождения (Казахстан).

Шаровидные бусы из мела и мрамора (рис. 1, 2, 3, 21) имеют следующие технологические особенности: их поверхности каннелированы, и они сверлены металлической трубкой. Округлые бусы из мела и мрамора, распространенные в Северном Причерноморье в V–II вв. до н.э. (Алексеева, 1982, с. 29), сверлены, как правило, металлическим штырем, и каннелированная поверхность отмечена на двух мелких бусинах другой формы (Алексеева, 1982, табл. 44). Сверление камня медной трубкой применяется в Месопотамии с конца IV тыс. до н.э. (Gorelick, Gwinnett, 1978, p. 42–43). Каннелированные бусы из лазурита, гематита халцедона и кварца известны в наборах бус ахеменидского времени из Ура и Суз. Мел и мрамор традиционно использовались для декоративных работ в Месопотамии, Вавилоне и Ассирии. Можно предположить, что такие бусы производились в этих регионах.

Сферические бусины из мрамора и гагата (рис. 1, 14, 15), сверленные металлическим штырем, начинают поступать в Северное Причерноморье из средиземноморских стран и Северного Кавказа в VI–V вв. до н.э. Они не пользуются популярностью у жителей мегаполисов и уходят к кочевникам в степь (Алексеева, 1982, с. 45–46). Вероятно, оттуда они и попадают на Южный Урал. Крупные (граненая и бороздчатая) гагатовые бусины появляются на Южном Урале в IV в. до н.э. (Филипповка 1, к 16, п. 2; к. 17, п. 1), распространены в погребениях конца IV – II в. до н.э. (могильники Прохоровка, Шумаево, Бердянка) вместе с рублеными гагатовыми бусами, бисером, стеклянными бусами.

Бусы из коричневого стекла с линейно-волнистым желтым орнаментом (рис. 1, 16, 17, 19, 24) на Южном Урале были распространены с конца V до II в. до н.э. включительно (наборы из Лебедевки V, Филипповки 1, Новоорского могильника, Мечет-Сая, Покровки 2 и 7, Быково, Ново-Никольского). Их обычная ассоциация – разнообразные стеклянные бусы и единичные рубленые агатовые или сардеровые бусы индийского происхождения, по технологии аналогичные бусине 20 (рис. 1). В курганах конца IV – II в. до н.э. они единичны, и с ними нет крупных бус из белого камня. Наборы из Филипповки 2 наиболее близки по типологии к бусам из могильника Лебедевка V (к. 9, п. 5), датированному концом V – IV в. до н.э. (Железчиков,





Клепиков, Сергацков, 2006, рис. 27, 4–23). Отличие заключается в том, что среди изученных бус имеется сферическая гагатовая бусина с гладкой поверхностью. Поскольку крупные гагатовые бусы появляются на Южном Урале в IV в. до н.э., а бусины, идентичные изученной, найдены в погребениях конца IV – III в. до н.э. (могильник Прохоровка, к. Б, п. 1, 3), то наборы бус при скелете 13 из погребения 2 кургана 1 можно отнести ко времени не ранее второй половины IV в. до н.э.

Сферическая бусина из сардера (рис. 1, 4). Такие бусы в курганах V–IV вв. до н.э. на Южном Урале единичны (Филипповка 1, к. 3; к. 16, п. 2; Кичигино, к. 2, п. 7; Четыре Мара, гр. 2, к. 20) и встречаются в ассоциации с эллипсоидными бусами из сердоликового оникса, кривоугонными бусами, мелкими сферическими сердоликовыми бусами. Их количество возрастает в погребениях конца IV – II в. до н.э. (могильники Прохоровка, Шумаево, Бердянка): из них составлены ожерелья, в браслетах они встречаются вместе с бусами из гагата и янтаря (тип 27, Аникеева, 2011, с. 136). Их широкое распространение на Кавказе с конца IX по V в. до н.э., минералогические характеристики камня и способ сверления позволили Г.Г. Леммлейну предположить, что они производились в ремесленном центре, предположительно находившегося к югу от древней Мцхеты (Леммлейн, 1951, с. 18). Как совершенно справедливо считала С.А. Трудновская, верхняя дата (V в. до н.э.), указанная Г.Г. Леммлейном для многих типов сердоликовых бус Кавказа, отражает лишь время прекращения их распространения на Кавказе, а не прекращения их производства (Трудновская, 1979, с. 108).

Скарабеоидные бусы-пронизы из полосчатого агата (рис. 1, 5, 6, 11) по размерам, разновидности камня и технологии изготовления близки к скарабеоидным бусам из агата, оникса и сардоникса, широко распространенным в Сузах и Уре в погребениях ахеменидского времени (Rehm, 1992, s. 94–95, 107–108, 395; Woolley, 1962, pp. 113, 123–125, 128). Данная разновидность формы, сделанная из агата, среди уральских раннесарматских бус замечена впервые. Бусы-пронизы скарабеоидной формы из красно-оранжевого сердолика, горного хрусталя, яшмы найдены в наборах Кичигино, курган 2, погребение 7; Филипповка 1, курган 1; курган 15, погребение 4; Мечетская, курган 8, погребение 5; в кургане Темир, погребение 2; Казачья Губерля, курган 3, погребение 5 (см. тип 16 в: Аникеева, Бытковский, 2013, с. 286–303). Они все отличаются более крупными размерами (длина 21–28 мм), имеют характерную четко выведенную форму: плоскую нижнюю грань, выраженную линзовидную верхнюю грань, отчетливые, скошенные вниз торцевые грани. В прохоровских курганах (к. 3) размеры их уменьшаются, а форма таких бус уплощается и сглаживается: торцевые грани слабо обозначены, не выдержаны или отсутствуют, верхняя и нижняя грани имеют легкий линзовидный изгиб или уплощены.

Существует мнение, что после завоевания персами Египта наиболее употребляемой среди каменных печатей с IV в. до н.э. становится форма скарабея вместо традиционной цилиндрической (Woolley, 1962, p. 103). Очевидно, производились на территории ахеменидского Ирана с импортом формы скарабея из Египта в Персию. При массовом производстве таких бус происходит трансформация и сглаживание формы, что, безусловно, уменьшает время и облегчает процесс изготовления одной бусины.

Бусы-пронизы линзовидной формы (рис. 1, 9, 10) в зарубежной литературе получили название «глаз из камня» (eye stone). Их находят оправленными в золото, и нижние грани таких бус часто декорированы вотивными надписями. Широко распространены в ахеменидской Персии в Персеполе (Schmidt, 1957, pp. 76–78), в Сузах (Rehm, 1992, s. 94–95, 107–108, 391) и Пасаргадах (Stronach, 1978, pp. 206–207). Начинают производиться еще в Ассирии и Вавилоне, в ахеменидское время их производство широко развивается на территории Персии, о чем свидетельствует многообразие технологических приемов выведения данной формы. Безусловно, являлись оберегами от сглаза.

Аналоги на Урале установлены в погребениях IV в. до н.э. Мечетская (к. 8, п. 5), Новоорском могильнике (к. 10, п. 1); в погребениях III–II вв. до н.э. не обнаружены.

Наличие среди бус погребения 2 поздних форм скарабеоидных бус, крупной гагатовой бусины, отсутствие удлиненных эллипсоидных бус из сердоликового оникса позволяют датировать данные бусы второй половиной IV в. до н.э.

Мелкие бусы из кургана 1, погребение 4

Трубчатая бусина-прониз, поперечным сечением которой является квадрат (рис. 1, 26). Такие бусы появляются на Урале в VI в. до н.э. (Тара-Бутак, к. 2; Смирнов, 1964, с. 311), распространяются в течение IV в. до н.э. (Новый Кумак, к. 13, п. 1; Филипповка 1, к. 16, п. 3; Алимбай VII, депаспортизованы) и исчезают в начале III в. до н.э. (Старые Кишки, к. 13, п. 10; Мошкова, 1963, с. 52, таб. 30, 44). По этим бусам четко прослеживается эволюция технологии изготовления и использования определенных сортов сердолика в течение времени: от крупных экземпляров длиной до 25 мм, сверленных металлическим штырем и сделанных из матово-просвечивающего красно-белого сердолика, в ранних экземплярах до мелких бус длиной 8–11 мм, сверленных металлической трубкой и алмазным сверлом и сделанных из прозрачных желтых, оранжевых и красных индийских сердоликов, в поздних экземплярах.

Отсутствие таких бус в Индии (единичные экземпляры из лазурита найдены в слоях V в. до н.э.), широкое распространение их на Переднем Востоке, разнообразие материалов, применяемых для их изготовления (сердолик, агат, лазурит, кальцит и кварц), грубоватость выведения формы, эволюция способов сверления отверстий показывают, что в ахеменидское время такие бусы производятся иранскими мастерами (см. тип 10б в: Аникеева, Бытковский, 2013, с. 286–303).

Трубчатые бусы-пронизы, поперечным сечением которых является круг (рис. 1, 29, 30), относятся к рубленным бусам, производившимся в западной Индии со II тыс. до н.э. до III в. до н.э. От более узких и мелких бус такой формы, производившихся в Египте, их отличают способ сверления и минералогические характеристики камня (см. тип 10а в: Аникеева, Бытковский, 2013, с. 286–303).

Мелкие сферические бусы из сердолика (рис. 1, 27, 28) характеризуются совершенной техникой обработки и сверлением отверстий алмазным сверлом. Они производились в Индии во II и I тыс. до н.э. и попадали на Южный Урал через Среднюю Азию (Аникеева, 2012, с. 186). На Южном Урале они появляются в IV в. до н.э. (Акоба, к. 1, п. 3, скелет 1) и были распространены до II в. до н.э.

Среди стеклянных бус надо отметить мелкую *бесцветную бусину с внутренней позолотой* (рис. 1, 36). Такие бусы появляются на Южном Урале в конце IV в. до н.э. и были распространены по II в. включительно (Мошкова, 1963, с. 46, таб. 30).

Присутствие в данном наборе стеклянной бусины с внутренним золочением, а также отмеченная эволюция трубчатой формы сердоликовых бус-пронизей (от более крупных в ранних экземплярах до мелких в более поздних) позволяют датировать этот набор концом IV – началом III в. до н.э.

Бусы из золотой фольги, натянутой на округлую рифленую основу (рис. 1, 25). История этого типа бус детально разобрана Б.А. Литвинским (Литвинский, 1973, с. 162). Он считал, что они воспроизводят форму лотоса, что предполагало их магическое значение. Они появляются в Египте во время Первой династии, характерны для птолемеевского Египта, встречались в этрусских гробницах. Также известны на территории Италии с IV в. до н.э. по VI в. н.э., где эволюция данной формы заключается в постепенном увеличении числа долек, расширении отверстия, так что поздние экземпляры имеют вид каннелированного стерженька. Известны находки таких бус в Китае, Корее, Японии, но точные датировки для них отсутствуют.

В Египте подобные бусы распространяются в последней трети IV в. до н.э., а потому вероятное их появление на Южном Урале – не раньше конца IV – III в. до н.э.

Бусы флюоритовые восьмигранные (см. фото 2788, 2789, Яблонский, 2013, с. 208) редки не вследствие того, что не встречаются, а потому, что в исследованных мною наборах они были определены как стеклянные или пастовые. На Южном Урале аналоги найдены в могильниках Филипповка 1 (к. 29, п. 2; к. 3, п. 1; к. 4, п. 5) и Лабызы (к. 2, п. 4) и датируются IV в. до н.э., Алимбай VII (депаспортизованы) и в могильнике Свистунка I, где датируются концом IV – началом III в. до н.э. (Бытковский, 2012, с. 39). В могильнике Мечет-Сай (к. 7, п. 8) крупные флюоритовые бусы имеют другую форму – веретенообразную (форма усеченного биконуса).

Вкупе с ними обнаружены хризолитовые бусы, индийские каменные бусы, но отсутствуют эллипсоидные удлиненные бусы из сердоликового оникса персидского происхождения. Это позволяет предположить, что они являются одной из поздних форм бус и появляются на Южном Урале не ранее второй половины IV в. до н.э., а возможно, и позднее.





Основные месторождения флюорита находятся в Монголии, Средней Азии, Китае: Бэрх, Хондор-Умх и другие месторождения Восточно-Монгольского флюоритового пояса (Монголия); месторождения провинций Хубэй, Чжэцзян, Шаньдун и Внутренней Монголии в Китае; Кондомское, Таштагольское (Горная Шория); Такоб, Магоф (Таджикистан), месторождения в районе Чаткальского заповедника (Узбекистан), Хайдаркан (Киргизия), Таскайнарское и Бадамское месторождения (Казахстан)

Такие бусы не встречаются в одновременных наборах бус в Индии и Персии. Они делались для имитации индийских кристаллических бус из аметиста и берилла и, вероятно, производились в среднеазиатских ремесленных центрах.

Мелкие хризолитовые бусы (рис. 1, 37–42). В курганах конца V – IV в. до н.э. определены единичные аналоги призматическим и ромбоэдрическим бусам из этого набора: могильники Лабызы (к. 2, п. 2, 4), Филипповка 1 (к. 4, п. 4, 5); курган 16 (п. 2); курган 28 (п. 1); Новый Кумак (к. 17, п. 1); курган 4 у Телевышки (Орск). Для таких наборов характерно отсутствие каплевидных подвесок и удлиненно-эллипсоидных бус из сердоликового оникса персидского происхождения, которые являются ранними группами бус для этого времени. Они встречаются с каменными глазчатыми (см. типы 4 и 7, Аникеева, Бытковский, 2012), кривоугловыми (см. тип 47; Аникеева, 2011) и гранеными флюоритовыми и стеклянными бусами. Однако наиболее близки к этим бусам по форме, количеству и ассоциации бусы из набора могильника Свистунка 1, где они убедительно датируются концом IV – III в. до н.э. (Бытковский, 2012, с. 40). Это позволяет предположить, что погребение 6 из кургана 2 тоже относится к этому времени. Они редки, так как в исследованных мною наборах были определены как стеклянные или пастовые.

Технологический анализ показал, что такие бусы производились в одном ремесленном центре. Хризолит – редкий минерал, и его месторождения единичны. Древние выработки хризолита известны на о. Зебергет в Красном море (Египет), в местности Шаварын-Царам (Северная Монголия), в Гималаях (Пакистан, Афганистан), в Шиимских горах (Южный Урал).

Египетское месторождение начинает разрабатываться позднее – в римское время (Ферсман, 1954, с. 146). Такие бусы отсутствуют в одновременных наборах бус в Индии, Иране и на Переднем Востоке.

Преобладание хризолитовых бус и подвесок в найденном ожерелье (19 шт.), наличие среди них бус и подвесок разной формы, сделанных из одинакового минерала и изготовленных в одном ремесленном центре, является признаком малоразвитого производства, расположенного в ближних районах (Леммлейн, 1950, с. 167). Поэтому не исключена вероятность того, что эти бусы изготовлены из уральского хризолита местными мастерами либо из азиатского хризолита в одном из близлежащих среднеазиатских ремесленных центров.

В курганах кочевников V–IV вв. до н.э. такие бусы единичны и встречаются в ассоциации с каменными глазчатыми бусами, мелкими гранеными и стеклянными бусами. Аналог данного набора бус, в котором преобладают хризолитовые, найден в погребении могильника Свистунка 1 и датирован концом IV – III в. до н.э. Это позволяет с уверенностью датировать бусы из погребения 6 кургана 2 этим же временем.

Анализ технологии изготовления изученных бус, найденных аналогий по каменным бусам этого времени на Кавказе, в Средней Азии, Северном Причерноморье и на Памире, в Индии и Персии, и характера их распределения в раннесарматских курганах Южного Урала позволяет предположить возраст бус из кургана 1 погребения 1 не ранее второй половины IV в. до н.э., а бус из погребения 6 кургана 2 и погребений 4 и 6 кургана 1 – не раньше конца IV – III в. до н.э.

Литература

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. САИ. – М.: Наука, 1982. – Вып. Г1–12. – 104 с.
- Аникеева О.В. Минералогическое и технологическое изучение каменных бус из могильника Филипповка 1 // Естественнонаучные методы в изучении Филипповского 1 могильника. МИАР. – М.: Таус, 2011. – Вып. 14. – 189 с.
- Аникеева О.В. Украшения ахеменидского круга из цветного камня (на примере изучения каменных бус из курганов ранних кочевников Южного Приуралья) // Влия-

ния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.) – М.: Таус, 2012. – С. 168–188.

Аникеева О.В., Бытковский О.Ф. Происхождение и распределение каменных бус из погребений конца V – IV в. до н.э. из погребений Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – А.Д. Таиров, Н.О. Иванова (ред.). – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 286–303.

Аникеева О.В., Таиров А.Д. Распределение каменных бус в раннесарматских курганах Южного Урала // Материалы Всероссийской археологической конф. «XIX Уральское совещание». – ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2013. – 179 с.

Бытковский О.Ф. Среднеазиатский «след» в погребальном обряде ранних кочевников Южного Урала (по материалам Свистунского I могильника) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 7 (21). – Ч. II. – С. 38–44.

Граков Б. Н. Каменное городище на Днепре // МИА – М.: Наука, 1954. – 296 с.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (IV–II вв. до н.э.) – М.: Восточная лит-ра, 2006. – 159 с.

Леммлейн Г.Г. Каменные бусы из Самтаврского некрополя // Материалы по истории Грузии и Кавказа / Под ред. А.А. Иессена. – Тбилиси, 1951. – Вып. 29. – С. 196–214.

Леммлейн Г.Г. Опыт классификации форм каменных бус // КСИИМК. – М.–Л., 1950. – Вып. XXXII. – С. 157–172.

Литвинский Б. А. Украшения из могильников западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. – М.: Наука, 1973. – Вып. III. – 226 с.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // Археология СССР. САИ. – М.: Наука, 1963. – Вып. Д1–10. – 53 с.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. // Археология СССР. САИ. – М.: Наука, 1970. – Вып. Д1–27. – 210 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы. Ранняя история и культура сармат. – М.: Наука, 1964. – 367 с.

Труновская С.А. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-Гыр // Кочевники на границах Хорезма: Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции / Под ред. С.П. Толстого. – М., 1979. – Т. XI – С. 101–111.

Ферсман А.Е. Очерки по истории камня. – М.: АН СССР, 1954. – Т. 2. – 744 с.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Каталог коллекции – М.: ИА РАН, 2013. – 231 с.

Яблонский Л.Т. Отчет о раскопках кургана 1 могильника Филипповка 2 в 2012 году. – М., 2012. – Т. 1. – 121 с.

Яблонский Л.Т. Новые раскопки могильника Филипповка 1 // Естественнонаучные методы в изучении Филипповского 1 могильника. – М.: Таус, 2011. – С. 7–19.

Яблонский Л.Т. Курганы Левобережного Илека. – М., 1996. – Вып. 4. – 152 с.

Beck H.C. The beads from Taxila // Antiquity, vol. XVIII, № 72, 1944, pp. 48–59.

Gorelick L., Gwinnett A.J. Ancient seals and modern science // Expedition winter 1978. – pp. 38–47.

Rehm E. Der schmuck der Achaemeniden // Altertumskunde des Vorderen Orients. – Ugarit-Verlag, Munster, 1992. – 436 s.

Schmidt E.F./ Persepolis II // Contents of the treasury and other discoveries. – Vol. LXIX. – Chicago-Illinois, 1957. – 249 p.

Stronach D. Pasargadae // A report on the excavations conducted by the British institute of Persian studies from 1961 to 1963. Oxford, 1978. – 287 p.

Woolley L., with a contribution by Mallowan M.E.L. Ur excavations. Vol. IX // The Neobabylon and Persian periods. – London, 1962.

Аникеева О.В.

Филипповка 2 қорымының ертесарматтық жерлеуінен алынған моншақ жиынтықтары

Әйнек моншақтардың арасында минералогиялық сипаттамалары бойынша хризолит пен флюориттен жасалған тас моншақтар анықталды. Моншақтарды зерттеген кезде минералогиялық-технологиялық талдауды қолдану дайындау технологиясы бойынша оларды белгілі бір түрлерге бөлуге сеп болады. Моншақтардың осы замандағы Индия мен Персияда, Орталық Азияда, Солтүстік Қара теңіз өңірінде, Кав-





каз бен Памирде табылған моншақтарға ұқсастығын талдау осы моншақ түрлерінің өндірілуі ықтимал орталықтарын болжауға мүмкіндік береді. Олардың жіктелу сипатына талдау жасау Оңтүстік Оралда 2-қабірдің 1-обасындағы моншақтардың пайда болған уақыты – ерте дегенде б.д.д. IV ғ. екінші жартысы, 4 және 6-қабірлердің 1-обасындағы және 6-қабірдің 2-обасындағы моншақтардың пайда болған уақыты ерте дегенде б.д.д. IV ғ. аяғы–III ғ. екенін көрсетеді.

Anikeeva O.V.

Beads Collections from Early Sarmatian Burial of Filippovka 2

Mineralogical analysis has revealed that among beads from the Early Sarmatian burials of Filippovka 2, some of them were manufactured from stone, particularly in olivine (peridot) and fluorite. A mineralogical and technological study allowed to classify all beads according to manufacturing techniques. The analysis of similar and coeval beads from India, Persia, Middle Asia, the northern shore of the Black Sea, Caucasus and Pamir, allows to hypothesise the manufacture centres. The geographic distribution of the beads suggests that those from the burial 2 of the barrow 1 appeared in the Southern Urals not earlier than the second half of the 4th century BC, and those from the burials 4 and 6 of the barrow 2 and from the burial 6 of the barrow 2 not earlier than the end of the 4th or the beginning of the 3rd centuries BC.

Гайдученко Л.Л.

СЕМЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ИСТОРИИ КАЗАХСКОЙ ЛОШАДИ

Казахская лошадь – древнейшая порода домашней лошади из всех известных, продолжающая обитать в пределах территории своего формирования по настоящее время. Более того, можно с большой долей вероятности предполагать, что казахская лошадь для ряда восточных пород лошадей является прямым предком. К сожалению, история казахской лошади, основанная на археозоологических материалах разных эпох, пока не написана. Известная работа Ю. Н. Барминцева (1958), рассматривающая заключительные этапы этой истории, базируется на изобразительных, редких письменных источниках и хрониках.

В предлагаемой статье изложены мои представления о предыстории и ранних этапах истории этой породы – живого памятника козволюции Степи и степняков в течение последних семи тысячелетий. Методической основой работы являются разработанные мною методики выявления конституционных особенностей древних лошадей по пястной кости и определения их хозяйственного типа (Гайдученко, 1998; 2002).

Ко второй половине позднего плейстоцена на обширном пространстве Северной Евразии от Оби на востоке до Днепра на западе основные природно-климатические события уже свершились. Здесь, в пределах евразийского степного монолита, сформировались степные и степеподобные ландшафты с соответствующим животным населением. Продолжается адаптация последнего к стабилизирующимся природно-климатическим условиям.

Остающиеся пока в составе фауны плейстоценовые реликты снижают как видовое разнообразие, так и численность. Некогда определяемый ими облик фауны меняется. Доминирующими становятся другие виды, среди которых превалирует группа отряда непарнокопытных, представленная эквидами. Повсеместно в Степи эквиды наряду с представителем мелких полорогих – сайгой составляют основу биомассы копытных.

Такая смена не могла не сказаться на пищедобывающей деятельности многочисленных групп палеолитического населения. Модернизировались охоты – с ловли гигантских травоядных обитатели Степи перешли к охоте на иные виды животных, совокупная биомасса которых, вероятно, несколько не уступала былой совокупной биомассе сдающих свои позиции гигантов, а с учетом более интенсивной реактивности не крупных организмов относительно крупных могла и превышать ее. К концу

плейстоцена – началу голоцена фауна копытных Степи окончательно оформляется. В ее состав стабильно входят четыре вида.

Лошадь, сходная с лошадью Пржевальского, – *Equus (Equus) cf. przewalskii*

Широко распространенный от Монголии на востоке до Урало-Волжского междуречья на западе вид (Каталог..., 1981; Кузьмина, 1997; Форонова, 1990; и др.). Поскольку генетически родство упомянутой лошади с лошадью Пржевальского пока не доказано, она рассматривается как сходная с последней. Вполне допустимо, что это лишь морфологически сходный с лошадью Пржевальского вид, оформлению которого способствовала природно-климатическая обстановка Степи. Под воздействием последних в азиатской части евразийского степного монолита оформляется рассматриваемая *Equus (Equus) cf. przewalskii*, а в европейской – *Equus (Equus) gmelini* Antonius, 1912.

Просуществовала *Equus (Equus) cf. przewalskii* в Степи вплоть до эпохи энеолита включительно (Спасская, Гайдученко, 2006). Обитание в постэнеолитическое время допускается, но отделение останков этого вида от останков не крупных домашних лошадей эпохи средней бронзы проблематично.

Кулан – *Equus (Hemionus) hemionus Pallas, 1775*

Широко распространенный от Монголии на востоке до Украины на западе вид. Представлен разными подвидами. В Казахстане с позднего плейстоцена по начало XX в. обитал наиболее крупный подвид. Постоянный объект охот, в том числе и загонных, от эпохи палеолита до окончательного истребления в Казахстане в 30-е гг. XX в.

Евразийский плейстоценовый осёл – *Equus (Asinus) hydruntinus Regalia, 1762*

Останки этого или очень сходного вида в пределах степной зоны Казахстана обнаружены мною среди кухонных остатков неолитического поселения Жанбобек 4 (западная оконечность Сары-Арки) и энеолитического поселения Ботай (Кокшетауское поднятие). Из всех эквид степной зоны это наиболее редко встречающийся вид.

Сайга (= сайгак) – *Saiga tatarica Linnaeus, 1766*

Широко распространенный в плейстоценовых степях Евразии вид – от Западной Монголии до Англии, в голоцене – до Карпат. В Казахстане обитает по настоящее время. Образует огромные стада – до десятков тысяч особей. Совершает сезонные перекочевки с юга (зимние пастбища) на север Казахстана (родильные территории и летние пастбища).

Объект массовых, в том числе истребительных, загонных охот. Легкость добычи сайги надолго приостановила привитие у населения Сарыарки и Тургай овецодства.

Все вышеозначенные виды являются обязательной добычей охотников эпох палеолита, мезолита и неолита степной зоны Казахстана. Здесь уже к эпохе неолита (стоянка Екидин 24 в Тургае) сформировались племена специализированных охотников на лошадей.

Для определения нижнего рубежа появления домашней лошади – *Equus caballus* Linnaeus, 1758 в пределах Казахских степей немаловажной оказывается тенденция развития настоящих лошадей на протяжении плейстоцена. Она отмечена рядом исследователей для разных степных территорий Евразии. Лошади подрода *Equus* здесь к позднему плейстоцену мельчают. Это происходит в Европе и заканчивается формированием тарпана – *Equus (Equus) gmelinii* (Громова, 1948), в Казахстане – с образованием *Equus (Equus) cf. przewalskii* (Гайдученко, 1995, 1998; Спасская, Гайдученко, 2006), в Кузнецкой котловине – с появлением *Equus (Equus) przewalskii* (Форонова, 1990). Процесс явно носит характер трансконтинентального. Кроме измельчания (снижения высоты особей в холке) он сопровождается усилением стройности конечностей – повышением резвости (Гайдученко, 2009).

Вышеизложенное хорошо иллюстрируется представленной на рисунке 1 схемой. В плейстоцене от каргинского хроноинтервала к сартанскому средние и рослые толстоногие и полутолстоногие формы сменяются средними же и рослыми, но уже среднегониими и полутонконогими (более высокоаллюрными) формами. При этом доля рослых особей в табунах снижается от 76,19% в период каргинского хроноинтервала до 21,73% в период сартанского. В переходный период – эпоху мезолита и,





возможно, мезо-неолита (мезолитический хроноинтервал) ранее проявившаяся направленность в изменении конституции степных диких лошадей продолжает развиваться. К сожалению, явная недостаточность материала (всего три пястные кости) позволяет рассматривать эту направленность пока лишь как тенденцию. Рослость заметно снижается – до малорослых, а тонконогость повышается – до тонконогих форм.

В неолите (s.l.) картина резко меняется. Полутонконогие и тонконогие формы продолжают существовать, но повышают рослость до средних по росту – 40%. Наряду с ними «сразу-вдруг» появляется обособленная группа малорослых и средних по росту, с уклоном в направлении последних – 55,56% толстоногих и полутолстоногих форм.

Столь неожиданное появление низкоаллюрных лошадей на фоне ранее выявленного повышения аллюрности только природными факторами необъяснимо. Никаких резко выраженных изменений природной обстановки в Степи в неолите (s.l.) не наблюдается. Такое внезапное «возвращение» в Степь морфотипов лошади, эволюционно отторгнутых более десятка тысячелетий тому назад в силу исключительно природных факторов, невозможно. Появления в неолите (не позднее чем в среднем, примерно в V тыс. до н.э.) в Казахской степи низкоаллюрных форм лошади, сосуществующих с высокоаллюрными формами, я отношу на счет животноводческой (в данном случае коневодческой) деятельности человека.

Таким образом, в V тыс. до н.э. в пределах Казахских степей появляются первые табуны домашней лошади и первые коневоды. Немаловажным подтверждающим, пусть и дополнительным, фактором в пользу такого утверждения является то, что повсеместно здесь наряду с костями низкоаллюрных форм лошади встречаются кости крупного рогатого скота (неолитические слои стоянки Карамурза 6 и поселения Борлы 4, стоянка Борлы). Именно крупного рогатого скота (его мелкорогой формы), а не мифического «измельчавшего тура». Появление такого тура в голоцене в степях Казахстана невозможно в силу тех же причин, что и появление низкоаллюрных форм дикой лошади.

Древнейшая домашняя лошадь в степях Казахстана характеризовалась средним и малым ростом (высотой в холке) и была толстоногой и полутолстоногой. По предлагаемой мною классификации (Гайдученко, 1998; 2002) это была лошадь примитивного мясного и универсального типов. Преобладали формы примитивного мясного типа – 55,56%.

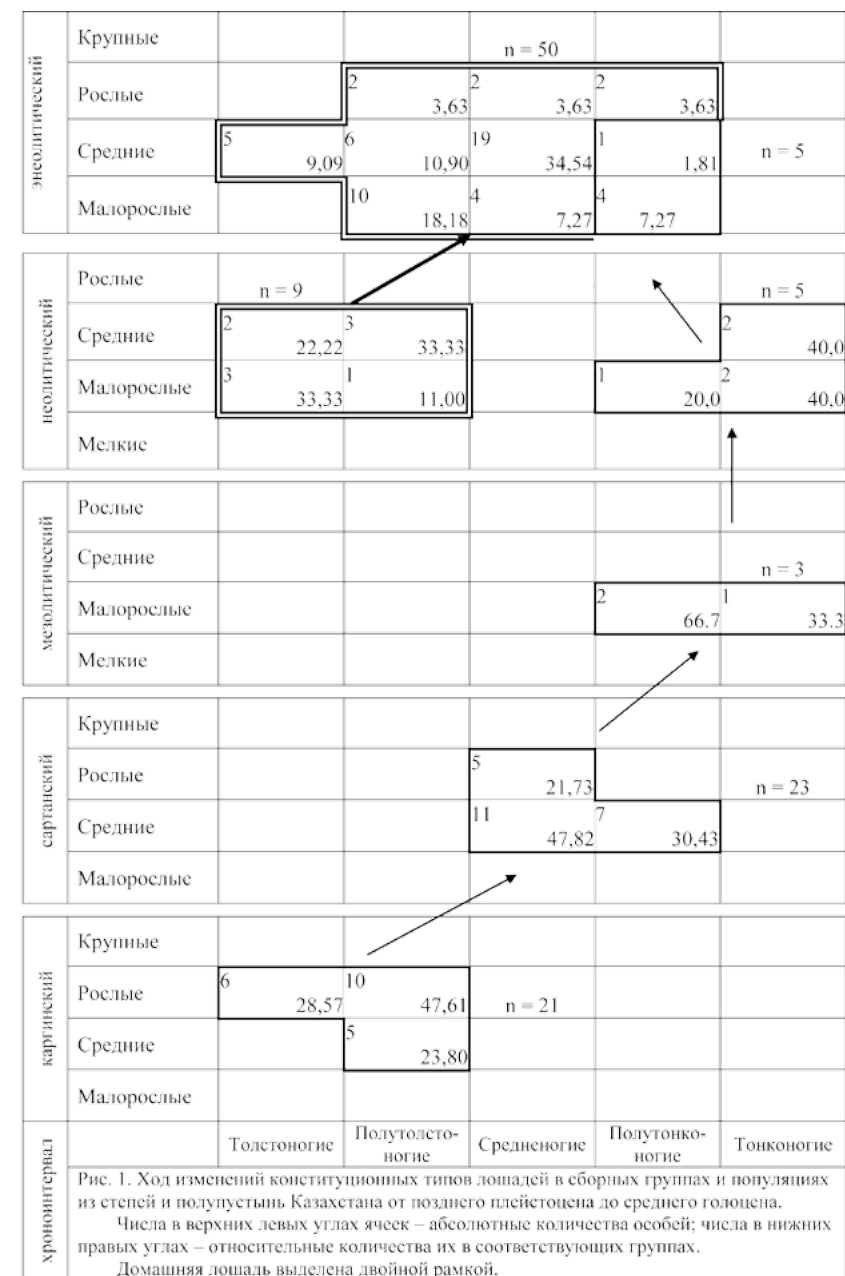
На данном этапе исследований между дикой *Equus (Equus) cf. przewalskii* и домашней *Equus (Equus) caballus* существует разрыв, и эти виды на корреляционной сетке обособлены – рис. 1, неолитический хроноинтервал. Средненогой формы в составе морфотипов как домашней, так и дикой лошади отсутствуют. Вместе с тем я не исключаю, что при дальнейшем пополнении исходного материала – привлечении к исследованиям новых находок пястных костей из неолитических памятников региона наблюдаемая лакуна может быть заполнена. Рассмотрение причин этого – тема если не специального, то все же специфического исследования, в данной работе не предусматриваемого.

Для эпохи энеолита отмечается резкий всплеск формообразования у степных лошадей Казахстана (рис. 1). В группе домашней лошади вместо четырех морфотипов в неолите мы наблюдаем уже минимум восемь морфотипов в энеолите. Это при том, что еще две – малорослая и средняя по росту полутонконогие лошади отнесены к *Equus (Equus) cf. przewalskii*.

В энеолите же появляются рослые лошади – полутолстоногие, средненогой и полутонконогие, доля которых составляет 13,33% от числа форм домашней лошади. Доминируют в энеолите средние по росту средненогой формы – лошади универсального типа – 34,54% из общего количества (n = 55), или 38% из массы домашней лошади (n = 50).

Итак, на протяжении неолита и энеолита в степной зоне Казахстана фиксируются два этапа развития коневодства.

Первый этап – неолитический¹. Характеризуется появлением в степях Казахстана домашней лошади. Основополагающим направлением коневодства этого этапа являлось мясное. Поскольку управление табуном с земли (пешком) невозможно в принципе, то синхронно с домашними лошадьми в Степи появляются первые всадники – табунышники.



Наиболее вероятным направлением, откуда в Степь были приведены первые табуны², является западное.

Второй этап – энеолитический. Домашняя лошадь является основным (Ботай, Борлы 4, Пеньки 2) или одним из основных (Кожай 1, Кумкешу 1, Каинды 3) мясных видов домашних копытных. Уверенно фиксируется селекционная работа в табунах этого времени (пока неясно – намеренная, систематическая или случайная, спорадическая). Качественные составы табунов трех энеолитических памятников, из которых получены достаточно крупные подборки пястных костей, приводятся в таблице 1.





Таблица 1

Представленность хозяйственных типов лошади по данным трех энеолитических памятников из Казахстана

Наименование хозяйственного типа (по: Гайдученко, 1998)	Памятник						В целом (n = 104)	
	Кумкешу 1 (n = 42)		Кожай 1 (n = 22)		Ботай* (n = 40)			
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Примитивная мясная	23	54,76	8	36,36	10	25,00	41	39,42
Универсальная	13	30,95	8	36,36	19	47,50	40	38,46
Захудалая рабочая	1	2,38	2	9,09	3	7,50	6	5,77
Рабочая	–	–	–	–	–	–	–	–
Захудалая верховая	5	11,90	4	18,18	8	20,00	17	16,35
Верховая	–	–	–	–	–	–	–	–

* По неполным данным. Учтены материалы двух первых и трех последних лет раскопок.

Данные этой таблицы хорошо иллюстрируют происходящие в энеолитических табунах процессы. От неолита к энеолиту снижается доля лошадей примитивного мясного типа – от 55,56 до 39,42%; снижается и доля лошадей универсального типа – от 44,44% в неолите до 38,46% в энеолите. Появляются два новых хозяйственных типа – захудалая рабочая и захудалая верховая с преобладанием последней – 5,77 и 16,35% соответственно.

Появление в энеолитических табунах захудалого верхового типа домашней лошади я склонен объяснять интересом древних коневодов к высокоаллюрной лошади – с одной стороны (верхом на такой лошади всегда можно догнать любую другую – как со всадником, на ней сидящим, так и без него, а для сохранения табунов это было немаловажно). С другой стороны, появление некрупной и высокоаллюрной лошади – результат приспособления лошади исходного типа или типов (в нашем случае это примитивная мясная или универсальная лошади неолита) к суровым условиям круглогодичного пастбищного содержания в Степи. Я считаю, что здесь мы имеем дело с тем же эволюционным механизмом, каковой наблюдаем у дикой лошади Степи от середины позднего плейстоцена к голоцену³. Лошадей захудалого рабочего типа в энеолитических табунах я воспринимаю в качестве «побочного продукта» селекционной работы древних коневодов.

Третий этап – ямный (?). К сожалению, эпоха ранней бронзы археологическим материалом от Урала до Иртыша практически никак не представлена. В силу этого образовалась пока ничем не заполненная лакуна, и остается только надеяться на появление соответствующих находок в будущем. Раскопки К. Ю. Кирышина на севере Кулундинской степи (2013–2014 гг.) показывают, что надежды эти не беспочвенны.

Четвертый этап – синташтинский⁴. Ознаменован трансконтинентальным (Европа, Азия, Африка) распространением колесниц, запряженных разными эквидами, в том числе и лошадьми.

В таблице 2 показана представленность хозяйственных типов лошади в эпоху бронзы. В это время в пределах степной зоны Казахстана проявляется большинство выделяемых мною хозяйственных типов лошади. Конкретно для коневодства синташтинского этапа определяющим является широкое распространение лошадей захудалого верхового типа. Это явление обусловлено востребованностью в синташтинское время в лошадях именно такого типа – некрупных, но высокоаллюрных, пригодных для запряжки в колесницы. Почему высокоаллюрных – понятно: для достижения высокой скорости, причем для быстрого набора этой самой скорости.

Мелкотелыми особями это достигается быстрее, чем крупнотелыми, – одно из объяснений относительной некрупности синташтинских колесничных лошадей. Другое – для запряжки в легкую колесницу крупная и мощная лошадь попросту не нужна⁵. В этом случае невысокая, относительно некрупная и высокоаллюрная лошадь, получившая широкое распространение в степях Казахстана, была для древних колесничих просто незаменима. Вполне допустимо, что обилие таких лошадей и привлекло в Зауралье, а затем и в степи Казахстана прасинташтинское население (Гайдученко, Зданович, Малютин, 2010). Впоследствии именно такие лошади, конституционно весьма приближенные к лошади Пржевальского, что вводило в заблуждение исследователей (Marinatos, 1974), стали объектом экспорта из Степи (Гайдученко, 1995).

Поскольку соотношение конституционных типов для табунов лошадей синташтинского этапа выявлялось на археологических материалах не только поселений, но и (в большей мере) на материалах из сопроводительных и поминальных жертвенников, то в адекватности полученной и действительно ранее существовавшей картины могут возникнуть сомнения. Остроту проблемы несколько снимает то, что наряду с лошадьми отборными, высоких эксплуатационных качеств для жертвоприношений нередко использовались табунные лошади – подменные. Это несколько приближает наблюдаемую ситуацию к действительно существовавшей. Кроме того, как правило, в поминальных жертвенниках использовались преимущественно табунные лошади⁶.

Таблица 2

Представленность хозяйственных типов лошади в памятниках степной зоны Казахстана эпохи бронзы

Наименование хозяйственного типа (по: Гайдученко, 1998)	Э т а п ы					
	Синташтинский (n = 33)		Алакульский (n = 26)		Донгальский (n = 42)	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Примитивная мясная	2	6,06	2	7,69	1	2,38
Универсальная	4	12,12	12	46,15	16	38,10
Захудалая рабочая	–	–	–	–	–	–
Рабочая	–	–	–	–	–	–
Захудалая верховая	27	81,82	12	46,15	14	33,33
Верховая	–	–	–	–	14	33,33

В целом от энеолитического этапа к синташтинскому отмечается сокращение в табунах примитивных мясных форм – от 39,42% в энеолите до 6,06% в синташтинское время. Универсальные лошади сокращаются практически втрое – 38,46 и 12,12% соответственно. Рабочая форма лошади исчезает полностью. Доля захудалой верховой увеличивается в два раза – от 16,35 до 33,33% соответственно.

Пятый этап – алакульский. Характеризуется некоторым упадком коневодческой деятельности населения Степи. Это выразилось в выравнивании долей универсальной и захудалой верховой лошади в табунах этого времени – по 46,15%. Немного – с 6,06 до 7,69% повышается доля примитивной мясной формы.

Шестой этап – донгальский. Характеризуется появлением лошади совершенно иного типа – верховой. По моим представлениям, этот тип (= форма) возникает в табунах степняков-коневодов на базе захудалого верхового типа при длительном разведении «в себе» – то есть без «прилития новых кровей». Пример общеизвестен – это выведение кустанайской породы лошадей (Книга о лошади, 1952).

Некоторая стагнация степного коневодства в предшествующее (алакульское) время, снижение подвижности населения этого времени, как мне представляется, и создали предпосылки для реализации тенденции повышения скорости у степных лошадей. Это совпало с возрождавшейся потребностью степных обществ к возобновлению интенсивности передвижений, к широкому распространению верховой езды, требовавшей соответствующего типа лошади. Не исключено, что на самой





заключительной фазе эпохи бронзы в Степи появляются некоторые новые факторы, обусловившие развитие степного коневодства в новом направлении – разведении и воспитании лошади верхового типа.

Седьмой этап – сакский. Ознаменован преобладанием верховых лошадей над всеми остальными хозяйственными типами – 52,00% (табл. 3). Эта величина может быть завышена вследствие того, что использованы материалы исключительно погребальных памятников, но другими, к сожалению, я не располагаю. Второе место на рассматриваемом этапе принадлежит захудалой верховой форме – 30,00%, третье – универсальной – 14,00% и, наконец, последнее четвертое – примитивной мясной – 4,00%.

Таблица 3

Представленность хозяйственных типов лошади в памятниках степной зоны Казахстана от эпохи раннего железного века до XX в. включительно

Наименование хозяйственного типа (по Гайдученко, 1998)	Э т а п ы					
	Сакский (n = 50)		Средневековый (n = 69)		Современный (n = 113)	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Примитивная мясная	2	4,00	6	8,70	6	5,31
Универсальная	7	14,00	24	34,78	20	17,70
Захудалая рабочая	–	–	–	–	2	1,77
Рабочая	–	–	1	1,45	4	3,54
Захудалая верховая	15	30,00	38	55,07	74	65,49
Верховая	26	52,00	–	–	7	6,20

Даже если распространение верховой формы лошади в Степи этого времени рассматривать как тенденцию и 52% ее в табунах считать величиной сильно завышенной, то все равно совокупность захудалой верховой и собственно верховой лошади эпохи раннего железного века в Степи производит впечатление – 82%! Это против 18% совокупности примитивной мясной и универсальной, а также при отсутствии иных хозяйственных типов.

Широкое распространение в эпоху раннего железного века в Евразии всадничества способствовало потребности в высокорослых и высокоаллюрных верховых лошадях. Если судить по погребениям так называемых золотых людей, то верхушка степной знати этого времени обязана была сопровождаться при погребении соответствующими их статусу лошадьми. Следуя закону отражения, можно с большой долей уверенности утверждать, что эта же верхушка обязана была и в жизни обладать такими же лошадьми.

Стремление еще более выделиться, возвыситься (уже в прямом смысле этого слова) привело к тому, что в коневодстве сакского этапа, вероятно, появляется целая отрасль – воспитание высокорослых лошадей верхового типа. Такие лошади могли быть воспитаны из потомства (жеребчиков) высокорослых жеребцов при ранней кастрации жеребчиков. Эту возможность рассматривал еще В.О. Витт (Витт, 1952).

Прослеженный ход смены хозяйственных типов лошадей в табунах степняков-коневонов показывает, что к раннему железному веку (сакскому этапу в коневодстве Степи) здесь, по крайней мере в пределах Сарыарки, уже сформировалась и материально оформилась база (появление верхового типа лошади в табунах донгальских коневондов) для реализованной в раннем железном веке работы по выведению элитных лошадей верхового типа.

Не исключено, что эта база модернизировалась за счет импортных лошадей с иных территорий. Пока не могу уверенно назвать, с каких, но европейское направление этого импорта прослеживается достаточно определенно⁷.

Восьмой этап – гуннский. Фактическим материалом представлен весьма неудовлетворительно. Все известные мне останки лошадей этого этапа принадлежат молодым особям, пастыные кости которых еще полностью не оформились и для

предпринятого исследования непригодны. Констатировать это вынужден с сожалением, так как именно на гуннский этап приходится начало очередной перестройки в коневодстве степняков.

Девятый этап – средневековый⁸. Хорошо представлен фактическим материалом (табл. 3). Степное коневодство средневековья (s.l.) Казахстана, несмотря на известные коллизии в обществе, стабилизируется. Об этом можно судить по представленности хозяйственных типов лошадей в табунах – она напоминает таковую алакульского этапа.

Верховой тип, получивший широкое распространение на предыдущем этапе – 52%, исчезает. Возрастает представленность захудалого верхового типа – до 55,07% и универсального – до 34,78%. В два раза увеличивается доля примитивного мясного типа – до 8,70%. Появляется рабочий тип – 1,45%. Степное коневодство возвращается к своему характерному состоянию, детерминируемому гармонизацией козволюции социальных и природных процессов в Степи – социоестественной истории этой самой Степи.

Из всего вышеизложенного вытекает вполне закономерный вопрос: а куда же делись те красивые верховые лошади, которые культивировались в эпоху раннего железного века? Вопрос далеко не риторический. Никаких существенных изменений в природной среде Степи в это время не происходит. Отмечаемая палеоклиматологами (Хотинский, 1977; Иванов, 1983) аридизация климата средневековья относительно его состояния в эпоху раннего железного века была не столь велика – это во-первых; она не превысила зональные (субзональные) климатические различия области распространения коневодства эпохи раннего железного века – во-вторых. Таким образом, климатическую, а естественно, и ландшафтную детерминированность изменений коневодческой парадигмы для средневековья Степи следует исключить.

Единственной резко выраженной сменой в социокультурном ландшафте Степи в построннежелезновековое время явилась смена морфотипа социальной составляющей этого ландшафта – человека. Европеоидный (преимущественно?) тип населения Степи сменяется монголоидным (преимущественно же?). При этом в новом антропотипе наиважнейшим качеством, как я считаю, обусловившим смену коневодческой парадигмы – отказ от разведения и воспитания крупных верховых форм лошади, явилось одно – более низкий рост пришедших в Степь тюрков относительно ушедших из этой Степи европеоидов⁹. Низкорослому всаднику высокорослая лошадь не нужна. Быстро оседлать ее без специальной подставки во всех смыслах затруднительно, а скорость оседлания лошади в силу разнообразных обстоятельств в Степи требовалась достаточно часто. От нее нередко зависела сама жизнь степняка. Другое дело, если лошадь по рослости соответствует росту всадника. Все гармонизируется.

Придя в пределы Степи с востока, тюрки привели с собой и лошадь соответствующего типа – некрупную, но высокоаллюрную, отвечающую захудалой верховой, по моей классификации. Вполне допустимо, что это была (может лишь преимущественно) монгольская лошадь. В прошлом казахская, на новых территориях Монголии, попав туда, возможно, в конце неолита или на рубеже неолита и энеолита, она обретает новые качества, приспособляется к условиям более суровым, чем условия прародины – степей Казахстана. Возвращенная в Степь, эта лошадь усилила выносливость степных лошадей и в значительной мере содействовала восстановлению конституционной гармонии степных табунов, нарушенной в эпоху раннего железного века.

Высокорослые верховые лошади вместе со своими владельцами были потеснены за пределы степной ойкумены. Собственно не потеснены даже, а просто сохранили возможность продолжать свой род лишь за пределами Степи.

События сакского, гуннского и самого начала средневекового этапов степного коневодства способствовали формированию за пределами Степи дополнительных очагов коневодства. Эти очаги (= центры) в отличие от степной прародины сохранили традиции разведения и воспитания высокорослых верховых лошадей вплоть до современности (как, например, в Туркмении).

Десятый – современный этап. Наиболее полно представлен фактическим материалом (n = 113) – таблица 3. Для этого этапа характерно присутствие всех





выделяемых мною хозяйственных типов лошади. Это не вызывает удивления, так как на период XIX–XX вв. приходится мощный поток разнообразных «улучшителей» – завод заводских и иных высокорослых, высокоаллюрных и других пород, а также и поток «ухудшителей» – рабочих лошадей крестьян-переселенцев.

Как бы то ни было, в средневековых табунах лошади Казахской степи продолжают доминировать захудалые верховые формы – 65,49%; второе место традиционно занимают универсальные формы – 17,70%. Доля остальных далеко не достигает десятка процентов.

Несмотря на привнос крови как «улучшителей», так и «ухудшителей», казахская степная лошадь продолжает сохранять свой конституционный костяк¹⁰. Происходит это как вследствие влияния среды обитания, так и вследствие сохранения традиционных форм содержания, существование которых в Степи длится как минимум уже не менее семи тысячелетий.

Выражаю сердечную благодарность В.А. Шнирельману за ряд ценных замечаний, сделанных им в ходе подготовки настоящей статьи к печати.

¹ Считаю целесообразным называть выделяемые этапы по археологическим эпохам, культурам или по типовым археологическим памятникам.

² Именно – табуны, так как я категорически отрицаю «постепенность» обречения домашней лошади. Нет смысла племени охотников заводить 1–10 домашних лошадей. Это экономически (= эргономически) неэффективно и нецелесообразно. Уход за ними немногим меньший, чем за, например, сотней, а отдача – несравненно меньшая. Любой экономически (= эргономически) значимый вид появляется в хозяйстве племен, ранее не обладавших этим видом, «сразу-вдруг» и в обеспечивающих эффективность содержания количествах. Лошадь исключением не является.

Появление в кухонных остатках единичных костей не свойственных региону видов домашних животных я связываю не с началом их здесь разведения, а лишь с убоем приведенных особей. Это – начало знакомства с качествами нового вида. Такое знакомство может завершиться в дальнейшем разведении этого вида, а может и нет.

³ Несколько забегаю вперед, но все же здесь отмечу, что с этим механизмом для степных лошадей мы сталкиваемся постоянно. Более того, именно благодаря ему до настоящего времени сохраняется эта порода, несмотря на то, что по меньшей мере уже три столетия не прекращаются попытки «улучшения» казахской лошади путем «прилития крови» других пород.

⁴ Учитываются только обеспеченные соответствующим материалом этапы. Я употребил название «синташтинский» как наиболее яркое и известное, несмотря на то, что этот этап объединяет как минимум две культуры (= хроноинтервалы) – собственно синташтинскую и петровскую, а также синхронные с ними.

⁵ Для лучшего понимания ситуации: это как поставить мощный танковый двигатель на легковой автомобиль.

⁶ Аналогичные подмены и использование табунных особей в поминальных жертвенниках прослежены для эпох бронзы, раннего железного века и средневековья Казахстана.

⁷ При раскопках кургана Халвай 5 (Среднее Притоболье) обнаружены черепа мелкозубых жеребца и кобылы. Мелкие зубы для местных лошадей, характеризующихся именно крупнозубостью, не типичны. Они как раз типичны для европейских лошадей. Более того, все щёчные зубы обеих особей имеют следы сильнейшего воспаления в области корней. Это указывает на непригодность обеих особей к питанию жесткими травами, характерными для степной зоны Казахстана. К сожалению, при черепах не обнаружены кости конечностей, что не позволило установить конституционный и хозяйственный тип этих лошадей.

⁸ Несмотря на более чем тысячелетнюю длительность средневековья в Степи, многочисленные социальные коллизии этого периода, коневодство остается достаточно стабильным. Это позволяет выделять один этап его истории.

⁹ О причинности смены морфотипа степной лошади – под влиянием смены морфотипа коневодов – сообщал еще Ф. Г. Добржанский (1927, с. 18–20), но это впоследствии было забыто. Фактические данные относительно смены рослости степняков-коневодов пока находятся в стадии сбора и здесь мною не приводятся. Консультации с антропологами, работающими с азиатскими материалами, подтверждают правомочность выдвижения приводимого объяснения. Подтверждается это и данными о высоте в холке лошадей, обитающих к востоку от степей Казахстана: от 107 до 133 см (в среднем) и лишь иногда бывает немногим выше (Добржанский, 1927, с. 49).

¹⁰ Известны немногочисленные публикации XIX в. обмеров казахских лошадей из разных мест обитания (Благовещенский, 1873; Гардер, 1875; Добромислов, 1893; Полфёров, 1873), а также начала XX в. (Добржанский, 1927). Объединенные показатели – от 120,5 до 144 см – вполне укладываются в пределы высоты в холке казахской лошади, полученные мною при изучении пястных костей.

Литература

- Барминцев Ю.Н. Эволюция конских пород в Казахстане. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1958. – 142 с.
- Благовещенский Н.А. Сведения о количестве лошадей и конских ярмарок в Сергиевском уезде // Журнал Коннозаводства. – 1873. – № 9. – С. 18–40.
- Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. – 1952. – Т. 16. – С. 162–205.
- Гайдученко Л.Л. Место и значение Южного Урала в экспортно-импортных операциях по направлению Восток-Запад в эпоху бронзы // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы конференции. – Челябинск, 1995. – Ч. V, кн. 2. – С. 110–115.
- Гайдученко Л.Л. Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай I // Калиева С.С. Поселение Кожай I. – Алматы: М-во науки АН РК; Ин-т археологии РК, 1998. – С. 234–254.
- Гайдученко Л.Л. Определение конституционного и хозяйственного типа лошади по археозоологическим останкам // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника): в 2 кн. – Челябинск, 2002. – Кн. 1. Раздел IV. – С. 189–195.
- Гайдученко Л.Л. Особенности обеспечения мясной пищей населения укрепленного поселения Аландское на ранних этапах его обитания / Л.Л. Гайдученко, Г.Б. Зданович, Т.С. Малютина // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Г.Б. Здановича: Сб. науч. трудов. – Челябинск, 2010. – Ч. 1. – С. 109–117.
- Гардер А. Киргизские лошади и их пригодность для кавалерии и артиллерии // Военный сборник. – 1875. – № 10. – С. 324–373; № 11. – С. 213–214.
- Добржанский Ф.Г. Лошадь кочевого населения Семиречья // Добржанский Ф.Г., Лус Я.Я., Медведев Н.Н. Домашние животные юго-восточной части Казахстана (Семиречья). – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – С. 16–131.
- Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. – Оренбург, 1893. – 360 с.
- Иванов И.В. Изменения природных условий степной зоны в голоцене // Известия АН СССР. Серия географическая, 1983. – Вып. 2.
- Книга о лошади. – М.: Гос. изд-во сельхоз. лит., 1952. – 608 с.
- Полфёров Я. Лучшие породы киргизской лошади // Журнал Коннозаводства. – 1873. – № 11. – С. 15–22.
- Симонов Л., Мердер И. Лошади. Конские породы. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2010. – 190 с. (переиздание 1895 г.).
- Форонова И.В. Ископаемые лошади Кузнецкой котловины. – Новосибирск: ИГиГ СОАН СССР, 1990. – 131 с.
- Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. – М.: Наука, 1977. – 200 с.
- Marinatos Sp. The first «Mycenaeans» Greece // Bronze Age migrations in the Aegean: - New Jersey, Noyes press, 1974. – P. 107–113.

Гайдученко Л.Л.

Қазақ жылқысының жеті мың жылдық тарихы

Сан алуан геологиялық және археологиялық дәуірлердегі жылқының алдыңғы жіліншіктерін авторлық әдістеме бойынша зерттеудің негізінде Қазақстан далаларында үй жылқысының пайда болу және даму тарихы көрсетілді. Үй жылқысының пайда болуы неолит дәуіріне қатысты. Қазақ жылқысы тарихының он кезеңі атап





көрсетіледі. Ерте темір ғасыры дәуірінде кең тараған салт мінетін жылқының шаруашылық типінің Даладағы жылқы шаруашылығына тән еместігі айтылады. Ерте темір ғасырында бұл типтің Далада тіршілік етуіне жасанды жағдай жасалған. Далаға түркі халқының келуімен еңселі салт мінетін жылқы жоғалады. Оның Далада екінші рет тек XIX–XX ғ. пайда болғаны байқалады және бұл мұнда салт мінетін жылқының зауыттық және басқа түрлерінің пайда болуына байланысты. Тұтастай алғанда, Даладағы жылқы шаруашылығының тарихы кемінде жеті мыңжылдықты құрайды деп саналады.

**Gayduchenko L.L.
Seven thousand years of history of the Kazakh horse**

According to the author's study of horse metacarpal bones from different geological and archaeological periods, this paper presents the history of first appearance and subsequent development of the domestic horse in the Kazakhstan steppes. The emergence of the domestic horse is chronologically related to the Neolithic period. Ten stages in the history of the Kazakhstan horses are here documented. It is reported that the economic type of riding horse, very widespread in the Early Iron Age, was not fully characteristic for the horse breeding in the steppe. During the Early Iron Age, the existence of this type in the steppe has been maintained only artificially. With the arrival in the steppe of the Turkic population, the tall riding horse disappears completely. Its reappearance in the steppe is documented only in the 19th - 20th century and it is associated with the emergence of factory and other types of riding horse. Generally speaking, the history of horse breeding in the steppes is no less than seven millennia old.

Дергачева М.И., Варфоломеев В.В.

**ПОЧВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
МОГИЛЬНИКА ТЕГИСЖОЛ**

Введение. Могильник находится в урочище Темиркаш, на левом берегу р. Нура, в 10 км к западу от г. Темиртау Карагандинской области и является самым крупным памятником Тегисжольского археологического микрорайона (Сейсенов, Варфоломеев, 2011).

На поверхности памятника фиксируется не менее тридцати пяти каменных сооружений, представленных андроновскими (алакульскими и федоровскими) оградками и курганами раннего железного века. В ходе археологических раскопок 2009 и 2010 гг. были раскопаны каменный курган 27 и каменный ящик 30. Курган 27 сохранил два тасмолинских погребения, одно из которых датировано началом VII в. до н.э. (Варфоломеев, 2011). Древняя поверхность была изолирована от активной внешней среды каменной кладкой кургана. Сооружение 30 – это каменный ящик с частично сохранившейся плиточной обкладкой по периметру верхнего контура. По керамике валикового облика оно относится к бегазы-дандыбаевской культуре, вероятная дата – рубеж II–I тыс. до н.э. Погребенная почва сохранилась под плитами обкладки.

Были заложены разрезы (курган 27 – разрез 2-08; сооружение 30 – разрез 3-08) под каменной кладкой кургана и под плитами вокруг каменного ящика 30 с целью установления особенностей условий функционирования палеопочв.

Методы исследования. Методы, использованные в ходе работы, в основе своей являются традиционными. При полевых исследованиях проводились описания морфологических признаков палеопочв, отбирались образцы для аналитических исследований, в которых в последующем определялись основные физико-химические свойства и состав гумуса, а также выделялись препараты гуминовых кислот.

Полевое изучение объектов производилось в несколько этапов. В начале работ на археологических объектах выяснялась функциональная принадлежность места погребения почвы с целью определения степени антропогенной нагрузки в древно-

сти. Затем в точках опробования закладывался разрез, вскрывающий палеопочву и толщу, погребавшую ее. После вскрытия почвы разрезом проводились фотофиксация, морфологическое описание согласно общепринятой методике (Розанов, 2004; Дергачева, 1984; 2007) и послойный отбор сплошной колонкой образцов мощностью 5–10 см (или меньше) с соблюдением генетических границ горизонтов палеопочвы (Дергачева, 1997). Подобный способ отбора образцов позволяет детально расшифровать стадийность формирования почв (Дергачева, Каллас, 2004).

Для корреляции разрезов и стратификации отложений определялась магнитная восприимчивость почвы на приборе Kappabridg KLY-2 с последующим пересчетом полученных данных на 1 г мелкозем.

Датирование археологических объектов проводилось по методу аналогий.

Диагностика типа древнего почвообразования и реконструкция эволюции природной среды проводились педогумусовым методом, разработанным М.И. Дергачевой (1997), который основан на связи информационной емкости гумусовых веществ с параметрами климата.

Кроме того, изучались свойства почв, рассматриваемые при традиционных палеопедологических исследованиях: морфогенетические признаки, содержание CaCO_3 , гранулометрический состав.

Определение физико-химических характеристик проводилось по общепринятым методикам (Качинский, 1958; Аринушкина, 1970; Воробьева, 1998). Общее содержание гумуса определено по методу И.В. Тюрина (1951), групповой и фракционный состав – по методу В.В. Пономаревой и Т.А. Плотниковой (1968).

Препараты гуминовых кислот выделялись по общепринятой методике с модификацией в звене очистки (Орлов, Гришина, 1981). Элементный состав гуминовых кислот анализировался в Институте органической химии СО РАН под руководством доктора химических наук В.П. Фадеевой.

Графическое оформление результатов исследования фракционного состава гумуса палеопочв было проведено с помощью компьютерной программы Origin Graph 6.1.

Морфологическое описание

Разрез 2-08 (Кв. 26 е. Бровка по линии север-юг) характеризует палеопочву со следующими морфологическими особенностями (рис. 1):

Ad – 0-1 см – темно-серый, сухой, рыхлый, мелкозёмистый, с включением мелкой и средней дресвы, переход ясный, граница слабоволнистая;

накид – 1-15 см – гумусированный, темно-серый, местами с бурными пятнами, комковато-пылеватый, супесчаный, плотный, слабо вскипающий от 10% HCl, с включением дресвы, пронизан развитой корневой системой, переход постепенный по цвету и плотности;

[A] – 15-38 см – темно-серый, зернистой структуры, супесчаный, сухой, плотный, с включением мелкой и средней дресвы и камней, переход постепенный, граница слабоволнистая;

[B] – 38-48 см – темно-бурый, непрочнокомковато-зернистый, супесчаный, сухой, плотный, слабо вскипающий от 10% HCl, пронизан редкими корнями растений.

Формула профиля: Ad (0-1 см) – Накид (1-15 см) – [A] (15-38 см) – [B] (38-48).



Рис.1. Морфологическое строение почвы, погребенной под курганом 27 (разрез 2-08)





Рис. 2. Морфологическое строение почвы, погребенной под плитами сооружения 30 (разрез 3-08)

Разрез 3-08 был заложен под насыпью курагана 27 в квадрате 25 ж (рис. 2).

Морфологические особенности вскрытой почвы следующие:

[Ad] – 0-2 см – темно-серый, слабоструктурирован, порошистый (?), супесчаный, сухой, рыхлый, пронизанный густой сетью мелких корней растений, переход заметный, граница слабоволнистая;

[A] – 2-22 см – серый, к низу цвет становится менее интенсивным, непрочнокомковато-зернистый, супесчаный, сухой, плотный, не вскипающий от 10% HCl, с включением мелкой дресвы, пронизан мелкими корнями, переход заметный, граница слабоволнистая;

[AB] – 22-27 см – светло-серый, комковато-зернистый, супесчаный, сухой, плотный, не вскипающий от 10% HCl, с включением мелкой дресвы, пронизан корнями, граница волнистая; [B] – 27-33 см – темно-бурый, мелкокомковатый, супесчаный, сухой, очень плотный, не вскипающий от 10% HCl, с включением дресвы.

Формула профиля: [Ad] (0-2 см) – [A] (2-21 см) – [AB] (21-26 см) – [B] (28-33 см).

Результаты химических анализов.

Курган 27 представлен разрезом 2-08, который вскрыл погребавшую толщу, погребенную супесчаную почву, морфологически слабо дифференцированную на горизонты.

Почва представляет собой супесчаную разность с содержанием ила, не превышающим 11–12%, и преобладанием фракции крупного песка (табл. 1).

Содержание общего органического углерода в погребенной почве составляет 0,68–0,79% (табл. 2).

Распределение магнитной восприимчивости по профилю почвы показывает неоднородность толщи. Максимальное ее значение отмечается на глубине 0–1 см – $3,51 \cdot 10^{-6}$ СГСЕ/г см и 15–38 см – $1,83-2,43 \cdot 10^{-6}$ СГСЕ/г, совпадая с горизонтами гумусонакопления (табл. 2). Реакция почвенной среды в погребенной толще щелочная ($pH_{водн}$ 8,1-8,2) (табл. 2). Эта толща характеризуется слабой карбонатностью ($CaCO_3$ 0,9–1,9 %).

Таблица 1

Гранулометрический состав погребенных почв

Глубина*, см	Потеря от HCl, %	Размер фракций, мм							
		>1	1–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01–0,005	0,005–0,001	<0,001	<0,01
Разрез 2-08									
0–1	1,6	–	41,9	25,4	7,2	7,8	6,2	9,9	23,9
8–14	2,5	–	66,7	4,0	7,1	2,5	5,6	11,6	19,7
14–22	2,9	–	34,2	34,2	8,4	3,5	5,2	11,6	20,3
29–38	1,8	–	52,0	22,6	7,8	2,4	5,5	7,9	15,8
38–48	0,9	–	49,6	28,7	1,40	8,0	4,2	7,2	19,4
Разрез 3-08									
0–2	0,9	–	49,9	22,7	10,0	3,0	8,4	5,1	16,5
2–10	2,2	–	55,4	23,3	6,2	1,8	4,6	6,5	12,9
10–15	0,3	–	46,3	24,5	10,6	2,8	6,2	9,3	18,3
15–22	0,9	–	39,6	31,1	8,4	3,0	6,0	11,0	20,0

22–27	1,6	–	45,6	30,5	6,4	2,4	3,7	9,8	15,9
27–33	0,9	–	40,9	20,8	18,1	4,6	4,9	9,8	19,3

*От поверхности разреза.

Таблица 2

Некоторые характеристики палеопочв могильника Тегисжол

Горизонт	Глубина*, см	$\chi \cdot 10^{-6}$ СГСЕ/г	$C_{общ}^*$, %	pH водн. сусп.	Ca CO ₃ , %	ΣGK , % к $C_{общ}^*$	ΣFK , % к $C_{общ}^*$	$C_{гк}^* : C_{фк}^*$	H:C
Курган 27. Разрез 2-08									
[Ad]	0–1	3,51	1,85	7,6	0	21,3	18,2	1,17	1,19
I	1–8	2,14	1,48	8,0	1,7	16,4	23,8	0,69	1,08
	8–15	1,70	0,84	8,1	1,5	23,2	29,6	0,67	1,18
[A]	15–22	2,43	0,79	8,3	1,9	37,1	13,9	2,67	0,85
	22–29	1,83	0,73	8,3	0,9	45,7	18,0	2,54	1,03
	29–38	2,35	0,68	8,3	0,9	38,0	17,2	2,21	1,05
[B]	38–48	1,96	0,68	8,1	0,9	20,2	29,1	0,69	1,15
Сооружение 30. Разрез 3-0									
[Ad]	0–2	2,24	1,93	6,9	0	30,2	12,5	2,41	0,90
[A]	2–10	2,15	1,46	7,1	0	24,7	17,0	1,45	0,92
	10–15	1,88	1,24	7,2	0	26,2	18,0	1,46	1,02
	15–22	1,64	1,13	7,2	0	21,5	21,0	1,02	–
[AB]	22–27	1,65	1,10	7,4	0	17,9	22,5	0,80	–
[B]	27–33	1,67	0,95	7,5	0	19,7	28,9	0,68	–

*От поверхности разреза.

Характеризуя распределение соотношения групп гумусовых кислот, следует отметить, что в гумусовом горизонте палеопочвы гумус имеет гуматный состав ($C_{гк} : C_{фк}$ выше 2) (рис. 3а).

Отношение водорода и углерода в гуминовых кислотах в верхней части гумусового горизонта характеризует засушливые степные условия формирования палеопочв ($H : C = 0,85$).

Под каменной кладкой сооружения 30 разрезом 3-08 вскрыта погребенная почва. Палеопочва по морфологическим признакам так же, как и под курганом 27, слабо дифференцирована.

Гранулометрический состав палеопочвы подобен предыдущей погребенной почве и характеризуется супесчаным составом с небольшим содержанием ила (11–12%) и преобладанием фракции крупного песка (табл. 1).

Содержание органического углерода по профилю почвы с глубиной уменьшается: 1,93 в горизонте [A], 0,95 в горизонте [B] (табл. 2). Эта же закономерность наблюдается и с распределением магнитной восприимчивости по профилю: 1,88 – 2,24 Ч/

Анализ свойств гумусовых веществ, как было отмечено ранее, погребенных почв разрезов 2-08 и 3-08 показал, что они образовались в условиях сухой степи ($H : C = 0,85-0,90$), но при разных уровнях теплообеспеченности и увлажнения. Теплообеспеченность была выше, а увлажненность меньше в конце II – начале I тыс. до н.э. относительно VII в. до н.э.





Гори-зонт, см	Цвет	Структура	Грануло-метри-ческий состав	Переход, граница	Ново-обра-зова-ния	Вскипа-ние от 10% HCl
Разрез 2-08 (VII в. до н.э.)						
A, 0-22	Темно-серый	Зернистая	Супесча-ный	Слабовол-нистая	Карбо-натная про-питка	0
B, 22-32	Темно-бурый	Слабоком-ковато-зер-нистый				
Разрез 3-08 (рубеж II-I тыс. до н.э.)						
A, 0-22	Серый	Слабоком-ковато-зер-нистая	Супесча-ный	Слабовол-нистая	Нет	Слабо вскипает
AB, 22-27	Светло-серый	Мелкоком-ковато-зер-нистый		Слабовол-нистая		
B, 27-33	Темно-бурый	Мелкоком-коватый				

Таким образом, морфологический и физико-химический анализ свойств палеопочв, состав их гумуса соответствуют степному типу палеопедогенеза. Различия в интенсивности окраски и структуре гумусовых горизонтов, а также в характере распределения карбонатов по профилю можно объяснить различиями в климатических условиях времени их формирования. Более древняя почва (конец II – начало I тыс. до н.э.) была сформирована в более аридных условиях, чем почва последующего периода (VII в. до н.э.).

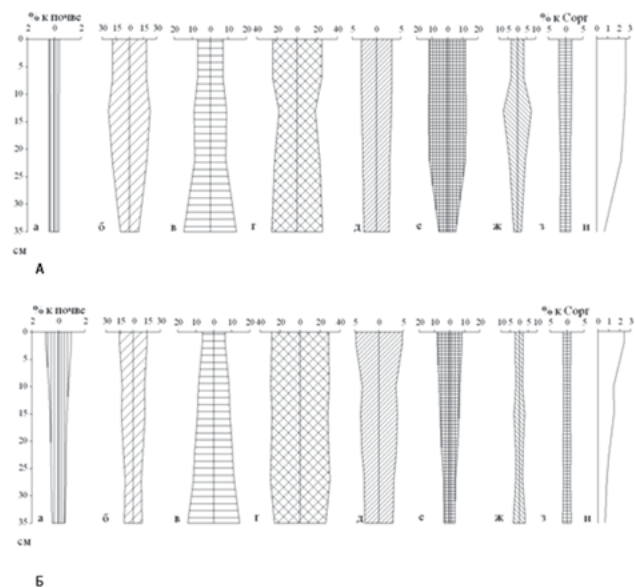


Рис 3. Гумусовые профили палеопочв могильника Тегисжол. А – курган № 27; Б – сооружение 30 (глубина от поверхности палеопочвы). Обозначения: а – общий углерод, % к почве; % к $C_{общ}$; б – гуминовые кислоты (ГК), в – фульвокислоты (ФК), г – негидролизуемый остаток (гумин), д – GK_1 , е – GK_2 , ж – GK_3 , з – FK_{18} , и – $C_{ГК}:C_{ФК}$

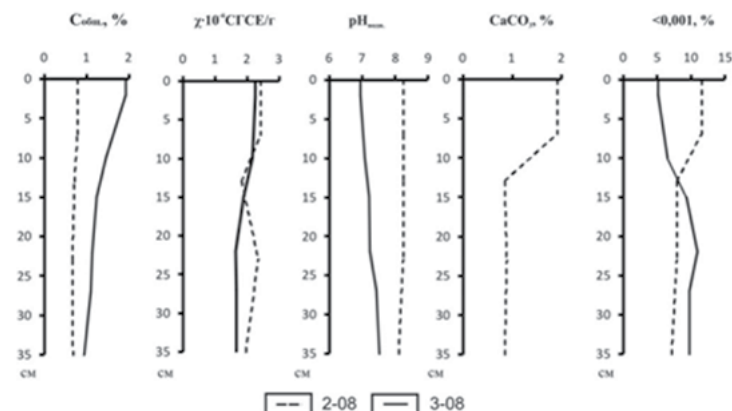


Рис.4. Физико-химические свойства палеопочв могильника Тегисжол

Литература

- Аринушкина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. – М.: МГУ, 1970. – 487 с.
- Варфоломеев В.В. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 315–324.
- Воробьева Л.С. Химический анализ почв: – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 272 с.
- Дергачева М.И. Проблемы и методы изучения ископаемых почв. – Новосибирск: ИГИИ СО АН СССР, 1984. – 80 с.
- Дергачева М.И. Археологическое почвоведение. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 228 с.
- Дергачева М.И. Методы почвоведения в археологических исследованиях: Учебно-методическое пособие / Новосибирский государственный университет, Институт археологии и этнографии СО РАН, Институт почвоведения и агрохимии СО РАН. – Новосибирск, 2007. – 97 с.
- Дергачева М.И., Каллас Е.В. Проблема отражения эволюции природной среды и стадийности почвообразования в гумусовых профилях почв // Материалы научной сессии по фундаментальному почвоведению (30 нояб.– 2 дек. 2004 г.). – М., 2004. – С. 57–58.
- Качинский Н.А. Механический и микроагрегатный состав почвы, методы его изучения. – М., 1958. – 192 с.
- Орлов Д.С., Гришина Л.А. Практикум по химии гумуса. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 271 с.
- Пономарева В.В., Плотникова Т.А. Методика и некоторые результаты фракционирования гумуса черноземов // Почвоведение. – 1968. – № 11. – С. 104–117.
- Розанов Б.Г. Морфология почв: Учебник для высшей школы. – М.: Академический проспект, 2004. – 432 с.
- Сейсенов Б.Б., Варфоломеев В.В. Проблема выделения археологических микро-районов в Сарыарке // Вестник Карагандинского государственного университета. Сер. История. Философия. – 2011. – № 1 (61). – С. 51–57.
- Стороженко Д.М. Почвы мелкосопочника Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1952. – 124 с.
- Тюрин И.В. К методике анализа для сравнительного изучения состава почвенного перегноя и гумуса // Труды Почвенного института АН СССР. – 1951. – Т. 38. – С. 5–21.

Дергачева М.И., Варфоломеев В.В.

Тегисжол қорымын топырақты-археологиялық зерттеу

Тегисжол қорымы Теміртау қаласынан батысқа қарай 10 шақырым жерде орналасқан. Ескерткіштің үстінен Андронов (Алакөл және Федоров) қоршаулары және ерте темір дәуірінің обалар түріндегі кем дегенде 35 тас құрылыс анықталды. 2009 және 2010 жылдардағы археологиялық қазба жұмыстарының барысында Тасмола обасы 27 (б.д.д. VII ғ.) және Беғазы-Дандыбай тас жәшігі 30 (б.д.д. II–I мыңж.





аралығы) қазып алынды. Қабірдің топырағынан алынған қарашірік заттектерінің қасиеттеріне талдау жүргізілді, бұл олардың құрғақ шөл жағдайында, бірақ әртүрлі деңгейдегі жылумен қамтылу және ылғалдылық жағдайында қалыптасқанын көрсетті. Қола дәуірінің соңғы сатысында б.д.д. VII ғ. қарағанда жылумен қамтылуы жоғары, ал ылғалдылығы кем болған. Палеотопырақтардың қасиеттеріне морфологиялық және физикалық-химиялық талдау жүргізу, сондай-ақ олардағы қарашіріктің құрамы палеопедогенездің далалық типіне сәйкес келеді. Қарашірік қабаттарының түс ашықтығы мен құрылымындағы, сондай-ақ карбонаттардың пішіні бойынша бөліну сипатындағы айырмашылықтарды олардың қалыптасқан уақытындағы климаттық жағдайлардың айырмашылықтары арқылы түсіндіруге болады. Ең ертедегі топырақ (б.д.д. II ғ. аяғы – б.д.д. I мыңж. басы) кейінгі кезеңдегі (б.д.д. VII ғ.) топыраққа қарағанда неғұрлым қуаңшылық жағдайларында қалыптасқан.

Dergacheva M.I., Varfolomeev V.V.

Soil Analysis and Archaeological Study of the Tegiszhol Burial Ground

The burial ground of Tegiszhol is located 10 km west of Temirtau. On the surface of the site not less than 35 stone constructions have been recognised. They are represented by Andronovo (of the Alakul' and Fedorovo phase) stone fences and Early Iron Age funerary barrows. During the 2009 and 2011 researches a Tasmola-culture barrow, number 27 (dated back to the 7th century BC), and a Begazy-Dandybay stone cist, number 30 (dated back between the 2nd and 1st mill BC), have been excavated. The properties analysis of the humic substances from the Early Iron Age buried soils showed that these soils were formed in conditions of dry steppe, but with different levels of heat supply and moistening. In the final phase of the Bronze Age, the heat supply was higher, while the moisture lesser than in the 7th century BC. Morphological and physico-chemical analysis of the properties of palaeosols, and the composition of their humus correspond to the steppe type of palaeo-pedogenesis. The differences in the intensity of colour and structure of the humic horizons, and also the nature of distribution of the carbonates along the section can be explained thanks to distinctions in climatic conditions of the period of their formation. The earlier soil (between the end of the 2nd and the beginning of the 1st mill BC) has been formed in more arid conditions, than the soil of the subsequent period (7th century BC).

Калиева Ж.С.

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Одним из приоритетных направлений в рамках научно-исследовательского проекта «Всадники Великой степи: традиции и новации» являлось всестороннее изучение и анализ материальной культуры ранних кочевников Казахстана, в том числе анализ погребального инвентаря из элитарных памятников раннего железного века Казахского Алтая. Исходя из поставленных задач проекта было решено провести технико-технологический анализ как целых керамических сосудов, так и отдельных фрагментов керамики, обнаруженных в разные годы в составе инвентаря погребений ранних кочевников на территории Восточно-Казахстанской области.

Большая часть керамической коллекции Казахского Алтая выставлена в экспозиции и находится на хранении в Восточно-Казахстанском областном историко-краеведческом музее в г. Усть-Каменогорске¹.

Основная часть работы была посвящена изучению керамических коллекций раннего железного века, которые обнаружены в ходе археологических изысканий начиная с 1950-го по 1992 г. Типологическое описание анализируемых керамических сосудов проведено ранее А.А. Черниковым, З. Самашевым и Ф.Х. Арслановой.

Необходимо отметить, что настоящее исследование выполнено по методике, разработанной А.А. Бобринским в рамках историко-культурного подхода в изучении древнего гончарства и основанной на бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании (Бобринский, 1999).



Рис. 1. Линия спая

- ступень 3 – обработка исходного сырья;
- ступень 4 – принципы составления формовочной массы;
- стадия 2 – созидательная:*
- ступень 5 – конструирование начина сосуда;
- ступень 6 – конструирование полого тела;
- ступень 7 – придание сосуду формы;
- ступень 8 – механическая обработка поверхности сосуда;
- стадия 3 – закрепительная:*
- ступень 9 – придание прочности сосуду;
- ступень 10 – принципы устранения влагопроницаемости его стенок;
- ступень 11 – конструирование служебных скульптурных частей;
- ступень 12 – орнаментация поверхности.

Анализ керамического материала показал следующие результаты: по ступеням 1 и 2 можно заключить, что в состав сырья входят обломки кварца окатанного и полукатанного, цвет которых прозрачный, длиной 2–3 мм. Слюда сланцевая 0,2–0,4 мм, цвет – от серебристого до золотистого. Встречаются включения гальки (3–4 мм), редко бурый железняк (2–3 мм), известняк (3–4 мм), кусочки сухой глины (2–4 мм).

Изучение и анализ процесса обработки исходного сырья (ступень 3) показали следующие результаты: в составе керамики практически во всех сосудах в большом количестве встречаются органические включения, которые представлены в виде аморфных пустот – выгоревших частиц растений. Помимо того, выявлен маслянистый жирный налет, также свидетельствующий о наличии органики. В составе керамики можно обнаружить неорганический наполнитель в виде шамота, в основном схожего с основой сырья. Шамот дробленый из непригодных в быту черепков, округлой, подквадратной, остроугольной формы, размерами от 1 до 3–4 мм. Редко встречается включение дресвы гранитно-гнейсовой. Дробленая остроугольная дресва длиной от 1 до 4 мм. Из сорока изученных сосудов дресва встречается только в двух.

При составлении формовочной массы (ступень 4) в качестве искусственных примесей в основном использовалась органика. Она встречается практически во всех исследованных фрагментах. Концентрация включения шамота позволила нам выделить два основных рецепта формовочной массы. Кроме того, необходимо отметить два сосуда с включениями дресвы: 1) ИПС (исходное пластичное сырье – глина) + органика (навоз травоядных) + шамот (сходный с основой); 2) ИПС (исходное пластичное сырье – глина) + органика (навоз травоядных); 3) ИПС (исходное пластичное сырье – глина) + органика (навоз травоядных) + дресва.

Определение конструирования начина сосуда (ступень 5) было несколько затруднено, так как сосуды представлены в целой форме либо реставрированы. Лишь по некоторым сосудам можно определить донно-емкостный начин, который изготовлен с использованием одного комка глины или жгутов для создания основания, а также боковых стенок сосуда.



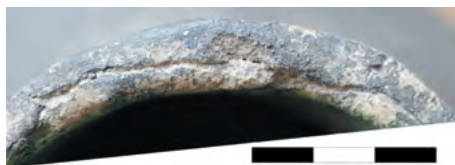


Рис. 2. Линия спая



Рис. 5. Формовочная масса



Рис. 3. Следы нагара



Рис. 4. Следы нагара



Рис. 6. Линия спая

Определить конструирование полого тела (ступень 6) всех сорока сосудов, к сожалению, не удалось. Лишь на некоторых сосудах были выявлены наращивание лент и лоскутный налп (рис. 1, 2, 6).

При анализе процесса придания сосуду формы (ступень 7) было определено следующее: коллекция сосудов разнообразна по форме, среди них можно выделить кувшины с прямым горлом, слегка выгнутым наружу венчиком, раздутым шаровидным туловом, с широким плоским дном. Встречаются котлы на коническом полове поддоне и шаровидные горшки, плавно профилированные, с открытым устьем и широким плоским дном. Также есть круглодонный сосуд с зауженным устьем, слегка отогнутым наружу венчиком, с шаровидным раздутым туловом.

К сожалению, большинство сосудов при реставрации были замазаны гипсом и клеем; это, в свою очередь, затруднило проведение анализа механической обработки поверхности керамики (ступень 8). Тем не менее были выявлены сосуды, поверхность которых обработана твердым предметом. Скорее всего в качестве инструмента использовали каменное лощило либо деревянный инструмент. Не исключается использование для обработки поверхности керамики мягкой кожи, возможно кожи овцы, о чем свидетельствуют следы ворсинок на поверхности. Также встречаются сосуды, поверхность которых вытягивалась и выбивалась колотушкой.

Вероятно, для придания прочности сосудам и устранения влагопроницаемости стенок (ступени 9, 10) применялся способ каления. В результате закалки поверхность сосудов в изломе слегка темнеет и становится не кирпично-красной, а коричневатой-красной. Все сорок сосудов обожжены на костре, о чем свидетельствует не-

однородная окраска поверхности. Цвет светло-коричневый, местами темно-серый, черный.

Анализ дополнительных технологических особенностей, связанных с конструированием скульптурных частей емкостей и ornamentацией поверхностей посуды, показал следующие результаты: среди исследованной керамики встречается керамика с ремонтными отверстиями как дополнительные элементы сосудов (ступень 11). Выявлен круглодонный сосуд с двумя отверстиями, расположенными параллельно друг к другу. Ширина отверстий достигает 4 мм. Вероятно, отверстия имели практическое назначение и служили в качестве специального элемента сосуда для подвешивания.

Среди исследованных сосудов орнаментированы лишь двенадцать (ступень 12). Представляют интерес два сосуда из могильника Кулажурга 22. По плечу и тулову сосудов минеральной краской нанесены символы в виде полумесяца и точек. К сожалению, орнамент плохой сохранности и едва заметен. Также интересен сосуд из Зевакинского могильника, который орнаментирован по венчику каплевидными вдавлениями, по шейке и тулову сосуда имеются завитки, S-образные символы, нанесенные минеральной краской.

Основная масса сосудов орнаментирована по верхней части шейки и под венчиком. Орнамент представлен в виде вдавлений палочкой, насечек и прочерчиваний. У отдельных сосудов с внутренней стороны в некоторых местах от вдавления образовались жемчужины-сосочки, встречаются каплевидные вдавления палочкой и вдавления в виде насечек. Сосуды также украшали прилепленным с внешней стороны между шейкой и туловом налипным валиком в виде веревочки. Срезы сделаны по влажной глине. Под шейкой у плечика прочерчены свисающие вниз треугольнички-флажки и горизонтальные линии.

В целом, подводя итог, отметим, что среди изученных сосудов преобладают высокие кувшины с овальным и круглым туловом, прямым горлом. Встречаются кувшины с шаровидным туловом и прямым горлом, а также несимметричные сосуды и сосуды с идеальными пропорциями.

Результаты технологического анализа керамики показали, что сосуды изготавливались по трем рецептам: 1) ИПС + органика; 2) ИПС + органика + шмот; 3) ИПС + органика + дресва.

Органический раствор керамических коллекций нами определялся по некоторым признакам, обнаруженным в составе керамики: это участки сосудов, пропитанные жидким веществом различного цвета. Кроме того, имелись аморфные пустоты с налетом на стенках, пленки обволакивающие, искусственные минеральные примеси, иногда редкие включения измельченных остатков растительности (Бобринский, 1978, с. 102). Размеры шмота в керамике варьируются в пределах 2–3 мм, сходные с основной сосуда. Дробилась в основном своя посуда, вероятнее всего производственный брак. Дресва обнаружена в небольшом количестве.

Все керамические сосуды имели пятнистую окраску поверхности и трехслойную окраску в изломе. Это, в свою очередь, указывает на костровый обжиг.

В составе практически всех анализируемых сосудов встречаются естественные включения микроскопической слюды, размеры которой варьируются в пределах 0,2–0,3 мм, и кварца (2–3 мм).

Дополнительные скульптурные элементы встречаются в виде лепных ручек и орнаментальных декоративных валиков. Вылепленные отдельно, они примазывались к внешней поверхности сосуда.

В орнаментации сосудов преобладают прочерченные линии, геометрический орнамент в виде треугольников, опущенных вершиной вниз, вдавления палочкой, налипной валик и окрашивание минеральной краской. В ходе проведенных анализов было выявлено, что большая часть посуды не использовалась в быту и была изготовлена специально для погребального обряда.

¹ Автор выражает благодарность директору и коллективу Восточно-Казахстанского историко-краеведческого музея за предоставленную возможность работать с керамической коллекцией, хранящейся в фондах музея.



Литература

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М., 1978. – 272 с.
Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара, 1999. – С. 5–110.

Қалиева Ж.С.**Шығыс Қазақстанның ерте темір дәуірінің ескерткіштерінен алынған қыш топтамаларға техникалық-технологиялық талдау жүргізу**

Жұмыстың негізгі бөлігін 1950 жылдан бастап 1992 жылға дейінгі Шығыс Қазақстан облысының аумағындағы археологиялық іздеулер барысында табылған, негізінен, Шығыс Қазақстан облыстық тарихи-өлкетану мұражайының (Өскемен қ.) қорларындағы ерте темір дәуіріне жататын қыш ыдыстар мен кейбір қыш қалдықтарына жүргізілген зерттеу құрайды. Зерттеу А.А. Бобринский әзірлеген және бинокулярлы микроскопияға, трасологияға және табиғи үлгілеуге негізделген әдістеме бойынша ертедегі қыш-құмыра жасау өнерін зерттеудегі тарихи-мәдени әдістің аясында орындалды.

Технологиялық талдау жүргізу үшін 40 ыдыс зерттелді, олардың отыз екісі – бүтін ыдыс және сегізі – бөліктер түрінде. Қыш ыдыстардың типологиялық сипаттамасын А.А. Черниковтың, Ф.Х. Арсланованың, З. Самашевтың жарияланымдарынан кездестіруге болады.

Kalieva Zh.S.**Technical and Technological Analysis of the Ceramic Collections from the Early Iron Age Sites of East Kazakhstan**

The main part of this work is devoted to the study of ceramic vessels and single pottery sherds of the Early Iron Age, which were discovered during archaeological surveys in different years, from 1950 till 1992, in the territory of the Eastern Kazakhstan region. These vessels and fragments are stored in the East Kazakhstan regional and historical museum, in the city of Ust'-Kamenogorsk. The research has been performed according to the historico-cultural and technological approach of study ancient pottery developed by A.A. Bobrinsky, and founded on binocular microscopy, trace analysis and physical modeling.

Forty vessels were subjected to this technological analysis. Among them, thirty-two vessels were complete and eight in a fragmentary state of preservation. The typological description of the ceramic vessels can be found in the publications of A.A. Chernikov, F.H. Arslanova and Z. Samashev.

Косинцев П.А., Бачура О.П.**ФАУНА МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ СВЯТИЛИЩА АҚПАН НА УСТЮРТЕ¹**

Святылище Ақпан находится в Бейнеуском районе Мангистауской области. Раскопки проведены под руководством А. Онгара. Святылище датируется ранним железным веком. До настоящего времени комплекс костных остатков животных был описан только из одного святылища раннего железного века на территории Казахстана – Байте III, где найдено 670 костей (Антипина, Ольховский, 2000, с. 79–80). При раскопках святылища Ақпан получено и изучено 1115 костей.

Материал и методика. Все костные остатки происходят из заполнения тринадцати ям. Характер сохранности костей – степень фоссилизации, выветрелости поверхности и раздробленности – по визуальной оценке во всех ямах были одинаковыми. В каждой яме было значительное количество мелких неопределимых фрагментов костей. Костей со следами действия огня очень мало, и их количество в разных ямах различно. Комплекс каждой ямы описывался отдельно (табл. 1).

Определение индивидуального возраста забитых особей проведено по состоянию зубной системы (Silver, 1970, с. 286–295). Соотношение самцов и самок среди забитых особей определено только для сайгака по степени развития «крыльев» (alla atlas) первого шейного позвонка.

Соотношение отделов скелета для разных видов определялось по-разному (табл. 2–4). Кости отнесены к четырем основным отделам тела: «голова» – череп и нижняя челюсть; «туловище» – позвонки, ребра и грудина; «проксимальные части ног» (то есть верхние части ног) – лопатка, таз, плечевая, лучевая, локтевая, бедренная и берцовая кости; «дистальные части ног» (то есть нижние части ног) – кости запястья, предплюсны, метаподии и фаланги пальцев. У сайги и мелкого рогатого скота в этот отдел не включены таранные кости, для этих животных выделены группы костей «рога» и «таранная кость». Связано это с рядом причин. Все рога сайги и мелкого рогатого скота отрублены, а почти все рога сайги имеют следы обработки.

Последнее обстоятельство указывает на сознательное сохранение и использование рогов и, как следствие, возможно, на повышенную долю среди остатков. Это может привести к искажению соотношения отделов скелета, поэтому их доля среди костей сайги не учитывалась. То же касается таранных костей, которые специально собирало и сохраняло на святылище древнее население. Поэтому соотношение отделов скелета мелкого рогатого скота и сайги проведено без учета таранных костей. Их количество приведено отдельно, а доля указана в скобках. Указаны количество и доля изолированных зубов лошади и кулана, так как зубов именно этих видов найдено относительно много.

Интерпретация соотношения основных отделов скелета достаточно очевидна и связана с двумя практическими характеристиками – количеством костей в каждом отделе скелета и количеством мяса в этих отделах. Больше всего костей в отделе «туловище»; здесь у всех видов около шестидесяти костей, на которых имеется достаточно большое количество мяса. Много костей в дистальных частях конечностей – от пятидесяти до шестидесяти у разных видов копытных, но мяса здесь мало. В голове костей немного – около пятнадцати (не считая зубов), но и мяса немного. В проксимальных частях конечностей костей мало – четырнадцать, но здесь больше всего мяса.

Таким образом, с экономической точки наиболее «выгодными» являются проксимальные части конечностей; далее по степени «выгодности» стоит туловище; и, наконец, меньше всего «выгоды» приходится на голову и дистальные части конечностей. Теоретически, при съедании всего животного в отходах больше всего должно быть костей туловища и дистальных частей ног, а меньше всего – костей головы и проксимальных отделов конечностей. Если в изученном материале соотношение сильно отличается от теоретического, значит, люди преднамеренно складывали в данном месте определенные кости. Это может указывать на особое отношение к данным костям или частям скелета.

В работе использована методика определения времени (сезона) гибели животных по слоистым структурам в зубах (Клевезаль, 1988, с. 35–89). Данный метод основан на наличии в наружном слое корня зуба животных – цементе зон активного роста (широкий слой) и зон замедления роста (узкий слой). Сезон гибели определяется по состоянию слоя, расположенного по краю цемента.

Видовой состав костных остатков. Крупный рогатый скот – *Bos taurus*. Остатки этого вида найдены в семи из тринадцати ям. Этому виду принадлежит девятнадцать костных остатков, вероятно, от шести особей (табл. 1): изолированный зуб, фрагменты верхней и нижней челюстей, четыре целые таранные кости, целые фаланга I, фаланга II и фаланга III от взрослых особей; две целые таранные кости от молодых особей; пяточная от особи в возрасте 1–2 месяцев; верхняя половина ребра; нижний конец пястной кости; верхний конец плюсневой кости; два фрагмента диафиза берцовой кости.

Как видим, в материале представлены все отделы скелета, которые происходят от особей разного индивидуального возраста. Трубочатые кости и кости черепа представлены фрагментами. У одной берцовой кости был отбит верхний конец и продольным и поперечным ударами разбит нижний конец. Характер раскалывания костей типичен для кухонных остатков.





Мелкий рогатый скот – овца (*Ovis aries*) и коза (*Capra hircus*). Костные остатки этих видов найдены во всех ямах. Всего найдено восемьдесят семь костей, из которых семьдесят четыре кости, вероятно, от двадцати особей, принадлежат овце и одиннадцать костей, вероятно, от трех особей, принадлежат козе (табл. 1). Не удалось определить видовую принадлежность тринадцати костей. Среди остатков доминируют кости черепа, а остатков туловища и разных частей ног примерно одинаковое количество (табл. 2). Среди остатков очень много таранных костей – 46%. Такое соотношение остатков явно указывает на избирательность накопления костей, то есть люди специально складывали в ямы в основном таранные кости и части черепов. Среди забитых особей преобладали молодые особи в возрасте от 3 до 12 месяцев (табл. 5). Забитые овцы были не очень крупными. Высота в холке, определенная по длине таранной кости (Teichert, 1975, с. 281–282), колебалась от 52 см до 66 см, в среднем составляла 61 см.

Лошадь – *Equus caballus*. Этому виду принадлежит пятьдесят костей, вероятно, от двадцати одной особи (табл. 1). Найдены они в одиннадцати из тринадцати ям. Доминируют среди них изолированные зубы – 50%, на втором месте кости дистальных частей ног – 26%, кости остальных отделов скелета составляют всего 24% (табл. 2). Такое преобладание костей черепа и изолированных зубов (62%) указывает на высокую избирательность в процессе накопления костей лошади в ямах. Люди складывали туда преимущественно части головы. Среди забитых особей доминируют взрослые особи – 75% (табл. 5). В остальных возрастных группах по одной-две особи. Среди остатков есть нижняя челюсть, принадлежавшая особи в возрасте до шести месяцев. Зная, что большинство жеребят рождается весной, можно предположить, что эта особь, вероятно, была забита летом или осенью.

Верблюд – *Camelus bactrianus*. В нескольких ямах найдены единичные кости верблюда: целые верхний зуб, две таранных кости, фаланга I; фрагменты тазовой, бедренной костей и фаланги I. Они принадлежат, вероятно, двум особям. Фрагмент тазовой кости обгорел. Небольшое количество материала не позволяет сделать по ним какие-либо выводы, за исключением того, что верблюд был в составе стада у населения, возводившего комплекс.

Кулан – *Equus hemionus*. Этот вид по количеству остатков занимает второе место – четыреста тридцать четыре кости, вероятно, от пятидесяти шести особей (табл. 1). Его остатки найдены во всех ямах, но количество в каждой из них сильно различается – от одиннадцати костей в яме № 5 до шестидесяти семи в яме № 10. Соотношение отделов скелета также различно в разных ямах (табл. 4). Во всех ямах, кроме ямы № 8, по количеству найденных костей доминируют кости туловища. На втором месте в большинстве ям – кости дистальных отделов ног, на третьем – кости проксимальных отделов ног, а на последнем месте – кости головы (не считая зубов). Таким образом, в среднем соотношение отделов скелета кулана близко к «теоретическому» (см. выше). Это позволяет интерпретировать остатки кулана как обычные пищевые отходы. Среди добытых животных преобладают взрослые особи, в два раза меньше полувзрослых особей и немного молодых и старых (табл. 5). Наличие костей всех отделов скелета и их соотношение, близкое к теоретическому, указывают на то, что около святилища разделявали целые туши добытых куланов. Вероятно, их добывали в окрестностях святилища.

Сайга – *Saiga tatarica*. Остатки этого вида наиболее многочисленны – пятьсот тринадцать костей, вероятно, от семидесяти девяти особей (табл. 1). Остатки найдены во всех ямах, но количество в каждой из них весьма различно – от девяти костей в яме № 2 до ста четырех в яме № 12. Соотношение отделов скелета в разных ямах также сильно различается (табл. 2, 3). В большей части ям чаще всего встречаются кости головы, несколько реже – кости проксимальных отделов ног и примерно в равных количествах – кости туловища и дистальных частей ног. Как видим, это соотношение существенно отличается от теоретического, так как преобладают остатки отделов с самым малым количеством костей – голова и проксимальные части ног. Очевидно, что люди преднамеренно складывали в ямы кости этих частей скелета. Также специально складывались таранные кости. Но их скопления найдены не во всех ямах, лишь в ямах № 4 (10 экз.), № 8 (6 экз.), № 10 (12 экз.), № 12 (28 экз.), № 13 (24 экз.). Среди забитых животных более половины составляют взрослые особи, треть – особи в возрасте одного-двух лет и немного молодых особей (табл. 5).

Учитывая результаты анализа соотношения отделов скелета, можно предположить, что к святилищу в основном приносили головы и наиболее «мясные» части туш. Большая часть остальных частей использовалась в другом месте. Следует еще раз отметить, что все рога сайги отрублены, их большая часть имеет следы обработки – пилиния и строгания.

Джейран – *Gazella subgutturosa*. Найдено немного костей этого вида, но следует отметить, что все кости целые: одна нижняя челюсть, пять лопаток и восемь таранных костей. Верхний край одной из лопаток залощен от использования, но остальные кости не имеют явных следов использования.

Волк – *Canis lupus*. В яме № 1 найдена половина тазовой кости; в яме № 3 – почти целый череп, без носовой части; в яме № 4 обнаружены парные нижние челюсти и верхняя челюсть; в яме № 7 зафиксирована целая плечевая кость; в яме № 9 найдены средняя часть нижней челюсти и плечевая кость от полувзрослой особи; в яме № 10 – целые локтевая кость от полувзрослой особи и лопатка; в яме № 11 выявлена нижняя половина плечевой кости; в яме № 13 обнаружены верхняя челюсть, целая и передняя половина нижних челюстей, целые нижний зуб и лопатка. Как видим, набор костей весьма специфичен. Среди них представлены только кости черепа (9 экз.) и кости передних конечностей (7 экз.). Характер разрушений на костях черепа позволяет провести некоторые реконструкции. У некоторых голов волков отрубили переднюю часть морды, а оставшуюся часть нижней челюсти отбивали и отламывали от черепа. Волк, как известно, у многих кочевых народов был священным животным (Негматов, Соколовский, 1975, с. 344–347). Вероятно, найденные остатки отражают ряд обрядов, проводимых на святилище и посвященных волку.

Лисица – *Vulpes vulpes*. Найдены всего две кости этого вида – целые плечевая и бедренная кости от взрослой особи из ямы № 11. Не исключено, что это остатки от скелета одной особи, естественно погибшей в норе.

Корсак – *Vulpes corsac*. Найдены семь костей этого вида: череп с разрушенной мозговой частью и нижней челюстью; череп с разрушенной мозговой частью; целые – две нижние челюсти, тазовая и бедренная кости. Несмотря на небольшой объем материала, можно утверждать, что преобладают кости черепа, то есть на святилище приносили в основном головы.

Птицы. Найдены две кости ворона, одна кость болотной совы и одна – черного грифа или белоголового сипа (табл. 1).

Тафономический анализ. Подавляющее большинство костей имеет одинаковый тип сохранности. Горелые кости найдены в следующих ямах: № 1 (7 экз.), № 4 (6 экз.), № 5 (1 экз.), № 8 (6 экз.), № 9 (1 экз.), № 10 (3 экз.), № 12 (1 экз.), № 13 (18 экз.). Кости со следами зубов хищников единичны, что указывает на то, что кости после их использования были быстро захоронены. Костей со следами орудий от разделки немного, но они позволяют восстановить некоторые особенности разделки животных. У овец и сайги отрезали нижние части задних ног по скакательному суставу. На суставах между берцовой, таранной и пяточной костями разрезали связки с задней стороны. Головы сайгаков часто разрубали вдоль по боковой стороне, ниже глазницы. У кулана лопатки обычно разрубались поперек посередине. Ребра отделялись от позвонков у всех видов двумя способами – отрезались или отламывались. Есть несколько случаев, когда обнаруженные позвонки сайги и кулана лежали в анатомическом порядке. Это говорит о том, что в ямы клали части позвоночника. В целом костные остатки копытных, за исключением костей джейрана, имеют вид кухонных (пищевых) отходов. Костные остатки джейрана и хищных, вероятно, не являются кухонными отходами. Часть костей имеет следы, указывающие на то, что их использовали как орудия труда; это главным образом ребра кулана и лопатки сайги. Рога сайги были подготовками для изготовления каких-то предметов.

Сезон функционирования комплекса. Изучено состояние краевой линии в цементе на зубах: от трех особей лошади, от пяти особей овцы и от одиннадцати особей сайги. От каждой особи использовали по одному зубу. В отдельных случаях дополнительно в качестве контроля анализировалось по два зуба от одной особи. У большинства животных, в том числе у овцы, сайги и лошади, активный рост продолжается с апреля по ноябрь, а замедление роста – с декабря по март (Груздев, Проняев, 1994, с. 223–226; Burke, 1995, с. 479–493; Lundervold et al., 2003, с. 219–227; Wall-Sheffler, Foley, 2008, с. 11–27). В связи с этим под сезоном понимаются их календарные сроки.





В результате проведенного исследования получены следующие результаты. Все три особи лошади, остатки которых происходят из разных ям (табл. 6), были забиты осенью. Причем для двух лошадей можно определить более конкретный период – это ноябрь.

Особь овцы забита летом или осенью (табл. 6). Количество «летних» и «осенних» особей одинаковое. Степень сформированности зоны активного роста у особей, забитых летом, практически одинаковая. Это говорит о том, что забивали их в определенный месяц, а не в течение всего лета. Зная длительность данного периода, можно предположить, что, скорее всего, эти особи были забиты в первой половине лета.

Среди особей сайги также есть особи, забитые летом и в конце осени (табл. 6). «Осенних» особей почти в два раза больше, чем «летних». Возможно, сайгу забивали чаще осенью, чем летом. Так же, как и в случае с мелким рогатым скотом, степень сформированности зоны активного роста у «летних» особей свидетельствует том, что забивали сайгу в первой половине лета.

Следует также отметить, что в одной яме обнаружены остатки особей, забитых в разные сезоны. Так, лошадь из ямы № 9 забита в конце осени, а сайга из этой же ямы – в начале лета (табл. 6). Сходная картина наблюдается и в яме № 4: лошадь забита в конце осени, а овца – в начале лета (табл. 6). В яме № 1 одна особь овцы забита в начале лета, а другая – осенью (табл. 6). Следовательно, одну и ту же яму использовали многократно.

Закключение. Все костные остатки были найдены в ямах, что указывает на их преднамеренное захоронение. Комплекс костных остатков имеет сложную структуру. Он включает как минимум пять типов остатков: жертвенные остатки, остатки обрядовых действий, пищевые остатки, орудия труда и естественно погибших животных. К первому, на наш взгляд, несомненно, относятся кости волка и, возможно, корсака. К остаткам каких-то обрядовых действий относятся скопления таранных костей мелкого рогатого скота и сайги, а также кости джейрана. Таранные кости могли использоваться для игры, а кости джейрана – для игры и гадания. Большая часть костей копытных относится к пищевым остаткам. Не исключено, что это остатки каких-то обрядовых действий, в ходе выполнения которых их мясо использовалось в пищу. Среди них доминируют кости диких копытных – сайги и кулана, которые вместе составляют более 80%.

Добытых особей кулана разделявали и съедали около святилища, а кости бросали в ямы. От сайги на святилище приносили в основном головы и верхние («мясные») части ног. Забивали в основном молодых овец, а добывали взрослых куланов и сайгаков. Орудия труда представлены ребрами кулана и лопатками сайги. Лисица погибла в своей норе в результате естественных причин. Ряд костных остатков сложно интерпретировать. Так, например, остатки лошади могут быть и жертвенными и пищевыми. По данным этнографии такое вполне возможно: лошадь сначала забивали как жертвенное животное, а потом ее мясо съедали. Так же могли поступать и с другими копытными. Анализ сезонов забоя трех видов животных (овца, лошадь и сайга) показал, что люди совершали обряды на территории святилища Акпан в два периода – поздней весной – в начале лета и осенью. Захоронение животных в одну яму происходило многократно.

Можно предположить, что на святилище обряды связаны с кочеванием. Они совершались в конце весны при отъезде с места зимовки и осенью по возвращении на место зимовки.

Комплекс костных остатков из святилища Байте III, которое тоже находится на Устюрте (Антипина, Ольховский, 2000, с. 79) существенно отличается от комплекса из святилища Акпан. На Байте преобладают кости домашних животных, в основном овцы, а на Акпане – кости диких животных – сайги и кулана. На Байте дикие животные очень разнообразны. Здесь найдены кости хоря, ежа, грызунов, черепахи, нескольких видов птиц, которых нет на Акпане. Эти различия связаны с разным местонахождением костей. На Байте они найдены в заполнении самого храма, а на Акпане – в ямах вокруг него. Очевидно, что на этих святилищах кости накапливались по-разному. Но причины этих различий пока неясны. Общим для обоих святилищ является большое количество таранных костей (альчиков) овец.

Таблица 1

Таксономический состав костных остатков животных из памятника Акпан

Виды	Ямы													Всего
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7	№ 8	№ 9	№ 10	№ 11	№ 12	№ 13	
Крупный рогатый скот	0	0	1/1	2/1	0	3/1	0	0	1/1	2/1	0	3/1	0	19/6
Мелкий рогатый скот	3/1	1/1	10/4	5/3	4/2	10/3	3/1	1/1	10/4	5/3	4/2	10/3	28/12	87/23
в том числе:														
Овца	3/1	0	10/4	5/3	4/2	10/3	3/1	0	10/4	5/3	4/2	10/3	25/11	74/20
Коза	0	1/1	0	0	0	0	0	1/1	0	0	0	0	3/1	11/3
Лошадь	1/1	2/1	5/3	0	0	2/2	1/1	2/1	5/3	0	0	2/2	5/2	50/21
Верблюд	0	0	1/1	0	0	0	0	0	1/1	0	0	0	1/1	7/3
Кулан	37/2	48/4	38/3	67/4	34/5	32/4	37/2	48/4	38/3	67/4	34/5	32/4	64/6	434/44
Сайга	54/6	21/3	45/8	31/7	56/10	104/14	54/6	21/3	45/8	31/7	56/10	104/14	64/12	513/79
Джейран	0	2/1	2/1	1/1	1/1	3/1	0	2/1	2/1	1/1	1/1	3/1	4/2	14/6
Волк	1/1	0	2/1	2/1	1/1	0	1/1	0	2/1	2/1	1/1	0	5/2	13/4
Лисица	0	0	0	0	2/1	0	0	0	0	0	2/1	0	0	2/1
Корсак	0	1/1	2/1	0	0	0	0	1/1	2/1	0	0	0	0	7/4
Ворон	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	2
Болотная сова	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Черный гриф, белоголовый сип	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	1





Таблица 2

Соотношение отделов скелета лошади, мелкого рогатого скота и сайги

Отделы скелета	Лошадь		Мелкий рогатый скот		Сайга (ямы № 1, 2, 4–6, 8, 9)	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Рога	-	-	3	6	9	-
Голова	6	12	25	53	24	23
Зубы	25	50	0	0	0	-
Туловище	3	6	5	11	24	23
Проксимальные части ног	3	6	8	17	38	37
Дистальные части ног	13	26	6	13	17	17
Таранная	-	-	40	- (46)	39	- (27)

Таблица 3

Соотношение отделов скелета сайги

Отдел скелета	Яма № 3		Яма № 7		Яма № 10		Яма № 11		Яма № 12		Яма № 13	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Рога	3	0	2	0	4	-	1	-	6	-	12	-
Голова	9	27	3	6	13	36	18	33	19	27	8	29
Туловище	5	15	21	40	9	25	13	24	6	9	13	46
Проксимальные части ног	7	21	27	52	12	33	20	37	11	16	3	11
Дистальные части ног	12	37	1	2	2	6	3	6	34	48	4	14
Таранная	2	6	0	0	5	12	1	2	28	29	24	46

¹Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН (проект 12-П-4-1050).

Литература

- Антипина Е.Е., Ольховский В.С. Археозоологические материалы из главной культовой конструкции святилища Байте III // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: Геос, 2000. – С. 79–88.
- Груздев А.Р., Проняев А.В. Определение возраста сайгака (*Saiga tatarica*) по слоям цемента зубов // Зоологический журнал. – 1994. – Т. 73. – Вып. 7, 8. – С. 223–226.
- Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. – М.: Наука, 1988. – 285 с.
- Негматов Н.Н., Соколовский В.М. «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. – М., 1975. – С. 344–348.

Таблица 4

Соотношение отделов скелета кулана

Отдел скелета	Яма № 7		Яма № 8		Яма № 9		Яма № 10		Яма № 11		Яма № 1–7, 11, 12	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Голова	4	11	1	2	2	5	4	6	6	9	6	3
Зубы	1	3	9	19	2	5	3	5	12	19	26	14
Туловище	18	48	8	17	17	45	23	34	28	44	72	37
Проксимальные части ног	10	27	8	17	9	24	17	25	7	11	32	17
Дистальные части ног	4	11	22	45	8	21	20	30	11	17	55	29

Таблица 5

Возрастной состав мелкого рогатого скота, лошади, сайги и кулана по состоянию зубной системы

Возраст	Мелкий рогатый скот		Сайга		Возраст	Лошадь		Кулан	
	Экз.	%	Экз.	%		Экз.	%	Экз.	%
Старше 24 месяцев	6	26	42	54	Старые особи	2	10	2	4
12–24 месяцев	4	17	26	34	Взрослые особи	16	75	30	57
3–12 месяцев	13	57	9	12	Полувзрослые особи	2	10	15	28
До 3 месяцев	0	0	0	0	Молодые особи	1	5	6	11



Сезон забоя животных

В и д	Я м ы								
	? – № не известен		№ 1	№ 4		№ 9		№ 11	
	лето	осень	осень	лето	осень	лето	осень	лето	осень
Мелкий рогатый скот	1	1						1	1
Лошадь				1	1		1		
Сайга	4	5	1			1			

Burke A. Histological observations of cementum growth in horse teeth and their application to archaeology // J. of Archaeological science. - 1995. - V. 22. - P. 479-493.

Lundervold M., Langvatn R., Milner-Gulland E.J. A comparison of age estimation methods for the saiga antelope *Saiga tatarica* // Wildl.Biol. - 2003. - V. 9. - P. 219-227.

Silver, I.A. The ageing of domestic animals. In D.R. Brothwell and E.S. Higgs (eds.), Science in archaeology: a survey of progress and research, 2nd edition. New York: Praeger Publishing, 1970. - P. 283-302.

Taichert M. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Widerristhöhe bei Schaffen // Archaeozoological Studies. - Amsterdam, 1975. - P. 276-288.

Wall-Scheffler C.M., Foley R.A. Digital cementum luminance analysis (DCLA): a tool for the analysis of climatic and seasonal signals in dental cementum // Int. J. Osteoarchaeol. - 2008. - Vol. 18. - P. 11-27.

Косинцев П.А., Бачура О.П.

Үстірттегі Ақпан ғибадатханасынан табылған сүтқоректілер фаунасы

Үстірттегі ерте темір дәуірінің Ақпан ғибадатханасын қазу барысында табылған жануарлардың 1115 сүйегінің сипаттамасы келтірілген. Барлық сүйек шұңқырлардан табылған. Олар сүтқоректілердің он бір түріне тиесілі; бұлар – мүйізді ірі қара, қой, ешкі, жылқы, түйе, құлан, ақбөкен, қарақұйрық, қасқыр, түлкі, қарсақ. Қой мен ақбөкеннің асық жіліктерінің шоғырлары, бас сүйектер мен аяқтардың бүтін түтік тәрізді сүйектері – қасқыр мен қарсақтың қалдықтары табылған. Бүтін төменгі жақтар мен жауырындар – қарақұйрықтың қалдықтары болып келеді. Мүйізді ірі қараның, қойдың, ешкінің, жылқының, түйенің, құланның және ақбөкеннің барлық дерлік қалдығы асүйлік (тамақ) қалдықтар болуы мүмкін. Олардың қатарына өңдеу іздері бар – ақбөкеннің барлық мүйізі, құланның бірнеше қабырғасы және ақ бөкеннің жауырыны жатпайды.

Ұсталған құландарды мүшелеп, ғибадатхананың төңірегінде жеген, ал ғибадатханаға негізінен ақбөкеннің бастарын және аяқтарының жоғарғы бөліктерін елген. Негізінен жас қойларды сойған, ересек құландар мен ақбөкендерді ұстаған. Түлкі өз інінде табиғи себептердің нәтижесінде өлген. Жануарлардың үш түрінің (қой, жылқы және ақбөкен) сойылу маусымдарын талдау, олардың екі кезеңде – көктемнің соңы мен жаздың басында және күзде сойылғанын көрсетті. Жануарларды бір шұңқырда көму бірнеше рет қайталанатын.

Kosintzev P.A., Bachura O.P.

The Mammal Fauna from the Akpan sanctuary in the Ustyurt

In this paper is provided the description of 1.115 animal bones from the excavation of the Early Iron Age sanctuary of Akpan, located in the Ustyurt. All bones have been found in pits and they belong to eleven mammal species: cattle, sheep, goat, horse, camel, Asiatic wild ass, saiga, goitered gazelle, wolf, fox and steppe fox. A lot of astragalus belonging to sheep and saiga have been found accumulated in heaps. The wolf and the steppe fox were represented by skulls and whole tubular (epiphyses) bones of the limbs, while the

goitered gazelle was represented by whole lower jaws and scapula. Almost all remains of cattle, sheep, goat, horse, camel, wild ass and saiga can be attributed to kitchen (food) residues. The horns of antelope, several ribs of wild ass and scapula of saiga are instead exceptions, as documented by traces of processing and manufacturing.

The wild ass was butchered and eaten around the sanctuary, while the saiga is represented here mainly by skull and upper legs. People slaughtered mostly young sheep and hunted mature wild ass and saiga. Fox died in its hole as a result of natural causes. The analysis of the slaughter season of three species (sheep, horse and saiga) showed that these animals were killed in two different periods: late spring or early summer and autumn. Repeatedly has been found burial of animals in the same pit.

Краева Л.А.

ТЕХНОЛОГИЯ КЕРАМИКИ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ПО ИСТОРИИ САРМАТОВ

Традиционно возникновение и существование гончарства связывают с оседлыми народами. Действительно, оседлость более благоприятна для занятия гончарством, так как для него важен ряд факторов: доступность воды и сырья; достаточное по времени нахождение на одном месте, чтобы высушить и обжечь керамику; благоприятные климатические условия и т.д. (Arnold, 1985, с. 119).

Однако в мире существуют и неоседлые общества, которые производят керамические изделия. В «Этнографическом Атласе» у Murdock G.P. из перечисленных 882 обществ, занимающихся гончарством, 103 были неоседлыми, в том числе 15 – кочевыми. По мнению Dean E. Arnold, кочевники могли строить свои перекочевки таким образом, чтобы находиться достаточно долго в благоприятном климате и около необходимых ресурсов для изготовления керамики (Arnold, 1985, с. 120). Экспериментальные работы в этом направлении показывают, что весь цикл производства посуды (от лепки до обжига) при благоприятных климатических условиях занимает не так много времени – от семи до четырнадцати дней.

Данные археологии также подтверждают возможность существования гончарства у кочевников.

В погребениях ранних кочевников Южного Приуралья и Западного Казахстана встречается от одного до четырех сосудов (Краева, 2011, с. 69). Значительное наличие лепной посуды в захоронениях, результаты анализа форм, орнаментов и технологии изготовления керамики свидетельствуют о существовании собственного гончарного производства (Краева, 2008, с. 10–12; 2009; 2010, с. 162–170; 2011, с. 51–60).

Это гончарство имело свои особенности, связанные с характером хозяйствования. В частности, кочевники не были жестко привязаны к одному и тому же глинищу, как оседлые племена, что подтверждается многообразием качественного состава исходного пластичного сырья (ИПС), из которого изготавливалась посуда (глины, илы, илистая глина из разных источников добычи). В основном исходное пластичное сырье не подвергалось специальной обработке (отмучиванию), что значительно сокращало время подготовки массы для лепки. В некоторых случаях глина даже не очищалась от очень грубых примесей (Краева, 2003, с. 350).

Как показал технологический анализ керамики, проведенный по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1978; 1999), для сарматского гончарства характерно разнообразие в технологии изготовления посуды на всех ступенях гончарного производства. Так, например, на ступени составления формовочных масс зафиксированы четыре рецепта в савроматское время и тринадцать рецептов в раннесарматское. В качестве искусственных примесей служили различные органические добавки, шмот, песок, кость, тальковая и гранито-гнейсовая дресва, шерсть, но преобладала продукция гончаров, изготавливающих свою посуду из ожелезненной глины с добавлением шмота и органических добавок.





Факты наличия разнообразия технологических приемов свидетельствуют о большей «открытости» кочевых обществ для контактов, на что могли повлиять подвижный образ жизни, частые миграции и межплеменные браки.

В самобытности гончарства также нашла отражение скотоводческая деятельность сарматов, которая проявилась в активном применении в гончарном производстве таких продуктов жизнедеятельности животных, как навоз, шерсть, кость животных, кожа, овчина.

Навоз, шерсть и кость животных использовались в качестве одного из компонентов формовочной массы.

Влажный навоз (в основном конский) наряду с другими органическими добавками (выжимка, органические растворы, неясная органика) использовался при составлении большинства рецептов формовочных масс.

Сухой измельченный навоз служил иногда в качестве прокладки при изготовлении сосудов в форме емкости (Краева, 2011, с. 55). Гончары активно применяли су-

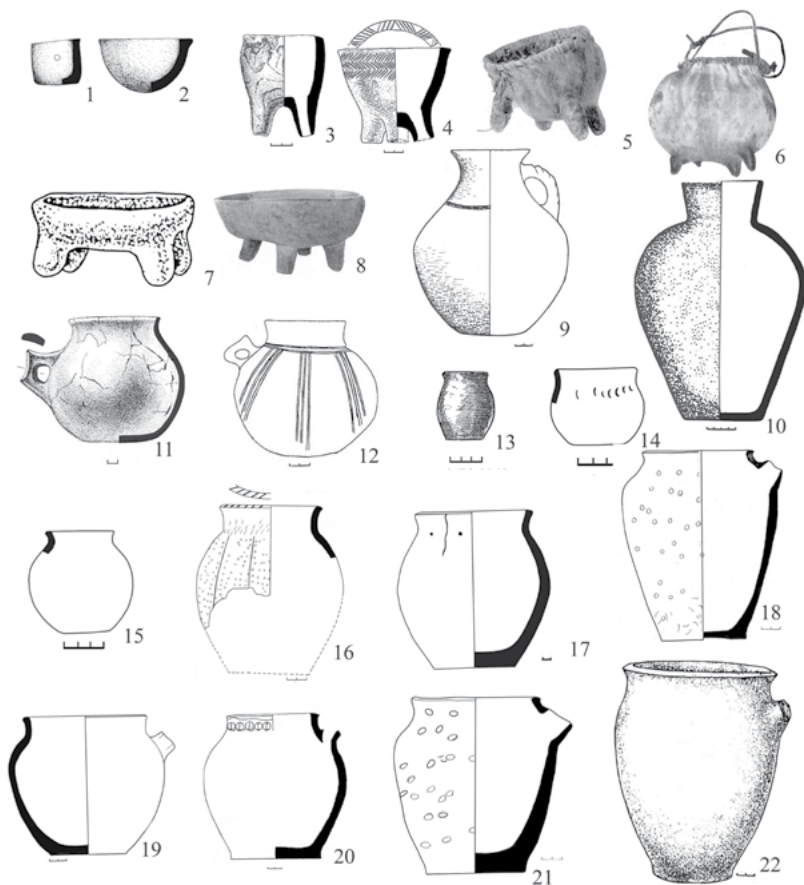


Рис. 1. Керамика ранних кочевников VI–I вв. до н.э.: 1 – Шумаево 1, к. 3, п. 2, с. 3; 2 – Шумаево 1, к. 3, п. 2, с. 2; 3 – Акоба 2, к. 1, п. 3; 4 – Филипповка I, к. 7; 9 – Покровка 8, к. 2, п. 2, с. 1; 10 – Покровка 2, к. 7, п. 8; 11 – Мустаево 5 к. 5 п. 4 с. 3; 12 – Краснохолм 2, к. 1, п. 3, с. 1; 13 – Новый Кумак, к. 18, с. 4; 14 – Новый Кумак, к. 18, с. 6; 15 – Новый Кумак, к. 18, с. 2; 16 – Новый Кумак, к. 11, п. 2, с. 2; 17 – Ивановская дюна, к. 1 п. 1; 18 – Липовка, к. 9, п. 4; 19 – Новый Кумак, к. 11, п. 2, с. 1; 20 – Барышников, к. 1, п. 2; 21 – Липовка, к. 9, п. 3; 22 – Медведка, к. 8.
Сосуды из вымени животных и их имитации: 5–6 – сосуды из коровьего вымени индейцев арауканов; 7 – савроматский каменный жертвенник (Гирьял, к. 2); 8 – деревянный сосуд индейцев арауканов

хой навоз (30%) и при обжиге, что придавало керамике оранжевую окраску поверхности (Васильева, Салугина, 1999, с. 245). Видимо, доступность этого вида топлива при занятии скотоводством в условиях безлесной степи обусловила его широкое использование.

Кость вводилась в формовочную массу у 11% посуды. Предварительно кость обжигали и дробили. Как показали экспериментальные работы, именно обожженная или кальцинированная кость дробится легче, тогда как сырая практически не поддается такой обработке.

Кожей или овчиной часто производилось заглаживание поверхностей сосудов.

Наряду с существованием у сарматов лощения и простого заглаживания различными материалами (кожа, овчина, ткань, пальцы, твердый предмет) применялись приемы ангобирования, окрашивания и обмазки. В целом окрашивание, ангобирование и обмазка не характерны для гончарства ранних кочевников и, видимо, являются заимствованными приемами обработки поверхности, подражающими ангобированию круговой азиатской посуды. Вероятно, использование глиняных концентратов (смесь ожелезненного и нежелезненного исходного пластичного сырья), зафиксированных при изготовлении 20% сарматской керамики, также связано с влиянием среднеазиатской традиции, где она имела устойчивые корни (Сайко, 1964, с. 118–119).

Существовала у сарматов и посуда особенных форм, отражающая их хозяйственную деятельность и религиозные представления. В погребениях обнаружены керамические сосуды – имитации кожаных фляг, «курильницы» (рис. 1, 1, 2), а также найдены сосуды в виде вымени животных (рис. 1, 3, 4). Именно в формовочных массах некоторых «курильниц» и сосудов, имитирующих козье и кобылье вымя (КМ Филипповка, к. 7; КМ Акоба II, к. 1, п. 3) (Краева, 2009, с. 198) (рис. 1, 3, 4), была зафиксирована примесь шерсти. Видимо, она имела культовое назначение и подчеркивала связь животных с этими ритуальными сосудами.

Сосуды в форме вымени особенно характерны для скотоводческих народов. Они изготавливались как непосредственно из вымени животных, так и имитировали вымя из других материалов (камень, дерево и керамика) (Зибберт, 1953, с. 93–97; Краева, 2006, с. 197–201; 2011, с. 70) (рис. 1, 5–8).

В погребениях Южного Приуралья и Западного Казахстана в IV–I вв. до н.э. встречается круговая импортная посуда из Средней Азии и Кавказа (Мошкова, 1963, с. 30; Мещеряков, Яблонский, 2007, с. 361–362), а также лепные формы – подражания ей, выполненные сарматскими гончарами (рис. 1, 9–12). Последние изготовлены с помощью местных технологических приемов. Однако стремление к воссозданию формы и внешних особенностей импортной керамики сразу обращает на себя внимание. Так, лепной сосуд из курганного могильника Покровка 2 (к. 7, п. 8) по форме очень напоминает большие среднеазиатские сосуды (Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко, 1995, с. 158) (рис. 1, 10). Интересно, что по красному окрасу поверхности он также похож на красноглиняную круговую керамику, а в его формовочной массе зафиксирован шамот, в том числе изготовленный из черепков круговой керамики.

Следует отметить, что сосуды-подражания никогда в точности не воспроизводят оригинал в силу различий в технологии изготовления и привычки гончара делать посуду определенной формы. Привычные формы, по словам многих гончаров, они могут делать «с закрытыми глазами», так как руки уже хорошо усвоили, как и в какой последовательности следует вести работу. Изготовление же новых моделей формы всегда вызывает трудности, так как требует внесения изменений в сложившуюся систему распределения физических усилий (Бобринский, 1991, с. 16).

Обобщение данных о технологии и морфологии сосудов из погребений Южного Приуралья и Западного Казахстана (550 сосудов) позволяет проследить изменения, происходившие в VI–I вв. до н.э. в среде сарматских племен, которые нашли отражение в динамике развития гончарного производства.

К настоящему времени в России доктором исторических наук А.А. Бобринским создана научная школа, работающая в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства (Бобринский, 1978; 1999, с. 5–109). Данный подход предусматривает изучение технологии изготовления керамики с помощью стереомикроскопа и реконструкцию на ее основе историко-культурных процессов в среде древнего населения.



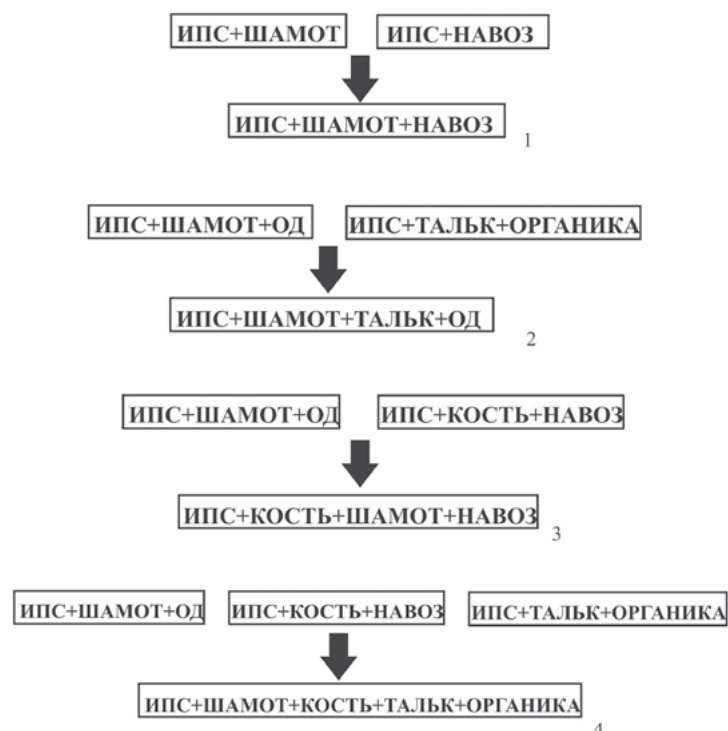


Рис. 2. Схемы образования сложных рецептов формовочных масс в результате смешения традиций

В корне возможности перевода информации из технологической в историко-культурную лежат общие закономерности функционирования гончарных производств и способности разных навыков труда реагировать с различной скоростью на возникновение и ход процессов смешения. Субстратные навыки труда (представления об исходном пластичном сырье, способы формообразования и конструирования сосудов – начинов, полых тел) сохраняются неизменными в течение жизни пяти-шести поколений гончаров. Изучая эти навыки, можно получить информацию о предыстории и истории сложения культурных традиций в гончарстве изучаемого населения.

Приспособительные навыки труда (приемы отбора, добычи и подготовки исходного пластичного сырья (глин и илов), составления рецептов формовочных масс, обработки поверхностей) изменяются достаточно быстро – в течение жизни одного-двух поколений гончаров, поэтому их изучение позволяет получить информацию об истории населения на момент совершения захоронений. Смешение носителей культурных традиций в доремесленном гончарстве отражает и смешение групп древнего населения в целом (Бобринский, 1978, с. 242–244).

В результате проведенного исследования керамики было установлено, что население Южного Приуралья и Западного Казахстана уже на раннем савроматском этапе (VI–V вв. до н.э.) не было однородным по своему составу. Различия в представлениях об исходном пластичном сырье указывают на то, что изначально в формировании указанного населения приняли участие как минимум две условные культурные группы.

В первую группу населения входили носители традиции изготовления керамики из глины. Эта группа была преобладающей и наиболее пестрой по своему составу, о чем свидетельствуют разные традиции в отборе глин и составлении формовочных масс.

Доминантными в этой группе были гончары, изготавливающие керамику из оже-лезненной «тощей» глины, которую смешивали во влажном состоянии с искусствен-ными добавками в виде шамота и органических добавок (далее – ОД). В сложении

этого состава принимали участие носители разных традиций в изготовлении формовочных масс. На это, в частности, указывают факты наличия рецептов с разными видами органических добавок (навоз, органический раствор, выжимка, органика), а также существование смешанного сложного рецепта: ожелезненная «тощая» глина + шамот + навоз, который, видимо, появился в результате контактов между носителями традиции составления простого рецепта (ожелезненная «тощая» глина + навоз) и носителями традиции использования только шамота в качестве искусственной примеси (рис. 2, 1).

Внутри первой группы были зафиксированы иные традиции составления формовочных масс, представленные в незначительном количестве: 1) глина + ОД (12%); 2) глина + песок + органика (7%); 3) глина + дресва + органика (15%). Формы посуды, изготовленной из перечисленных формовочных масс, ничем не отличаются от савроматских (рис. 1, 13, 14, 16, 17). Эти факты свидетельствуют об участии в сложении населения в VI–V вв. до н.э. носителей этих традиций составления рецептов формовочных масс и использования определенных стандартов в формах посуды.

Гончары первой группы изготавливали орнаментированную и неорнаментированную керамику плоскодонных форм в основном способом скульптурной лепки. Разнообразие субстратных навыков, заключающееся в существовании двух программ конструирования начинов (донно-емкостной и емкостной) и в наличии разных способов конструирования донно-емкостных начинов (моноконтный из комка глины и составной лоскутный), указывает на неоднородность изучаемого населения в прошлом. Однако общие способы конструирования полых тел лоскутным налепом свидетельствуют о процессе сращивания различных культурных традиций, что отражает глубоко зашедшие процессы смешения разных групп населения (Бобринский, 1978, с. 170).

Вторая группа населения существовала в одно время с первой группой и использовала для изготовления керамики илы и глиноподобное сырье, добыча которых была «привязана» к водоемам. Гончары этой группы изготавливали аналогич-

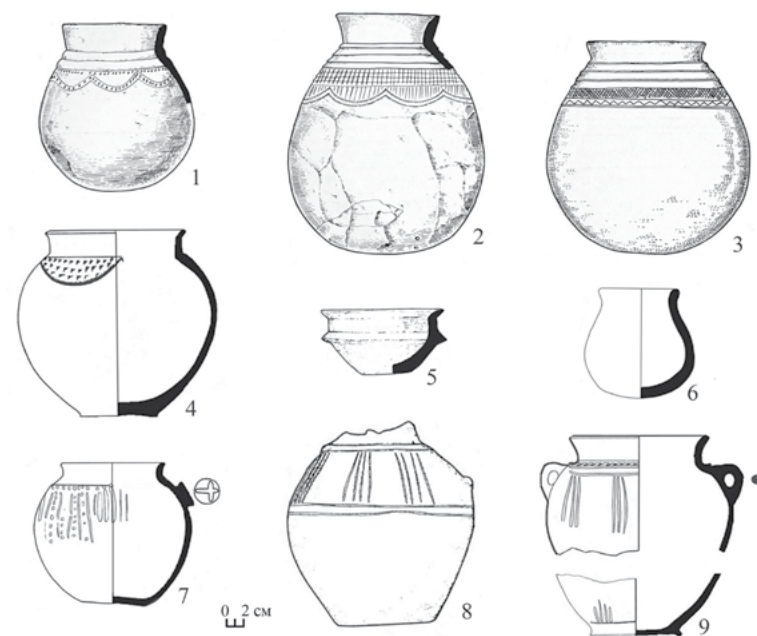


Рис. 3. Керамика ранних кочевников с примесью талька (глина+тальк+органика; глина+тальк+шамот+ОД): 1 – Мечет-Сай, к. 8, п. 2; 2 – Мечет-Сай, к. 8, п. 1; 3 – Новый Кумак, к. 21, п. 2; 4 – Мечет-Сай, к. 7, п. 10; 5 – Бердянка 5, к. 5, п. 3; 6 – Болдырево 1, к. 1; 7 – Чкаловский, к. 4, п. 4; 8 – Благославенка, ОК, п. 4; 9 – Чкаловский, к. 4, п. 13





ную посуду плоскодонных форм, в основном неорнаментированную. В формовочные массы вводились шамот и органический раствор. Конструирование мелкого донно-емкостного начина и полого тела осуществлялось лоскутным налепом на форме-основе, дополнительное формообразование производилось с помощью приема выбивания.

На настоящем уровне исследования мы не можем указать истоки этой группы. Однако следует отметить, что навыки использования в качестве исходного пластичного сырья илов и глиноподобного сырья фиксируются в Урало-Поволжском регионе начиная с эпохи неолита и существуют весь бронзовый век (Васильева, 2007, с. 38; Гутков, 1995, с. 135–146; Салугина, 1999, с. 22–23).

Один из компонентов в формировании савроматской культуры, видимо, своим происхождением был связан со Средней Азией. На это указывает использование в некоторых случаях для изготовления савроматской керамики нежелезистой глины или глиняных концентратов (смеси железистой и нежелезистой глины) – устойчивой традиции, характерной для среднеазиатского региона (Сайко, 1982, с. 73). Данное предположение согласуется с гипотезой К.Ф. Смирнова, который связывал происхождение сосудов с трубчатыми носиками-сливами с сакской традицией (Смирнов, 1964, с. 118–119).

Исследованные савроматские сосуды с носиками-сливами были изготовлены из следующих рецептов формовочных масс: 1) нежелезистая «тощая» глина + железистая «жирная» + органический раствор (рис. 1, 18); 2) слабожелезистая «тощая» глина + выжимка из навоза (рис. 1, 19); 3) железистая «тощая» глина + навоз (рис. 1, 20); 4) железистая глина + шамот + органический раствор (рис. 1, 21, 22). Иногда при составлении формовочной массы использовался шамот, на который дробились черепки от сосудов из нежелезистой глины. Совмещая полученные данные технологии (использование глиняных концентратов, нежелезистых глин, идентичных рецептов формовочных масс) и морфологии, можно предположить, что эта группа посуды действительно может быть связана своим происхождением со Средней Азией, а следовательно, в формировании культуры кочевников Южного Приуралья и Западного Казахстана в VI–V вв. до н.э. приняли участие выходы с этой территории.

Подтверждают эту гипотезу и данные погребального обряда. Так, захоронение воина из курганного могильника Аюба II (погребение 2), в насыпи над которым были найдены фрагменты сосуда с трубчатым носиком-сливом, сопровождало центральное дромосное коллективное погребение, совершенное на древнем горизонте, что, по мнению исследователей, характерно для саков Семиречья (Кадырбаев, 1985, с. 91–93; Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 144–145; Моргунова, Краева, 2011, с. 160–162).

В сложении состава населения в VI–V вв. до н.э. приняла активное участие группа населения, которая изготавливала свою керамику по следующему рецепту: глина + шамот + органические добавки. Судя по массовости и широкому распространению этого рецепта во всех могильниках, это была основная группа, которая стала ядром формирования сарматской культуры. Следует отметить, что данная группа в прошлом и в момент переселения также не была однородной, на что указывает существование внутри нее разных способов изготовления начинов, а также зафиксированные различные традиции в отборе и добыче сырья.

Наибольшим разнообразием традиций отличалась Орско-Кумакская группа памятников. В частности, помимо широко распространенных рецептов, известных и в других группах: глина + ОД и глина + шамот + ОД, в Орско-Кумакской группе использовали и другие рецепты: глина + дресва + органика; глина + песок + органика (Мошкова, 1962, с. 204–241; 1972, с. 27–48; Смирнов, 1977, с. 3–51). Интересно, что у сосудов этой группы, изготовленных из формовочной массы – глина + шамот + ОД, на шамот дробились разные сосуды, одни из которых были изготовлены из нежелезистой, а другие – из железистой глины с примесями дресвы. Все это указывает на тесные контакты между носителями разных традиций: железистая глина + дресва + органика; нежелезистая глина + выжимка и глина + шамот + органика, а также на их сосуществование, что подтверждается находкой в одном комплексе кургана 18 КМ Новый Кумак трех сосудов, изготовленных из формовочных масс: глина + дресва + органика (рис. 1, 13, 14), и одного сосуда, сделанного по следующему рецепту: глина + шамот + органика (рис. 1, 15).

Полученные данные по Орско-Кумакской группе указывают на то, что состав ее населения был еще более сложным и смешанным по сравнению с населением других групп.

В результате изучения лепной керамической посуды ранних кочевников VI–I вв. до н.э. было установлено, что субстратные и приспособительные навыки савроматских и раннесарматских гончаров близки между собой, а их гончарные производства имели сложную структуру. Преемственность прослеживается также в формах сосудов и в их орнаментации. Данные факты позволяют говорить о том, что корни происхождения раннесарматского гончарства кроются в савроматском гончарстве, что свидетельствует о генетической связи населения савроматской и раннесарматской культур Южного Приуралья и Западного Казахстана. Этот вывод подтверждается археологическими, а также антропологическими исследованиями (Смирнов, 1964, с. 286–290; 1975, с. 173; Мошкова, 1974, с. 28, 48; Пшеничнюк, 1983, с. 128; Балабанова, 200, с. 123; Краева, 2011, с. 350–352).

Вместе с тем существенные отличия, которые были зафиксированы в раннесарматском гончарстве, свидетельствуют об изменениях, наступивших в среде изучаемого населения в IV–III вв. до н.э. Именно в этот период контакты становятся более разнообразными, что проявляется в увеличении ассортимента форм и многообразии технологических традиций.

Уже на рубеже V–IV вв. до н.э. фиксируется появление лепной посуды, отличной от «савроматской». Это сосуды с грушевидным туловом, округлым дном, с резко отогнутым венчиком и сложным орнаментом. Технология их изготовления также отличается от более ранней посуды. Они изготовлены из формовочной массы: глина + тальк + органика или из тальковой глины с добавлением органических добавок (ОД); конструирование сосудов произведено лоскутным налепом с помощью формы-модели, а орнамент нанесен штампом (рис. 3, 1–3).

Доля такой посуды в сарматском керамическом комплексе была небольшой (8%). Причины появления и исчезновения «тальковой» керамики в Южном Приуралье неоднократно излагались исследователями. Исходя из разницы взглядов, можно выделить две точки зрения на эту проблему (Краева, 2007, с. 260–262).

«Миграционная». Появление «тальковой» керамики у сарматов в IV в. до н.э. связано с полуседлыми и оседлыми племенами зауральской лесостепи, в частности, с миграцией племен гороховской культуры, которые привнесли свои традиции и навыки в технологию гончарного производства и повлияли на окончательное оформление керамического комплекса прохоровской культуры. Исчезновение «тальковой» керамики связано с возобладанием традиций более многочисленной местной группы населения (Мошкова, 1974, с. 22; Таиров, 1998, с. 93).

«Контактная». Появление «тальковой» керамики связано не с миграцией лесостепного населения, а просто с ростом контактов сарматов с этим населением в IV в. до н.э., и исчезновение такой керамики в III в. до н.э. – с прекращением прежних контактов и переориентацией интересов номадов на запад и юг (Железчиков, Пшеничнюк, 1994, с. 8; Могильников, 1999, с. 133–134; Савельев, 1999, с. 139–140).

Проведенный технологический анализ показал, что появление такой посуды и дальнейшие изменения в технологии изготовления сарматской керамики связаны с массовым приходом в степи Южного Урала и Западного Казахстана на рубеже V–IV вв. до н.э. носителей традиций составления формовочных масс по рецепту глина + тальк + органика из лесостепного Зауралья. Именно в этом регионе имеются залежи талька, а также была широко распространена традиция его использования среди населения начиная с бронзового века (Мошкова, 1974, с. 6, 22; Гутков, 1995, с. 141).

Попадание в среду ранних кочевников рассмотренной выше круглодонной посуды, изготовленной по рецепту глина + тальк + органика, нельзя объяснить исключительно брачной формой контактов или влиянием «моды», так как это противоречит закономерностям развития гончарного производства. Именно приход носителей традиций составления формовочных масс глина + тальк + органика оказал значительное влияние на сложение технологических традиций в раннесарматском гончарстве. В результате смешения пришлых групп с местным населением произошло 1) широкое распространение круглодонной посуды, а также плоскодонной посуды «переходного типа» с плавным переходом стенок в неустойчивое дно (рис. 4); 2) изменение в орнаментации (уменьшение доли орнаментов в виде пиктограмм;



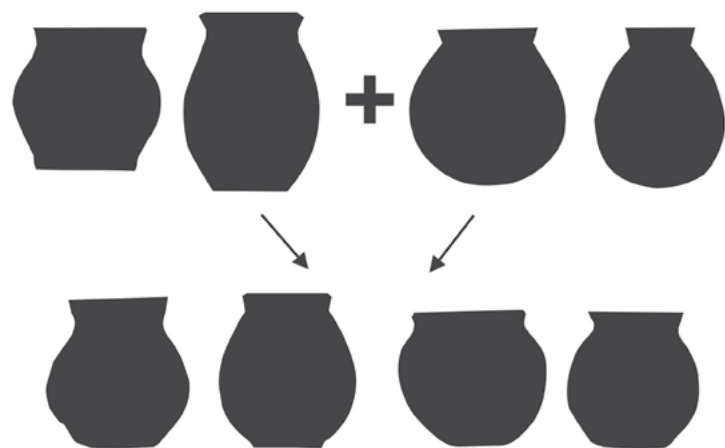


Рис. 4. Схема трансформации форм керамики в IV в. до н.э.

усложнение композиций; приоритет украшений плечевых зон); 3) появление новых способов орнаментации; 4) массовое появление смешанных рецептов формовочных масс: глина + шамот + тальк + ОД (рис. 2, 2, 4); 5) сложение общих навыков в конструировании полых тел при сохранении разных программ конструирования начинов; 6) появление новых поколений гончаров, которые еще придерживались старых программ конструирования начинов (емкостно-донный и донно-емкостный спирально-жгутовой), а полые тела сосудов уже начали делать лоскутным наделом по спирали; 7) массовое использование при изготовлении посуды форм-моделей (Краева, 2008; 2009, с. 200; 2010, с. 62–63).

Вероятно, одной из первых групп населения, которая раньше всех вошла в контакт с лесостепными племенами из Зауралья, была Орско-Кумакская группа. Именно в этой группе зафиксировано наибольшее количество плоскодонной и круглодонной керамики с резко отогнутой шейкой и грушевидным туловом, а также рецептов с примесью талька (глина + тальк + органика; глина + тальк + шамот + органика).

Появление керамики, изготовленной из формовочной массы глина + тальк + органика, было связано не просто с поступлением импортной посуды, а происходил постепенный процесс смешения носителей разных гончарных традиций, о чем свидетельствует возникновение смешанных рецептов формовочных масс: глина + шамот + тальк + ОД (рис. 2, 2). В эти рецепты первоначально (под влиянием контактов) тальк или шамот добавляли в небольшой «символической» концентрации носители разных традиций. Анализ шамота показал, что сначала на него дробились в основном сосуды, изготовленные из формовочной массы глина + тальк + органика с большой концентрацией талька. Возможно, они были привезены переселенцами или изготовлены из привезенного первоначального сырья (имеется в виду тальк). Неслучайно количество сосудов с большой концентрацией талька незначительно, так как в основном они, видимо, после выхода из обращения пошли на изготовление шамота. Этот факт указывает на преемственность со старыми традициями.

Смешение традиций, как уже отмечалось, фиксируется и в приемах конструирования посуды. Таким образом, наблюдается явный процесс зарождения новых гончарных традиций «смешанного» населения.

Следует отметить, что при визуальном определении примесей у исследователей часто складывается впечатление, что посуда в IV в. до н.э. имеет значительную примесь талька. Это ощущение возникает в результате того, что при составлении рецептов формовочных масс на изготовление шамота шли черепки от сосудов со значительной примесью талька (концентрация 1:2), и происхождение большей части частиц талька связано с шамотом, когда при дроблении частицы талька выпадают из него.

Микроскопическое изучение керамики показало, что на самом деле присутствие значительной примеси талька фиксируется в основном в формовочной массе посуды первой половины IV в. до н.э., а также в единичных случаях во II–I вв. до н.э., когда происходил процесс инфильтрации пришлого населения.

В течение IV–III вв. до н.э. доля концентрации шамота в рецептах глина + тальк + шамот + ОД возросла, а талька – уменьшилась. В то же время продолжали существовать сосуды, где концентрация талька более значительная, чем шамота (рис. 1, 4–6).

Результаты технологического анализа керамики второй половины IV–III вв. до н.э. показали, что рецептов (глина + шамот + ОД; глина + тальк + шамот + ОД), в которых шамот изготовлен из посуды со значительной концентрацией талька, гораздо больше, чем самой посуды, изготовленной по рецепту глина + тальк + органика. Эти факты свидетельствуют о процессах культурной интеграции, то есть о проникновении более или менее массовых инкультурных явлений и возникновении на этой основе устойчивой культурной неоднородности населения. Надежным критерием данного процесса, по Ю.Б. Цетлину, является наличие на памятниках от 10 до 50 % посуды со смешанными приспособительными традициями и частично или полностью со смешанными субстратными традициями в технологии изготовления, а также со смешанными культурными традициями в формах и орнаментах глиняной посуды (Цетлин, 1998, с. 59–60). Все эти признаки фиксируются в изученном материале (Краева, 2011, с. 58).

По-видимому, наиболее активно процесс смешения в IV–III вв. до н.э. шел в Орско-Кумакской группе памятников, где зафиксировано больше всего сосудов со смешанными рецептами формовочных масс (Мошкова, 1972, с. 27–48; Смирнов, 1977, с. 3–51). Данная особенность этой группы может быть объяснена, во-первых, большей возможностью контактов, обусловленных территориальной близостью к племенам лесостепного Зауралья; во-вторых, большей доступностью сырьевых источников в виде тальковых глин и залежей талька.

Со второй половины или с конца IV в. до н.э. появился и существовал весь III в. до н.э. новый компонент искусственно введенных примесей – дробленая обожженная кость. Носители данной традиции также участвовали в сложении раннесарматской культуры, однако пока неизвестно, откуда они пришли. Попад в сарматскую среду, их традиция в изготовлении керамики (глина + кость + навоз) смешалась с местной (глина + шамот + ОД). В результате этих контактов позднее возник, а какое-то время, возможно, и сосуществовал смешанный рецепт глина + кость + шамот + ОД (органика, навоз), в котором концентрация кости (1:3) значительно преобладала над концентрацией шамота (1:4/5) (рис. 2, 3, 4; 5, 3, 4).

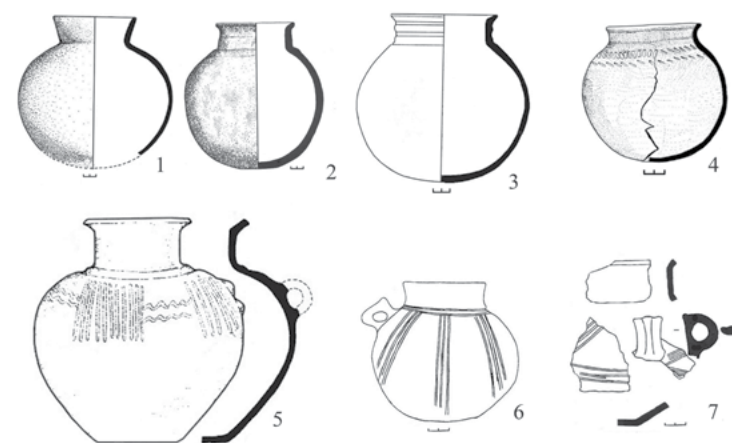


Рис. 5. Керамика ранних кочевников с примесью кости (глина+кость+навоз; глина+кость+шамот+навоз): 1 – Шумаево 2, к. 9, п. 4 с. 2; 2 – Покровка 2, к. 8, п. 5, с. 1; 3 – Мечет-Сай, к. 6, п. 4, с. 2; 4 – Шумаево 2, к. 9, п. 14, с. 1; 5 – Благодатная, ОК, п. 6; 6 – Краснохолм 2, к. 1, п. 3, с. 1; 7 – Чкаловский, к. 1, п. 3, с. 1



Формы посуды носителей традиции глина + кость + навоз ничем не выделялись из общей массы сарматской керамики второй половины IV–III вв. до н.э. (рис. 5, 1, 2). Однако гончарные традиции этой группы были очень устойчивыми, так как для изготовления керамики они использовали ожелезненную «жирную» глину, кость и навоз, а на шамот дробили только свою посуду.

Видимо, носители традиции изготовления изделий по рецепту глина + кость + навоз изначально делали круглодонную керамику, так как преобладающей формой посуды, изготовленной из такой формовочной массы, были сосуды с круглым дном. Подтверждается этот факт и тем, что большие плоскодонные сосуды, изготовленные по рецептам глина + кость + навоз и глина + кость + шамот + навоз, так же, как и круглодонные, конструировались с помощью форм-моделей лоскутным налепом (рис. 5, 5).

Период с конца (второй половины ?) IV в. до н.э. по III в. до н.э. характеризуется большим разнообразием в технологии изготовления посуды, что отражает наличие интенсивных процессов смешения различных групп населения в это время.

Во II–I вв. до н.э. произошло возобладание местных традиций, существующих еще с VI в. до н.э. в составлении формовочных масс (глина + шамот + ОД) и в изготовлении плоскодонных форм керамики. Это явилось логическим завершением развития предыдущей формы культурных контактов и свидетельствует об этнокультурной ассимиляции пришлого населения, когда контактирующие группы населения постепенно в ходе их смешения приобретают в гончарных традициях черты преобладающей группы населения (Цетлин, 1998, с. 60).

Однако, несмотря на кажущееся внешнее единство, в это время продолжали существовать группы населения, изготавливавшие свою керамику по другим рецептам, которая не отличалась по типам от остальной посуды.

Во II–I вв. до н.э. наряду с наиболее распространенным рецептом (ИПС + шамот + ОД) существовали рецепты (2%), более характерные для IV–III вв. до н.э.: глина + тальк + органика; глина + тальк + шамот + органика; глина + кость + шамот + навоз.

Наличие значительной примеси талька (1:2/3), выявленное в формовочных массах сосудов II–I вв. до н.э., свидетельствует о том, что ни о каком «исчезновении» традиции добавления талька в это время говорить нельзя.

Вся посуда II–I вв. до н.э., изготовленная из формовочной массы с добавлением талька, была плоскодонной и характеризуется рядом общих технологических особенностей, отличающихся от посуды IV–III вв. до н.э. (рис. 3, 7–9): 1) гораздо более сильной степенью ожелезненности глины; 2) характерными естественными примесями в глине минералов в виде непрозрачных включений белого цвета или прозрачных друз (Краева, 2010, с. 64).

На основании этих фактов можно предположить, что в это время существовала группа гончаров, у которых была распространена традиция составления формовочных масс по следующему рецепту: глина + тальк + органика. Вполне вероятно, что данная группа была связана с Зауральем, где продолжала бытовать тальковая керамика, а характерные примеси в виде обломков горных пород указывают на происхождение ИПС из горных или предгорных районов.

Посуда II–I вв. до н.э., изготовленная из формовочной массы глина + кость + шамот + навоз, также отличается рядом особенностей от керамики IV–III вв. до н.э., изготовленной по такому же рецепту: 1) в качестве ИПС использовалась наряду с ожелезненной «жирной» и нежелезненная «тощая» глина; 2) внешняя поверхность сосудов иногда выкрашивалась красной краской и затем лощилась (рис. 5, 7). Вся эта посуда представлена плоскодонными формами и украшена орнаментами, характерными для сарматской посуды II–I вв. до н.э. (рис. 5, 6, 7).

Существование традиции использования примеси кости в период II–I вв. до н.э. может быть объяснено наличием групп населения, продолжающих изготавливать керамику по рецепту глина + кость + шамот + навоз. Однако под влиянием традиций иных групп населения, чья керамика еще не найдена, произошли изменения в представлениях об ИПС и в обработке поверхности. Возможно также, что в это время произошел приток второй волны переселенцев – носителей традиции примеси кости, которые пришли с уже измененными традициями в обработке поверхности и в представлениях об ИПС.

Таким образом, судя по данным изучения технологии керамики, в культурогенезе ранних кочевников Южного Приуралья и Западного Казахстана принимали участие несколько групп населения из разных регионов. В VI–V вв. до н.э. в сложении кочевых племен, оставивших свои погребения в Южном Приуралье, участвовало несколько групп населения из разных регионов, в том числе с территории Средней Азии. На протяжении IV–III вв. до н.э. было несколько волн миграций, под влиянием которых происходили изменения в формах посуды и технологии ее изготовления. В начале IV в. до н.э. произошла инфильтрация в среду кочевников Южного Приуралья инокультурного населения из Зауралья, которое привнесло собственные традиции в изготовлении круглодонных форм керамики, не характерные для местного населения (использование примеси талька, форм-моделей и т.д.).

На протяжении второй половины IV в. до н.э. и в III в. до н.э. происходил процесс интеграции местного населения с первой волной «мигрантов», что проявилось в возникновении смешанных технологических навыков в изготовлении посуды и в появлении массы переходных форм керамики. Со второй половины или с конца IV в. до н.э. на территории Южного Приуралья и Западного Казахстана фиксируется приход новой группы населения, несущей традиции изготовления керамики по рецепту глина + кость + навоз, которая также участвовала в сложении раннесарматской культуры. Это проявилось в появлении смешанных рецептов формовочных масс: кость + шамот + навоз.

Во II–I вв. до н.э. наблюдается процесс ассимиляции пришлых групп населения, и произошло возобладание местных традиций в изготовлении керамики, то есть наступил процесс относительной культурной однородности общества. Наряду с этим фиксируются группы населения, для которых характерна посуда, по морфологическим особенностям идентичная сарматской, но отличающаяся по технологии изготовления. В частности, в составе ее формовочной массы фиксируется тальк или кость в большой концентрации, что характерно для рецептов первой половины IV в. до н.э. Этот факт может быть объяснен либо существованием групп гончаров в среде сарматов, которые продолжали составлять формовочные массы «по старым рецептам», либо произошла инфильтрация новых групп населения.

Безусловно, волн миграций инокультурного населения на территорию Южного Приуралья и Западного Казахстана в VI–I вв. до н.э. могло быть больше, но они не отразились на изменениях в гончарстве.

Литература

- Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. – М.: Наука, 2000. – 133 с.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 5–110.
- Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – Вып. 8. – С. 193–214.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П. Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Изд-во Самарского университета, 1999. – С. 234–257.
- Гутков А.И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим: исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Творческое объединение «Каменный пояс», 1995. – С. 135–146.
- Железников Б.Ф., Пшеничник А.Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов. – Волгоград, 1994. – С. 5–8.
- Зиберт Э.В. Сосуды из коровьего вымени в коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М.–Л., 1953. – Т. XIV. – С. 93–97.
- Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 84–93.





Краева Л.А. Технично-технологическое исследование керамики из сарматских погребений Шумаевских курганов // Шумаевские курганы. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. – С. 332–358.

Краева Л.А. Сарматский ритуальный сосуд из второго курганного могильника у с. Аюба // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2006. – С. 197–201.

Краева Л.А. Проблемы изучения сарматской керамики второй половины I тыс. до н.э. // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. – Уфа: Китап, 2007. – С. 257–265.

Краева Л.А. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008. – 26 с.

Краева Л.А. Технология изготовления керамики ранних кочевников Южного Приуралья в IV–I вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2009. – Вып. 10. – С. 193–211.

Краева Л.А. Гончарная технология ранних кочевников Южного Приуралья в VI–V вв. до н.э. // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. – Астрахань: Изд-во Астраханского университета, 2010. – С. 162–170.

Краева Л.А. К вопросу о примеси талька в сарматской керамике Южного Приуралья // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: Изд-во Института археологии РАН, 2010. – С. 58–65.

Краева Л.А. Сравнительная характеристика гончарных традиций савроматского и раннесарматского периодов // Печатные труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. 1. – СПб.–М.–Великий Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. – С. 350–352.

Краева Л.А. Технология изготовления керамики из погребений раннесарматской культуры Южного Приуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2011. – № 4 (48). – С. 51–60.

Краева Л.А. Керамика в погребальном обряде ранних кочевников Южного Приуралья VI–I вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 69–74.

Мещеряков Д.В., Яблонский Л.Т. О некоторых кавказских импортах в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья. – М., 2007. – С. 357–368.

Могильников В.А. К характеристике контактов кочевников Южного Зауралья с населением лесостепи // XIV Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 133–134.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А. Курганный комплекс Аюба II // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. – Вып. 10. – С. 156–199.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. – М.: Наука, 1963. – 56 с.

Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М., 1972. – С. 27–48.

Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Наука, 1962. – № 115. – С. 204–241.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.: Наука, 1974. – 52 с.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 199 с.

Савельев Н.С. «Зауральские автохтоны»: идентификация, роль в формировании прохоровской культуры, дальнейшая судьба // XIV Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 139–140.

Салугина Н.П. Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ДИМУР, 1999. – Вып. 3. – С. 2–39.

Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. – М.: Наука, 1982. – 211 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.: Наука, 1964 – 379 с.

Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа, 1977. – С. 3–51.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. – Челябинск, 1988. – С. 141–159.

Цетлин Ю.Б. Культурные контакты в древности (общая систематика и отражение их в культурных традициях гончаров) // Тверской археологический сборник. – Тверь: Изд-во Тверского музея, 1998. – Вып. 3. – С. 50–63.

Краева Л.А.

Сарматтардың тарихы жөніндегі ақпарат көзі ретіндегі қыш технологиясы

Мақалада б.д.д. VI–I ғ. Оңтүстік Орал өңірінде болған тарихи-мәдени процестерді қайта түзуде сармат қышының атқаратын рөлі ашып көрсетіледі. Б.д.д. VI–I ғ. Оңтүстік Орал өңіріндегі ертедегі көшпелілердің жеке қыш-құмыра өндірісі болған және көшпелі өмір салты оның ерекшелігіне айтарлықтай ықпал еткен (шикізат өндіру көздерінің жиі ауысуы, үй жануарларының тіршілік әрекеті өнімдерін молынан пайдалану, қыш-құмыра жасау дағдыларының айтарлықтай алуан түрлі болуы). Қабірлерден алынған ыдыстардың технологиясы мен морфологиясы туралы деректерді талдап қорыту (қоныстану материалы жоқ) осы уақыттағы сармат тайпаларының ортасында орын алған, қыш-құмыра өндірісінің даму динамикасында көрініс тапқан (А.А. Бобринский бойынша) өзгерістерді егжей-тегжейлі қарастыруға мүмкіндік береді. Қышты зерттеу нәтижесінде «савроматтар» (б.д.д. VI–V ғ.) мен ертедегі сарматтардың (б.д.д. IV–I ғ.) қыш-құмыра өндірістерінің арасындағы сабақтастық анықталды, бұл мәдениеттер сабақтастығын көрсетеді. Бұл тұжырым археологиялық, сондай-ақ антропологиялық зерттеулермен расталады. Қыш технологиясын зерттеу деректеріне қарағанда, Оңтүстік Орал өңіріндегі ертедегі көшпелілердің мәдени генезінде түрлі аймақтардың, соның ішінде Зауралье мен Орталық Азия халықтарының бірнеше тобы болған. Б.д.д. VI–I ғ. миграцияның бірнеше толқынын атап көрсетуге болады, олардың әсерінен ыдыстың пішіндерінде және оны дайындау технологиясында өзгерістер болған. Бастапқы иілгіш шикізат туралы түсініктердегі айырмашылықтар әуелде халықтың қалыптасуында кем дегенде екі мәдени топ болғанын көрсетеді: саздан және балшықтан қыш дайындау дәстүрін жалғастырушылар. Басым көпшілігі және құрамы жөнінен барынша әр түрлісі бірінші топ болған, сазды таңдап алу және қалыптық массаларды жасау жолдарының әртүрлілігі осыны көрсетеді. Онда қышты қатып қалған «құнарсыз» саз + шамот + органикалық қосымшалар рецептісі бойынша дайындайтын көзешілер басым болған. Б.д.д. V ғ. аяғында (б.д.д. IV ғ. басы) Зауральеден «талық дәстүрін жалғастырушылардың» және түбі доғал пішінді қыштың, б.д.д. IV ғ. соңында «сүйек дәстүрін жалғастырушылардың» (эмиграция аймағы әзірге белгісіз) келгені байқалады. Халықтың ең көп орын ауыстыру және араласу процестері б.д.д. IV–III ғ. соңында орын алған, осы кезеңдегі қыш-құмыра жасауда аралас, сол сияқты аралас емес еңбек дағдыларының өте көп пайда болуы осыны көрсетеді. Ертедегі көшпелілердің ортасында өзге мәдени топтармен араласу процестерінің бірнеше мәрте орын алғандығы анықталды, алайда олардың барлығы қыш-құмыра жасаудағы өзгерістерден көрініс таппаған.

Kraeva L.A.

Production technology of ceramic pottery as source of information on the history of the sarmatians

The article concerns the role of Sarmatian pottery in reconstructing the historic-and-cultural processes that occurred in the South Urals and the West Kazakhstan in the 4th - 1st century BC. The early nomads of the South Urals in the 6th - 1st century BC had their own specific pottery production, the nature of which was strongly influenced by nomadism (frequently changing sources of raw materials, wide use of waste products of domestic animals, significant diversity of ceramic skills). The generalization of data about the technology and morphology of the vessels from barrows (no material from settlements is available) allows to deduce the changes that happened at that time in the Sarmatian cultural environment and that found their reflection in the dynamics of pottery evolution (according to A.A. Bobrinsky). The study of ceramics revealed a continuity between the pottery production of the «Sauromatian» (6th - 5th century BC) and early Sarmatian tribes (4th - 1st century BC), thus pointing to cultural continuity. This statement is confirmed





by archeological as well as anthropological studies. Analysis of the pottery technology revealed that several population groups from different areas, including the Trans-Urals and Central Asia, took part in the cultural genesis of South Urals early nomads. In the 6th - 1st century BC several waves of migration influenced the changes in the shapes of the ware and its technology of production. The different choices of the original plastic raw material indicate at least two cultural groups which initially formed the population and used either clay or silt for manufacturing pottery. The first group was the most prevalent and diverse, as illustrated by different traditions of selecting the clay and making the molding masses. Most of the potters in this group used the recipe of low-plasticity iron clay+grog+organic additions. At the end of the 4th century BC "bearers of the bone tradition" migrated into the region from a location that at present remains unknown. The most active processes of migration and mixing of the population took place at the end of the 4th - 3rd century BC; and this is proved by the extensive amount of mixed as well as unmixed labor skills in the pottery of that time. We have established that the early nomads mixed with other cultural groups, however, it was not in every case that the pottery was affected.

Мыльников В.П.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДЕРЕВЯННЫХ СЕДЕЛЬНЫХ УКРАШЕНИЙ СБРУИ КОНЯ ИЗ КУРГАНА 3 МОГИЛЬНИКА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ПАЗЫРЫК¹

Проблема извлечения максимальной информации из первоисточника была и остается вопросом первостепенной важности. Все больше новых разнообразных аналитических методов и подходов включаются исследователями в комплексное изучение археологических предметов.

Одним из проверенных и хорошо зарекомендовавших себя в отечественной археологии является метод физического моделирования, включаемый в состав мультидисциплинарного исследования артефактов (Семёнов С.А., 1968; Минасян, 1990; Мыльников, 1995; 1999; Глушков, 1996; Бородавский, 1997). Физическое моделирование целиком основано на эксперименте. Оно заключается в воспроизведении копий-реплик изучаемых археологических предметов из того же или максимально приближенного по структурным и физическим показателям к аналогу материала, теми же инструментами, способами и приемами. Основная его цель – выявление по отпечаткам следов лезвий орудий необходимого набора инструментов, технологических операций, техник и приемов обработки, временного показателя накопления опыта, знаний, навыков и умений, необходимых для полного изготовления реплики, а также определения условий, влияющих на характеристики и показатели процесса деревообработки (Мыльников, 1999, с. 4). Являясь определенным критерием истины, эксперимент позволяет на практике проследить логику реальных технологических действий древних мастеров и среди многообразия предположений провести естественный отбор целесообразного и рационального. Ценность его заключается еще и в том, что все реконструкции, построенные на исследовании археологического материала этнографической сохранности, имеют абсолютную достоверность. Иными словами, такие реконструкции имеют доказательную верификацию.

В статье публикуются результаты исследований, полученные при изучении эталонных археологических материалов классического памятника Пазырык (курган 3) – наборов седельных украшений коня, вырезанных из кедровых дощечек. Чтобы результаты проведенного анализа были объективны, верифицируемы и достаточно представительны, мы отобрали предметы самой высокой степени сохранности с максимальным количеством следов обработки. Эти два показателя находятся в прямой зависимости друг от друга и определяют уровень пригодности источника для его комплексного анализа и интерпретации (Гарден, 1983, с. 49, 194; Квиркелия, 1988, с. 30; Кузьмин, Варламов, 1988, с. 146; Погребова, Раевский, 1992, с. 4). Формула «со-

хранность артефактов – следы обработки – возможность реконструкции» в идеале составляет основу для изучения любого из древнейших производств. В конечном итоге все обозначенные обязательные условия исследовательского процесса создают реальную перспективу перехода к доказательным интерпретациям статуса не гипотез, а проверяемой методами точных наук теории (Ларичев, 1988, с. 184).

Многолетние исследования убедили нас в том, что художественная резьба у носителей пазырыкской культуры на Российском, Казахском и Монгольском Алтае была специализированным видом обработки дерева (Мыльников, 1995; 1999; 2008; 2011; Самашев, Мыльников, 2004). Она сочетала в себе все достижения плотницкого и столярного искусства и в то же время находилась в некоторой обособленности от плотницкого и столярного дела. Плотники и столяры могли стать искусными резчиками по дереву, имея многолетнюю практику работы с материалом малых размеров. Специалист по художественной обработке дерева мог и не быть классным столяром или плотником, тем не менее он знал основы их мастерства, необходимые ему для выбора материала, изготовления заготовок, подготовки их к резьбе. Техника и технология художественной резьбы, особенно высокого качества, требовала многолетней наработки навыков специализированного отбора материала, наиболее подходящего для конкретного вида работ, способов и приемов его обработки. Помимо чисто технологических аспектов профессиональный резчик должен был знать культурные традиции данной социальной группы или общественного объединения, легенды и предания, мифы и сказания, связанные с историей каждого рода и племени, их тотемных покровителей и многое другое. Практика и секреты технологии художественной резьбы вырабатывали у резчиков профессиональные традиции этого вида ремесла. Особенность художественной резьбы у резчиков степной и лесостепной полосы Северной и Центральной Азии в раннем железном веке заключалась в том, что заготовки для резьбы – кедровые бруски и дощечки изготавливали при помощи топора, тесла, клиньев. Разнообразные отверстия прорезали стамесками



Рис. 1. Неполный комплект седельных украшений коня из кургана 3 могильника Пазырык (коллекция Государственного Эрмитажа)





Рис. 2. Комплект седельных украшений коня из кургана 3 могильника Пазырык (эксперимент)

или проворачивали сверлом. Важнейшую операцию по выявлению рельефа простого и сложного орнамента – собственно художественная резьба – производили в основном одним универсальным инструментом – ножом.

Экспериментальные исследования при изготовлении копий-реплик деревянных седельных украшений коня носителей пазырыкской культуры из кургана 3 могильника Пазырык (рис. 1, 2) показали, что физическое моделирование как метод извлечения дополнительной информации из первоисточника при комплексном анализе дает много дополнительной ценной информации, которую невозможно получить при традиционном подходе. Ниже вкратце приведены основные результаты исследования.

Заготовки больших накладок на седельную луку с изображением пар голов лося (протомы), ориентированных в разные стороны, изготовлены из чурочек толщиной 7–8 см. После раскола, обрубки, лицевки заготовки долго остругиваются мелкими частыми срезами для придания им необходимой дугообразной формы с кривизной дуги 140°–160°. При этом, соблюдая постоянный контроль, выдерживается необходимая ровная толщина заготовки по всей поверхности. После этого наносится сложный рисунок по лекалу или (в зависимости от уровня мастерства) на глаз, а затем вырезается рельеф.

Малые и средние подвесные бляхи седельных ремней с криволинейным орнаментом изготовлены из прямых плоских оструганных дощечек толщиной 0,8–1 см. На производство бляхи среднего размера с простым криволинейным орнаментом затрачивается втрое меньше времени, чем на одну большую накладку на седельную луку с изображением лосиных голов. Малые бляхи требуют временных затрат в полтора раза меньше, чем украшения среднего размера.

Крупные полулунные накладки с орнаментом в виде стилизованных рогов лося (марала) также изготовлены из дощечек толщиной 1 см. На производство одного такого украшения затрачено времени вдвое больше, чем на бляху среднего размера с криволинейным орнаментом.

Планки накладок на подхвостные седельные ремни в форме вытянутых трапеций изготовлены с затратами разного количества времени. У первого изделия, где фигура ориентирована слева направо, туловище зайца больше размером и рельеф проработан четче. При изготовлении второго изделия больше времени затрачено

на проработку зеркального отражения рисунка – уменьшенное изображение зайца ориентировано в противоположную сторону, и вместо трех косых полулунных островерхих дополнительных украшений (мощные когти или клыки кошачьего хищника – магический оберег) – четыре.

В ходе исследования возникли два вопроса. Почему мастер только у одной из четырех больших накладок на седельную луку с изображением пар голов лосей тщательно, с дополнительными деталями проработал глаз у левого изображения головы лося? Почему на одной из накладок на подхвостный ремень изображение зайца меньше, чем на другой, и вместо трех когтей вырезано четыре? Пока нет определенного ответа. Есть два предположения при ответе на первый вопрос: 1) необходимость сокращения времени – на вырезание дополнительной оконтуривающей каждое веко прорези; вряд ли мастер забыл сделать это на других изображениях; 2) без выраженного контура век глаз, по мнению мастера, более реалистичен.

В заключение необходимо сказать, что данный эксперимент еще раз подтвердил результаты наших многолетних опытов. На изготовление первого изделия из каждой серии затрачивалось больше времени, чем на последующие. Даже при использовании одного лекала (одного шаблона) не получалось двух абсолютно одинаковых предметов. В процессе резьбы обязательно появлялись невидимые на первый взгляд небольшие допуски и расхождения. На выявление рельефа орнамента малых блях было затрачено примерно в полтора раза меньше времени, чем на резьбу изделий среднего размера. Всего чистого рабочего времени на изготовление полного набора украшений из шестнадцати предметов от момента выбора сырья до полного изготовления предмета (изготовление заготовок, рубка, раскол, отеска, лицевка, разметка, резьба) затрачено около 80 часов. Четыре большие накладки на седельную луку с изображением пар голов лосей сработаны за 28 часов, шесть средних подвесных блях седельных ремней с криволинейным орнаментом – за 24 часа, две малые подвесные бляхи седельных ремней с криволинейным орнаментом – за 8 часов. Сумма хронометрических данных и трудозатрат показывает, что один резчик с большим опытом работы мог изготовить полный комплект деревянных украшений сбруи коня за четыре-пять дней.

¹Работа выполнена в рамках проекта № 2023-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»; гранта Президента РФ по поддержке научных школ (научная школа академика В.И. Молодина, НШ-4880.2012.6).

Литература

- Бородавский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. до н. э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.
- Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. – М.: Прогресс, 1983. – 295 с.
- Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.
- Квирикадзе О.Р. Методологические проблемы кабинетного исследования // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 18–32.
- Кузьмин Н.Ю., Варламов О.Б. Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже нашей эры // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 146–156.
- Ларичев В.Е. Мальтинская пластина – счетная календарно-астрономическая таблица древнекаменного века Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 184–225.
- Минасян Р.С. Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // Археологический сборник. – Л.: ЛО «Искусство», 1990. – № 30. – С. 67–76.
- Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 18 с.





Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная Азия): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 54 с.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 188 с.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток: к истории становления скифской культуры. – М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1992. – 260 с.

Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11, могильника Берел). – Алматы: ОФ «БЕРЕЛ», 2004. – 240 с. (на англ., рус. яз.) (23 п.л.).

Семёнов С.А. Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 220 с.

Мыльников В.П.

Скиф заманындағы Пазырық қорымының 3-ші обасынан табылған аттың әбзелінің ағаш ер-тоқым әшекейлерін қалпына келтіру

Көркем оюы бар археологиялық ағаш заттарды қалпына келтіру (табиғи үлгілеу – репликаларын-көшірмелерін дайындау) – түп-дерек туралы қосымша ақпарат алудың тексерілген және біз қайта-қайта сынап көрген әдісі. Әдістемелік іс-әрекеттердің бұл кешенінің негізі – ғылыми тәжірибе. Оның ерекшелігі төмендегідей ережелерді мүлтіксіз сақтауда: материал, жабдық, затты өңдеу амалдары мен дайындау тәсілдері ежелде қандай болса, дәл сондай болуы керек. Нәтижесінде сараптама жүргізетін зерттеуші зерттелетін артефакт туралы жаңа мәліметтердің толық шоғырына қол жеткізеді, оларды дәстүрлі әдістерді қолданған кезде алу мүмкін емес. Бұл – материалды іріктеу ерекшеліктері (ағаштың түрі, сапасы мен сақталуы, дайындалған уақыты және т.с.с.); ағашты өңдеудің және дайындамалар мен заттың өзін дайындаудың амалдары мен тәсілдерінің ерекшеліктері; нақты бұйыммен жұмыс істеудің әр кезеңін хронометраждау; оюшының бір затты және бүкіл әшекейлер жиынтығын өрнектеуге жұмсайтын уақыты.

Myl'nikov V.P.

The Reconstruction of the Wooden Saddle Ornaments from the Barrow 3 of the Scythian-Period burial ground of Pazyryk

The problem of obtaining as much as possible information and data from original sources is, and remains, a matter of utmost importance. A great variability of new analytical methods and approaches are considered today by the researchers in the complex study of the archaeological objects. The reconstruction (i.e. physical modelling and manufacturing of replicas or copies) of archaeological wooden objects decorated by carved ornaments is a proven and repeatedly tested by us method for achieving additional information about the primary source. The basis of this complex methodological activity is represented by the experiment. Its specificity lies in the strict observance of the following rules: the material, the tools, the techniques and the ways of working the subject should be the same as they were in ancient times. As a result, the researcher conducting the experiment achieves a whole spectrum of new information about the studied artefact which can not be achieved by using traditional methods. For example: the peculiarities of the material selected (the species of wood, quality and degree of preservation, the time of harvest and others); the peculiarities of the techniques and methods of wood processing and manufacturing of semi-finished artefacts and the object itself; the timing of each work stage for a specific product and the time spent by the craftsman for carving only an artefact and the whole set of ornaments.





СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айткали Азат Калыулы – ученый секретарь, ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. E-mail: azza_semsk@mail.ru

Аникеева Ольга Викторовна – ведущий научный сотрудник, Государственный Научно-Исследовательский Институт Реставрации (ГосНИИР), к. геол.-мин. наук. E-mail: olganikeeva@yandex.ru

Ахметов Мирхат Гадильбекович – младший научный сотрудник, ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. E-mail: mirkhat1989@mail.ru

Бачура Ольга Петровна – научный сотрудник, Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН, к. биол. н. E-mail: olga@ipae.uran.ru

Бедельбаева Марина Васильевна – преподаватель кафедры истории Казахстана, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова; заведующая музеем, Сарыркинский археологический институт, к.и.н. E-mail: bmv_1967@mail.ru

Бесетаев Бауржан Берканович – младший научный сотрудник, ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. E-mail: besetaev86@mail.ru

Бообек уулу Болотбек – аспирант, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына

Варфоломеев Виктор Васильевич – старший научный сотрудник, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, к.и.н., доцент. E-mail: vicvarfolomeev@mail.ru

Гайдученко Леонид Леонидович – биолог, Научно-образовательный центр изучения проблем природы и человека, Челябинский государственный университет; главный научный сотрудник, ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, к. геол.-мин. наук, доцент. E-mail: volin-va@list.ru

Гуо Ву – научный сотрудник, Институт археологии Академии социальных наук Китая, г. Пекин (КНР)

Дарменов Рустем Турарбекович – научный сотрудник, Кызылординский Государственный университет им. Коркыт Ата. E-mail: darmenov_rustem@mail.ru

Демиденко Сергей Викторович – научный сотрудник, Институт археологии РАН, к.и.н. E-mail: svdemid@hotmail.ru

Дергачева Мария Ивановна – главный научный сотрудник, Институт почвоведения и агрохимии СО РАН, д. биол. н., профессор, академик Российской академии естественных наук. E-mail: mid555@yandex.ru

Дуйсенгали Мейрам Нурланулы – директор, Актюбинский областной историко-краеведческий музей. E-mail: duiengalimeiram@mail.ru

Жунисханов Айдын Сенгалиевич – научный сотрудник, ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. E-mail: aid_2010@bk.ru

Иванов Сергей Сергеевич – доцент факультета востоковедения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, к.и.н. E-mail: sergioiv@mail.ru

Калиева Жанаргуль Сериковна – научный сотрудник, ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. E-mail: zhkalieva@mail.ru

Киясбек Галымжан – старший научный сотрудник, ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. E-mail: abdualalim_q@mail.ru

Кожамбетов Багашар Болатович – младший научный сотрудник, ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. E-mail: explorer_kz@mail.ru

Косинцев Павел Андреевич – заведующий лабораторией, Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН, к.биол. н. E-mail: kra@ipae.uran.ru

Краева Людмила Анатольевна – зав. музеем археологии, ФБГОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет», к.и.н. E-mail: kraeva_ludmila@mail.ru

Курманкулов Жолдасбек Курманкулович – главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, к.и.н. E-mail: kurmankulov@gmail.com

Лукпанова Яна Амангельдиевна – научный сотрудник, Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии. E-mail: yana_2004_75@mail.ru

Мамедов Аслан Маликович – директор, Актюбинская областная государственная инспекция по охране историко-культурного наследия. E-mail: mamedovaslan@mail.ru

Махорты Сергей Владимирович – ведущий научный сотрудник, Институт археологии НАН Украины, д.и.н. E-mail: makhortykh@yahoo.com

Миняев Сергей Степанович – старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, к.и.н. E-mail: ssmin@yandex.ru

Мурзин Вячеслав Юрьевич – профессор, Бердянский университет менеджмента и бизнеса (Украина), д.и.н. E-mail: vjmurzin@ukr.net

Мыльников Владимир Павлович – главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, д.и.н. E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Онгар Акан – директор, ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, к.и.н. E-mail: akan123@mail.ru

Омаров Гани Калиханулы – доцент, КазНУ им. Аль-Фараби, к.и.н. E-mail: gany_omarov@mail.ru

Подобед Вячеслав Анатольевич – старший научный сотрудник, Отдел охраны памятников археологии, областной краеведческий музей, г. Донецк (Украина). E-mail: archaeodon@front.ru

Сеитов Абай Мейрамович – научный сотрудник, лаборатория археологических исследований Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. E-mail: sajrim@mail.ru

Сейткалиев Мейрам Казиевич – заместитель директора по научной части, ТОО «Археологическая экспертиза». E-mail: m.sarmat@mail.ru

Тажекеев Азильхан Аuezханулы – руководитель, Научно-исследовательский центр «Археология и этнография», Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата, к.и.н. E-mail: azik8484@mail.ru

Толубаев Абдеш Ташкенович – директор, Институт археологии, этнологии и антропологии при КазНУ им. Аль-Фараби, д.и.н., проф. E-mail: toleubayev@mail.ru

Умиткалиев Улан Умиткалиевич – заведующий кафедрой археологии и этнологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, к.и.н. E-mail: uumitkaliev@bk.ru

Усачук Анатолий Николаевич – старший научный сотрудник, Отдел охраны памятников археологии, Областной краеведческий музей, г. Донецк (Украина), к.и.н. E-mail: dood@mail.ru

Хасенова Бахыт Мулдашевна – старший научный сотрудник, ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. E-mail: alicar@inbox.ru

Цимиданов Виталий Владиславович – ведущий научный сотрудник, Отдел охраны памятников археологии, Областной краеведческий музей, г. Донецк (Украина), к.и.н. E-mail: archaeodon@front.ru

Чотбаев Айдос – старший научный сотрудник, ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. E-mail: archtopmail@mail.ru

Шлайфер Виталий Григорьевич – основатель Музея истории оружия, генеральный директор, Научно-производственного общества «Диана-92» (Украина). E-mail: v-g1@ukr.net

Шульга Петр Иванович – старший научный сотрудник, Институт археологии и этнологии СО РАН, к.и.н. E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Яблонский Леонид Теодорович – заведующий отделом, Институт археологии РАН, д.и.н., профессор. E-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru

Ягодин Вадим Николаевич – главный научный сотрудник, Институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения АН РУз, д.и.н., профессор. E-mail: vadim.p.yagodin@gmail.com

Ярыгин Сергей Александрович – преподаватель кафедры тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Ph.d докторант. E-mail: kazak_serega@mail.ru





СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории
ВКО – Восточно-Казахстанская область
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ГБУК – Государственное бюджетное учреждение культуры
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА АН СССР (РАН) – Институт археологии АН СССР (РАН)
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИПС – исходное пластичное сырье
КазГАСА – Казахская государственная архитектурно-строительная академия
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИЦАИ – Международный институт центральноазиатских исследований
МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции
НГУ – Новосибирский государственный университет
ОД – органические добавки
ОК – одиночный курган
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ – Советская этнография
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ФИА в г. Астана – Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстана в городе Астана
ЧРАЭ – Чирикрабатская археологическая экспедиция
ЭО – Этнографическое обозрение



Научное издание
Всадники Великой степи

Научный редактор А. Онгар
Ответственный секретарь Б. Хасенова
Редактор А. Айдарбекова
Дизайн и верстка: А. Исмаилова

Книга рекомендована к изданию научно-координационным советом
филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК
в г. Астана

Рецензент У. Умиткалиев

Издание осуществлено по проекту
«Всадники Великой степи: традиции и новации»

Подписано в печать 19.02.2015 г.
Формат 70х100 1/16.

Бумага матовая, мелованная, 115 г.
Тираж 500.
Заказ № 9054.

Отпечатано с файла заказчика
в ТОО «Полиграфкомбинат», Республика Казахстан.
050002, г. Алматы, ул. М. Макатаева, 41.

